

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech Republic*);

R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti
(*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);

E. I. Kislova, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,

T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-
Major, T. Subotin-Golubović
(*Serbia*); A. Timberlake, W. Veder,
A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Р. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);

М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, М. М. Макарец,

Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,

Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 14

Nº 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

T. I. Afanasyeva, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS

E. I. Kislova, HSE University, Moscow

A. O. Burtseva, Russian State University for the
Humanities, Moscow

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the RAS,
Moscow

Managing Editors

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova,
L. M. Orlova-Gimon, M. N. Saenko

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, A. O. Zakharova, A. A. Troitskaya,
M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova

English Language Copy Editor, Proofreader

A. A. Andreev

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012) I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Т. И. Афанасьева, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва

А. О. Бурцева, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
Л. М. Орлова-Гимон, М. Н. Саенко

Технические редакторы

А. О. Бурцева, А. О. Захарова, А. А. Троицкая,
М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева,
Е. И. Кислова

Литературный редактор, корректор

(английский язык) А. А. Андреев

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012) И. Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 14. № 1. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. — 386 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
"Современное Естествознание" и "Лаборатории ненужных вещей".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2025

© Authors, 2025

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Статьи / Articles

- 7 Б. А. Успенский (Москва). *Хождение посолонь в истории Русской церкви*
B. A. Uspenskij (Moscow). *Walking on the Sun in the History of the Russian Church*
- 40 Н. В. Пак (С.-Петербург). *О методе работы Епифания Премудрого*
N. V. Pak (St. Petersburg). *How Epiphanius the Wise Wrote His Texts*
- 82 Л. В. Прокопенко (Москва). *Жития четых миней в разных переводах и редакциях и их использование в Прологе: Октябрь*
L. V. Prokopenko (Moscow). *Lives of Saints in the Slavonic Menaion-Readers in Different Translations and Redactions and Their Use in the Prologue: October*
- 120 Д. М. Буланин (С.-Петербург). *Левифан: Эскурс Гвидо де Колумна в русском переводе*
D. M. Bulanin (St. Petersburg). *Leviathan: The Digression by Guido de Columna translated in Russian*
- 143 А. Е. Тарасов (Москва). *Статьи Алфавитной Синтагмы на Руси в древнейший период (первая половина XV века)*
A. E. Tarasov (Moscow). *The Alphabetical Syntagma Articles in Rus' in the Early Period (First Half of the 15th Century)*
- 178 И. С. Пекунова (Москва). *Акцентуация *ě/i-глаголов в южноштокавской системе XV в.*
I. S. Pekunova (Moscow). *Accentuation of *ě/i-Verbs in the Fifteenth-Century South Shtokavian System*
- 198 Я. А. Пенкова (Москва, Казань). *Имамь, имѣю, имаю, иму: конструкции с глаголами с корнем им-//ем- в восточнославянской деловой письменности XV в.*
Ya. A. Penkova (Moscow, Kazan). *Imam', iměju, imaju, imu: Constructions with Verbs with the Root im-//em- in the 15th Century East Slavic Official Documents*
- 229 С. В. Князев, С. В. Дьяченко (Москва). *Южнорусская интонация: Восток — Запад*
S. V. Knyazev, S. V. Dyachenko (Moscow). *Southern Russian Intonation: East vs. West*
- 277 П. Лозовиук (Пльзень). *Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода*
P. Lozoviuk (Plzeň). *Ethnographic Studies of Slavic Problems in the Czech Lands of the War Period*

Заметки / Notes

- 300 А. Л. Лифшиц (Москва). *Юсуф-Ходжа и его братья: О родстве Афанасия Никитина*
A. L. Lifshits (Moscow). *Yusuf-Hajji and His Brothers: On the Kinship of Afanasy Nikitin*

Полемика / Discussions

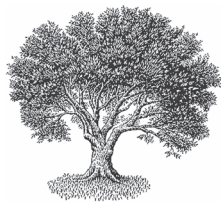
- 313 Г. Г. Бароян (Москва). *Как выглядел оригинальный комплекс сочинений Ивана Пересветова? К истории одной редакции*
 G. G. Baroian (Moscow). What Was the Composition of the Original Corpus of Ivan Peresvetov's Works? Tracing the History of One Modified Version

Публикации / Publications

- 342 А. А. Чабан, Д. А. Стрижкова (Москва). *«Забытый» рассказ Н. Берберовой: к творческой истории цикла «Биянкурские праздники»*
 A. A. Chaban, D. A. Strizhkova (Moscow). The "Forgotten" Novel by N. Berberova: On the Creative History of the Cycle *Billancourt Holidays*

Рецензии / Reviews

- 370 А. Ю. Соловьев, В. В. Филичева (С.-Петербург). *Из истории русских литературных институций*
 [Рец.: Институты литературы в Российской империи: коллективная монография. Сост., отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. Москва, 2023 (Монографии ВШЭ: Гуманитарные науки)]
 A. Yu. Soloviev, V. V. Filicheva (St. Petersburg). From the History of Russian Literary Institutions
 [Rev. of: Institutes of Literature in the Russian Empire: joint monograph. Comp., ed. by A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov. Moscow, 2023 (HSE Monographs: Humanities)]

Хожжение посолонь в истории Русской церкви

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Walking on the Sun in the History of the Russian Church

Boris A. Uspenskij

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

Особенностью древнерусского богослужения, сохраняющегося у старообрядцев, является сочетание движения посолонь, т. е. по солнцу (по часовой стрелке), и против солнца (против часовой стрелки), обусловленное организацией храмового пространства: в алтаре принято было ходить против солнца, тогда как вне алтаря, как правило, совершалось хождение по солнцу. Это отличается как от греческого богослужения, где круговое движение совершается против солнца, так и от латинского (католического) богослужения, где оно обычно совершается по солнцу. Направление движения при обхождении какого-либо объекта или пространства (циркумambuляции) вызывало к себе пристальное внимание, и в истории Церкви неоднократно возникали ожесточенные споры по этому вопросу: один из таких споров привел к беспрецедентному конфликту между главой Русской церкви и главой Русского государства, другой — к расколу Русской церкви. Что стоит за этими конфликтами? Почему древнерусский обряд отличается от греческого? Каким образом в русском обряде объединилось движение по солнцу и против солнца? Автор пытается ответить на эти и смежные вопросы.

Цитирование: Успенский Б. А. Хожжение посолонь в истории Русской церкви // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 7–39.

Citation: Uspenskij B. A. (2025) Walking on the Sun in the History of the Russian Church. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 7–39.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.01

Ключевые слова

древнерусское богослужение, греческое богослужение, направление кругового движения, ритуальное движение по часовой стрелке и против часовой стрелки, движение посолонь и против солнца, почитание солнца, раскол Русской церкви

Abstract

A peculiarity of the Old Russian divine service, preserved by the Old Believers, is a combination of sunwise (clockwise) and counter-sunwise (anti-clockwise) movement, conditioned by the organisation of the church space: in the altar space it was customary to walk against the sun (i.e. anti-clockwise), while outside this limited space, as a rule, one walked according to the sun (clockwise). This differs both from the Greek worship, where circular movement is performed anti-clockwise, and from the Latin (Catholic) worship, where it is usually performed clockwise. The direction of circular motion was considered to be very important, and in the history of the Church there have repeatedly arisen fierce disputes on this issue: one such dispute led to an unprecedented conflict between the head of the Russian Church and the head of the Russian state, another led to something even more serious: the schism in the Russian Church. What was behind these conflicts? Why was the Old Russian rite different from the Greek rite? Why was circular movement in opposite directions united in the Russian rite? The author tries to answer these and related questions.

Keywords

Old Russian church service, Greek church service, ritual circumambulation, walking clockwise and anti-clockwise, sunwise and counter-sunwise movement, worship of the sun, Old Believers

1. В русском языке, как в некоторых других славянских, движение по часовой стрелке именуется движением по солнцу; говорят: *хождение посолонь*, *посолонное хождение* и т. п. Причины этого понятны. В Северном полушарии тень от солнечных часов движется именно в таком направлении: слева направо по отношению к наблюдателю, обращенному к движущейся тени. Солнечные часы были предшественниками часов механических; часовая стрелка в механических часах повторяла движение тени. В Южном полушарии тень от солнечных часов движется в обратном направлении. Если бы механические часы были изобретены в Австралии, это, надо полагать, отразилось бы на направлении движения часовой стрелки.

Ассоциация движения по кругу с движением солнца нашла отражение как в языческих, так и в христианских обрядах. Языческий культ солнца был перенесен на Христа, который именуется «Солнцем Праведным», «Солнцем незаходящим», а также «Светом», «Востоком» и т. п. [Dölger 1925, *passim*; Успенский 2006: 239–246]. Эта ассоциация

обусловила особое отношение к такого рода обрядам в Русской церкви: направление кругового движения при обхождении какого-либо объекта или места (*циркумambuляции*) вызывало к себе пристальное внимание, и в истории Церкви неоднократно возникали ожесточенные споры по этому вопросу. Один из таких споров привел к беспрецедентному конфликту между главой Русской церкви (митрополитом Геронтием) и главой Русского государства (великим князем Иваном Васильевичем), другой — к расколу Русской церкви.

2. Особенностью древнерусского богослужения (до середины XVII в.), сохраняющегося у старообрядцев, является сочетание движения по солнцу и против солнца, обусловленное организацией храмового пространства: в алтаре принято было ходить против солнца, тогда как вне алтаря, как правило, совершалось хождение по солнцу¹. Это отличается как от латинского (католического) богослужения, где круговое движение совершается обычно по солнцу [Nußbaum 1996: 287–290; Успенский 2006: 160–161], так и от богослужения греческого, где оно совершается против солнца. В 1484 г. молдавский (Романова Торга) епископ Василий писал московскому митрополиту Геронтию (в связи со спорами о хождении посолонь, о которых будет сказано ниже, см. § 7):

Въ Гречѣмъ законѣ нищожно [ничто же не. — Б. У.] дѣйствѣтъ въ с[ва]той церкви по солнѣ, али, г[осподи]не, оусе по кадилѣ [так, как кадят престол в алтаре. — Б. У.], либо ос[ва]щенію [так, как освящают церковь. — Б. У.], а либо мало и клепалѣ [так, как обходят церковь с малым билом. — Б. У.], либо боуд[ь] которое дѣло, що ес[ть] оу с[ва]той церкви, оусе по кадилоу. А кто имѣтъ дѣйствовати по солнѣ оу Греческѣмъ законѣ, а тотѣ ес[ть] прокляв [sic!] ѿт перваго собора 318 с[ва]тыхъ б[о]гоносныхъ ѿт[е]щъ иж[е] в Никѣи. Оу насъ Латини тако творятъ, а ми мечѣмъ тог[о] дѣла, и всебл[а]гый Б[ог]ъ да насъ сподобитъ ѿдеснѣ себѣ стати въ д[е]нь страшный и бл[а]жнѣй гласъ оуслышати ради с[ва]тыхъ ти м[о]л[и]тъвѣ [Бычков 1882: 507–508]².

¹ Исключение представляет каждение аналоя с положенными на нем праздничной иконой (на утрени при пении полиелея) или же крестом и Евангелием (во время молебна): это каждение совершается у старообрядцев (как и у новообрядцев) против солнца, т. е. так же, как каждение престола в алтаре; несомненно, такой порядок был и в древнерусском богослужении. Следует полагать, что престол и аналой в этом случае ассоциируются друг с другом, объединяясь в самом процессе каждения (не случайно после каждения праздничной иконы священник идет в алтарь и кадит престол таким же образом, как он только что кадил икону); образно говоря, происходит экспансия алтарного пространства, которое распространяется в этом случае на середину храма (см. [Успенский 2006: 151], ср. [Ibid.: 355–356]). Так же — уже по аналогии с аналоем — совершается и каждение кануна во время панихиды.

² Обвинение в латинстве тех, кто совершает освящение церкви, обходя ее посолонь, повторяется в дошедшем до нас отрывке 1490-х гг., по-видимому,

Согласно этому свидетельству, хождение по солнцу воспринималось греками не просто как неправильное, но и как подлежащее церковному осуждению. Такое же отношение мы встретим у русских к хождению против солнца (вне алтаря). В обоих случаях тому или иному направлению кругового движения придавался вероисповедный смысл, и отклонение от него могло расцениваться как вероотступничество.

3. В середине XVII в. по инициативе царя Алексея Михайловича началась реформа русского богослужения, направленная на то, чтобы привести его в соответствие с греческим [Каптерев, II: 1–49]. Эту реформу начал патриарх Никон (в 1653 г.), но она продолжалась и после того, как он оставил патриарший престол (1658 г.). Хождение против солнца было предписано Большим московским собором 1666–1667 гг., в котором принимали участие греческие патриархи, Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Осуждая расхождение русского богослужения с греческим, патриархи говорили:

Провѣдѣхмъ и сіе, ѡкв в' вѣликѣю сѣбѣвтѣ, на стрени егда в'ходѣ бываеѣтъ, со с[ва]тою Плащаницею ѡ кр[е]стѣ Ц[е]ркве, подобнѣ и во ѡс[ва]щеніи Ц[е]ркве, в'ходѣ со с[ва]тыми мощми, ѡколо же Ц[е]ркве: не ходатѣ по ѡбычаю с[ва]тыя восточныя Ц[е]ркве на правѣ к' востокѣ [против солнца. — Б. У.]: Но ходатѣ на лѣво кѣ западѣ, мѣдрствѣюще, ѡкв по солнцѣ подобаеѣтъ ходити. И то несмыслено мѣдрствѣють: зане, не согласнѣ естѣ со прочими чины Ц[е]рковныи. Ибо егда хіротонисаетсѣ діаконѣ, или с[ва]щенникѣ, или Архієрей, во хіротоніи ѡбхожденіа с[ва]тыя трапезы со хіротонисаемымъ бывает не на лѣво по солнцѣ: но на деснѣ против солнца. Такожде и со с[ва]тымъ єваг[ге]ліємъ малый в'ходѣ и великій в'ходѣ со с[ва]тыми дарми, на правѣ против солнца: а не по солнцѣ. И чинѣ кажденіа во с[ва]томъ Олтарѣ ѡкрестѣ с[ва]тыя трапезы, и в' Ц[е]ркви подобнѣ бываеѣтъ. Чесѣ оубѣ ради творятѣ разнство, в'ходѣ со с[ва]тою плащаницею в' вѣликѣю сѣбѣвтѣ, и в'ходѣ со с[ва]тыми мощми, на ѡс[ва]щеніи Ц[е]ркве: и во с[ва]томъ Крещеніи: и вѣнчаніи. Каковое особное таинство в сихъ показѣють? Ёй, никакова: токмѣ сѣмѣдріе, и матеж, и расколѣ. Лѣпо бо естѣ во с[ва]той Церкве согласію быти, нежели расколѣ: Подобаеѣтъ ѣбѣ ѡкоже естѣ чинѣ в'ходѣ со с[ва]тымъ єваг[ге]ліємъ, и со с[ва]тыми дарми, и во хіротоніи діаконства, ієрейства, и Архієрейства. Такожде и вхѡдѣ со с[ва]тою плащаницею, и во ѡс[ва]щеніи Ц[е]ркве со с[ва]тыми мощми, и во

южнославянского происхождения: «Пѡд[о]баеѣтъ вѣдати и се, ѡко внегда обходат ц[е]рк[о]вь мирѡсающе [sic!] Зж[ды]: Да и не идѣтъ ѡпако, ѡкож[е] латине еретици обраѣаютьсѣ: Но сиде под[о]баеѣтъ, ѡкож[е] сѣ с[ва]тыми дары одеснѣю ити [т. е. надлежит действовать в соответствии с тем, как вносятся св. Дары во время Великого входа на литургии — против солнца. — Б. У.]: Аще ли кто ѡ с[ва]щенник начнет инако м[ѣ]дрствѡвати, ѡкож[е] еретици фряси, Анафема такового, и послѣшающаго его, ѡко единомысленици с ними ѡсѣдѣтсѣ» [Седельников 1932: 42]. Нарушающие данное правило, как указывается в этом сочинении, подлежат анафеме.

с[ва]томъ Кр[е]щеніи, и вѣнчаніи быти (Деяния собора 1666–1667 гг., 1881, л. 12–12об. То же: Служебник, 1667, л. 10–10об. второй фолиации).

Патриархи ссылаются на то, что хождение посолонь не согласно ни с практикой «святой восточной Церкви», ни «со прочими чины Церковными» в самой Русской Церкви, т. е. расходится как с греческими, так и с русскими обрядами, а именно, с действиями в алтаре, где русские, также как и греки, ходят против солнца: русские, как и греки, кадят престол против солнца, и так же они обходят его при хиротонии диакона, священника или архиерея³; так же, против солнца, действуют во время Малого и Великого входа (где процессия начинается и заканчивается в алтаре). Различие в обрядах, по мысли патриархов, приводит к расколу, и они заключают:

Да престанеть сѣмѣдреныхъ, и расколникѡвъ безъчинное предаіе, и да бѣдетъ согласіе со с[ва]тою восточною Ц[е]рковію: и со самыми прочими Ц[е]рковными чины, вышписанными (Деяния собора 1666–1667 гг., 1881, л. 12об.; Служебник, 1667, л. 10об.).

Несоответствие церковных обрядов, утверждаетсѧ здесь, является причиной раскола: чтобы избежать раскола, сходные между собой действия должны подчиняться единому принципу. При этом естественно ориентироваться именно на обряды, совершаемые в алтаре, поскольку алтарь представляет собой особо выделенное сакральное пространство, где действия строго регламентированы и не вызывают каких-либо разногласий: в русском и греческом обряде действия в алтаре принципиально не отличаются.

Решения собора были дословно воспроизведены в Служебнике 1667 г. и затем повторены в Служебнике 1668 г. Старообрядцы не приняли этих нововведений: они не признавали венчания и крещения, совершенные с обхождением аналоя или купели против солнца, и отказывались ходить в церкви, освященные таким образом⁴ [Успенский 2006:

³ В настоящее время в Русской православной церкви (новообрядческой) обвождение вокруг престола совершается при рукоположении диакона и священника, но не совершается при поставлении епископа. Обвождение вокруг престола было исключено из чина поставления епископа при патриархе Иоакиме; этот обычай сохраняется у старообрядцев (так же, как и в греческой церкви). См.: [Неселовский 1906: 321, 327–328; Успенский 2006: 359–360].

⁴ Ср. протесты против этих нововведений в челобитных протопопа Лазаря царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу II, 1668 г. [Субботин, IV: 245–246, 276], а также в Житии протопопа Аввакума — в редакции «А», датированной 1673 г. (РИБ, XXXIX, стлб. 66). См. также: [Симеон Денисов 1906, л. 7; Керженские ответы 1906: 86, 107–108, 255–256 (ответ 4, ст. 25, 84; ответы 109–110); Поморские ответы 1884: 201–203 (ответ 8, ст. 32); Бровкович, II: 171, 172, 224, 230, 253, 280, 285, 320; Доп. АИ, XII: 257, № 17 (Дружинин 1889: 184)].

122–123, 160, примеч. 2]. Протопоп Аввакум предлагал перекрещивать младенцев, которых обводили вокруг купели против солнца; крещенные по новому обряду трактовались, таким образом, как еретики, которых надлежало принимать 1-м чином⁵ [Памятники... 2000: 326; ср. также: Платон Левшин 1765, л. 68об.–70]. Сходным образом Даниил Викулин и Андрей Денисов, киновиархи Выговского общежития, учили в 1690-е гг. о венчании, совершенном по новому обряду: «В тайне венчания древле и церквоосвящения ходили посолонь, а ныне против солнца венчают и со кресты ходят и благословляют. Того ради не подобает имети его [брак, совершенный в новообрядческой церкви. — Б. У.] за истинный брак, и которые венчаются, подобает тем расторгнутися и не совокуплятися...» [Яковлев 1888: 27].

Такое же отношение было у новообрядцев к хождению посолонь. В начале XVIII в. было составлено подложное деяние собора на еретика Мартина, якобы имевшего место в Киеве в 1157 г.: наряду с двуперстием и другими признаками старого (дониконовского) обряда, хождение посолонь при венчании, крещении и хиротонии обличалось здесь как армянская ересь ([Соборное деяние 1718, л. 2, 6]; ср. возражения старообрядцев: [Поморские ответы 1884: 203 (ответ 8, ст. 32)], см.: [Успенский 2006: 162–163, примеч. 4].

4. Реформа Большого московского собора 1666–1667 гг., исключавшая хождение посолонь из русского обряда, была проведена непоследовательно. Вопреки определению собора и соответствующим указаниям служебников, хождение посолонь до сих пор наблюдается в Русской новообрядческой церкви: речь идет о каждении предалтарной части храма — церкви (наоса) и притвора⁶.

Собор 1666–1667 гг., говоря о хождении против солнца, предписал: «И чинъ кажденїа во сватомъ Олтарѣ укрестъ сватыа трапезы, и в' Церкви подобнѣ бываетъ», и это предписание повторяется затем в Служебниках 1667 и 1668 г.; в соответствии с этим определением, каждение церкви (наоса) должно совершаться так же, как совершается каждение

⁵ Согласно Первому правилу св. Василия Великого, присоединение к церкви первым чином (через перекрещивание) должно совершаться в отношении еретиков, которые «крещены не в то, что нам предано» [Правила святых отец 1884: 151–152] и извращают таинство крещения [Булгаков 1913: 1011].

⁶ В древнерусском языке слово *церковь* выступало как обозначение наоса, т. е. основной предалтарной части храма. Так, Арсений Суханов в «Проскinitарии» противопоставляет *церковь* (где находятся молящиеся прихожане) и *алтарь* (см. изд.: [Larin 2010: 96, 106, §§ 87, 90, 91, 149]). Такое словоупотребление прослеживается и позднее, ср.: «православный храм разделяется на три части: алтарь (βήμα, ἱερατεῖον), собственно церковь (ναός) или храм, и притвор с папертью...» [Никольский 1907: 3].

престола в алтаре, т. е. против солнца. Тем не менее в Русской (новообрядческой) церкви каждение предалтарной части храма по сей день совершается посолонь⁷. Таким образом, практика хождения против солнца, предписанная соборным решением, в полной мере не закрепились у русских: традиция хождения посолонь оказалась очень устойчивой.

Отметим, что каждение предалтарной части храма в современной (новообрядческой) Русской церкви отличается от того, как это делают старообрядцы-поповцы. В обоих случаях каждение начинается с алтаря, где священнослужитель (священник или дьякон) кадит престол, обходя его против солнца. Затем он выходит на солею (северными алтарными дверями), доходит до царских дверей и кадит сначала правую (южную), а затем левую (северную) часть иконостаса, а после этого и оба лика — сначала правый и затем левый. Далее в новообрядческой церкви священнослужитель обходит храм посолонь: он идет вдоль правой (южной) стены на запад, затем вдоль западной стены на север; дойдя до красных ворот, ведущих из церкви (наоса) в притвор, он выходит в притвор и обходит его, двигаясь в том же направлении (посолонь); вернувшись в церковь (наос), он идет сначала вдоль западной стены на север, затем вдоль северной стены на восток и в конце концов возвращается к алтарю [Гаслов, Кашкин 2009: 20, 27–28 (рис. 37–45)]. У старообрядцев же после выхода из алтаря и каждения иконостаса и обоих ликов священнослужитель совершает не одно, а два обхождения храма, каждый раз двигаясь при этом по солнцу, от южной стены к северной: обхождение храма начинается у южной стены, затем священнослужитель переходит по центру церкви к северной стене и возвращается на южную сторону; затем он вновь идет на северную сторону и оттуда направляется к притвору; выйдя в притвор, он обходит его посолонь (начиная с южной стороны), входит в церковь (наос), приходит к северной стене, идет вдоль нее на восток и возвращается к алтарю. Таким образом, старообрядческий священнослужитель во время каждения храма последовательно совершает движение от правой (южной) стороны церкви к левой (северной), повторяя тот порядок, который начинается при каждении иконостаса. Движение посолонь при этом более наглядно представлено в новообрядческом богослужении.

⁷ В русской православной (новообрядческой) церкви каждение церкви (наоса) совершается в следующих случаях: в начале вечерни во время пения 103-го псалма, на вечерне при пении стихир на *Господи воззвах*, в начале утрени во время чтения двупсалмия (псалмов 19 и 20), предваряющего шестопсалмие, на утрени при совершении полиелея, в конце утрени на 9-й песне канона, на литургии после проскомидийного отпуста, а также на утрени Великой пятницы перед первым и последним Евангелием (см.: [Иоанн Маслов 2011 (глава *Каждение*); Никольский 1907: 84–88, 179, 194, 241, 267, 281, 310, 611]).

Относительно времени каждения храма в древних греческих храмах см.: [Мансветов 1895: 198 сл., 208–209; Петровский 1906: 669].

Каким образом появилось это различие между старым и новым обрядом, нам, к сожалению, неизвестно. Трудно предположить, что движение посолонь при обхождении храма, столь явно представленное у новообрядцев, появилось после раскола, когда соборными решениями введено было движение против солнца; скорее всего, это остаток прежнего обряда, который у старообрядцев представлен в усложненном виде⁸.

Как видим, хотя интересующие нас указания Большого московского собора, относящиеся к круговому движению, были обусловлены стремлением уподобить русский обряд греческому, стремление это осуществилось лишь отчасти, не в полной мере: русские продолжали ходить посолонь (хотя и с существенными ограничениями), притом что им было предписано ходить против солнца. Так же как и раньше, современный русский церковный обряд совмещает круговое движение в обоих направлениях — против солнца и по солнцу, — но, в отличие от старого обряда, противопоставление движения в том или ином направлении потеряло отчетливую связь с организацией храмового пространства: оно перестало быть последовательно связанным с противопоставлением алтарной и внеалтарной части храма (см. выше, § 2).

Как объяснить эту непоследовательность в реализации решений Большого московского собора? По всей видимости, каждение церкви у греков ко времени никоновских и послениконовских реформ в значительной степени вышло из употребления. В настоящее время в греческих храмах кадятся жертвенник, престол, алтарь и народ (с царских врат), каждение же всего храма оставлено [Печатнов 2008: 89]. По указанию Симеона Солунского, в начале XV в. каждение церкви уже совершалось в греческих храмах не повсеместно и носило исключительный характер; одним из таких исключений была солунская архиепископия. Говоря о каждении в начале литургии (после проскомидийного отпуста), он замечает: «Некоторые, как мы знаем, кадят и весь храм, и народ, на что указывает и святой Дионисий, когда говорит, что пред литургиею совершается каждение по всему храму, начинаясь от жертвенника (престола) и возвращаясь опять к жертвеннику...». И далее он говорит о каждении во время Малого входа: «Каждение в начале священнодействия не только внутри (алтаря), но и вне (в храме), можно видеть совершаемым и в великой фессалоникийской церкви» [Симеон Солунский 1856: 132]⁹.

⁸ Донионовские богослужебные книги, поскольку мы знаем, не дают никаких указаний на этот счет. См., в частности: Устав 1428 г. (РГБ, ф. 256/Рум., № 445, л. 17об.–18); Устав, 1633, л. 26об.–27; Устав, 1641, л. 30об.–32об. Ср. также: Устав, 1682, л. 46об.–47.

⁹ Обычай кадить храм во время Малого входа в Русской церкви неизвестен. Ср. описание каждения храма в кафедральном соборе в Фессалониках (со ссылкой

Каждение храма, принятое в древнем греческом обряде, сохраняется у русских, но в отличие от греческого чинопоследования, где оно совершалось против солнца (с севера на запад и затем с запада на юг)¹⁰, у русских оно совершается — как в новом, так и в старом обряде — по солнцу (с юга на запад и затем с запада на север). Ревнители нового порядка могли не обратить внимание на направление движения в этом обряде именно потому, что в современной греческой церкви оно почти не практиковалось. Мы видели, что указания Собора 1666–1667 гг. и служебников 1667–1668 гг. не содержат обобщенных формулировок, предписывающих при совершении кругового движения всегда ходить против солнца или запрещения ходить по солнцу (такого рода общие формулировки не приняты вообще в уставных регламентациях): здесь перечисляются конкретные обряды и в каждом случае сообщается, что при совершении соответствующего обряда надлежит ходить против солнца. Сравнивая русское чинопоследование с греческим, русские реформаторы отчетливо видели отличия первого от второго: они обращали внимание на несовпадение русского обряда с греческим в тех случаях, когда эти обряды совершались различным образом. В тех же случаях, когда русские делали что-то, чего сами греки не делали, они могли не обращать внимания на конкретные детали совершения обряда.

5. Как и когда появилось хождение посолонь в Русской церкви? Русское богослужение пришло к нам из Византии, и любые отличия русского церковного чина от греческого нуждаются в объяснении. При отсутствии сходных явлений у греков и других народов, с которыми русские были в церковном общении, движение посолонь должно рассматриваться, по-видимому, как продукт русского литургического творчества.

на [Успенский: 2006: 210–211, примеч. 121]; информация получена от Павла Политиса, бывшего дьякона этого собора).

¹⁰ Приведем указания древних греческих уставов. В «Уставе Божественного священнодействия» (XII–XIII в.) говорится: «И поет диакон *Помилуй Боже*, кадит святое предложение, святую трапезу и святилище все. Также же и храм весь, начиная с северных страны его» [Τρεπτεῖλας 1997: 5; Печатнов 2008: 89]. Такое же указание содержится и в уставе литургии Гос. Исторического музея Син. 285 (381), написанном, судя по именам в диптихе, при патриархе Афанасии (1289–1311 гг.) [Красносельцев 1889: 22; Печатнов 2008: 89, примеч. 2]. По уставу Афанасия Афонского, в начале пасхальной утрени (имеется в виду храм Благовещения афонской Великой Лавры) священник кадит прежде всего алтарь и, вышедши из него, проходит северною стороною храма чрез придел 40 святых (северный придел храма); дойдя до царских дверей (ведущих из церкви в притвор), он кадит находящуюся в притворе братию и отсюда возвращается в алтарь южною стороною чрез правый придел [Дмитриевский, I: 246, ср. с. 225; Петровский 1906: 669]. Ср. подробное описание каждения храма на Афоне в наши дни: [Святогорский устав 2002: 39 (ч. I, гл. 1, примеч. 61)]. — Относительно выражения *царские двери* см. ниже, примеч. 22.

Когда же оно появилось? Древние источники не дают ответа на этот вопрос, и мы вынуждены исходить из гипотетических объяснений.

Полагаем, что хождение по солнцу в церковном обряде восходит к началу христианизации Руси. Судя по всему, это результат приспособления (адаптации) греческого богослужения к местным народным обычаям. Дохристианские традиции оказались в данном случае настолько устойчивыми, что церковь, видимо, должна была принять их во внимание.

Как у славян, так и у греков (не говоря о других народах) движение по кругу посолонь и против солнца ассоциировалось с противопоставлением живых и мертвых, посюстороннего и потустороннего (загробного) мира. Соответственно, в обрядах, направленных на благосостояние, процветание и т. п., предполагалось движение посолонь¹¹, тогда как в обрядах хтонического происхождения, в частности, в погребальных и поминальных обрядах — движение в обратном направлении. Именно отсюда, по убедительному предположению А. В. Подосинова, объясняется хождение против солнца в алтаре. В православном богословии престол олицетворяет собой гроб Господень¹²; одновременно он представляет собой гробницу, в которой находятся мощи мучеников за веру Христову: исповедническая смерть мучеников за веру мистически соединяется на литургии с искупительной жертвой Христа [Симеон Солунский 1856: 175]. Согласно древнейшим толкованиям литургии), перенесение даров с жертвенника на престол символизировало похороны Христа¹³; отголоски такого понимания и по сей день прослеживаются в православном богослужении¹⁴. Можно предположить, что обхождение престола первоначально имело поминальный характер и поэтому осуществлялось вокруг солнца [Подосинов 2004: 54]¹⁵.

¹¹ Существенно при этом, что при обхождении какого-либо предмета посолонь мы оказываемся повернутыми к нему правой, благоприятной стороной; напротив, при обхождении против солнца мы повернуты к тому, что обходим, левой стороной.

¹² В «Церковной истории» св. Германа, патриарха Константинопольского (715–730), говорится: «Святая трапеза соответствует месту гроба, где положили Христа» [Герман Константинопольский 1995: 43, § 4, ср. с. 71, § 37]. См. также в этой связи: [Симеон Солунский 1856: 135, 153, 156, 164, 175, 185].

¹³ Так уже у Феодора, епископа Мопсуестийского (ок. 350–428), — современника и друга Иоанна Златоуста. См. в этой связи: [Taft 2004: 35–38, 217].

¹⁴ См. ниже (примеч. 40) о пении тропаря «Благообразный Иосиф...» на Великом входе. В «Церковной истории» св. Германа Константинопольского говорится, что Херувимская песнь, которая поется во время Великого Входа, «изображает погребение Христа, когда св. Иосиф [Аримафейский], вместе с Никодимом, сняв с креста Тело, обвил его чистой плащаницей и, помазав ароматами и миром, взял его и схоронил в новом гробе, высеченном из камня» [Герман Константинопольский 1995: 71, § 37].

¹⁵ Ср. в «Сказании о порядке освящения храмов» 1479–1489 гг.: «Аще же и преставится кто, тако же [против солнца. — Б. У.] кадяще около его, а не

Алтарь — главная часть храма, и хождение против солнца в алтаре в свое время естественным образом распространилось у греков на все богослужение¹⁶. Поэтому в греческих храмах хождение по кругу во всех случаях — как в алтаре, так и вне его — совершается против солнца. В таком виде этот порядок пришел на Русь, но здесь, можно думать, движение против солнца вне алтаря вызвало противодействие. В отличие от греков, где церковный обряд складывался постепенно, в процессе литургической эволюции, русские получили его сразу, как бы в готовом виде. Новообращенные христиане столкнулись с тем, что обряды жизненного цикла, такие как крещение или венчание, в храме совершаются так, как принято было совершать обряды поминальные или погребальные. Нетрудно предположить, что такая практика должна было вызвать отрицательную реакцию¹⁷: скорее всего, люди уклонялись от совершения подобных обрядов и, возможно, вообще от посещения храма¹⁸. Церковь, исходя из принципа икономии, по-видимому, вынуждена была пойти на уступки и допустить в соответствующих обрядах посольное хождение¹⁹.

посольно...» [Клосс, Назаров 1997: 387]; мы говорим об этом сочинении ниже (в § 8). Так же — против солнца — совершается и каждение кануна во время панихиды.

¹⁶ Мы видели, что Большой московский собор 1666–1667 гг. осудил тех, кто ходит при обхождении храма, купели (при крещении) или аналоя (при венчании) по солнцу («не ходить по обычаю святых восточных Церкви на право к' востоку, но ходить на лѣво к' западу, мудрствующе, яко по солнцу подобает ходити»), ссылаясь прежде всего именно на то, как принято обходить престол («святую трапезу») в алтаре.

¹⁷ Такого рода восприятие было, по-видимому, очень устойчивым: еще Иван III считал, что хождение против солнца в неурочном месте вызывает гнев Божий (см. ниже, § 7).

¹⁸ Повесть временных лет, рассказывая (под 988 г.) о крещении Руси и о том, как Владимир отбирал «у нарочитых чад» детей «на учение книжное», формируя таким образом христианскую общину, говорит, что матери этих детей оплакивали их как покойников: «Матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не баху сѧ оутвердили вѣроу, но акы по мертвеци плакахсѧ» [ПСРЛ, I/1: стлб. 119]. Еще в конце XI в. возникает вопрос, должны ли простые люди венчаться в церкви: венчание воспринимается как обряд, свойственный только высшим или просвещенным слоям общества (РИБ, VI, стлб. 18).

¹⁹ Нечто подобное имело место в России после никоновских и послениконовских реформ. В петровское время провинциальное духовенство, уступая требованиям прихожан, совершали крещение и венчание, обходя купель или аналой по солнцу, вопреки новому обряду; в отличие от Древней Руси, это расценивалось как преступление. Ср. донос на томское духовенство, поданный в 1723 г. Антонию, митрополиту тобольскому и сибирскому: «...священники, когда при венчании свадеб поется 'Исаие ликуй', водят жениха и невесту по-раскольниковски, по солнцу, а не так, яко надлежит»; они же, когда крестят младенцев, «кума и куму водят так же по солнцу, а не так, яко надлежит» [Беликов 1905: 14]. До раскола тропарь «Исаие ликуй» при венчании не пели; таким образом, речь идет здесь о новом (новообрядческом) обряде венчания, но совершался он с хождением посольно. В 1772 г. Тихон Задонский разрешил в двух станицах Области Войска

Итак, кажется вероятным, что русские изначально не следовали предписаниям греческих уставов, заменяя хождение против солнца (вне алтаря) на хождение посолонь.

Это отклонение от греческого обряда касалось прежде всего наоса (*церкви*), где находились миряне, и не относилось к алтарю, где, напротив, хождение против солнца представлялось закономерным. В результате в русских храмах возникает отчетливое противопоставление алтарного и внеалтарного пространства, которое может осмысляться как противопоставление небесного и земного, Божественного и человеческого.

Это противопоставление находит отражение в противоположной ориентации этих двух пространств: правая сторона в алтаре соответствовала левой вне алтаря, и наоборот [см. подробнее: Успенский 2006: 135–149]²⁰. Если в алтарном пространстве «правое» и «левое» были соотнесены с точкой зрения того, кто находится в алтаре и обращен к молящимся прихожанам (это может быть, например, точка зрения епископа, восседающего на горнем месте, или же самого Господа, которого олицетворяет епископ), то в остальной части храма, напротив, «правое» и «левое» определялось точкой зрения молящихся, обращенных к алтарю (иначе говоря, к иконостасу). Так, обычные в служебниках указания священнослужителю стать с правой или с левой стороны в тот или иной момент богослужения получают разный смысл в зависимости от того, где в это время находится священнослужитель: в алтаре или же в наосе или притворе. «...Всегда правая страна в церкви бѣаше и есть честнѣйша и достойнѣйша, яко в'ходящимъ въ церковь [т. е. смотрящим на восток], тако и у олтаря стоящему и обращающемуся епископу на церковь к' людемъ [т. е. смотрящему на запад]» (Книга о вере 1648, л. 171об.)²¹.

Донского освятить церковь, крестить младенцев и венчать браки «с хождением по солнцу» [Жмакин 1900: 991].

²⁰ Характерным образом у старообрядцев иконе Спасителя в местном ряду иконостаса соответствует икона Богородицы на внутренней стороне алтаря, представляющей собой обратную сторону иконостаса; и напротив, иконе Богородицы на внешней стороне алтаря соответствует икона Спасителя внутри алтаря. В обоих случаях икона Спасителя находится справа, а икона Богородицы слева, однако противопоставление правого и левого в одном случае предполагает внешнюю по отношению к алтарю ориентацию (точка зрения молящихся, стоящих в храме вне алтаря и обращенных к алтарю), в другом случае — ориентацию внутреннюю (точка зрения из алтаря, обращенная к молящимся). О том, что на внутренней стороне алтаря в свое время находились иконы, в частности, икона Богородицы, см.: [Мансветов 1895: 330–331].

²¹ Иначе обстоит дело у греков, где определение правого и левого в храме последовательно ориентировано на позицию наблюдателя, обращенного лицом к востоку. Так было и в древности: в Студийско-Алексиевском уставе (см. о нем ниже, § 6), «десной» стороной алтаря именуется южная его сторона, т. е. правая с точки зрения того, кто смотрит на восток (ср.: «...по се» ѿходитъ къ деснѣи сторонѣ

6. Так объясняется, по-видимому, появление и распространение хождения посолонь в древнерусском богослужении. Надо полагать, вместе с тем, что в древнейший период на Руси в каких-то случаях могло совершаться и богослужение по греческому обряду с хождением против солнца. Русские епархии до середины XV в. за единичными исключениями управлялись митрополитами-греками, греками были первые епископы Киевской митрополии, и в этом окружении, очевидно, должен был соблюдаться греческий порядок богослужения. Можно предположить, таким образом, что на определенном этапе в кафедральных соборах богослужение совершалось по греческому обряду, против солнца, притом что в приходских церквях вне алтаря священнослужители ходили посолонь.

Так же, скорее всего, обстояло дело и в главных монастырях. В середине XI в. (между 1065 и 1074 гг.) по заказу Феодосия Печерского для Киево-Печерского монастыря был переведен Студийский устав в редакции патриарха Алексия Студита (1025–1043), бывшего игумена Студийского монастыря (устав был создан патриархом Алексием для основанного им в 1034 г. в окрестностях Константинополя Успенского монастыря). В нем описывается каждение храма на утрени:

[выйдя из алтаря,] вѣслѣдоукъ же по^п пѣрвѣѣ ѿ сѣверныха страны начыне^т кадити иконы же и чистыа стѣны цр^квныа, по кдинои кокиждо и стѣлпы, кр^сты твора. Югдаже къ цр^ккымъ приде^т двѣрьмъ, къ западоу възвѣрѣвъ покади^т кр^стъмъ кдиноу. и братиа оубо поклонать^с до земла. [...]. А по^п цр^квными двѣрьми ишь^а, пѣрвоу покади^т стоащаа прамо сѣвернѣи части вѣса [...]. по семь иже на 8жнѣи сторонѣ. пока^жвъ, приде^т паки къ цр^ккымъ двере^м. и къ олтареву зра покади^т кр^стъмъ [...] идетъ оубо самъ къ вѣходуу въ цр^квъ, вѣслѣдоукъ же и прочии мни^с [...]. Онъ^ж оужноую страну вѣсю цр^квную пока^д, и в вѣноутрь олтаря вѣлѣзъ стоить прѣдъ ст ою трапезою... [Пентковский 2001: 398 (ГИМ Син. 330, л. 247об. — 248); ср.: Мансветов 1895: 163].

Согласно этому уставу, каждение церкви (наоса) начинается с северной ее стороны: выйдя из алтаря, священник идет вдоль северной стены, кадя как иконы (каждую отдельно), так и сами стены, включая также столпы, встречающиеся на его пути. Он доходит до «цесарских дверей», т. е. западных центральных дверей, ведущих из церкви (наоса) в притвор²²; очевидно, что перед этим он повернул на юг. Дойдя до этих

стѣна трапезы. сирѣ^ч на оужноую сторону» [Пентковский 2001: 409, ср. с. 410–411; ГИМ Син. 330, л. 263, 265, 265об.]). У русских до раскола эта сторона престола считалась ранее левой; патриарх Никон упразднил двойную ориентацию в русских храмах, и в новом русском обряде определение правого и левого не отличается от греческого.

²² *Цесарскими* (или затем *царскими*) дверями в древнейший период именовались центральные церковные двери (ведущие из церкви в притвор), *святыми дверцами* — центральные алтарные двери (которые сейчас называют *царскими*).

дверей, т. е. до входа в церковь (наос), священник останавливается и, смотря на запад, кадит братию, находящуюся вне церкви; священник при этом, по-видимому, стоит в самих дверях. Затем священник выходит «церковными» (по-видимому, боковыми) дверями в притвор и обходит его кругом, от северной стороны к южной, пока не придет вновь к царским дверям. Войдя в церковь (наос), священник кадит южную сторону, подобно тому, как перед тем кадил северную, и, наконец, проходит в алтарь, совершив таким образом полный круг²³.

Как видим, обхождение храма производится при этом против солнца, от северной стены к южной. Нет никакого сомнения, что именно такой порядок был принят в Киево-Печерском монастыре. Студийско-Алексиевский устав затем распространился на Руси, но мы не знаем, в какой мере здесь продолжало соблюдаться это указание.

Так в рамках одной церкви сосуществовали два обряда: греческий и русский (народный). В какой-то мере сходная ситуация имела место затем в России после никоновских реформ. В 1656 г. собор Русской церкви наложил клятвы на двуперстное крестное знамение, объявив его еретическим, а именно арианским и несторианским²⁴; тем самым

С конца XIV — начала XV в. *царскими* дверями в русских храмах называются центральные алтарные двери, т. е. наименование *царские двери* было перенесено со входа в церковь (наос) на вход в алтарь [Успенский 1998: 144–150]. В свою очередь двери, ведущие из церкви в притвор, стали называть *красными*; они могут называться также *церковными великими* вратами [Никольский 1907: 27–28].

²³ Такой порядок был предусмотрен для периода от Пасхи до Воздвижения. В прочее время, когда световой день становился короче, он несколько упрощался: духовенство собиралось в самой церкви (наосе) и каждение притвора не производилось. Каждение церкви совершалось таким же образом: от северной стены к царским дверям, и от царских дверей к южной стене. См.: [Пентковский 2001: 399, ср. с. 397 (ГИМ Син. 330, л. 248об. — 249, ср. л. 246–246об.); Мансветов 1895: 163].

²⁴ Это был первый случай, когда проклятию предавался обряд как таковой, а не выражаемое им содержание. В постановлении Собора 1656 г. говорилось о двуперстии: «[...] Еже два малыя последняя соединити с великим пальцем, имиже неравенство Святыя Троицы показуется, и есть арианство. И еже к тому два великосредняя простерты имети, и посему два Сына и два состава о едином Христе Бозе исповедовати, яко Несторию [...]: сия всячески отринуты повелехом изрекше правило о сем сице: аще кто отселе ведый не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле Святая Восточная Церковь прияла есть, и якоже ныне четыре Вселенстии Патриарси со всеми сущими под ними христианы повсюду Вселенныя обретающимися имеют; и якоже zde прежде православныи содержаша [...], еже трема первыма великими персты десныя руки изображати во образ Святыя и единосущныя и нераздельныя и равнопоклоняемые Троицы, но имать творити сие неприятное Церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в ниже неравенство Святыя Троицы извещается, и два великосредняя простерта суща, в них же заключати два Сына и два состава, по несторию ереси [...] сего имамы [...] всячески отлучена от Церкви [...] проклинаем [...]. И к сему настоящему правилу [...] и руки своя подписуем [следуют подписи членов собора и дата]» [Никон 2004: 96–97]. Это правило, так же как и список подписавших решения собора, известны по сочинению Никона «Слово отвещательное...»,

крестящиеся двумя перстами подлежали отлучению от церкви. Эти клятвы были подтверждены затем на Большом московском соборе 1666–1667 гг., где двуперстие было предано проклятию наряду с другими старыми обрядами; клятвенное отлучение не покорившихся решению собора не разрешалось с их смертью и обрекало их на вечные муки²⁵. Тем не менее, как рассказывал автору этих строк Б. В. Шергин, значительная, может быть даже преобладающая часть населения Русского Севера, принадлежащего к господствующей (новообрядческой) церкви, еще в XX в. продолжала креститься двумя перстами. Это свидетельство подтверждается воспоминаниями Н. И. Ивановского, известного исследователя старообрядчества (как и Б. В. Шергин, он был уроженцем Русского Севера): «Жизнь народная, не исключая и рядового приходского духовенства, продолжала, насколько это было возможно, идти по прежней колее. В церквях вводились исправленные чины, но в домашнем обиходе и в частных молитвословиях продолжали держаться старины. Особенно крепко охранялось двуперстие. Запреты собора как-то мало действовали. [...] Старые люди, которых мы еще помним, вполне православные, в домашнем быту были истыми старообрядцами: молились двуперстно, читали символ с словом „истиннаго“, сугубили аллилуиа, полагали известный „начал“ и творили положенные поклоны не дома только, но и в церкви. Не толковали они при этом ни о каких бывших соборных клятвенных запретах; довольны были, если не считали их за это раскольниками» [Ивановский 1910: стлб. 317–318]. В 1800 г. в России было учреждено единоверие, допускающее

помещенном в части тиража в книге «Скрижаль» (уже после выхода этой книги; см.: Скрижаль, 1655, приложение). См.: [Макарий Булгаков, VII: 105–106; Ивановский 1910: стлб. 305–306; Зернова 1958: 82, № 266].

Собор начался 23 апреля 1656 г.; его постановления были подписаны только 2 июня 1656 г. Столь долгий срок объясняется тем, что некоторые члены собора отказались поставить свою подпись; вместо них были назначены другие, подписи которых и приведены в «Слове отвещательном...» [Зернова 1958: 82].

²⁵ Ср. «Аще ли же кто, не послѣдуетъ повелѣваемыхъ ѿ насъ и не покорится с[ва]той восточной ц[ерк]ви и сему вс[ва]щенному собору, или начнетъ прекословити и противлѣтисѣ намъ; и мы таковогѣ противника, данною намъ властію ѿт всес[ва]тагѣ, и животворѣщагѣ Д[с]ха, аще ли бѣдетъ ѿ вс[ва]щеннагѣ чина, извергаемъ и ѡбнажаемъ егѣ всакогѣ с[ва]щеннодѣйствіа, и проклѣтію предаемъ. Аще же ѿ мірскагѣ чина (бѣдетъ), ѿтлѣчаемъ и чѣжда сотворяемъ, ѿ Ѡ[т]ца, и С[ы]на, и с[ва]тагѣ Д[с]ха: и проклѣтію, и анаѣмъ предаемъ, іакѣ еретіка, и непокорника: и ѿ православнагѣ всесочлененіа, и стада: и ѿ Ц[ерк]ве божіа ѡсекаемъ, дондеже оуразѣмится и возвратитсѣ в' правдѣ покааніемъ. А кто не оуразѣмится, и не возвратитсѣ в' правдѣ покааніемъ, и пребѣдетъ во оуправствѣ своемъ до скончаніа своегѣ: да бѣдетъ и по смерти ѿтлѣченъ, и часть егѣ, и дѣша, со Ісѣдоу предателемъ, и с' распеншими Хр[и]ста жидѣвы: и со Аріемъ, и со прочими проклѣтymi еретіками. Желѣзо, каменіе, и дрѣвеса, да разрѣшатсѣ, и да растлѣтсѣ: а той, да бѣдетъ не разрѣшенъ, и не растленъ, и іакѣ тѣмнѣть, во вѣки вековъ, аминъ» [Деяния собора 1666–1667 гг., 1881, л. 7].

ограниченное совершение богослужения по старому обряду в рамках господствующей церкви. До снятия клятв, наложенных соборами 1656 и 1666–1667 гг.²⁶, существование единоверия было каноническим нон-сенсом.

7. Положение меняется после Флорентийской унии (1439 г.), последующего поставления в Москве митрополита Ионы без санкции Константинополя (1448 г.), падения Константинополя (1453 г.) и, наконец, поставления митрополита Феодосия (1461 г.), фактически означавшего выход из юрисдикции Константинопольского патриархата и провозглашение автокефалии Русской церкви [Белякова 1995: 290; Успенский 1998: 232–233]; в культурном сознании эти события были связаны причинно-следственными отношениями. С падением Византийской империи Византия и Русь как бы меняются местами, в результате чего Московская Русь оказывается в центре православной ойкумены [Успенский 2002: 109–111; Idem 1998: 223–243]²⁷. Русские воспринимают себя как оплот православия, и любое отступление от сложившейся на Руси традиции может рассматриваться теперь как отступление от веры: во второй половине XV в. «русское православие» начинает противопоставляться «греческому православию»²⁸. Это проявляется, в частности, в сфере богослужения и непосредственно сказывается на отношении к русским обрядам в тех случаях, когда они отличаются от греческих: греки перестают рассматриваться как авторитетные носители православной традиции, и таким образом ссылка на греческую практику уже не всегда может служить весомым аргументом.

²⁶ Эти клятвы были сняты Священным Синодом Русской православной церкви в 1929 г. и затем вторично — ее Поместным собором в 1971 г. Необходимость повторной их отмены, возможно, была обусловлена тем, что клятвы были наложены как в 1656, так и в 1667 гг. соборным решением: их отмена требовала, следовательно, соборного же решения.

²⁷ Такого рода восприятие со всей отчетливостью проявляется уже в прениях Арсения Суханова с греками (1652 г.): «Что у вас не было доброго, то все к нам к Москве перешло. И все ваше начало к нам перешло. Первое начало — был у вас царь благочестивый, а ныне нет; и в то место воздвиг Господь Бог и на Москве царя благочестивого [...]. Писано есть во втором вселенском соборе величаться [...] константинопольскому патриарху второму по римском епископе, сиречь папе. [...] И в то место у нас ныне на Москве патриарх вместо константинопольского, не токмо якож вторым по римском величаться, но якож и первым епископом римским, сиречь якож древним и папа благочестивым...» [Белокуров, II: 93–94, ср. с. 168–169]. И далее: «Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь и не называйте себя источником, яко се ныне Господне слово збылося на вас: были вы первые, а ныне стали последнии; а мы были последнии, а ныне первые [ср.: Мф 27:30]...» [Ibid.: 99–100, ср. с. 169–171].

²⁸ См. такое противопоставление уже в «Слове... на латыню» 1461–1462 гг. [Попов 1875: 372–373, 377, 384; Успенский 1998: 235–236].

Именно в этот период возникает полемика о хождении посолонь: она позволяет понять, как воспринималось это явление, какой богословский смысл мог ему усваиваться. Эта полемика касается одного конкретного обряда — обряда освящения храма, — но она позволяет судить и о других обрядах, предполагающих движение по кругу. Эпизод этот упоминается в летописях [ПСРЛ, VI: 221–222; ПСРЛ, VI/2: стлб. 286–287; ПСРЛ, XX/1: 335]²⁹; кроме того, до нас дошло полемическое сочинение (1479–1489 гг.), специально посвященное этому вопросу (см. ниже, § 8).

12 августа 1479 г., в четверг, при освящении московского Успенского собора глава Русской церкви митрополит Геронтий ходил с крестным ходом вокруг храма «не по солнчному въсходу» (т. е. не посолонь, а против солнца). После освящения собора на это было обращено внимание великого князя (Ивана III), который присутствовал на церемонии вместе со своим сыном (великим князем Иваном Ивановичем) и братом (князем Андреем Васильевичем Меньшим)³⁰; по словам летописца, «нѣцѣи прелестници клеветаша на митрополита князю великому, яко не по солнчному въсходу ходилъ митрополит со кресты около церкви». Великий князь выступил против митрополита, заявив, что за то «гнѣвъ Божиіи приходитъ»³¹. Было произведено расследование; обратились к книгам, но не нашли на этот счет указаний («написаниа не обрѣте о священии церкви, что по солонцу ли ходити или не посолонь»). На стороне митрополита, по словам летописей, были архимандриты и игумены, причем один из его сторонников сослался на греческую традицию (указав, что на Афоне освящают церковь, обходя ее против солнца), однако это не решило вопроса.

Это место обычно трактуется в том смысле, что духовенство в этом вопросе поддержало митрополита, а не великого князя [Никольский 1907: 809, примеч. 2; Печников 2020: 591; Клосс, Назаров 1997: 363]. Это не так очевидно: в летописях здесь явная лакуна, и есть основания полагать, что в пропущенном тексте говорилось о сторонниках великого

²⁹ Совпадающие тексты II Софийской и Львовской летописей, которые мы цитируем, восходят к митрополичьему летописному своду 1518 г.

³⁰ Ср.: «Того же лѣта священна бысть церкви Успеніе святѣя Богородица на Москвѣ митрополитомъ Геронтіемъ и пресвященнымъ архіепископомъ Васіаномъ Ростовьскимъ и Еуфиміемъ Суждальскимъ, Прохоромъ Сарайскимъ, бывшу тогда благовѣрному великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси і сыну ево великому князю Ивану и брату его князю Андрѣю Меньшему» [ПСРЛ, XXIV: 197].

³¹ Б. М. Клосс и В. Д. Назаров связывают эти слова с конкретным событием — московским пожаром в ночь с 9 на 10 сентября 1479 г. [Клосс, Назаров 1997: 360]. Вместе с тем высказывание Ивана III может иметь общий смысл (безотносительно к какому бы то ни было событию), выражая его мировоззрение.

князя³². Приведем этот пассаж: «Речеи же много, овии по митрополите глаголаху, архимандриты и игумены, иной рече, во Святой горѣ видѣл, что так же свѣщали церковь, а со кресты противь солнца ходили, и много о том спор учини». Местоимение *овии* обычно предполагает противопоставление другому местоимению, такому как *инии*; и действительно, мы находим далее это местоимение (в форме ед. числа): *иной рече...* Употребление слова *иной* в качестве подлежащего в этом контексте кажется немотивированным. Полагаем, что здесь пропущен текст, в котором говорилось о сторонниках хождения посолонь. Его можно реконструировать приблизительно следующим образом: «*овии по митрополите глаголаху, архимандриты и игумены, инии по велицем князѣ». Фраза оказалась неполной (уже в протографе), но оставалось слово *инии*; писец протографа воспользовался этим словом, изменив его форму и связав его со следующей фразой. Если наша реконструкция верна, то слово *инии* может относиться к каким-то другим архимандритам и игуменам: при таком прочтении получается, что духовенство разделилось в оценке совершенного обряда.

Иван III обратился за поддержкой к своему духовнику, ростовскому архиепископу Вассиану Рыло, и чудовскому архимандриту Геннадию Гонзову (будущему архиепископу новгородскому), и призвал их «на спор». Вассиан был врагом митрополита Геронтия [ПСРЛ, XXIV: 197; Голубинский, II/1: 553, 555–55]; вместе с тем он принимал участие в освящении Успенского собора и, очевидно, участвовал в крестном ходе [ПСРЛ, XXIV: 197; ПСРЛ, XXV: 324]. В летописях подробно описывается диспут между митрополитом и этими двумя иерархами.

По словам митрополита Геронтия, он действовал так, как действуют в алтаре: в алтаре престол обходят против солнца, и так же он обходил церковь при ее освящении: «Митрополит свидѣтельство приводя, егда престоль диакон кадит в олтарѣ на правую руку ходит с кадилом». Именно таким образом греки обосновывали необходимость ходить против солнца на Большом московском соборе 1666–1667 гг. — как в случае освящения церкви, так и во всех других случаях хождения по кругу (см. выше, § 3). Показательно вместе с тем, что в ходе споров митрополит не ссылался на греческий обряд; упоминание о том, как освящают церкви на Афоне, как мы видели, было оставлено без внимания.

³² Эта лакуна, может быть, не случайна: в тексте летописей явно прослеживается сочувствие к митрополиту (показательно в этом смысле описание спора Геронтия с Вассианом и Геннадием: «Митрополит свидѣтельство приводя [...], а они свидѣтельства никакого ни приношаху, но глаголаху...»). Ср. в этой связи характеристику общего летописного свода, к которому восходят цитируемые летописи, как оппозиционного по отношению к Ивану III и написанного с позиций митрополита Геронтия: [Насонов 1930: 714–721; Idem 1969: 305–307, 369–376; Лурье 1973; Idem 1976: 211–212, 239–240; Idem 1988: 109–110; Успенский 2021: 29].

Вассиан и Геннадий, возражая Геронтию, исходили из соображений принципиально иного порядка: они основывались не на богослужебной практике («свидѣтельства никоего не приношаху»), а на ассоциации Христа и солнца, заложенной в самом выражении *ходить посолонь*. Поскольку Христос есть «Солнце праведное» (Мал 4:2), заявили они, необходимо ходить посолонь, т. е. вместе с Христом, а не против него: «Солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа, и души свободы [имеется в виду сошествие во ад, изображаемое на иконах Воскресения Христова. — Б. У.]. И того ради [...] исходят [т. е. совершают крестный ход. — Б. У.] на Пасху, то же прообразуют на утрени [имеется в виду обхождение храма по солнцу с кадилом. — Б. У.]»³³. «И много спирашася, не обретоша истинны», — заключает летописец.

Ход рассуждения здесь, видимо, следующий: Христос — Солнце праведное, и когда на Пасху мы празднуем Его воскресение, мы символизируем это хождением вместе с солнцем. Поэтому, говорят Вассиан и Геннадий, мы ходим посолонь вокруг церкви на Пасху, и так же ходят в самой церкви на утрени — на праздничной утрени, а именно, на полиелее, во время пения тропарей, повествующих о воскресении³⁴. Соответственно, идти против солнца означало бы — в этом и подобных случаях — идти против Христа. Солнце предстает в этих рассуждениях как образ Христа: восход солнца и последующее движение его с востока на запад мистически означают воскресение Христа, который обратился на запад, сошел во ад и победил смерть³⁵. Ассоциация Христа с солнцем,

³³ Слово *ад* склоняется здесь как одушевленное существительное. Ср. изображение ада на иконах в виде чудовища с отверстой пастью (это изображение отсутствует на иконах «Сошествия во ад»: ад представлен на них в виде расщелины в земле — отверстия, ведущего в преисподнюю). В Библии можно встретить обращение к аду как к живому существу: «Гдѣ ти, аде, побѣда?» (I Кор 15:55; ср. Ос XIII:14).

³⁴ Имеются в виду *воскресные тропари* 5-го гласа (с припевом «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим...»). Под пение этих тропарей священник кадит храм, обходя его посолонь.

³⁵ Иначе — как нам представляется, не вполне точно — понимал слова Вассиана и Геннадия Макарий Булгаков: «Надобно ходить с крестами при освящении церквей по течению солнца с востока на запад: потому что и *солнце праведное — Христос* — притек на запад, именно — *попрал ад и связал смерть*, которые обыкновенно представляются на западе, в области темной. *Того ради исходят на Пасху*, т. е. выходят в притвор церковный на запад для литии или для начала утрени в день Пасхи. *Таже и прообразуют на утрени*, т. е. когда совершают и на всякой утрени или всенощной выход для литии в притвор на запад» [Макарий Булгаков 1889: 16, примеч. 17]. В другом месте Макарий писал: «Не то ли они [Вассиан и Геннадий] хотели сказать: должно ходить при освящении церквей по течению солнца, с востока на запад, как Христос — Солнце праведное — притек с востока на запад, где победил ад и смерть, и как на Пасху да и во всякую утрени или всенощную исходят из алтаря, от востока, в притвор, на запад, для литии?» [Макарий Булгаков, IV/1: 482, примеч. 92]. Вассиан и Геннадий, по мысли Макария, исходили из того, что приход Христа с востока на запад изображается на утрени выходом священнослужителей из алтаря в притвор (в западную часть

которая отразилась на трактовке таких выражений, как *хождение посолонь* или *хождение против солнца*, имеет древние корни: она проявляется, в частности, в обычае молиться на восток, в ориентации церквей и, наконец, в богослужебной практике [Успенский 2006: 239–246]³⁶. Само слово *посолонь* может выражать в русском языке благое пожелание, означая то же, что и «С Богом!»³⁷. Буквальное (а не метафорическое) понимание этой ассоциации, на которой настаивают Вассиан и Геннадий, восходит к святоотеческим текстам³⁸. Несколько столетий спустя сходным образом мотивировал необходимость обхождения храма посолонь (на Пасху и в других случаях) старообрядческий епископ Арсений Уральский (1840–1908)³⁹.

храма) для совершения литии; отсюда, с их точки зрения, надо ходить посолонь при освящении церкви — с востока на запад, как ходит солнце. Движение солнца в этих рассуждениях трактуется как прямолинейное, а не круговое, и таким образом не затрагивает непосредственно проблему циркумambulации (направления кругового движения при обхождении чего-либо), заложенной в самом выражении *хождение посолонь*.

³⁶ На утренней службе в Великую субботу, при погребении плащаницы, Христос именуется *Солнцем*, а Богоматерь — *Луною*: «Заходиши подь землю, Спасе, Солнце Правды; тѣмъ же рождающая Луна печальми оскудѣваетъ, вида твоего лишаема» (Триодь постная, II, л. 474об.). Эта символика нашла отражение в сочетании креста и полумесяца на маковках русских церквей [Успенский 2006: 225–229, 232–233].

³⁷ Ср. напутствие *Посолонь вам* [Лапин 1930: 14]. Это значение и соответствующее выражение, насколько нам известно, не зафиксировано в словарях.

³⁸ Так, Киприан, епископ Карфагенский (III в.), писал о вечерней молитве: «Нам должно молиться при захождении солнца и при окончании дня; ибо Иисус Христос есть истинное солнце и истинный день. Посему, молясь при захождении солнца и окончании дня и прося, чтобы снова воссиял нам свет, мы тем самым молимся о пришествии Христовом, чтобы оно принесло нам благодать света вечного» (PL, IV, стлб. 542). В «Церковной истории» Германа, патриарха Константинопольского (VIII в.), говорится: «Молиться на восток, подобно всему прочему, предано от святых апостолов. Установлено же это потому, что мысленное Солнце правды — Христос Бог наш — явилось на земле в тех странах, где восходит солнце чувственное, как говорит пророк: *Восток имя Ему* (Зах. 6: 12)» [Герман Константинопольский 1995: 49, § 11]; *Восток* здесь понимается как наименование Христа (ср.: [Успенский 2006: 218, 240–241, 284]).

³⁹ «Посолонное хождение [...] очевидно не лишено глубокого таинственного смысла: ибо под' солнцемъ и востокомъ святая церковь иногда разумѣетъ Господа, называя его истиннымъ солнцемъ, солнцемъ правды, востокомъ востоковъ. Солнцу и востоку противопоставляется западъ — царство тмы, адъ. По этой мысли исхожденіа из' церкви въ западную ея часть или притворъ с литіями знаменуютъ сошествіе Господа во адъ, погнѣніе ада и освобожденіе въ немъ держимыхъ. Та же мысль соединяется и с обхожденіями кругомъ церквей. Западъ, сѣверъ, востокъ, югъ; иначе: вечеръ, полночь, утро, полдень представляютъ естественное теченіе церковныхъ сутокъ, начинающихся вечеромъ одного и кончающихся вечеромъ другого дня. Тѣ же сутки представляютъ подобіе и человѣческой жизни. Такимъ образомъ посолонное обхожденіе церкви с крестами способно вызывать христіанина на благочестивое представленіе земной жизни Господа...» (Арсений 1908, л. 97об.—98об. второй фолиации). Ср. еще: «Выходъ литіи [т. е. на литію. — Б.У.] къ западнымъ дверямъ, а иногда и внѣ церкви съ посолоннымъ

Итак, обряд, совершаемый на Пасху и символизирующий воскресение Христа, должен распространяться, с точки зрения Вассиана и Геннадия, на внеалтарное пространство храма; между тем Геронтий и его сторонники распространяют на внеалтарное пространство действия, совершаемые в алтаре. Если алтарь — это место, где совершается литургия, то внеалтарное пространство храма, так же как и пространство, примыкающее к храму при его обхождении, предстают как место, где люди общаются с воскресшим Христом⁴⁰.

обходомъ ея, или даже и по нѣкоторымъ мѣстамъ града или жительства и по поѣздамъ полей во время бездождій, означаетъ сошествіе съ небесъ Христа сына Божія на землю къ людямъ, одержимымъ тмою невѣдѣнія и связаннымъ нерасторжимыми узами грѣха, и даже сошествіе его во адъ, погнание ада и освобожденіе въ немъ заключенныхъ» (л. 96об. второй фолиации).

⁴⁰ В своем рассуждении Вассиан и Геннадий исходят, по-видимому, из символического истолкования литургии: пресуществление Даров, которое происходит на литургии, понимается как воскресение Христа. Эта мысль органически вытекает из самого чинопоследования литургии. Действительно, в начале литургии на проскомидии священник «жрет Агнца» (т. е. приносит в жертву), прободая его копьем и воспроизводя таким образом распятие Христа. Последующий перенос Агнца с жертвенника на престол, который ознаменован действиями Великого входа, изображает погребение Христа и, соответственно, при положении Агнца на престол читается тропарь «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело твое...» — тот же, который поется на вечерне Великой пятницы и утрне Великой субботы. Престол изображает гроб Господень, и он покрывается «срачицею», изображающей плащаницу, которой было обвито тело Христа (греч. *κατασάριον*, т. е. 'приплатие', — от *κατά* и *σάρες*); вместе с тем престол называется «святою трапезой», поскольку на нем предлагаются в пищу и питье тело и кровь Христовы; наконец, престол понимается как небесный трон, на котором восседает Христос после своего воскресения (вместе с Богом Отцом) — как престол (*θρόνος*) славы, на котором восседает Царь славы (этот момент особенно отмечен в церковнославянском языке, где слово *престол* объединяет значения греческих *τράπεζα* и *θρόνος*). Остается добавить, что перенесение св. Даров с престола на жертвенник в конце литургии символически изображает вознесение Христа (этому предшествует молитва священника: «Вознесися на небеса, Боже...»).

Таким образом, последование литургии начинается с символического изображения распятия Христа и оканчивается изображением его вознесения. Соответственно, евхаристия как центральный момент литургии, когда св. Дары претворяются в тело и кровь Христовы, после чего становится возможным соединение с ним верующих через причащение, — может осмыслиться как воскресение Христа; такое понимание находит отражение в молитве при потреблении Даров на литургии Василия Великого, когда в конце литургии священник молится, обращаясь к воскресшему Христу: «Совершишася и скончашася вся, еже предложи нам нетленные дары: обретохом смерти твоея память, видехом воскресения твоего образ, исполнихомся некончаемая твоя пища, насладихомся вечных твоих благ, ихже и в будущем веке всех нас получитьи сподоби благодатию и человеколюбием».

Это, по всей видимости, и имеют в виду Вассиан и Геннадий, когда упоминают о Пасхе. Мы можем реконструировать их мысль следующим образом: в алтаре священнослужители обращаются к востоку, т. е. к Христу — что и выражает движение против солнца, т. е. навстречу солнцу, — но после воскресения Христова (которое ассоциируется с евхаристическим пресуществлением) все верующие оказываются вместе с Христом и символически выражают это,

До окончания спора Иван III приказал не освящать «своих», т. е. обетных, церквей, построенных в Москве и готовых к освящению: «Много бо церкви князь велики своих, Ивана Златоустаго на посадѣ каменнаго з год не велѣл свѣщати и Рожества в городѣ [т. е. в Кремле. — Б. У.], и Онуфрея святого придѣла его, и иных многих доколе переложит на одно [т. е. пока не будет достигнуто единообразия. — Б. У.]», говорит летописец. Решение вопроса было отложено из-за нашествия хана Ахмата в 1480 г., и построенные московские церкви оставались неосвященными. Летом 1481 г. спор возобновился; по словам летописца, на стороне митрополита были «все священники и книжники, и иноки, и миряне», а на стороне великого князя — архиепископ Иоасаф Оболенский, преемник Вассиана на ростовской кафедре, и тот же архимандрит Геннадий [ПСРЛ, VI: 233–234; ПСРЛ, VI/2: стлб. 313–314; ПСРЛ, XX/1: 348]. В знак протеста против вмешательства великого князя в церковные дела 24 августа 1481 г. Геронтий демонстративно покинул митрополичью кафедру и уехал в Симонов монастырь, оставив свой посох — знак митрополичьей власти — в Успенском соборе⁴¹; он пригрозил «до конца оставити санъ митропольской и в кѣльи жити», если великий князь «не добьет челом [ему] и роптания того не оставит, что посолонь ходити». Великий князь вынужден был уступить и просить митрополита вернуться на кафедру, винясь во всем и обещаясь слушаться митрополита «и по хождении в воле митрополиту дать, яко же велит, какъ было в старину»⁴².

Отголоском этого конфликта явилось послание Геронтию молдавского епископа Василия [Бычков 1882: 507–508], написанное 2 февраля

обходя церковь на Пасху так, как движется «Солнце праведное», — посолонь. Пасхальное шествие воспринимается как архетип обряда, символизирующего соединение людей с воскресшим Христом. Если пресуществление Даров на литургии ассоциируется с воскресением Христовым, то хождение по кругу вне алтаря должно совершаться в церкви таким же образом, как совершается обхождение церкви на Пасху.

⁴¹ Это случилось в праздник перенесения мощей митрополита Петра, после литургии [Клосс, Назаров 1997: 365]. Мощи митрополита Петра были перенесены из церкви Иоанна Лествичника, что под колоколами, во вновь построенный Успенский собор 24 августа 1479 г.; тогда же было установлено празднование перенесения мощей.

Геронтий в 1447–1453 гг. был архимандритом Симонова монастыря (до своего поставления в епископы Коломенские); возможно, он был и постриженником этого монастыря.

⁴² Впоследствии так же поступил патриарх Никон в ситуации конфликта с царем Алексеем Михайловичем: 10 июля 1658 г. после литургии в Успенском соборе в знак протеста против действий царя он снял с себя патриаршее облачение и, оставив посох, удалился в Воскресенский (Новый Иерусалим) монастырь [Гиббенет, I: 31–32]. По всей вероятности, Никон исходил из прецедента, созданного митрополитом Геронтием; однако если действия Геронтия заставили великого князя уступить митрополиту, то действия Никона привели к обратному результату.

1484 г. и отправленное в Москву с неким Михаилом Яковлевичем: узнав о спорах в Москве по поводу освящения церквей, Василий сообщал, что греческий обряд предписывает всегда при движении по кругу ходить против солнца и что хождение в противоположном направлении осуждается как преступление против веры (мы цитировали это письмо выше, см. § 2). Михаил Яковлевич, привезший это послание, — не кто иной, как Михаил (Русалка) Яковлевич Морозов, в 1475–1479 гг. дворецкий Ивана III. Он интересовался обрядовыми вопросами и в 1481 г. — год окончания споров об освящении церквей — заказал копию Служебника и требника митрополита Киприана (ГИМ, Син. 326), в котором находится «Чинъ бываемы на ос[ва]щеніе ц[е]ркве...» (л. 69–93) [Горский и Невоструев, I/3 (1869), № 375]. Предполагается, что эта книга была предназначена для Успенского собора: «...для богослужения во вновь освященном храме была нужна новая копия митрополичьего требника, она-то и была изготовлена в 1481 г. по заказу дворецкого Ивана III» [Афанасьева и др. 2019: 45]. Михаил Яковлевич Морозов, по всей вероятности, приезжал в Молдавию в связи с бракосочетанием Ивана Ивановича Молодого, сына и соправителя Ивана III, и Елены Стефановны, дочери молдавского господаря Стефана III Великого; от него там и могли узнать о московских обрядовых спорах⁴³. Скорее всего, именно по его инициативе Василий, епископ Романова Торга, написал письмо митрополиту Геронтию.

8. К тому же времени (1479–1489 гг.) относится полемическое «Сказание о порядке освящения храмов», написанное, по-видимому, одним из сторонников митрополита Геронтия [Клосс, Назаров 1997: 383–390]⁴⁴. Оно дошло до нас в сборнике 1670-х гг., что едва ли случайно: позиция митрополита Геронтия в вопросе об освящении церквей совпадала с предписаниями Большого московского собора 1666–1667 гг. (см. выше, § 3): переписчик или заказчик этой рукописи был, надо полагать, сторонником нового обряда.

Хождение против солнца при освящении храма аргументируется здесь так же, как у Геронтия в его споре с Вассианом и Геннадием: при

⁴³ С Молдавией может быть связан и отрывок об освящении церкви 1490-х гг., дошедший до нас в конволюте конца XV — нач. XVI в. [РГБ, Муз. 3271, л. 44об.; Седельников 1932: 42], обличающий хождение посолонь как латинскую ересь; мы цитировали этот текст выше (в примеч. 2). См. в этой связи: [Успенский 2006: 182–183, примеч. 48].

⁴⁴ Публикаторы относят это сочинение к 1481 г. (как нам кажется, без достаточных оснований). Сочинение было написано при жизни митрополита Геронтия († 1489) и, несомненно, связано, со спорами с конфликтом 1479–1481 гг.; говоря о хождении против солнца при освящении церкви, автор отмечает: «По тому же преданию и нынешний митрополит Геронтий действует сам и повелевает тако же и всем ереом творити» [Клосс, Назаров, 1997: 386].

освящении церкви надо действовать так же, как мы действуем в алтаре; в качестве примера фигурирует поставление священнослужителей, которых обводят вокруг престола против солнца (когда «ставят диакона, или попа, или епископа, не тако же ли обводят их около престола к востоку?»), а также воцерковление младенцев мужского пола («и егда убо крестим кого и около престола како обносим его 3-жды, не так же ли, яко же и кадим? [т. е. не так ли, как кадим в алтаре? — Б. У.]» [Клосс, Назаров 1997: 387]⁴⁵. В этом сочинении можно найти редкие для этого времени ссылки на греческие требники; возможно, автор был грекофилом.

В «Сказании...» констатируется, что ранее в освящении церквей не было единообразия: одни ходили посолонь, другие — против солнца, причем это началось тогда, когда «начаша святительскую власть князи держати» [Клосс, Назаров 1997: 384]⁴⁶; трудно не увидеть здесь намек на поведение Ивана III в споре с митрополитом Геронтием. Сначала, говорится здесь, стали венчать по солнцу (имеется в виду обожжение вокруг аналая), а также стали обводить по солнцу вокруг огня (по-видимому, в тех случаях, когда венчание в церкви было совершено против солнца, см. ниже); венчание по солнцу обличается при этом как языческий обычай. Затем этот обычай распространился на освящение церквей: «дерзнувше [...] и церкви свящати, обходити 3-жды вкруг их по солнечному же дивизанию, а не яко около престола, якоже устав кажет» [Ibid.: 383–384].

Как указывает «Сказание...», когда Иона был поставлен в митрополиты (1448 г.), он обратил внимание на неодинаковую практику освящения церквей и созвал собор, чтобы решить данный вопрос; это случилось, когда Ефрем, архиепископ ростовский «в осаде бысть в Москве», т. е. в 1451 г. На основании расспроса тех священников, которые служили еще при предшественниках Ионы, митрополитах Киприане и Фотии (Фотий был греком, а Киприан болгарин, однако и он был, несомненно, носителем византийской традиции), было предписано «ходить к востоку [т. е. против солнца], как при тех митрополитах было». Итак, Иона обратился к практике своих предшественников,

⁴⁵ Приводя примеры хождения против солнца, автор «Сказания...» упоминает порядок каждения праздничной иконы. Как уже было сказано, каждение аналая совершается в этом случае — как в новом, так и в старом обряде — в точности так же, как каждение престола в алтаре (см. выше, примеч. 1). Относительно путаницы при описании Малого и Великого входа в этом сочинении см.: [Успенский 2006: 152].

⁴⁶ В 1437 г. во время поездки Арсения Суханова в Грузию русские спрашивали грузинских епископов, как в Грузии освящают церкви. Те отвечали: «...около церкви ходят на левую сторону, против солнца, а не на север» [Белокуров, I: Прилож., с. XXVII]. Это сообщение не вызвало каких-либо замечаний с русской стороны.

следовавших греческому обряду; так же действовали затем и его преемники по митрополичьей кафедре, предшественники митрополита Геронтия (митрополиты Феодосий и Филипп) [Клосс, Назаров 1997: 384–385]⁴⁷. Слово «собор» означает в данном случае совещание (собрание) клириков, находящихся в окружении Ионы. Из текста видно, что между участниками этого совещания не было единогласия: один из них, священник и сосудохранитель Успенского собора Иаков (в иночестве Иона), ставший затем протопопом Архангельского собора, выступал, насколько можно понять, за хождение посолонь⁴⁸.

Хотя «Сказание...» посвящено вопросу об освящении храма, в нем сообщаются некоторые подробности, относящиеся к движению по кругу в самом храме — как в алтаре (о чем мы уже говорили), так и вне алтаря. Так, здесь говорится, что на вечернях ежедневно в церкви ходят против солнца («и на всяк день на вечернях [...] како бы ходим, посолно ли?») [Клосс, Назаров 1997: 387]. Между тем Вассиан и Геннадий, как мы видели, ссылались на то, что каждение церкви на утрени совершается по солнцу («...то же прообразуют на утрени», см. § 7). Каждение храма на вечерне и утрени совершается обычно в одном и том же направлении (либо по солнцу, либо против солнца). Возможно, автор «Сказания...» имеет в виду греческий обряд, тогда как Вассиан и Геннадий говорят о русском обряде (см. выше, § 4). В «Сказании...» говорится о порядке воздвижения креста и кропления святой водой; по утверждению автора, при этом совершается круговое движение против солнца, хотя на самом деле описывается движение посолонь («А крест воздвизая, молимся не на восток ли прежде, таже на юг и потом на запад и на сивер, и паки на восток? Тако же и кропят святою водою»)⁴⁹ [Ibid.: 387]. Такую же ошибку

⁴⁷ Митрополит Геронтий, скорее всего, не знал об этом соборе; во всяком случае он на него не ссылается. — Говоря об освящении митрополитом Филиппом церкви Вознесения Христова 3 ноября 1467 г., автор упоминает, что в церемонии участвовал Вассиан, архимандрит кремлевского Спасо-Преображенского монастыря (будущий архиепископ Ростовский), который вместе со всеми «ходил к востоку, а не посолно»; участие Вассиана в споре с Геронтием придает этому упоминанию особую остроту.

⁴⁸ Ср.: «А что говорил Иона, прежде бывши протопоп Архангельский, что бывало де в Суждали посолно хаживали, — ино то было при Авраамии епископе, а той Аврамей с Сидором митрополитом во единачестве был на соборе в Риме [т. е. на Ферраро-Флорентийском соборе]» [Клосс, Назаров 1997: 385]; хождение посолонь объясняется здесь латинским влиянием (ср. выше, § 2).

⁴⁹ См. в словаре Памвы Берынды под словом «вбращеніе»: «ѡко Сен[табра] 14 [перво]е Въдвиженіе творай, станет, реч[е], зра к' Въстокм. а на [второ]мъ въз[движеніи] гл[агол]ет, вбращ'са къ ПолѢденнѣй странѣ. На [третье]мъ, вбращса къ Западм. На [четверто]мъ вбращса къ ПолѢнощнѣй странѣ. а не [пато]мъ, паки вбращса къ Въстокм [Памва Берында 1653: 192–193]. На это место ссылались старообрядцы в полемике с новообрядческими миссионерами: [Керженские ответы 1906: 255–266; Бровкович, II: 284–285].

делает автор при описании Малого и Великого входа [Ibid.: 387] (см.: [Успенский 2006: 152 и 215–216, примеч. 131]). Как видим, конкретные литургические указания в этом источнике не всегда надежны.

Для нашей темы особый интерес представляет следующее указание: «Егда венчают их [русских] в церкви, и егда приведут их в дом, идеже быти им, и ту в дому том на среду воскладают огонь и обводят их трижды около огня того посолно» [Клосс, Назаров 1997: 389–390]. Судя по контексту, венчание в данном случае совершалось с обхождением аналоя против солнца (сторонником чего был, по-видимому, автор «Сказания...»); обхождение по солнцу, совершаемое дома, призвано было довершить, таким образом, обряд венчания. Сходным образом в нач. XVIII в. керженские старообрядцы довершали обряд крещения, совершенного в новообрядческой церкви с обхождением купели против солнца: «...пришедших от святых Российския Церкви водили [...] три раза кругом по солнцу около горшка или иного сосуда с водою, аки бы перекрещивали» [Бровкович, II: 163]⁵⁰.

9. Хотя митрополит Геронтий в 1481 г. и смог настоять на своем, практика хождения посолонь оказалась на Руси очень устойчивой: уже в XVI в. как освящение церквей, так обряды, совершаемые в самой церкви (такие как обряды крещения и венчания) совершаются именно с хождением посолонь⁵¹. Этот порядок фиксируется в русских богослужебных книгах; ранее направление кругового движения предполагалось известным и, как правило, не указывалось, но после конфликта 1479–1481 гг. такого рода указания, очевидно, оказываются необходимыми⁵². Таким образом, хождение посолонь закрепляется в Московской Руси; оно сохраняется здесь вплоть до Большого московского собора 1666–1667 гг.

Устойчивость этой традиции, несомненно, объясняется тем, что хождению посолонь придавался вероисповедный смысл. В Древней

⁵⁰ Цитируется вопрос, заданный керженским старообрядцам в 1716 г. игуменом переяславского Николаевского монастыря Питиримом (впоследствии архиепископом Нижегородским); старообрядцы отвечали: «...такового поправления, еже около горшка с водою три круга творити, ныне у нас не творится» [Бровкович, II: 181]. Полемика Питирима с керженскими старообрядцами была записана затем в так называемых Керженских или Дьяконовых ответах. В окончательном варианте Керженских ответов (1719 г.) этот вопрос отсутствует.

⁵¹ См. примеры освящения церквей: [Поморские ответы 1884: 202–203 (ответ 50, ст. 32)]. Отмечается, что так действовали и архиереи греческого происхождения: Нектарий Вологодский (1613–1616) и Иосиф Суздальский (1655–1666?).

⁵² См. перечень богослужебных книг с такими указаниями: [Успенский 2006: 168–169]. Ср.: [Поморские ответы 1884: 201–203 (ответ 50, ст. 32); Керженские ответы 1906: 256 (ответ 111); Макарий Булгаков 1889: 103; Смирнов 1895: 30; Бубнов 2006: 161–162].

Руси не было богословия как специальной дисциплины; богословие воспринималось преимущественно через обряд — иначе говоря, было то, что принято называть литургическим богословием. Древнерусский человек исходил из практики общения с Богом, которая выражалась в конкретных обрядах, — из непосредственного чувства, которому сопутствовало совершение этих обрядов. Он твердо верил в то, что совершая их, он общается с Богом, и только исходя из этого мог анализировать богословские представления; именно поэтому он так болезненно реагировал на изменение обрядов. Восприятие обряда сопоставимо при этом с восприятием иконы: как в том, так и в другом случае представления о Боге усваиваются в процессе общения с Богом — через знаки, посредством которых происходит это общение. При таком понимании церковный обряд и предстает, в сущности, как своего рода икона — иконическое представление богословской мысли.

Именно это определяет позицию Вассиана и Геннадия в их полемике с митрополитом Геронтием: в своем понимании воскресения Христова они исходят прежде всего из обряда, который совершается на Пасху и который призван выразить символическое значение этого события. То же проявляется после раскола Русской церкви, когда люди отказывались ходить в новоосвященные церкви и не признавали крещения и венчания, совершенного с хождением против солнца. Платон Левшин, будущий митрополит московский, писал в «Увещании» к старообрядцам: «Смущаетъ васъ и то, что при крещеніи и вѣнчаніи ходятъ у насъ не посолонь, или не по солнцу: то есть при крещеніи около купѣли, а при вѣнчаніи около налоя ходятъ с' права на лѣво; а надобно, де, ходить с' лѣва на право по теченію солнѣчному [...] Вамъ мы объявляемъ, что для насъ какъ бы ни ходить, по солнцу или противъ солнца, въ томъ великой силы не находимъ. Ибо сіе хождение есть обряд, надлежащий до тайны, а не самая тайна. Хорошо ходить и по солнцу, только бы быть в соединеніи съ Церковію [...] А ежели въ чомъ есть зло, да еще зло величайшее, то въ семъ, что вы крещенныхъ от насъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа у себя перекрещиваете за то только, что не ходятъ у насъ съ лѣва на право» [Платон Левшин 1765, л. 68об.–70]⁵³. Обряд предстал при этом не как тайна, а как простая условность; для старообрядцев такое отношение было в принципе неприемлемо.

⁵³ Сходным образом патриарх Иоаким говорил стрельцам в 1682 г.: «Мы за крест и молитву в трубах не ждем и не пытаем, мы за то ждем, что нас еретиками называете и не повинуетесь святей соборней и апостольстей церкви; а кто как хочет, так и крестится — двумя ли персты, тремя ли, или всею дланию, то все едино, лишь бы знамение на себе вообразити, и мы о том не истязуем» [Савва Романов 1863: 125; то же: Савва Романов 1862: 99].

Сокращенные названия книгохранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва, Россия).

Библиография

Источники

Рукописи

Сказание

РГБ, ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова), № 97 (л. 252об.–262). Сказание о порядке освящения храмов [1481 г.], по изд.: [Клос, Назаров].

Устав Студийский

ГИМ, Син. 330, Студийско-Алексиевский устав, вт. пол. XII в., по изд.: [Пентковский]

Литература

Арсений Уральский 1908

Арсений [Швецов], старообрядческий епископ Уральский, *Краткий практический устав [Краткий устав церковной службы и соблюдения святых постов]*, Уральск, 1908.

Афанасьева et al., 2019

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарихина М. Г., *Евхологий Великой Церкви в славяно-русском переводе конца XIV века: исследование и текст*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Беликов 1905

Беликов Д. Н., *Старинный раскол в пределах Томского края*, Томск, 1905.

Белокуров, I–II

Белокуров С., *Арсений Суханов*, 1: Биография Арсения Суханова, 2/1: Сочинения Арсения Суханова, Москва, 1891–1893.

Белякова 1995

Белякова Е. В., Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI веков, *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика*, Москва, 1995, 288–302.

Бровкович, I–II

[Бровкович А. И.], *Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б[ровковича]*, I–II, С.-Петербург, 1861.

Бубнов 2006

Бубнов Н. Ю., *Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого, История о патриархе Никоне*, С.-Петербург, 2006.

Булгаков 1913

Булгаков С. В., *Настольная книга для священно-церковно-служителей*, Москва, 1913.

Бычков 1882

Бычков А. Ф., *Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки*, I, С.-Петербург, 1882.

Гаслов, Кашкин 2009

Православное богослужение: Практическое руководство для клириков и мирян, Гаслов И. В., Кашкин А. С., сост., С.-Петербург, 2009.

Герман Константинопольский 1995

Герман Константинопольский, патриарх, *Сказание о Церкви и рассмотрение таинств*, Мейендорф П., вступ. ст. и коммент., Ломизе Е., пер., Москва, 1995.

Гиббенет, I–II

Историческое исследование дела патриарха Никона, сост. по официальным документам Н. Гиббенет, I–II, С.-Петербург, 1882–1884.

Голубинский, I–II

Голубинский Е., *История русской церкви*, I–II, Москва, 1900–1917.

Горский, Невоструев, I–III

[Горский А. В., Невоструев К. И.], *Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки*, отд. I–III, Москва, 1855–1917.

Деяния собора 1666–1667 гг.

Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов, Москва, 1881, л. 1–102 третьей фолиации.

Дмитриевский, I–III

Дмитриевский А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, I: *Түпіка*, I, Киев, 1895; II: *Εὐχολόγια*, Киев, 1901; III: *Τυπικά*, 2, Петроград, 1917].

Доп. АИ, I–XII

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, I–XII, С.-Петербург, 1846–1875.

Дружинин 1889

Дружинин В. Г., *Раскол на Дону в конце XVII века*, С.-Петербург, 1889.

Жмакин 1900

Жмакин В., *Начало единоверия, Христианское чтение*, 12, 1900, 979–1004.

Зернова 1958

Зернова А. С., *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог*, Москва, 1958.

Ивановский 1910

Ивановский Н. И., *Клятвы Московских соборов 1056 и 1057 годов, Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь*, под ред. А. П. Лопухина, XI, С.-Петербург, 1910.

Иоанн Маслов 2011

Иоанн (Маслов), схиархим., *Духовные рассуждения и нравственные уроки*, под Маслов Н. В., ред., Москва, 2011.

Каптерев, I–II

Каптерев Н. Ф., *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*, I–II, Сергиев Посад, 1909–1912.

Керженские ответы 1906

Ответы Александра диакона (на Керженце), поданные нижегородскому архиепископу Питириму в 1819 [sic! читай: 1719] году, [Нижний Новгород, 1906].

Клосс, Назаров 1997

Клосс Б. М., Назаров В. Д., *Полемическое сочинение 1481 года о хождении «посолонь»*, *Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584*, Kleimola A. M., Lehnhof G. D., eds., Moscow, 1997, 350–390 [в прилож. к этой статье опубликовано *Сказание*].

Книга о вере 1648

Книга о вере единой истинной православной. Москва, 1648.

Красносельцев 1889

Красносельцев Н. Ф., *Материалы для истории чинопоследования литургии св. Иоанна Златоустого*, I, Казань, 1889 [это издание было нам недоступно].

Лапин 1930

Лапин Б., *Тихоокеанский дневник*, Москва, 1930.

Лурье 1973

Лурье Я. С., Независимый летописный свод конца XV в — источник Софийской II и Львовской летописей, *Труды Отдела древнерусской литературы*, XXVII, 1973, 405–419.

——— 1976

Лурье Я. С., *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, Ленинград, 1976.

——— 1988

Лурье Я. С., *Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын*, Ленинград, 1988.

Макарий Булгаков 1889

Макарий [Булгаков], митрополит, *История русского раскола, известного под именем старообрядства*, изд. 3-е, С.-Петербург, 1889.

——— I–VII

Макарий [Булгаков], митрополит, *История русской церкви*, I–VII, Москва, 1994–1997.

Мансветов 1895

Мансветов И. Д., *Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви*, Москва, 1895.

Насонов 1930

Насонов А. Н., Литературные памятники Тверского княжества, *Известия АН СССР. Серия VII*, 9–10, 1930, 709–738, 739–773.

——— 1969

Насонов А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII в.*, Москва, 1969.

Неселовский 1906

Неселовский А. Н., *Чины хиротесий и хиротоний (опыт историко-археологического исследования)*, Каменец-Подольск, 1906.

Никольский 1907

Константин (Никольский), прот., *Пособие к изучению Устава богослужения Православной церкви*, изд. 7-е, исправ. и доп., С.-Петербург, 1907.

Никон 2004

Никон, патриарх, Слово отвечающее, в нем же и о крестном изображении, яко первыми тремя великими персты подобает изображати всякому христианину знамение креста, *Idem, Труды*, Москва, 2004, 93–97.

Памва Берында 1653

Берында П., *Лексикон славеноросский, имен толкование*, [изд. 2-е], Кутеин, 1853.

Памятники 2000

Памятники старообрядческой письменности, С.-Петербург, 2000.

Пентковский 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001 [в прилож. опубликован *Устав Студийский*].

Петровский 1906

Петровский А. В., Каждение, *Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь*, под ред. А. П. Лопухина, т. VII, С.-Петербург, 1906, 669.

Печатнов 2008

Печатнов В. В., *Божественная литургия в России и Греции: Сравнительное изучение современного чина*, Москва, 2008.

Печников 2020

М.В.П. [М. В. Печников], Посолонь хождение, *Православная энциклопедия*, т. LVII, Москва, 2020, 590–592.

Платон Левшин 1765

[Платон Левшин], *Увещание во утверждение истинны и в надежду действия любви евангельския*, С.-Петербург, 1765.

Подосинов 2004

Подосинов А. В., *Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточнохристианской обрядности, Иеротопия: исследование сакральных пространств. Материалы международного симпозиума*, Лидов А. М., ред., Москва, 2004, 52–54.

Поморские ответы 1884

Поморские ответы. Напечатаны в Мануиловском Никольском монастыре 1884 года, [Мануиловка], 1884.

Попов 1875

Попов А., *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.)*, Москва, 1875.

Правила святых отец 1884

Правила святых отец с толкованиями, Москва, 1884.

ПСРЛ, I–XLII

Полное собрание русских летописей, I–XLII, С.-Петербург–Ленинград, Москва, 1841–2004.

РИБ, I–XXXIX

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, I–XXXIX, С.-Петербург–Ленинград, 1872–1927.

Савва Романов 1862

Романов С., О подании челобитной [...] Иоану Алексиевичу и Петру Алексиевичу, о древлецерковных законах и Никоновых новинах, *Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и иноков Соловецкого монастыря. Три памятника из первоначальной истории старообрядства*, С.-Петербург, 1862, 57–143.

— 1863

Романов С., История о вере и челобитная о стрельцах, *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым*, 5, отд. II, Москва, 1863, 111–148.

Святогорский устав 2002

Святогорский устав церковного последования, пер. с греч. Доримедонт (Сухинин), иером., Сергиев Посад, 2002 [с греческого издания: ΙΕΡΟΝ ΚΕΛΛΙΟΝ ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΜΟΥ, ΚΑΡΥΑΙ, ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ. Αγιωρειτικον τυπικον της εκκλησιαστικης ακολουθειας. Δευτερη εκδοση. Εκδοσεις Καστανιωτη, ΑΘΗΝΑ, 1997].

Седелников 1932

Седелников А. Д., Рассказ 1490 года об инквизиции, *Труды Комиссии по древнерусской литературе*, I, Ленинград, 1932, 33–57.

Симеон Денисов 1906

Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким), Москва, 1906.

Симеон Солунский 1856

Писания св. отцов и учителей Церкви. Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского, С.-Петербург, 1856.

Скрижаль 1655

Скрижаль, Москва, 1655.

Служебник 1667

Служебник, Москва, 1667.

- 1668
Служебник, Москва, 1668.
- Смирнов 1895
Смирнов П. С., *История русского раскола старообрядства*, изд. 2-е, испр. и доп. С.-Петербург, 1895.
- Соборное деяние... 1718
Соборное деяние киевское на арменина еретика Мартина, Москва, 1718.
- Субботин, I–IX
Материалы для истории раскола за первое время его существования, под ред. Н. И. Субботина, I–IX, Москва, 1875–1890.
- Триодъ постная, I–II
Триодъ постная, I–II, Москва, 1974.
- Успенский 1998
Успенский Б. А., *Царь и патриарх: Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление*, Москва, 1998.
- 2002
Успенский Б. А., Восприятие истории в древней Руси и доктрина “Москва – третий Рим”, Idem, *Этюды о русской истории*, С.-Петербург, 2002, 89–148.
- 2006
Успенский Б. А., *Крест и круг: из истории христианской символики*, Москва, 2006.
- 2021
Успенский Б. А., Странная клятва Ивана III, *Studi Slavistici*, 18/2, 2021, 23–32.
- Устав 1633
Устав (Око церковное), Москва, 1633 [20 февраля 7141 г.].
- 1641
Устав (Око церковное), Москва, 1641.
- 1682
Устав (Тактикон), Москва, 1682.
- Яковлев 1888
Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное расоле беспоповщины, Москва, 1888.
- Dölger 1925
Dölger F. J., *Sol salutis: Gebet und Gesang im christlichen Altertum. Mit besonderer Rücksicht auf die Ostung in Gebet und Liturgie*, 2. Aufl., Münster, 1925.
- Larin 2010
Larin V., *The Byzantine Hierarchal Divine Liturgy in Arsenij Suxanov's Proskinitarij* (= Orientalia Christiana Analecta, 286), Rome, 2010.
- Nußbaum 1996
Nußbaum O., Die Bewertung von Rechts und Links in der römischen Liturgie, Idem, *Geschichte und Reform des Gotteddienstes: Liturgiewissenschaftlichen Untersuchungen*, Paderborn, [1996], 275–292.
- PL, I–CCXXI
Patrologiae cursus completus. Series Latina, Migne J.-P., ed., I–CCXXI, Paris, 1844–1865.
- Taft 2004
Taft R. F., *A History of the Liturgy of St. John Chrisostom*, 2, *The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and other Pre-anaphoral Rites*, 4th ed., Roma, 2004.
- Τρεμπέλας 1997
Τρεμπέλας Π. Ν., *Αἱ τρεῖς λειτουργίαι κατὰ τοὺς ἐν Ἀθήναις κώδικας*, Ἀθήνα, 1997.

References

- Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sharikhina M. G., *Evkhologii Velikoi Tserkvi v slavi-ano-russkom perevode kontsa XIV veka: issledovanie i tekst*, Moscow, St. Petersburg, 2019.
- Belyakova E. V., Uchrezhdenie avtokefalii russkoi tserkvi v politicheskoi mysli XV–XVI vekov, *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideia vlasti i politicheskaiia praktika*, Moscow, 1995, 288–302.
- Bubnov N. Yu., ed., *Pamiatniki staroobriadcheskoi pis'mennosti: Sochineniia Gerontii Solovetskogo, Istoriia o patriarkhe Nikone*, St. Petersburg, 2006.
- Kloss B. M., Nazarov V. D., Polemicheskoe sochinenie 1481 goda o khozhdenii "posolon", Kleimola A. M., Lehnhof G. D., eds., *Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584*, Moscow, 1997, 350–390.
- Lapin B., *Tikhookeanskii dnevnik*, Moscow, 1930.
- Larin V., *The Byzantine Hierarchal Divine Liturgy in Arsenij Suxanov's Proskinitarij* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 286), Rome, 2010.
- Lurie Ya. S., Nezavisimyi letopisnyi svod kontsa XV v. — istochnik Sofiiskoi II i L'vovskoi letopisei, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 27, 1973, 405–419.
- Lurie Ya. S., *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.*, Leningrad, 1976.
- Lurie Ya. S., *Russkie sovremenniki Vozrozhdeniia: knigopisets Efrosin, d'iak Fedor Kuritsyn*, Leningrad, 1988.
- Maslov N. V., ed., Ioann (Maslov), schiarhimandritul, *Dukhovnye rassuzhdeniia i npravstvennye uroki*, Moscow, 2011.
- Meyendorff P., ed., St. Germanus, Patriarch of Constantinople, *Skazanie o Tserkvi i rassmotrenie tainstv*, Moscow, 1995.
- Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII v.*, Moscow, 1969.
- Nasonov A. N., Literaturnye pamiatniki Tverskogo kniazhestva, *Izvestiia AN SSSR*, 9–10, 1930, 709–738, 739–773.
- Nußbaum O., Die Bewertung von Rechts und Links in der römischen Liturgie, Idem, *Geschichte und Reform des Gottedienstes: Liturgiewissenschaftlichen Untersuchungen*, Paderborn, [1996], 275–292.
- Pechatnov V. V., *Bozhestvennaia liturgiia v Rossii i Gretsii: Sravnitel'noe izuchenie sovremennogo china*, Moscow, 2008.
- Pechnikov M. V., Posolon' khozhdenie, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 57, Moscow, 2020, 590–592.
- Pentkovskiy A. M., *The Typicon of the Patriarch Alexis the Studite in Byzantium and Russia*, Moscow, 2001.
- Podossinov A. V., The liturgical movement in sacred space: on the classical origins of Eastern Christian rites, A. M. Lidov, ed., *Hierotopy: Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia*, Moscow, 2004, 52–54.
- Sedelnikov A. D., Rasskaz 1490 goda ob inkvizitsii, *Trudy Komissii po drevnerusskoi literature*, 1, Leningrad, 1932, 33–57.
- Taft R. F., *A History of the Liturgy of St. John Chrysostom*, 2, *The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and other Pre-anaphoral Rites*, 4th ed., Roma, 2004.
- Trempeles P. N., *Ai treis leitourgiai kat toys en Athinais kodikas*, Athens, 1997.
- Uspenskij B. A., A strange oath of Ivan III, *Studi Slavistici*, 18/2, 2021, 23–32.
- Uspenskij B. A., *Krest i krug: iz istorii khristianskoi simboliki*, Moscow, 2006.
- Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii. Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie*, Moscow, 1998.
- Uspenskij B. A., Vospriiatie istorii v drevnei Rusi i doktrina "Moskva – tretii Rim", Idem, *Etudy o russkoi istorii*, St. Petersburg, 2002, 89–148.
- Zernova A. S., *Knigi kirillovskoi pechati, izdанные v Moskve v XVI–XVII vekakh: Svodnyi katalog*, Moscow, 1958.

Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук,
профессор Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
borisusp@gmail.com

Received April 5, 2025

О методе работы Епифания Премудрого*

Наталья Викторовна Пак

Государственный университет морского
и речного флота имени адмирала
С. О. Макарова,
С.-Петербург, Россия

How Epiphanius the Wise Wrote His Texts

Natalia V. Pak

Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье заново рассмотрен вопрос об авторском способе продумывать, сочинять и записывать свои произведения русского агиографа Епифания Премудрого. В составе предисловия к Похвальному слову Сергию Радонежскому выявлены два заимствованных фрагмента из славянского перевода Слова на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского, которые, наряду с заимствованиями из других источников, заставляют пересмотреть вывод о том, что метод работы Епифания Премудрого был «свободным». Творческий процесс этого книжника включал некоторую подготовительную работу, в частности отбор литературных источников и выписывание нужных пассажей, а также последующую работу по адаптации заимствованного текста с использованием черновых выписок, и поэтому не мог быть свободным. Те же фрагменты из источника Епифания Премудрого вошли

* Благодарю А. В. Духанину, А. Д. Паскаля и О. С. Сапожникову за помощь при написании этой статьи. Благодарю И. В. Якшина за возможность ознакомиться с текстом его неопубликованной диссертации.

Цитирование: Пак Н. В. О методе работы Епифания Премудрого // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 40–81.

Citation: Pak N. V. (2025) How Epiphanius the Wise Wrote His Texts. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 40–81.
DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.02

в Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской в редакции Гермогена Казанского (1594 г.). Этот факт можно объяснить либо как независимую работу двух книжников и совпадение их литературных задач, литературных вкусов и литературных приемов, либо, что менее вероятно, как сознательное ориентирование Гермогена Казанского на сочинение Епифания Премудрого, выразившееся в объеме заимствованных фрагментов.

Ключевые слова

русская агиография, Епифаний Премудрый, Гермоген Казанский, Похвальное слово Сергию Радонежскому, метод работы, авторский стиль

Abstract

The article deals with the way the Russian hagiographer Epiphanius the Wise conceptualised, composed and wrote his texts. As part of the preface to his *Eulogy to Sergius of Radonezh*, two fragments borrowed from the Slavic translation of the *Sermon on the Annunciation to Joachim and Anna* by John of Euboea were identified, which, along with borrowings from other sources, force us to reconsider the conclusion that Epiphanius the Wise's method of writing was "free". The creative process of this author included some preparatory work, in particular, the selection of literary sources and the exception of the necessary passages, as well as subsequent work on adapting the borrowed text using draft extracts, so it could not be free. The same fragments from the source of Epiphanius the Wise were included in the *Tale of the Appearance of the Icon of the Mother of God of Kazan* in the edition of Hermogenes of Kazan (1594). This fact can be explained either as the independent work of two authors and the coincidence of their literary tasks, literary tastes and literary techniques, or, less likely, as a conscious orientation of Hermogenes of Kazan on the work of Epiphanius the Wise that found its expression in the borrowed fragments.

Keywords

Russian hagiography, Epiphanius the Wise, Hermogenes of Kazan, Eulogy to Sergius of Radonezh, creative method, author's style

Введение

Изучение творчества любого писателя тесно связано с вопросом о методе его работы, т. е. об авторском способе продумывать, сочинять и записывать свои произведения. В связи с отсутствием документальных источников этот вопрос крайне редко ставится применительно к творчеству русских писателей XI–XV вв., но сделать некоторые заключения о методе работы авторов более позднего времени (XVI и XVII в.) дают возможность подготовительные материалы для их сочинений и черновые рукописи. Так, известны рукописи с выписками из различных источников, атрибутируемые Максиму Греку [Буланин 1979: 267–274; Idem 1983: 4–5], протопопу Аввакуму [Кудрявцев 1972; Буланин 1983:

3, 5], Сергию Шелонину [Сапожникова 2010: 360–372, 397–413], Герасиму Фирсову [Чумичева 1992: 95–101]. Текстуальные совпадения таких выписок с оригинальными сочинениями этих авторов позволяют предполагать, что «прежде чем приступить к написанию собственного сочинения, древнерусский писатель собирал выписки из чужих авторитетных трудов, а затем включал некоторые из этих выписок в состав своих произведений» [Буланин 1983: 6].

На материале черновых рукописей и хорошо сохранившейся обширной библиотеки Сергия Шелонина, русского книжника XVII в.¹, удастся восстановить еще несколько особенностей метода его работы. В частности, установлено, что Сергей всегда работал с несколькими помощниками, поэтому даже черновые рукописи его сочинений переписаны несколькими почерками, и переписку объемных цитат из разных источников передоверял своим сотрудникам, «указывая начало и конец цитаты в избранном для переписки памятнике» [Сапожникова 2005: 548, примеч. 6]. Найдена также черновая рукопись одного из его сочинений, где имеются авторские отсылки к источникам, по которым нужно было дополнить текст [Панченко 2003: 552, 554–556].

Творчество Епифания Премудрого, знаменитого агиографа второй половины XIV — первой четверти XV в., обладавшего уникальным авторским стилем, представляет собой яркое явление в русской литературе. Черновые авторские рукописи его сочинений до нас не дошли, и установить, как именно работал этот незаурядный автор, можно только по косвенным данным, которые, как известно, могут быть по-разному интерпретированы, в частности в зависимости от привлеченного материала и методик исследований. Между тем не все исследователи подробно описывают применяемую ими методику. Одним из немногих исключений из этого правила является статья Ф. Вигзелл [1971] «Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого»².

Наша методика, — поясняет исследовательница, — заключается в сопоставлении цитат из Библии, использованных в «Житии Стефана Пермского», с различными редакциями библейских текстов, существовавшими вплоть до конца XIV в., когда было написано «Житие». Такая методика дает возможность решить вопрос о том, как писал Епифаний, так как Библия на Руси не была известна целиком до самого конца XV в., а была доступна только частями в различных произведениях, которые были двух основных типов: литургические, т. е. применявшиеся в церковных службах, и нелитургиче-

¹ Новейшую обобщающую статью о творчестве этого автора см.: [Сапожникова 2021].

² Позднее с незначительными изменениями статья вошла в монографию «The Literary Style of Epifanij Premudryj *Pletenie sloves*» [Kitch 1976].

ские, т. е. предназначенные для индивидуального чтения, с наставлениями и толкованиями. Считается, что Епифаний Премудрый знал литургические тексты наизусть, так как, будучи монахом, он постоянно слышал и произносил их, в то время как нелитургические тексты он привлекал только для подтверждения своих мыслей и не знал их наизусть. Если можно показать, что его цитаты идут из литургических текстов, т. е. из текстов, которые он помнил, то можно думать, что он цитировал по памяти, а если так, то писал свободно.

[...]

Материал сравнений использовался для нескольких целей. Во-первых, чтобы показать, что цитаты берутся главным образом из литургических текстов (для этого исследовалось происхождение цитат из Ветхого завета в «Житии Стефана Пермского»); во-вторых, чтобы показать, что цитаты из Псалтыри ближе к текстам, употреблявшимся в богослужении, и что они часто совпадают с текстом «Служебной псалтыри». Близость цитат из Псалтыри к тексту «Служебной псалтыри» еще не обязательно свидетельствует, что он цитировал по памяти, поэтому, в-третьих, ошибки в цитатах анализировались, чтобы показать, что это скорее ошибки человека, цитирующего по памяти, нежели переписывающего с рукописи, находящейся перед ним. Очевидно, что многие из его ошибок могли быть объяснены именно так, хотя некоторые изменения в текстах несомненно носят преднамеренный характер [Вигзелл 1971: 232–233].

Такой подход к творческому наследию русского книжника возник под несомненным влиянием исследования Ст. Станоевича и Д. Глумаца, которые выявили в памятниках древнесербской письменности преобладание цитат из Псалтири³ и ряд косвенных указаний на то, что библейские тексты воспроизводились по памяти, на основании чего заключили, что авторы привлеченных к анализу сочинений «почти постоянно цитируют те части св. Писания, которые употребляются ежедневно в церкви, на службе, вечерне, часах и т. д. К этим местам из св. Писания они привыкли и должны были их знать на память, так как их ежедневно произносили, пели или слушали и в церкви и вне ее» [Станојевић, Глумац 1932, XXIII; цит. по: Мошин 1963: 87].

Комментируя этот вывод, В. А. Мошин упоминает особенность устава Карейской келии на Афоне, основанной св. Саввой Сербским для подвижников-пустынников, юридически независимой от святогорского прота и хиландарского игумена и имевшей постоянный доход от сербской архиепископии и от Хиландара, настоятели которой Савва, Доментиан, Даниил, Никодим, Теодул хорошо известны в истории сербской письменности, — требование, «чтобы ежедневно, в продолжение дня и

³ Точнее, 739 цитат из Псалтири на 569 цитат из Евангелия и более 50 цитат из Притч Соломоновых.

ночи, была “препета” вся псалтирь» [Мошин 1963: 87]. Условия жизни в таких «молчальницах», «где труд по переписыванию книг и литературное творчество прерывались только церковными службами и безусловным регулярным ежедневным “прочтанием” целой псалтири», как считает исследователь, во многом объясняют как идейную базу, так и характерные черты тогдашнего сербского литературного стиля [Ibid.].

Не отрицая очевидного факта, что и у русского книжника была возможность выучить Псалтирь наизусть и цитировать библейские тексты по памяти, необходимо отметить, что анализ библейских цитат у Епифания Премудрого проведен с несколькими явными ограничениями. Во-первых, по неизвестной причине приняты во внимание лишь два варианта происхождения библейских цитат (переписывание из библейских письменных источников и цитирование Библии по памяти) и не упоминается о заимствовании библейских цитат в готовом виде из небиблейских письменных источников. Во-вторых, результаты анализа одних только библейских цитат у Епифания Премудрого, преимущественно цитат из Псалтыри, распространяются на метод его работы вообще⁴:

Мы не имеем достаточно четкого представления о характере творческой манеры Епифания Премудрого. Строил ли он свои произведения, педантично продумывая их архитектуру, или же писал по наитию, непосредственно изливая свои чувства? [...] Для исследования этого вопроса мы рассмотрели характер использования Епифанием цитат из Библии [Вигзелл 1971: 232];

В заключение можно сделать ряд выводов.

Во-первых, нет свидетельства о том, что Епифаний обращался к текстам, предназначенным для индивидуального чтения, при выборе цитат для «Жития Стефана Пермского». Анализ цитат из псалмов показывает, что Епифаний не обращался к «Служебной псалтыри» в процессе написания «Жития»; цитаты из Псалтыри в «Житии» отличаются значительно сильнее от оригинала, чем отдельные списки Псалтыри между собой. Если бы он переписывал, можно было бы ожидать, что ошибки были бы не более серьезными, чем различия между двумя списками Псалтыри. Но это не так, поэтому ясно, что он писал по памяти, и его память, как и у большинства людей, временами изменяла ему. Тот факт, что ошибок было больше из тех частей Библии, которые он, по-видимому, не мог знать хорошо, подтверждают это. Его метод сочинения был свободный и непосредственный. Он был образованным и интеллектуальным человеком (это ясно из его глубоких знаний Библии) и

⁴ Третье ограничение — материалом только одного *Жития Стефана Пермского* — объясняется тем обстоятельством, что только это житие на тот момент считалось бесспорно принадлежащим Епифанию Премудрому [Вигзелл 1971: 232, примеч. 2]. Хотя анализируются библейские цитаты в одном произведении, выводы, судя по названию статьи, автор распространяет на все сочинения книжника.

мог создать свой стиль на основе знаний литературы и благодаря своему таланту. Автор «Жития Стефана Пермского» изливал свои непосредственные чувства благоговения перед святым, что подтверждается анализом цитат из Библии. Нет сомнений, что Епифаний сочинял свои произведения, свободно обращаясь к Библии. Нет сомнения также, что его «плетение словес» говорит о любви к слову. Для него это наилучший способ передачи своих чувств и создания произведения, достойного святого, достойного стать в один ряд среди великих житий прошлого. Он сознает, что может даже для вящей славы святого адаптировать цитаты из священного писания в соответствии со стилистическим замыслом «Жития», вопреки средневековому страху перед малейшим изменением Библии.

Витиеватый стиль «Жития Стефана Пермского» эмоционален и свободен и служит определенной цели; он далек от застылости тяжеловесного стиля XVI в., когда «плетение словес» стало единственно приемлемым устоявшимся стилем и чисто ученым упражнением [Вигзелл 1971: 242–243].

Содержащееся в этих строках отчетливое противопоставление двух моделей творчества — свободного письма по наитию Епифания Премудрого и ученых упражнений книжников последующего XVI в. — не оставляет сомнений в том, что Ф. Вигзелл мыслила метод его работы целостным, единым и не меняющимся от произведения к произведению или от источника к источнику.

В монографии 1976 г., предваряя анализ библейских цитат в *Житии Стефана Пермского*, исследовательница признает, что некоторые из словесных примеров Епифания настолько замысловаты, что кажется невероятным, что он мог писать свободно⁵. Однако в завершение анализа она снова приходит к выводу, касающемуся не только одних библейских цитат: «Epifanij did not compose laboriously; his word patterns are the product of a remarkable poetic talent» [Kitch 1976: 130]. Такое обобщающее заключение главы о библейских цитатах в дальнейшем оказывается нужным для подкрепления вывода о главном стилистическом новшестве агиографа — перенесении в житие некоторых приемов литургической поэзии и панегирической литературы, которые позволили ему создавать прозу более ритмизованную, чем в оригинале [Ibid.: 273].

Обе упомянутые публикации, и особенно русскоязычная версия, в свою очередь, оказали влияние на последующие работы, посвященные творчеству Епифания Премудрого. Часто встречаются ссылки на выводы исследовательницы как на уже доказанные факты⁶, реже —

⁵ «So intricate are some of Epifanij's word patterns, that it seems improbable that he could have composed freely, and yet the tone of the *Life*, with its impassioned protestations of unworthiness, its lyrical praise of Stefan clearly suggests spontaneity. The apparent contradiction can be resolved by establishing Epifanij's method of composition» [Kitch 1976: 111].

⁶ См., например: [Петрова 2006: 54; Шумило 2014: 34].

попытки применить ту же методику к иным древнерусским сочинениям⁷. Вместе с тем итоговый вывод Ф. Вигзелл [1971: 242] о том, что Епифаний Премудрый не обращался к текстам, предназначенным для индивидуального чтения, не «переписывал» библейский текст, а цитировал его по памяти и что метод его работы был «свободный и непосредственный», в той или иной степени был опровергнут дальнейшими исследованиями.

В статье «Конструктивное и стилистическое применение цитат в “Житии Стефана Пермского”, написанном Епифанием Премудрым» анализ библейских цитат, в частности подборки стихов из Псалтири в главе «О призваньи и о вѣрованьи многихъ языкъ», заставляет О. Ф. Коновалову прийти к выводу, что такая сложная конструкция вряд ли была составлена по памяти, без подготовительной работы книжника с рукописью:

Почти вся глава состоит из цитат священного писания, «сплетена» из них, при этом в переходе от одного текста к другому почти отсутствует авторская речь. [...] В соответствии со всей изобразительно-стилистической системой Епифания в этой главе сосредоточены различные стилистические приемы, ведущим из которых является цитация. Начинается глава авторским рассуждением о значении и необходимости обращения в христианство всех народов [...] Самое начало как бы вводит читателя в торжественную тему повествования, настраивает на высокий лад. Созданию настроения способствует Псалтырь, которая особой мелодикой своих песнопений и гимнов оказывала наиболее сильное воздействие на читателя и слушателя. Стилистическая симметрия, свойственная псалмам, усиливает значение и облегчает понимание текста. Епифаний Премудрый, используя эти особенности псалтырных стихов, подбирает из всех, имеющих параллели к теме жития, те, которые по стилистическим признакам в наибольшей мере усиливают как эмоциональное, так и логическое воздействие на читателя. Стилистический период состоит из псалмов, подобранных таким образом, чтобы основной акцент был на словосочетании «вся земля». Епифаний находит семнадцать стихов с этими словами из разных псалмов и располагает их таким образом, чтобы сохранилось смысловое и логическое единство [...]

Цитаты подобраны с определенной целью. Если предположить, что Епифаний помнил все псалмы наизусть, то и тогда выбрать из них стихи с нужными писателю «ключевыми» словами было бы слишком трудоемко. Естественнее предположить, что агиограф пользовался текстом Псалтыри, рукописью, из которой он и черпал нужные ему стихи, но в этом случае следует считать, что писал не только «по вдохновению», но и составлял свой текст, т. е. работал как компилятор [Коновалова 1979: 505–506].

⁷ О следовании работе Ф. Вигзелл прямо пишет, например, М. К. Кузьмина [2014: 160].

Кроме того, косвенным образом вывод о свободном и непосредственном методе работы Епифания Премудрого опровергают, с одной стороны, рукописная традиция *Жития Стефана Пермского*⁸, с другой, обнаруженные позднее небиблейские источники его сочинений. С каждой новой находкой становится все более ясным, что русский книжник довольно много заимствовал у своих предшественников и нередко копировал текст без изменений. Это означает, что некоторая подготовительная работа, в том числе отбор источников и выписывание нужных пассажей, действительно была частью его творческого процесса, и поэтому метод его сочинительства не мог быть свободным. При этом частный вывод о том, что Епифаний Премудрый сознательно изменял воспроизводимый им текст «без достаточно серьезной причины: только ради приспособления цитаты к своей стилистической схеме» [Вигзелл 1971: 242], как выяснилось, является справедливым в отношении не только библейских, но и любых других источников [Соболев 2001: 542].

Незадолго до выхода в свет работы Ф. Вигзелл была сформулирована гипотеза, оставшаяся неизвестной широкому кругу исследователей, о том, что творчество по наитию было частью литературной теории книжников конца XIV — начала XV в. — сложной, логически завершенной и продуманной системы, уходящей корнями в учение исихастов; на самом деле при написании сочинения писатель «подготавливается заранее, обдумывает каждую мелочь, пользуется всеми доступными ему художественными средствами» [Коновалова 1958: 210–211]. Творчество по наитию и продуманная писательская работа при таком подходе сосуществуют как образ автора в произведении и манера сочинительства, используемая на практике. Хотя появлению этой гипотезы способствовало только внимательное чтение авторских свидетельств того времени, подтверждает ее (и одновременно опровергает вывод Вигзелл о свободном письме Епифания) уже сам перечень известных на сегодняшний день литературных источников агиографа.

Помимо *Жития Стефана Пермского*, авторству Епифания Премудрого атрибутируют еще несколько сочинений: *Житие Сергия Радонежского*, *Похвальное слово Сергию Радонежскому*, *Послание к Кириллу*

⁸ Текст *Жития Стефана Пермского* был доступен Ф. Вигзелл по изданию В. Г. Дружинина [*Дружинин 1897*], в основу которого положен список из Синодального собрания, № 91 (ныне ГИМ) с разночтениями из двух других списков (ныне РНБ, собрание М. П. Погодина, № 862 и № 648). Позднее А. В. Духаниной [2011а: 26] были приведены чтения некоторых списков, которые не подтверждают, в частности, определение источника псаломского стиха [Пс 81: 5], который Епифаний Премудрый, по мнению Вигзелл, дважды процитировал в *Житии Стефана Пермского* по памяти, используя разные глаголы [Вигзелл 1971: 240].

Тверскому и ряд других [Дробленкова, Прохоров 1988: 211–218; Шибает 2008; Духанина 2015: 560–566]. С большой долей вероятности источниками трех агиографических сочинений, принадлежность которых Епифанию Премудрому сейчас, как кажется, признается единодушно, могли быть следующие литературные памятники:⁹

1. *Житие Стефана Пермского: Сказание о письменах* Черноризца Храбра [Ключевский 1871: 94; Куев 1967: 54, 172–175; Петрова 2014: 322–324; Духанина 2021а: 178–184], *Слово о законе и благодати* Илариона Киевского [Никольская 1928–1929: 561; Соловьев 1961: 100–101; Kitch 1976: 162–163; Руди 2014: 142], *Слово Мелентию Антиохийскому* Григория Нисского [Holthusen 1967; Алиссандратос 1984], рассказ о прении антиохийского патриарха Ефрема с еретиком-столпником из Синайского патерика, слово 44-е [Поп 1976], *Предисловие* к мартовскому тому *Стишного пролога* [Прохоров 1981: 62–63; Idem 2003: 185–186, 356–357; Духанина 2021а: 185–189; Eadem 2023: 5–13], *Слово подвижническое и увещание об отречении от мира и о духовном совершенстве* Василия Великого [Борисов 1989: 70, примеч. 6; Духанина 2015: 135, примеч. 3]¹⁰, летописный рассказ о посещении апостолом Андреем будущей Русской земли [Прохоров 1995: 269], *Чтение о Борисе и Глебе* Нестора Печерского [Конявская 2000а: 167; Eadem 2000б: 83], *Повесть о святом Авраамии*, приписываемая Ефрему Сирию [Соболев 2001], *Триодь*, *Ирмологий* и другие богослужебные книги [Антонова 1981: 226; Шумило 2014, Eadem 2017]¹¹, возможно, также *Слово на Пасху и о своем промедлении* Григория Богослова [Духанина 2023: 11];

2. *Похвальное слово Сергию Радонежскому: Житие Марии Египетской* [Клосс 1998: 95], *Похвала Евфимию Великому и Савве Освященному* Кирилла Скифопольского [Ibid.: 17; Пак 2021: 281–284];

⁹ В этот перечень не включены памятники, причисляемые к литературным источникам Епифания Премудрого теми или иными исследователями без текстологических обоснований.

¹⁰ Полный текст (CPG 2889) либо краткое извлечение из славянского перевода этого памятника (нач. «Буди ревнитель право живущихъ и сихъ дѣяние напиши на своемъ сердци...»); текст сокращенной версии издан: [ВМЧ 1868: 149]. Исследователями определен источник цитаты в *Житии Сергия Радонежского*; тот же текст Епифаний Премудрый цитирует и в *Житии Стефана Пермского*.

¹¹ С. М. Шумило несколько раз подчеркивает, что песнопения и молитвословия *Триоди* были хорошо знакомы автору и его читателям по церковному богослужению и что произведения Епифания Премудрого построены на ассоциативных связях, возникающих при узнавании цитат. Два исключения из выявленного ею круга источников — цитаты из службы на Рождество Христово и из будничного антифона — она объясняет ошибкой воспроизведения по памяти [Шумило 2017: 40]. Но думается, что вывод об особом значении *Триоди* в творчестве Епифания Премудрого будет существенно уточнен при систематическом исследовании богослужебных источников его сочинений.

3. *Житие Сергия Радонежского: Житие Феодора Эдесского* [Яблонский 1908: 277–279; Клосс 1998: 24, 29–30, примеч. 17], *Житие Евфимия Великого* [Федотов 2000: 118–119; Клосс 1998: 36–37; Руди 2006: 438, примеч. 27; Пак 2023: 732] и *Житие Саввы Освященного Кирилла Скифопольского* [Клосс 1998: 17, 21–22, 27, 28, 32–33, 37], *Слово подвижническое и увещание об отречении от мира и о духовном совершенстве Василия Великого* [Борисов 1989: 70, примеч. 6; Духанина 2015: 135, примеч. 3];¹² в тексте упоминаются также *Житие Николая Чудотворца*, *Житие Ефрема Сирина*, *Житие Алипия Столпника*, *Житие Симеона Столпника*, *Житие Феодора Сикеота*, *Житие Феодора Тирона*, *Житие митрополита Петра*, *Лествица Иоанна Синайского*, *Житие Антония Великого*, *Житие Пахомия Великого*, *Житие Феодосия Великого*, *Патерик*, но конкретные версии этих памятников, известные Епифанию, и объем заимствований из них еще предстоит определить.

Все сказанное говорит о насущной необходимости дальнейшего исследования как вопроса об источниках, так и напрямую связанного с ним вопроса о методе работы книжника. В данной статье оба вопроса будут рассмотрены на новом сравнительном материале.

1. *Похвальное слово Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого. Это сочинение было написано в похвалу создателя и первого игумена монастыря Святой Троицы и предназначалось для произнесения в церкви в день его памяти. Вопрос о времени написания *Похвального слова* не имеет общепринятого решения, но все датировки располагаются в пределах первой четверти XV в.¹³ Текст памятника сохранился в одной редакции [Клосс 1998: 148], представленной 53 списками XV–XVII вв. [Ibid.: 148–153]. Кроме *Похвального слова Сергию Радонежскому*, написанного Епифанием Премудрым, в двух списках XV и XVI в. до нас дошло анонимное *Краткое похвальное слово* этому святому¹⁴ [Ibid.: 154].

Рукописная традиция *Похвального слова* Епифания Премудрого не исследована. На сегодняшний день имеется только археографический перечень рукописей, содержащих этот памятник [Клосс 1998: 148–153], и выявлено важное расхождение, отличающее ранние списки от более поздних: «...согласно первым, Сергей жил 70 лет, в монашестве — 50 лет,

¹² См. примеч. 10.

¹³ Обзор датировок *Похвального слова* со ссылками на литературу см.: [Духанина 2009: 68, примеч. 12; Духанина 2021б: 173–174].

¹⁴ Текст издан: [Тихонравов 1892: Отд. II, 153–156].

в других списках даты исправлены на основании одной из Пахомиевских редакций Жития Сергия — 78 и 55 лет соответственно» [Ibid.: 148].

Текст *Похвального слова* Епифания Премудрого неоднократно издавался, каждый раз по одному списку: [ВМЧ 1883: 1563–1578; Архим. Леонид 1885: 145–165; Тихонравов 1892: Отд. II, 131–152; Буланин 1981: 406–429; Клосс 1998: 271–283; Буланин 1999: 390–411]. Критического издания памятника нет¹⁵.

В предисловии *Похвального слова Сергию Радонежскому* непосредственно после заимствования из *Жития Марии Египетской* и перед заимствованиями из *Похвалы Евфимию Великому и Савве Освященному* читаются два больших фрагмента из памятника, в славянском переводе имевшего хождение под заглавием «Сказание Иоанна мниха и презвитера Евию. Слово на благовѣщение Иоакима и Анны» (нач. «Великий апостолъ, иже божественныхъ таинъ сказатель...»), который ранее не упоминался в числе источников Епифания Премудрого.

Иоанн Эвбейский (перв. пол. VIII в.) известен как автор четырех сочинений: *Слова на зачатие пресвятой Богородицы* [ВНГ 1117, СРГ 8135], в славянском переводе «Слово на благовѣщение Иоакима и Анны», *Слова об убиенных царем Иродом Вифлеемских младенцах* [ВНГ 825, СРГ 8136], *Слова на воскрешение Лазаря* [ВНГа 2220, СРГ 8137] и *Мучения Параскевы* [ВНГа 1420р, СРГ 8138]¹⁶. За исключением *Слова на благовѣщение Иоакима и Анны*, славянские переводы его сочинений, как кажется, неизвестны.

¹⁵ Характеризуя имеющиеся в распоряжении исследователей издания *Жития Стефана Пермского*, А. В. Духанина [2011б: 265] делает весьма категоричный вывод: «...изучение епифаниевских принципов цитирования невозможно без предварительного выявления первичных чтений» (имеются в виду исследование сохранившихся списков памятника и оценка разночтений между ними). Однако решение вопроса о том, какое чтение является первичным, а какие вторичными, на материале одной только рукописной традиции возможно в довольно редких случаях, когда она представлена тремя и более текстуальными ветвями. В остальных случаях (когда текстуальных ветвей две, или она всего одна, или каждая из ветвей представлена фрагментарными списками) решить вопрос, какое из вариантных чтений списков читалось в оригинале Епифания, при помощи стеммы рукописей не всегда представляется возможным. Напротив, привлечение такого дополнительного свидетельства, как литературные источники агиографа, использованные в момент создания памятника, может способствовать также и решению вопроса о первичном чтении: при совпадении чтения источника и чтения одной или нескольких рукописей совпадающее чтение, скорее всего, и будет чтением оригинала. Поэтому изучение рукописной традиции какого-либо памятника и изучение его литературных источников и принципов их адаптации целесообразно вести не поэтапно, а параллельно.

В настоящей статье, не имея возможности привлечь к исследованию все введенные в научный оборот списки *Похвального слова Сергию Радонежскому*, я использую текст первого издания этого памятника, осознавая, что сделанные на его материале выводы могут быть уточнены.

¹⁶ Об Иоанне Эвбейском см.: [ODB, 2: 1065].

Сохранились южнославянские списки *Слова на благовещение Иоакима и Анны* [Hannick 1981: 93; Иванова 2008: 198, I.1]. В так называемую Студийскую коллекцию (XIV в.)¹⁷ оно входит как чтение на 9 сентября, рождество Богородицы [Юфу 1970: 312, № 9]. В одной из южнославянских рукописей XIV в. имеется уставная помета, предписывающая чтение этого памятника также и на 9 декабря, зачатие Анны: «м(с)ца де(к) ѿ. за(ч)тїе стѣж анны. и(щ) се(н) ѿ.» [Иванова 2008: 198].

В Великих Минеях Четых митрополита Макария (XVI в.)¹⁸ *Слово* помещено под двумя датами: 9 сентября и 9 декабря.

По крайней мере три версии *Слова* встречаются в славянской рукописной традиции: одна из них воспроизводит греческий оригинал¹⁹, две другие включают разного объема интерполяции. В декабрьских томах Великих Миней Четых в составе *Слова* имеются четыре вставки из *Первоевангелия Иакова*, отмеченные издателями, и одна вставка из неустановленного источника об иудейском обычае совершать литургию 40

¹⁷ По предположению румынского исследователя Й. Юфу, между 1397 и 1424 гг. южнославянскими книжниками было составлено двенадцатитомное собрание житий и гомилий на праздничные дни целого года, включавшее почти 400 житий, торжественных слов и проповедей. Часть памятников была переведена с греческого, для других использовались уже имевшиеся славянские переводы. Инициатором этого предприятия был знаменитый реформатор, исихаст, патриарх Евфимий Тырновский, с деятельностью которого связывают переход славянского богослужения на Иерусалимский устав. Двенадцатитомное собрание риторических текстов, по всей видимости, и возникло как ответ на новые требования к уставным чтениям. Работа над составлением Студийской коллекции могла быть начата в Тырново и продолжена в Студийском монастыре близ Константинополя и на Афоне [Jufu 1963a; Jufu 1963b; Юфу 1970]. Позднее многие положения этой гипотезы были уточнены или опровергнуты. Предполагаемое время работы по созданию памятника было перенесено на более ранний период, поскольку, как выяснила Кл. Иванова, самые ранние списки датируются 1370–1380-ми гг. [Иванова 1991: 130, примеч. 25].

Состав минейного цикла Студийской коллекции подробно проанализирован в: [Hannick 1981]; описание триодного цикла до сих пор не предпринято никем из исследователей.

Списки разных томов Студийской коллекции, как полные, так и частичные, получили большое распространение среди балканских славян и в молдавских и валашских землях [Юфу 1970; Иванова, Велковска 2014: 238]. Восточным славянам в полном виде Студийская коллекция оставалась неизвестной вплоть до 30-х гг. XVIII в., когда книжниками-старообрядцами на ее основе был создан Триодный пятидесятный торжественник особого состава. Описание старообрядческого торжественника см.: [Лончакова 2018]. Практически все его гомилии первых двух частей [Ibid.: 133–157] входят в состав среднеболгарской рукописи из собрания Рильского монастыря, № 4/7; рукопись описана: [Спространов 1902: 96–103]. Примечательно, что некоторые из них не встречаются в молдавских списках триодной части Студийской коллекции, см.: [Паскалев 1992: 54–60].

¹⁸ О Великих Минеях Четых см.: [Дробленкова 1988a; Ляховицкий, Шибяев 2017].

¹⁹ Текст первой версии издан: [Zamfirescu 2015: 108–128].

священниками²⁰. Дополнительно к интерполяциям декабрьских томов все три списка сентябрьского тома после слов «и Богородичныа надежда нашаа праздно» содержат механически присоединенный большой фрагмент славянского перевода *Похвалы Евфимию Великому и Савве Освященному* Кирилла Скифопольского, от слов «съ матерію обещно сих(ъ) приємлеть, глаголя» до слов «подобно симъ открывати, яко не утайти пол'зовати», сопровождающийся именами Евфимия и Саввы, появление которого не обусловлено контекстом²¹. Эта вставка — характерная особенность сентябрьских томов Великих Миней Четьих; в декабрьских томах этого фрагмента нет.

В сентябрьские четьи минеи домакарьевского состава (в частности, ГИМ, Синодальное собрание, № 169; РГБ, ф. 173.I, фундаментальное собрание Московской Духовной академии, № 88) *Слово на благовещение Иоакима и Анны* не входило, но оно присутствует в декабрьской минее РГБ, ф. 173.I, фундаментальное собрание Московской Духовной академии, № 90, л. 239–255об. (в этом списке читаются те же интерполяции, что и в декабрьских томах Великих Миней Четьих).

Слово входит в числе дополнительных статей в состав одного из восточнославянских списков Евангелия Учительного как чтение на 9 декабря (РГБ, ф. 209, собрание П. А. Овчинникова, № 32, пер. пол. XV в.) [Якшин 2012: 42]. Как считает И. В. Якшин, это дополнение было извлечено редактором сборника из минеи четьей [Ibid.].

Так как в *Похвальном слове Сергию Радонежскому* использовано только самое начало, все три славянские версии *Слова на благовещение Иоакима и Анны* одинаково могли быть источником Епифания Премудрого.

В заимствованном тексте русским книжником сделано несколько небольших изменений. Рассмотрим их. Курсивом выделены изменения в славянском переводе *Слова на благовещение Иоакима и Анны* и в *Похвальном слове Сергию Радонежскому*.

²⁰ Текст второй версии издан: [ВМЧ 1904: 772–793]. Интерполяции из *Первоевангелия Иакова*: [ВМЧ 1904: 576, примеч. 7, 580–581, примеч. 5, 582, примеч. 2, 583–584, примеч. 3]; интерполяция из неустановленного источника: [ВМЧ 1904: 588, примеч. 2].

²¹ Текст третьей версии издан: [ВМЧ 1868: 432–449]. Интерполяция из *Похвалы Евфимию и Савве*: [ВМЧ 1868: 447–449].

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского		Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого
Ὁ μέγας Ἀπόστολος Παῦλος ὁ τῶν μεγάλων μυστηρίων ἐξηγητής, τὰ τῆς σωτηρίας ἡμῶν πραγματευόμενος ἐκδιδάσκει, ἐλέγχει, ἐπιτιμᾷ, παρακάλεῖ ἐν παντὶ εὐχαριστεῖν, ἀδιαλείπτως προσεύχεσθαι· καὶ τοῦτο πᾶσιν ἀνθρώποις ἔξεστιν· οὐδεὶς δὲ ἄξιος, μὴ κεκαθαρμένην ἔχων τὴν ἐννοιαν τοῦ ἔσω ἀνθρώπου, τοιούτος ὢν, ὡς ὁ τάλας ἐγὼ, σειραῖς τῶν ἐμῶν πλημμελιῶν σφιγγόμενος, τοιούτων ὑπὲρ λίαν πραγμάτων προσάψασθαι· ἀλλ' ἢ μόνον καθ' ἐκάστην ἡμέραν τὴν ἀνομίαν μου ἀναγγεῖλῶ, καὶ μεριμνήσω ὑπὲρ τῆς ἀμαρτίας μου.	Великий Апостолъ, иже Божественныхъ таинъ сказатель, яже спасенiа нашего искупя, научаетъ, обличаетъ, запрещаетъ, молить во всемъ благодарити, непрестанно молитися. И се всѣмъ человѣкомъ лѣтъ есть; никтоже достоинъ есть, очищену имѣа мысль внѣшняго²³ человѣка. Такъ сый страстный азъ, пленицами²⁵ моихъ грѣховъ стягнуть, таковымъ преславнымъ вещемъ <i>нелѣпо бѣ мнѣ коснутися</i>, но развѣ точію безаконiа моа <i>возвѣщавати</i> и <i>пещися</i> о грѣсехъ моихъ.	²²Тайну цареви добро есть хранити, а дѣла Божіа проповѣдати преславно есть; еже бо не хранити царевы тайны пагубно есть и блазнено, а еже молчати дѣла Божіа преславная бѣду души наносить. Тѣмъже и азъ боюся молчати дѣла Божія, възпоминая муку раба оногo, приимшаго Господень талантъ и в земли скрѣвишаго и прикуна имъ не сѣтворивша:²² (1) никтоже бо достоинъ есть очищену²⁴ имѣа мысль внѣшняго человѣка; таковъ сый страстный азъ, пленицами <i>многими</i> грѣховъ моихъ стягнуть, таковымъ преславнымъ вещемъ нелѣпо бѣ мнѣ коснутися, но развѣ точію безаконiа моя възвѣщати и <i>пещися</i> о грѣсехъ моихъ.

²² Заимствование из *Жития Марии Египетской*.

²³ В публикации «внѣшняго».

²⁴ Конъектура к этому слову «неочищену», предложенная архим. Леонидом [Архим. Леонид 1885: 145], была принята последующими издателями [Буланин 1981: 406, 572; Клосс 1998: 271, примеч. 1; Буланин 1999: 390, 556], за исключением Н. С. Тихонравова, который заметил, что во всех известных ему списках читается «очищену» [Тихонравов 1892: Отд. II, 131, примеч. 1]. При сравнении с источником исправление «неочищену» представляется излишним.

²⁵ В публикации «плѣницами».

Σλοво на благовещение Ιοακима и Анны Ιοαννα Εμβейского		Ποхвальное слово Сергиу Радонежскому Επιφανια Премудрого
Ἄλλ' ἐπειδὴ ὁ πόθος ἔλκει με, ὁ φόβος ἀνθέλκει με, καὶ ἡ ἀναξιότης σιγᾶν ἐπιτιμᾷ μοι· καὶ αἱ ἁμαρτίαι μου ὥσει φορτίον βαρὺ ἐβαρύνθησαν ἐπ' ἐμὲ, καὶ τί ποιήσω οὐκ οἶδα· ἄρα τολμήσω ἀνάξιος ὢν τοῦ ἐγχειρήματος; τί ἐρήσομαι; ἐπιτιμήσω ἐμαυτὸν, ταλανίσω τὴν ἐμαυτοῦ ταλαιπωρίαν; ἐπισχῶ τῶν ἀναβαινόντων ἐν τῇ καρδίᾳ μου μακαρισμῶν περὶ τῆς πανυμνήτου θεοδόχου τε καὶ θεοτόκου καὶ ἀγίας παρθένου Μαρίας; Ἄλλ' αὐτῇ, Θεοτόκε, συνέργησόν μοι, ἵνα τὸ θέλημα τοῦ ἐκ σοῦ γεννηθέντος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν γένηται· ἵνα μὴ ὡς ἀναξίου σκοτισθῇ ἡ διάνοιά μου· ἀλλ' αὐτὰ ἅπερ μὴ γράφοντί μοι ἐν τοῖς διαλογισμοῖς ἀναβαίνει περὶ τῶν σῶν ἐγκωμίων,	Но понеже желаніе привлечит ¹ мя, страхъ же отвлечит ¹ мя, и недостойнство молчать запрещает ми, и грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ, и что сотворю? дерзну ли недостойнѣ к начинанію? что убо реку ли? или запрѣщю себѣ? окаю ли свое окаанство? внимаю ли восходящимъ на сердце мое блаженствомъ о всепѣтей и Богопріятнѣй же Богородицы и приснодѣвѣи Маріи? Но ты сама, Богородице, содѣйствуй ми, яко да воля иже ис тебе рождашагося Христа Бога нашего будетъ, да (не) ²⁹ яко недостойну ми помрачится умъ мой; но сама яже и не пишущу ми въ мысли <i>моей</i> да въздуть о твоихъ похвалахъ,	Но понеже желаніе привлечит ¹ мя и недостойнство молчать запрещает ²⁶ ми, грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ, и что сотворю? дерзну ли недостойнѣ к начинанію? что убо? реку ли или запрещю в ²⁷ себѣ? окаю ли свое окаанство? ²⁷ внимаю ли вѣсхо дящимъ на сердце мое блаженствомъ ²⁸ о <i>преподобнѣмъ?</i> но ты <i>самъ, отче,</i> содѣйствуй мнѣ, да не яко недостойному ми помрачится умъ мой, но <i>самъ</i> яже и не пишущу ми в ²⁷ мысли моею да въздуть отъ твоихъ похвалъ,

²⁶ В издании воспроизведена ошибка списка ГИМ, Синодальное собрание, № 986, л. 675d, «запрещают» вместо «запрещает».

²⁷ Слова «окаю ли свое окаанство» Б. М. Клосс [1998: 103] возводит к *Мучению Кирика и Улиты*.

²⁸ В публикации «блаженствомъ».

²⁹ В публикации и рукописи отсутствует, исправлено по декабрьскому тому Великих Миней Четьих [ВМЧ 1904: 773].

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского		Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого
ταῦτα καὶ γράφοντί μοι συνέρρησον· πολλάκις γὰρ ἐνθυμούμενος καὶ περίδακρυς γέγονα διὰ τὴν ἐμὴν ἀναξιοῦτητα ἐν νῶ λαμβάνων τῶν τοῦ πυριγλώττου καὶ μεγαλοφώνου Ἡσαΐου ῥημάτων [Ballerini I: 49–51].	сия и пишущу ми содѣйствуй. Множицею бо въспоманувъ, слезы испустихъ моего ради недостойнства, егда прииму огнеязычнаго и велегласнаго Исаиа глаголь [ВМЧ 1868: 432].	сия и пишущую ми ты вразуми и настави: множицею бо въспоманувъ и слезы о семъ испустихъ моего ради недостойнства... [ВМЧ 1883: 1563–1564].

Из этого сопоставления ясно, что Епифаний Премудрый переписывал свой источник, а не цитировал по памяти и располагал только его славянским переводом. Несоответствие нескольких мест славянского перевода греческому тексту, которое прежде всего обращает на себя внимание, по всей видимости, возникло вследствие расхождений в греческой рукописной традиции.

Слова «но развѣ точію безаконіа моя възвѣщати и пещися о грѣсехъ моихъ» являются парафразом Псалтири [Пс 37:19]. В опубликованном греческом тексте Слова на благовещение Иоакима и Анны библейский текст воспроизведен практически дословно:

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского	Пс 37:19
ἀλλ' ἢ μόνον καθ' ἐκάστην ἡμέραν τὴν ἀνομίαν μου ἀναγγεῶ, καὶ μεριμνήσω ὑπὲρ τῆς ἁμαρτίας μου. [Ballerini I: 50].	ὅτι τὴν ἀνομίαν μου ἐγὼ ἀναγγεῶ καὶ μεριμνήσω ὑπὲρ τῆς ἁμαρτίας μου [Septuaginta II: 39].

Изменения цитаты (замена будущего времени глаголов инфинитивом ἀναγγεῶ ‘возвещу’ > «возвѣщавати», μεριμνήσω ‘попекусь’ > «пещися» и ед. числа имени существительного и местоимения мн. числом: ὑπὲρ τῆς ἁμαρτίας μου ‘о грехе моем’ > «о грѣсехъ моихъ») могут принадлежать переводчику Слова на благовещение Иоакима и Анны, который устранил также обстоятельство времени καθ' ἐκάστην ἡμέραν (дословно оно могло быть переведено славянским книжником как «по вся дни»), предваряющее библейский текст. Но более вероятно, что славянский перевод точно передает особенности какого-то греческого списка этого

памятника, отличающегося от опубликованного³⁰. Епифаний Премудрый в этом фрагменте следует своему источнику.

Слова «яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ» представляют собой точную цитату из Псалтири [Пс 37:5]. Для изучения метода работы Епифания Премудрого в этих двух примерах [Пс 37:19 и 37:5] значимо только то, что библейский текст был скопирован русским книжником из *Слова на благовещение Иоакима и Анны*.

Обратимся к изменениям в тексте источника, сделанным самим Епифанием. При помощи союза «бо» («никтоже бо достоинъ есть») он присоединяет заимствованный текст к предыдущей сентенции, в свою очередь заимствованной из *Жития Марии Египетской*. Выражение «пленицами моихъ грѣховъ» он дополняет определением «многими» и меняет порядок слов («грѣховъ моихъ»), усиливая тем самым тему греховности автора и выравнивая ритмический строй текста³¹. Глагол «содѣивуй» во втором случае употребления заменяет сочетанием «вразуми и настави», устраняя повтор и нанизывая смысловые нюансы в соответствии с литературным приемом «плетения словес». Кроме того, Епифанию может принадлежать исключение фразы «страхъ же отвлачитъ мя», если оно не было осуществлено поздним переписчиком *Похвального слова*³².

Остальные изменения не показательны и могут быть объяснены необходимостью приспособить источник под свои нужды.

Далее Епифаний выпускает большой фрагмент с рассказом о получении пророческого дара Исаией [ВМЧ 1868: 432–433]. Хотя мотив происхождения словесного дара свыше был чрезвычайно близок творчеству Епифания (он развивается также в предисловиях к двум другим

³⁰ См. примеч. 37 и 38.

³¹ Ритмический рисунок рассматриваемого фрагмента построен на разнообразном чередовании трех- и пятиударных изоколических рядов:

3 Никтоже бо / достоинъ / есть
5 очищену / имѣя / мысль / внутреняго / чловѣка;
3 таковъ сый / страстный / азъ,
5 пленицами / многими / грѣховъ / моихъ / стягнуть,
3 таковымъ / преславнымъ / вещемъ
3 нелѣпо бѣ / мнѣ / коснуться,
5 но развѣ / точію / безаконіа / моя / възвѣщати
3 и пеиши / о грѣсехъ / моихъ.

Таким образом, слово «многими» было необходимо для восполнения недостающего сегмента пятиударного ряда, который был бы в его отсутствие четырехударным.

³² На сегодняшний день окончательно решить вопрос, читалась ли эта фраза в авторском тексте Епифания Премудрого, не представляется возможным. Если при исследовании списков *Похвального слова* будет обнаружен хотя бы один, где эта фраза читается, не содержащий никаких других следов повторной сверки с источником, можно будет с уверенностью говорить, что ее исключил не Епифаний.

его сочинениям — *Житию Стефана Пермского* и *Житию Сергия Радонежского*)³³, исключение этого эпизода можно объяснить композиционными соображениями. Очевидно, что основной для Епифания здесь была тема греховности и что рассказ об Исае замедлил бы повествование и множеством деталей увел сюжет в сторону. Причиной исключения этого эпизода могла быть также нарочитая физиологичность описания, присутствующая уже в библейском тексте³⁴.

В следующем заимствованном фрагменте изменения в основном представляют собой сокращения при адаптации источника.

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского		Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого
Εἰ δὲ οὗτος ὁ μέγας τοῦ Θεοῦ προφήτης οὕτως ταλανίζει ἑαυτὸν, ἐγὼ τί ποιήσω, ὁ στόμα καὶ χεῖλη, καὶ καρδίαν, καὶ πάντα τὰ αἰσθητήρια ἀνάξια κεκτημένος, εἰ μὴ αὐτὴ πανάχραντε χεῖρα μοι ὀρέξεις; ἀλλ' εἰ καὶ ἐπαξίως οὐκ εἰμὶ ἱκανὸς ἐγκώμια σοὶ προσαγαγεῖν, προσφέρω σοι	Аще же сей великій сице окая себе: азъ что сотворю, иже уста и устны и сердце и вся чювьства ³⁵ недостойна стяжавый, аще не ты ми, Пречистаа, руку простреши? Но аще и по достоянию нѣсмь доволенъ похвалы тебѣ принести ³⁷ малы нѣкыа отъ великихъ, и малаа отъ великихъ провѣщати: обаче сподоби мя похвалы тебѣ принести приносящей	...да не како не получю искомаго, о немже начахъ, (2) аще не ты руку простреши; нѣсмь бо доволенъ по достоаію похвалы тебѣ приносить, но мала нѣкая отъ великихъ провѣщати ³⁶ . Но обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ, приносящаго

³³ В соответствии с теорией Р. Пиккио представление о том, что словесный дар ниспосылается свыше, лежит в основе всей литературы *Slavia Orthodoxa* [Пиккио 2003: 142].

³⁴ «И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Сераѳимъ, имѣаше в руцѣ своей уголь, егоже клѣщами въземъ отъ олтаря, и коснуся устомъ моимъ, и рече: се сый коснуся устамъ твоимъ, и грѣхы твоя очиститъ» [ВМЧ 1868: 433]; ср.: [Ис 6:6].

³⁵ В публикации «чувства».

³⁶ В публикации «провѣщати».

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского		Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого
δεήσεις ὑπὲρ τῆς ἐμῆς ἐλαχιστίας πρὸς τὸν ἐκ σοῦ σαρκωθέντα Θεὸν ἡμῶν· εἰ γὰρ καὶ πάντες ἄξιοι, ἀλλ' ἐγὼ ἀνάξιος, ἐλκόμενος, καὶ ἐπιθυμῶν ἵνα καὶ ἀπὸ τῶν ψυχίων τῆς τραπέζης τῶν ἐκλεκτῶν μέτοχος γένωμαι· δυνατὸν γὰρ καὶ ἐκ πλήθους ψυχίων χορεσθῆναι. [Ballerini I: 53–54].	мол́бы о моей худости ³⁷ ко иже ис тебе воплощышомуся <i>Христу</i> Богу нашему. Аще бо и вси достойни, но азъ недостойнъ, влекомъ и жадый, да поне крупицамъ трапезы избраннѣхъ причестникъ буду: ³⁸ дово́лно бо ми се, яко да внутрь вратъ бывъ поне крупицамъ сподоблюся; ³⁸ могутъ бо и множество крупицъ насыти(ти) ³⁹ [ВМЧ 1868: 433].	мол́бы о моей худости Христу Богу нашему; аще бо и вси достойни, но азъ недостойнъ <i>есмь</i> , в́лекомъ и жадаю, да поне крупицамъ трапезы избраннѣхъ причастникъ буду: могутъ бо и множество крупицъ насытити <i>алчущиѣхъ</i> <i>душа, наипаче же духовныхъ</i> <i>отецъ ученiа и душеполезная</i> <i>слова не токмо телеса,</i> <i>но и самую душу могутъ</i> <i>укръпити и окормляти</i> <i>к⁴⁰ духовнымъ подвигомъ...</i> [ВМЧ 1883: 1564].

³⁷ В примечаниях к изданию греческого текста Слова на благовещение Иоакима и Анны приводятся разночтения из греческой рукописи, в которой читается этот фрагмент, ср.: *μικρὰ τινὰ ἐκ μεγίστων· καὶ ὀλίγα ἐκ πολλῶν φθεγῆσμένῳ· κατὰξίωσον ἐγκωμιά σοι προσάγαγω ὅπως προσφέρουσα δεήσῃν ὑπὲρ τῆς ἐμῆς ἐλαχιστείας* [Ballerini I: 53, b]. Полу жирным шрифтом выделены совпадения между греческим текстом и славянским переводом. Греческий текст в примечаниях приводится издателем без принятой унификации орфографии, надстрочных диакритических знаков и пунктуации.

³⁸ Ср.: *ἀρχετὸν μοι γὰρ τοῦτο ἵνα ἔνδον τῆς θύρας γενόμενος ἔνδον. καὶ ψυχίων ἀξιωθῆσομαι· δυνατὸν γὰρ καὶ ἐκ πλήθους ψυχίων χορεσθῆναι.* [Ballerini I: 53, b]. См. примеч. 37.

³⁹ В публикации и рукописи «насыти», исправлено по декабрьскому тому Великих Миней Четьих [ВМЧ 1904: 774].

⁴⁰ В публикации воспроизведена ошибка списка ГИМ, Синодальное собрание, № 986, л. 676а, «и» вместо «к».

Для перехода к дальнейшему повествованию рассуждение о крупицах трапезы, которым сподобится автор («довольно бо ми се, яко да внутрь вратъ бывъ поне крупицамъ сподоблюся; могутъ бо и множество крупицъ насыти(ти)»), Епифаний заменяет рассуждением о пользе учения для других, переводя повествование от темы греховности автора к теме служения людям и духовного просвещения («могутъ бо и множество крупицъ насытити алчущихъ душа, наипаче же духовныхъ отецъ учения и душеполезная словеса не токмо телеса, но и самую душу могутъ укрѣпити и окормляти к духовнымъ подвигомъ»). Эта фраза составлена под явным влиянием заимствования из *Похвалы Евфимию Великому и Савве Освященному*, помещенного ниже, где говорится о том, что душа укрепляется словом, как тело пищей [ВМЧ 1883: 1565].

2. Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской

По всей видимости, рассмотренные выше заимствования в *Похвальном слове Сергию Радонежскому* — древнейший пример влияния южнославянской переводной гомилии из состава Студийской коллекции на памятники восточнославянской книжности. Но он не был единственным. Слово на благовещение Иоакима и Анны послужило литературным источником еще одного сочинения — *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской*, одна из редакций которого связана с именем Гермогена (†1612), митрополита Казанского, впоследствии патриарха Московского и всея Руси⁴¹. Редакция Гермогена (нач. «Аще убо и предивно чудо содѣяся...») датируется 1594 г. и сохранилась, как предполагают исследователи, в авторской рукописи ГИМ, Синодальное собрание, № 982 [Вовина-Лебедева, Чугреева 2008: 633].

Как установил А. Эббингхауз, редакции Гермогена предшествовала анонимная первоначальная редакция (нач. «Великий апостоль божественныхъ тайнъ сказатель...») [Ebbinghaus 1990: 209–219]. Исследователь отметил также параллель между первоначальной редакцией *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* и *Похвальным словом Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого, которую он объясняет как прямое заимствование одним русским автором у другого⁴². Вторым

⁴¹ О Гермогене см.: [Дробленкова 1988б: 153–163; Вовина-Лебедева, Чугреева 2008].

⁴² Правда, в этом месте имеются некоторые противоречия. По поводу редакции Гермогена Эббингхауз, в частности, пишет: «Anders steht es mit den Zitaten im ersten Teil der Einleitung, in dem Germogen seine Autortätigkeit begründet, indem er auf eine ganze Reihe gängiger Topoi zurückgreift, die z. T. wiederholt anklingen. Im Mittelteil dieses Abschnittes bringt er **eine anfangs wörtliche Übernahme einer Einleitungspassage aus dem Sergij-Enkomion von Epifanij Premudryj** [выделено мной. — Н. П.], und hier ist das Zitat ein nicht-ausgewiesenes. In der Vorlage [т. е. в первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы*

источником *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* в редакции Гермогена послужило *Похвальное слово Покрову Богородицы Пахомия Логофета* (нач. «Понеже убо человекский родъ обыче праздники святыхъ с похвалами праздновати...») [Ibid.: 219; см. также: Кириллин 2017: 172–173]. Соотношение памятников по Эббингхаузу представлено ниже на схеме А. Позднее О. В. Панченко отметил, что пространное предисловие и заключение первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* построены на заимствованиях «из торжественных слов отцов Церкви на богородичные праздники (на Зачатие Богородицы, Покров и Введение во храм)» [Панченко 2006: 672], не упоминая конкретные памятники и *Похвальное слово Сергию Радонежскому*.

Между тем в первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* содержится пространная выписка из *Слова на благовещение Иоакима и Анны* Иоанна Эвбейского, а в редакции Гермогена — ее сокращение. Заимствование в первоначальной редакции было сделано непосредственно из *Слова на благовещение Иоакима и Анны* в славянском переводе. Это соотношение памятников, на котором будут построены дальнейшие рассуждения, показано на схеме Б.

Анонимный автор *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* к *Похвальному слову Сергию Радонежскому* не обращался, а вопрос о том, обращался ли к нему Гермоген Казанский, как будет показано ниже, не столь однозначен.

Фрагмент из *Слова на благовещение Иоакима и Анны* в первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* не представляет для нас особого интереса, так как текст перенесен анонимным автором без изменений. Напротив, ее сокращение в редакции Гермогена является важным для прояснения метода работы Епифания Премудрого. Поскольку мы имеем дело с редким случаем, когда два разных автора (Епифаний Премудрый и Гермоген Казанский), предположительно независимо друг от друга, включают в свои сочинения один и тот же заимствованный текст, попытаемся сравнить приемы их работы.

Казанской. — Н. П.] war allerdings der Adressat der Bitten um Beistand auszutauschen (dort Sergij, hier die Gottesmutter). Vgl. bei Germogen (Tvorenija, 1912) die Passage 1:3 ff. mit dem Pochval'noe slovo pr. Sergiju, in: Die Legenden des heiligen Sergij Radonež, München 1967, 2. Teil, S. 131 f. (in beiden Fällen beginnend mit »Plen-nicami...«)» [Ebbinghaus 1990: 219, примеч. 28]. Почему этот пассаж редакции Гермогена соотнесен с *Похвальным словом Сергию Радонежскому*, не поясняется. Если следовать схеме соотношения памятников, которой придерживается процитированный автор, влияние *Похвального слова Сергию Радонежскому* на редакцию Гермогена было опосредованным, через первоначальную редакцию *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской*. Об источниках первоначальной редакции, безотносительно того, было ли среди них *Похвальное слово Сергию Радонежскому* или нет, Гермоген мог не знать.

Схема А

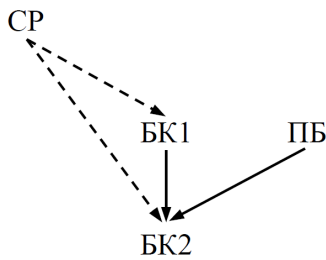
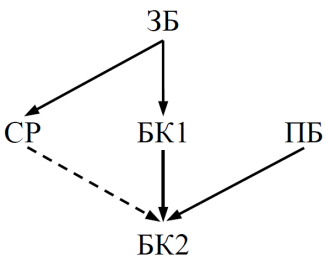

Схема Б

БК1 — *Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской* анонимного автора
БК2 — *Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской* Гермогена Казанского
ЗБ — *Слово на благовещение Иоакима и Анны (зачатие Богородицы)* Иоанна Эв-
бейского
ПБ — *Похвальное слово на Покров Богородицы* Пахомия Логофета
СР — *Похвальное слово Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого

Как и в случае с *Похвальным словом Сергию Радонежскому*, заим-
ствованы были два фрагмента предисловия *Слова на благовещение Ио-
акима и Анны*. Курсивом выделены изменения в редакции Гермогена.

<i>Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
Великий Апостолъ, иже Божественныхъ таинъ сказатель, яже спасеніа нашего искупя, научаетъ, обличаетъ, запрещаетъ, молить во всемъ благодарити, непрестанно молитися. И се всѣмъ человѣкомъ лѣтъ есть; никтоже достойнъ есть, очищену имѣа мысль внутреняго человѣка. Тако сый страстный азъ,	Великий апостолъ божественныхъ(ъ) таинъ сказатель. яже спасения нашего ради. искупя научаетъ запрещаетъ. молить во всемъ благодарити и непрестанно молитися. и се всѣмъ человѣкомъ лѣпо есть ⁴³ , никтоже достойнъ есть очищеную имѣа мысль внутреняго человѣка. таковъ сый странный (sic!) отъ(ъ)ять	...Мнѣ же, недостойному, самовидцу бывшу, како или коими чудесными благодѣяніи яви Богъ и Богородица от земныхъ нѣдръ чудотворный свой образъ (якоже преди простретися слово хочетъ); писанию ж(е) предати замедлившу — или от недостатка разума, или от нерадѣнія и душегубительныя лѣности, ово же и страха ради недостойнства:

⁴³ В рукописи «еть».

<i>Слово на благовещіе Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
пленицами моихъ грѣховъ стягнуть, таковымъ преславнымъ вещемъ нелѣпо бѣ мнѣ коснутися, но развѣ точию безаконіа моа возвѣщавати и пещися о грѣсехъ моихъ. Но понеже желаніе привлачитъ мя, страхъ же отвлачитъ мя, и недостойнство молчати запрещает ми, и грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ, и что сотворю? дерзну ли недостойнѣ к начинанію? что убо реку ли? или запрѣщу себѣ? окаю ли свое окаанство? внимаю ли восходящимъ на сердце мое блаженствомъ о всепѣтей и Богопріятнѣй же Богородицы и приснодѣвѣй Маріи? Но ты сама, Богородице, содѣйствуи ми, яко да воля иже ис тебе рождашагося Христа Бога нашего будетъ,	пленицами моихъ грѣховъ стягнуть. такожевымъ преславнымъ вещемъ лѣпо (sic!) бѣ коснутися, но развие точию беззаконія возвѣщати. но понеже желание привлачит мя. и недо(стоинъ)ство⁴⁴ молчати запрещает ми. и греси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ. и что сотворю дерзну ли к начинанию, что убо рѣку ли, запрещу себѣ окаю ли свое окаянство. внемлю ли восходящая на сердце мое блаже(нь)- ствомъ о всепѣтей, и богоприятней владычицѣ нашей Богородицы и приснодѣвѣ Марии. но ты сама содѣйствуи ми, яко да воля ис тебе рождашагося Христа Бога нашего будетъ.	пленицами бо моих грѣхов стягнут есмѣ и таковым преславнымъ вещем не лѣпо ми бѣ коснутися, но развѣ точию безаконія моя знати и просити отпущения безчисленным моим согрѣшением. Но понеже желание привлачит мя и страх глаголати нудит мя, грѣси же мои, яко бремя тяжко, отяготѣша на мнѣ, и что убо сотворю? Дерзну ли к начинанию? Что убо: реку ли или запрещу себѣ окаянства ради моего? или наки внимаю восходящая на сердце мое — блаженством о Всепетѣй и Богоприятней Богородицы и Приснодѣвѣй Марии? Но ты сама содѣйствуй ми, о Преподобная, Заступнице Усердная, Мати Бога Вышняго, яко да воля иже ис тебе рождашагося Христа Бога нашего будет:

⁴⁴ В рукописи «недо|ство».

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского	Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора	Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского
да яко недостойну ми помрачится умъ мой; но сама яже и не пишущу ми въ мысли моей да въздуть о твоихъ похвалахъ, сия и пишущу ми содѣйствуй. Множицею бо въспоманувъ, слезы испустихъ моего ради недостойнства, егда пріиму огнязычнаго и велегласнаго Исаия глаголь. Аще бо онъ божественаго видѣнія сподобься, толико себе окая: что сотворю азъ, иже и жити недостойный? Рече бо: бысть в ъ лѣто, в неже умре Озия царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превъзнесенѣ; и исполнь храмъ славы его; и Серафими стояху окрестъ его. И услыша трисвятый гласъ, еже: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ.	яко да ми недостойному помрачится умъ мой. но сама яже и не сущу (sic!) ми в мысли моен да воздуть от твоихъ похвалъ сия и пишущу ми содѣйствуй. множицею бо воспомяну слезы испустихъ(ъ) моего сердца (sic!) и недостойнства, егда прииму от неязычна (sic!) и велегласна Исаия глаголь. аще бо онъ божественнаго видѣнія сподобися, толико себе окая что сотворю, иже и жити недостойнъ сын. рече бо; бысть в лѣто в немже умре Иозия царь видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенѣ исполнь храмъ славы его. и серафими стояху окрестъ Его. и услыша пресвятыи гласъ. еже святъ святъ святъ Господь Саваофъ;	да ми, недостойному, <i>помрачивыйся</i> умъ мой, <i>тобою, о Всенепорочная,</i> <i>просвѣтитяся! Ты бо за</i> <i>всѣхъ молиши Сына своего,</i> <i>Христа Бога нашего,</i> и пишущу ми содѣйствуй, <i>всѣмъ бо твориши спастися,</i> <i>в державный ти покров</i> <i>прибѣгающим!</i> Множицею бо воспомянухъ, <i>никогда же и слезы</i> <i>испустихъ, вѣдый мое</i> <i>недостойнство...</i> [Панченко 2006: 24, 26]. —

<i>Слово на благовещеніе Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
И рече Исаіа: о окаянный азъ! яко умилихся, яко человекъ сый, нечисты усты имы, посреди людей нечисты устны имущихъ азъ живу, и царя Господа Саваоѡа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Сераѡимъ, имѣаше в руцѣ своей угль, егоже клѣщами вземъ отъ олтаря, и коснуся устомъ моимъ, и рече: се сый коснуся устнамъ твоимъ, и грѣхы твоя очиститъ [ВМЧ 1868: 432–433].	и рече Исаія окаянный азъ умилихся, яко человекъ сый нечистъ устны имущихъ ⁴⁵ азъ и царя Господа Саваофа видѣхъ очима моима. и посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимъ, имяше в руцѣ своей угль <i>горящъ</i> егоже вземъ от олтаря. и коснуся устомъ моимъ. и рече ми грѣхы твоя очистивъ ⁴⁶ .	

Уже по первому отрывку видно, что Гермоген не цитирует текст по памяти, а переписывает лежащую перед ним рукопись. Для того чтобы присоединить заимствованный текст к новому, сочиненному им предисловию, он добавляет союз «бо» после первого слова («пленицами бо моих грѣхов»). Цитату из Псалтири [Пс 37:19] он изменяет до неузнаваемости, сохраняя форму инфинитива глаголов славянского перевода: «возвѣщавати» > «знати», «пещися о грѣсехъ моихъ» > «просити отпущения безчисленным моим согрѣшением». Отсутствующая у Епифания фраза «страхъ же отвлачитъ мя» 'страхъ же отдаляет меня' у Гермогена сохранена, но смысл ее изменен на прямо противоположный («и страхъ глаголати нудитъ мя» 'и страхъ принуждает меня говорить'), вследствие чего была утрачена игра однокоренных слов ἔλκει / ἀνθ' ἑλκει, сохраненная славянским переводом (привлечит' / отвлечит'). В то же время

⁴⁵ В рукописи «имыщихъ».

⁴⁶ РГБ, ф. 256, собрание Н. П. Румянцева, № 361, л. 150–150об.

фраза «и недостойнство молчати запрещает ми» ‘и недостойнство приказывает мне молчать’, без изменений воспроизведенная Епифанием, у Гермогена пропущена. Точная цитата из Псалтири «яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ» [Пс 37:5], как и у Епифания, у Гермогена перенесена из источника без изменений.

Примечательно, что заимствованный фрагмент заканчивается примерно там же, где у Епифания. Второй заимствованный фрагмент также примерно равен по объему второму заимствованию в *Похвальном слове Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого.

Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского	Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора	Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского
Аще же сей великій сице окая себе: азъ что сотворю, иже уста и устны и сердце и вся чювьства недостойна стяжавый, аще не ты ми, Пречистаа, руку простреши? Но аще и по достоянию нѣсмь доволенъ похвалы тебѣ принести малы нѣкыа отъ великихъ, и малаа отъ великихъ провѣщати: обаче сподоби мя похвалы тебѣ принести приносящей молѣбы о моей худости	аще сеи великии себе окая. азъ что сотворю, иже уста и сердце мое. и вся чювьства недостойнѣ стяжавый. аще не ты ми пречистая руку простреши. но аще по досто янию нѣсмь <i>достойнѣ</i> похвалы ⁴⁷ тебѣ принести, малы нѣкия отъ великихъ(ъ) провѣщати. обаче сподоби мя похвалы тебѣ принести приносящаго молбы о моей худости.	— Аще по достоянию и нѣсмь достойн похвалы тебѣ принести малы нѣкия отъ великихъ, <i>но</i> обаче сподоби мя, <i>о Владычице, от твоих</i> <i>неизреченных на нас</i> <i>благодѣяних хвалу тобѣ</i> <i>принести,</i> <i>и якоже сподобила мя еси, о</i> <i>Всеблаженная, недостойнаго</i> <i>и грѣшнаго, скверными</i> <i>моими руками преже всѣхъ</i> <i>священных прикоснутися</i> <i>пречистому твоему образу</i> <i>и чудотворнай иконе</i>

⁴⁷ В рукописи «похвылы».

<i>Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской анонимного автора</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
ко иже ис тебе воплотьшомуся Христу Богу нашему. Аще бо и вси достойни, но азъ недостойнъ, влекомъ и жадыи, да поне крупицамъ трапезы избранныхъ причестникъ буду: довольно бо ми се, яко да внутрь вратъ бывъ поне крупицамъ сподоблюся; могутъ бо и множество крупиць насыти(ти). Нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасеніа [ВМЧ 1868: 433].	ко ⁴⁸ иже ис тебе воплощенному ⁴⁹ Христу Богу нашему. аще бо и вси достоиини но азъ недостойнъ, влекомъ иже и (sic!) да поне крупицами (sic!) трапезы, избранныхъ причастникъ буду. довольно бо ми и се. яко да внутрь бывъ вратъ поне крупицамъ сподоблюся. могутъ бо и множество крупиць насытити ⁵⁰ . нынѣ время благоприятно о се нынѣ день спасения ⁵¹ .	<i>и Сына твоего Христа Бога нашего!</i> Аще бо и вси достойни, но аз недостойн сый; <i>но обаче влеком жадаю,</i> да поне <i>прикоснуса</i> <i>пречистому твоему и</i> <i>чюдотворному образу,</i> <i>Владычице, и превѣчнаго</i> <i>ти младенца Спаса Христа!</i> [Панченко 2006: 26]. —

Заимствованный текст также подвергся, с одной стороны, сокращению, с другой — распространению актуальными для автора деталями.

Практически одинаковый объем заимствованных фрагментов в сочинениях двух книжников может получить двоякое объяснение. Если считать, что Гермоген Казанский работал без сознательного ориентирования на Епифания Премудрого, совпадение объема заимствований и исключение рассказа о призвании пророка Исаии может говорить о том, что литературные задачи, литературные вкусы и литературные приемы писателей, разделенных во времени почти двумя веками, были схожими. В. М. Кириллин характеризует Гермогена Казанского как книжника, достаточно начитанного и осмысленно относящегося к своему писательскому и редакторскому делу, в силу своего официального

⁴⁸ В рукописи «но».
⁴⁹ В рукописи «вопрощенному».
⁵⁰ В рукописи «насыпати».
⁵¹ РГБ, ф. 256, № 361, л. 150об.–151.

положения вынужденного ориентироваться на некий литературный стандарт [Кириллин 2017: 156]. В переработке одного литературного текста разными авторами мы можем иметь дело с проявлениями одного стандарта. При этом каждый из авторов имел свой индивидуальный стиль и по-своему изменил заимствованный текст, включая его в свое сочинение.

В то же время одинаковый объем заимствований может быть неявным свидетельством того, что Гермоген, будучи постриженником Чудова монастыря в московском Кремле (1587 г.), хорошо знал текст *Похвального слова Сергию Радонежскому* и использовал его в работе, проведя по этому сочинению сверку на предмет установления начала и конца фрагментов, которые надлежало заимствовать из первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской*⁵².

Для наглядности сопоставим проанализированные фрагменты *Похвального слова Сергию Радонежскому* и *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской*. Полужирным шрифтом выделены индивидуальные совпадения каждого из памятников с их общим источником (*Словом на благовещение Иоакима и Анны*), курсивом — индивидуальные отклонения от источника.

<i>Похвальное слово Сергию Радонежскому</i> Епифания Премудрого	<i>Повесть о явлении иконы</i> <i>Богородицы Казанской</i> Гермогена Казанского
(1) ...никтоже бо достоинъ есть очищену имѣя мысль вѣнтренаго челоуѣка; таковъ сый страстный азъ, пленицами многыми грѣховъ моихъ стягнуть, таковымъ преславнымъ вѣщемъ нелѣпо бѣ мнѣ коснутися, но развѣ точию безаконіа моя възвѣщати и пещися о грѣсехъ моихъ. Но понеже желаніе привлачитъ мя и недостойнство молчати запрещает ми,	...пленицами бо моихъ грѣховъ стягнут есмь и таковымъ преславнымъ вѣщемъ не лѣпо ми бѣ коснутися, но развѣ точию безаконія моя знати и просити отпущения безчисленнымъ моимъ согрѣшениемъ. Но понеже желание привлачитъ мя и страхъ глаголати нудитъ мя,

⁵² На возможность такой интерпретации мне указала С. О. Сапожникова.

<i>Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ, и что сотворю? дерзну ли недостойнѣ к начинанію? что убо? реку ли или запрещу в себѣ? окаю ли свое окаанство? внимаю ли въсхо дѣщимъ на сердце мое блаженствомъ о <i>преподобнѣмъ</i>? но ты <i>самъ, отче</i>, содѣйствуй мнѣ, да не яко недостойному ми помрачится умъ мой, но самъ яже и не пишу ми вѣ мысли моей да въздуть отъ твоихъ похвалъ, сия и пишущю ми ты вразуми и настави: множицею бо въспоманувъ и слезы о <i>семъ</i> испустихъ моего ради недостойнства, <i>да не како не получю искомаго, о немъ же</i> <i>начатъ,</i> (2) аще не ты руку простѣри; нѣсмь бо доволенъ по достоанію похвалы тебѣ приносить, но мала нѣкая отъ великихъ провѣщати.	грѣси же мои, яко бремя тяжело, отяготѣша на мнѣ, и что <i>убо</i> сотворю? Дерзну ли к начинанію? Что убо: реку ли или запрещу себѣ <i>окаянства ради моего? или паки</i> внимаю восходящая на сердце мое — блаженствомъ о Всепетѣи и Богоприятней Богородицы и Приснодѣвѣи Марии? Но ты сама содѣйствуй ми, <i>о Преплагодшвенная, Заступнице</i> <i>Усердная, Мати Бога Вышняго,</i> яко да воля иже ис тебе рождашася Христа Бога нашего будет: да ми, недостойному, <i>помрачивыйся</i> умъ мой, <i>тобою, о Всенепорочная,</i> <i>просвѣтитсѣ!</i> Ты бо за <i>всѣхъ</i> молиши <i>Сына своего, Христа Бога нашего,</i> и пишу щу ми содѣйствуй, <i>всѣмъ бо твориши спастися, в</i> <i>державный ти покров прибѣгающимъ!</i> Множицею бо воспоманухъ, <i>нѣкогда же и слезы испустихъ,</i> <i>въдѣй мое недостойнство...</i> [Панченко 2006: 24, 26]. Аще по достоянію и нѣсмь <i>достойн</i> похвалы тебѣ принести малы нѣкія отъ великихъ,

<i>Похвальное слово Сергию Радонежскому Епифания Премудрого</i>	<i>Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской Гермогена Казанского</i>
<i>Но обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ, приносящаго</i> молѣбы о моей худости Христу Богу нашему; аще бо и вси достойни, но азъ недостойнъ есмь, вѣлекомъ и жадаю, да поне крупницамъ трапезы избранныхъ причастникъ буду: могутъ бо и множество крупицъ насытити алчущихъ душа, наипаче же духовныхъ отецъ ученія и душеполезная слова не токмо телеса, но и самую душу могутъ укрѣпити и окормляти к духовнымъ подвигомъ... [ВМЧ 1883: 1564].	<i>но обаче сподоби мя, о Владычице, от твоих неизреченных на нас благодѣяних хвалу тобѣ принести, и якоже сподобила мя еси, о Всеблаженная, недостойнаго и грѣшнаго, скверными моими руками преже вѣхъ священныхъ прикоснутися пречистому твоему образу и чюдотворной иконе</i> <i>и Сына твоего Христа Бога нашего!</i> Аще бо и вси достойни, но аз недостойнъ сый; но обаче велеком жадаю, да поне прикоснуся пречистому твоему и чюдотворному образу, Владычице, и превѣчнаго ти младенца Спаса Христа! [Панченко 2006: 26]⁵³.

Остается непростой вопрос, который выходит за рамки настоящей статьи и который тем не менее необходимо поставить: почему именно этот источник — Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского — избирают Епифаний Премудрый и анонимный автор Повести о явлении иконы Богородицы Казанской. Если во втором случае выбор довольно легко объясняется общей темой (прославление Богородицы), то в случае с Епифанием Премудрым не обнаруживается никаких видимых мотивов. Явных мотивов нет и для выбора двух других источников предисловия к Похвальному слову Сергию Радонежскому — Жития Марии Египетской и Похвалы Евфимию Великому и Савве Освященному.

⁵³ Отметим также влияние Повести о явлении иконы Богородицы Казанской в редакции Гермогена на Повесть о чудесах Анны Кашинской от слов «Аще убо и предивное чудо содѣлася во дни наша во градѣ Кашинѣ» до слов «Реку ли или запрещу себѣ окаянства ради моего?» [Семячко 2013: 478–479]. Ранее этот источник не назывался.

Анализируя схожее по способу составления предисловие к *Сказанию о яренгских чудотворцах* Сергия Шелонина, О. С. Сапожникова высказала предположение, что функция заимствований в составе предисловия была структурной: они формировали структуру, соответствующую жанру; при этом при выборе источников для предисловия книжник мог руководствоваться также идеологическими мотивами [Сапожникова 2005: 564]. В новом контексте «чужие» предисловия не теряют своей первоначальной функции и даже осложняются дополнительными при соприкосновении с новым материалом [Ibid.: 571]. По всей видимости, ту же функцию выполняли и заимствования в предисловии к *Похвальному слову Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого. Не случайно два из них находятся в самом начале исходного текста (*Жития Марии Египетской* и *Похвалы Евфилию Великому и Савве Освященному*). Отсюда можно заключить, что русским книжником сознательно были выбраны именно предисловия, и предисловия к тем памятникам, в которых содержались нужные ему темы. Если это предположение верно, в составе заимствованных фрагментов в предисловии к *Похвальному слову Сергию Радонежскому* должны содержаться темы, значимые для понимания художественного замысла Епифания Премудрого.

Основных тем в предисловии насчитывается три. Первая — проповедание Божиих дел — вводится парафразом Книги Товита [Тов 12:7] в составе заимствования из *Жития Марии Египетской*. Дела Божии необходимо не скрывать, а проповедать; умалчивание Божиих дел наносит вред душе; напротив, повествование о почестях, которые воздаются святым от Бога, приносит рассказчику и слушателям пользу и духовное спасение. Так Епифаний Премудрый начинает оправдание своего труда. Фраза «И егоже Богъ прослави, кто может похвалу его сокрыти?» [ВМЧ 1883: 1565] в заимствовании из *Похвалы Евфилию Великому и Савве Освященному* еще раз отсылает к Книге Товита, где речь идет именно о сокрытии царских тайн. Прославленного от Бога Сергия подобает достойно ублажить и похвалить, чтобы его добрые дела не покрылись глубиною забвения; необходимо открывать их, чтобы не утаить пользы, которую могут извлечь из рассказа слушатели. Заимствованные фрагменты из обоих памятников таким образом нанизываются на одну идею.

Вторая тема — самоуничижение автора — входит в состав заимствования из *Слова на благовещение Иоакима и Анны*. Поскольку я, говорит агиограф, недостойн по достоянию приносить хвалы святому, я приношу мольбы о своей худости и молю сподобить меня дара принести хвалы святому. Автора раздирают два противоположных желания — воздать хвалу святому и промолчать в осознании своей греховности («Но

понеже желаніе привлечитъ мя и недостойнство молчати запрещаетъ ми, грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ» [Пс 37:19]). Эта коллизия снова возвращает повествование к первой теме (умолчать ли дела Божии или проповедать?). Практически в тех же выражениях тема самоуничтожения автора появляется в середине *Похвального слова Сергию Радонежскому*:

О възлюбленніи! възхотѣхъ умолчати многыя его добродѣтели, якоже предрекохъ, но обаче вѣнѣтъ желаніе нудитъ мя глаголати, а недостойнство мое запрещаетъ ми молчати; помыслъ болѣзньный предваряетъ, || веля ми глаголати, скудость же ума заграждають ми уста, веляще ми умолкнути. И понеже бо обдержимъ есмь и побѣждаемъ обѣма нуждама, но обаче лучше ми есть глаголати, да приму поне малу нѣкую ослабу и почію отъ многихъ помыслъ, смущающихъ мя, възхотѣвъ нѣчто отъ житія святаго повѣдати, сирѣчь отъ многа мало... [ВМЧ 1883: 1570].

Выбор будет осуществлен в пользу рассказа о житии святого — хотя бы для того, как уничижительно пишет агиограф, чтобы ослабить воздействие помыслов. Наконец, греховность автора служит фоном для описания святости Сергия и оттеняет ее:

...не вѣзыка царствующаго града, ни Святыя горы или Іерусалима, якоже азъ окаанный и лишенный разума; у, лютѣ мнѣ, увы мнѣ! польза сѣмо и овамо, и преплываа сюду и овоюду, и отъ мѣста на мѣсто преходя; но не хождаше тако преподобный, но вѣ молчаніи добръ сѣдяше и себѣ внимаше; ни по многимъ мѣстомъ, ни по далнимъ странамъ хождаше, но || во единомъ мѣстѣ живяше и Бога воспѣваше; не искаше бо суетныхъ спротивныхъ вещей, еже нетребѣ ему бысть, но паче всего вѣзыка единого истиннаго Бога, иже чимъ есть душа спасти, еже и бысть: ищите бо, рече, и обряцете, толкущему отверзается. Кто бо нынѣ тако вѣзыка Бога вѣзмъ сердцемъ и отъ всея душа възлюби, якоже сей преподобный отыцъ нашъ, якоже пророкъ рече: вѣзмъ сердцемъ моимъ вѣзыка тебе; и паки: вѣзыкахъ Господа, и услыша мя [ВМЧ 1883: 1574].

Третья тема — духовная трапеза и сладость божественных словес — заключается в заимствовании из *Похвалы Евфимию Великому и Савве Освященному*. День памяти святых предстает светлым, сладостным и просвещенным, поскольку предуготовляет духовную трапезу. В приведенной Епифанием Премудрым псаломской цитате [Пс 118:103–104] познание сладости божественных словес соединено с познанием истинного пути:

...сладость бо словесную Давидъ вѣкусивъ, удивляся къ Богу глаголетъ: коль сладка горѣтани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ! От заповѣдей твоихъ разумѣхъ, сего ради възненавидѣхъ всякъ путь неправды [ВМЧ 1883: 1565].

Услышанное слово становится делом; святые проповедуют словом, и добродетелями, и житием. Свойством укреплять душу и окормлять к духовным подвигам обладают не только слова Писания, но и учения и душеполезные словеса духовных отцов, и Сергия в том числе. Агиограф упоминает о многочисленности тех, кто был научен душеполезными словесами Сергия, не только иноков, но и простых людей [ВМЧ 1883: 1568], а также о том, что он пишет не для тех, кто насытился его учения и добродетели, а для новоначальных, кто только начинает свой подвижнический путь, «да не будут бес памяти сладкая его словеса и любезныя его глаголы» [ВМЧ 1883: 1570].

Так, уже в предисловии при помощи заимствований из литературных источников задается круг тем, которые развиваются затем в произведении⁵⁴.

Заключение

Новонайденный источник *Похвального слова Сергию Радонежскому* пополняет уже имеющиеся аргументы в пользу того, что метод работы Епифания Премудрого не имел существенных отличий от более поздних авторов (в частности, анонимного создателя первоначальной редакции *Повести о явлении иконы Богородицы Казанской* и Гермогена Казанского) и, вопреки предположению Ф. Вигзелл, не был свободным и непосредственным. На сегодняшний день нужно также признать надежно установленным, что Епифаний Премудрый по крайней мере часть библейских цитат заимствовал из письменных небиблейских источников.

Для того чтобы согласовать свидетельства о большой подготовительной работе Епифания Премудрого и продумывании им своих сочинений до малейших мелочей с выявленными ранее непрямыми указаниями на воспроизведение большинства библейских цитат по литургическим, а не четьим источникам, можно предложить следующее допущение. Используя, как и многие другие славянские книжники, небиблейские письменные источники в качестве матрицы своего

⁵⁴ Примечательно, что в *Похвальном слове* нет задачи доказать врожденную, по особой благодати Святого Духа дарованную ему, праведность Сергия, прославить его как предызбранного угодника Божиего, как истинного служителя божественной Троицы, стяжавшего светоносную силу знания троической тайны, которая решалась Епифанием Премудрым при написании *Жития Сергия* [Кириллин 1993: 82]. Сергей прославляется здесь как праведник, своей добродетельной жизнью и поучениями приведший к Богу «многих душ» [ВМЧ 1883: 1568]. По всей видимости, из двух этих сочинений более ранним является *Похвальное слово*, а более поздним — *Житие Сергия*.

повествования⁵⁵, Епифаний распространял заимствованный текст библейскими и другими цитатами, часть из которых приводил по памяти. В свете сказанного дальнейшие исследования источников агиографа оказываются как никогда актуальными.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва, Россия), Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва, Россия), Научно-исследовательский отдел рукописей.

Библиография

Справочные издания

ВНГ

Halkin F. (ed.), *Bibliotheca hagiographica graeca* (=Subsidia Hagiographica, 8a), troisième édition, Bruxelles, 1957.

ВНГа

Halkin F. (ed.), *Auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae* (=Subsidia Hagiographica, 47), Bruxelles, 1969.

СРГ

Geerard M. (ed.), *Clavis patrum graecorum*, 1–6, Turnhout, 1974–2003.

ОДВ

The Oxford Dictionary of Byzantium, New York, Oxford, 1991.

Источники

Славянские

Рукописи

ГИМ, Синодальное собрание, № 986, Великая Миняя Четья, XVI в., л. 675d–683a, *Похвальное слово Сергию Радонежскому* Епифания Премудрого.

РГБ, ф. 256, собрание Н. П. Румянцева, № 361, Сборник, кон. XVI или нач. XVII в., л. 150–166об., *Повесть о явлении иконы Богородицы Казанской* в первоначальной редакции.

Издания

Архим. Леонид 1885

Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке, сообщил архимандрит Леонид, С.-Петербург, 1885 (=Памятники древней письменности и искусства, 58).

Буланин 1981

Буланин Д. М., подг., коммент., Антонова М. Ф., Буланин Д. М., пер., *Житие Сергия Радонежского, Памятники литературы Древней Руси*, XIV — сер. XV в., Москва, 1981, 256–429, 570–579.

⁵⁵ Это образное определение вводит О. С. Сапожникова [2019: 53, 68] при описании отношения *Жития митрополита Филиппа* и его основного источника — *Жития Иоанна Златоуста*.

——— 1999

Буландин Д. М., подг., коммент., Антонова М. Ф., Буландин Д. М., пер., Житие Сергия Радонежского, *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 254–411, 555–564.

ВМЧ 1868

Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием, издание Императорской Археографической комиссии, Сентябрь. Дни 1–13, С.-Петербург, 1868.

ВМЧ 1883

Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием, издание Императорской Археографической комиссии, Сентябрь. Дни 25–30, С.-Петербург, 1883.

ВМЧ 1904

Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием, издание Императорской Археографической комиссии, вып. 11. Декабрь. Дни 6–17, Москва, 1904.

Дружинин 1897

Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым, издание Археографической комиссии, Дружинин В. Г., ред., С.-Петербург, 1897.

Панченко 2006

Панченко О. В., подг., пер., коммент., Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы, *Библиотека литературы Древней Руси*, 14, С.-Петербург, 2006, 24–53, 671–676.

Прохоров 1995

Прохоров Г. М., ред., *Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления*, С.-Петербург, 1995.

Семячко 2013

Семячко С. А., подг., коммент., Агиографический цикл, посвященный Анне Кашинской, *Библиотека литературы Древней Руси*, 17, С.-Петербург, 2013, 478–479.

Тихонравов 1892

Древние жития преподобного Сергия Радонежского, собраны и изданы ординарным академиком Николаем Тихонравовым, Москва, 1892.

Zamfirescu 2015

Zamfirescu D., *Marile minee de lectură de la Târnovo ale patriarhului Eftimie*: Ediție facsimilată de pe manuscrisele de la Dragomirna și Putna, București, 2015.

Греческие

Издания

Ballerini

Ballerini A., *Sylloge monumentorum ad mysterium, conceptionis immaculatae virginis Deiparae illustrandum*, [Pars I–II], Romae, 1854–1856.

Septuaginta

Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Duo volumina in uno, Stuttgart, 1979.

Литература

Алиссандратос 1984

Алиссандратос Ю. А., Следы патристических типов похвал в «Житии Стефана Пермского», *Древнерусская литература. Источниковедение: Сборник научных трудов*, Лихачев Д. С., ред., Ленинград, 1984, 64–74.

Антонова 1981

Антонова М. Ф., Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 36, 1981, 223–227.

Борисов 1989

Борисов Н. С., О некоторых литературных источниках «Жития Сергия Радонежского», *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 5, 1989, 69–79.

Буланин 1979

Буланин Д. М., Лексикон Свида в творчестве Максима Грека, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 34, 1979, 257–285.

——— 1983

Буланин Д. М., О некоторых принципах работы древнерусских писателей, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 37, 1983, 3–13.

Вигзелл 1971

Вигзелл Ф., Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 26, 1971, 232–243.

Вовина-Лебедева, Чугреева 2008

Вовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н. Н., Ермоген, *Православная энциклопедия*, 18, Москва, 2008, 633–641.

Дробленкова 1988a

Дробленкова Н. Ф., Великие Минее Четьи, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Лихачев Д. С., ред., 2, 1, Ленинград, 1988, 126–133.

——— 1988b

Дробленкова Н. Ф., Ермоген, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Лихачев Д. С., ред., 2, 1, Ленинград, 1988, 153–163.

Дробленкова, Прохоров 1988

Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М., Епифаний Премудрый, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Лихачев Д. С., ред., 2, 1, Ленинград, 1988, 211–220.

Духанина 2009

Духанина А. В., История создания Похвального слова Сергию Радонежскому в свете лингвистических данных, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (35), 2009, 67–74.

——— 2011a

Духанина А. В., К вопросу о реконструкции оригинальных древнерусских сочинений по более поздним спискам (на материале Жития Стефана Пермского), *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*, 14, München, Berlin, 2011 (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники, 43), 25–34.

——— 2011b

Духанина А. В., Текстологическая классификация списков Жития Стефана Пермского и проблема восстановления первичных чтений, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2010–2011*, Москва, 2011, 263–289.

——— 2015

Духанина А. В., подг., пер., коммент., иссл., *Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция)*, Москва, Брюссель, 2015.

——— 2021a

Духанина А. В., Ранний этап рукописной традиции Жития Стефана Пермского: комплекс отрывков в сборниках середины-последней трети XV в., *Труды Отдела древнерусской литературы*, 68, 2021, 173–210.

——— 2021b

Духанина А. В., Сергей Радонежский. Житие, *Православная энциклопедия*, 63, Москва, 2021, 158–178.

——— 2023

Духанина А. В., Экскурс о месяце марте в Житии Стефана Пермского: источники и рукописная традиция, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 70, 2023, 3–48.

Иванова 1991

Иванова Кл., Новоизводните търновски сборници и въпросът за ролята на патриарх Евтимий в техния превод, *Старобългарска литература*, 25–26, 1991, 124–134.

——— 2008

Иванова Кл., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, София, 2008.

Иванова, Велковска 2014

Иванова Кл., Велковска Е., Хиландарская рукопись № 404 (предварительные заметки к истории новоизводных Триодных панигириков на Афоне), *Афон и славянский мир. Сб. 1: Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Белград, 16–18 мая 2013 г.*, Святая Гора Афон, 2014, 235–255.

Кириллин 1993

Кириллин В. М., Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском, *Герменевтика древнерусской литературы*, 6, 1993, 80–120.

——— 2017

Кириллин В. М., Повесть о чудотворной Казанской иконе Богоматери в свете древнерусской литературной традиции, *Studia Litterarum*, 2/1, 2017, 150–183.

Клосс 1998

Клосс Б. М., *Избранные труды*, I: Житие Сергия Радонежского, Москва, 1998.

Ключевский 1871

Ключевский В., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Коновалова 1958

Коновалова О. Ф., К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в., *Труды Отдела древнерусской литературы*, 14, 1958, 205–211.

——— 1979

Коновалова О. Ф., Конструктивное и стилистическое применение цитат в «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым, *Zeitschrift für Slawistik*, 24/4, 1979, 500–509.

Конявская 2000a

Конявская Е. Л., *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.)*, Москва, 2000.

——— 2000б

Конявская Е. Л., К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (1), 2000, 70–85.

Кудрявцев 1972

Кудрявцев И. М., Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников: Материалы к исследованиям, *Записки Отдела рукописей ГБЛ*, 33, Москва, 1972, 148–212.

Кузьмина 2014

Кузьмина М. К., Функции неперекрестных библейских цитат в Житии Сергия Радонежского (на материале цитат из Псалтири), *Вестник славянских культур*, 2014, 4 (34), 160–167.

Куев 1967

Куев К. М., *Черноризец Храбр*, София, 1967.

Лончакова 2018

Лончакова Г. А., Триодный Торжественник особого состава: описание, *Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России: Сборник научных статей*, Новосибирск, 2018, 129–168.

Ляховицкий, Шибаев 2017

Ляховицкий Е. А., Шибаев М. А., Минеи-Четьи. Великие М<инеи>-Ч<етьи>, *Православная энциклопедия*, 45, Москва, 2017, 262–267.

Мошин 1963

Мошин В. М., О периодизации русско-южнославянских связей X–XV вв., *Труды Отдела древнерусской литературы*, 1963, 19, 28–106.

Никольская 1928–1929

Никольская А., «Слово» митр. Киевского Илариона в позднейшей литературной традиции, *Slavia*, 7/3–4, 1928–1929, 549–563, 853–870.

Пак 2021

Пак Н. В., Похвала Евфимию Великому и Савве Освященному Кирилла монаха и похвальные слова русским святым, *Slavia Orientalis*, 70/2, 2021, 279–297.

——— 2023

Пак Н. В., Фрагменты из сочинений Кирилла Скифопольского в Пространной редакции Жития Макария Калязинского, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 20/4, 2023, 716–738.

Панченко 2003

Панченко О. В., Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций), *Труды Отдела древнерусской литературы*, 53, 2003, 547–592.

Паскаль 1992

Паскаль А. Д., Новый автограф Гавриила Урика, *Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода: Сборник научных трудов*, Москва, 1992, 53–62.

Петрова 2006

Петрова В. Д., «Книжность премудрых» в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого, *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология*, 2006, 1, 50–56.

——— 2014

Петрова В. Д., *Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес»*. На материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого, Чебоксары, 2014.

Пиккио 2003

Пиккио Р., Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси, *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*, Москва, 2003, 122–162.

Поп 1976

Поп Р., Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудрого, *Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции)*, Москва, 1976, 88–94.

Прохоров 1981

Прохоров Г. М., Книги Кирилла Белозерского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 36, 1981, 50–70.

——— 2003

Прохоров Г. М., ред., *Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII*, С.-Петербург, 2003.

Руди 2006

Руди Т. Р., О композиции и топике житий преподобных, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 2006, 57, 431–500.

——— 2014

Руди Т. Р., О топике миссионерских житий (Житие Стефана Пермского в контексте агиографической топики), *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, 13/2, 2014, 134–148.

Сапожникова 2005

Сапожникова О. С., Сказание о яренгских чудотворцах и методы работы древнерусского автора, *Русская агиография: Исследования, публикации, полемика*, С.-Петербург, 2005, 546–600.

——— 2010

Сапожникова О. С., *Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность*, Москва, С.-Петербург, 2010.

——— 2019

Сапожникова О. С., Житие Иоанна Златоуста как источник раннего текста Жития митрополита Филиппа, *Вестник «Альянс-Архео»*, 30, 2019, 46–69.

——— 2021

Сапожникова О. С., Сергей (Шелонин), *Православная энциклопедия*, 63, Москва, 2021, 101–108.

Соболев 2001

Соболев Н. И., К вопросу о литературных источниках Жития Стефана Пермского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 52, 2001, 537–543.

Соловьев 1961

Соловьев А. В., Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского», *Труды Отдела древнерусской литературы*, 17, 1961, 85–106.

Спространов 1902

Спространов Е., *Опис на ръкописате в библиотеката при Рилския манастир*, София, 1902.

Станојевић, Глумац 1932

Станојевић Ст., Глумац Д., *Св. писмо у нашим старим споменицима*, Београд, 1932.

Федотов 2000

Федотов Г. П., *Собрание сочинений в двенадцати томах*, 8: Святые Древней Руси, Москва, 2000.

Чумичева 1992

Чумичева О. В., Инок Герасим Фирсов — соловецкий писатель XVII в., *Герменевтика древнерусской литературы*, 4, 1992, 87–135.

Шибает 2008

Шибает М. А., Епифаний Премудрый, *Православная энциклопедия*, 18, Москва, 2008, 582–584.

Шумило 2014

Шумило С. М., Музыкальный подтекст древнерусской агиографии: к постановке проблемы, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 63, 2014, 29–44.

——— 2017

Шумило С. М., Триодь как литературный источник Жития Стефана Пермского, *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*, 3, С.-Петербург, 2017, 35–45.

Юфу 1970

Юфу З., За десеттомната колекция Студион (Из архива на румънския изследвач Йон Юфу), *Studia Balcanica*, 2 (=Проучвания по случай Втория международен конгрес по балканистика), 1970, 299–343.

Яблонский 1908

Яблонский В., *Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк*, С.-Петербург, 1908.

Якшин 2012

Якшин И. В., *Литературная история «Евангелия Учительного» (рукописная традиция конца XIV – XVII в.)*, диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Новосибирск, 2012.

Ebbinghaus 1990

Ebbinghaus A., *Die altrussischen Marienikonen-Legenden*, Wiesbaden, 1990
(=Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der freien Universität Berlin, 70).

Hannick 1981

Hannick Ch., *Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur*, Wien, 1981
(=Wiener byzantinistische Studien, XIV).

Holthusen 1967

Holthusen J., Epifanij Premudryj und Gregor von Nyssa: (Ein Beitrag zur Erforschung der enkomiasischen Literatur bei den Slaven), *Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag*, Heidelberg, 1967, 64–82.

Jufu 1963a

Jufu J., Despre prototipurile literaturii slavo-române din secolul al XV-la, *Mitropolia Olteniei*, 15/7–8, 1963, 511–535.

——— 1963b

Jufu J., Mănăstirea Moldovița — centru cultural important din perioada culturii române, în limba slavonă (sec. XV–XVIII), *Mitropolia Moldovei și Sucevei*, 39/7–8, 1963, 428–455.

Kitch 1976

Kitch F. C. M., *The Literary Style of Epifanij Premudryj “Pletenie sloves”*, München, 1976
(=Slavistische Beiträge, 96).

References

Alissandratos Yu. A., Sledy patrísticos-kikh tipov pokhval v “Zhitii Stefana Permskogo”, *Drevnerusskaia literatura. Istochnikovedenie: Sbornik nauchnykh trudov*, Likhachev D. S., ed., Leningrad, 1984, 64–74.

Antonova M. F., Kirill Turovskii i Epifanii Premudryi, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 36, 1981, 223–227.

Borisov N. S., O nekotorykh literaturnykh istochnikakh “Zhitia Sergiia Radonezhskogo”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriia*, 5, 1989, 69–79.

Bulanin D. M., Leksikon Svidy v tvorchestve Maksima Greka, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 34, 1979, 257–285.

Bulanin D. M., O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisatelei, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 37, 1983, 3–13.

Chumicheva O. V., Inok Gerasim Firsov — solovetskii pisatel' 17 v., *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 4, 1992, 87–135.

Droblenkova N. F., Germogen, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, Likhachev D. S., ed., 2, 1, Leningrad, 1988, 153–163.

Droblenkova N. F., Velikie Minei Chet'i, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, Likhachev D. S., ed., 2, 1, Leningrad, 1988, 126–133.

Droblenkova N. F., Prokhorov G. M., Epifanii Premudryi, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, Likhachev D. S., ed., 2, 1, Leningrad, 1988, 211–220.

Dukhanina A. V., Istoriia sozdaniia Pokhval'no-go slova Sergiia Radonezhskomu v svete lingvističeskikh dannykh, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1(35), 2009, 67–74.

Dukhanina A. V., K voprosu o rekonstruktsii original'nykh drevnerusskikh sochinenii po bol'ee pozdnim spiskam (na materiale Zhitia Stefana Permskogo), *Beiträge der Europäischen Slavischen Linguistik (Polyslav)*, 14, München, Berlin, 2011 (=Die Welt der Slaven. Sammelbände/Sborniki, 43), 25–34.

Dukhanina A. V., Tekstologicheskaya klassifikatsiya spisikov Zhitia Stefana Permskogo i problema vosstanovleniya pervichnykh chtenii, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*. 2010–2011, Moscow, 2011, 263–289.

Dukhanina A. V., ed., transl., comment., *Zhitie Sergiia Radonezhskogo (Prostrannaia redaktsiia)*, Moscow, Bruessel, 2015.

Dukhanina A. V. Rannii etap rukopisnoi traditsii Zhitia Stefana Permskogo: kompleks otryvkov v sbornikakh serediny-poslednei treti 15 v., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 68, 2021, 173–210.

Dukhanina A. V., Sergii Radonezhskii. Zhitie, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 63, Moscow, 2021, 158–178.

Dukhanina A. V., Ekskurs o mesiatse marte v Zhitii Stefana Permskogo: istochniki i rukopisnaia traditsiia, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 70, 2023, 3–48.

Ebbinghaus A., *Die altrussischen Marienikonen-Legenden*, Wiesbaden, 1990 (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der freien Universität Berlin, 70).

Fedotov G. P., *Sviatye Drevnei Rusi, Sobranie sochinenii v dvenadsati tomakh*, 8, Moscow, 2000.

Hannick Ch., *Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur*, Wien, 1981 (= Wiener byzantinistische Studien, XIV).

Holthusen J., Epifanij Premudryj und Gregor von Nyssa: (Ein Beitrag zur Erforschung der enkomiaistischen Literatur bei den Slaven), *Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag*, Heidelberg, 1967, 64–82.

Ivanova Kl., Novoizvodnite turnovski sbornitsi i vuprosut za roliata na patriarkh Evtimii v tekhniiia prevod, *Starobulgarska literatura*, 25–26, 1991, 124–134.

Ivanova Kl., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, Sofia, 2008.

Ivanova Kl., Velkovska E., Khilandarskaia rukopis' № 404 (predvaritel'nye zametki k istorii novoizvodnykh Triodnykh panigirikov na Afone), *Afon i slavianskii mir. Sb. 1: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1000-letiiu prisutstviiia russkikh na Sviatoi Gore*, Belgrad, 16–18 maiia 2013 g., Sviataia Gora Afon, 2014, 235–255.

Jufu J., Despre prototipurile literaturii slavo-române din secolul al XV-la, *Mitropolia Olteniei*, 15/7–8, 1963, 511–535.

Jufu J., Mănăstirea Moldovița — centru cultural important din perioada culturii române, în limba slavonă (sec. XV–XVIII), *Mitropolia Moldovei și Sucevei*, 39/7–8, 1963, 428–455.

Kirillin V. M., Epifanii Premudryi: umozrenie v chislakh o Sergii Radonezhskom, *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 6, 1993, 80–120.

Kirillin V. M., "The Tale of the Miraculous Icon of Our Lady of Kazan" in the Light of Old Russian

Literary Tradition, *Studia Litterarum*, 2/1, 2017, 150–183.

Kitch F. C. M., *The Literary Style of Epifanij Premudryj "Pletenie sloves"*, München, 1976 (= Slavistische Beiträge, 96).

Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 1: Zhitie Sergiia Radonezhskogo, Moscow, 1998.

Konovalova O. F., K voprosu o literaturnoi pozitsii pisatel'ia kontsa 14 v., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 14, 1958, 205–211.

Konovalova O. F., Konstruktivnoe i stilisticheskoe primeneniie tsitat v "Zhitii Stefana Permskogo", napisannom Epifaniem Premudrym, *Zeitschrift für Slawistik*, 24/4, 1979, 500–509.

Konyavskaya E. L., *Avtorskoe samosoznanie drevnerusskoi knizhnika (11 — seredina 15 v.)*, Moscow, 2000.

Konyavskaya E. L., K voprosu ob avtorskom samosoznanii Epifanii Premudrogo, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (1), 2000, 70–85.

Kudryavtsev I. M., Sbornik 17 v. s podpisami protopopa Avvakuma i drugih pustozerskikh uznikov: Materialy k issledovaniiam, *Zapiski Otdela rukopisei GBL*, 33, Moscow, 1972, 148–212.

Kuev K. M., *Chernorizets Khrabur*, Sofia, 1967.

Kuzmina M. K., Functions of Uncrossed Quotations in Life of St. Sergius of Radonezh, *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2014, 4(34), 160–167.

Lonchakova G. A., Triodnyi Trozhestvennik osobogo sostava: opisanie, *Rukopisi, staropechatnye i redkie knigi v sobraniiaakh Rossii: Sbornik nauchnykh statei*, Novosibirsk, 2018, 129–168.

Lyakhovitsky E. A., Shibaev M. A., Minei-Chet'i. Velikie M<inei>-Ch<et'i>, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 45, Moscow, 2017, 262–267.

Moshin V. M., O periodizatsii russko-iuzhnoslavianskikh sviazei 10–15 vv., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 1963, 19, 28–106.

Pak N. V., *The Praise of Saints Euthymios the Great and Sabas the Sanctified by Cyril the Monk and the Praises of Russian Saints, Slavia Orientalis*, 70/2, 2021, 279–297.

Pak N. V., Some fragments from the writings by Cyril of Scythopolis in the extensive edition of the Life of Makarij of Kaljazin, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20(4), 2024, 716–738.

Panchenko O. V., Iz arkhograficheskikh razyskanii v oblasti solovetskoi knizhnosti. 1. "Pokhval'noe slovo russkim prepodobnym" — sochinenie Sergiia Shelonina (voprosy atributsii, datirovka, kharakteristika avtorskikh redaktsii), *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 53, 2003, 547–592.

Paskal A. D., Novyi avtograf Gavriila Urika, *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniia dooktiabr'skogo perioda: Sbornik nauchnykh trudov*, Moscow, 1992, 53–62.

Petrova V. D., "Knizhnost' premudrykh" v "Zhitii Stefana Permskogo" Epifanii Premudrogo, *Vestnik*

of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. *Seriia: Filologiya*, 2006, 1, 50–56.

Petrova V. D., *Iazyk iuzhnoslavianskogo i vostochnoslavianskogo "pletienia sloves"*. Na materiale sochinenii knizhnikov Tyrnovskoi shkoly i Epifanii Premudrogo, Cheboksary, 2014.

Pikio R., Vlianie tserkovnoi kul'tury na literaturnye priemy Drevnei Rusi, *Slavia Orthodoxa: Literatura i iazyk*, Moscow, 2003, 122–162.

Pop R., Neskol'ko zamechanii o literaturnom metode Epifanii Premudrogo, *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)*, Moscow, 1976, 88–94.

Prokhorov G. M., *Knigi Kirilla Belozerskogo, Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 36, 1981, 50–70.

Prokhorov G. M., ed., *Entsiklopediia russkogo igumena 14–15 vv.: Sbornik prepodobnogo Kirilla Belozerskogo. Rossiiskaia Natsional'naia Biblioteka, Kirillo-Belozerskoe sobranie*, № 13, St. Petersburg, 2003.

Rudi T. R., O kompozitsii i topike zhitiia prepodobnykh, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2006, 57, 431–500.

Rudi T. R. On Topoi of Missionary Lives (The Life of Stefan of Perm in the Kontext of Hagiographic Topoi), *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 13/2, 2014, 134–148.

Sapozhnikova O. S., Skazanie o iarengskikh chudotvortsakh i metody raboty drevnerusskogo avtora, *Russkaia agiografiia: Issledovaniia, publikatsii, polemika*, St. Petersburg, 2005, 546–600.

Sapozhnikova O. S., *Russkii knizhnik 17 v. Sergii Shelonin. Redaktorskaia deiatel'nost'*, Moscow, St. Petersburg, 2010.

Sapozhnikova O. S., Sergii (Shelonin), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 63, Moscow, 2021, 101–108.

Shibaev M. A., Epifanii Premudryi, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 18, Moscow, 2008, 582–584.

Shumilo S. M., Muzykal'nyi podtekst drevnerusskoi agiografii: k postanovke problemy, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 63, 2014, 29–44.

Shumilo S. M., Triod' kak literaturnyi istochnik Zhitiia Stefana Permskogo, *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, 3, St. Petersburg, 2017, 35–45.

Sobolev N. I., K voprosu o literaturnykh istochnikakh Zhitiia Stefana Permskogo, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 52, 2001, 537–543.

Soloviev A. V., Epifanii Premudryi kak avtor "Slova o zhitii i prestavlenii velikago kniazia Dmitriia Ivanovicha, tsaria rus'skago", *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 17, 1961, 85–106.

Stanojević St., Glumac D., *Sv. pismo u našim starim spomenicima*, Belgrade, 1932.

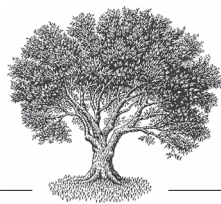
Ufu Z., La collection de dix volumes studion (extraits des archives du chercheur roumain Y. Ufu), *Studia Balcanica*, 2, 1970, 299–343.

Vovina-Lebedeva V. G., Chugreeva N. N., Ermogen, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 18, Moscow, 2008, 633–641.

Wigzell F., Tsitaty iz knig sviashchennogo pisaniia v sochineniiakh Epifanii Premudrogo, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 26, 1971, 232–243.

Наталья Викторовна Пак, кандидат филологических наук,
специалист по учебно-методической работе
кафедры судоходства на внутренних водных путях,
делопроизводитель Ученого совета
Государственного университета морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова
198035, С.-Петербург, Двинская ул., д. 5/7
Россия / Russia
nataliya.pak@gmail.com

Received July 11, 2023

Жития четых миней в разных переводах и редакциях и их использование в Прологе: Октябрь

**Лариса Викторовна
Прокопенко**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Lives of Saints in the Slavonic Menaion- Readers in Different Translations and Redactions and Their Use in the Prologue: October

Larisa V. Prokopenko

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается переводческая и редакционная техника древних славянских книжников на примере житий святых, входящих в славянские четьи минеи за октябрь. Эти четьи минеи сохранились в южно- и восточнославянской традиции в поздних списках, как правило, не старше XIV–XV вв., и одно и то же житие может быть представлено в них в нескольких версиях — переводах или редакциях. Несмотря на позднюю датировку рукописей, текст многих житий показывает близость с лексической и синтаксической стороны к переводам двух основных ранних славянских переводческих школ — кирилло-мефодиевской и Преславской. Некоторые жития были

Цитирование: Прокопенко Л. В. Жития четых миней в разных переводах и редакциях и их использование в Прологе: Октябрь // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 82–119.

Citation: Prokopenko L. V. (2025) Lives of Saints in the Slavonic Menaion-Readers in Different Translations and Redactions and Their Use in the Prologue: October. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 82–119.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.03

использованы при составлении на Руси в конце XII в. Пролога пространной редакции, в частности, Жития Димитрия Солунского, св. Уара и др. В статье исследуется, какой именно версией (переводом, редакцией) располагали составители Пролога в каждом конкретном случае, при этом учитывается вся традиция: восточно- и южнославянские рукописи, а также макарьевские четьи минеи. Делается вывод о неоднородности состава четьих миней уже ко времени составления Пролога, так как в Прологе встречаются выдержки из переводов разных школ и разных редакций; уточняются методы, использованные переводчиками и редакторами житий. В приложении к статье указаны все жития святых с памятниками в октябре, известные в нескольких версиях.

Ключевые слова

византийская агиография, древние славянские переводы, двойные переводы, переводные жития святых в славянской книжности, четьи минеи, древний славянский рукописный Пролог

Abstract

The article deals with the translation and editorial techniques of early Slavic scribes based on the lives of saints included in the Slavonic Menaion-Reader for October. These Menaion-Readers are preserved in the South and East Slavic traditions in late codices, usually not older than the fourteenth–fifteenth centuries, and a vita may be presented in several versions—translations or redactions. Although they can only be traced back to late codices, the text of many vitae shows lexical and syntactical acquaintance with the two major early Slavonic translation schools, the Cyrillo-Methodian school and the Preslav school. Some of these early vitae were used when the long redaction of the Prologue was elaborated in Rus' at the end of the twelfth century, in particular the vitae of St. Demetrius of Thessaloniki, St. Varus and others. The article examines which version (translation or redaction) was available to the compilers of the Prologue in each case, taking into account both East and South Slavic codices as well as the Great Menaion of Metropolitan Macarius. It is concluded that the composition of the Menaia was already heterogeneous at the time when the Prologue was compiled since it contains excerpts from translations of different schools and from various redactions; the methods used by translators and editors of hagiographies are clarified. The appendix to the article lists all the hagiographies for October which are known in several versions.

Keywords

Byzantine hagiography, Old Slavonic translations, double translations, translated hagiographies in Slavonic tradition, Menaion-Reader, Old Slavonic Prologue

Введение

Большинство славянских переводных житий дошли до нас в составе календарных агиографических сборников (четьих миней) южно- и восточнославянского происхождения. Вопрос о составе древних четьих

миней является дискуссионным: неизвестно, какие именно жития в них входили, поэтому их состав реконструируют, включая в него те жития, которые считаются наиболее древними [Сперанский 1896, 1901; Helland 2008, 2009; Творогов 2008a]. Некоторые пространные жития широко почитаемых святых безусловно имели свою традицию, не связанную с четкими минеями, например, жития Андрея Юродивого, Антония Великого, Марии Египетской, Николая Мирликийского и др. [Творогов 2008b: 128]. Древнейшими славянскими календарными сборниками агиографических текстов являются мартовский и майский тома (Супрасльская рукопись XI в. и Успенский сборник XII–XIII в.), в состав которых входят и гомилетические тексты. Следующие по старшинству восточнославянские четьи миней значительно младше и относятся уже к XV в. (например, комплект Волоколамских миней), среди южнославянских есть более ранние [Иванова 2008: 64–65, 73, 93 *passim*]; многие жития сохранились не в минеях, а в сборниках или одновременно в минеях¹ и сборниках. Переводные жития и Мучения из миней за месяцы кроме марта и мая, как правило, менее исследованы с текстологической и лингвистической стороны, если речь не идет о самых знаменитых святых. Однако даже беглый взгляд на лексику многих из этих житий подтверждает, что их перевод значительно древнее XV в.

Многие жития и Мучения использовались при составлении Пролога на Руси в последней трети XII в., выдержки из них включены в основном в его пространную редакцию, но некоторые были перенесены также в краткую редакцию (о редакциях Пролога см. [Лосева 2009: 76–122; Прокопенко 2010]). Тот факт, что в Прологе обнаруживается выдержка из того или иного жития, показывает, что это житие (в определенной его версии) по крайней мере не младше времени составления Пролога, несмотря на присутствие в поздних списках; кроме того, оно уже должно было иметь распространение на Руси в это время.

Ниже излагаются наблюдения над житиями и Мучениями, в основном из четьих миней за сентябрь–октябрь, которые исследовались при подготовке к изданию текстов Пролога за соответствующие месяцы на сайте prologmanuscript.org.

¹ Многие четьи миней более справедливо называть сборниками извлечений из миней, так как статьи в них располагаются не в календарном порядке (это относится и к Успенскому и к Супрасльскому сборникам) [Творогов 2008b: 124–125]. В настоящей статье нас интересует не состав древних четьих миней как памятника, а наиболее ранние переводы отдельных житий. Тем не менее, даже если рассматриваемые, предположительно древние, жития сохранились в составе сборников, мы полагаем, что изначально они были переведены в составе годовых четьих миней, поэтому именуем их далее четье-минейными житиями.

1. Жития в нескольких версиях: разные переводы или редакции?

Большинство славянских переводных произведений имеет обширную, часто запутанную рукописную традицию, многие из них сохранились в нескольких переводах или редакциях. Многократные славянские переводы византийских текстов — хорошо известное явление, к которому давно привлекалось внимание исследователей, особенно это касается богослужебных книг и гомилетики [Иванова-Мирчева 1977; Алексеев 1999: 61–63; Тасева, Марти et al. 2006]. Агиография не является в этом смысле исключением, переводные жития многих святых представлены более чем в одной версии. Если они восходят при этом к разным греческим оригиналам, очевидно, что это разные переводы; но и с одного греческого оригинала могло быть сделано несколько переводов в близкое время. В качестве примера можно привести Мучение 40 Севастийских мучеников (память 9 марта), в рукописной традиции которого выделяют по крайней мере два древних перевода (не говоря о третьем, более позднем), читающиеся в составе Германова сборника 1358/1359 г. и в ВМЧ, и созданные, по предположению исследователей, учениками Кирилла и Мефодия и авторами Преславской книжной школы соответственно (в Супрасльской рукописи обнаружена контаминация этих двух переводов), причем первый, существующий также в виде нескольких литературных переработок, вероятно, использовался при создании второго [Иванова-Мирчева 1969а; Capaldo 1978; Keipert 1980, 1999].

Исследование древней Супрасльской рукописи активизировало поиски аналогичных версий тех или иных житий, в ней содержащихся, в других списках, а также способствовало обнаружению и других версий (переводов) тех же житий². Поэтому для марта известны многие жития в разных версиях [Helland 2007b]. Но та же картина многообразия версий житий (переводов или редакций) обнаруживается и во все другие месяцы церковного календаря. Так, в предполагаемой октябрьской четвѣй минее, в которой могло находиться около четырех десятков

² Причем большинство житий и Мучений в версии *Супр.* оказались уникальными, не зафиксированными более в южнославянской письменности; ср. [Иванова 2008: 478–494, 508–510; Мирчева 2012: 28–30]. Версии, похожие на *Супр.*, чаще встречаются в восточнославянских минеях за март, особенно в ВМЧ; ср. [Петрова, Йовчева 2012: 384, 386–387, 389, 397, 399, 408, 412, 417, 419, 421; Темчин 2014: 32–36], однако при более подробном сличении текста нередко оказывалось, что это разные редакции или переводы [Voss 2000]. Рассказ de taxeota (*BHG 1318*) [*Супр.*: 167–168] в той же версии найден в сербской рукописи 1348–1353 г. (*Воскр.* 115) [Милтенова 2012: 159–160, 163; Фомина 2017]. С *Супр.* и *Воскр.* 115 (содержащей, среди прочего, отрывки из Пролога) совпадает и проложное «Слово о тязоте (тязиоте)», читающееся в Прологе краткой и пространной редакций под 28 марта [*Тип.* 171, л. 141а–143б], подвергнутое лишь небольшому редактированию в начале; таким образом, это сказание в той же редакции было известно на Руси к моменту составления Пролога (последней трети XII в.).

статей, посвященных неславянским святым [Творогов 2008а: 284]), по крайней мере десять святых имеют жития и Мучения в двух и более версиях (переводах или редакциях), восходящих к одному греческому оригиналу; см. Приложение.

Причины появления множественных переводов и редакций, их классификацию и другие теоретические вопросы мы здесь не рассматриваем. Отметим только, что по предположению одних исследователей, славянская гомилетика и агиография могли подвергаться гораздо большим изменениям в процессе бытования, чем богослужебные книги, так как сакральность первых ниже, чем вторых [Благова 1966: 81–82]³; по мнению других, напротив, жития и гомилии менялись меньше в течение веков, так как рукописи, их содержащие, меньше использовались и, соответственно, реже приходили в негодность и нуждались в переписке [Lunt 1983: 230–231].

Один из центральных вопросов при исследовании переводных славянских произведений — как отделить переводы от редакций, т. е. установить, является ли та или иная версия особым переводом или всего лишь редакцией перевода, сделанной без учета греческого оригинала. Решение этого вопроса довольно субъективно, как известно, во многих случаях взгляды исследователей расходятся; ср. [Иванова-Мирчева 1969b: 311] и [Lunt 1983: 232–233], [Алексеев 1984] и [Lunt 1985: 292–304; Thomson 1993: 312], см. также примеры [Петрова, Йовчева 2012: 410]. Чтобы снизить эту субъективность, предпринимаются попытки выделить критерии отличия перевода от редакции, некоторые из них очевидные (версии, основанные на разных греческих оригиналах, представляют собой разные переводы; о том же свидетельствует наличие ошибок перевода только в одной из версий), другие вызывают сомнения (например, согласно количественному лексическому критерию отличающиеся лексемы должны составлять в новом переводе не менее 30 %) [Тасева 2006; Гладкова 2015: 35–37].

Некоторые исследователи предлагают также выделять вторичные переводы [Lunt 1985: 290–291] или переводы-переработки (*retranslations*), авторы которых сознательно переделывают уже существующий перевод, так как он признается ими по каким-то причинам негодным (по качеству и принципам перевода, или из-за того что он основан на «неправильном» греческом оригинале), и первичные, «чистые» переводы, авторы которых не знают о своих предшественниках (такие двойные переводы сделаны, скорее всего, случайно); предполагается,

³ В то же время в конце исследования отмечено, что писец «строго соблюдает первичный текст [...]». Лексические варианты [...] свидетельствуют о большом консерватизме писца» [Ibid.: 86].

что в агиографии нередки случайные двойные переводы, сделанные в близкое время из-за недостатка координации при переводе четых миней [Stern 2016: 22–24]. Действительно, во многих случаях переводчики используют в своей работе более ранний перевод, поэтому можно считать такие новые версии и переводом/переработкой с использованием греческого оригинала, и редакцией с использованием греческого оригинала (зависит от того, насколько сильна переработка)⁴. По нашему мнению, это вопрос терминологии, над которым не стоит ломать копья; в настоящей работе используются слова *перевод* и *редакция* в их традиционном смысле — речь идет о переводе, если в текстах имеются существенные отличия (см. их определение далее), и о редакции — если менее существенные, но, разумеется, всегда оговаривается возможность использования одним переводом другого.

В целом мы согласны с большинством приводимых критериев выделения переводов, но считаем нужным акцентировать внимание на следующих моментах. Ясно, что очень трудно, если вообще возможно, определить версию как перевод или редакцию, не имея близкого греческого параллельного текста. Но даже в тех случаях, когда такой текст есть, необходимо оценить и взвесить как отличия двух версий, так и их сходство. Два перевода должны достаточно сильно отличаться друг от друга лексически и синтаксически, восходя независимо друг от друга к греческому первоисточнику (перевод греческих лексем и оборотов тем или иным образом должен быть зафиксирован и в других переводных произведениях или сделан по известным правилам), при этом они не должны содержать дословно одинаковых пассажей, за исключением самых простых оборотов и выражений [Lunt 1983: 233, 243]. Если две версии отличаются преимущественно лексикой, следует сначала выдвинуть гипотезу редактирования на славянской почве и проверить, не сделано ли это изменение, например, в пользу той лексики, что характерна для другой переводческой школы, или с целью обновления и упрощения (когда архаические и редкие слова последовательно заменяются на более новые или обычные), а также проверить, можно ли отличающимися славянскими лексемами переводить греческие. Очень

⁴ Существует и крайняя точка зрения, согласно которой весь корпус славянских четых миней был переведен в Преславской школе и все многообразие версий того или иного жития восходит к одному первичному переводу, а остальные версии представляют собой редакции, причем редактирование началось уже на южнославянской почве и, возможно, продолжалось на восточнославянской [Helland 2007a: 32–33, 36–37]; мы полагаем, однако, что в тех случаях когда речь идет о редактировании с использованием греческого оригинала, логичнее говорить о вторичных переводах. Другие исследователи считают возможным существование двух преславских переводов одного жития [Мирчева 2016], в таком случае нужно допускать переводы с разными переводческими стилями внутри одной школы.

часто редактирование направлено также на упрощение сложного синтаксиса, которым отличаются жития, переведенные буквалистски. Ниже будет рассмотрено несколько примеров, иллюстрирующих наш метод определения версий житий как переводов или редакций.

Так, **Житие Пантелеимона** (память 2 июля), сохранилось в двух версиях, которые можно рассматривать как два разных перевода, в южнославянских списках представлены оба из них (ср. инципиты 3а и 3б [Иванова 2008: 592–593]), а в восточнославянских — первый⁵ [Творогов 2008: 94], кроме того, в некоторых восточнославянских списках первая версия отредактирована:

Соф. 1376 = ВМЧ, Син. 996 (первый перевод)	Тр. 751 (редакция первого перевода)	Гильф. 56 (второй перевод)
Л. 280г тон нмѣ сѣа нноуада нменемъ пантелѣонѣтъ. сего наоуѣн добрынмъ боукамъ (τὰ κάλλιστα γράμματα ⁶). прѣдасть н старѣншннѣ врачѣ (ἀρχιατρὸς τινί) ефросннѣ нже всю квстоѣю врачеваше (ὅστις πᾶσαν τὴν περὶ τὸν βασιλέα κοῦστωδῖαν ἐθεράπευσε)...	Л. 318об. тѣ нмѣа сѣъ ѣдиноуаѣъ нменемъ пантелѣн, сѣ наоуѣн кннгамъ вѣвмъ, прѣда его старѣншннѣ врачѣмъ, нменемъ ефросннѣ, нже въ сѣборѣ леуаше...	Л. 480об. тѣ нмѣаше сѣа ѣдн ноѣна нменѣ панѣола. сего наѣуѣнѣ добрѣ пнсменемъ н прѣѣа н наѣаннкѣ врачевскомѣ нѣкоемоу ефросннѣ нже въсе сѣущее ѡкрѣтъ цѣа влаетеле врачеваше...
Л. 281г тако бо мнѣ заповѣда мастеръ свон (ВМЧ мон; ὁ μακίστορος μου). аще са наоуѣншн боуѣшн ѣлѣтъ бааѣ н...	Л. 320 тако мн заповѣда мастеръ мон. рекъ аще са наоуѣншн, боуѣшн ѣлѣтъ цѣла...	Л. 481об. снѣе бо мн заѣѣа мансторъ мон. тако аще наѣуѣншн сѣе оуѣнѣ, боуѣшн въсакъ неѣѣгъ въ ѣлѣтъ нсѣѣлаѣ (ὅτι ἂν μάθης τούτων τὴν παιδείαν ἔσῃ πᾶσαν ἀσθενεῖαν ἐν τοῖς ἀνθρώποις θεραπεύων)...

В первой версии (переводе) употребляется весьма архаическая лексика, в том числе связанная с врачеванием (так как житие посвящено целителю), например, балнн ‘врач’ (л. 282а старѣншнна балннамъ) и баловатн ‘лечить’ (кроме балѣа выше, также л. 282г баловаховѣ); этот корень отмечен в некоторых западноболгарских старославянских памятниках (лучше сохранивших первоначальный перевод библейских книг) и, возможно,

⁵ Нумерация переводов здесь и далее условная. В каталоге К. Ивановой для второго перевода отмечены десять списков, для первого — только три [Иванова 2008: 592–593].

⁶ Греческий текст Мучения Пантелеимона, ближайший к славянскому переводу (ВНГ 1413b) не опубликован; приводится по рукописи *Par. gr.* 897, f. 195v, 197.

имеет моравское происхождение [Львов 1966: 39–48]. Букъѣвъ встречаются в житиях Кирилла, Мефодия, Феклы в значениях ‘письмо’ и ‘грамота (которой учат), азбука’, происхождение этого слова также предположительно моравско-паннонское (в эпоху первых славянских переводов в этих значениях использовалось многозначное кънѣгы); во второй версии ему соответствует писма (писмена), отмеченное в значении ‘буква; письмо’ в *Супр.* и древних восточноболгарских памятниках [Ibid.: 155–163]. Характерным для кирилло-мефодиевских переводов является слово нноуаѣъ, а также использование грецизмов (кѣрстоуѣна в первом переводе vs. властѣе во втором [Jagić 1913: 312; Večerka 1997: 370]); напротив, перевод двумя словами, одно из которых старъшнѣна, греческих слов на ѡρχι- (старъшнѣна врачѣмъ / старъшнѣна балнѣмъ) считается признаком Преславской книжной школы [Славова 1989: 31–32], вместо старъшнѣна реже использовалось наѣуаѣлѣнкъ [SJS, II: 327], которое мы видим во второй версии.

Очевидно, что первая версия древнее второй или ориентируется на более старые нормы. Бросается в глаза также, что вторая версия значительно ближе (пословно) передает греческий текст, а первая восходит к несколько иному его варианту и/или не является буквальной. Однако необходимо учесть также, что текст, сохранившийся в *Соф. 1376* и *ВМЧ*, явно редактировался, архаическое балнѣ читается здесь только в начале, в остальных местах слово устранено, его следы остались, вероятно, по недосмотру редактора. Таким образом, мы не знаем, как изначально выглядела эта версия и до какой степени она была отредактирована. Вероятно, в данном случае пока нет надежных оснований, чтобы говорить о двух разных переводах; вопрос требует дальнейшего изучения и поиска рукописей, в которых представлена первая версия (в каталоге Творогова версии не выделены).

Что касается *Тр. 751*, то здесь вывод однозначен. Все отклонения этого списка направлены в сторону упрощения и тривиализации (вместо архаических балнѣ, баловатѣн видим обычные врачѣ, цѣлѣтѣн и др.; нноуаѣъ заменено на ѣднноуаѣъ, бѣуѣкѣмъ на обычное церковнославянское кнѣгамъ и т. д.), при этом замены (типа въ собѣрѣтъ) не могут восходить к греческому, поэтому нет причин полагать, что в *Тр. 751* содержится особый перевод. Если текстологическое исследование покажет, что данная версия сохранилась только в восточнославянских списках, то логично предположить в ней восточнославянскую переработку.

Мучение Прокопия (память 8 июля) бытовало в славянской книжности по крайней мере в трех версиях. Одна из них представлена в многочисленных южнославянских списках, нередко разделенная на две части или в виде отрывков [Иванова 2008: 578–579]. Вторая версия

читается в ВМЧ, а также в одном позднем русском списке [Творогов 2008: 102]⁷, третья — в восточнославянских четъих минеях *Соф. 1376*⁸, *Тр. 678* и *МДА 95* [Helland 2009: 661].

Приведем несколько отрывков из этих версий:

Греч. ⁹	Гильф. 56	ВМЧ, Син. 996
1 Κατὰ τοὺς καιροὺς ἐκείνους ἐβασίλευσεν... ὁ τύραννος, τῇ μανίᾳ τῶν εἰδώλων ἐκβαλχεύων... δόγμα ἐκτίθεται... κατὰ τοῦ γένους τῶν χριστιανῶν	Л. 461 В вѣѣна ѡна ѡтвѡваше дѣѡкантиѡнь мѣлъ· н ѡнствѡствомъ идѡлскѣѡ ѡбѡрѡдѣвъ, погѡбѡлѡше цѣрквы хѣѣ· повелѣнїѡ нзложнѣвъ въ всѣ вселеѡннѣю на рѡ хѣртїанскы	Л. 71г Вѣ времена ѡтвѡѡущѣ. днѡкантиѡноѡ томнѣѡю. ѡ бѣшѣннѣ коѡмнѣрѣ бѣсѡсѡ. н гѣбѡ хѣн цѣркѣн, казнѣ заповѣдѡна бысть по всѣн вселеѡннѣн ѡ хѣртїанѣствѣ роѡдѣ
2 Διὰ τοῦτο ἐκτίθημι δόγμα... ἐξευμενίζειν τὸ θεῖον (вар. τοὺς θεούς)... εἰ δέ τινες μὴ βούλοιντο τὰ αὐτὰ φρονεῖν, τῇ ταχίστῃ τιμωρίᾳ ὡς ἀποστατοῦντας ἀφ' ἡμῶν δημοσίῳ ξίφει ἀπαλλάττεσθαι αὐτοὺς κελεύω τοῦ ζῆν	Л. 461 сего рѡ нзложѣ повелѣнїѡ... 461об. сѡгѡватн бѣтѡнѡе... аще лн же нѣѡцїн не вѣсѡтетѣ таѡѣ моѡдрѣствѡватн· скорїнмѣ мнїѣмѣ ѡко ѡстѣпльшѣнѣ вѡ· нарѡнѡнмѣ мѣѡемѣ тѣ жнтїѡ пѣменовѡтн повелѣѡѡ	Л. 72а того рѡ заповѣѡѡ казнѣ... молнѣн бѣѡмѣ... аще лн нѣѡкторын не раѡѡтѣ тоѣ мѣрѣствѡватн. то скороѡ смертїѡ ѡко ѡтаѡѡѡсѡ ѡ насѣ. ѡѡ скорѡ ѡѡморѣнн ѡѡѡѡѡѡтѣ мѣѡемѣ

В этом случае можно говорить с большей уверенностью, что первая и вторая версии — это два разных перевода, так как они отличаются лексически и синтаксически; сходных пассажей немного (таже/тоже моѡдрѣствѡватн). При этом обе версии содержат редкую лексику (трудно представить, что она могла быть результатом замен), в том числе характерную для восточноболгарских памятников: в *Гильф. 56* слѡѡѡватн (отмечено также в февральской четъей минее *МДА 92.1* [Кулева 2011: 126]), ѡбѡроѡѡтн (ѡроѡѡ и производные от него считаются преславизмами и

⁷ Текст, указанный в каталоге Творогова первым (с рукописями, за исключением *Соф. 1376*), — это другое, более краткое Мучение Прокопия, изначально размещавшееся в минеях под 24 ноября, которое посвящено святому с другим днем памяти в греческой традиции [SynCP: 245–246]; ср. также упоминание о св. Прокопии в Прологе под 22 ноября [Пролог 2010: 386]. В ВМЧ оно перенесено на 8 июля, так как святые отождествлены [Иосиф. 2: 303–304].

⁸ Любопытно, что в этой рукописи, помимо данной версии, на л. 30г, между житиями Андрея Критского (4 июля) и Афанасия Афонского (5 июля), находится также начало второй версии (весьма редкой в славянской книжности). Сама ситуация, когда в четъю минею включены две версии одного жития, не так уж редка, ср. примеч. 36 и 37.

⁹ BHG 1577, по изданию [Papadopoulos-Kerameus 1898: 1–2].

широко представлены в *Супр.*), в ВМЧ *коумнръ*, *казнь* в значении ‘повеление’ (так переводится *δόγμα* в Житии Кодрата, ср. особенно в Житии Исаакия *казнь заповѣда* [*Супр.*: 101; 199]), *ѡтѣжѣтисѧ*¹⁰ ‘отступать, отказываться’. Считающееся моравизмом *раунти* ‘хотеть’ [Львов 1968: 334–335] популярно в житиях всех четых миней и в преславских переводах [Кулева 2011: 129; Срезн., III: 111]. Интересны также отличия в технике перевода: *Гильф. 56* дает дословный перевод в строгом соответствии с греческим синтаксисом, а в версии ВМЧ перевод более вольный, но учитывающий славянские грамматические нормы (*ненствоствомъ vs. ѡ бѣше-нии; сѧговати бѣтвое vs. молѣти бѣомъ; жнѣа пѣменовати повѣлѣваю vs. да скорѡ оуморенн бѡудѣтъ*), возможно, сделанный с отличающегося варианта греческого оригинала. На этом основании перевод в версии ВМЧ следовало бы признать более древним или ориентированным на старые (кирилло-мефодиевские) приемы, если бы этому не противоречила лексика.

Важно отметить (с точки зрения идентификации текста как перевода или редакции), что если часть отличий этих версий можно было бы объяснить предполагаемыми заменами (например, *сннклнтнкъ* в *Гильф. 56* vs. *боларннъ* в ВМЧ), то другие требуют обращения к греческому, как, например, передача языческого имени Прокопия *Νεανίας*, букв. ‘юноша’, разными способами (*Гильф. 56* *юноша* vs. ВМЧ *неанна*), ср. также в этих версиях *крѣтъ кристалловиднъ* — *крѣтъ лѣданомъ видомъ* (*σταυρός χρυσταλλοειδής*).

Что касается третьей версии, то в *Соф. 1376* те же отрывки выглядят так: л. 90 *Въ она врѣмена. црѣвоуцѣу дѣокантѣану мѡунѣтелю. н омраченїемъ їдолскѣмъ обвѣнъ. н поговѣлаа гнѣа црѣквн. н повѣлѣнїе положн въ всен вселѣнїи. нарѣдъ хрѣтѣанскъ мѡунти... сего дѣла полагаю повѣлѣнїа... оумолѣти боги... аще кто хощетъ таже мѣдрѣствовати. скѡро предати мѣнїю. ꙗко прѣтнѣащаа вѣлю н мѣю 90об. предати.*

Несмотря на отличия, она не может быть особым переводом, а представляет собой переделку первой версии: для греческого *νανία* не зафиксирован перевод *омраченне* [РГЦ: 297; СДРЯ, VI: 150–153]; *обвѣнъ* появилось, вероятно, из *обворѣднъ* (это характерная лексическая пара; ср. SJS, II: 506); сочетание на *родъ* (*κατὰ τοῦ γένους* ‘против рода’) превратилось в слово *народъ*, и к нему пришлось добавить глагол *мѡунти*. Смысл одного пассажа заменен на противоположный (*Гильф. 56* *оуставомъ съвършаемомъ ѡбычнѣ* — *Соф. 1376* *обычѣ съкрѡшенѣмъ бывшѣ*). Нет оснований предполагать, что существовал некий иной вариант греческого текста, которому соответствует третья версия, очевидно, что это славянская переработка без использования греческого.

¹⁰ Ср. сближаемое с ним *отѣжѣтисѧ* ‘откладывать; отказываться’ в *Супр.* и февральской четвѣй минее [*Супр.*: 383; Кулева 2011: 126; СлРЯ, 14: 55].

Как видим, нередко встречается ситуация, когда варианты житий отличаются лексически и синтаксически (синтаксис одного из них, как правило, более близок к греческому оригиналу, а лексика обоих довольно архаична). Если мы признаем такие варианты двумя разными переводами, сделанными на раннем этапе славянской письменности, то логично предположить, что один из этих переводов, а именно более буквальный, сделан в Преславской книжной школе, так как для нее характерен буквализм [Иванова-Мирчева 1977]. Что касается распределения лексики в таких параллельных переводах, то не всегда оно соответствует тем схемам, которые были выведены на основе анализа древних переводов и редакций библейских книг [Jagić 1913: 281–421; Славова 1989]. Стоит учитывать, что жития, как правило, написаны более простым языком по сравнению, например, с гомилетической литературой, поэтому в их переводах могут не так часто встречаться такие излюбленные приемы преславских книжников, как кальки греческих композитов; в то же время лексика переводных житий специфична, в них обычно много слов, описывающих реалии и быт, которые редко бывают в других текстах¹¹.

Ситуация, когда в восточнославянских списках сохранились агиографические тексты в древнем переводе, от которого не осталось следов на Балканах, вполне возможна и нередка, однако мы скептически относимся к возможности перевода четых миней на Руси или в другом месте для русских заказчиков во время позднее Первого болгарского царства [Афиногенов 2006]. В древнерусских переводах известны только некоторые жития, как правило, пространные, переведенные вне комплекса миней (Житие Андрея Юродивого, Житие Варлаама и Иоасафа), с ярко выраженными лексическими особенностями, в том числе русизмами. В то же время переработки житий на славянской почве, без привлечения греческого оригинала, были делом вполне обычным и распространенным, как это покажет и материал ниже (для некоторых житий существует по несколько переработок). Поэтому, встречая в списках особые версии житий, плохо соответствующие известным греч. оригиналам, следует проверять в первую очередь гипотезу об особой редакции (не переводе), особенно это касается восточнославянских версий, отсутствующих в южнославянской традиции.

¹¹ Лексика переводных четых-минейных житий плохо описана историческими словарями (за исключением месяцев марта и мая): в старославянский канон жития (за исключением *Супр.*) не попали, в СлРЯ их лексика учитывается sporadически (в основном по ВМЧ, принцип учета неясен), СДРЯ охватывает только памятники (рукописи) предположительно восточнославянского происхождения, в «Материалах» Срезневского и в Словаре Миклошича источники указаны неточно.

Четьи минеи, бытовавшие на восточнославянской территории и дошедшие до нас в списках не ранее XV в., имеют неоднородный состав. Даже те из них, которые считаются более архаическими по составу (февральская четья минея МДА 92.1, Волоколамские¹²), вряд ли состоят исключительно из древних переводов одной переводческой школы, но содержат как переводы разного времени, так и переработки переводов. Доказать это можно, только подробно исследовав каждое житие (такой метод кажется нам более перспективным, чем изучение состава четьих миней и выделение среди них южно- и восточнославянского типов, ср. [Темчин 2014]).

В частности, февральская четья минея МДА 92.1 начала XV в. считается исследователями имеющей древний состав и содержание, так как в ней отсутствуют славянские жития и она близка по языку к *Супр.* [Срезневский 1875: 381–387]. Тем не менее текст Жития Трифона (память 1 февраля; *BHG 1856a*) в этом самом раннем списке сохранился хуже, чем в более поздних ВМЧ и *Вол. 594*, он содержит многочисленные пропуски, искажения и изменения, см. [Кулева 2015: 112–113]. Кроме того, «Сказание об обретении главы Иоанна Предтечи» в февральской минее, вероятно, представляет собой переработку первичного перевода, который читается в ВМЧ и Волоколамской минее и точно соответствует греческой *BHG 839* [Ibid.: 113]. Таким образом, не следует придавать слишком большое значение архаическому составу тех или иных четьих миней (отсутствие славянских и метафрастовых житий), в более поздних и не таких архаических по составу списках (в том числе в ВМЧ) также могут содержаться древние переводы.

Сказанное о неоднородности состава в еще большей степени относится к макарьевским минеям, которые представляют собой конгломерат всех бывших в наличии версий житий, так как задачей их составителя был наиболее широкий охват агиографических произведений. Нередко в ВМЧ включались несколько версий одного жития¹³, среди которых могут быть и переводы метафрастовых, в то время как в домакарьевских минеях мы видим преимущественно переводы дометафрастовых житий (за редкими исключениями). Находящиеся в ВМЧ переработанные версии житий (редакции) также могут относиться к разному времени, и их использование в Прологе позволяет уточнить их датировку.

¹² М. Н. Сперанский, напротив, считал, что состав Волоколамской минеи за октябрь (XV в.) весьма поздний и она является ближайшим переходным типом к макарьевским минеям [Сперанский 1901: 30].

¹³ Например, под двумя датами почитания Феодора Тирона (8 февраля и 8 июня) в ВМЧ помещены две разные версии его Мучения — более близкая к греческому тексту и переработанная; см. [Прокопенко 2023].

На неоднородный состав дошедших до нас четых миней указывает также то, что минейные заимствования в Прологе оказываются ближе то к версии одной минеи (содержащей один тип перевода), то к версии другой (содержащей другой тип перевода или редакцию). Например, отрывки из Мучения Мины в Прологе ближе к Волоколамской минее (Вол. 592), вероятнее всего, содержащей древний перевод; из Жития Иоанна Златоуста — к версии, вошедшей в ВМЧ (вероятно, редакция преславского перевода); из Жития Иоанна Милостивого — сразу к двум версиям (одни фрагменты — к *Тр.* 669, другие — к ВМЧ). Возможно, неоднородный состав миней имели уже в XII в., ко времени составления Пролога, т. е. в них входили переводы разного времени, а также редакции переводов. Иначе придется предположить, что составитель Пролога имел перед собой несколько комплектов четых миней с разными переводами и редакциями и черпал материал для своих компиляций по каким-то причинам то из одного комплекта, то из другого, что маловероятно.

В Приложении к статье приведен неполный¹⁴ перечень житий и мучений святых, чьи памяти приходится на октябрь, сохранившихся в нескольких версиях (восходящих к одному или разным греческим оригиналам) с указанием их использования в Прологе. Перечень составлен на основе каталогов южнославянской и восточнославянской агиографии [Иванова 2008; Творогов 2008], а также другой литературы и наших собственных наблюдений. Часть случаев мы рассматриваем ниже более подробно, указания на другие могут быть полезны в дальнейших исследованиях.

2. Жития за октябрь

По не вполне понятным причинам в Прологе очень мало выдержек из четье-минейных житий святых, чьи даты памяти относятся к сентябрю, и которые, соответственно, могли быть включены в состав Пролога в сентябрьские даты. Работа редакторов Пролога над сентябрьским материалом Синаксаря выразилась в перемещении нескольких синаксарных памятней на другие дни (в основном в этом же месяце) и составлении двух новых житий — под 19 сентября Зосимы на основании его Мучения из четьей минеи (находящегося там под 28 сентября) и под 30 сентября Гаиании и Рипсимии на основании Мучения Григория Армянского; кроме того, видимо, при составлении Пролога были

¹⁴ Перечень неполон, так как авторы каталогов, совершая свой гигантский труд, были вынуждены ограничиваться лишь указанием инципитов (в каталоге К. Ивановой приведены также концовки), однако нередко за одинаковыми или очень близкими инципитами скрываются разные версии произведений; см. ниже несколько примеров этого.

написаны жития Людмилы и Вячеслава Чешских (16 и 28 сентября). Это не значит, что в древней четьей минее за сентябрь был недостаток житий. М. Н. Сперанский перечисляет более десяти житий и Мучений, совпадающих во всех старших списках домакарьевских миней и, вероятно, являющихся древними переводами с дометафрастовых оригиналов [Сперанский 1896: 245–251]. Можно предположить, что при редактировании блока синаксарных житий, легшего в основу пространной редакции Пролога, первоначально не планировалось сильно расширять его за счет новых житий, и вкус к работе с четье-минейными житиями, которые превращались в проложные статьи, формировался у редакторов постепенно, в ходе работы.

При этом уже в октябре и ноябре мы видим в Прологе «классические» серии выдержек из пространных житий, которые включались как в житийный, так и в учительный разделы (напомним, что для пространной редакции границы между этими разделами весьма условны [Прокопенко 2010: 281–284]). Речь идет о житиях, которые имели отдельную рукописную традицию (Житие Варлаама и Иоасафа и Житие Андрея Юродивого) или входили в состав четых миней (Житие Иоанна Златоуста¹⁵ и Житие Иоанна Милостивого).

Помимо серий фрагментов, относящихся к одному святому, делались и более краткие заимствования, которых было достаточно для составления одного-двух проложных житий. Так, на основе четье-минейного **Мучения Арефы** были составлены два проложных жития: Елезвоя (Елесбаана) и Синклитикии под 24 октября. Это Мучение сохранилось не менее чем в трех версиях, текстология его не изучена и довольно запутанна, так как все версии имеют лакуны. Первая содержится в южнославянских (в основном сербских) списках, в частности в минее *НБКМ 1039* (посл. четв. XIV в.) [Иванова 2008: 264–265], один из старших русских списков второй версии — волоколамская минея *Вол. 591* [Творогов 2008: 26]. Их текст близок к греческому, представленному в *BHG 166*, хотя и несколько отличается от него. Третья, более краткая, версия, читающаяся в сборнике *Тр. 755* XV в., скорее всего, является сокращенной славянской переработкой.

Здесь мы видим характерные для кирилло-мефодиевской традиции и Преславской школы пары соответствий (*НБКМ 1039* — *Вол. 591*): азъкъ / страна, нмѣѣн / жндѣвннѣ; пара впокрнтѣ (в *Вол. 591* искажено как сѣпокрѣтн¹⁶) / лнцѣмѣръ известна уже из первоначального перево-

¹⁵ В силу своего объема также могло переписываться отдельно, не в составе четых миней.

¹⁶ Возможно, под влиянием цитаты из Мф 24. 51 сѣ впокрнтѣ (μετὰ τῶν ὑποκριτῶν) в Марииинском и Ассеманиевом евангелиях [SJS, IV: 1041].

да библейских книг [Jagić 1913: 310; Верещагин 1972: 42, 78]. Однако эти соответствия нерегулярны и расположены довольно бессистемно. Вероятно, изначально действительно существовали два разных перевода (или более древний перевод был отредактирован в Преславе), но в списках они были контаминированы. Это подтверждается и предварительными текстологическими наблюдениями. Так, в обоих русских списках в середине имеется большая лакуна, после чего их рассказ совпадает, значительно отклоняясь при этом от южнославянской версии и AASS. Текст Волоколамской минеи повторяется в ВМЧ, но с некоторыми отличиями: часть эпизодов отсутствует, а часть изложена иначе.

При этом в Прологе житие Синклитикии имеет несомненные лексические заимствования из Мучения в версии волоколамской минеи, о житии же Елезвоя судить трудно из-за сильной переработки в Прологе и отсутствия полного варианта Мучения.

Мучение Уара представляет собой редкий случай включения в восточнославянские домакаръевские минеи перевода версии Метафраста (эта же версия отмечена и в южнославянских минеях, и в ВМЧ¹⁷)¹⁸. Перевод дометафрастова Мучения, очевидно, более древний, найден лишь в двух списках (*Сол.* 503/522 [Творогов 2008: 114] и *Влн.* 79 [Helland 2008: 246]), однако он недостаточно полно соответствует греческому оригиналу. Возможно, существовал еще один, более близкий вариант, ставший источником для двух проложных житий (Уара и Клеопатры под 19 октября), во всяком случае в греческом тексте дометафрастова Мучения для этих статей находятся некоторые соответствия¹⁹.

Запутанно выглядит также рукописная традиция **Мучения Димитрия** (память 26 октября) — тексты, связанные с этим прославленным святым, переводились и редактировались неоднократно. В литературе можно встретить мнение о трех переводах одного греческого оригинала Мучения (*ВНГ* 497) или о трех версиях перевода, одна из которых, древнерусская (представленная в *Бел.* 54), является лучшей [Творогов 1999: 527]. Согласно более осторожной точке зрения более древним вариантом перевода является сохранившийся в *Чуд.* 20 и *Герм. сб.*, а вариант ВМЧ — соответственно, менее древним [Попов 1899: 2; Буланин 1987: 261 с литературой].

¹⁷ Однако только в одном списке ВМЧ — Успенском, который был положен в основу издания; в двух других текста нет [ВМЧ 19–31 окт.: 1553–1554, сноска 4].

¹⁸ М. Н. Сперанский полагал именно по этой причине, что Мучения Уара в первоначальной четъей минее вообще не было [Сперанский 1901: 8–9], однако ему были неизвестны списки дометафрастова Мучения. Перевод последнего должен был существовать по крайней мере ко времени составления Пролога.

¹⁹ См. сличение славянских и греческих параллельных текстов: [Мучение Уара].

Сравним начало в основных версиях текста:

Греч. ²⁰	Герм. сб. и Чуд. 20 ²¹	ВМЧ, Син. 175 ²²
col. 1173 Μαξιμιανός, ὁ καὶ Ἑρκούλιος, ὑποτάξας Γότθους καὶ Σαυρομάτας... δυσευδαίμων καὶ θεομάχος ἄνθρωπος, καὶ εἰς βάνος τῆς πλάνης ὀλισθηκώς. ἐφαιδρύνετο... ἡ... πλάνη ἐδίωκον γὰρ οἱ τῶν θεῶν θεραπευταί... καὶ ἀκινδύνως κατέσφαττον τούς... θεραπευτάς ἐκσκέπτωρ τὸ πρῶτον στρατευσάμενος, καὶ ἀνθύπατος γεγονὼς Ἑλλάδος, καὶ ὑπάτου ὠραιῶνα ἔλαβεν ὑπὸ τοῦ βασιλέως Μαξιμιανοῦ	Л. 56а Маѣмнианъ. еркѣанн. примѣуъ гоѣы. н савроматы. рнмаѣнемъ... демоноуѣтецъ. н бѣоуѣаннкъ ѣлѣкъ н въ гѣлѣннѣ ѣлѣстнн въпаѣса. прѣвѣщаашеса [вм. прѣсв-, Ч прѣславааше же са] тогда. нѣолѣскаа ѣлѣ гонѣхѣ бо бѣъ тѣ слѣгы... н бесѣ страха ѣнѣаахѣ. нстннны прѣмѣдростн слогы Л. 56б нспрѣва въ екскепѣторѣтъмъ [Ч скнпетрѣтъмъ] санѣ быѣъ. н антнпатъ лѣдѣ. н ипатѣ ѣратѣвннъ прнѣлѣ ѣ ѣ црѣ максмннана	Л. 1419а Максмѣанъ. нже н еркѣуѣлѣ покорнѣъ готѣфы. н сапрѣматы рнмѣаннѣ... ѣлѣ сын н бѣоѣорѣ. ѣлѣкъ во гѣлѣннѣ прѣстн. поѣлѣзнѣса. сѣаше же тогда. нѣолѣскаа прѣлѣсть гонннѣ бѣхѣ. ѣ хѣу слѣжѣнн... н неѣозѣраннѣ. зѣкоѣахѣ нстнннѣ прѣлѣростн. слѣжѣнн екскепѣ 1419б рѣ прѣвѣ воннѣсѣва. н анѣфннѣ ѣлѣскѣн выѣтъ. ѣ црѣ максмѣана

Из этого сравнения видно, что версии, представленные в *Герм. сб.* (Чуд. 20) и в ВМЧ, — это два разных перевода: они оба достаточно соответствуют греческому оригиналу и передают его независимо друг от друга; лексические варианты одного не могут быть возведены к вариантам другого, но требуют непосредственного обращения к греческому тексту (ѣѣмоноуѣтецъ/лоуѣавн²³, въпѣстнѣ/поѣлѣзнѣстнѣ, бѣъ страха / неѣзѣраннѣ и др.); нельзя сказать, что лексика одного всюду проще лексики другого. Первый перевод чуть более буквалистский, второй не всегда сохраняет греческие конструкции (ср. гонѣхѣ бѣъ слѣгы / гонннн бѣхѣ хѣу слѣжѣнн для греческого актива).

²⁰ По изданию [PG, 116].

²¹ По изданиям — *Герм. сб.* [Мирчева 2006: 365–366], *Чуд. 20* [Попов 1899: 25–33].

²² То же в издании [ВМЧ 19–31 окт.: 1883–1884]. Мучение Димитрия в той же версии, что в ВМЧ, есть и в других списках, например, в *Тр. 747*, л. 353 и далее.

²³ Оба слова слабо отражают как форму, так и смысл слова *δυσευδαίμων*, гапакса, известного, согласно TLG, только по этому Мучению и не зафиксированного в словарях (значение которого, впрочем, легко «вычисляется» из значения морфем: «счастливый; которому покровительствует божество» и отрицательная приставка), однако первый перевод частично его калькирует, вычлѣняя обычное, знакомое *δαίμων*.

Исследователи приводят несколько редких лексем, характеризующих первый перевод (*Герм. сб.*): *Δουπννα* (*Чуд. 20* *Δουπννα*; *καμάρα* ‘сводчатая комната’), *πογόνη* ‘единобожество’ (*πογόνη* *творити* — *μονομαχεῖν*), *κοβένне* ‘колдовство’, *ραύνца* (уменьш. к *ρακα*), *βρѣзѣсть* (*Чуд. 20* *ναούσιν*; *τὸν ἰουλον...* *φέρων* ‘с первым пушком (на лице)’) [Попов 1899: 2; Мирчева 2006: 105–107]. По данным А. А. Пичхадзе, в Мучении Димитрия по *Герм. сб.* многократно встречается местоимение *εἰς*, что свидетельствует о древности этого перевода и сближает его с кирилло-мефодиевскими памятниками [Пичхадзе 2011–2012: 222]. Но и перевод версии ВМЧ, видимо, не менее древний, ср. многократно используемое здесь *τριννις* для перевода греческого *στάδιον* (*Герм. сб.*, 58б и др. *ποζορνις*); 1887–1888²⁴ *прѣзорѣство*, *прѣзорнѣын*; 1890 *кѣснѣти* (которое наряду с *мѣднѣти* использовалось первыми славянскими переводчиками [Львов 1966: 172–176]²⁵); 1887 *мѣзва* (*οὐβοῦς* *молва* — *πενίας ἐνοχλοῦσης* ‘тяготящей бедности’); *ἔθνος* передается в двух версиях одинаково как *ѡзѣкъ*.

В обоих переводах встречаются грецизмы для передачи реалий, ср., кроме приведенных выше (*Герм. сб.* — ВМЧ): 57б *пѣ* *Δουπνнамн* *βλнзѣ* *людѣстѣн* *банн* — 1885 *под* *народныя* *бана* *καμαράμн* (*ὕπὸ τὰς τοῦ ἐγγύς δημοσίου λουτροῦ ὑπογαίους καμάρας*); 63а *пещемѣ* *окѣнца* — 1890 *пещнына* *комапы* (*κατὰ τὰς καμίνων καμάρας*); 62а *въ* *трннѣнавѣнн* *грѣстѣмѣ* — 1889 *въ* *трнѣнавѣлѣн* *стѣмѣ* (*Τρ. 747*, л. 361об. *въ* *трннѣнавѣлѣн* *грѣстѣмѣ*; *ἐν τῷ τριβουναλίῳ τῆς πόλεως*).

Греческие артикли в оборотах передаются в первом переводе при помощи прич. *сын* или вообще опускаются, а во втором переводе — как *нже*, причем это местоимение вставляется даже после предлогов (*Герм. сб.* — ВМЧ): 57б *на* *градное* *позорнѣ* — 1885 *на* *нже* *во* *градѣ* *позорнѣ* (*ἐπὶ τὸ τῆς πόλεως θέατρον*); 63а *соуцнмн* *же* *тоу* *людѣскимн* *стѣгнамн* — 1890 *съ* *нже* *тамо* *народнымн* *враты* (*μετὰ καὶ τῶν ἐκεῖσε ὄντων δημοσίων ἐμβόλων*). Активное использование *нже* для передачи греческого артикля характерно, как известно, для преславских переводов [Иванова-Мирчева 1977: 42–44], но некоторые из приведенных выше примеров (особенно с небуквальным переводом) как будто противостоят такому предположению по отношению к версии ВМЧ.

Что касается *Бел. 54*²⁶, то его текст производит впечатление переработки, причем сделанной на базе первого перевода, а еще точнее — ва-

²⁴ По изданию [ВМЧ, 19–31 окт.].

²⁵ Но в переводе нашего Мучения оно передает не *χρονίζω*, а *εἰργάζω* ‘удерживать, препятствовать’: *κοσμάτιον* кѣ *прѣдѣпонтію* (*εἰργοντος τὴν ἐπὶ τὸ πρόσω πορείαν*, в издании *προσωπορείαν*); в *Герм. сб.*, 63б *възѣбравѣнѣщи* *прѣхождѣние*.

²⁶ Опубликовано [Творогов 1999: 176–189].

рианта Чуд. 20 (ср. особенно въ скнпетръстѣмъ санѣ / санѣ скыпетровѣ): л. 36 Максимънъ. еркултанъ. оумнрнѣш и данннкы створн. гофѣфы. ꙗ савроматн рнмомъ... зловѣрннкъ. ꙗ бѣгохуаннкъ ѡлѣкѣ ꙗ въ гауѣннѣ лѣстн впадѣса. весѣлаше же са тогда лѣстѣ нѣдолекаѣ... гонаху бо слѣжнтѣла бѣна. ꙗ безъ вннѣ побнваху. нстнннѣна прѣмдростн слѣжнтѣла... санѣ перѣе прннмѣ скыпетровѣ. н анафнпатѣ бѣвѣ. въ елладѣ н оратнона бѣ вѣалѣ ꙗпатока сана ѿ црѣа максимѣа.

Лексические варианты Бел. 54 всегда более простые и обычные, ни один из них не может быть особым переводческим решением, сложным конструкциям соответствуют простые обороты (гонаху бо слѣжнтѣла бѣна вместо оборота с причастием), некоторые фразы не находят соответствия в греческом (данннкы створн). Не случайно исследователи считали версию Бел. 54 лучшей по сравнению с версией ВМЧ, которую критиковали за неудобоваримость, пропуски, «подновленный и обезображенный перевод» [Попов 1899: 2]²⁷. Однако обычно именно неудобочитаемость и есть признак первичности текста для многих, если не для большинства, древних славянских переводов, а более «гладкие» тексты появляются как результат литературного редактирования и попыток сгладить эту неудобочитаемость и придать ей больше смысла.

О. В. Творогов исследовал тот же отрывок из Мучения Димитрия по спискам Бел. 54, Чуд. 20 и ВМЧ (текст последних он считал «в целом ближе к тексту, читающемуся в Чуд»), но, к сожалению, не учитывал южнославянскую традицию — в частности, ему не был известен текст *Герм. сб.* — и поэтому пришел к ошибочному выводу, что «в большинстве случаев Бел оказывается ближе греческому тексту, чем Чуд и ВМЧ». В качестве примера приводится фраза из Бел. 54 «оратиона бѣ взялъ ипатовасана [так! — Л.П.]» как лучше соответствующая греч. ὑπάτου ὡραιῶνα²⁸ ἔλαβεν. Этих слов действительно нет в Чуд. 20, но они есть в *Герм. сб.* (причем первое слово в близкой и также искаженной форме ѿратѣвнѣ²⁹), а значит, были в той рукописи перевода, к которой восходит редакция Бел. 54. Напротив, слова ипатока сана в Бел. 54 выглядят

²⁷ Ср. также комментарии в издании ВМЧ, принадлежащие М. О. Кояловичу [Брачев 2016: 373], с многочисленными замечаниями «неверно» и т. п., указывающими на ошибки в версии ВМЧ. В этом переводе действительно есть неудачные решения, однако во многих местах перевод вполне адекватен (хотя и небуквален), в то время как менее удачна версия *Герм. сб.*, например: 1890 ѡкоже нн корабленкомъ плаватн смѣятн — 636 ѡко нн еднномѣ мѣстѣ прѣходнѣ бытн (ὡς μὴ δὲ ναυσι πόρον τοῦτον ὑπάρχειν).

²⁸ Еще один гапакс, означающий '(консульские) знаки отличия'.

²⁹ В издании ѿ ратѣ, внѣ (неясно, принадлежит ли пунктуация издателю или повторяет рукопись).

скорее как пояснение непонятного грецизма (сана нет в *Герм. сб.*, как и его соответствия в греческом).

В Прологе в синаксарное житие Димитрия был включен эпизод со скорпионом (*Тип. 164, 77в–г*): вндѣ скорпню нзъ зѣмла на ногѣ емѹ нзлѣзъшю· хоташю жаломъ оусѣкнути стѣго· хѣво же знаменне створѣ на скорпнн· н плюнувъ на ню мѣртвѹ ю створн· ꙗже же ангѣлъ сшедъ възложн вѣнецъ на главѹ его· ꙗже мнрѣ тебѣ стрѣтерпѹе хѣвъ· мѹжаѣса н крѣпнса· Он почти полностью соответствует первому переводу в версии *Чуд. 20* (*Герм. сб.* немного отличается): 37а оузрѣ [Г, 59а вѣдѣ] скорпню ѿ зѣмла емѹ на ногѹ [Г ногѣ] възлѣзъшю хоташн жаломъ [Г жѣдомъ] оусѣкнути стѣго· знаменнѣ ѹтнаго крѣта створѣ на скорпнн· плюнувъ на ню мѣртвѹ ю ѹвн· абѣе же ангѣлъ гнѣ сшедъ вѣнецъ възложе на главѹ мѣкѹ н рѣ емѹ· мнрѣ тобѣ стрѣпѹе хѣвъ· крѣпнса н мѹжанса·

Таким образом, этот перевод в середине — конце XII в. имел хождение на Руси, прошел стадию небольшого редактирования и в таком виде был доступен составителю Пролога. Второй перевод содержит совсем другие чтения (*ВМЧ, Син. 175*): 1420а вндѣ скорпню ѿ зѣмлю пѣшѣдшю под ногѣ его вкѣшашеса жалѣ оуязвнн стѣго· знаменнѣ оубо крѣта хѣва сотворн на скорпнн· н вплевавъ тѣ мѣртвѣ показа и т. д. Текст *Бел. 54* тоже довольно близок в этом месте *Чуд. 20*, но не исключено, что его редактор пользовался и вторым переводом (покушающюса / вкѣшашеса); его изменения (39 оузрѣ змню нарнѣмѹю скорпню с русификацией) уходят еще дальше, чем *Чуд. 20*, но нет оснований предполагать, что составителю Пролога была известна эта версия.

Во многих списках за Мучением Димитрия следует «**Чудо о двух ангелах в Солуне граде**», которое было включено и в Пролог под той же датой. Однако повести из цикла чудес св. Димитрия были переведены отдельно от Мучения, это другое произведение, поэтому текстологическая ситуация здесь оказывается иной. Так, и в *Чуд. 20*, и в *ВМЧ*, и в других списках, которые были нам доступны³⁰ (в *Герм. сб.* «Чудо» не включено, но оно есть, например, в южнославянской *НБКМ 1039*), за исключением *Бел. 54*, обнаруживается один и тот же перевод. При этом здесь совершенно верны наблюдения О. В. Творогова относительно *Бел. 54*, который на этот раз действительно оказывается ближе к греческому оригиналу:

³⁰ Например, в *Вол. 591*, который использовался в качестве параллельного текста при публикации «Чуда» в Прологе, см. [Чудо Димитрия].

Греч.³¹

166 Ἐπιφωσκούσης γὰρ
τῆς τρίτης ἡμέρας τοῦ
πρорρηθέντος πολέμου,
ἐν ᾗ καὶ τὸ θάρσος θεόθεν
ἐγγενέσθαι τῇ πόλει
προϊστορήσαμεν...

166 εἶδεν ἑαυτόν, ὡς
ἔφη, καθ' ὕπνους, ὡς
δὲ ἀκριβέστερον τοῖς
γνησιωτέροις ἔλεγεν ἐν
ἐκστάσει γενόμενος, ἐστῶτα
πρὸ τοῦ τριβήλου τοῦ
ἁγίου ναοῦ τοῦ πανενδόξου
μάρτυρος Δημητρίου.

НБКМ 1039, Чуд. 20³², ВМЧ и др.

Л. 290в Прншѣшнмъ
поганымъ на солоньскыи грѣ.
и брань створшѣмъ [Ч, 39б,
ВМЧ -рнша] съ гражанмн.
свнтающу [Ч вн-] третнѣмъ
дѣн, въ нже и дръзновеннѣ
бы ѿ ба гражаномъ...

Л. 290г се вндѣвъ ть
ѣкоже рече въ снѣ, а ѣко
ѣснѣе блжннкамъ [Ч,
ВМЧ -жн-] свонмъ глааше.
оужаснь въ вндѣнн бивъ,
стоѣ прѣ прнтворомъ стго
и прѣславнаго мнка
дмнмтрна

Бел. 54³³

Л. 44 Свнтающю оубо
третѣмъ дѣн тоѣ
вннѣ [вм. воннѣ]. во
нже дѣрзное ѿ ба
гражаномъ бѣ. ѣкоже
преже оуказахомъ.

Л. 44об. вндѣ ѣкоже
рѣ во снѣ ѣкоже нстнѣ
прнснзмъ гѣше и въ
оужасѣ бзѣвъ вндѣ
себе стоѣща прѣдъ
запоннѣмъ стѣна
цѣрке. Славнаго мѣнка
дмнтрѣна

Бел. 54 — единственный список, в котором нет первой фразы о нашествии «поганых» (ее нет и в греческом); фраза эта явно добавлена во всех других списках для пояснения, соответственно, из текста убраны фразы *τον vonny* и *ѣкоже преже оуказахомъ*, надобность в которых после пояснения отпадает. Похоже, что в *Бел. 54* представлен особый перевод (не редакция), на что указывает и особая лексика, и лучшая сохранность текста. Не исключено, что все прочие списки содержат именно переработку этого перевода со сверкой с оригиналом, так как отличия между двумя версиями преимущественно лексические, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Интересна в *Бел. 54* передача редкого термина для обозначения нартекса *τριβηλον* (*τρι* + *velum*) [ODB: 2114] калькой *трызапона* (два других варианта *запонн* (?), *трызапоньное*), не отмеченной в словарях (*запона* ‘завеса’ считается преславизмом [Славова 1989: 63]), которой соответствует в прочих списках обычное *прнтворъ*.

Другие пары лексических соответствий в двух версиях (*Бел. 54* — прочие списки по *Вол. 591*, *Чуд. 20*):

стго кнворъ — *ø* (тоῦ ἁγίου κιβωρίου); *въ двѣрн кнвотнѣна* — *въ двѣрн клѣт-цѣ* (εἰς τὰς θύρας τοῦ κιβωρίου; грецизм **кнворьнын* указывает на большую древность текста по сравнению с *клѣтъка*); *сѣдрѣчѣна* — *оумнѣна* (συγχεχόμενον; *сѣдрѣчнтн/-чатн* характерно для перевода «Бесед на евангелие» Григория папы римского, *оудрѣчнтн* отмечено также в *Сунр.* [SJS, IV: 613]);

³¹ По изданию [Lemerle 1979], см. также [PG, 116: 1316].

³² По изданию [Попов 1899: 33–34].

³³ Опубликовано [Творогов 1999: 184].

не дѣн ію — останн ію (ἄφες αὐτούς; первый перевод более древний [Jagić 1913: 338]); ѿдохну — оустрабнса (ἀνέσφηλε; последнее отмечено в *Супр.* и некоторых Апостолах [SJS, IV: 689]); тако ли нзволнса — тако ли годѣ (οὕτω παρέστη); свѣрѣпыи снмн — сыроадыци снмн (ἀννημέρων τούτων); домашни прнснн рабѣ — свон ти прнснн рабѣ (Ч рабѣ твои; ὁ οἰκεῖός σου καὶ γνήσιος δοῦλος); бѣшнн — во нстнн (τέλεον; бѣшнн наряду с бѣхъма являются лексическими маркерами Преславской книжной школы и встречаются во многих четъе-минейных житиях [Милтенев 2006: 225–228]).

В обеих версиях находится слово клеверѣтъ, которое приписывается первым славянским переводчикам [Jagić 1913: 354].

Очевидно, что версия *Бел. 54* содержит весьма древний перевод (возможно, преславский, но с использованием и некоторых кирилло-мефодиевских приемов). Отметим, что версия прочих списков порой менее точно соответствует греческому тексту (например, в ней читается анѣлаго, в то время как в *Бел. 54* анѣлоубразаго — ἀγγελοειδές).

В Прологе не видно следов использования перевода *Бел. 54*, напротив, несколько раз используется слово прнтворѣ из прочих списков (стоаши нѣкын мѹжь бѹѣстнѣѹ въ прнтворѣ стго дмнтрнн въ цѣрквн; вндоша двѣ оуноши свѣтла въ прнтворѣ), а также другие лексемы из этих списков: тако ли годѣ, сѣлнкѣ родѣ, прѣдати сыроадыцѣмъ снмѣ; есть в Прологе также начальная фраза о пришествии «поганных», как в прочих списках. Таким образом, к середине — концу XII в. была распространена и доступна составителю Пролога именно эта версия (возможно, переработка).

3. Заключение

Как показал рассмотренный материал, при составлении Пролога могли использоваться все имеющиеся версии житий, перевод которых был осуществлен в разных переводческих школах по разным принципам, а также их переработки. Не похоже, чтобы отдавалось предпочтение версиям какого-либо одного типа (например, преславским, или более ранним, или уже имевшимся восточнославянским редакциям); такого рода «всеядность», вероятно, характерна для того периода времени, когда церковнославянский язык активно пополнялся новой лексикой.

Литературная обработка житий и Мучений четых миней как источников проложных статей зависела в первую очередь от объема и подробности изложения в них. Краткие жития могли включаться в Пролог почти без сокращения, из более пространных извлекались отрывки, они подвергались делению на фрагменты и приводились к проложному «формату». Собственно переработка текста с лексическими заменами производилась редко, в случаях очень архаической и чужеродной лексики. Примеры, приведенные в статье, на наш взгляд, показывают, что

со своей задачей составители Пролога справлялись хорошо, на уровне, достойном книжности своего времени. Разумеется, их географические и исторические знания, с точки зрения современного школьника или византийского ученого, были очень слабыми, однако для агиографической литературы точность в этих областях, видимо, не являлась целью; в то же время их литературные способности без всякого преувеличения можно оценить как блестящие. Не в последнюю очередь благодаря прекрасной литературной обработке тексты Пролога оставались популярными много веков, в то время как их источники (тяжеловесные переводы патериков и житий) были давно забыты; напомним, что многие проложные статьи получили новую жизнь, будучи извлечены из прологов и переписываясь в составе сборников. Поэтому нам кажутся несправедливыми встречающиеся в научной литературе оценки такого рода: «[...] уровень проложных статей, составленных на основе некоторых житий из первоначального четье-минейного собрания [...] настолько низок...», «крайне низкое качество этих резюме, отражающее весьма приблизительное понимание текста...» и т. п. [Афиногенов 2006: 278–279]³⁴.

Конечно, необходимо учитывать тот факт, что составители Пролога пользовались исключительно славянскими источниками, качество перевода которых зачастую оставляло желать лучшего и в которых накопились искажения за много лет бытования в разных славянских областях; ни знаний греческого языка, ни возможности пользоваться греческими источниками, судя по всему, у них не было (кроме того, задача передать в точности все детали источника вообще не ставилась). Часть ошибок, совершенных авторами Пролога (если это действительно их ошибки, а не искажения переписчиков), следует относить, таким образом, к работе их предшественников. Однако, несмотря на все ошибки — реальные, совершенные из-за неграмотности, или мнимые, обусловленные средневековым пониманием того, как можно обращаться с «чужим» текстом, — Пролог остается для нас ценен, прежде всего, тем, что он сохранил фрагменты разных пластов древней славянской агиографической литературы, в том числе житий четьих миней в разных переводах, редакциях и версиях (часть которых оказалась впоследствии утеряна), помогая ученым восстановить в деталях картину восточнославянской книжности при его составлении (в конце XII в.) и ранее.

³⁴ Такой вывод сделан на основании проложного жития Никиты Мидикийского («иже в Пирех»; память 29 апреля), в котором выражение источника (ѡуна же горьннѣишѣ) мѣтн павлѣу передано, как если бы это было имя матери святого: мѣтрѣ павлѣусѣ; дело здесь не в том, что славянский агиограф неправильно понял свой источник (это вполне вероятно), а в том, что ему необходимо было составить житие «по формуле» и привести по возможности имена родителей святого. Выдумывать новые подробности для житий, перемещать фрагменты текста из других произведений и даже создавать новых святых было нормальной практикой славянских (и не только славянских) агиографов; см. об этом [Прокопенко 2021].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жития и Мучения в нескольких версиях (октябрь)³⁵

Жития	Инципиты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
2.10 Киприан и Иустина	1) Явлению бывшу съ небесе на землю спаса нашего (ВНГ 452); 2) Пророчскимъ словесемъ събывающимъся (ВНГ 455); 3) Покаяние К. Еликоже о Христовыхъ таинахъ блазните (ВНГ 453)	Переводы разных греч. оригиналов	1) 2)	1) 2) 3)	1) 2) 3)	–
3.10 Дионисий Ареопагит	1) По блаженнѣмъ и славнѣмъ въскресении господа нашего (ВНГ 554); 2) Древле убо во образѣхъ бѣша и гаданиихъ (ВНГ 555)	1) перевод дометафрас-това Мучения; 2) перевод метафрасто-ва Мучения, сделанный Максимом Греком	1)	1) 2) [Heland 2008: 243]	1) 2)	–
6.10 Фома апостол	1) Въ то время в неже бѣша вси апостоли въ Иерус. (ВНГ 1800–1801); 2) Жена Муздея царя слышавши о бож. Фомѣ апостолѣ (ВНГ 1831)	Переводы разных ори-гиналов	1) 2)	1) 2) [Heland 2008: 243–244]	1) 2)	–
8.10 Пелагия блуд-ница	1) Бывшую вещь во дни наша изволися Богу мною грѣшнымъ Ияковомъ писати (ВНГ 1478d); 2) Отец Иаков повѣда нам: сущю ми рече еще дякону	2) сокращенный пере-сказ перевода 1)	2)	1) 2) Бел. 54 и др. [Творогов 1990: 218]	1)	–

³⁵ Инципиты даны в упрощенном виде согласно каталогам; сокращения: Д. – Диоклетиан, М. – Максимян; имена святых также сокращаются по первой букве; св. – святой, мч. – мученик(и). Южнославянские списки даны согласно каталогу [Иванова 2008], восточнославянские – согласно [Творогов 2008].

Жития	Инципиты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
9.10 Андроник Сребропро- давец	1) Бяше нѣкто сребропродавецъ в Ан- тиохий Великои именемъ Андроникъ (BHG 122) 2) Повѣда намъ отецъ Данииль: бысть рече нѣкий мужъ именемъ Андроникъ	Вариант 1) хорошо соответствует греч., особенно изд. [Dahlman 2007: 166–178]; 2) переработка вари- анта 1) или другого перевода для Сводного патерика, в сборниках выписки из патериков	–	1) Бел. 54 [Тво- рогов 1990: 200–201] 2) Соф. 1385 и др. [Helland 2008: 244]	2) 9.10 (среди жи- тий) = 31.12 (в составе Сводного патерика, повести Даниила Скитиота)	–
12.10 Пров, Тарах, Андроник	1) При упати Д. нечестиваго въ второе и М. августа въ третее в Тарсъ градъ Максиму на престолѣ съязу (BHG 1574); 2) Ипатьствующу Д. севасту и обладаю- щу Флавиу Гау Нумерио иже и Макси- му Килик. въ Тарстѣ митрополии тому Максиму на судиши предъязу	Возможно, два разных перевода с отличаю- щихся вариантов греч.	1) 2) только один сп.	1)	1)	–
13.10 Карп, Папил, Агафоникия	1) Въ времена она идольскому нѣкогда служению одержашу прииде аньфипат въ градъ приведенъ быша блаж. К. и П. (BHG 293); 2) В идѣхъ априлиовѣхъ въ Пергамѣ мучень бывъ К. еп. от града (вм. Гурда), П. дьяконъ юнотою от Тифотиря; 3) При цари Декии и аньфипату кнезу обладающему на все страны асиискые мучени быше въ Пергамѣ	1) начало отличается от BHG 293; 2) и 3) пере- вод с другого оригина- ла, близкого к тексту, сохранившемуся только на латыни [Delehaeye 1940, 150–153]	2) 3) только один сп.	1) 2) Соф. 1385 [Helland 2008: 245] ³⁶	1)	–

³⁶ Соф. 1385 содержит оба варианта (1 и 2), второй находится в конце рукописи [Творогов 2008а: 287, 289].

Жития	Иниципиты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
14.10 Назарий, Гервасий, Протасий и Келсий	1) Н. бѣ от страны Афонѣ мати же его именемъ Перлуга (<i>BHG 1323d</i>); 2) Да елико св. мч. от елиньскихъ судии с написаниемъ судъ наноситься... Амбросъ рабъ христовъ братиы сущи по всей Италии радоватисе... Азъ рабъ божии... Филиппъ (<i>BHG 67a; BHL 3514</i>)	1) греч. не издан; 2) Послание псевдо-Амвросия об обретеніи мощей Г. и П. и Мучение [Aubineau 1972, 6–9]; вступлению в слав. нет соответствия	2)	1)	1)	–
19.10 Уар	1) Бысть в дни М. царя зятя Д. егда воздвиже на ны гонение (<i>BHG 1862</i>); 2) М. мучительно злочестивое по всей отнюдь въселенѣи изложшу заповѣданіе (<i>BHG 1863</i>)	1) перевод дометафраста Мучения; 2) перевод метафраста Мучения	2)	1) два списка (<i>Сол. 503/522, Влн. 79</i>) [Helland 2008: 246; Творогов 2008a: 287, примеч. 11] 2) большинство списков	2)	Есть в версии 1)
20.10 Артемий	1) Великаго и славнаго мч. А. исповѣдающею храбростію (<i>BHG 170</i>); 2) Яже великаго и славнаго мч. А. повѣствовати хотя мужедоблестіа (<i>BHG 170</i>); 3) Великому царю Коньстантину умершу, на три части греческую власть раздѣли сыновомъ своимъ	1) и 2) разные переводы; 1) содержит русизмы [Пичадзе 2011: 31–32]; 3) сокращенная переработка версии 1), начиная с [ВМЧ 19–31 окт.: 1579]	2)	1) 2) <i>КБ 19/1258, Епдрх. 369</i> [Творогов 1990: 204] 3) <i>Сол. 503/522³⁷</i>	1) ³⁸	Есть небольшое извлечение о перенесении мощей апостолов (версию определить трудно из-за переработки)

³⁷ В этом списке редакция 3) находится на л. 285–289, вставленных в середину версии 1) [Творогов 2008a: 288].

³⁸ Перевод 2) не был включен в ВМЧ; список *КБ 19/1258* использован в издании ВМЧ в разночтениях и помещен в приложении [ВМЧ, 19–31 окт.: 2065–2110].

Жития	Иниципты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
21.10 Иларион Великий	1) Блаженного и друга божия И. житие начинаю списати (ВНГ 753); 2) Блаженного друга божия И. житие списати хотя (ВНГ 753); 3) Въ Палестыни градь е(с) не мьншее невели 5 и 40 пыришь (ВНГ 755)	1) и 2) разные переводы дометафрастова Жития ³⁹ ; 3) перевод метафрастова Жития	1) НБКМ 1039, Дечан. 94 ⁴⁰ и др. 3)	1) 2) КБ 19/1258, Пог. 716 [Творотов 1990: 211–212] ⁴¹	1) ⁴²	Добавлена одна фраза в синаксарное житие (о двух тысячах монахов)
22.10 Аверкий	1) Въ дни оны престоль и епископство христианское Иерап. града св. А. обручивъ (ВНГ 2); 2) Въ они дни старѣшинство и еп(с) копство християнства Иерап. града св. А. прѣмшу (ВНГ 4); 3) Въ Ераполии бѣяше еп(с)пъ ма(л) теломъ (?)	1) перевод дометафрастова Мучения; 2) перевод метафрастова Мучения или контаминация с первым переводом	2)	1) 2) КБ 19/1258 3) Влн. 79 [Helland 2008: 246]	1) ⁴³	Есть в версии 1)

³⁹ Перевод 2) более буквальный; например, в отрывке, приводимом Твороговым, греч. *πεῖραξις* ‘пытат’ в версии 1) передано как *разбоиникъ*, а в версии 2) – как *искусникъ* (ср. *πειράω* ‘пытаться’). По мнению Т. Хелланда версия 2) представляет собой первичный перевод, а версия 1) – его редакцию с использованием греч. оригинала [Helland 2007a: 35–36].

⁴⁰ Т. Хелланд приводит под индипитом версии 2) рукописи обеих версий, в том числе Дечан. 94 [Helland 2008: 246], согласно К. Ивановой в этой рукописи содержится версия 1), а версия 2) отсутствует в южнославянской книжности.

⁴¹ Творогов публикует также еще один вариант текста (переработку версии 2) по списку XVII в.

⁴² Приводятся также разночтения по КБ 19/1258 [ВМЧ, 19–31 окт.: 1682–1732].

⁴³ Версия 2) дана в издании ВМЧ [19–31 окт.: 1739–1772] в разночтениях.

Жития	Инципиты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
24.10 Арефа	1) В лѣто пятое при цари Иустинѣ хри- столюбивѣмъ царствующу римьскою областью (BHG 166); 2) В лѣто Иустена христолубиваго царя; 3) В лѣта цря Иустиниана благолюбиваго црьствующу ему римскою и греческою землею; 4) Въ летое лѣто ц(с)ртвия х(с)олоубца Иустина въ второе (BHG 166)	Два перевода и редак- ции, все версии дефект- ные	4)	1) <i>Егор. 926</i> 2) <i>Егор. 926</i> 3) <i>Тр. 755</i>	1)	Есть, вероят- но, в версии 1)
26.10 Димитрий	1) М. иже и Еркулие, покоривъ готѣ и савроматы римляномъ спешдъ в Солун- ский градъ (BHG 497); 2) М. Еркултанъ умирившу и данники створи гофѣфы и савроматы римомъ сшесдъ въ Сел. градъ; 3) М. Еркулии примучи гоуы и савро- маты римлѣномъ пришедъ въ Сол. градъ (BHG 497); 4) Въ врѣмена же М. м(ч)телѣ ц(с)ртву- ющаго вѣсточною страною бысть гонение; 5) Въ оны днь ц(с)ртвующу М. въ слав- номъ градѣ Солуне и посла господь врѣховные апостолы свое ⁴⁴ ; 6) Егда царь М. в Сол. пребываше градѣ (BHG 496); 7) Имѣаше убо римскыи(х) скупитръ правления М. (BHG 498)	1) и 3) разные переводы Passio altera; 2) редакция версии 3); 4) чудо с сарациномъ; 6) перевод Passio prima 7) перевод метафрасто- ва Мучения	1) 3) 4) [Иванова 2008: 267, 270–271 № 1, 5] 5) <i>Хлуд. 162</i> , изд. [По- пов 1872: 327–331] 6) [Иванова 2008: 270 № 4г] 7)	1) <i>Бел. 54</i> 2) <i>Бел. 54</i> 3) <i>Чуд. 20</i>	1)	Есть неболь- шая вставка в синакс. житие, по версии 3)

⁴⁴ Этот текст («Слово о благовощении мч. Димитрия о рождении собор не Мучение (как пишут в литературе), но легендарное сказание о приходе Петра и Павла в Салоники к будущим родителям Димитрия (болгарину Феодору и гречанке Зодонии), которым они предсказывают его рождение; затем следует краткий рассказ о военной службе Димитрия и о борьбе Нестора с Лием (в *Хлуд. 162* текст выглядит незаконченным).

Жития	Иницииты	Перевод / редакция	Южнослав. списки	Вост.-слав. списки	Наличие в ВМЧ	Использование в Прологе
26.10 Чудеса Димитрия (Чудо о двух ангелах)	1) Пришедшимъ поганымъ на Солунь-ский градъ (BHG 516); 2) Свѣтающе убо третьему дни (BHG 516)	Два разных перевода или 1) переработка версии 2)	1)	1) 2) Бел. 54	1)	Есть по версии 1)
29.10 Авраамий затворник	1) Братие моя хошю вамъ повѣдати житие добро и съвершено... хошю же любимици мои ину дивную вещь повѣдати (BHG 5–7); 2) Хошю же любимици мои повѣдати дивную вещь	1) отрывок из Паренесиса (глава 48 полностью); 2) отрывок из гл. 48 – только история А. и Марии [Stern 2015: 260–261]	2) Бѣдинский сб. и др.	1) Усл. сб. и др.	1)	Есть, использована полная версия 1)
29/30.10/22.12 Анастасия Римлянка/Солунская	1) Во время Д. царя и того състолника Валериана старѣишнѣствующу Прову (BHG 76z); 2) В дни Д. царѣ и сънастолника его Валерия игемона (BHG 76y ⁴⁵); 2а) с тем же началом; 3) Двоихъ намъ слово А. вѣсть сказовати (BHG 77)	1) и 2) переводы двух близких вариантов дометафрастова Мучения; 2а) среднеболг. переработка версии 2); 3) перевод метафрастова Мучения	2) Пазинский фрагм. [Райнхарт 2020: 179; изд.: 189–190] 2а) 22.12 3) 29.10	1) Вол. 591 и др. 2) Влн. 103, Увар. 351 [Райнхарт 2020: 179, 183–187; изд.: 190–193] 2а) Тр. 758, КБ 19/1258 [Творогов 1990: 200]	1) 29.10 ⁴⁶ 2) 22.12 ⁴⁷	Есть, 30.10 с сильной переработкой, но скорее по версии 1)

⁴⁵ В действительности точный греч. оригинал этой версии неизвестен [Райнхарт 2020: 181–185].

⁴⁶ Даны также разночтения из версии 2а) по списку КБ 19/1258 [ВМЧ, 19–31 окт.: 1987–1996].

⁴⁷ Список ВМЧ под этой датой [ВМЧ, 18–23 дек.: 1660–1665] не был учтен Й. Райнхартом, он также относится к группе нередатированных списков, более близких к первоначальному переводу (= Влн. 103).

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва, Россия).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург, Россия).

НБКМ — Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий» (София, Бългрия).

Библиография

Источники

Интернет-ресурсы

Мучение Уара

Мучение Уара, 19 октября, *Славяно-русский Пролог по древнейшим рукописям. Тексты, источники, комментарии* (http://prologmanuscript.org/content_pr.php?page=t57c).

Чудо Димитрия

Чудо св. Димитрия о Селуне граде, 26 октября, *Славяно-русский Пролог по древнейшим рукописям. Тексты, источники, комментарии* (http://prologmanuscript.org/content_pr.php?page=t78a).

Словари, справочники, тезаурусы

Иосиф

Иосиф, архим. (Левицкий), *Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей библиотеке (ныне Синодальной)*, Москва, 1892; переизд.: С.-Петербург, 2009.

РГЦ

Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели, Аргировски М., ред., Андријевска, Н., Ѓуркова А., соработ., Скопје, 2003.

СЛДРЯ, I–XIII–

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), I–XII–, Москва, 1988–2023–.

СЛРЯ, 1–31–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31–, Москва, 1975–2023–.

BHG

Halkin F., *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, Bruxelles, 3 v., 1957. Auctarium BHG, Bruxelles, 1969. Novum Auctarium BHG, Bruxelles, 1984.

BHL

Bibliotheca Hagiographica Latina antiquae et mediae aetatis, 2 v., Bruxelles, 1898–1901. Supplementi editio altera auctior, Bruxelles, 1911.

ODB 1–3

Oxford Dictionary of Byzantium, Kazhdan A. P., ed., 3 v., New York, 1991.

SJS 1–52

Slovník jazyka staroslověnského, 1–52, Praha, 1958–1997.

TLG

Thesaurus Linguae Graecae (tlg.uci.edu).

Рукописи

Бел. 54

РГБ, собр. Беяева, № 54, сборник, конец XIV или начало XV в.

Влн. 79

Библиотека им. Врублевских АН Литвы, F19–79, четьи минея за сентябрь–ноябрь, первая четверть XVI в.

Влн. 103

Библиотека им. Врублевских АН Литвы, F19–103, сборник, 1569 г.

Вол. 591, 592, 594

РГБ, собр. Иосифо-Волоцкого монастыря, № 591, 592, 594, четьи минеи за октябрь, ноябрь, февраль, XV в.

Воскр. 115

ГИМ, Воскресенское собр., № 115, сборник, Златоструй краткой редакции, сербский, третья четв. XIV в.

Герм. сб.

Германов сборник, см. Мирчева 2006

Гильф. 56

РНБ, собр. Гильфердинга, № 56, сборник сербский, 1509 г.

Дечан. 94

Белград, Национальная библиотека Сербии, собр. Дечанского монастыря, № 94, 1360-е или 1370-е гг.

Егор. 926

РГБ, собр. Егорова, № 926, сборник, конец XV в.

Епарх. 369

ГИМ, Епархиальное собр., № 369, сборник, XIV/XV и XV в.

КБ 19/1258

РНБ, собр. Кирило-Белозерского монастыря, № 19/1258, сборник, XV в.

МДА 92.1, 95

РГБ, собр. Московской духовной академии, № 92.1, № 95, четьи минеи за февраль (начало XV в.), июль (XVI в.).

НБКМ 1039

НБКМ, четьи минея за сентябрь–ноябрь, посл. четв. XIV в.

Пог. 716

РНБ, собр. Погодина, № 716, сборник, XIV в.

Син. 175

ГИМ, Синодальное собр., № 175, Великие минеи четьи митр. Макария (Царский список) за октябрь, XVI в.

Син. 996

ГИМ, Синодальное собр., № 996, Великие минеи четьи митр. Макария (Успенский список) за июль, середина XVI в.

Сол. 503/522

РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 503/522, сборник, XVI и XVII в.

Соф. 1376, 1385

РНБ, собр. библиотеки Новгородского Софийского собора, № 1376, № 1385, четьи минеи за июль–август (первая пол. XV в.), октябрь (XV в.)

Тип. 164

РГАДА, собр. библиотеки Московской синодальной типографии, № 164, Пролог пространной редакции за сентябрьское полугодие, первая половина XIV в.

Тип. 171

РГАДА, собр. библиотеки Московской синодальной типографии, № 171, Пролог краткой редакции за мартовское полугодие, середина и вторая половина XIV в.

Тр. 669, 678

РГБ, главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, четьи минеи за ноябрь (нач. XV в.), июль (XV и XVI в.).

Тр. 747, 751, 755, 758

РГБ, главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, сборники; 1445 г.; XV в.; XV в.; XIV/XV в.

Увар. 351

ГИМ, собр. Уварова, № 351, сборник, первая треть XVI в.

Хлуд. 162

ГИМ, собр. Хлудова, № 162, сборник, первая пол. XIV в.

Чуд. 20

ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 20, сборник, XIV в.

Par. Gr. 897

Bibliothèque nationale de France, Grec 897, Passio Panteleemonis, f. 195–216, XII s.

Издания и литература

Алексеев 1984

Алексеев А. А., *Переводческое наследие Кирилла и Мефодия и его исторические судьбы («Песнь песней» в древней славянской письменности)*, автореф. дис... доктора филологических наук, Ленинград, 1984.

— 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

Афиногенов 2006

Афиногенов Д. Е., Новгородское переводное четье-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал, *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij*, 2, Freiburg im Breisgau, 2006, 261–283.

Бдинский сб.

Schärpe J. L., Vyncke F., eds., *Bdinski Sbornik: An Old-Slavonic Menologium of Women Saints (Ghent University Library Ms. 408, A.D. 1360)*, Bruges, 1973.

Благова 1966

Благова Э., Гомилии Супрасльского и Успенского сборников, *Исследования источников по истории русского языка и письменности*, Москва, 1966, 77–87.

Брачев 2016

Брачев В. С., Великие Миней Четьи, собранные митрополитом Макарием. К истории публикации (1868–1917), *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*, 5, 2016, 367–376.

Буланин 1987

Буланин Д. М., Мучение Димитрия Солунского, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, I (XI – первая половина XIV в.), Ленинград, 1987, 260–265.

Верещагин 1972

Верещагин Е. М., *Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия*, Москва, 1972.

ВМЧ

Великие Миней Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, 1–15, С.-Петербург, 1868–1916.

Гладкова 2015

Гладкова О. В., *Цикл агиографических текстов о св. Евстафии Плакиде в русской средневековой литературе: история создания и опыт интерпретации*, дис... доктора филологических наук, Москва, 2015.

Иванова 2008

Иванова К., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, София, 2008.

Иванова-Мирчева 1969a

Иванова-Мирчева Д., Непознат вариант от старобългарския превод на *Μαρτύριον τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων τεσσαράκοντα μαρτύρων τῶν ἐν Σεβαστείᾳ μαρτυρησάντων*, *Известия на института за български език*, 17, 1969, 51–103.

——— 1969b

Иванова-Мирчева Д., Из старобългарския хомиляр (новооткрити преводи), *Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му*, София, 1969, 309–314.

——— 1977

Иванова-Мирчева Д., К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV века, *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, I, 1977, 1, 37–48.

Кулева 2011

Кулева Н. А., Лексическое своеобразие рукописной февральской Миней XV в., *Вестник ПСТГУ III: Филология*, 2011, 1/23, 124–132.

——— 2015

Кулева Н. А., К вопросу о формировании состава Миней-Четьих (на примере февральского тома), *Пространство и время. Междисциплинарный научно-аналитический и образовательный журнал*, 2015, 3/21, 110–116.

Лосева 2009

Лосева О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков*, Москва, 2009.

Львов 1966

Львов А. С., *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*, Москва, 1966.

——— 1968

Львов А. С., Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности, *Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации*, Москва, 1968, 316–338.

Милтенов 2006

Милтенов Я., *Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция*, София, 2006.

Милтенова 2012

Милтенова А., За един предполагаем източник на Супрасълския сборник, *Преоткриване: Супрасълски сборник. Старобългарски паметник от X век (=Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis)*, София, 2012, 159–175.

Мирчева 2006

Мирчева Е., *Германов сборник от 1358/1359 г.: Изследване и издание на текста*, София, 2006.

——— 2012

Мирчева Е., Codex Suprasliensis и Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica (некоторые размышления относительно состава одной из древнейших болгарских рукописей), *Преоткриване: Супрасълски сборник. Старобългарски паметник от X век (=Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis)*, София, 2012, 25–34.

——— 2016

Мирчева Е., Към характеристиката на феномена повторни преводи в старобългарската книжовна традиция, *Quadrivium: юбилеен сборник в чест на 60-годишната на проф. д-р Веселин Панайотов*, София, 2016, 285–295.

Петрова, Йовчева 2012

Петрова М., Йовчева М., Светците от Супрасълския сборник: имена, дати, източници, *Претоткриване: Супрасълски сборник. Старобългарски паметник от X век (=Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis)*, София, 2012, 377–434.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

— 2011–2012

Пичхадзе А. А., Слав. етеръ: к вопросу о группировке древнеславянских памятников, *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*, 7–8. *Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov*, 2, 2011–2012, 219–236.

Попов

Щепкин В., изд., Библиографические материалы А. Н. Попова. XX. Описание сборника № 20 Московского Чудова монастыря, *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*, 1889, 3, I–XXXI, 1–152, I–XXXIX.

— 1872

Попов А. Н., *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, Москва, 1872.

Прокопенко 2010

Прокопенко Л. В., Механизмы редактирования в рукописном Прологе XII–XIV вв. (к вопросу о соотношении редакций), *Die Welt der Slaven*, 55, 2010, 265–289.

— 2021

Прокопенко Л. В., Выдуманные и заимствованные агиографические эпизоды в Прологе, *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, Москва, 2021, 738–745.

— 2023

Прокопенко Л. В., Феодор Тирон. Славянская агиографическая традиция, *Православная энциклопедия*, 71, Москва, 2023.

Пролог 2010

Прокопенко Л. В., Желязкова В., Крысько В. Б., Шевчук О. П., Ладыженский И. М., *Славно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I: Текст и комментарии*, Москва, 2010.

Райнхарт 2020

Райнхарт Й., Старославянский перевод Мучения Анастасии Римлянки (BHG 76x, z), *Славянское и балканское языкознание*, 20, Москва, 2020, 177–198.

Славова 1989

Славова Т., Преславска редакция на кирило-методиеви старобългарски евангелски превод, *Кирило-Методиевски студии*, 6, София, 1989, 15–129.

Сперанский 1896

Сперанский М. Н., Сентябрьская Миней-четья до-макариевского состава, *Известия отдела русского языка и словесности Академии наук*, 1, 2, С.-Петербург, 1896, 235–256.

— 1901

Сперанский М. Н., Октябрьская Миней-четья до-макариевского состава, *Известия отдела русского языка и словесности Академии наук*, 6, 1, С.-Петербург, 1901, 57–87; отд. оттиск С.-Петербург, 1901.

Срезневский 1875

Срезневский И. И., Февральская книга Минеи четии древнего состава по списку XV в., *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 12, 1, С.-Петербург, 1875, 377–390.

Супр.

Займов Й., Капалдо М., *Супрасълски или Ретков сборник*, 2 т., София, 1982.

Тасева 2006

Тасева Л., Перевод и редакция: языковые критерии и жанровая специфика, *Многократните преводи в Южнославянското средновековие. Доклади от международната конференция, София, 7-9 юли 2005 г.*, София, 2006, 35–55.

Тасева, Марти et al. 2006

Тасева Л., Марти Р. et al., ред. *Многократните преводи в Южнославянското средновековие. Доклади от международната конференция, София, 7–9 юли 2005 г.*, София, 2006.

Творогов 1990

Творогов О. В., Древнерусские четьи сборники XII — XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии), *Труды отдела древнерусской литературы*, 44, Ленинград, 1990, 196–225.

——— 1999

Творогов О. В., Житие Димитрия Солунского (подготовка текста, перевод и комментарий), *Библиотека древнерусской литературы*, 2, С.-Петербург., 1999, 176–189, 527–528.

——— 2008

Творогов О. В., *Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог*, Москва, С.-Петербург, 2008.

——— 2008a

Творогов О. В., К изучению октябрьской четьей минеи XV в., *Труды отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2008, 282–289.

——— 2008b

Творогов О. В., Переводные жития святых в древнерусской книжности XI–XV вв., *Труды отдела древнерусской литературы*, 59, С.-Петербург, 2008, 115–132.

Темчин 2014

Темчин С. Ю., К уточнению круга восточнославянских списков XV–XVII веков, восходящих к древнеболгарскому Супрасльскому сборнику XI века, *Slavistica Vilnensis*, 2014, 59, 31–40.

Усп. сб.

Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В., ред., *Успенский сборник XII–XIII вв.* Москва, 1971.

Фомина 2017

Фомина М. С., Повесть о войне-таксоте в составе списков Златоструя XIV–XVI в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2017, 2/68, 60–68.

AASS

Acta sanctorum, Antverpiae, Bruxelles, 1643–1940.

Aubineau 1972

Aubineau M., Jean Damascène et l'*Epistula de inventione Gervasii et Protasii* attribuée à Ambroise, *Analecta Bollandiana* 90, 1972, 1–14.

Capaldo 1978

Capaldo M., Zur linguistischen Betrachtungsweise der Komposition des Codex Suprasliensis. Die Passio der vierzig Märtyrer von Sebaste, *Contributi italiani all' VIII Congresso internazionale degli Slavisti (Zagreb-Ljubljana, 1978)*, Roma, 1978, 23–60.

Dahlman 2007

Dahlman B., *Saint Daniel of Sketis (A Group of Hagiographic Texts Edited with Introduction, Translation and Commentary)* (= *Studia Byzantina Upsaliensia*, 10), Uppsala, 2007.

Delehaye 1940

Delehaye H., Les Actes des martyrs de Pergame, *Analecta Bollandiana*, 58, 1940, 142–176.

Helland 2007a

Helland T., Some remarks regarding the place and date of the translation of the Slavonic Reading Menologia and their transmission to Russia, *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, 31, 2007, 1, 27–39.

——— 2007b

Helland T., The Slavonic Tradition of Pre-Metaphrastic Reading Menologia for March — Codex Suprasliensis and Its Russian and Ukrainian Parallels, *Scando-Slavica*, 53/1, 2007, 59–76.

——— 2008

Helland T., The Church Slavonic Reading Menologia covering October as indirect witnesses to the pre-metaphrastic Byzantine October Menologion, *Byzantion*, 78, 2008, 239–253.

——— 2009

Helland T., The Pre-Metaphrastic Byzantine Reading Menologion for July in the Slavonic Tradition, *Byzantinische Zeitschrift*, 2009, 101, 2, 659–667.

Jagić 1913

Jagić V., *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Berlin, 1913.

Keipert 1980

Keipert H., Eine Übersetzungskontamination im “Codex Suprasliensis”, *Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век*, София, 1980, 18–35.

——— 1999

Keipert H., Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des “Codex Suprasliensis”, *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.

Lemerle 1979

Lemerle P., *Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans*, 1, Paris, 1979.

Lunt 1983

Lunt H. G., One OCS Translation or two? On the Suprasliensis and Related Sborniki, *Die Welt der Slaven*, 28, 1, 1983, 225–249.

——— 1985

Lunt H. G., The OCS Song of Songs: One Translation or two?, *Die Welt der Slaven*, 30, 2, 1985, 279–317.

Papadopoulos-Kerameus 1898

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α., *Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*, 5, C.-Πετερбурґ, 1898.

PG

Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, Migne J. P., ed., 161 v., Paris, 1857–1866.

Stern 2015

Stern D., Studien zum Bdinskij Sbornik: Die Erzählung des Abraham von Qidun und seiner Nichte Maria, *Cyrillomethodianum*, 20, 2015, 257–287.

——— 2016

Stern D., Slavonic Double Translations of Byzantine Hagiographic Texts: The Life of St Eupraxia, *Cyrillomethodianum*, 21, 2016, 21–51.

SynCP

Delehaye H., *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*, Bruxelles, 1902.

Thomson 1993

Thomson F., “Made in Russia”. A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia, *Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988–1988. Vorträge des*

Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juni 1988, Köln etc., 1993 (= *Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien*, XVI), 295–354.

Večerka 1997

Večerka R., The Influence of Greek on Old Church Slavonic, *Byzantinoslavica*, 58, 2, 1997, 363–386.

Voss 2000

Voß Ch., Zwei altbulgarische Übersetzungen der Vita des Johannes Hesychastes. Zur Frage der Archaizität des martyrologischen Textbestandes für den Monat März im Codex Suprasliensis und im Uspenskij Spisok der Großen Makarianischen Lesemenäen, Voß Ch., Warkentin H., Weiher E., eds. *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, 1, Freiburg im Breisgau, 2000, 297–336.

References

Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.

Afinogenov D. E., Novgorodskoe perevodnoe chet'e-mineinoe sobranie: proiskhozhdenie, sostav, grecheskii original, *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij*, 2, Freiburg im Breisgau, 2006, 261–283.

Aubineau M., Jean Damascène et l'*Epistula de inventione Gervasii et Protasii* attribuée à Ambroise, *Analecta Bollandiana* 90, 1972, 1–14.

Blagova E., Gomilii Suprasl'skogo i Uspenskogo sbornikov, *Issledovaniia istochnikov po istorii russkogo iazyka i pis'mennosti*, Moscow, 1966, 77–87.

Brachev V. S., Great Miney Chety, collected by Metropolitan Macarius. About History of Publication, *Paleorosia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 5, 2016, 367–376.

Capaldo M., Zur linguistischen Betrachtungsweise der Komposition des Codex Suprasliensis. Die Passio der vierzig Märtyrer von Sebaste, *Contributi italiani all' VIII Congresso internazionale degli Slavisti (Zagreb-Ljubljana)*, 1978, Roma, 1978, 23–60.

Dahlman B., *Saint Daniel of Sketis (A Group of Hagiographic Texts Edited with Introduction, Translation and Commentary)* (= *Studia Byzantina Upsalien-sia*, 10), Uppsala, 2007.

Delehaye H., Les Actes des martyrs de Pergame, *Analecta Bollandiana*, 58, 1940, 142–176.

Fomina M. S., "Narratio de Taxeota Redivivo" in the Chrysorroas (Zlatostroy) Collection of the 14th–16th Centuries, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2017, 2/68, 60–68.

Helland T., Some remarks regarding the place and date of the translation of the Slavonic Reading Menologia and their transmission to Russia, *Palaeobulgarica*, 31, 2007, 1, 27–39.

Helland T., The Slavonic Tradition of Pre-Metaphrastic Reading Menologia for March — Codex Suprasliensis and Its Russian and Ukrainian Parallels, *Scando-Slavica*, 53/1, 2007, 59–76.

Helland T., The Church Slavonic Reading Menologia covering October as indirect witnesses to the pre-metaphrastic Byzantine October Menologion, *Byzantion*, 78, 2008, 239–253.

Helland T., The Pre-Metaphrastic Byzantine Reading Menologion for July in the Slavonic Tradition, *Byzantinische Zeitschrift*, 2009, 101, 2, 659–667.

Ivanova K., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, Sofia, 2008.

Ivanova-Mircheva D., Nepoznat variant ot starobulgarskii prevod na Martyrion ton hagian kai endoxon tessarakonta martyron ton en Sebasteia martyresanton, *Izvestiia na instituta za bulgarski ezik*, 17, 1969, 51–103.

Ivanova-Mircheva D., Iz starobulgarskii khomiliar (novootkriti prevodi), *Konstantin-Kiril Filosof. Iubileen sbornik po sluchai 1100-godishnina ot smurtta mu*, Sofia, 1969, 309–314.

Ivanova-Mircheva D., K voprosu o kharakteristike bolgarskikh perevodcheskikh shkol ot 9–10 do 14 veka, *Palaeobulgarica / Starobulgaristika*, 1, 1977, 1, 37–48.

Keipert H., Eine Übersetzungskontamination im "Codex Suprasliensis", *Prouchvaniia v'rkhui Suprasl'skii sbornik, starobulgarski pametnik ot 10 vek*, Sofia, 1980, 18–35.

Keipert H., Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des "Codex Suprasliensis", *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.

Koulyeva N. A., The Lexical Usage of the Earliest Manuscript Slavonic Menologion of XVth Century, *St. Tikhon's University Review. Philology*, 2011, 1/23, 124–132.

Kuleva N. A., On the Formation of Menaion Reader Composition (Case Study of the February Volume), *Space and Time*, 3, 2015, 110–116.

Lemerle P., *Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans*, 1, Paris, 1979.

Loseva O. V., *Zhitiia russkikh sviatykh v sostave drevnerusskikh Prologov 12 – pervoi treti 15 vekov*, Moscow, 2009.

Lunt H. G., One OCS Translation or two? On the Suprasliensis and Related Sborniki, *Die Welt der Slaven*, 28, 1, 1983, 225–249.

Lunt H. G., The OCS Song of Songs: One Translation or two?, *Die Welt der Slaven*, 30, 2, 1985, 279–317.

Lvov A. S., *Ocherki po leksike pamiatnikov staroslavianskoi pis'mennosti*, Moscow, 1966.

Lvov A. S., Cheshsko-moravskaia leksika v pamiatnikakh drevnerusskoi pis'mennosti, *Slavianskoe iazykoznanie. 6 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady sovetskoi delegatsii*, Moscow, 1968, 316–338.

Miltenov Ya., *Dialozite na Psevdo-Kesarii v slavianskata rukopisna traditsiia*, Sofia, 2006.

Miltenova A., Za edin predpolagaem iztochnik na Supras'lskii sbornik, *Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis*, Sofia, 2012, 159–175.

Mircheva E., *Germanov sbornik ot 1358/1359 g.: Izledvane i izdanie na teksta*, Sofia, 2006.

Mircheva E., Codex Suprasliensis i Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica (nekotorye razmyshleniia otnositel'no sostava odnoi iz drevneishikh bolgarskikh rukopisei), *Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis*, Sofia, 2012, 25–34.

Mircheva E., Kum kharakteristikata na fenomena povtorno prevodi v starobulgarskata knizhovna traditsiia, *Quadrivium: iubilene sbornik v chest na 60-godishnata na prof. d-r Veselin Panaiotov*, Sofia, 2016, 285–295.

Petrova M., Yovcheva M., Svetitsite ot Supras'lskii sbornik: imena, dati, iztochnitsi, *Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis*, Sofia, 2012, 377–434.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheski aspekt*, Moscow, 2011.

Pichkhadze A. A., Slav. eter": k voprosu o grupirovke drevneslavianskikh pamiatnikov, *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*, 7–8. Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov, 2, 2011–2012, 219–236.

Prokopenko L. V., Mekhanizmy redaktirovaniia v rukopisnom Prologe 12–14 vv. (k voprosu o sootnoshenii redaktsii), *Die Welt der Slaven*, 55/2, 2010, 265–289.

Prokopenko L. V., Vydumannye i zaimstvovannye agiograficheskie epizody v Prologe, *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krysko*, Moscow, 2021, 738–745.

Prokopenko L. V., Feodor Tiron. Slavianskaia agiograficheskaia traditsiia, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 71, Moscow, 2023.

Reinhart J., The Old Church Slavonic Translation of the Martyrdom of St. Anastasia of Rome, *Slavic and Balcan Linguistics*, 20, Moscow, 2020, 177–198.

Schärpe J. L., Vyncke F., eds., *Bdinski Sbornik: An Old-Slavonic Menologium of Women Saints (Ghent University Library Ms. 408, A.D. 1360)*, Bruges, 1973.

Slavova T., Preslavska redaktsiia na kirilo-metodievia starobulgarski evangelski prevod, *Kirilo-Metodievska studii*, 6, Sofia, 1989, 15–129.

Stern D., Studien zum Bdinskij Sbornik: Die Erzählung des Abraham von Qidun und seiner Nichte Maria, *Cyrrilomethodianum*, 20, 2015, 257–287.

Stern D., Slavonic Double Translations of Byzantine Hagiographic Texts: The Life of St Eupraxia, *Cyrrilomethodianum*, 21, 2016, 21–51.

Taseva L., Perevod i redaktsiia: iazykovye kriterii i zhanrovaia spetsifika, *Mnogokratnite prevodi v luzhnoslavianskoto srednovekovie. Dokladi ot mezhdunarodnata konferentsiia, Sofia, 7–9 iuli 2005 g.*, Sofia, 2006, 35–55.

Temchinas S., The Number of XV–XVIIth Century East Slavic Manuscript Copies Stemming from the XIth Century Old Bulgarian Codex Suprasliensis, *Slavistica Vlnensis*, 2014, 59, 31–40.

Thomson F., "Made in Russia". A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia, *Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988–1988. Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juni 1988*, Köln etc., 1993 (=Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien, XVI), 295–354.

Tvorogov O. V., Drevnerusskie chet'i sborniki 12–14 vv. (Stat'ia vtoraiia: Pamiatniki agiografii), *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 44, Leningrad, 1990, 196–225.

Tvorogov O. V., Zhitie Dimitriia Solunskogo (podgotovka teksta, perevod i kommentarii), *Biblioteka drevnerusskoi literatury*, 2, St. Petersburg, 1999, 176–189, 527–528.

Tvorogov O. V., *Perevodnye zhitiia v russkoi knizhnosti 11–15 vekov. Katalog*, Moscow, St. Petersburg, 2008.

Tvorogov O. V., K izucheniiu oktiabr'skoi chet'ei minei 15 vv., *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2008, 282–289.

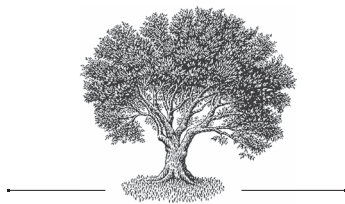
Tvorogov O. V., Perevodnye zhitiia sviatykh v drevnerusskoi knizhnosti 11–15 vv., *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 59, St. Petersburg, 2008, 115–132.

Večerka R., The Influence of Greek on Old Church Slavonic, *Byzantinoslavica*, 58, 2, 1997, 363–386.

Voß Ch., Zwei altbulgarische Übersetzungen der Vita des Johannes Hesychnos. Zur Frage der Archaisität des martyrologischen Textbestandes für den Monat März im Codex Suprasliensis und im Uspenskij Spisok der Großen Makarianischen Lesemenäen, Voß Ch., Warkentin H., Weiher E., eds. *Abhandlungen zu den Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*, I, Freiburg im Breisgau, 2000, 297–336.

Лариса Викторовна Прокопенко, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
prolaruc@gmail.com

Received May 8, 2024

Левиафан:
Экскурс
Гвидо де Колумна
в русском переводе*

**Дмитрий Михайлович
Буланин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
С.-Петербург, Россия

Leviathan:
The Digression
by Guido de Columna
translated in Russian

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Левиафан, имя загадочного морского чудовища, упоминаемого в нескольких библейских книгах, было в Древней Руси мало кому известно. Поэтому Федор Иванович Карпов, образованный представитель московской аристократии, встретив это имя в переводе Третьей книги Ездры, решил обратиться за разъяснениями к недавно приехавшему с Афона Максиму Греку. Карпов написал специальное послание, адресованное старцу, но ответа на него он так и не получил (или, что тоже не исключено, ответ Максима Грека не сохранился). Вместо ответа рядом с посланием Карпова начиная с XVI в. переписывалась, а потом издавалась небольшая статья, озаглавленная «О Левиафане». Хотя она лишена признаков эпистолярной формы, писцы, а потом издатели воспринимали ее как отклик Максима Грека на послание друга. Как выяснилось, на самом деле статья представляет собой извлечение из 10-й главы «Троянской истории» Гвидо де Колумна. Произведение было переведено на Руси с латинского языка в конце XV в. или (что более

Цитирование: Буланин Д. М. Левиафан: Экскурс Гвидо де Колумна в русском переводе // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 120–142.

Citation: Bulanin D. M. (2025) Leviathan: The Digression by Guido de Columna translated in Russian. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 120–142.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.04

вероятно) в 1520–1530-е гг. Из этого перевода и взят текст статьи. В настоящей работе доказывается, что отрывок извлечен из перевода «Троянской истории» и присоединил его к посланию Карпова какой-то книжник Чудова монастыря в конце XVI в. Работа завершается публикацией отрывка в сопоставлении с латинским оригиналом «Троянской истории» и ее переводом.

Ключевые слова

перевод, миниатюра, тайнопись, эпистолография, архетип, антиграф, Троянская война, библейские книги, провиденциальная история, экзегеза

Abstract

Most people in old Russia were not informed about the name of Leviathan that is used in several books of the Bible to designate a mysterious sea monster. This is why Theodor Ivanovich Karpov, a well-educated Moscow aristocrat, having encountered the name of Leviathan in a translation of the Third Book of Ezra, asked Maxim the Greek, who had just arrived from Athos, for clarification. Karpov addressed a special letter on this topic to the learned Greek monk. However, he never received a reply, or possibly Maxim the Greek's response was later lost. Instead, starting from the 16th century, a small article entitled *On Leviathan* used to be copied (and then used to be published) together with Karpov's letter. Although the article *On Leviathan* lacks any signs of epistolary form, scribes and then publishers used to perceive it as Maxim the Greek's response to his friend's letter. As it turns out, the article is actually an extract from Chapter 10 of Guido de Columna's *Historia destructionis Troiae*. *Historia* was translated from Latin at the end of the 15th century or (more likely) in the 1520s–1530s. The text of the article *On Leviathan* is taken from this translation. We have reason to think that the excerpt *On Leviathan* was extracted from the translation of *Historia* and added to Karpov's epistle by a scribe from the Chudov Monastery. This was done at the end of the 16th century. The article *On Leviathan* is published in regard with the text from the Latin original and from the Russian translation of *Historia destructionis Troiae*.

Keywords

translation, miniature, cryptography, epistolography, archetype, antigraph, Trojan War, books of the Bible, providential history, exegesis

О загадочном морском чудовище, которое было сотворено Богом и которое под именем Левиафана несколько раз упоминают библейские книги, в древности слагались легенды, а теперь пишутся одно за другим фундаментальные исследования [Петров 2015]. Хотя о Левиафане дважды заходит речь в Псалтири (73:14; 103:26), самой читаемой в Средние века книге, имя чудовища не столь хорошо знали в Древней Руси, как можно было предположить. Дело в том, что Септуагинта передает еврейское название чудовища словом *δράκων*, эквивалентом к которому у славянских переводчиков Библии стало «змий». Русскому читателю, тем не менее, могло попасться на глаза и имя Левиафана [СлРЯ XI–XVII вв.,

8: 184]. Его приводят по меньшей мере два памятника из корпуса старших переводов: во-первых, Слово на Богоявление Григория Богослова и толкование к этому Слову Никиты Ираклийского, во-вторых, апокрифическое «Откровение» Авраама, вошедшее, как известно, в Толковую и Хронографическую Палеи. Чуть подробнее в связи с рассказом о сотворении мира о Левиафане сообщает Третья книга Ездры, впервые переведенная с Вульгаты в процессе комплектования Геннадиевской Библии 1499 г. Двадцать лет спустя на рассказ Ездры обратил внимание Федор Иванович Карпов, не последний человек в высшем эшелоне московской правящей аристократии XV–XVI вв. и одновременно один из самых образованных писателей своего времени. Его, как видно, смутило несоответствие текста Ездры тому, что говорит о шести днях Творения Книга Бытия. Вероятно, Карпова особенно потрясло, что, согласно переводу Ездры, в «пожрание» избранным отдавался вместе с Левиафаном известный всякому русскому книжнику праведный Енох¹. Самый живой интерес вызвали у писателя мессианские пророчества, содержащиеся в Третьей книге.

1. Послание Федора Карпова

За разъяснениями Карпов обратился к недавно прибывшему в Москву и поселившемуся в Чудовом монастыре Максиму Греку, с которым писатель был дружен до осуждения афонского старца в 1525 г. В специальном послании (оно так и называется в рукописях: «Послание Федора Карпова»), выписав из перевода соответствующие фрагменты, эпистограф спрашивал: «О том, отче, молю твою честность разрешити сия: о воде, и о земли, и о Еносе и о Еливиафаме, и аще вѣчтен есть Ездра в пророцы. Пишет бо о Христе прямо некако, не образы, ниже гананием, но прямо изъявляет» [Максим Грек 2008: 338]. Мы не знаем, удовлетворили ли как-то адресат интерес Карпова. Начиная с XVI в. ответом Максима Грека считается небольшая статья, которая под названием «О Левиафане» присоединялась в списках к Посланию Карпова. Вместе с Посланием их принято и публиковать [Ibid.: 335–339, 480–485]. Как увидим далее, прицельное исследование получившегося диптиха существенно обогащает наши представления не только о каждом из корреспондентов, но также о не имеющих к ним отношения литературных памятниках.

Начнем с автора Послания. Сверка показала, что цитаты из Третьей книги Ездры, которые дает Карпов, довольно точно воспроизводят

¹ Имя Еноха появилось в данном контексте вслед за латинским оригиналом, которым пользовался переводчик Третьей книги Ездры. Варианты на этом месте содержат уже старшие списки Ездры: в одних читается Бегемот (Behemoth), в других — Енох (Enoch) [Bensly 1895: 24].

перевод, вошедший в Геннадиевскую Библию: *Син*915, л. 317–317об. Факт сам по себе неудивительный. Федор Карпов поддерживал отношения с теми московскими писателями, которые прежде принадлежали к литературному кругу Новгородского архиепископа Геннадия и занимались в том числе переводами — преимущественно с латинского языка. Интереснее другое. Новгородская кампания XV в. против еретиков, прозванных «жидовствующими», началась с их обвинения в «превращении» псалмов. Еретики отказывали Псалтири в ее прообразовательном значении по отношению к новозаветным событиям. Это обстоятельство во многом объясняет, почему благочестивые книжники XV–XVI вв. предпринимали новые и новые усилия для осмысления пророчеств о Мессии, которые вычитывались из Псалтири и других ветхозаветных книг. Именно такие пророчества Карпов нашел у Ездры. Получается, что его волновал тот самый круг вопросов, который в конце XV в. обсуждали близкие к Геннадию литераторы. Федор Карпов, начинавший в те годы свою карьеру дипломата, появлялся в Новгороде именно в это время. Не будет слишком смелым предположить, что он и сам мог участвовать в новгородских дискуссиях.

Неожиданные открытия связаны со второй частью нашего диптиха — «О Левиафанах». В совокупности с Посланием Карпова статья читается уже в старшем списке текстов: *Чуд*236, л. 284об.–288об. Сборник Чудовского собрания, включающий редкие тексты грамматического содержания, хорошо известен славистам [Попов 1881: 52–55; Ягич 1885–1895: 912–949, 971–975]. Он датируется 1589–1599/1600 гг. По совокупности признаков можно понять, что он был составлен непосредственно в Чудовом монастыре. Вывод важный, потому что в кремлевском монастыре, где некогда встречались писатель-дипломат и афонский старец, по-видимому, хранились остатки архива того и другого [Буланин 2021]. Как видно, в архивных записях находился и авторский текст Послания, к которому восходит вся его рукописная традиция, включая списки, где за Посланием следует приписываемая Максиму Греку статья «О Левиафанах». Они образуют своего рода диптих, список которого и представлен в Чудовском сборнике. Составитель его работал в те годы, когда уже не было в живых ни Карпова, ни Максима Грека. Если судить по кругу интересов составителя, скорее всего, его заинтриговал в диптихе похожий на тайнопись текст, завершающий Послание (кстати сказать, текст так и не получил убедительного толкования).

Сама рукописная традиция Послания Карпова существует в виде двух ветвей. В списках одной из ветвей произведение переписывалось отдельно, в списках второй, к которой принадлежит и Чудовский сборник, — вместе со статьей о Левиафане. Немногочисленные, но значимые

разночтения, приведенные в новейшем издании Н. В. Синицыной [Максим Грек 2008: 337–339], позволяют думать, что протографом списков второй ветви явился список, ближайший к рукописи Чуд236, если не ее антиграф. Независимо от этого антиграфа к авторскому тексту Карпова восходят списки первой ветви.

Никто до сих пор не сомневался в принадлежности статьи о Левиафане Максиму Греку. Правда, ученые [Синицына 2008: 43–44] не могли не обратить внимания на те черты в тексте, которые выглядят странно, если признать такую атрибуцию. Являясь будто бы ответом на Послание Карпова, статья почему-то утратила признаки эпистолярной формы. Почему-то из нескольких вопросов, которые ставил Карпов, статья отвечает только на один. Для писательской манеры Максима, ориентирующегося на греческую церковную традицию, необычна высокая концентрация в короткой статье ссылок на латинские авторитеты — «Этимологии» Исихора Севильского, «Плавание» святого Брендана. В статье содержатся и другие отголоски культуры Запада, которые не учитывались в этих дискуссиях, — упоминаются Беда Достопочтенный и «Схоластическая история» Петра Коместора. Все встало на свои места, когда Э. Виммер указала на действительный источник статьи о Левиафане [Wimmer 2005: 176]. Им оказалась «*Historia destructionis Troiae*», пространное сочинение XIII в., написанное мессинским судьей Гвидо де Колумна. Статья представляет собой фрагмент, извлеченный из 10-й главы этого произведения. В связи с рассказом об обращении греков к Дельфийскому оракулу, в этой главе помещен подробный экскурс о начале идолослужения, где и объясняется, кто такой Левиафан [Guido de Columnis 1936: 95–97].

Специалисты по творчеству Максима Грека до сих пор не учли находку Э. Виммер. Но теперь, узнав о происхождении статьи, исследователь стоит перед необходимостью ответить на новые вопросы. Переведен ли фрагмент о Левиафане непосредственно с латинского оригинала «Троянской истории» или это выписка из уже имевшегося русского перевода? Перевод «Троянской истории», сделанный, как принято думать, в конце XV в. и дошедший в немалом количестве списков, хорошо известен исследователям [Творогов 1972а: 166–184]. Однако найти параллельное место к статье о Левиафане в списках перевода оказалось непросто. Книжников явно удручал огромный объем памятника. Большая часть списков содержит одну из многочисленных сокращенных редакций перевода. Значительная часть списков как довольно редкой — найдено всего пять списков — полной (древнейшей) редакции, так и сокращенных редакций дошла с купюрами или с механическими лакунами. Лакуны часто приходится на интересующую нас 10-ю главу «Троянской истории», она пропусклась частично или целиком. Вероятно,

неинтересным или даже вредным считался находящийся в ней перечень языческих богов и древних культов. Все же параллель к нашему фрагменту отыскалась в рукописи XVII в., содержащей полную редакцию перевода: *Тек.пост.15*, л. 101об.–103об. Сравнив два текста — статью «О Левиафане» и соответствующий пассаж в переводе «Троянской истории» — убеждаемся в их тождественности.

Такой вывод, подкрепленный показаниями латинского подлинника, позволяет исправить некоторые принципиальные выводы предшественников, исходивших из принятой прежде атрибуции статьи Максиму Греку. В частности, словосочетание в статье о Левиафане, которое Н. В. Синицына считала глоссой («и диаволи быша, сиречь низу пад»), присутствует и в оригинале «Троянской истории», и в ее переводе. Напротив, индивидуальные чтения, отмеченные исследовательницей в статье о Левиафане по списку *Сол7/7*, обычно не поддерживаются ни переводом, ни оригиналом (ср. два исключения из общего правила: «Сего ради диавол», «безмерна», что соответствует *Vnde dyabolus, immense*). И самое главное: упоминавшийся выше текст, похожий на тайнопись или на ребус, который Н. В. Синицына приписывала Максиму Греку, принадлежит не ему, а Карпову.

Но не мог ли старец, не пожелавший сочинять ответ корреспонденту, сам отправить ему выписку из находившегося под рукой перевода? Ведь в те годы, когда Карпов и Максим Грек встречались и переписывались, перевод «Троянской истории» уже был, по общему мнению, доступен читателю.

Подобное предположение маловероятно по ряду причин. Во-первых, сошлемся на уже указанные странности, отмечавшиеся во фрагменте о Левиафане еще тогда, когда его сочинителем считали Максима Грека. Во-вторых, в трудах писателя редко отыскиваются случаи, когда бы он обращался к русским переводам иноязычных памятников. В-третьих, не в его стиле было пренебрегать этикетом дружеской переписки [Буланин 1984: 95–123], заменяя личный отклик какой-то цитатой, к тому же несимметричной заданным вопросам. Наконец, в-четвертых. В своих сочинениях и переводах Максим Грек тщательно избегал использовать для обозначения библейского чудовища слово Левиафан, упорно придерживаясь греческого («дракон») или славянского («змей») эквивалентов. В предпочтении первого и второго заметна даже эволюция. В Толковой Псалтири, с которой начались переводческие труды старца, он выбирает греческий вариант не только в переводе толкований², но

² Единственный случай, когда в толковании на Пс 103:26, надписанном именем Аполлинария, называется «Левиафам», требует отдельного объяснения: Тр86, л. 242.

и в самом псалтирном тексте. Последний факт симптоматичен, потому что в целом в Толковой Псалтири верно воспроизведена прежняя («киприановская») редакция славянской Псалтири [MacRobert 2018]. Получается, что Максим Грек в данном случае внимательно следил за словоупотреблением и настойчиво заменял славянский вариант на греческий (см. Пс 73:13; 73:14; 90:13; 103:26; 148:7). По-другому дело обстоит в Псалтири, над которой афонский переводчик работал вместе с Нилом Курлятевым в 1552 г. Там он возвращает во всех перечисленных стихах чтения «киприановской» редакции, лишь однажды (Пс 148:7) дав к слову «змеи» маргиналию «драконы»³.

Итак, мы исключаем из наследия Максима Грека — как оригинального, так и переводного — этот фрагмент «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

2. «Троянская история» Гвидо де Колумна

Если не Максим Грек, то кто же и когда мог присоединить отрывок «О Левиафане» к Посланию Федора Карпова? Как мы думаем, он был подверстан к Посланию Карпова в антиграфе сборника Чудова монастыря и вместе с Посланием разошелся по другим спискам.

Чтобы доказать наше предположение, нам придется отвлечься от диптиха и сказать несколько слов о переводе «Троянской истории» в контексте литературного развития Древней Руси. Памятник плохо изучен, но и сейчас его датировка XV в. вызывает сомнения. Они вызваны не только тем, что первые указания на существование перевода относятся к 1537 г. Этим годом датируется Житие Михаила Клопского в редакции Василия Михайловича Тучкова-Морозова, вставившего в свое сочинение цитату из занимающего нас перевода [Буланин 1993]. Важнее факт, отмеченный в переводе «Троянской истории» О. В. Твороговым [Творогов 1972: 156]. Оказалось, что туда попала точная цитата из «Повести о создании и поплении Тройском», составленной специально для Русского Хронографа из двух источников (текста Хроники Константина Манассии и вставленной в ее перевод «Притчи о кралех»). Начальная редакция Хронографа (условно называемая редакцией 1512 г.) датируется, по новейшим данным, 1516–1522 гг. Если впоследствии, когда будет разработана текстология «Троянской истории», выяснится,

³ [Вернер 2019: 852]. Ср.: [Максим Грек 2008: 257], где «губительный дракон» в тексте и «змий» на поле, [Ibid.: 261]: «дракон» в тексте. Грецизм (сопровождающий его глоссой) использовал князь Андрей Курбский, считавший себя учеником Максима Грека. Столетием позже Евфимий Чудовский, предлагая установить смысловое различие между двумя эквивалентами, в свою очередь, опирался на Толковую Псалтирь Максима Грека. См.: [Успенский 2002: 463–464; Пентковская 2016: 40–41].

что цитата восходит к архетипу перевода, это станет решающим аргументом в пользу более поздней его датировки. Само содержание рассказа о Троянской войне в интерпретации Гвидо де Колумна подводит историка литературы к выводу, что русский перевод был осуществлен в XVI в. Основанием для прежней датировки являлось то, что перевод восходит к страсбургскому изданию латинского текста 1485 г., и то еще, что переводами с латинского языка активно занимались в конце XV — начале XVI в. книжники, собравшиеся в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия. Но источниковедческие разыскания показали, что геннадиевские писатели (Дмитрий Герасимов, Власий Игнатов, Николай Булев) продолжали переводческую деятельность с латинского и немецкого языков вплоть до конца 1530-х гг. и что пользовались они в том числе изданиями XV в. Не исключено, что к этим переводчикам присоединились новые, чьи имена нам неизвестны.

Интересы Геннадия и подвизавшихся при Новгородской кафедре писателей были обширны. Но они не углублялись в вопросы, относящиеся к философии истории. Зато в XVI в. в связи с разработкой идеологии «священного царства», на роль которого претендовала Москва, проблема исторической телеологии выходит на первый план. История Троянской войны оказывается в центре внимания русских писателей. В достоверности событий, связанных с осадой Трои, никто не сомневался. Но сведения о них черпали тогда не из поэм Гомера, якобы наполненных вымыслами, а из псевдоисторических рассказов Диктиса Критского и Дареса Фригийца⁴. В основе концепции провиденциальной истории, какой она сложилась у московских идеологов в течение XVI в., лежала мысль о переходе идеи царства как сакрального феномена от одного носителя к другому — то, что в западной историографии было определено как *translatio imperii*. Череда ушедших в небытие царств подчеркивала целенаправленность движения мира во времени. Череду их венчала последняя православная держава в Москве, ее незыблемость служила залогом дальнейшего бытия творения Божьего. В этой схеме находили свое законное место два древних языческих царства («еллинских» в терминологии того времени) — Троянское и Македонское. Сведения о последнем черпались из двух редакций «Романа об Александре» псевдо-Каллисфена, переведенных на славянский язык (Хронографическая Александрия, Сербская Александрия). В историческом контексте на первое место выходила символическая трактовка

⁴ Р. Пиккио сформулировал остроумную гипотезу, будто бы по модели этикетных для средневековой литературы Запады обвинений Гомера во лжи автор «Слова о полку Игореве» построил оппозицию своей литературной манеры и манеры Баяна. Гипотезу трудно подтвердить, потому что в Древней Руси не читали Гомера [Пиккио 1985].

прошлого, что нейтрализовало вредоносность «еллинских» древностей. Установленная Богом последовательность царств считалась более значимой, нежели их конфессиональная маркировка. Ефросин Белозерский в своей «Александрии» не усомнился поставить в соответствующем месте Иерусалим на месте Трои, чем немало смутил современных комментаторов [Лурье 1965: 207]. Точно так победы Ивана Грозного в Ливонской войне Иосиф Доброписец сравнивал на равных с пленением Иерусалима и с разорением Трои [Макарий 2007: 123]. Представление о безотносительной ценности библейской истории, не идущей в сравнение с языческой, связано с распадом средневекового взгляда на мир. Франциск Скорина видит в повестях о Трое и об Александре легкомысленное чтение: «Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делах, чти “Книги Судей” или «Книги Махавеев». Более и справедливее в них знайдеш, нежели во “Александрии” или во “Тройи» [Бытие 1519: л. 3об.]».

Мысль о трансляции феномена царства как движущей силы в историческом процессе неукоснительно проведена Русским Хронографом, выдающимся памятником историографии, в котором впервые судьба Руси вплетена в перипетии мировой истории. В Хронографе хорошо просматривается организующая роль, которую выполняет в повествовании Троянский сюжет. Расцвет и падение Трои служили эталоном полного цикла в развитии отдельно взятого царства — той парадигмой, по образцу которой выстраивались позднейшие циклы. К Троянской истории отсылала в Хронографе не только упоминавшаяся выше Повесть. Непосредственно за Повестью помещен рассказ о начале Рима — «царства вечерних еллин»: Рим связывает с Троянским сюжетом судьба Энея. В разделе об Александре Македонском живописуется, как перед Восточным походом завоеватель отправился на место разрушенной Трои и с завистью вспоминал там о древних героях, чьи подвиги воспел Гомер. Троянские реминисценции находим в текстах, посвященных основанию Константинополя и его гибели в 1453 г. Перед читателем Хронографа проходила вереница сокрушенных неверными православных государств: помимо Византии составитель отвел самостоятельные главы Болгарскому и Сербскому царствам, исчезнувшим с лица земли, как потом исчезла империя. Тем временем Русь, по торжественным словам составителя, «растет, и младеет, и возвышается». В разном сочетании акцентированные в Хронографе носители власти, к числу которых русские книжники добавили такие важные для них символические центры, как Новгород, позднее Казань, упоминаются в знаковых для идеологии XVI в. литературных памятниках. Среди них Повесть о взятии Константинополя, Сказание о Мамаевом побоище, Казанская история [Bulanin 2021].

Парадигматичность Троянской темы и значимость репрезентативного ее воплощения — сочинения Гвидо де Колумна — ярко проявилась в Лицевом своде, составлявшемся в последние годы царствования Грозного, когда работы по осмыслению нового статуса Москвы существенно продвинулись. Если в Хронографе известия, относящиеся к Руси, шли скромным довеском к византийской и южнославянской истории, которой и был посвящен памятник, то в комплекте книг, занятых Лицевым сводом, мировой истории отведено всего три тома, а вот русской истории — целых восемь (включая несохранившийся). В трех томах, вмещающих сведения по общей истории, судьбе Трои и Македонского царства уделяется пристальное внимание. Писание Гвидо де Колумна находится в первом томе свода, занимая там примерно половину кодекса и сигнализируя тем самым о важности темы: Муз358, л. 588–1002об., 1029–1031 [Bushkovitch 2020]. Интересно, что заключение к переводу «Троянской истории» отделено здесь от предшествующего текста вторым по счету произведением о Троянской войне — известной уже нам «Повестью о создании и поплении Тройском» (Муз358, л. 1003–1028об., окончания недостает). Едва ли соединение двух памятников на одну тему произошло по случайному недосмотру: против такого заключения говорит смысловая законченность текста «Троянской истории» на отделившихся листах, а также киноварный заголовок, обозначающий начало Повести. Дублирование Троянского сюжета подчеркивало его роль в общем замысле многотомного свода. Но этим не ограничивается важность данного раздела свода для интерпретации его замысла. Удвоение Троянского сюжета указывает, кажется, на один из образцов, откуда создатели Лицевого свода могли позаимствовать саму его идею — показать исторический путь человечества одновременно словами и миниатюрами. Образцом для плана Лицевого свода мог послужить несохранившийся иллюстрированный список Хроники Манассии, в которой, как мы помним, Троянский сюжет тоже дублируется. Стоит указать в этой связи, что русский извод южнославянского перевода Хроники Манассии по ряду признаков близок к Ватиканскому — единственному из дошедших до нас списков памятника, снабженному иллюстрациями [Хроника Константина Манассии 1988: 50–58].

Чтобы вполне оценить иллюстративное сопровождение «Троянской истории» как знак ее символической ценности, нужно принять в расчет следующее. В древнерусской письменности существовал ограниченный набор памятников или типов книг, которые принято было иллюминировать. В большинстве случаев это заглавные миниатюры (Псалтирь, Евангелие, «Лествица», и др.). На их фоне явно выделяются украшенные рисунками образцы исторического повествования.

Создается впечатление, что книжники настойчиво стремились снабдить их сюжетными иллюстрациями. Это говорит о первостепенной значимости исторической тематики как средства религиозного воспитания. Памятники подобного рода должны были рассеять у благочестивого читателя возможные сомнения в том, что ход истории от начала мироздания до современности совершался при неизменном участии Провидения. Средствами изобразительного искусства средневековая историософия прочно запечатлевалась в сознании верующих. Важно, что у нас есть, помимо Лицевого свода, другие указания на существовавшую некогда традицию снабжать «Троянскую историю» иллюстрациями. Такие списки до нас не дошли, и причин могло быть много. Иногда списки перевода предполагалось иллюминировать, но план не был реализован. Иногда переписчик не имел возможности привлечь миниатюриста и заменял иллюстрации их кратким описанием. К первому разряду относится использованная нами рукопись *Тек.посм.15*. Составители поначалу думали снабдить рисунком каждую страницу текста, для чего оставляли в рукописи чистой всю страницу или ее половину. В кодексе остались следы того, что миниатюрами была украшена рукопись, послужившая для нашего списка оригиналом [Творогов 1972а: 170]. Иллюстрированной была также рукопись, ставшая оригиналом для составителя Титовской редакции, известной в единственном списке XVII в. *Тит2953*. Следы оригинала отложились в этом списке в виде словесного описания находившихся в оригинале миниатюр, по тексту рукописи описания по большей части выделены киноварью. В научной литературе упоминаются списки других произведений (Хронограф, Повесть о Варлааме и Иоасафе), в которых вопрос о воспроизведении иллюминированного оригинала решен тождественным образом — через описания [Покровская 1969; Лебедева 1985: 98–99]. Обратим внимание еще на один список «Троянской истории» — тот, что принадлежал П. П. Вяземскому и считался долгое время утраченным. Сейчас он опознан в рукописи XVII в. *Рук.собр.РГАДА69* [Хрипков 1993]. Прежний владелец рукописи указал на любопытную ее особенность. Текст размещен по страницам в соответствии со строгим расчетом: две страницы, по 23 строки в каждой, равны тексту одного столбца в латинском первоисточнике Истории, если считать им издание 1489 г. Велика вероятность, что скрупулезность переписчика рукописи в членении копируемого текста, перенесенная из архетипа перевода, связана с разметкой текста под иллюстрации в этом самом архетипе. Наша догадка будет выглядеть более правдоподобной, если добавить к сказанному, что первый и третий из выделенных нами списков, кроме того, список, послуживший оригиналом для Титовского, наконец, список из Лицевого

свода — все содержат текст древнейшей (полной) редакции перевода. Напрашивается вывод, что миниатюры находились или в архетипе перевода, или в ближайшей к нему копии, благодаря чему и возникла традиция украшать «Троянскую историю» иллюстрациями.

Пространное отступление, посвященное Троянскому сюжету в литературе XVI в., понадобилось, чтобы показать значение этого сюжета (прежде всего в его интерпретации Гвидо де Колумна) для идеологического обоснования нового статуса Московского государства. Определив культурно-исторический контекст, мы можем более уверенно рассуждать о том, где и когда сложился диптих, состоящий из Послания Карпова и отрывка из «Троянской истории», переведенной, скорее всего, в 1520–1530-е гг. Идеологическая кампания по приданию сакрального статуса Московской державе приблизилась в последние десятилетия перед Смутой к завершающей стадии. При этом следы всех пропагандистских мероприятий того времени прямо или окольными путями ведут к Чудову монастырю. Значительным религиозно-политическим событием тех лет стало учреждение Московской патриархии в 1589 г. Первым официальным источником, в котором употреблена формула «Москва — Третий Рим», является Грамота об учреждении патриаршества — программное произведение, подводящее итоги московских идеологических трудов XVI в. С Чудовым монастырем связана деятельность как Иова, первого Московского патриарха, так и ближайших людей из его окружения. В скриптории Чудова монастыря готовились роскошные «Годуновские Псалтири», рассылавшиеся по главным церквям и монастырям Руси [Новикова, Сиренов 2004; Усачев 2015]. В Чудове редактировались и совершенствовались монументальные литературные своды, которые были созданы в течение столетия в ходе идеологической кампании. Можно сказать, что Чудов монастырь стал к концу XVI в. витриной Московского царства в его новом сакральном измерении. Трудно представить, чтобы «Троянская история», наделенная, по разумению московских идеологов, мощным символическим зарядом, не была знакома чудовским книжникам.

Происхождение интересующего нас диптиха видится следующим. Разбирая остатки архива Карпова (возможно, хранившиеся вместе с архивом Максима Грека), чудовские старцы отыскиали его Послание о Третьей книге Ездры, которое не было обнародовано при жизни автора. Постскрипtum к Посланию в виде тайнописи или ребуса подогрел интерес к нему, и оно получило некоторое распространение в рукописях как самостоятельное произведение (без фрагмента о Левиафане). Вскоре текст попал в руки какого-то книжника, огорченного отсутствием ответного письма Максима Грека и вместе с тем хорошо знавшего

содержание «Троянской истории». Этот неизвестный решил исправить положение и добавил к Посланию Карпова выписку о Левиафане из перевода «Троянской истории». Соблазнительно было бы отождествить неизвестного книжника и составителя Чуд236. Судя по содержанию сборника, его комплектовал образованный писатель, едва ли находившийся в стороне от Чудовских книжных проектов идеологической направленности, значит, знакомый и с переводным сочинением Гвидо де Колумна. К сожалению, текст фрагмента из «Троянской истории» не позволяет начинать его историю непосредственно от Чудовского сборника: в статье о Левиафане опознаются два чтения, в которых более поздние списки точно соответствуют полному переводу и его латинскому оригиналу (см. публикацию текста в конце статьи), между тем как в Чудовском сборнике в одном случае чтение испорчено, а в другом случае находим пропуск. Приходится ввести в историю диптиха дополнительное звено в виде предшествовавшего Чудовскому сборнику антиграфа, быть может, заранее заготовленного для будущего сборника самим же его составителем. К этому антиграфу восходят остальные списки диптиха. С той поры, как появился диптих, никто не сомневался, что статья о Левиафане является аутентичным писанием Максима Грека. Поскольку известен промежуток времени, когда был составлен Чудовский сборник, мы можем приблизительно датировать операцию по извлечению статьи о Левиафане из пространного сочинения Гвидо де Колумна. Это произошло незадолго до 1589 г.

3. Экскурс о Левиафане в памятниках литературы XVI в.

Опознание «Троянской истории» как подлинного источника статьи «О Левиафане» позволяет внести поправки в историю литературных памятников, не имеющих прямого отношения к переписке Федора Карпова и Максима Грека. Таково Послание Корнилия, инок Снетогорского монастыря, к духовному сыну о сочетании вторым браком [Серебрянский 1908: 490–495, 527–532]. Послание адресовано некоему священнику Ивану, который принял решение вторично жениться ради «чадородия». Пытаясь отвратить свое чадо от греховного поступка, Корнилий указывает ему, что и простым-то людям дозволяется вторично вступать в брак только «по великой нужи». Страшнее последствия второбрачия для носителей духовного сана: церковь признает такое деяние тяжким преступлением. Эмоциональное вступление, столь же эмоциональная концовка и несколько интерполяций в середине Послания — этим ограничен собственный вклад в его содержание автора, чье имя объявлено в заголовке произведения. Если не считать заголовка, Корнилий называет себя по имени только один раз — в начальном обращении. Там же приведено имя

адресата: «...Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Рождества и прочих храмов Счетная горы последний во иноцех [...] смиренный инок Корнилиище сыну своему Иванну воспосылаю наказание и благословение». В завершении текста автор использовал устойчивый мотив эпистолярного этикета — просьбу об ответном письме: «И молю, сыну, о сем, чтобы честная святыня не обленилася нечто душеполезно и утешительно послати писанейце крестоносныя ти руки...».

Совместными усилиями исследователей установлено, что, за вычетом отмеченных элементов, основной текст в творении Корнилия заимствован им, с незначительными переменами, из трех главных источников — Жития Ефросина Псковского, «Выписи» о втором браке Василия III и нашей статьи о Левиафане. Разногласия между учеными возникли в отношении датировки произведения. Участники дискуссии, пытавшиеся отождествить Корнилия, автора Послания, с несколькими историческими персонажами, обычно исходили из того, что произведение написано во второй половине XVI в. Раннюю дату — вторую четверть века — предложила недавно В. И. Охотникова [Охотникова 2015]. Свой вывод она основывает на том, что ни один из указанных трех источников не мог быть написан позже середины XVI в. Житие Ефросина, как доказывает исследовательница, использовано Корнилием в его ранней редакции, которую вытеснила из обращения редакция Василия-Варлаама, отвечающая агиографическому канону и составленная в 1547 г. «Выпись» о втором браке исследователи относили к разным годам и разным столетиям. В. И. Охотникова считает убедительным мнение тех, кто усматривал в тексте отражение событий 1546–1547 гг. При датировке статьи о Левиафане все исходило из того, что она принадлежит Максиму Греку и представляет собой его ответ на Послание Карпова. Поэтому никто не сомневался, что она написана до 1525 г. — даты первого собора на афонского старца. Имея в руках новые факты, проверим, насколько основательны выводы прежних специалистов [Серебрянский 1908: 490–495; Смирнов 1913: 150, примеч. 1] и В. И. Охотниковой.

Если говорить о ранней редакции Жития Ефросина, то автор этих строк указал уже на разночтения, в которых цитаты Корнилия содержат первичные варианты сравнительно с текстом Жития [Буланин 2021a]. Наличие таких вариантов можно объяснить тем, что оба текста восходят к общему источнику. Решающие аргументы против ранней датировки Послания Корнилия дают сведения, касающиеся статьи о Левиафане. Как мы выяснили, она была выписана из перевода «Троянской истории» в конце XVI в. При этом вторичность извлечения, сделанного из статьи о Левиафане Корнилием, по отношению к самой статье доказана Н. В. Сеницыной [Максим Грек 2008: 481–482].

Достаточно сказать, что автор Послания в простоте своей посчитал Исихора Севильского «евреямином». Неловко вставленная Корнилием в текст его Послания цитата из статьи о Левиафане мотивирована тем, что в статье библейское чудовище без обиняков приравнено к дьяволу. Он-то, по убеждению духовного отца, и смущает мысли попа Ивана, побуждая его к новому браку: «И паки ныне той же Левиафам обрете тебе легка убо умом, легчайша же того и разумением, и той ты научи вторую супругу пояти». Еще С. И. Смирнов заметил, что пространное заимствование из статьи о Левиафане разрывается в Послании интерполяцией со словами о дьяволе, связанном, согласно Апокалипсису, на тысячу лет. Теперь же, по тексту Послания, дьявол «отвязан», и он увлек всех в нечестие, «токмо единого государя нашего царство невреждимо пребывает» [Смирнов 1913: 150, примеч. 1]. Мы видим явную, хотя и неконкретную отсылку к мотивам, разрабатывавшимся московской идеологической кампанией, которая активизировалась, как было сказано, после учреждения патриаршества. Мысль о Московском царстве как единственном страже православной веры варьировалась в разных произведениях того времени. Сочинение Корнилия соответствует идеологической атмосфере конца XVI в.

Еще одним памятником, интерпретации которого помогает статья о Левиафане в свете новых данных, является текст, известный под названием «Выпись» о втором браке Василия III. Со времен Н. М. Карамзина, скептически отнесшегося к сообщениям «Выписи», не стихают споры о том, какие реальные события запечатлены в произведении, возникли ли присущие ему несообразности в результате искажения актовых источников или поиски таких источников лишены смысла, потому что перед нами сочинение, полностью вымышленное. В последнем случае ее можно было бы назвать запоздалым откликом на матримониальную затею великого князя 1525 г., осужденную тогда православным духовенством и рассматривавшуюся с той поры как корень всех бед, обрушившихся на Московское царство. Доверие к «Выписи» зависит от его датировки: чем меньший срок полагался со времени отраженных в произведении событий, тем больше видели шансов найти в «Выписи» достоверные отзвуки истории. В. И. Охотникова, поместившая Послание Корнилия, где использован текст «Выписи», во вторую четверть XVI в., приняла мнение историков, с доверием отнесшихся к сообщениям «Выписи». Напротив, автор этих строк, сдвинув создание «Выписи» к рубежу XVI–XVII вв., доказывал, что писавший много лет спустя сочинитель представил драматические события 1525 г. в собственной интерпретации и с фантастическими подробностями. Новая датировка Послания Корнилия хотя и не позволяет поставить точку в

споре, придает бóльшую убедительность нашей интерпретации «Выписи». Кроме того, дополнительное значение приобретают отмеченные в нашей статье о «Выписи» буквальные и приблизительные совпадения между этим произведением и другими сочинениями Федора Карпова. В качестве одного из книжных центров, который мог быть причастен к возникновению «Выписи» или к ее дальнейшей судьбе, назывался Чудов монастырь. С другой стороны, именно в Чудове монастыре хранились, по всей видимости, какие-то остатки архива Федора Карпова. Судьба его Послания о Третьей книге Ездры подтверждает такой вывод. Если взять в расчет сказанное, возникает законный вопрос: можно ли считать случайным тот факт, что два из трех источников, использованных в Послании Корнилия (статья о Левиафане и «Выпись»), связаны с судьбой наследия Федора Карпова, а через это наследие — с Чудовым монастырем? Какое отношение имел к кремлевскому монастырю пскович Корнилий? Не располагая какими-либо дополнительными материалами, считаем благоразумным оставить до поры до времени поставленные вопросы без ответа.

Статья о Левиафане публикуется параллельно с соответствующим фрагментом из «Троянской истории» Гвидо де Колумна, который приводится по оригиналу и по русскому переводу. Использованный нами список изобилует ошибками против оригинала, которые, при отсутствии текстологического исследования и критического издания перевода, не видим смысла исправлять. По той же причине не видим резона обсуждать дополнения и пропуски по тексту, которые (если они совпадают в переводе всей «Троянской истории» и в отрывке о Левиафане, взятом из этого перевода и приписанном Максиму Греку) могут восходить к архетипу русского перевода. Что касается текста статьи о Левиафане, в его издание, выполненное в 2008 г. по рукописи Чуд236, внесены всего два исправления. Они обособлены квадратными скобками и взяты из других списков диптиха — *Тр.200, л. 421об.–422об.; Сол.7/7, л. 530об.–534об.* Эти разночтения подтверждают, что сам Чудовский сборник не мог стать родоначальником последующей рукописной традиции диптиха.

Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae, p. 95–97

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

Преподобный Максим Грек, Сочинения, т. 1. С. 335–336

Quam primum Creator mundi in empyreo celo creauit angelos, quod ille angelus qui omnibus aliis fuit prelatas, de quo propheta dixit: “Cedri non fuerunt alciore illo in paradiso;

Яко егда Творец миру на огненном небеси сотвори аггелы, яже от ангел иже всех прочих ангел бе вышши, о нем же пророк рече: «Кедри не беша выш-

О Еливиафанте

Яко егда Творец миру на огнем небеси сътвори аггелы, яже он аггел иже всех прочих аггел бе вышши, о нем же пророк рече: «Кедры не беша вышши его в рай

Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae, p. 95–97

abietes non adequauerunt summitatem eius; platani non fuerunt equales frondibus illius; omne lignum paradisi preciosum non est assimilatum pulchritudini eius” (a). Ideo speciosum fecit eum Deus et prefecit multorum legionibus angelorum. Hic elatus superbie pondere cum dixit “Ponam sedem meam ab Aquilone et ero similis Altissimo” (b), statim ab eterna benedictione cecidit cum legionibus suis et dyabolus et dyaboli facti sunt. Vnde dyabolus, id est deorsum fluens. De hoc dictum est, “Quomodo cecidisti, stella matutina, de medio lapidum ignitorum?” (c). Et cecidit Lucifer, qui in paradiso deliciarum nutritus est, et vulneratus a Morte ad inferiora descendit. Vnde et Christus in Euangelio sancto suo, “Vidi”, inquit, “Sathanam quasi fulgur de celo cadentem” (d). Hic fuit ille Leviathan. Et quia plerisque materia non est nota, ideo sub compendio de eo dicere decreuimus in hoc loco. Scripsit enim Ysidorus *Ethimologiarum* quod Hebrei Hebrea uoce uocant illum Bemoth (e), quod Latina lingua sonat animal brutum. Est enim spiritus malus immundicie et spurcie plenus, et ideo Deus ab ipso principio deiectionis eius conuertit ipsum in animal brutum, id est in serpentem tortuosum, et cum sit immense magnitudinis dictus est draco. Et de hoc sentit Daud, “Hoc mare magnum et spaciosum” (f) et cetera; deinde subiunxit, “Draco iste quem formasti ad illudendum ei” (g) et cetera. Dictus est

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

ше его в раи Божии, певги не сравнишася высоте его и кипарисе не беша равни ветвем его, и всяко древо райское драгое не уподобися красоте его». Того ради красно сотворися его Бог и предучинил легион многих ангел. Возвысися гордости бременем: «Егда, — рече, — положу престол мой на севере и буду подобен Вышнему», абие от вечного благословения спадеся с легионы своими, и диявол и дияволи быша. Сего ради диявол, сиречь низу пад, от сего наречеся. О сем речеся: «Како падеся, зарница, от среды камени огненных?». И низпаде денница, иже в раи пищим воспитася, и уязвися от смерти в нижнях сниде. Сего ради Христос во своем Еуангелии: «Видех, — рече, — Сатону, аки молнию с небесе спадшу». Сей же он Левиястан, о нем же рече Иев. Но зане веде существо не ново, сего ради вкратце о нем рещи умыслихом в сем месте. Написа бо Исидор *Итимологиарум*, яко евреи и еврейским гласом нарицают его Веемо-те, еже руским языком скажется животное безсловесное. Есть бо дух лукавый нечисты и скареды полно, и сего ради Бог от начала свержения его обрати его в животину безсловесную, сиречь во змию пригibleмую; зане есть безмерна величество, наречеся драко. О сем разумет Давид: «Се море велико и пространно» и прочие; потом прилагает: «Змий сей, его же создал еси ругатися ему» и прочая. Именова же

Преподобный Максим Грек, Сочинения, т. 1. С. 335–336

Божии, певги не сравнишася высоте его, кипариси не беша равни ветвем его, всяко древо райское драгое не подобися красоте его». Толь красна сътвори его Бог и предучини легеону многих аггел. Сей възвысися гордостию бременем: «Егда, — рече, — положу престол мой на севере и буду подобен Вышнему», абие от вечнаго благословения спаде с легеоны своими, и диявол и дияволи быша. [Сего ради диявол], сиречь низу пад, от сего наречеся. О сем речеся: «Како падеся, зорница, от среды камней огненных?». Низпаде денница, иже в раи пищем възпитася, и уязвися от смерти в нижнях сниде. Сего ради Христос в Еуагелии своем рече: «Видех Сатану, яко млънию съ небесе спадша». Сей же он Елевияфант, о нем же рече Иов. Но зане веде существо не ново, сего ради вкратце о нем рещи умыслихом в сем месте. Написа бо Исидор *Отимологиарум*, яко евреи еврейским гласом нарицают его Веемот, еже руским языком скажется животное безсловесное. Есть бо дух лукавый нечистоты и скареды полн, и сего ради Бог от начала свержения его обрати его в животину безсловесную, сиречь в змию прегibleмую; и зане есть [безмерна] величества, наречеся драко. О сем разумет Давид: «Се море велико и пространно» и прочаа; потом прилагает: «Змий сей, его же созда ругатися ему» и прочаа. Именова же

Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae, p. 95–97

autem Leuiathan secundum Ysidorum serpens de aquis (h). Vnde legitur in *Apo-graphia* beati Brandani, dum nauigaret per oceanum, idem sanctus uidisse eum mire longitudinis, et spaciositatis in profundum oceani deiectum et inclusum in eo usque ad diem iudicii iussu Dei. Ideo enim dicitur tortuosus et esse in hoc mari quia in huius seculi mari dyabolus uolubili uersatur astucia ad decipiendum animas miserorum. Hic est ille Leuiathan qui factus serpens, a sue deieccionis principio inuidens glorie primorum parentum nostrorum, ausus est uoluptatis paradisum intrare, et erectus gradiens sicut homo primos parentes nostros cecis temptationibus, uicio preuaricationis, affecit, ut facti mandati Dei intrepidi transgressores deici meruerunt ab ipsius gloria paradisi sicut ille deici meruit a celesti gloria culpa sui. Licet illud quod legitur in principio *Genesis* secundum Mosaycam traditionem, ubi dicitur: “Sed serpens erat calidior omnibus animantibus que fecerat Deus, qui dixit ad mulierem, “Cur precepit uobis Deus?”” (i) et cetera, secundum tamen traditionem Sacrarum scripturarum catholice vniuersalis ecclesie ratum est, ut scripsit Beda, quod dyabolus elegit quondam serpentem tunc de quodam genere serpencium uirgineum habencem uultum et mouit ad loquendum linguam eius quid loqueretur nescientis, sicut et cotidie adhuc loquitur dyabolus per fanaticos et energuminos nescientes, id est, per homines quo-

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

Лювитиян, по Инодору, змий от воды. Сего ради чтется во *Опографии* блажена Бранидияна: егда плаваше по аскиану той, истое виде единые долготы и широты, во дно акияна свержена и заключена в нем даже до дне судища Божия. Того бо ради глаголется пригибающее и быти в сем мире, зане в сем морском мире диявол пригibleмым живет лукавством ко восприятию душ акайных. Сей есть Левитиян, иже бысть змия, от начала своего свержения зане и видяй славе первых родителей наших, дерзнув в рай пищный внити, и прямо идя, яко же человек, первых родителей наших слепыми искушении и страстию преступления опороче, ни быша заповеди Божии неустрашими преступницы, сподобившася отпасти славы райския, яко же спасти сподобися от небесныя славы за вину свою. Аще сие чтется в начале *Быти* по Моисееву преданию, иде же глаголет: «Но змия убо лукавея всех животных, их же сотвори Бог, яже рече жене: «Почто заповеда вам Бог?»» и прочая, но по преданию Священного писания апостольские соборные церкви утвержено есть, яко же написа Веда, яко диявол избра тогда некую змию от некоего рода, девица имея лице, и повеждь глаголати язык ея, что глаголаши не ведуще, яко же еще по вся дни глаголет диявол похабыми беснующимися неведущи ими человеки, их же телеса от демон обдержимы, яко же

Преподобный Максим Грек, Сочинения, т. 1. С. 335–336

Елевиафант, по Исидору, змий от воды. Сего ради чтется в *Апографии* блаженнаго Брандин: егда пловаше по окиану той святой, виде его дивныя долготы и широты, во дне окиана свержена и заключена в нем даждь до дне судища повелением Божиимъ. Того ради бо глаголется прегигающься и быти в сем мори, зане в сем морском мире диявол прегигаемым живет лукавством к въсприятию душ окайных. Сей есть Елевиафант, иже бысть змий, от начала своего свержения завидя славе первых родителей наших, дръзнул в рай пищный внити, и прямо идя, яко же человек, первых родителей наших слепыми искушении и страстию преступления омрачи, и быша заповеди Божии неустрашими преступницы, сподобившася отпасти славы райския, яко же спасти сподобися от небесныя славы за вину свою. Аще сие и чтется в начале *Бытии* по Моисееву преданию, иде же глаголет: «Но змия бе лукавее всех животных, их же сотвори Бог, иже рече жене: «Почто заповеда вам Бог?»» и прочая, но по преданию Священного писания апостольския церкви утвержено есть, ведеи, яко диявол тогда избра некую змию от некоего рода змиина, девица имея лице, и подвиже глаголати язык ея, что глаголеши не ведущи, яко же еще по вся дни глаголет диявол похабами и беснующимися неведущими человеки, их же телеса от демон обдержима, яко же о

Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae*, p. 95–97

rum corpora ab ipsis demonibus sunt obsessa, vt de hoc scriptum est in libro *Hystoriarum Scolasticarum*, circa principium, ubi prosequitur auctor hystoriam et expositionem libri *Genesis*. Vnde quicquid nobis catholicis per has Sacras scripturas notum est, certum est quod ille Leuiathan, id est, dyabolorum princeps, a culmine celesti deiectus, uel per seipsum corporaliter factus serpens uel per serpentem animal, ingressus in ipsum, callidis temptationibus suis miseros parentes nostros et successores eorum perpetuam deiecerat in ruinam. Et hec de ydolatria et de noticia Leuiathan dixisse sufficiant.

(a) Ezech 31:8. (b) Is 14: 13–14. (c) Is 14:12. (d) Lu. 10:18. (e) Etym VIII, 11:27. (f) Ps 103:25. (g) cf. Ps 103:26. (h) Etym VIII, 11:27. (i) Gen 3:1.

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

о сем писано есть в книзе *Истории Исхотасники* в начале, иде же изследует учитель историю, столкновение глаголет быти. Сего ради все, еже нам верным сим Священным писанием знаемо, извесно, яко он Левиинтан, сииречь дьявол начальник, с высоты небесные свержен, или с собою телесне бысть змия, или во змию вниде, да лукавыми искушении своими бедных родителей наших и последователей их в вечное повержет падение. И сие о идолопоклонении и о знаты Левиитяна нареченно довлеет.

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, т. 1. С. 335–336

сем писано есть в книге *Истории Схотастики* в начале, иде же изследует учитель историю и толкование *Бытия*. Сего ради все, еже нам верным сими Священным писанием знаемо, известно, яко он Елевиафан, сиречь диавол начальник, с высоты небесныя свержен, или собою телесне бысть змия, или в змию вниде, да лукавыми искушениями своими бедных родителей наших и последователей их в вечное повержет падение. И сие о знати Елевиатана речено довлеет.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург, Россия).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

ГПБ — Государственная публичная библиотека (ныне — Российская национальная библиотека, С.-Петербург, Россия).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург, Россия).

Библиография

Рукописи

Муз358

ГИМ, Музейское собр., № 358, XVI в.

Рук.собр.РГАДА69

РГАДА, ф. 188, Рукописное собр. РГАДА, № 69, XVII в.

Син915

ГИМ, Синодальное собр., № 915, 1499 г.

Сол7/7

ГПБ, собр. Соловецкого мон., № 7/7, XVII в.

Тек.пост.15

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, XVII в.

Тит2953

РНБ, собр. Титова, № 2953, XVII в.

Тр86

РГБ, ф. 304/I, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 86, 1550-е гг.

Тр200

РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, XVII в.

Чуд236

ГИМ, собр. Чудова мон., № 236, 1589–1599/1600 гг.

Литература

Буланин 1984

Буланин Д. М., *Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты*, Ленинград, 1984.

——— 1993

Буланин Д. М., Троянская тема в Житии Михаила Клопского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 214–228.

——— 2021

Буланин Д. М., На пути к архиву Федора Карпова: Следы в Чудовом монастыре?, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 48/1, 2021, 18–36.

——— 2021a

Буланин Д. М., «Выпись» о втором браке Василия III — документ или литературная стилизация?, *Проблемы исторической поэтики*, 19/4, 2021, 171–189.

Бытие 1519

Бытие, Прага, 1519.

Вернер 2019

Вернер И. В., *Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека*, Москва, 2019.

Лебедева 1985

Лебедева И. Н., *Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв.*, Ленинград, 1985.

Лурье 1965

Лурье Я. С., Археографический обзор, *Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века*, Москва, Ленинград, 1965, 185–214.

Макарий 2007

Макарий (Веретенников), архимандрит, Старец Иосиф-доброписец — книжник Макарьевской школы, *История и культура Ростовской земли. 2007 г.*, Ростов, 2008, 112–133.

Максим Грек 2008

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, 1, Москва, 2008.

Новикова, Сиренов 2004

Новикова О. Л., Сиренов А. В., Сделано в Чудове, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 441–450.

Охотникова 2015

Охотникова В. И., Послание Корнилия, инок Снетогорского монастыря: К вопросу о времени создания, *Slověne*, 5/1, 2015, 334–347.

Пентковская 2016

Пентковская Т. В., С русского на сербский, с сербского на русский: Два опыта редактуры церковнославянского текста в XVII в., *Stephanos*, 3/17, 2016, 28–58.

Петров 2015

Петров А. Е., Левиафан, *Православная энциклопедия*, 40, Москва, 2015, 313–316.

Пиккио 1985

Пиккио Р., Мотив Трои в «Слове о полку Игореве», *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва, 1985, 86–99.

Покровская 1969

Покровская В. Ф., Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 34, Ленинград, 1969, 167–170.

Попов 1881

Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XI: Сведение о неизвестной книге Виленской печати 1586 года, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 2, 1881, 52–55.

Серебрянский 1908

Серебрянский Н. И., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле*, Москва, 1908.

Синицына 2008

Синицына Н. В., Раннее творчество преподобного Максима Грека, *Преподобный Максим Грек, Сочинения*, 1, Москва, 2008, 15–80.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 8, Москва, 1981.

Смирнов 1913

Смирнов С. И., *Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта*, Москва, 1913.

Творогов 1972

Творогов О. В., Троянские сказания в древнерусской литературе, *Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков*, Ленинград, 1972, 148–160.

——— 1972a

Творогов О. В., Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции, *Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков*, Ленинград, 1972, 166–184.

Усачев 2015

Усачев А. С., Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в., *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия II: История. История Русской православной церкви*, 3/64, 2015, 9–17.

Успенский 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., испр. и доп., Москва, 2002.

Хрипков 1993

Хрипков В. Ф., Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 46, С.-Петербург, 1993, 88–97.

Хроника Константина Манассии 1988

Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах, София, 1988.

Ягич 1885–1895

Ягич И. В., Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, *Исследования по русскому языку*, 1, С.-Петербург, 1885–1895, 289–1067.

Bensly 1895

Bensly R., *The Fourth Book of Ezra*, Cambridge, 1895.

Bulanin 2021

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”, *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*, London, New York, 2021, 449–464.

Bushkovitch 2020

Bushkovitch P., The Trojan War at the Court of Ivan the Terrible, *Russian History*, 47/1–2, 2020, 36–48.

Guido de Columnis 1936

Guido de Columnis, *Historia destructionis Troiae* (= The Mediaeval Academy of America. Publication, 26), Cambridge, Mass., 1936.

MacRobert 2018

MacRobert C., Maksim Grek in Linguistic Context, *Latinitas in the Slavic World: Nine Case Studies* (= Specimina Philologiae Slavicae, 192), Berlin et al., 2018, 173–205.

Wimmer 2005

Wimmer E., *Novgorod - ein Tor zum Westen?: Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 13), Hamburg, 2005.

References

Bulanin D. M., *Perevody i poslaniiia Maksima Greka: Neizdannye teksty*, Leningrad, 1984.

Bulanin D. M., Troianskaia tema v Zhitii Mikhaila Klopskogo, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 214–228.

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”, *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*, London, New York, 2021, 449–464.

Bulanin D. M., On the way to Fedor Karpov’s archive: Traces in the Chudov monastery?, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Yazyk i literatura*, 48/1, 2021, 18–36.

Bulanin D. M., Vypis about the Second Marriage of Vasilii The Third: A Document or a Literary Style Imitation?, *Problemy istoricheskoy poetiki*, 19/4, 2021, 171–189.

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”,

The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations, London, New York, 2021, 449–464.

Bushkovitch P., The Trojan War at the Court of Ivan the Terrible, *Russian History*, 47/1–2, 2020, 36–48.

Khripkov V. F., Russkie spiski i redaktsii perevoda «Troianskoi istorii» Gvido de Kolumna, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 46, St. Petersburg, 1993, 88–97.

Lebedeva I. N., *Povest' o Varlaame i Ioasafe: Pamiatnik drevnerusskoi perevodnoi literatury 11–12 vv.*, Leningrad, 1985.

Lurie Ya. S., *Arkheograficheskii obzor, Aleksandriia: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi 15 veka*, Moscow, Leningrad, 1965, 185–214.

Makarii (Veretennikov), arch., Starets Iosif-dobropisets — knizhnik Makar'evskoi shkoly, *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*. 2007 g., Rostov, 2008, 112–133.

MacRobert C., Maksim Grek in Linguistic Context, *Latinitas in the Slavic World: Nine Case Studies* (= Specimina Philologiae Slavicae, 192), Berlin et al., 2018, 173–205.

Novikova O. L., Sirenov A. V., Sdelano v Chudove, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 441–450.

Okhotnikova V. I., The Epistle of Cornelius, a Monk of the Snetogorsky Monastery, *Slověne*, 5/1, 2015, 334–347.

Pentkovskaya T. V., From Russian to Serbian, from Serbian to Russian: Two Kinds of Revision of the Church Slavonic Texts in the 17th century, *Stephanos*, 3/17, 2016, 28–58.

Petrov A. E., Levafan, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 40, Moscow, 2015, 313–316.

Pikkio R., Motiv Troi v «Slove o polku Igoreve», *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediia*, Moscow, 1985, 86–99.

Pokrovskaya V. F., Kak chital drevnerusskii knizhnik miniatiury litsevykh istoricheskikh rukopisei, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 34, Leningrad, 1969, 167–170.

Sinitsyna N. V., Rannee tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka, *Prepodobnyi Maksim Grek, Sochineniia*, 1, Moscow, 2008, 15–80.

Tvorogov O. V., Troianskie skazaniia v drevnerusskoi literature, *Troianskie skazaniia: Srednevekovye rytsarskie romany o Troianskoi voine po russkim rukopisiam 16–17 vekov*, Leningrad, 1972, 148–160.

Tvorogov O. V., Povesti o Troianskoi voine v russkoi rukopisnoi traditsii, *Troianskie skazaniia: Srednevekovye rytsarskie romany o Troianskoi voine po russkim rukopisiam 16–17 vekov*, Leningrad, 1972, 166–184.

Usachev A. S., About the distribution of the theory “The Third Rome” Russia of the 16th century, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 3/64, 2015, 9–17.

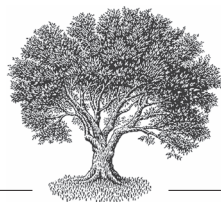
Uspenskij B. A., *Istoriiia russkogo literaturnogo iazyka (11–17 vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.

Verner I. V., *Interlinearnaia slaviano-grecheskaia Psal'tyr' 1552 g. v perevode Maksima Greka*, Moscow, 2019.

Wimmer E., *Novgorod - ein Tor zum Westen?: Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= *Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa*, 13), Hamburg, 2005.

Дмитрий Михайлович Буланин, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4
Россия / Russia
dmitriibulanin@yandex.ru

Received September 3, 2024

Статьи Алфавитной Синтагмы на Руси в древнейший период (первая половина XV века)*

The Alphabetical Syntagma Articles in Rus' in the Early Period (First Half of the 15th Century)

**Аркадий Евгеньевич
Тарасов**

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

Arkadiy E. Tarasov

Lomonosov Moscow State University,
Russian State University for the
Humanities,
Moscow, Russia

Резюме

В статье анализируются ранние свидетельства о присутствии на Руси статей Алфавитной Синтагмы. Показано, что в первой половине XV в. на Руси встречаются как переводы выдержек статей, сделанные из греческой Синтагмы в канцелярии митрополита всея Руси Фотия, так и отдельные статьи в славянском переводе XIV в., попавшие на Русь в составе некоего канонического сборника (в большинстве — сокращенные статьи из литературного окружения после основного текста Синтагмы). К числу переводов, выполненных в митрополичьей канцелярии, может быть отнесен перечень

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00218, <https://rscf.ru/project/20-18-00218/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00218, <https://rscf.ru/project/20-18-00218/>.

Цитирование: Тарасов А. Е. Статьи Алфавитной Синтагмы на Руси в древнейший период (первая половина XV в.) // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 143–177.

Citation: Tarasov A. E. (2025) The Alphabetical Syntagma articles in Rus' in the initial period (first half of the 15th century). *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 143–177.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.05

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата, также читающийся в конвое к Алфавитной Синтагме. Каноническим сборником, содержащим тексты, восходящие к Синтагме, являлся архетип «Тверских правил» и рукописи *КБ XII*. Автор приводит аргументы в пользу того, что расположение материалов из Алфавитной Синтагмы в рукописи *КБ XII* должно быть ближе к архетипу, нежели в «Тверских правилах». Также сделано предположение, что статьи из конвоя Алфавитной Синтагмы попали в Кормчую Даниловской подгруппы Сербской в результате контаминации «Тверских правил» и их архетипа.

Ключевые слова

Алфавитная Синтагма, «Тверские правила», сборник «Зонар», митрополит Фотий, митрополит Даниил, Кормчая книга, славянские переводы, Константинопольский патриархат

Abstract

The article analyzes early evidence of the presence of the articles from the Alphabetical Syntagma in Rus'. It is shown that in the first half of the fifteenth century in Rus' two types of them occur. There are translations of article excerpts made from the Greek Syntagma in the chancery of the Metropolitan of All Rus' Photius. Along with them, one can find individual articles in Slavic translation of the 14th century that came to Rus' as part of a certain canonical collection (mostly abbreviated articles from the literary environment (convoy) after the main text of the Syntagma). The list of metropolitanates and archbishoprics of the Patriarchate of Constantinople, also found in the convoy to the Alphabetical Syntagma, can be attributed to the translations made in the metropolitan chancery. The canonical collection containing texts dating back to the Syntagma was the archetype of the *Tver Rules* and the manuscript *KB XII*. The author argues that the arrangement of materials from the Alphabetical Syntagma in the manuscript *KB XII* is closer to the archetype than the one in the *Tver Rules*. It is also suggested that articles from the convoy of the Alphabetical Syntagma ended up in the Kormchaya of the Danilov subgroup of the Serbian redaction as a result of contamination of the *Tver Rules* and their archetype.

Keywords

Alphabetical Syntagma, *Tver Rules*, *Zonar collection*, Metropolitan Photius, Metropolitan Daniil, *Kormchaya*, Slavic translations, Patriarchate of Constantinople

Алфавитная Синтагма и сопровождающие ее тексты

Алфавитная Синтагма — знаменитый канонический сборник с добавлениями статей гражданского законодательства, в котором каноны сгруппированы тематически, а тематические рубрики расположены в алфавитном порядке¹. Он был составлен в 1335 г. греческим богосло-

¹ В ряде исследований Алфавитная Синтагма называется «словарем» или «энциклопедией» канонического права. Однако более точным следует считать другое определение: «Сборник Властара напоминает энциклопедию или словарь лишь внешне, своей алфавитной структурой, предназначение же его

вом-паламитом и гимнографом, иеромонахом монастыря Богородицы Перивлепты² в Фессалонике Матфеем Властарем [Медведев 2001: 249–250; Troianos 2017: 329–332]³. Возможно, появление Синтагмы было связано с правовой реформой византийского императора Андроника III Палеолога 1329 г., а ее заказчиком выступил митрополит Апра Иосиф [Alexandrov 2012: 42].

Ряд специалистов выделяет две греческих редакции Алфавитной Синтагмы — первоначальную «Константинопольскую» и вскоре созданную на ее основе «Охридскую» [Троицки 1956: 27]. В славянской историографии эти названия редакций, предложенные С. В. Троицким, стали общеупотребимыми, в то же время В. В. Александров указывает на их условность, поскольку редакции, как отмечает исследователь, не связаны происхождением ни с Константинополем, ни с Охридом [Alexandrov 2012: 69–70]. Не позднее 1349 г., возможно, в 1347 или 1348 г. [Матиа Властар Синтагма 2016: 6], на основе «Охридской» редакции был сделан славянский перевод Алфавитной Синтагмы. Некоторые исследователи считают, что этот перевод делался непосредственно на территории Сербского царства Стефана Душана [Цибранска-Костова 2019: 15], другие высказывали мнение о переводе, выполненном для Сербии в Византии [Panev 2003], или более конкретно — на Афоне, крупнейшем центре православной книжности XIV в. [Alexandrov 2012: 77, 181]. На базе сербского перевода Алфавитной Синтагмы, который в научной литературе принято называть полной редакцией, почти одновременно в Сербии создается славянская сокращенная редакция Синтагмы⁴.

Из Сербии в том же XIV в. полная редакция Алфавитной Синтагмы попала в Болгарию⁵. Затем полная редакция славянской Синтагмы проникает в Молдавию и Валахию, где получила распространение ее

совсем иное: Синтагма Властаря — это не кабинетный справочник церковно-правовых терминов и понятий, а предназначенный для нужд практики свод нормативного материала, в котором правоприменитель мог быстро отыскать нормы, регулирующие тот или иной институт церковного права» [Бондач 2015: 349–350]. Это определение подходит для характеристики греческого текста Алфавитной Синтагмы, в переводе на любой другой язык заложенный в ее структуру алфавитный принцип подачи материала терялся без соответствующей для данного языка перестановки расположения статей.

² Перивлепта — широко распространенное в Византии изображение Одигитрии, вариантом которого является русская икона Богоматерь Тихвинская [Антонова 1960: 104].

³ О паламизме Матфея Властаря см. также: [Макаров 2017].

⁴ Перечень основных списков полной и сокращенной редакций Алфавитной Синтагмы см.: [Суботин-Голубовић 2013: XVI–XVII].

⁵ Ее старшим болгарским списком в настоящее время считается рукопись *Синод. 2037*, относящаяся к последней четверти XIV в. [Турилов 2012: 578 (примеч. 81); Белякова, Турилов 2015].

версия среднеболгарского («тырновского») языкового извода [Паскаль 2021: 40; Малакаев 2021: 93]. Эта версия отражает болгарские языковые особенности в орфографии списков, но не является новым славянским переводом Алфавитной Синтагмы.

Самый ранний восточнославянский список полной редакции Синтагмы, видимо, восходящий к протографу болгарского извода, датируется второй половиной XVI в. [Alexandrov 2012: 148, 209], и наличие на Руси ее полного славянского перевода до этого времени сомнительно [Корогодина 2012: 9]. Между тем уже в первой половине XV в. на Руси встречаются как некоторые из статей, которые составляли конвой после основного текста еще греческой Алфавитной Синтагмы, были переведены вместе с ней и отразились в полной славянской редакции⁶, так и одна из глав (частично) основного текста.

Состав литературного окружения после основного текста Алфавитной Синтагмы неоднократно приводился в литературе. Т. Д. Флоринский выделял восемь статей: 1) «Иже великие цркви оффикии»⁷; 2) «От правил святого Иоанна Постника»⁸; 3) «Никиты блаженнаго митрополита Ираклийскаго отвѣти к нѣкому Константину епископу, о них же выпрошень бысть»⁹; 4) «Иже въ святыихъ Никифора Константина града исповѣдника. Правила о церковныхъ его съчиненихъ и иже съ ними святыихъ отецъ»¹⁰; 5) «От отвѣтъ Иоанна священнѣйшаго епископа Китрошскаго к священнейшему епископу Драскому Кавасилѣ»¹¹; 6) «О

⁶ «Обычные приложения», по определению В. Н. Бенешевича [1901: 165]. В сокращенной редакции Алфавитной Синтагмы дополнительных статей нет.

⁷ Перечень должностей Константинопольского патриархата (нач.: «1. Голѣмый икономъ; 2. Голѣмы сакеларь...»). О должностях см.: [Третьяков 1868a; Idem 1868b; Ιάκωβος 1985: 53–127].

⁸ Статья объединяет 34 канона, приписываемых патриарху Константинопольскому Иоанну Постнику (582–595). Относится к четвертой редакции Номоканона Иоанна Постника по классификации М. И. Горчакова [1874: 20] или к редакции Номоканона (Канонария) Иоанна Постника, представляющей дополнение к Синтагме Матфея Властаря, по классификации М. Цибрански-Костовой [2011: 203].

⁹ Разъяснения, приписываемые митр. Ираклийскому Никите Серрецу (умер после 1117 г.), относительно вопросов брака. Представляет «сокращенный пересказ» Ответов [Павлов 1895: 160–165].

¹⁰ Канонические правила, приписываемые патриарху Константинопольскому Никифору I (на кафедре в 806–814 гг., умер в 828 г.). Представляют собой первый славянский перевод Правил, который был выполнен при переводе с греческого Алфавитной Синтагмы [Корогодина 2017b: 427].

¹¹ 2-я редакция приписываемых еп. Иоанну Китриоту (первая половина XIII в.) канонических Ответов, обращенных к митр. Диррахия Константину Кавасиле [Иоанн Китриот 2010: 344]. Возможно, представляет собой особую редакцию канонических ответов архиеп. Охридского Димитрия Хоматиана с дополнениями на вопросы патр. Александрийского Марка и др. [Корогодина 2017b: 417]. В принадлежности ответов Димитрию Хоматину сомневается Е. В. Белякова [Белякова et al. 2017: 242].

црковныхъ сановѣхъ»¹²; 7) «Како имуть чина прѣстоли црковь от подлежащихъ патриарху Константина града митрополие»¹³; 8) «Латиньске рѣчи»¹⁴ [Флоринский 1888: 309–311].

С. В. Троицкий, посвятивший специальное исследование дополнительным статьям после основного текста Алфавитной Синтагмы, считал, что статьи со второй по шестую были включены в конвой самим Властарем, причем шестая статья «О црковныхъ сановѣхъ» на самом деле является последним Ответом Иоанна Китрошского¹⁵ и ее не стоит рассматривать как самостоятельную. Статья «Иже великие цркве оффикии», по мнению исследователя, была добавлена в литературное окружение неизвестным составителем «Охридской» редакции. А статьи «Како имуть чина прѣстоли...» и «Латиньске рѣчи», отсутствовавшие в антиграфе, включены в греческий вариант Алфавитной Синтагмы до 1342 г. (исследователь не уточняет, в какую из греческих редакций). Таким образом, по классификации С. В. Троицкого, в составе сопровождающих текстов Синтагмы выделяется семь статей [Троицки 1956: 28–51].

Современный исследователь С. Троянос отмечает, что непонятно, какие из дополнительных статей могли быть добавлены самим Властарем, а какие были включены в окружение впоследствии [Troianos 2012: 186]. Во всяком случае, в составе древнейшего точного датированного греческого списка Алфавитной Синтагмы *Син. Греч. 149*, созданного в 1342 г., еще при жизни Властаря, читаются все статьи конвоя, кроме шестой по порядку дополнительной статьи «О црковныхъ сановѣхъ», а на ее месте помещена статья «Τὰ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ὁφίγια» («Иже великие цркве оффикии»)¹⁶, обычно идущая в конвое на первом месте (*Син. Греч. 149*, л. 211об.–212; см. также: [Флоринский 1888: 306; Владимир 1894: 477]). По мнению В. В. Александрова, который ссылается в подтверждение своих слов на греческого исследователя П. Пасхоса,

¹² Другая редакция перечня должностей Константинопольского патриархата (нач.: «От церковныхъ властей яко же ветхое имать прѣдание...»).

¹³ Иерархический перечень митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата (т. н. *notitiae episcopatum*).

¹⁴ Словарь латинских терминов, использовавшихся в византийской юридической практике.

¹⁵ И. И. Третьяков указывал несколько редакций перечней должностей Константинопольского патриархата, среди которых отмечал как «список иеромонаха Матфея, жившего после старшего Андроника, в стихах», так и «список Иоанна, епископа Цитрского [sic!], взят из ответов Иоанна на вопросы Константина Кавасилы». Между этими редакциями, по наблюдениям исследователя, была существенная разница [Третьяков 1868б: 49–50 (примеч. 2)].

¹⁶ С. В. Троицкий первоначально считал, что статьи «Τὰ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ὁφίγια» в списке *Син. Греч. 149* нет, при этом относя его к коллекции не ГИМ, а ГБЛ, но исправил ошибку еще до публикации своего исследования [ср.: Троицки 1956: 29 и 62]. В пятой статье конвоя *Син. Греч. 149*, содержащей Ответы Иоанна Китрошского, читается 34 ответа.

вполне вероятно, что вторая, третья, четвертая и пятая статьи¹⁷ в литературном окружении после Синтагмы, представляющие редакцию Матфея Властаря, были добавлены уже Властарем [Alexandrov 2012: 38]¹⁸.

Выписки из Алфавитной Синтагмы в составе сборника из Кирилло-Белозерского монастыря и «Тверских правил»

Самой ранней *русской* рукописью, в которой встречаются статьи Алфавитной Синтагмы в славянском переводе XIV в., является сборник энциклопедического и канонического характера из Кирилло-Белозерского монастыря *КБ XII*. Внимание исследователей в контексте изучения Алфавитной Синтагмы было обращено на этот сборник еще в XIX в. [Ильинский 1892: 170]. В 2003 году он был полностью издан в коллективной монографии под редакцией Г. М. Прохорова [Энциклопедия]. Готовившая к печати первые 98 листов *КБ XII* Е. В. Крушельницкая определила, что тексты из Алфавитной Синтагмы составляют отдельный блок статей рукописи (л. 58об.–93об.). Среди них вторая, третья, четвертая и пятая дополнительные статьи, причем статья «От правил святого Иоанна Постника» читается в сборнике полностью, «в то время как тексты канонических Ответов Никиты Ираклийского, Иоанна Китрского и правил патриарха Никифора представлены в той или иной степени сокращенном виде» [Энциклопедия: 241]. Более того, Е. В. Крушельницкая обратила внимание, что в тот же блок включены не только приложения к Алфавитной Синтагме, но и «начальная часть» статьи «О степенехъ брака» (л. 85–93об.), представляющая восьмую главу отдела («состава») β основного текста Синтагмы [Ibid.: 276]¹⁹.

Последнее наблюдение, кажется, не было замечено в историографии, хотя наличие главы из основной части сочинения Матфея Властаря является важным для понимания присутствия памятника на Руси в древнейший период. Сравнение статьи «О степенехъ брака» в *КБ XII* и Алфавитной Синтагме показывает, что в сборник Кирилло-Белозерского монастыря вошло не просто начало, а около половины ее текста до раздела «Яко не подобаетъ томужде двѣ братучядѣ пояти» (нач.:

¹⁷ Здесь и далее использую счет статей, предложенный Т. Д. Флоринским, поскольку с точки зрения структуры конвойная статья «О црковныхъ сновѣхъ» занимает самостоятельную позицию. Видимо, как самостоятельную воспринимали ее и позднейшие переписчики статей, входящих в конвой к Синтагме. Так, в рукописи *Син. 307*, содержащий полный текст «От отвѣтъ Иоанна священнѣйшаго епископа Китрошскаго», эта статья отсутствует.

¹⁸ Здесь же В. В. Александров замечает, что авторство Матфея Властаря в отношении статей «Иже великие цркъве оффикии» и «Латинские рѣчи» неясно.

¹⁹ Автор пишет о расположении статьи в восьмой главе в греческом тексте или во второй главе в русском тексте.

«Възбрани цръквъ и томужде единому...») включительно²⁰. Статья «О степенехъ брака» читается в *КБ XII* сразу после статей, составляющих приложения к Алфавитной Синтагме.

В новейшей историографии общепринятой стала датировка *КБ XII*, предложенная М. А. Шибаевым²¹. Исследователь считает, что все части рукописи создавались примерно в одно время, скорее всего, в середине 1420-х гг., и непосредственно в Кирилло-Белозерском монастыре [Шибаев 2013: 74–79]. Позицию М. А. Шибаева поддержала М. В. Корогодина, которая сделала важное заключение относительно состава *КБ XII*: первые 170 листов этой рукописи имеют тот же состав (с дополнениями, лакунами и перестановками статей), что и канонический сборник, известный на Руси с конца XV в., который впоследствии иногда назывался в рукописной традиции «Тверские правила» (далее — ТП). В свою очередь, ТП — сборник не русский по происхождению и могли быть вывезены с Афона преп. Саввой Вишерским до 1411 г. включительно [Корогодина 2014: 264–265; Eadem 2017a: 356–357]²². А. А. Казаков, приняв отождествление части материалов *КБ XII* с ТП, посчитал, что появление ТП на Руси связано не с Саввой Вишерским, а его младшими современниками, старцами из Твери, один из которых был тезкой Саввы [Казаков 2022: 89–90; ср.: Носов 2021: 105–106]²³. Д. Г. Полонский, также

²⁰ Продолжение текста, начинающегося со следующего в Алфавитной Синтагме раздела этой статьи «О иже от родства» (нач.: «А яже от триродства брачнаа искания...»), в *КБ XII* отсутствует [Энциклопедия: 78]. Как будет показано далее, отсутствует оно и в «Тверских правилах».

²¹ По мнению издателей *КБ XII*, тетради сборника, содержащие тексты из Синтагмы, были написаны еще в Москве, до прихода преп. Кирилла на Белоозеро в 1397 г. [Энциклопедия: 13–19]. Это предположение в настоящее время считается устаревшим. Отмечу также мнение А. В. Бусыгина, который считает, что «происхождение *КБ XII* нуждается во всестороннем дополнительном исследовании и что до появления новых фактов нельзя исключать ее написания в Лисицком монастыре» под Новгородом [Бусыгин 2021: 422].

²² Следует подчеркнуть, что название «Тверские правила» применительно к определенному каноническому сборнику в рукописной традиции встречается редко. М. В. Корогодина предложила распространить данное название на этот сборник, поскольку на одном из этапов своего существования он был связан с Тверью.

²³ Исследователь обратил внимание на помещенную в *КБ XII* пасхалию, которая начинается с 1424 г. и содержит характерную приписку в конце («Конец седми тысячамъ. Троице святаа, слава Тебе. Докса си о Теос, слава ти Боже святей, слава ти Боже, аминъ»), идентичные пасхалии с припиской в рукописи церковного Устава, о которой известно, что ее доставили в Тверь «Савина монастыря начальники Сава и Варсонуфей с собою из грекъ». В более раннем тексте кандидатской диссертации А. А. Казаков предполагал, что тверские старцы вернулись с Афона, принеся с собой *КБ XII*, непосредственно в 1424 г. [Казаков 2019: 101]. Отмечу, что возможное смещение времени проникновения на Русь ТП не противоречит кодикологическим наблюдениям М. А. Шибаева относительно *КБ XII*. В то же время необходимо подчеркнуть, что пасхалия с припиской читается в *КБ XII* на л. 340об.–361об., т. е. не в ТП (пасхалия вообще не входит в их состав), а в другой части сборника, ближе к его концу. Более того, А. А. Казаков в частной переписке

согласившись с наблюдениями М. В. Корогодиной, обратил внимание на условность названия сборника «Тверские правила» и предположил, что его заключительные статьи относились не к устойчивой, а к вариативной части, пополнив содержание кодексов уже на Руси [Полонский 2023: 14–15]. Наконец, особое мнение принадлежит Е. В. Беляковой. Исследовательница считает, что точнее было бы определить этот канонический сборник как устойчивое собрание правил с Номоканоном Иоанна Постника, в котором «“тверские правила” являются припиской к данному собранию». В свою очередь, протограф *КБ XII* мог быть принесен на Белоозеро из Симонова монастыря, а включенные в его состав канонические тексты в южнославянских переводах могли быть доставлены на Русь Федором Симоновским [Белякова 2022: 76–77, 79].

Итак, состав *КБ XII* свидетельствует, что в Северо-Восточной Руси через несколько десятилетий после славянского перевода Синтагмы (не позднее 1420-х гг.) были известны как минимум половина восьмой статьи «О степенехъ брака» отдела β ее основной части, а также четыре из восьми статей, составляющих литературное окружение к основному тексту. В свою очередь, только одна из четырех статей конвоя была представлена полностью, три других переписаны с исключением или сокращением ряда правил²⁴. И в *КБ XII*, и в ТП содержится именно тот славянский перевод Алфавитной Синтагмы, который был сделан в XIV в.²⁵, однако с некоторыми текстуальными расхождениями по сравнению с Синтагмой, о которых будет сказано ниже.

Связь между *КБ XII* и ТП не вызывает сомнений. В сборнике из Кирилло-Белозерского монастыря тексты, общие с ТП, читаются блоками относительно ТП, причем внутри блоков статьи расположены последовательно, без перестановок. Дам характеристику этих блоков *КБ XII*. Сравнение *КБ XII* проводилось со следующими одиннадцатью списками ТП, введенными в оборот к настоящему времени: *Академическим*, *Барс.* 169, *Волок.* 506, *Егор.* 253, *МДА* 191, *ОИДР* 109, *ОСРК* 223, *Погод.* 246, *Пряниш.* 138, *ТСЛ* 209, *Унд.* 35²⁶. Также привлекались *Никифор.* 500 и *ОСРК* 80, которые содержат обширные выписки из ТП.

КБ XII и ТП начинаются одинаково и совпадают до раздела «О кръвомѣствѣ». Это первый блок. Внутри блока последовательно читаются:

со мной отметил, что приписка «Конецъ седми тысящамъ. Троице свята...» является универсальной для пасхалий [ср.: Романова 2002: 110].

²⁴ Об исключениях и сокращениях правил см.: [Энциклопедия: 271, 273, 275].

²⁵ Сравнение проводилось по следующим спискам Алфавитной Синтагмы: *Воскр. бум.* 27 (сербский, 1370–1390 гг.) и *Егор.* 742 (среднеболгарского языкового извода, создан в монастыре Путна в 1474 г.).

²⁶ Те же одиннадцать списков указывает и Е. В. Белякова [2022: 76–77].

значительная часть Номоканона Иоанна Постника²⁷, единый комплекс выборочных и уникально скомпонованных заимствований из сборника «Зонар»²⁸ и первая половина статьи «От правил святого Иоанна Постника» из конвоя Алфавитной Синтагмы до раздела «О крѣвомѣствѣ»²⁹. Но если в *КБ XII* статья «От правил...» дописана до конца и не содержит разрывов, то в ТП внутри раздела «О крѣвомѣствѣ» этой статьи вклинивается большая вставка, содержащая комплекс разнообразных канонических материалов, о чем подробно будет сказано ниже.

Второй блок в *КБ XII* содержит заключительную часть статьи «От правил...» и сразу после нее остальные статьи, восходящие к Алфавитной Синтагме: Ответы Никиты Ираклийского, Правила Никифора Исповедника, Ответы Иоанна Китрошского, первую половину статьи «О степенехъ брака» из основного состава памятника до раздела «Яко не подобаеъ томужде двѣ братучядѣ пояти». Полнота статей из Алфавитной Синтагмы и последовательность расположения в памятниках представлены в таблице:

<i>КБ XII</i>	«Тверские правила»
От правил святого Иоанна Постника (полн.)	От правил святого Иоанна Постника (полн., до «О крѣвомѣствѣ») Другие статьи От правил святого Иоанна Постника (полн., от «О крѣвомѣствѣ»)
Никиты блаженнаго митрополита Ираклийскаго... (сокр.)	Никиты блаженнаго митрополита Ираклийскаго... (сокр.)
Иже въ святыхъ Никифора Константинова града... (сокр.)	Иже въ святыхъ Никифора Константинова града... (сокр.)
От отвѣтъ Иоана [...] Китрошскаго... (сокр.)	От отвѣтъ Иоана [...] Китрошскаго... (сокр.)
О степенехъ брака (до «Яко не подобаеъ томужде двѣ братучядѣ пояти» включ.)	О степенехъ брака (до «Яко не подобаеъ томужде двѣ братучядѣ пояти» включ.)

²⁷ В составе *КБ XII* на л. 1–45об.; о греческом и славянском аналоге этой редакции Номоканона см.: [Энциклопедия: 240].

²⁸ В составе *КБ XII* на л. 45об.–58об. Это наиболее ранний восточнославянский список «Зонара», о специфике его статей, а следовательно, и специфике статей ТП, см.: [Энциклопедия: 240–241; Žejuch et al. 2018: 204–205 (наблюдения Е. В. Беляковой)]. Данный сборник не имеет устоявшегося наименования в литературе, он может называться также «Зинар», «Псевдозонар» и т. д.

²⁹ В составе *КБ XII* читается, начиная с л. 58об.; т. е. это Номоканон Постника четвертой редакции, по классификации М. И. Горчакова, или редакция Номоканона (Канонария) Иоанна Постника, представляющая дополнение к Синтагме Матфея Властаря, по классификации М. Цибрански-Костовой.

Тексты третьего блока в *КБ XII* возвращают к заключительной части Номоканона Иоанна Постника и начальной части собственно ТП. Здесь читаются статьи, начиная с «Правил збора Анѣтиохийскаго» (нач.: «Всякый, иже съ еврѣомъ тайны творя...») и до статьи «Петра архиепископа Александрийскаго к Бенетъскому архиепископу» (нач.: «43. Нигдѣ же нѣстъ написано прѣвопрѣстолнику...»). «Сказание о вѣрѣ срачинстѣй», составляющее литературное окружение к Номоканону в составе ТП, в *КБ XII* отсутствует. В то же время в *КБ XII* в третьем блоке читаются статьи, которые в Номоканон в составе ТП обычно не входили³⁰.

Затем в *КБ XII* следует статья «О франзѣхъ и о прочих латынѣхъ. 51», отсутствующая в ТП, после которой начинается четвертый блок статей: выписки из «Книги о ересяхъ» Иоанна Дамаскина под заглавием «Святого Епифанія архиепископа Кипрѣскаго града Костянтина о ересехъ» (нач.: «Въсѣмъ ересемъ матери суть...»). Последней в выписках читается отсутствующая в ТП статья «О масалианѣхъ, иже суть нынѣ глаголеми богумили, бабуни» (нач.: «Масалиане, манихейская ересь недугующе...»).

Пятый блок начинается со статьи «Въпрос Никиты Ираклийскаго митрополита, Костянтина Памфилиискаго» (нач.: «Святый мой владыко, подобает ли не скимнику...»)³¹ и заканчивается статьей «Събора иже въ Ангирѣ канон 21» (нач.: «О женахъ, блудящих и губящих раждающа...»).

Связь между *КБ XII* и ТП проявляется в том числе и в особенностях передачи статей из Алфавитной Синтагмы. Во-первых, их состав в сборниках полностью совпадает: для обоих памятников характерны одинаковые специфические сокращения статей конвоя (см. *примеч.* 24) и то же усеченное чтение текста статьи «О степенехъ брака» из основной части³². Во-вторых, присутствуют текстуальные совпадения, которые отличают чтения *КБ XII* и ТП от чтений Алфавитной Синтагмы. Существенные различия на примере статьи «От правил святого Иоанна Постника» сведены в таблицу:

³⁰ Это статьи: «О дванадесятих днехъ» (нач.: «И пакы в том же великий Иоан Постникъ...»), «Святаго Василия еже о Святом Дусѣ» (нач.: «Сего ради въси убо зримъ...»), «От послания святаго Василия к сущим под нимъ епископомъ не поставлѣти на мѣздѣ. Правило 89» (нач.: «Поставлѣущи на мѣзде умудрѣти дѣло...»), «24. Тогожде наказание к презвитеру о божественѣ службѣ и о причащении и о нерадящих о запрѣщенных» (нач.: «Потѣхшися, о презвитере, прѣдставити себе...»).

³¹ Содержит два вопроса-ответа, иная редакция Ответов Никиты Ираклийского, нежели представлена в конвое к Алфавитной Синтагме.

³² Речь о полных списках ТП. Например, в *Никифор. 500* после 23 Правил Никифора Исповедника читается только самое начало первого раздела Ответов Иоанна Китрошского «О антимины», после которого вместо отсутствующей в списке статьи «О степенехъ брака» помещено «Правило новопосвященному попу» (л. 73).

КБ XII и «Тверские правила»	Алфавитная Синтагма
...6 и осмое шестаго събора / 6 и 8-е 6 збора иже иному... [Энциклопедия: 64]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 43. ...по Великому Василиу, 15 лѣтъ причящения удалѣтиса... [Энциклопедия: 64]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 43. ...прикладнѣ запрѣщение приемъ, в священничѣство да приидетъ [Энциклопедия: 65]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 102об. Мужеубици ветхыи убо законъ... [Энциклопедия: 65]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 102об. ...и метание творити на въсѣкъ днь по 40 [Энциклопедия: 66]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 104. Гроборытель лѣта 10 причащения отлучають... [Энциклопедия: 66]; <i>ТСЛ 209</i> , л. 104об.	...деведесете и осмое же шестааго събора иже иному... [Троицки 1956: 68]. ...по Великому Василиу, на петнадесете лѣт приобщения удръживается... [Троицки 1956: 69] ...прикладнѣ запрѣщение приемъ, въ священство приити не възбранитсе [Троицки 1956: 70]. Сия же страсть, на яросной висит чести. Мужеубици ветхыи убо законъ... [Троицки 1956: 70] ...и метание творити четьырдесят на всакъ днь [Троицки 1956: 71]. Гроборытеля, на лѣта десеть без приобщения быти сподобляеть... [Троицки 1956: 72].

КБ XII содержит большую часть статей ТП, однако не все из них. Показательно, что среди статей КБ XII отсутствуют не только читающиеся в ряде списков ТП краткие описания искушений духовенства в XVI в., в т. ч. при митрополите всея Руси Варлааме (1511–1521) и епископе Тверском Акакии (1522–1567), которых, разумеется, не могло быть в памятнике 1420-х гг., но и какие-либо иные статьи русского происхождения. Это блок традиционных для заключительной части ТП домонгольских памятников: 34 «Канонических ответа» митрополита Киевского Иоанна II Иакову черноризцу³³ и выписки из «Вопрошания» Кирика Новгородца, видимо, Основной редакции³⁴. Более чем вероятно, что они отсутствовали в привезенном на Русь архетипе ТП³⁵ и это нашло отражение в КБ XII. Иные отсутствующие в КБ XII статьи в двух случаях также читаются блоками в составе ТП. Первый блок — от «О пострижении в чернцы» до «Грани пръваянадесять, глава 1». Второй блок — от «Правило

³³ Об этом памятнике см.: [Щапов 1978: 173, 176–179].

³⁴ Публикацию разных редакций «Вопрошания» Кирика см.: [Мильков, Симонов 2011: 358–412, 474–534].

³⁵ На это уже обратил внимание Д. Г. Полонский, который полагал вероятным, что в общем источнике КБ XII и ТП не было, помимо русских, еще одной статьи, читающейся в заключительной части ТП, — переводного трактата «Слово Иоанна митрополита Никейского обличительное на армены» [Полонский 2023: 15]. О дополнении на Руси общего источника КБ XII и ТП статьей «Заповедь иже во святых отца нашего Иоанна Златаустаго о законе церковнемъ» (нач.: «Егда не вѣмъ, кымъ судомъ Божиимъ...») писала Е. В. Белякова [2022: 74, 79].

Лаодикийского собора» до раздела «Се же о женах» статьи «Правила святых апостолъ и седми святых зборъ». В *КБ XII* также нет обычно читающихся в ТП статей «Сказание о вере сарацинской»³⁶ и «Павликьянская ересь исписана» (ср. с единственной рукописью ТП, имеющей подробное постатейное описание: [Корогодина 2020: 448–456]).

Любопытную деталь, которая проливает свет на архетип сборника, содержит один из наиболее ранних списков ТП — *Волок. 506*. Здесь после заключительных слов последней статьи Номоканона Иоанна Постника «О церкви и о святѣмъ причащении» следует уже упоминавшееся «Сказание о вере сарацинской» (нач.: «Есть же и донынѣ держащи и прелщающе людие служба измаильтска...»)³⁷. Но перед текстом этой статьи вписан киноварный заголовок «От послания святаго Василиа къ сущим под нимъ епископомъ не поставлѣти на мзѣдѣ. Правило 89», который зачеркнут. После него поставлен знак вставки, и на нижнем поле киноварью вписан правильный заголовок, отражающий содержание статьи: «Сказание о вѣрѣ сарацинѣстѣй» (*Волок. 506*, л. 60). Зачеркнутый заголовок относится к тексту³⁸, который не входил в ТП, но читается в *КБ XII* именно после последней статьи Номоканона «О цркви и о святомъ причащении» [Энциклопедия: 87]. Это заставляет думать, что статья «От послания святаго Василиа...» входила на этом же месте в архетип ТП, а редактор *Волок. 506*, вероятно, имел на руках две рукописи, одна из которых представляла архетип, с которым он сличал тексты.

Возможно, с архетипом также связаны и различия в передаче статьи «От правил святого Иоанна Постника» в *КБ XII* и ТП. Как уже отмечалось, текст этой статьи в ТП оказался разорван и разнесен в разные части сборника. Разрыв наблюдается в разделе «О крѣвомѣствѣ», здесь читается его начало: «Иже въ крѣвомѣство вѣпадшихъ, иже убо въ свою сестру безъобразие съдѣавъ по Великому Василию 15 лет причащения удалятися...». Но вместо следующей фразы «...мы же по лѣтѣхъ трехъ общати того святымъ тайнамъ глаголемъ» [Энциклопедия: 64; Троицки 1956: 69] следует продолжение, никак не связанное с текстом раздела «О крѣвомѣствѣ»: «...да извержется. Епископъ или митрополить или

³⁶ В ТП в составе *ОСРК 223* этой статьи нет, поэтому данный список следует отнести к отклонениям от основной модели ТП.

³⁷ М. В. Корогодина отмечала, что статья «Сказание о вере сарацинской» является конвоем Номоканона Иоанна Постника, свойственным для *Академического* списка «Тверских правил» [Корогодина 2020: 455]. По моим наблюдениям, эта статья составляет конвой Номоканона в большинстве списков ТП, за исключением *ОСРК 223*. Читается она после заключительной статьи Номоканона Иоанна Постника «О церкви и о святѣмъ причащении» и в рукописи, содержащей обширные выписки из ТП, см.: Никифор. 500, л. 122.

³⁸ Это правило в той же редакции читается в Сербской редакции Кормчей книги [Энциклопедия: 286].

патриархъ, иже о своеи паствѣ не радить» (*Пряниш. 138*, л. 69; *ТСЛ 209*, л. 43; *Унд. 35*, л. 62об.; *Волок. 506.*, л. 41; *Егор. 253*, л. 747; *ОИДР 109*, л. 77; *МДА 191*, л. 96об.; *Барс. 169*, л. 36; *Погод. 246*, л. 52об.; *ОСРК 223* (тетрадь 31, л. 2об. = 244об.)³⁹). В этой фразе последовательно объединяются два правила (второе и третье), которые входят в блок правил из сборника «Зонар», посвященный архиереям. В ранних славянских списках, включая наиболее ранний датированный полный восточнославянский список «Зонара» (*Сол. 858/968*, л. 448), данный блок правил не имел номера⁴⁰. В печатных изданиях «Зонара», а также созданных под их влиянием рукописных списках, блок включен в главу 124 и имеет подзаголовок «А се о митрополитѣхъ и епископѣхъ» *ОИК*, л. 39об. [Корогодина 2020: 250; ср: Белякова 2007: 118].

Третье правило из 124 главы «Зонара» (нач.: «Епископъ или митрополитъ или патриархъ, иже о своеи...») переписано в ТП полностью. После него следует заключительная часть Номоканона Иоанна Постника (начиная с раздела «О пострижении в черньци»), примыкающее к нему «Сказание о вѣрѣ сарациньстѣй» и первая половина непосредственно ТП. Завершение раздела «О крѣвомѣствѣ» и, соответственно, всей заключительной части статьи «От правил святого Иоанна Постника» находится во второй половине ТП. Здесь в конце раздела с заголовком «Се же о женах» читается правило «Епископу да не входитъ жена нощию...» (первое правило 124-й главы сборника «Зонар»), обрывающееся на полуслове («аще ли се начнетъ епископъ творити...»)⁴¹. Далее должны читаться последние два слова этого правила «...да извержется», но вместо них текст продолжается окончанием статьи «О крѣвомѣствѣ», причем именно с того места, на котором произошел разрыв (*Пряниш. 138*,

³⁹ Фолиация *ОСРК 223* выборочная, двойная, в верхнем правом углу — чернильная, в нижнем правом углу — карандашная. Содержит 78 тетрадей по восемь листов, но в последней тетради сохранилось только два первых листа. Филиграния тетрадей 1–46, 76–78: кувшин двуручный с литерами РВ на тулове, очень близко — Дианова, Костюхина № 794 (1646 г.). Филиграния тетрадей 47–74: лилия в щите под короной и контрамаркой ID, тип — а) Дианова, Костюхина, № 920 (1643–1644 гг.), 921 (1646 г.), у филиграней, представленных в альбоме, нет контрамарки, а под щитом — литературное сопровождение; б) Neaewood, № 1663 (1646 г.), у филиграния, представленной в альбоме, нет контрамарки. Тетрадь 75: вержированная бумага без филиграней. Здесь и далее ссылка дается на номер тетради и порядковый лист в ней, что обусловлено отсутствием сплошной охранной фолиации.

⁴⁰ О списке *Сол. 858/968* и истории сборника «Зонар» на Руси и в России см.: [Žejuch et al. 2018: 203–217].

⁴¹ В разделе «Се же о женах» также читаются некоторые иные правила из сборника «Зонар»: «Аще кто породитъ чада и не хранить ихъ и не питает ихъ...»; «Иже аще небрежениемъ своя чада не наказуетъ...»; «Родители же аще чада своя не равно любятъ...»; «Всякому родителю подобаетъ своего жении сына...»; «Аще кто оставитъ своего родителя стара суща и немощна...»; «Повелѣваемъ, аще кто разбойникъ былъ, или тать, или еретикъ...».

л. 162об.; *ТСЛ* 209, л. 102; *Унд.* 35, л. 142об.; *Волок.* 506, л. 105; *Егор.* 253, л. 792об.; *Никифор.* 500, л. 69 («...мы жь повелѣ тѣхъ трехъ приобщати ко святымъ тайнамъ глаголемъ...»); *ОИДР* 109, л. 141об.; *МДА* 191, л. 232–232об.; *Барс.* 169, л. 116; *Погод.* 246, л. 129об.; *ОСРК* 80, л. 616об.; *ОСРК* 223 (тетрадь 42, л. 5об. = л. 334об.)).

Таким образом, в ТП статья «От правил святого Иоанна Постника» была разорвана за счет выборки разнообразных материалов, которая начиналась и заканчивалась блоком правил из «Зонара», посвященных архиереям, впоследствии включенных в его 124-ю главу. Это — порча текста, характерная для всех известных списков ТП, что позволяет сделать вывод о наличии общего протографа ТП, в котором порча уже присутствовала. Возможно, она стала следствием случайной перестановки тетрадей в данном протографе. Приведенные выше особенности структуры сборника из Кирилло-Белозерского монастыря и ТП дают дополнительные основания считать, что читающиеся в первой части *КБ XII* материалы представляют не просто первый известный список привезенной с Афона рукописи, а иной вариант текста, восходящего к единому с ТП архетипу.

Вероятно, структура *КБ XII* в целом ближе к архетипу, нежели ТП. Кажется неслучайным, что в *КБ XII* статья «От правил святого Иоанна Постника» читается именно в том виде, в каком она помещена в конвое Алфавитной Синтагмы, т. е. без свойственного ТП разрыва внутри раздела «О крѣвомѣствѣ» (так в ТП и *КБ XII*, в Синтагме — «О кровомѣсии») [Троицки 1956: 69]. Скорее всего, в архетипе этого разрыва не было — восстановление целостности канонических текстов являлось слишком трудной задачей для русского книжника XV в. [ср.: Корогодина 2017а: 287]. Более того, вряд ли случайно и то, что в *КБ XII* все четыре статьи, восходящие к дополнительным текстам Алфавитной Синтагмы, читаются в той же последовательности, что и в оригинале Синтагмы, хотя и с исключением ряда правил.

Однако если чтение ТП все же первично, необходимо допустить, что редактор *КБ XII* при составлении своей рукописи имел какой-то источник, на который он мог опираться, чтобы исправить чтение архетипа, объединив две части статьи «От правил святого Иоанна Постника» и воссоздав последовательность расположения четырех статей из конвоя Алфавитной Синтагмы. В отсутствие на Руси полного славянского текста Синтагмы это мог быть какой-то канонический сборник.

С. В. Троицкий указывал, что вторая, третья, четвертая и пятая статьи литературного окружения Алфавитной Синтагмы могли целиком или частично включаться в «канонические и литургические сборники православных славянских церквей» [Троицки 1956: 99]. Обращу

внимание на особую каноническую подборку, в которой основное место уделено апостольским правилам с толкованиями Иоанна Зонары⁴², введенную в научный оборот Е. В. Беляковой [Белякова 2009]. Как минимум два списка этой подборки в качестве конвоя к толкованиям содержат те же четыре из восьми дополнительных статей. Как и в Алфавитной Синтагме, это полные тексты, без сокращений, свойственных архетипу *КБ XII* и ТП. Один из списков — молдавская рукопись без начала *АСП 55*, другой — каноническая часть сербского Афонского Требника *Син. 307*⁴³. Позднее исследовательница обратила внимание, что Правила Никиты Ираклийского, Правила Никифора Исповедника, Ответы Иоанна Китрошского входят и в особую каноническую подборку правил с толкованиями Зонары, и в *КБ XII*, и в состав приложений к Алфавитной Синтагме Матфея Властаря, но не указала, что то же самое относится и к статье «От правил святого Иоанна Постника» [Белякова et al. 2017: 76]. Не исключаю, что редактор *КБ XII* в отсутствие на Руси в начале XV в. полного славянского текста Алфавитной Синтагмы мог опираться либо на подобный сборник, либо на иной, в котором эти четыре дополнительных статьи были представлены в той же последовательности и в том же переводе, что и в самой Синтагме⁴⁴.

Такой сборник мог быть принесен на Русь с Афона или Балкан в конце XIV — начале XV в., когда после длительного перерыва снова возобновились русско-афонские контакты и книжники разных регионов Руси вновь начали обращаться к богатой славянской литературной традиции за ее пределами [подробнее см.: Носов 2021]. В новейшей историографии отмечается фактор южнославянского влияния на новоучрежденную обитель преподобного Кирилла Белозерского [Буланин 2019: 7], причем как болгарского, так и сербского [Левшина 2017: 73]. Именно здесь иноком Серапионом, блестяще воспроизводившим тырновскую

⁴² По свидетельству Е. В. Беляковой, данное собрание не имеет ничего общего со сборником «Зонара» [Белякова 2009: 235 (примеч. 5)].

⁴³ Е. В. Белякова датировала обе рукописи второй четвертью XV в. М. В. Корогодина указала, что *Син. 307* датируется концом XIV в., *АСП 55* — концом XV — началом XVI в. [Корогодина 2020: 428]. Рукопись *Син. 307*, происходящая из афонского монастыря Пантократора, была вывезена в Москву в середине XVII в. Арсением Сухановым, по пасхалии она может быть датирована временем около 1423 г. [Афанасьева 2020: 128–129].

⁴⁴ У меня не было возможности познакомиться со львовской рукописью *АСП 55*, делаю выводы на основе изучения рукописи *Син. 307*. Здесь подборки помещены подряд, в обычной для сопровождения Алфавитной Синтагмы последовательности: сначала статья «От правил Иоанна Постника», затем Правила Никиты Ираклийского, затем Правила Никифора Исповедника, затем Ответы Иоанна Китрошского. Их тексты, как и в конвое Синтагмы, полные. Разночтения между текстами четырех подборок в *Син. 307* и Алфавитной Синтагме сводятся к орфографии, замене или пропуску отдельных слов.

орфографию, в 1444 г. был создан второй по старшинству восточнославянский список болгарского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе», выполненного на Афоне старцем Иоанном [Корогодина 2024: 25]. Примером возобновившихся русско-сербских связей выступает «соборник Сербский» из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, *Кир.-Бел.* № 32/1109), относящийся к XIV в., но имеющий русскую разметку, вероятно, рубежа XIV–XV вв. [Турилов 2023: 58]. Этот сборник аскетических сочинений и слов на великие праздники, скорее всего, был создан в Хиландаре, время и обстоятельства его появления на Руси неизвестны, первое упоминание книги — в описи Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. [Скарпа 2008].

Следует особо отметить, что архиереем Ростовской епархии, на землях которой располагался Кирилло-Белозерский монастырь, с 12 июля 1418 г. являлся афонский пострижник Дионисий Грек, который, еще будучи игуменом Спасо-Каменного монастыря (не позднее 19 мая 1389 г.), ввел в нем «устав Святыя горы» и при котором в Спасо-Каменный монастырь была доставлена «от Сербские земли» как минимум одна книга — сборник Слов Григория Богослова [Тарасов, Турилов 2007: 335]. Этот сборник был переписан в Кирилло-Белозерской обители при игумене Трифоне (1435–1448 гг.), выходец из Спасо-Каменного монастыря. Ни сербский оригинал, ни список эпохи игумена Трифона до наших дней не дошли, однако сохраняется копия этого сборника, датированная 1479 г., из подробной выходной записи которой мы и узнаем историю его появления в Спасо-Каменном, а затем Кирилло-Белозерском монастыре [Левшина et al. 2020: 180–186, № 989⁴⁵]. Допустимо полагать, что выдержки из Алфавитной Синтагмы также могли стать известны на Белоозере благодаря общему с Дионисием Греком интеллектуальному кругу. В рукописи *КБ XIII* 1400–1410-х гг., происходящей непосредственно из Кирилло-Белозерской обители (большая часть рукописи могла быть переписана ближайшим учеником преподобного Кирилла, впоследствии игуменом Христофором [Шибяев 2013: 109]) и относимой монастырской традицией к числу «книг чудотворца» Кирилла, читается статья об уставе на Петров пост с прямой отсылкой к сербскому афонскому оригиналу: «Сиа написах съ сущего сербского, глаголя из самыа Горы Святыа» [Буланин 2019: 8⁴⁶].

Как уже было отмечено, вероятность восстановления канонического текста в русских условиях XV в. мала. В то же время славянское афонское влияние на Кирилло-Белозерский монастырь, отмечаемое уже в древнейший период существования обители, позволяет поставить

⁴⁵ В статье [Тарасов, Турилов 2007] указана ошибочная датировка этой рукописи.

⁴⁶ Запись читается на верхнем поле л. 345 (нижней фолиации).

другой, в настоящее время сугубо предварительный вопрос: могли ли статьи из Алфавитной Синтагмы попасть в Кирилло-Белозерский монастырь напрямую с Афона в составе архетипа, а не посредством промежуточного звена — рукописи, которую «вывезь из Святой Горы Сава Савиньского монастыря, что въ Твери»?⁴⁷ Отличие *КБ XII* от всех известных списков ТП, его предполагаемая большая близость к архетипу, кажется, дают основание считать это возможным. Можно также допустить, что характерная для ТП порча в статье «От правил святого Иоанна Постника» возникла не на Руси, но присутствовала уже в том списке, который был доставлен Саввой в Тверской монастырь.

Проблема самого архетипа ТП и *КБ XII* заслуживает дальнейшего исследования. Обращу внимание, что в составе Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции⁴⁸ читается выборка 23 из 36 Правил Никиты Исповедника, изначально входивших в состав дополнительных статей Алфавитной Синтагмы (*Воскр. бум. 28, л. 619–621; Барс. 157, л. 665об.–667об.*). Ровно ту же выборку 23 Правил в том же переводе и в той же последовательности находим в ТП и *КБ XII*⁴⁹. Более того, в составе данного вида Кормчей, сразу за Правилами Никиты Исповедника, читается выборка 14 из 34 Ответов Иоанна Китрошского⁵⁰, причем завершают их три Ответа под общим заголовком «О бубачней хижичи»: «О бубачнѣи хижичи. Аще сосуд вина или масла...», «Священником и людским во снѣ соблазни...», «Срастлѣвыйся православный...» (*Воскр. бум. 28, л. 625об.–626; Барс. 157, л. 667об.–673*)⁵¹. Эти три правила присутствуют в составе

⁴⁷ Так свидетельствует Вассиан Патрикеев об одном из источников его Кормчей, который связывается М. В. Корогодиной с ТП [Корогодина 2017а: 356–358].

⁴⁸ Выражаю признательность А. А. Манохину за консультацию относительно этой подгруппы.

⁴⁹ Отобраны следующие правила: № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 34, 35, 36 [Энциклопедия: 273; ср.: Троицки 1956: 75–78].

⁵⁰ В работах, посвященных составу Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции, верно указывается количество читающихся в памятнике Ответов — 14 [Мошкова 2005: 305; Белякова et al. 2017: 122]. При этом следует отметить, что авторы разных списков Кормчей могли произвольно расставлять или опускать номера Ответов в текстах. Например, в списке *Воскр. бум. 28* пропущен номер Ответа «Иже съ антимисом въ особнѣмъ мѣстѣ...» (№ 13 в Алфавитной Синтагме), но при этом пронумерован текст «Посему васнѣ патриархъ Полиявысѣтъ...», в Алфавитной Синтагме являющийся частью Ответа № 3 «О исповѣдании» [ср.: Троицки 1956: 80, 84]. В списке *Барс. 157* отсутствуют номера Ответов «Иже повнегда причастися священнымъ...» (№ 10 в Алфавитной Синтагме), «О бубачнѣи хижичи. Аще сосуд вина или масла...» (№ 14), «Священником и людским во снѣ соблазни...» (№ 30), «Срастлѣвыйся православный...» (№ 33).

⁵¹ Ср. с мнением М. В. Корогодиной, которая определила статью «О бубачней хижичи» как продолжение в виде дополнительной главы к Ответам Иоанна Китрошского, «к которой приписано два правила о соблазне во сне и о блуде с иноверной женой» [Корогодина 2017а: 397]. В рукописи *Воскр. бум. 28* заголовка «О бубачней хижиче» нет. Показательна характерная описка, произошедшая в

подборки Ответов Иоанна Китрошского в конвое Алфавитной Синтагмы, но вразнобой (под номерами 14, 30, 33) и без заголовка «О бубачней хижици», который в Синтагме не встречается вовсе [Троицки 1956: 84, 88, 89]. В ТП и КБ XII обнаруживаем выборку, в точности соответствующую Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции: три Ответа объединены и размещены под заголовком «О бубачней хижици» ([Энциклопедия: 72]; *Унд.* 35, л. 155об.; *ТСЛ* 209, л. 113; *Волок.* 506, л. 117; *Егор.* 253, л. 800об.; *ОИДР* 109, л. 153об.; *МДА* 191, л. 252об.; *Барс.* 169, л. 30 (заголовок — «О обавницѣ и хижицѣ», фраза «О бубачней хижици» читается на верхнем поле); *Погод.* 246, л. 143об.; *ОСРК* 80, л. 623; *ОСРК* 223: (тетрадь 44, л. 4 = л. 350)). Отмеченные характерные особенности чтений Правил Никиты Исповедника и Ответов Иоанна Китрошского в Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции позволяют уверенно полагать, что источником заимствования были именно ТП. Сложно допустить, что ее составитель случайно выбрал из иного источника те же 23 из 36 Правил Никиты Исповедника, тем более невероятно, чтобы он самостоятельно объединил под заголовком «О бубачней хижици» 14, 30 и 33 Ответы Иоанна Китрошского по счету Алфавитной Синтагмы.

В то же время в ТП и КБ XII отсутствуют три Ответа Иоанна Китрошского, которые в списках Даниловской подгруппы есть: «Посему васнь патриархъ Полиявысѣтъ...» (в Алфавитной Синтагме являющийся частью Ответа № 3 «О исповѣдании»), «Аще прилучится митрополиту священнодѣствовати...» и «О приносимых о усопших»; но присутствует Ответ «От котора возраста подобает исповедатися», которого нет в списках Даниловской подгруппы. Кроме того, есть и отдельные текстологические расхождения, которые сближают Даниловскую подгруппу непосредственно с Алфавитной Синтагмой. Например:

Кормчая Даниловской подгруппы Сербской редакции и Алфавитная Синтагма	КБ XII и «Тверские правила»
...якоже рещи да плѣненнымъ съдѣлаеть избавление (<i>Воскр. бум.</i> 28, л. 623об.; <i>Барс.</i> 157, л. 669об.; [Троицки 1956: 82])	...якоже рещи, да плѣнникомъ съдѣть свобождение ([Энциклопедия: 71]; <i>Барс.</i> 169, л. 128)
...Никто же в церкви мъртвеца не погребает, рече. В молтивенѣх же храмѣхъ, освящения не приемших, лѣтъ есть погрѣбати (<i>Воскр. бум.</i> 28, л. 624; <i>Барс.</i> 157, л. 671; [Троицки 1956: 83]).	...Никтоже въ црькви мрътвеца погрѣбает, рече. ([Энциклопедия: 71; <i>Барс.</i> 169, л. 128)

предыдущей статье «Иже съ антимисом». В последней строке этой статьи вместо «...въ сие бубакнѣ хижици» читается «в сие бумажнѣ хыжицѣ» (*Воскр. бум.* 28, л. 625об.).

Составителем оригинала Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции в 1522 г. являлся игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил, будущий митрополит всея Руси (1522–1539) [Корогодина 2017а: 397]. Даниил — выдающийся книжник русского Средневековья, мастерски справлявшийся с задачами редактуры, в том числе — восстановления полных текстов канонических правил и такой расстановки текстов, при которой «каждая статья каждой подборки являлась продолжением предыдущей, а авторская мысль непрерывно перетекала из одного сюжета в другой» [Манохин 2023: 429]. Напрашивается вывод, что у игумена Даниила были на руках не только ТП, но и их архетип, из которого он взял отсутствующие в ТП и КБ XII правила. Это предположение удачно согласуется с приведенными выше наблюдениями относительно специфики списка *Волок. 506*, происходящего непосредственно из Иосифо-Волоколамского монастыря. Видимо, к началу XVI в. в библиотеке этой обители были рукописи, содержавшие и ТП, и их архетип, что нашло отражение при переписывании *Волок. 506* и создании Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции. Если это действительно было так, то мы наблюдаем контаминацию текстов — один из характерных приемов работы Даниила [Манохин 2023: 78–80, 83]. Показательно, что Даниил обращался к ТП на протяжении многих лет, став митрополитом, а затем и на покое, после сведения с митрополичьей кафедры в 1539 г. В 1530–1540-е гг. им были созданы как минимум три новые редакции трактата «Слово Иоанна митрополита Никейского обличительное на армены», причем каждый раз он использовал ТП, содержащие наиболее раннюю редакцию этого памятника [Полонский 2023: 14–18].

В то же время трудно объяснить наличие прямых текстологических совпадений между Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции и славянским переводом Алфавитной Синтагмы только лишь наличием в монастыре преподобного Иосифа как самих ТП, так и их архетипа, поскольку ТП и сборник КБ XII, восходящий к архетипу, в ряде случаев содержат иные чтения. Е. В. Белякова указывала, что Правила Никиты Исповедника и Ответы Иоанна Китрошского, помимо литературного окружения Алфавитной Синтагмы, входят в состав Собрания Иоанна Зонары [Белякова et al. 2017: 122, 242]. Учитывая невысокую вероятность наличия в Московском государстве в начале XVI в. славянского перевода Алфавитной Синтагмы, остается допустить, что игумен Даниил при составлении Кормчей Даниловской подгруппы Сербской редакции использовал также и Собрание Иоанна Зонары.

Переводы из Алфавитной Синтагмы при митрополите Фотии

В отсутствие свидетельств о бытовании полного текста славянской Алфавитной Синтагмы на Руси в XIV–XV вв. не приходится сомневаться, что ее греческий текст здесь был и использовался митрополитом всея Руси Фотием (1410–1431), греком по происхождению. На цитирование Фотием переводов греческой Синтагмы в его русскоязычных посланиях во Псков указывал еще А. С. Павлов [РИБ: № 34, 42, 43 (примечания)]⁵². По мнению В. В. Александрова, были причины, почему митрополит обращался именно к греческому тексту. Во-первых, Фотий неоднократно приводил такие правила, которые к тому моменту отсутствовали в славянском переводе, но более соответствовали задачам его посланий. Во-вторых, он мог плохо понимать славянский язык и, возможно, вообще изначально составлял свои послания по-гречески, а потом они переводились с греческого в митрополичьей канцелярии⁵³. Также исследователь отметил, что язык перевода Алфавитной Синтагмы в составе псковских посланий Фотия «менее литературный», но «более точный», чем сербский перевод XIV в. В итоге В. В. Александров заключил, что обращение митрополита к греческой, а не славянской Синтагме подтверждает отсутствие славянского перевода творения Матфея Властаря в Москве в то время [Alexandrov 2012: 165–166].

Судьба греческой Алфавитной Синтагмы митрополита Фотия неизвестна⁵⁴. Ее нет в числе его сохранившихся рукописей. Не упоминается она и среди книг Фотия, которые до нашего времени не дошли, но сохранялись еще какое-то время после смерти святителя, как, например, Номоканон, которым пользовался Максим Грек в 1520-е гг. при переводе толкований Федора Вальсамона для Вассиана Патрикеева [Фонкич 1977: 13]. Известно, что Максим Грек ссылался на авторитет Властаря («Матфеосъ иеромонахос») и, по всей вероятности, перевел для Патрикеева отдельные тексты из некой Алфавитной Синтагмы, в

⁵² Полагаю, что сопоставление всех посланий, атрибутируемых к настоящему времени митрополиту Фотию, и греческого текста Алфавитной Синтагмы может дать новые примеры цитирований им ее текста. В свою очередь, обнаружение чтений из Алфавитной Синтагмы в посланиях, которые приписываются Фотию гипотетически, может стать весомым аргументом в пользу его реального авторства.

⁵³ Показательно, что даже в случае наличия славянского перевода того или иного правила Фотий мог обращаться к греческому оригиналу. А это, в свою очередь, могло приводить к тому, что последующие переписчики переделывали цитаты, приведенные Фотием, в соответствии с формулировками правил Кормчих книг, бытовавших на Руси [Алексеев 2012: 173].

⁵⁴ Упомянувшаяся выше рукопись *Син. Греч. 149*, датированная 1342 г., не могла использоваться митрополитом Фотием, поскольку была доставлена Арсением Сухановым из афонского монастыря Иверон в Москву только в середине XVII в. [Alexandrov 2012: 77].

частности, из главы пятой отдела β [Корогодина 2017a: 359–360; Eadem 2017b: 542]⁵⁵. Можно допустить, что этой рукописью была именно Синтагма митрополита Фотия.

Несмотря на то что греческая Алфавитная Синтагма, переводы из которой делались в митрополичьей канцелярии в начале XV в., до наших дней не дошла, значение ее состава для митрополита Фотия подтверждается греческой рукописью *Vat. gr. 717*⁵⁶. Эта рукопись принадлежала Фотию и была пожертвована им митрополичьей кафедре. Более того, часть рукописи, по предположению Б. Л. Фонкича, была переписана непосредственно Фотием в Москве в 1411 г. [Фонкич 1977: 12, 21–23; Idem 2003: 34, 68–69]. Впоследствии митрополит всея Руси Исидор вывез *Vat. gr. 717* из Москвы в Рим (с 1463 г. книга находится в Ватиканской библиотеке). В числе прочих текстов кодекс содержит две идущих подряд статьи: «Ἐκ τοῦ κανονικοῦ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ ἡμεῖς ταῦτα πρὸς σύνοψιν Ματθαῖος» (f. 232–236) и «Νικήτα τοῦ μακαριωτάτου τοῦ μητροπολίτου ἀποκρίσεις» (f. 236–236v)⁵⁷. Краткое определение этих статей с указанием их публикаций было дано в описании рукописи *Vat. gr. 717* [Devreese 1950: 215]. В базе данных греческих рукописей парижского Института изучения истории текстов (IRHT, Institut de Recherche et d'Histoire des Textes) первая из статей указана как принадлежащая авторству Матфея Властаря, вторая статья не упоминается вовсе [Pinakes]. *Син. Греч. 149* подтвердила, что первая статья действительно является Номоканоном Иоанна Постника четвертой редакции (по классификации М. И. Горчакова) или редакцией Номоканона (Канонария) Иоанна Постника, представляющей дополнение к Синтагме Матфея Властаря (по классификации М. Цибрански-Костовой). Вторая статья содержит ту же редакцию девяти Ответов Никиты Ираклийского, обычную для конвоя Алфавитной Синтагмы. Таким образом, можно утверждать, что в эпоху предстоятельства Фотия при

⁵⁵ В ранней работе М. В. Корогодина предположила, что Максим Грек сделал новый перевод Правил Никифора Исповедника из конвоя Синтагмы [Корогодина 2012: 11].

⁵⁶ Выражаю глубокую признательность Д. Г. Полонскому, который обратил мое внимание на эту рукопись и ее связь с Алфавитной Синтагмой. Также благодарю его за ценные соображения, высказанные во время подготовки статьи к публикации.

⁵⁷ Кодекс *Vat. gr. 717* оцифрован и представлен на сайте Ватиканской библиотеки: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.717. Формат оцифровки — черно-белый, это, в сочетании с невысоким качеством (цифровая копия делалась не с оригинала, а пленки), привело к тому, что оказались не читаемы многие киноварные записи. Ср., например, качество фотографии f. 175v. цифровой копии и ее публикации [Фонкич 1977: 22]. В частности, невозможно прочесть греческие заголовки статей из литературного окружения Алфавитной Синтагмы, поэтому мной они приводятся по рукописи *Син. Греч. 149* [см.: Флоринский 1888: 306; ср.: Владимир 1894: 477].

митрополичьей кафедре всея Руси находились как минимум две книги, отражающие наследие Матфея Властаря: собственно Алфавитная Синтагма и *Vat. gr. 717*, содержащая тексты двух обычных приложений к Алфавитной Синтагме.

Помимо четырех статей, о которых речь шла выше, не позднее второй четверти XV в. на Руси фиксируется еще одна, седьмая по счету, статья конвоя после Алфавитной Синтагмы — перечни митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата (т. н. *potitiaie episcopatum*) в составе летописей «новгородско-софийского круга»⁵⁸. В настоящее время перечни известны мне также в следующих рукописях⁵⁹: 1) сборник, содержащий Синодальный список Типографской летописи⁶⁰; 2) сборник-конволют XV–XVII вв. (*Погод. 1571*, л. 118–118об. (охранной фолиации))⁶¹; 3) сборник энциклопедический, созданный иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Пименом в 1533–1534 гг. (*Маз. 1065*, л. 358–359об.)⁶²; 4) тетрадь неизвестной рукописи 1560–1570-х гг. (*Перетц 54*, л. 38–39)⁶³; 5) канонический сборник начала XVII в. (*Хлуд. 79*, л. 324об.–325об.)⁶⁴; 6) летописный сборник второй половины XVII в. (*Вифан. 34.1*, л. 62об.–63 (второй фолиации)). Большинство из этих списков, включая летописи «новгородско-софийского круга», содержит одинаковое заглавие и специфическую ошибку — митрополия Лаодикия помещена в перечне дважды, на 22 и 23 месте (соответственно, счет кафедр сдвигается на одну позицию и составляет 84 против 83 в греческом варианте и его первоначальном славянском переводе); также в перечнях архиепископий указаны только первые 32 кафедры (тогда как в греческом варианте и его первоначальном славянском переводе их 39). Объединяет большинство списков и следующая особенность: после перечней митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата содержится краткая выписка из русского

⁵⁸ Список летописей см.: [Тарасов 2023: 209 (примеч. 1)].

⁵⁹ В перечне отмечены рукописи, созданные до конца XVII в. Рукописи, созданные начиная с XVIII в., здесь не учитываются.

⁶⁰ Перечни помещены после Типографской летописи, в конце сборника, на тетрадях, по филиграммам бумаги датирующихся 1530-ми гг., и среди «родословных материалов» [ПСРЛ, XXIV, 2000: VI, 233].

⁶¹ Тетради конволюта (л. 99–130об.), на которых находится текст перечней, переписаны одним почерком, а их бумага по филиграммам может быть датирована первой четвертью XVI в. [Новикова 2007: 629–630].

⁶² Рукопись любезно указана мне А. А. Манохиным.

⁶³ Тетрадь написана одним полууставным почерком на бумаге с филигранью «перчатка под короной» двух вариантов: 1) Лихачев, № 1903 (1567 г.); 2) в альбомах не обнаружена, вариант близок 1), но пальцы более заострены, иная форма обруча короны, иной переход ладони в фестоны.

⁶⁴ Описание состава рукописи: [Попов 1872: 205–211].

чина поставления епископа, а после нее — перечень русских епархий («А се епископи, елико суть въ мирѣ семь въ Руси»). Несмотря на самобытные чтения отдельных списков⁶⁵, несомненно, что они отражают один и тот же архетип. Сильно выделяется только список в составе *Маз. 1065*. В нем нет удвоения митрополии Лаодикия (соответственно, перечислено 83 митрополичьих кафедры), указаны 39 архиепископий (как в греческом варианте и его первоначальном славянском переводе), отсутствует отрывок из русского чина поставления епископа, перечень русских епархий предваряет самобытный заголовок «А се архиепископи и епископи, иже подлежат митрополиту Киевскому и всеа Руси, и како имут чины и престолы епископиам»⁶⁶.

Изначально я считал, что перечни попали в Северо-Восточную Русь в составе подборки дополнительных статей, но не самого текста Алфавитной Синтагмы [Тарасов 2023: 209]. Однако от этого предположения, видимо, следует отказаться, поскольку, во-первых, дополнительные статьи Синтагмы к моменту фиксации перечней на Руси до сих пор известны только в одном славянском списке — в составе *КБ XII*⁶⁷, где перечней нет. Вероятно, их не было и в архетипе, поскольку в ТП они тоже отсутствуют. Хотя, как было показано выше, в Даниловской подгруппе Сербской редакции Кормчей, предположительно испытавшей влияние архетипа, есть чтения, которых нет ни в *КБ XII*, ни в ТП.

⁶⁵ В списке *Погод. 1571* нет выписки из чина поставления епископа. В списке *Перетц 54* митрополия Лаодикия читается на 22-м месте, 23-я позиция пропущена, на 24-м месте, как и во всех списках, содержащих удвоение, помещена «съезавшая» на одну позицию митрополия Синада, соответственно, этот сдвиг сохраняется до конца списка; выписки из чина поставления епископа и перечня русских епархий здесь нет. В списке *Вифан. 34.1* ошибки с митрополией Лаодикия нет (соответственно, перечислено 83 митрополичьих кафедры); заголовок здесь: «Уставъ Лва Премудраго царя, како имуть чинъ престольми митрополичимъ церквамъ, подлежащая патриарху Констанътинопольскому».

⁶⁶ Тематический состав *Маз. 1065* соответствует сборникам энциклопедического типа XV в., его автором может являться Пимен (Садыков), будущий игумен Иосифо-Волоколамского (1558–1561) и Николо-Угрешского монастырей (1561–1571) [Мошкова 2017: 239–241].

⁶⁷ М. В. Корогодина допустила, что тексты дополнительных статей могли проникнуть на Русь независимо от труда Матфея Властаря, указав, что «выписки из канонических ответов Никиты, митрополита Ираклийского, на вопросы Константина Памфилийского о браках в том же переводе, в каком они присутствуют в Синтагме, вошли в Мерило праведное еще до того, как Матфей Властарь составил свою книгу» [Корогодина 2012: 10]. Однако вывод о переводе Ответов Никиты Ираклийского следует считать недоразумением, поскольку в Мерило Праведное читается иной текст, близкий к тексту в Кормчей Сербской редакции. Можно допустить, что в Мерило Праведное еще до того, как Матфей Властарь составил свою книгу, вошла сокращенная версия текста из Кормчей Сербской редакции, и нет сомнений, что в состав сборника *КБ XII* помещен именно тот перевод канонических ответов Никиты Ираклийского, который входит в конвой Алфавитной Синтагмы.

Во-вторых, и это важнее, перевод русского варианта перечней митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата отличается от славянского перевода XIV в. в Алфавитной Синтагме⁶⁸:

Перечни в составе русских списков	Алфавитная Синтагма (слав.)	Син. Греч. 149
Бывший устав царем Лвомъ Премоудрымъ, како имоуть чинъ престолми митрополиимъ церквамъ, подлежащия патриарху Костянтинополскому. Се митрополити: 1. Кесариасъ [...] 5. Кокозику / Къкозику / Ккозику [...] 14. Туана 15. Гангра...	Бывшее изображение от царѣ Льва Прѣмудраго, како имуть чина прѣстоли црквь от подлежащихъ патриарху Константина града. Митрополия: 1. Кесариа [...] 5. Кузикъ <...> 14. Татиани/Тияни 15. Гаггръ... ⁶⁹	Ἡ γεγονυῖα ὑποτύπωσις ⁷⁰ παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ Σαροῦ ὅπως ἔχουσι τάξεις οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν τῶν ὑποκειμένων τῇ ποπριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως. Αἱ μητροπόλεις: 1. ἡ Καισάρεια [...] 5. ἡ Κύζικος [...] 14. τὰ Τύανα 15. ἡ Γάγγρα...

Указанное обстоятельство наводит на мысль, что общий источник русских списков перечней XV–XVII вв., читающихся вне Алфавитной Синтагмы, восходил к греческому тексту. Помещенное в конвой к Алфавитной Синтагме «Бывшее изображение...», представляющее 16-ю нотицию по классификации Ж. Даррузеса, также входило в состав «Епитомии» Константина Арменопула, могло оно включаться и отдельно в греческие сборники, начиная с середины XIV в. [Darrouzès 1981: 172–174]. Однако о наличии на Руси не позднее второй четверти XV в. ни греческого текста «Епитомии» (славянский перевод относится к XVII в.), ни греческих сборников именно с этой нотицией сведений нет. Получается, что русский перевод статьи «Ἡ γεγονυῖα ὑποτύπωσις...» мог быть сделан непосредственно из Алфавитной Синтагмы, которая находилась в книжном собрании митрополичьей кафедры и которой

⁶⁸ Написание отдельных кафедр может отличаться от списка к списку, для сопоставления выбраны наиболее характерные названия, как представляется, отражающие именно специфику перевода протографа, а не уникальные чтения отдельных списков. Отмечу, что в списке *Маз. 1065* заголовок перечня митрополий заканчивается словом «митрополии», что сближает его с соответствующим чтением в славянской Алфавитной Синтагме, также названия отдельных митрополичьих кафедр читаются в варианте, характерном именно для Алфавитной Синтагмы («Кесариа», «Кузик»).

⁶⁹ В ряде списков заголовок начинается со слов «Како имуть чина...» (ср.: [Троицки 1956: 90]).

⁷⁰ Архимандрит Владимир в описании использует термин *διατύπωσις* [Владимир 1894: 477], который действительно встречается в ряде греческих списков этой статьи. Однако в *Син. Греч. 149* читается именно *υποτύπωσις*.

пользовался митрополит Фотий. Это соображение может стать дополнительным аргументом в пользу атрибуции летописного свода, протографа летописей «новгородско-софийского круга», скрипторию кафедры митрополитов всея Руси [ср.: Печников 2024: 133]. Данное соображение согласуется и с выводом С. В. Богданова, первым обратившего внимание на присутствие отрывка из русского чина поставления епископа уже в составе протографа летописей «новгородско-софийского круга» и сделавшего вывод, что его появление здесь связано с митрополичьей кафедрой, а не какой-либо иной структурой [Богданов 2010].

Интерес митрополита Фотия к иерархическим спискам архиерейских кафедр Константинопольского патриархата подтверждается кодексом *Vat. gr. 717*. В составе этой рукописи содержатся сразу два перечня митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата. Как определил Ж. Даррузес, это редакция С нотиции 10, без начала (f. 268-271v), и редакция II нотиции 17, без окончания (f. 272-272v) [Darrouzès 1981: 307, 392, 443]. В составе дополнительных статей Алфавитной Синтагмы и восходящих к ней списков, как уже было отмечено, читается нотиция 16. Таким образом, в книгах митрополичьей кафедры в Москве в начале XV в. должны были находиться как минимум три нотиции, 10, 16 и 17, одна из которых могла быть переведена на русский язык и впоследствии включена в летописный свод, созданный при митрополичьей канцелярии.

* * *

Подведу итоги. Некоторые статьи «Алфавитной Синтагмы», причем как из ее основной части, так и из конвоя, встречаются на Руси начиная с 1410–1420-х гг. С точки зрения перевода, их можно разделить на два вида. С одной стороны, это отдельные тексты славянского перевода Синтагмы XIV в., вероятно, попавшие на Русь вместе с архетипом ТП и первой части сборника из Кирилло-Белозерского монастыря КБ XII. С другой стороны, это самостоятельный славянский перевод выдержек из греческой Синтагмы, выполненный в канцелярии митрополита Фотия для части его посланий. Возможно, тот же список Алфавитной Синтагмы, что находился при русской митрополичьей кафедре в эпоху предстоятельства Фотия, был использован и для перевода перечней митрополичьих и архиепископских кафедр Константинопольского патриархата, включенного в протограф летописей «новгородско-софийского круга». Из числа статей, восходящих к Алфавитной Синтагме, только эти перечни и текст «От правил святого Иоанна Постника» были полностью представлены на Руси в славянском переводе в первой половине XV в. Оба они относятся к конвою творения Матфея Властаря. Ни

одна из статей основной части Синтагмы не была известна на Руси в это время в переводе целиком. По всей видимости, включение статей из Алфавитной Синтагмы в Даниловскую подгруппу Кормчей Сербской редакции стало следствием привлечения ее составителем, игуменом Даниилом, сразу двух источников — ТП и их архетипа, а также, возможно, Соборная Иоанна Зонары.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург, Россия).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека (Москва, Россия).

ИРЛИ — Институт русской литературы (С.-Петербург, Россия).

ЛННБ — Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника НАН України (Львів, Україна).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва, Россия).

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург, Россия).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург, Россия).

BAV — Biblioteca Apostolica Vaticana.

Библиография

Источники

Рукописи

Славянские

АСП 55

ЛННБ, ф. 77 (собр. А. С. Петрушевича), № 55, сборник, содержащий Требник и перевод правил с толкованиями Иоанна Зонары, конец XIV в. (или вторая четверть XV в.); по описанию: [Белякова 2009].

Академический

БАН, 33.8.14, Сборник канонический, 1590-е гг.; по описанию: [Корогодина 2020: 448-456].

Барс. 157

ГИМ, собр. рукописей Е. В. Барсова, № 157, Кормчая Даниловской подгруппы Сербской редакции, втор. пол. XVI в.

Барс. 169

ГИМ, собр. рукописей Е. В. Барсова, № 169, сборник («Тверские правила», без начала и конца), XVII в.

Вифан. 34.1

РГБ, ф. 556 (собрание рукописных книг Вифанской духовной семинарии), № 34.1, летописный сборник, вторая половина XVII в.

Волок. 506

РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 506, Сборник канонических статей, слов и посланий, XV–XVI вв.

Воскр. бум. 27

ГИМ, собр. рукописей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, № 27 бум., Алфавитная Синтагма, 1370–1390-е гг.

Воскр. бум. 28

ГИМ, собр. рукописей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, № 28 бум., Кормчая Даниловской подгруппы Сербской редакции, кон. XVI в.; описание: [Белякова et al. 2017: 121–127].

Егор. 253

РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 253, Чудовская редакция Кормчей книги с дополнительными статьями, нач. XVII в.

Егор. 742

РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 742, Алфавитная Синтагма, 1474 г.

КБ XII

РНБ, ф. 351 (библиотека Кирилло-Белозерского монастыря), № XII, сборник церковно-канонический и полемический, 1420-е гг.

КБ XIII

РНБ, ф. 351 (библиотека Кирилло-Белозерского монастыря), № XIII, сборник патристический и канонический, нач. XV в.

Маз. 1065

РГАДА, ф. 196 (рукоп. собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1., № 1065, сборник энциклопедический, 1533–1534 гг.; описание: [Каталог РГАДА XVI, 3: 398–409].

МДА 191

РГБ, ф. 173/I (Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии), № 191, сборник, нач. XVII в.

Никифор. 500

РГБ, ф. 199 (собрание Н. П. Никифорова), № 500, сборник правил, вторая половина XVII в.

ОИДР 109

РГБ, ф. 205 (собрание рукописных книг Общества истории и древностей российских), № 109, сборник, включающий отрывок Кормчей Вассиана Патрикеева и другие канонические статьи, сер. XVI в.; описание: [Корогодина 2017б: 192].

ОСРК 80

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), № F.II.80, конволют, содержащий Кормчую Овчинниковского вида Чудовской редакции (посл. четв. XV в.) и дополнения канонического характера (нач. XVI в.); описание: [Корогодина 2017б: 123].

ОСРК 223

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), № Q.I.223, сборник канонического содержания, 1640–1650-е гг.

Перетц 54

ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 54, сборная рукопись, XVI в.

Погод. 246

РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина), № 246, сборник («Тверские правила»), нач. XVI в.; описание: [Каталог: 176].

Погод. 1571

РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина), № 1571, сборник-конволют, XV–XVII вв.

Пряниш. 138

РГБ, ф. 242 (собр. Г. М. Прянишникова), № 138, сборник («Тверские правила»), XVI в.

Син. 307

ГИМ, Синодальное собрание рукописей, № 307, сборник, содержащий Требник и перевод правил с толкованиями Иоанна Зонары; описание: [Афанасьева 2020].

Синод. 2037

РГИА, ф. 834 (рукописи Синода), оп. 3, № 2037, Алфавитная Синтагма, последняя четверть XIV в.

Сол. 858/968

РНБ, ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря), № 858/968, Кормчая, 1493 г.

ТСЛ 209

РГБ, ф. 304/I (Главное собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры), № 209, сборник («Тверские правила»), XVI в.

Унд. 35

РГБ, ф. 310 (собрание В. М. Ундольского), № 35, сборник («Тверские правила»), сер. XVI в.

Хлуд. 79

ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 79, сборник выписок из канонических правил, начало XVII в.

Греческие

Син. Греч. 149

ГИМ, Синодальное (Патриаршее) собр. греческих рукописей, № 149, Алфавитная Синтагма, 1342 г.

Vat. gr. 717

BAV, Codex Vaticanus graecus, № 717, богословский и канонический сборник, начало XV в.; по цифровой копии https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.717; описание: [Devreesse 1950: 214–216].

*Книга церковной печати**ОИК*

ГПИБ, отдел редкой книги, Зонар, 200 глав, № 0915740, б.м., б.г. [бумага с белой датой 1811 г.]

Литература

Алексеев 2012

Алексеев А. И., Стригольники: обзор источников, *Вестник церковной истории*, 3–4 (27–28), 2012, 151–230.

Антонова 1960

Антонова В. И., Иконографический тип Перивлепты и русские иконы Богоматери в XIV веке, *Из истории русского и западноевропейского искусства: Материалы и исследования*, Москва, 1960, 104–117.

Афанасьева 2020

Афанасьева Т. И., «Требник Стефана Душана», его состав и место в славянской традиции Требника, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (81), 2020, 127–142.

Белякова 2007

Белякова Е. В., О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар»), *Старобългарска литература*, 37–38, 2007, 114–131.

——— 2009

Белякова Е. В., О сербском переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары, *Црквене студије (Годишњак Центра за црквене студије)*, 6, Ниш, 2009, 235–242.

——— 2022

Белякова Е. В., Заповедь Иоанна Златоустого о законе церковном в восточнославянской традиции (к вопросу о новых текстах в составе монастырских библиотек), *Stephanos*, 4 (54), 2022, 73–83.

Белякова, Турилов 2015

Белякова Е. В., Турилов А. А., Кормчая книга, *Православная энциклопедия*, 38, Москва, 2015, 52–58.

Белякова et al. 2017

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А., *Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Бенешевич 1901

Бенешевич В. Н., Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящиеся в Санкт-Петербургской Синодальной библиотеке, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 6, 4, С.-Петербург, 1901, 150–227.

Богданов 2010

Богданов С. В., Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (42), 2010, 56–69.

Бондач 2015

Бондач А. Г., [пец.:] *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*, ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Wash. (D. C.): The Catholic University of America Press, 2012. (History of Medieval Canon Law; [4]), *Богословские труды*, 46, 2015, 339–351.

Буланин 2019

Буланин Д. М., Книжное наследие Кирилло-Белозерского монастыря XV века: новые открытия и новые перспективы, *Русская литература. Историко-литературный журнал*, 1, 2019, 5–18.

Бусыгин 2021

Бусыгин А. В., Послание старца кир Феоктиста о иноческом келейном правиле, *Труды отдела древнерусской литературы*, 68, С.-Петербург, 2021, 402–444.

Вершинин 2019

Вершинин К. В., *Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права*, Москва, 2019.

Владимир 1894

Владимир [Филантропов], архимандрит, *Систематическое описание рукописей Московской синодальной (Патриаршей) библиотеки*, 1: *Рукописи греческие*, Москва, 1894.

Горчаков 1874

Горчаков М., свящ., *К истории эпитимийных номоканонов (пенитенциалов) православной церкви*, С.-Петербург, 1874.

Ильинский 1892

Ильинский Н. И., *Синтагма Матфея Властаря*, Москва, 1892.

Иоанн Китриот 2010

Иоанн Китриот, *Православная энциклопедия*, 34, Москва, 2010, 344.

Казаков 2019

Казаков А. А., *Жития Иосифа Волоцкого середины XVI века как источник по истории раннего иосифляинства*, (Дисс. на соиск. степени канд. исторических наук, Москва, 2019).

——— 2022

Казаков А. А., *Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии*, С.-Петербург, 2022.

Каталог 1988

Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог, 1, Ленинград, 1988.

Каталог РГАДА XVI, 3

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА, 3, Москва, 2020.

Корогодина 2012

Корогодина М. В., Синтагма Матфея Властаря в России в XVII в. и Епифаний Славинецкий, *Каптеревские чтения. Сборник статей*, 10, Москва, 2012, 9–20.

— 2014

Корогодина М. В., *Какие Правила вывез со Святой Горы тверской инок Савва, Афон и славянский мир*, 1: *Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Белград, 16–18 мая 2013 г.*, 1, Святая Гора Афон, 2014, 262–266.

— 2017a

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV – первой половины XVII века, Исследование*, 1, Москва, С.-Петербург, 2017.

— 2017б

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV – первой половины XVII века, Описание редакций*, 2, Москва, С.-Петербург, 2017.

— 2020

Корогодина М. В., *Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской академии наук XV – начала XX века* (= Описание рукописного отдела библиотеки РАН, 11/1), Москва, С.-Петербург, 2020.

— 2024

Корогодина М. В., «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и книжное письмо начала XV века, *Scriptorium slavicum*, 1, 2024, 23–32.

Левшина 2017

Левшина Ж. Л., Конвой 16-ти Слов Григория Богослова в рукописи № 989 из собрания М. П. Погодина, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (69), 2017, 72–73.

Левшина et al. 2020

Левшина Ж. Л., Фионов Е. А., Шевченко Е. Э., Шибаев М. А., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог*, 7, С.-Петербург, 2020.

Макаров 2017

Макаров Д. И., *Паламизм до святителя Григория Паламы, спор о Филиокве и примат папы в византийской экклесиологии XII–XIV вв.: некоторые наблюдения*, Екатеринбург, 2017.

Малакаев 2021

Малакаев К. Н., Лексические разночтения в славянских и русских переводах алфавитной синтагмы Матфея Властаря, *Слово и образ*, 1/3, 2021, 93–103.

Манохин 2023

Манохин А. А., *Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве. 1520–1550-е гг.*, Москва, 2023.

Матия Властар Синтагма 2016

Матия Властар Синтагма. Азбучен сборник на византиски црковни и државни закони и правила, Скопје, 2016.

Медведев 2001

Медведев И. П., *Правовая культура Византийской империи*, С.-Петербург, 2001.

Мильков, Симонов 2011

Мильков В. В., Симонов Р. А., *Кирик Новгородец: ученый и мыслитель* (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты, 7), Москва, 2011.

Мошкова 2005

Мошкова Л. В., ред., Беляков О. В. et al., *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*, 1, Москва, 2005.

Мошкова 2017

Мошкова Л. В., Сборники XVI в. из фондов РГАДА: находки и открытия, *Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН)*, Москва, 2017, 236–244.

Новикова 2007

Новикова О. Л., О ранней редакции Краткого летописца новгородских владык, *Труды отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 627–644.

Носов 2021

Носов А. В., Книжники русских общежительных монастырей и контакты с Афоном в конце XIV – начале XV в.: Общие тенденции, *Novogardia*, 1, 2021, 103–115.

Павлов 1895

Павлов А. С., Канонические ответы Никиты, митрополита Ираклийского (XI–XII века) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря (XIV в.), *Византийский временник*, 2, 1, 1895, 160–176.

Паскаль 2021

Паскаль А. Д., О рукописной традиции славянской версии Синтагмы Матфея Властаря в Молдавском княжестве XV–XVII вв., *Русин*, 64, 2021, 38–51.

Печников 2024

Печников М. В., Фотий, свт., митрополит Киевский и всея Руси, *Православная энциклопедия*, 73, Москва, 2024, 125–135.

Полонский 2023

Полонский Д. Г., Антиармянский трактат Псевдо-Иоанна Псевдо-Никейского и его русская рецепция в XVI в. в связи с делом Вассиана Патрикеева, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (92), 2023, 13–20.

Попов 1872

Попов А. Н., *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, Москва, 1872.

ПСРЛ 24

Полное собрание русских летописей, 24, Москва, 2000.

РИБ

Русская историческая библиотека, 6, 2-е изд., С.-Петербург, 1908.

Романова 2002

Романова А. А., *Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв.*, С.-Петербург, 2002.

Скарпа 2008

Скарпа М., У истоков восточно-славянской рукописной традиции. Слова на Успение Богоматери Григория Паламы (Рукопись Санкт-Петербург, РНБ, Кир.-Бел. 32/1109), *Palaeobulgarica*, 3 (32), 2008, 23–35.

Суботин-Голубовић 2013

Суботин-Голубовић Т., Српскословенски текст Синтагме и његово перевођење на савремени српски језик, *Матија Властар. Синтагма*, Београд, 2013, VII–XXV.

Тарасов 2023

Тарасов А. Е., Русский вариант XV в. перечней митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата, *Комплексный подход в изучении Древней Руси: материалы XII Международной научной конференции, 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия [тезисы статей]*, Москва, 2023, 209–210.

Тарасов, Турилов 2007

Тарасов А. Е., Турилов А. А., Дионисий Грек, *Православная энциклопедия*, 15, Москва, 2007, 334–336.

Третьяков 1868а

Третьяков И. И., О чинах патриаршей Константинопольской церкви в средние века, *Православный Собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии*, 2, 1868, 39–73.

——— 1868б

Третьяков И. И., О чинах патриаршей Константинопольской церкви в средние века, *Православный Собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии*, 3, 1868, 48–81.

Троицки 1956

Троицки Сергий В., *Допунски чланци Властареве синтагме* (= Посебна издања, књига 268; Одељење друштвених наука, књига, 21), Београд, 1956.

Турилов 2012

Турилов А. А., *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*, Москва, 2012.

——— 2023

Турилов А. А., Сербско-русские культурные связи XV–XVI вв., Е. И. Якушкина, ред., *Доминанты сербской культуры: лекции по сербской культуре, истории и языку*, Москва, 2023, 57–70.

Флоринский 1888

Флоринский Т. Д., *Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков*, Киев, 1888.

Фонкич 1977

Фонкич Б. Л., *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России)*, Москва, 1977.

——— 2003

Фонкич Б. Л., *Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в.*, Москва, 2003.

Цибранска-Костова 2011

Цибранска-Костова М., *Покайната книжнина на Българското средновековие IX–XVIII век (езиково-текстологични и културологични аспекти)*, София, 2011.

——— 2019

Цибранска-Костова М., Законът и законовите книги: два примера от преводната юридическа книжнина на славянския юг през XIV в., *Известия на института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*, 32, 2019, 7–52.

Шибает 2013

Шибает М. А., *Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование*, Москва, С.-Петербург, 2013.

Щапов 1978

Щапов Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.*, Москва, 1978.

Энциклопедия

Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского, отв. ред. Г. М. Прохоров, С.-Петербург, 2003.

Alexandrov 2012

Alexandrov V., *The Syntagma of Matthew Blastares. The Destiny of a Byzantine Legal Code among the Orthodox Slavs and Romanians 14 17 Centuries* (= *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte* Bd. 29), Frankfurt am Main, 2012.

Darrouzès 1981

Darrouzès J., *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès, (= Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin, 1), Paris, 1981.

Devreesse 1950

Devreesse R., *Codices Vaticani Graeci*, 3, codices 604–866, (= Bibl. Apost. Vaticanae Codices Manuscripti Recensiti n. 27), Vatican, 1950.

Panev 2003

Panev J., La réception du Syntagma de Matthieu Blastarès en Serbie, *Études Balkaniques*, 1 (10), 2003, 27–45.

Pinakes

Pinakes = Πίνακες: *Textes et manuscrits grecs* (<https://pinakes.irht.cnrs.fr/notices/cote/67348/>).

Troianos 2012

Troianos Spyros, Byzantine Canon Law from the Twelfth to the Fifteenth Centuries, *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*, Washington, D.C., 2012, 170–214.

Troianos 2017

Troianos Spyros, *Die Quellen des byzantinischen Rechts*, Berlin, Boston, 2017.

Žeňuch et al. 2018

Žeňuch P., Belakova E. V., Najdenova D., Zubko P., Marínčák Š., *Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníškeho a svetského života z prelomu 16.–17. storočia*, *Ужгородський рукописний Псевдозонар. Правила монашеской и светской жизни рубежа XVI - XVII вв.* (= Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae, 5), Bratislava, Moskva, Sofia, Košice, 2018.

Ιάκωβος 1985

Ιάκωβος (Γεωργιος) Πηλίδης, Ἐπίσκοπος Κατάνης, *Τίτλοι ὁφφίκια καὶ ἀξιώματα ἐν τῇ Βυζαντινῇ Αὐτοκρατορίᾳ καὶ τῇ χριστιανικῇ ορθόδοξῳ ἐκκλησίᾳ*, Αθήνα, 1985.

References

Afanasyeva T. I., “Stephan Dushan's Trebnik”, its Composition and Place in the Slavic Tradition of Trebnik, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (81), 2020, 127–142.

Alekseev A. I., The Strigolniki: a Survey of Sources, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3–4 (27–28), 2012, 151–230.

Alexandrov V., *The Syntagma of Matthew Blastares. The Destiny of a Byzantine Legal Code among the Orthodox Slavs and Romanians 14–17 Centuries* (= Forschung zur byzantinischen Rechtsgeschichte Bd.29), Frankfurt am Main, 2012.

Antonova V. I., Ikonograficheskie tipy Privilepiy i russkie ikony Bogomateri v XIV veke, *Iz istorii russkogo i zapadnoevropeiskogo iskusstva: Materialy i issledovaniya*, Moscow, 1960, 104–117.

Belyakova E. V., About the Content of the Xludov's Nomokanon (Towards the History of the “Zinar” Collection), *Medieval Bulgarian Literature*, 37–38, 2007, 114–131.

Belyakova E. V., Moshkova L. V., Oparina T. A., *Kormchaia kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Belyakova E. V., O serbskom perevode pravil s tolkovaniiami Ioanna Zonary, *Crkvene studije* (Go-

dišnjak Centra za crkvene studije), 6, Niš, 2009, 235–242.

Belyakova E. V., The Commandment of John Chrysostom Church Law in East Slavic Tradition (On the Issue of New Texts in The Monastic Libraries), *Stephanos*, 4 (54), 2022, 73–83.

Belyakova E. V., Turilov A. A., Kormchaia kniga, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 38, Moscow, 2015, 52–58.

Bogdanov S. V., Fragment of “Chin” on the Election and Election in A Dignity of Bishops in the Text of Annals of the Novgorodsko-Sofiysky Circle, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (42), 2010, 56–69.

Bondach A. G., [rev. of:] The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500, ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Wash. (D. C.): The Catholic University of America Press, 2012. (History of Medieval Canon Law; [4]), *Theological Studies*, 46, 2015, 339–351.

Bulanin D. M., Knizhnoe nasledie Kirillo-Be-lozerskogo monastyrja XV veka: novye otkrytiia i novye perspektivy, *Russkaia literatura. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, 1, 2019, 5–18.

Busygin A. V., The Elder Kyr Theoktist's Letter Concerning the Monastic Cell Rule, *Trudy ot dela*

drevnerusskoi literatury, 68, St. Petersburg, 2021, 402–444.

Darrouzès J., *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès, (= Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin, 1), Paris, 1981.

Devreesse R., *Codices Vaticani Graeci*, 3, codices 604–866, (= Bibl. Apost. Vaticanae Codices Manuscripti Recensiti iussu Pii XII Pont. Max. praeside Iohanne Mercati S. R. E. Bibliothecario et Scriniario), Vatican, 1950.

Fonkich B. L., *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v.*, Moscow, 2003.

Fonkich B. L., *Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. (Grecheskie rukopisi v Rossii)*, Moscow, 1977.

Iakovos (Georgios) Pēlilēs, Episkopos Katanēs, *Titloi ophphikia kai axiōmata en tē Buzantinē Autokratōria kai tē christianikē orthodoxō ekklēsia*, Athens, 1985.

Kazakov A. A., *Joseph Volotsky: from hagiographic narrative to scientific biography*, St. Petersburg, 2022.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka, Issledovanie*, 1, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka, Opisanie redaktsii*, 2, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Korogodina M. V., *Pamiatniki tserkovnogo prava v rukopisnykh Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk XV – nachala XX veka* (= Opisanie rukopisnogo ot dela biblioteki RAN, 11/1), Moscow, St. Petersburg, 2020.

Korogodina M. V., *Syntagma Matfeia Vlastaria v Rossii v XVII v. i Epifanii Slavinetskii, Kapterevskie chteniia. Sbornik statei*, 10, Moscow, 2012, 9–20.

Korogodina M. V., The “Story of Barlaam and Josaphat” and the Bookish Script in the Beginning of the 15th Century, *Scriptorium slavicum*, 1, 2024, 23–32.

Korogodina M. V., Which Nomocanon Was Brought from the Holy Mountain by Tver Monk Sava? *Afon i slavianskii mir*, 1: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1000-letiiu prisutstviiia russkikh na Sviatoi Gore, Belgrad, 16–18 maia 2013 g.*, 1, Holy Mountain Athos, 2014, 262–266.

Levshina Zh. L., Filonov E. A., Shevchenko E. E., Shibaev M. A., *Rukopisnye knigi sobraniia M. P. Pogodina: katalog*, 7, St. Petersburg, 2020.

Levshina Zh. L., Konvoi 16-ti Slov Grigoriia Bogoslova v rukopisi № 989 iz sobraniia M. P. Pogodina, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (69), 2017, 72–73.

Makarov D. I., *Palamizm do sviatelia Grigoriia Palamy, spor o Filiokve i primat papy v vizantiiskoi ekleziologii XII–XIV vv.: nekotorye nabliudeniia*, Yekaterinburg, 2017.

Malakaev K. N., Lexical Discrepancies in Slavic and Russian Translations of the Syntagma Canonum of Matthew Blastares, *Word and Image, Questions of the Christian Literary Heritage Studying*, 1/3, 2021, 93–103.

Manokhin A. A., *Svodnaia Kormchaia mitropolita Daniila i ee mesto v kanonicheskom prave. 1520–1550-e gg.*, Moscow, 2023.

Medvedev I. P., *Pravovaia kul'tura Vizantiiskoi imperii*, St. Petersburg, 2001.

Milkov V. V., Simonov R. A., *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* (= Pamiatniki drevnerusskoi mysli: issledovaniia i teksty, 7), Moscow, 2011.

Moshkova L. V., ed., Beliaikov O. V. et al., *Katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khranishchikhia v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov*, 1, Moscow, 2005.

Moshkova L. V., Miscellaneous of the 17th century in RGADA Funds: findings and discoveries, *Akademicheskaiia arkhografiia v Rossii XVIII–XXI vekov (Tikhomirovskie chteniia 2016 goda: K 60-letiiu Arkheograficheskoi komissii RAN)*, Moscow, 2017, 236–244.

Nosov A. V., Scribes of Russian Cenobitic Monasteries and Contacts with Mount Athos in the Late XIV – Mid XV Centuries: General Trends, *Novogardia*, 1, 2021, 103–115.

Novikova O. L., O rannei redaktsii Kratkogo letopista novgorodskikh vlyadyk, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2007, 627–644.

Panew J., La réception du Syntagma de Matthieu Blastarès en Serbie, *Études Balkaniques*, 1 (10), 2003, 27–45.

Pascal A. D., On the handwritten tradition of the Slavic Version of Matthew Blastares's Syntagma in the Principality of Moldavia in the 15th–17th centuries, *Rusin*, 64, 2021, 38–51.

Pechnikov M. V., Fotii, svt., mitropolit Kievskii i vseia Rusi, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 73, Moscow, 2024, 125–135.

Polonski D. G., Anti-Armenian Treatise of Pseudo-John of Pseudo-Nicaea and its Russian reception in the 16th century in connection with the trial against Vassian Patrikeev, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2 (92), 2023, 13–20.

Romanova A. A., *Old Russian Calendar-Chronological Sources of the XV–XVII Centuries*, St. Petersburg, 2002.

Scarpa M., The Homily for the Dormition of the Virgin by Gregory Palamas: at the Origin of the Slavonic Manuscript Tradition, *Palaeobulgarica*, 3 (32), 2008, 23–35.

Shchapov Ia. N., *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.*, Moscow, 1978.

Shibaev M. A., *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastiria XV veka. Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie*, Moscow, St. Petersburg, 2013.

Subotin-Golubović T., Srpskoslovenski tekst Sintagme i njegovo prevođenje na savremeni srpski

jezik, *Matija Vlastar. Sintagma*, Beograd, 2013, VII–XXV.

Tarasov A. E., Russkii variant XV v. perechnei mitropolii i arkhiepiskopii Konstantinopol'skogo patriarkhata, *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 11–15 sentiabria 2023 g.*, Moskva, Rossiia, Moscow, 2023, 209–210.

Tarasov A. E., Turilov A. A., Dionisii Grek, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 15, Moscow, 2007, 334–336.

Troianos S., Byzantine Canon Law from the Twelfth to the Fifteenth Centuries, *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*, Washington, D.C., 2012, 170–214.

Troianos S., *Die Quellen des byzantinischen Rechts*, Berlin, Boston, 2017.

Troicki S. V., *Dopunski članci Vlastareve sintagme* (= Posebna izdanja, knjiga 268; Odeljenje društvenih nauka, knjiga, 21), Beograd, 1956.

Tsibranska-Kostova M., *Penitential literature of Bulgarian Middle Ages IX–XVIII century. Linguistic-*

textological and cultural-anthropological aspects, Sofia, 2011.

Tsibranska-Kostova M., The law and the law books: Two examples from the translated juridical literature on the South of Slavs in the 14th century, *Papers of the Institute for Bulgarian Language "Prof Lyubomir Andreychin"*, 32, 2019, 7–52.

Turilov A. A., *Mezhslavianskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian: Etiudy i kharakteristiki*, Moscow, 2012.

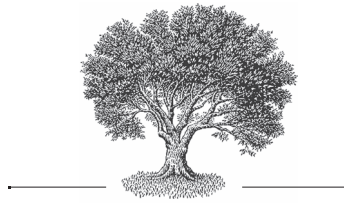
Turilov A. A., Serbsko-russkie kul'turnye svyazi XV–XVI vv., E. I. Yakushkina, ed., *Dominants of Serbian culture; Lectures on Serbian culture, history and language*, Moscow, 2023, 57–70.

Vershinin K. V., *Merilo Pravednoe v istorii drevne-russkoi knizhnosti i prava*, Moscow, 2019.

Žeňuch P., Bel'akova E. V., Najdenova D., Zubko P., Marínčák Š., *Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníškeho a svetského života z prelomu 16.–17. storočia* (= Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae, 5), Bratislava, Moscow, Sofia, Košice, 2018.

Аркадий Евгеньевич Тарасов, кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4
научный сотрудник Центра научного проектирования
Управления по научной работе
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Россия / Russia
arkady.tarasov@yandex.ru

Received August 11, 2024

Акцентуация *ě/i-глаголов в южноштокавской системе XV в.

Accentuation of *ě/i-Verbs in the Fifteenth-Century South Shtokavian System

Ирина Семеновна Пекунова

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

Irina S. Pekunova

Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

Резюме

Работа опирается на составленное автором, но оказавшееся слишком объемным для журнальной публикации полное акцентное описание одного достаточно самостоятельного фрагмента средневековой сербской акцентной системы, представленной в двух рукописных памятниках XV в. Речь идет об одной из наиболее ярких акцентологических проблем, касающейся генезиса обсуждаемой системы (и ряда подобных ей славянских систем) — проблеме развития так называемой полуотметности в презенсе ряда *ě/i-глаголов, восходящих к праславянским акцентным парадигмам *b и *c. В публикуемом очерке предложена попытка решения этой проблемы, получающая, как представляется, обоснование в акцентном поведении также класса *i-глаголов в изучаемой южноштокавской системе.

Цитирование: Пекунова И. С. Акцентуация *ě/i-глаголов в южноштокавской системе XV в. // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 178–197.

Citation: Pekunova I. S. (2025) Accentuation of *ě/i-Verbs in the Fifteenth-Century South Shtokavian System. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 178–197.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.06

Ключевые слова

славянская акцентология, сербский, штокавский, праславянский, полуотметность, интонации, акцентуированные рукописи XIII–XV вв.

Abstract

The paper is based on the author's complete accent description of one rather independent fragment of the medieval Serbian accent system, presented in two manuscripts of the fifteenth century. It deals with one of the most striking problems concerning the genesis of the system under discussion (and a number of similar Slavic systems)—the problem of the development of the so-called “poluotmetnost” in the present tense of a number of *ě/i-verbs dating back to the Proto-Slavic accent paradigms *b and *c. In this article, we propose an attempt to solve this problem, which seems to be substantiated in the accentual behavior of the class of *i-verbs in the studied South Shtokavian system as well.

Keywords

Slavic accentology, Serbian, Shtokavian, Proto-Slavic, semi-accentuation (“poluotmetnost”), intonation, accentuated manuscripts of the 13th–15th centuries

Предлагаемая публикация по существу представляет собой экскурс (с минимальным необходимым предисловием) к полному акцентному описанию *ě/i-глаголов в одной средневековой южноштокавской системе, которое было мной подготовлено, но не могло быть пока опубликовано из-за значительного объема. В связи с этим, в настоящем очерке, за исключением нескольких иллюстраций, не приводится материал памятников, на котором основаны предлагаемые рассуждения. Весь соответствующий «контрольный» корпус акцентованных глагольных форм доступен в электронном виде и по возможности будет опубликован в самое ближайшее время. По содержанию данный экскурс представляет собой гипотезу эволюции ударения в классе так называемых «полуотметных» *ě/i-глаголов в изучаемой штокавской системе. Предлагаемая гипотеза имеет ряд косвенных подтверждений и, возможно, применима не только к штокавскому, но и к другим ареалам распространения презентной полуотметности в *ě/i-, а быть может, и в тематических глаголах.

Изложение строится следующим образом. После кратких сведений об изучаемых памятниках в Разделе I приведен обзор системы ударения *ě/i-глаголов в синхронном плане¹, в Разделе II — общепринятая праславянская реконструкция, т. е. обзор той же системы в историче-

¹ Речь идет прежде всего о наблюдаемом в изучаемой южноштокавской системе уровне XV в., но поскольку привлекаются и данные других систем, в том числе современных говоров, точнее было бы говорить о некотором акцентном эталоне, соотносимом с определенным позднепраславянским диалектным ареалом.

ском плане, в разделе III описано совмещение синхронного и исторического планов, задающее «схему эволюции» ударения в изучаемом фрагменте акцентной системы. Наконец, морфонологической интерпретации этой весьма нетривиальной схемы посвящен основной с содержательной точки зрения раздел IV, в котором выписаны гипотетические этапы происходившей эволюции для изучаемой штокавской системы и приведены данные, подкрепляющие предлагаемую гипотезу.

0. Краткие сведения о памятниках

Далее речь пойдет о системе акцентуации, представленной в двух старосербских памятниках первой половины — середины XV в.:

1) Апостол *НБКМ* № 889 (далее — Ап), хранящийся в Национальной библиотеке имени Святых Кирилла и Мефодия (София); середина XV в. (см. [Стоянов, Кодов 1964: 60])².

2) Евангелие-апракос полный из Музейного собрания Российской государственной библиотеки (ф. 178, № 7364), хранящееся в Москве (далее — Ев); первая треть XV в. (см. [Опись ОР. Ф. 178.4: 278–279]).

Оба памятника написаны полууставом в сербской ресавской орфографии и хорошо акцентуированы (более чем на 80 %). В каждом из памятников почерк единый³.

Как известно, ресавская орфография могла употребляться в XV–XVI вв. в южнославянских рукописях разного диалектного происхождения, в том числе и болгарских. Для языковой атрибуции здесь первостепенными оказываются данные акцентуации (ср.: [Мошин 1973: 68]). По основным акцентным характеристикам оба памятника должны быть отнесены к сербской штокавской территории (при этом акцентовок, отражающих новоштокавскую ретракцию, еще нет или почти нет). Подробнее о локализации изучаемой системы см. [Пекунова 2023а,б].

Материал Ап частично описан в работе [Николаев 2014], материал Ев — в работе [Дыбо 2000]; данные обоих памятников используются в работах [Пекунова 2009, 2011, 2022, 2023а, 2023б].

Далее в тексте статьи, если не оговорено противное, все примеры из изучаемой акцентной системы приводятся в условной староштокавской одноеровой орфографии, соответствующей норме Ев, слабые

² Ап предворяется подшитым в тот же переплет неполным текстом октоиха (л. 16–276, при этом в начале утеряно 18 листов, содержавших песнопения 1 и 2 гласов), материал которого в данной работе не учитывается ввиду его отличия от графико-акцентологических характеристик основного текста и недостаточной надежности (часть надстрочных знаков в этом фрагменте явно имеют неиктусный характер).

³ Октоих на л. 1–27 Ап не в счет; по всей видимости, он написан другим, хотя и сходным с основным, почерком.

редуцированные выписываются независимо от присутствия в тексте памятников, место ударения обозначено знаком акута независимо от знаков, используемых в рукописях.

I. Ударение *ě/i-глаголов. Синхронный план

I.1. Понятие полуотметности

В акцентной системе изучаемых памятников (далее она может обозначаться как система Ап/Ев), так же как и в ряде других славянских акцентных систем, важной характеристикой глагольного ударения оказывается свойство так называемой полуотметности. Полуотметность — это акцентное свойство семейства глаголов⁴. Семейство называется полуотметным, если в определенной зоне парадигмы ударение бесприставочных лексем отличается от ударения приставочных, а именно: бесприставочные показывают ударение на суффиксальном компоненте словоформы, а одноименные приставочные — ударение на корне. Например, в системе Ап/Ев полуотметность представлена в презенсе *ě/i-глаголов, ср.

полуотметные семейства *лежати, врьѣти*:

3Sg *лежѣтъ* — *налѣжитъ*; *врьѣтъ* — *изврьѣтитъ*

и неполуотметные *бѣжати, велѣти, видѣти*:

3Sg *бѣжѣтъ* — *прибѣжитъ*; *велѣтъ* — *повелѣтъ*; *видѣтъ* — *увидѣтъ*.

В системе Ап/Ев полуотметность характеризует презенс, имперфект и *щ*-причастие парадигмы *ě/i-глаголов, в некоторых славянских диалектах (в частности, центральноштокавских) полуотметность представлена в презенсе *i-глаголов, в других (в частности, западноукраинских) — в презенсе тематических глаголов, в ряде болгарских систем⁵ — в формах от инфинитивной основы *i- и *a/j-глаголов, ср. *ходиѣ* — *приходиѣ*.

I.2. Роль полуотметности в акцентной классификации *ě/i-глаголов

Для акцентных систем типа Ап/Ев примечателен тот факт, что в классе *ě/i-глаголов полуотметность оказывается единственной характеристикой, различающей два из трех имеющихся акцентных типов⁶. А именно (для системы Ап/Ев):

⁴ Под семейством понимается множество однокоренных глаголов одного парадигматического класса, см. подробнее [Поливанова 2013: 258].

⁵ Для которых термин «полуотметность» и был первоначально введен Б. Цоневым в работе [Цонев 1903]. Ср. также [Цонев 1919: 443].

⁶ Заметим, что в других глагольных классах (*i-, *a/j-, *nq-) полуотметность в системе Ап/Ев также представлена, однако там она, как правило, ограничена зоной всего одной формы — 1SgPrae или 3SgAog и не составляет основного различительного признака в разбиении на акцентные типы. См., например, [Пекунова 2011, 2023б].

В акцентуации *ě/i-глаголов представлены следующие два основных акцентных типа.

Тип А — эталон: колонное ударение на корне во всех формах парадигмы⁷.

Тип С — эталон: наличие форм-энклиномена в 1SgPr (с начальным ударением как в приставочных, так и в бесприставочных лексемах) и суффиксальное ударение (на основообразующей гласной -*ě*-) в формах от инфинитивной основы (Inf, Aor, также ш-, н- и л-Prt).

Имеются две разновидности типа С: С₁ и С₂, различие между которыми проявляется в формах основных подпарадигм Prae и щ-Prt, а также в Imf. Глаголы типа С₁ имеют в этих субпарадигмах посткорневое ударение (флекссионное или суффиксальное), глаголы типа С₂ показывают полуотметность: бесприставочные имеют поскорневое ударение, как и в типе С₁; в приставочных — ударение на корне.

Для наглядности приведем сводную таблицу эталонной акцентуации (Табл. I.2), в которой собраны все субпарадигмы, как собственно глагольные, так и именные причастия: акцентовка ш- и н-Prt идентична с Inf и основной подпарадигмой Aor; акцентовка щ-Prt — примыкает к субпарадигмам с полуотметностью Prae и Imf; формы м-Prt представлены скудно, но их акцентовка не противоречит допущению генерализации корневого ударения во всех акцентных типах. При схемах даются примеры из числа представленных в памятниках в условной транслитерации. Затемнены клетки, для которых характер ударения устанавливается не вполне надежно. В схемах используются следующие обозначения морфонологической структуры: □ — лексическая основа (в большинстве случаев — корень), ○ — флексии и словоизменительные суффиксы, △ — приставки, △ — энклитики. Знак многоточия в позиции начала словоформы означает, что бесприставочные и приставочные формы не различаются по акцентуации. Закрашен ударный компонент.

В системе Ап/Ев к акцентному типу А относятся только три семейства: *видѣти*, *вистѣти* и *слышати*, прочие принадлежат акцентному типу С. В рамках типа С квалификация конкретных семейств не всегда надежна в силу имеющихся колебаний. В эталоне к подтипу С₁

⁷ В целях удобства акцентного описания глагольная парадигма разделена на следующие зоны, называемые подпарадигмами: Inf — инфинитив; 1SgPr — форма 1Sg презенса; Prae — прочие формы презенса; 3SgAor — форма 2–3Sg аориста; Aor — прочие формы аориста; Imf — все формы имперфекта; Inv — все формы императива; щ-Prt, м-Prt, ш-Prt, н-Prt, л-Prt — формы соответствующих причастий, с подразделением на синкопированные и развернутые в активных причастиях (*щ-* и *ш-*), см. [Поливанова 2013: 178–183]. Термин «эталон, эталонный» употребляется по отношению к характеристикам словоформ в смысле «правильный в соответствии с данной грамматикой», см. подробнее [Поливанова 2013: XVII–XXV, Пекунова 2023а: 140–146].

Табл. 1.2. Эталонная акцентуация *ě/i-глаголов в Ап/Ев

	A	C ₁	C ₂
1SgPr	... ▣ ○ услышу	▣ ○ лёжу, трѣплю ▣ ○ убою, пощещу	▣ ○ бою се, трѣплю вы ▣ ○ убою се
Prac	... ▣ ○ услышите	▣ ○ мльчить, зриши бо ▣ ○ умльчить, прозриши	▣ ○ лежить, стоите ▣ ○ налѣжить, отстоите
Imf	... ▣ ○ ненавидѣху, слышааху же	... ▣ ○ бояху се, трѣху бо	▣ ○ лежааше, стояаху ▣ ○ належааше, устояаху
ш-Prт* NSgm	... ▣ ○ слыше, видѣи, ненавидѣ	▣ ○ / ▣ ○ стоѣ / стоѣ, горѣ / горѣ ▣ ○ боѣ се, съѣди ▣ ○ сумнѣ се, сумнѣи бо се	▣ ○ стоѣи ▣ ○ прѣдстоѣи, одрѣже
ш-Prт Ап	... ▣ ○ ○ слышеце, видѣце, завидѣце	▣ ○ лежѣца ▣ ○ належѣци	▣ ○ дрѣжѣцу ▣ ○ одрѣжѣцаго
ш-Prт Ев		▣ ○ бдеце, скрѣбѣце ▣ ○ набдеци	▣ ○ стоеце ▣ ○ отстоѣцу
Imv	... ▣ ○ услыши, видѣте	... ▣ ○ бѣжи, повѣли, дрѣжи, удрѣжи, дрѣжите се, потрѣните	
л-Prт	... ▣ ○ ○ видѣль, видѣли	... ▣ ○ повѣль, възмѣли се	
3SgAor	... ▣ ○ видѣ, обидѣ, услыша	... ▣ ○ болѣ, повѣлѣ, бѣжа же, постыдѣ се	
Aor, Inf, ш-, н-Prт	... ▣ ○ ○ видѣше, услышаше; видѣти, услышати; видѣше, услышавше; видѣнь, услышани	... ▣ ○ бѣжаше, избѣжаше, повѣлѣхомъ, прѣтрѣпѣсте; бѣжати, убѣжати, повѣлѣти, прилежати; болѣвши, прѣзрѣв, убоѣв се, убоѣвши се, извѣрѣвши; дрѣжану, повѣлѣну	
м-Prт		... ▣ ○ ○ видѣми, ненавидѣми, обстоѣмъ, одрѣжимѣ, съдрѣжѣмо	

(неполуотметному) отнесены семейства бояти се, бѣжати, велѣти, зѣрѣти (имеются отклонения в глаголе у-зѣрѣти), кѣснѣти, мльчати, мьнѣти (имеются отклонения в глаголе по-мьнѣти 'помнить'), свѣтѣти ('светить'), стыдѣти, трѣпѣти, тѣцати, щедѣти. К подтипу C₂ (полуотметному) отнесены семейства вѣрѣти, дрѣжати ('держать', но глагол у-дрѣжати по типу C₁), лежати, стояти (последние два глагола показывают ряд отклонений по типу C₁ в Ап.

1.3. Полуотметность в классе *ě/i-глаголов как акцентологическая изоглосса

Как уже отмечалось, полуотметность презенса оказывается важнейшим акцентным признаком *ě/i-глаголов не только в системе Ап/Ев, но и в ряде других славянских систем, также показывающих разбиение *ě/i-глаголов на три основных акцентных типа, аналогичных типам А, С₁ и С₂, описанным выше для системы Ап/Ев. Такого рода системы (как современные, так и отраженные в акцентуированных памятниках), хотя и сравнительно немногочисленные, представлены в разных частях славянского мира: с одной стороны, в центре южнославянской зоны — некоторые южноштокавские и западноболгарские диалекты, а с другой стороны — на западе восточнославянской зоны, а именно в ряде западноукраинских и западнобелорусских говоров⁸. Описанный некомпактный ареал, характерный и для ряда других так называемых карпато-балканских изоглосс, указывает скорее на древность явления полуотметности в презенсе *ě/i-глаголов, чем на его инновационный характер.

Этот вывод подтверждается и тем, что состав классов (А ~ С₁ ~ С₂) достаточно устойчив по разным славянским диалектам. Таким образом, мы можем (с рядом колебаний) реконструировать распределение глагольных семейств по соответствующим классам для системы-источника группы «карпато-балканских» акцентных систем типа системы Ап/Ев. В *Табл. 1.3* приведены сводные данные по [ОСА 1993] в совмещении с данными системы Ап/Ев. Инфинитивы выписаны в условной праславянской реконструкции; жирным шрифтом выделены глаголы, представленные в системе Ап/Ев; наличие колебаний отмечено символом //. Отметим, что речь всегда идет о колебаниях между полуотметным и неполуотметным типом С, при этом для выбора основного варианта, отраженного в таблице, предпочтение отдано тому типу акцентировки, который представлен в изучаемой системе Ап/Ев.

Табл. 1.3. Акцентные типы Prae *ě/i-глаголов по данным славянских диалектов

Устойчивое корневое (тип А)	Устойчивое флексийное (тип С ₁)		Полуотметное (тип С ₂)
slyšati vědēti vidēti visēti	běžati bojati //	smьrdēti svьtēti stydēti ščedēti тъrpēti //	držati ględēti ležati stojati // sēdēti vьrtēti //
	drъžati gorēti grьmēti kypēti kъsnēti mylčati // myнēti //	тъpēti // тъščati velēti zvьnēti zьrēti //	

⁸ См. подробнее [ОСА 1993: 32–36, СЯ 1993: 82–86].

Таким образом, в синхронном плане, в классе *ě/i-глаголов для изучаемой группы диалектов, вероятно, восходящих к определенной позднепраславянской общности, представлены три акцентных типа, для дифференциации которых ключевую роль играет свойство полноты ударения.

Следует специально отметить, что остальные славянские идиомы, не принадлежащие к описанной группе, показывают обычно только два основных акцентных типа в среде *ě/i-глаголов, а именно, тип с устойчивым корневым ударением во всех формах парадигмы (аналогичный описанному выше типу А) противопоставлен обобщенному типу С, показывающему суффиксальное ударение в формах от инфинитивной основы и, как правило, флексивное — в презенсе⁹.

II. Праславянская реконструкция ударения *ě/i-глаголов

II.1. Традиционная реконструкция

Традиционно среди *ě/i-глаголов для праславянского (ПСл) реконструируются только два акцентных типа глаголов — а. п. *a* и а. п. *c*¹⁰. В частности, именно такая реконструкция приводится А. А. Зализняком для раннедревнерусского, максимально приближенного к «позднему праславянскому», состояния [Зализняк 1985: 113, 160–165, 131–140]. Однако, как общие соображения¹¹, так и материалы внешнего и внутриславянского сравнения, о которых речь пойдет ниже, дают основания предполагать, что изначально в данном классе (как и в других словоизменительных группах) были представлены все три основных ПСл а. п. (*a*, *b* и *c*), но в силу близости в парадигме *ě/i-глаголов акцентных кривых а. п. *b* (в разновидности *b*₂)¹² и а. п. *c*, они в последствии совпали

⁹ Во всяком случае, для таких систем принято реконструировать изначально флексивное ударение презенса для всех глаголов типа С. В конкретных идиомах могут действовать свои правила, в том числе и приводящие к разделению акцентного типа С на те или иные подтипы. Ср., например, положение в современном литературном русском: [Зализняк 1985: 27–29; Зализняк 2019]. Основания для общепринятой реконструкции см. ниже в Разделе II, а также в работах [ОСА 1993: 31; Зализняк 1985: 133–140].

¹⁰ Сокращение «а. п.» здесь и далее читается «акцентная парадигма».

¹¹ В нормальном случае разнообразие акцентных парадигм, которое соответствует разнообразию акцентно-морфологических типов корней, не должно быть детерминировано парадигматическим классом.

¹² Разграничение вариантов а. п. *b* в Прае разных словоизменительных классов глаголов связано с ПСл маркировкой первой (тематической) гласной окончания (*e/*o или *i/*e): вариант а. п. *b*₁ соответствует плюсовой (доминантной) маркировке этого форматива, а вариант а. п. *b*₂ — минусовой (рецессивной). Оба варианта маркировки и, соответственно, две акцентные кривые (а. п. *b*₁ и а. п. *b*₂) фактически представлены только у *i-глаголов (см. подробнее [Пекунова 2023б], а также [СЯ 1988] и [ОСА 1993: 52]), в классе *ě/i-глаголов для ПСл реконструируется только вариант *b*₂. Соответственно, ниже в порядке упрощения

в большинстве славянских диалектов. В *Табл. II.1.1* показана соответствующая схематическая реконструкция ПСл акцентных кривых для форм презенса *ě/i-глаголов.

Табл. II.1.1. Акцентные кривые презенса *ě/i-глаголов в ПСл

ПСл	а. п. <i>a</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>
1SgPr	 	 	
Prae	 	 	

Как видно из *Табл. II.1.1*, акцентные кривые а.п. *b*₂ и а.п. *c* в ПСл в парадигме *ě/i-глаголов различаются только в форме 1SgPr (флексивное ударение в а.п. *b*₂ vs энклиномены в а.п. *c*) и в месте ударения в двусложных окончаниях Prae: на первой гласной окончания (тематическом *i) в а.п. *b*₂ vs на последней гласной окончания (собственно флексивной) в а.п. *c*¹³.

Относительно основной подпарадигмы презенса (Prae) ясно, что после падения редуцированных, когда ударение форм 3Sg, 3Pl и (в ряде языков) 1Pl в а.п. *b*₂ и а.п. *c* совпало фонетически, противопоставление в формах 2-го лица уже практически не могло удержаться.

Что же касается форм 1Sg, следует учесть, что для ПСл реконструируется также зависимость места ударения в тактовой группе, содержащей энклиномен, от наличия или отсутствия в этой тактовой группе энклитик. А именно, энклитики (в большинстве имеющие плюсовую маркировку в ПСл) получают ударение в соответствии с этой маркировкой и минусовыми маркировками остальных членов тактовой группы, например: GSg *ròda, *òt roda, *roda žé, *ot roda žé¹⁴. Известна также модификация этого правила, при которой автономное ударение ставится не на саму энклитику, а на предшествующий ей слог: *rodá že, *ot rodá že (см., например, [Зализняк 1985: 125]). С учетом данной модификации, можно предполагать такой характер ударения в 1SgPr *ě/i-глаголов в ПСл (*Табл. II.1.2*).

при обсуждении *ě/i-глаголов может использоваться обозначение вида а.п. *b* индекса.

¹³ Аналогичная ситуация представлена в презенсе глаголов 4-го класса (тематических).

¹⁴ Знаком грависа в ПСл реконструкциях обозначается автоматическое ударение энклиноменов, знаком акута — автономное ударение ортогонических тактовых групп, подробнее см., например, [Зализняк 1985: 118–127].

Табл. II.1.2. Акцентуация 1SgPr в ПСл

ПСл	а. п. <i>a</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>
1SgPr			

Легко видеть, что схема, приведенная в Табл. II.1.2 для ПСл а. п. *c*, совпадает с эталоном, постулированным для системы Ап/Ев в акцентном типе С, восходящем к ПСл а. п. *b* и *c* в целом — т. е. и в полуотметном, и в неполуотметном подтипах (Табл. I.2). Иными словами, можно было бы интерпретировать наблюдаемое в нашей системе состояние как обобщение в форме 1SgPr ударения, свойственного глаголам ПСл а. п. *c* на глаголы ПСл а. п. *b*. Вероятнее, однако, что в собственно эволюционном плане речь должна идти о контаминации, приводившей не только к переакцентовкам форм а. п. *b* по образцу а. п. *c*, но и к переакцентовкам в обратном направлении¹⁵.

Таким образом, и в основной подпарадигме, и в форме 1Sg акцентные кривые ПСл а. п. *b* и а. п. *c* оказываются практически неразличимы и, естественно, легко смешиваются.

II.2. Косвенные данные о различении а. п. *b* и а. п. *c* среди *ě/i-глаголов

Разберем подробнее те соображения, которые могут свидетельствовать в пользу первоначального различения а. п. *b* и а. п. *c* в классе ПСл *ě/i-глаголов.

Речь идет, во-первых, об акцентуации каузативных *i-глаголов, производных от различных *ě/i-глаголов. Некоторые такие ПСл каузативы показывают а. п. *c*, другие — а. п. *b*₂, что предполагает акцентное различие производящих. Например: *sěděti → *saditi (а. п. *c*), но *tърpěti → *torpiti (а. п. *b*₂), см. подробнее [Дыбо 1981: 259–260; ОСА 1990: 109–120; ОСА 1993: 42–43].

Во-вторых, показательно поведение долгосложных *ě/i-глаголов в южнолехитских (малопольских и некоторых силезских) говорах: там одни лексемы сохраняют долготу корня, а другие сокращаются, причем такое же различие представлено в этих говорах у долгосложных *i-глаголов, где оно явно скоррелировано с ПСл акцентной характеристикой глагола. Долгосложные *i-глаголы ПСл а. п. **c* в южнолехитском сокращаются, а долгосложные *i-глаголы ПСл а. п. **b*₂ — сохраняют долготу корня. Например: *valiti (а. п. *c*) → м.-пол. *valić* (краткий в корне),

¹⁵ Ср. девиации типа *трылѣ* (2×) в Ев. По имеющимся данным (в частности, [ОСА 1993]), эту форму можно было бы интерпретировать как сохраняющую исконное ударение (см. ниже), но в любом случае материала недостаточно для каких-либо твердых выводов.

но *paliti (а. п. *b*₂) → м.-пол. *pālīc* (долгий в корне). Естественно предположить, что сокращение долгосложных *ě/i-глаголов в южнолехитском происходит по тому же правилу, см. подробнее [ОСА 1993: 37–38].

Подобное южнолехитскому сокращение этимологически долгих гласных в некоторых исконно долгосложных *ě/i-глаголах имеет место в кайкавском говоре Бедни [Jedvaj 1956: 314–315, материал приводится по ОСА 1993: 36–37] и в штокавском (сербском литературном) [Даничић 1925: 126–131; ОСА 1993: 36–37; Каровић 2018: 227–228], однако в этих диалектах картина значительно более размыта в силу большего числа колебаний внутри отдельных глагольных семейств и значительных генерализаций по ряду семантических и морфонологических оснований.

В Табл. II.2.1 приводится сводная характеристика (насколько ее удастся установить по указанным косвенным данным) для тех *ě/i-глаголов, для которых традиционно принято реконструировать ПСл а. п. *c*¹⁶. Первая часть таблицы отвечает долгосложным глаголам, для которых принципиально возможны все три вида косвенных свидетельств. Вторая часть таблицы содержит краткосложные глаголы, для которых вопрос о сохранении долготы корня нерелевантен, а вопрос об а. п. каузатива не всегда прозрачен¹⁷. В каждой части таблицы семейства приведены в алфавитном порядке условной ПСл реконструкции, записанной в латинице.

Табл. II.2.1. Косвенные данные о различении ПСл а. п. *b*₂ и *c* среди *ě/i-глаголов

ПСл глагол	ю.-лехитский	серб./хорв.	ПСл каузатив	ПСл а. п.
<i>долгосложные</i>				
<i>běžati</i>	д. // кр.	д. // кр.		?
<i>dърžati</i>	кр.	кр.		<i>c</i>
<i>ględęti</i>	кр.	д.		?
<i>kypęti</i>		д.		<i>b</i> ₂ *

¹⁶ Включены только те семейства, для которых соответствующие данные достаточно релевантны. Знак // означает колебание, знак вопроса в столбце «ПСл а. п.», соответственно, обозначает неопределенность реконструкции. Знак * в столбце «ПСл а. п.» означает, что реконструкция опирается всего лишь на одно свидетельство из трех возможных; знак (/) в том же столбце — тот факт, что не все представленные свидетельства поддерживают реконструированную ПСл а. п., но только их большая часть.

¹⁷ Речь идет о глаголах *gromiti и *zvонiti, которые могут быть признаны не каузативами к *gръmęti и *zвъnęti соответственно, а деноминативами от имен *gромъ и *zвънь. В этой связи при реконструкции ПСл а. п. с глаголов *gръmęti и *zвъnęti в таблице проставлен надстрочный знак вопроса.

ПСл глагол	ю.-лехитский	серб./хорв.	ПСл каузатив	ПСл а. п.
mylčati		д. // кр.		?
myrzěti	кр.	д.	а. п. с	с (/)
pyrděti	кр.	д. // кр.		с (/)
sěděti	кр.	кр.	а. п. с	с
skъrběti		д.		b_2 *
smъrděti	кр.	д. // кр.	а. п. с	с (/)
styděti		д.		b_2 *
svъrběti		д. // кр.		?
ščeděti		д.		b_2 *
tъrčati	д.	д. // кр.		b_2 (/)
tъrpěti	д.	д. // кр.	а. п. b_2	b_2 (/)
vъrtěti		д. // кр.	а. п. b_2	b_2 (/)
<i>краткосложные</i>				
grъměti			ʔа. п. с	ʔс
ležati			а. п. b_2	b_2
zvъněti			ʔа. п. с	ʔс

В Табл. II.2.2 те же данные приведены в более компактном виде и без конкретных обоснований.

Табл. II.2.2. Сводные данные о различии ПСл а. п. b_2 и с среди *ě/i-глаголов

ПСл а. п. ПСл корень	b_2	с	данные колеблются
краткий (*о, *е, *ъ, *ь)	ležati	ʔgrъměti ʔzvъněti	
долгий (прочие)	kyрěti* tъrčati (/) skъrběti* tъrpěti (/) styděti* vъrtěti (/) ščeděti*	dъržati myrzěti (/) pyrděti (/) sěděti smъrděti (/)	běžati ględěti mylčati svъrběti

III. Сопоставление синхронной и исторической классификации *ě/i-глаголов

Естественно, у исследователя напрашивается мысль сопоставить разбиение на акцентные типы, реконструированное для условного позднепраславянского состояния, из которого развились диалекты с полуотметностью в *ě/i-презенте (Табл. I.3) с разбиением тех же глаголов на ПСл а. п., полученным, в том числе, на основании косвенных данных, как это описано в Разделе II.

Такое сопоставление показывает, что глаголы синхронного акцентного типа А (с неподвижным корневым ударением во всех формах парадигмы) однозначно соответствуют группе глаголов, для которых традиционно по всем славянским данным реконструируется ПСл а. п. а, а именно, таковы глаголы *viděti*, *visěti*, *věděti*, *slyšati*.

Для прочих глагольных семейств имеет место соотношение, показанное в Табл. III.1, в которой на разбиение по ПСл а. п. *b*₂ и *c* (показанное в Табл. II.2.2) «наложено» разбиение по полуотметному и устойчиво флексийному акцентным типам из Табл. I.3. Полуотметным выделены глаголы, курсивом — семейства с устойчиво флексийным ударением Прае, бледным шрифтом даны глаголы, для которых данные по полуотметности отсутствуют. Прочие обозначения — те же, что в Табл. II.2.2.

Табл. III.1. ПСл а. п. vs полуотметность

ПСл а. п. ПСл корень	<i>b</i> ₂	<i>c</i>	данные колеблются
краткий (*о, *е, *ъ, *ь)	ležati	<i>grьměti</i> <i>zvьněti</i>	
долгий (прочие)	<i>kypěti*</i> <i>тъrčati</i> (/) <i>skъrběti*</i> <i>тъrpěti</i> (/) <i>styďěti*</i> <u>vьrtěti</u> (/) <i>ščęďěti*</i>	ďьržati <i>мыržeti</i> (/) <i>pyrděti</i> (/) sěděti <i>smьrděti</i> (/)	<i>běžati</i> ględěti <i>mylčati</i> <i>svьrběti</i>

Нетрудно видеть, что основная закономерность такова: краткосложные глаголы ПСл а. п. *b*₂ показывают полуотметное ударение презенте, а краткосложные глаголы ПСл а. п. *c* — устойчиво флексийное; для долгосложных глаголов соотношение обратное: ПСл а. п. *b*₂ отвечает устойчиво флексийное ударение презенте, а ПСл а. п. *c* — полуотметное ударение. Исключение на первый взгляд представляют глаголы *vьrtěti* и *smьrděti* (подчеркнуты в Табл. III.1), однако для них обоих, как было показано, имеются колебания в данных по реконструкции ПСл а. п.¹⁸

¹⁸ Для глагола *vьrtěti* имеют место также колебания между полуотметным и устойчиво флексийным типами по разным диалектам (см. выше Табл. I.3).

Оказывается, таким образом, что имеет место следующее любопытное соотношение (Табл. III.2).

Табл. III.2. ПСл а. п. vs полуотметность: основное соотношение

Ударение в Ргае ПСл корень	Полуотметное	Устойчивое флекссионное	Устойчивое корневое
Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>	
Долгий (прочие)	а. п. <i>c</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>a</i>

Именно к такому выводу пришли в свое время авторы работы [ОСА 1993]. Если экстраполировать найденную закономерность на весь корпус глаголов, для которых удастся установить полуотметный или устойчиво флекссионный характер презентного ударения, включающий в настоящей работе помимо корпуса [ОСА 1993], также и корпус системы Ап/Ев, мы получим следующее распределение глагольных семейств (Табл. III.3)¹⁹.

Табл. III.3. ПСл а. п. vs полуотметность: распределение глагольных семейств

Ударение в Ргае ПСл корень	Полуотметное	Устойчивое флекссионное	Устойчивое корневое
Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	а. п. <i>b</i> <i>лежати</i> <i>стояти</i> //	а. п. <i>c</i> <i>²бояти</i> // <i>зьръти</i> <i>велъти</i> <i>къснъти</i> <i>горъти</i> <i>мьнъти</i> // <i>гръмъти</i> <i>свьтъти</i> <i>дръжати</i> <i>тъщати</i> <i>звънъти</i>	
Долгий (прочие)	а. п. <i>c</i> <i>²врътъти</i> // <i>дръжати</i> <i>гледъти</i> <i>мръзъти</i> <i>пръдъти</i> <i>съдъти</i>	а. п. <i>b</i> <i>бъжати</i> <i>стыдъти</i> <i>кыпъти</i> <i>тръпъти</i> // <i>мльчати</i> // <i>тръчати</i> <i>скръбъти</i> <i>щедъти</i> <i>²сморъдъти</i>	а. п. <i>a</i> <i>видъти</i> <i>висъти</i> <i>въдъти</i> <i>слышати</i>

¹⁹ Приводятся имена семейств в условной староштокавской одноеровой орфографии в алфавитном порядке кириллицы. Глаголы, показывающие колебания между полуотметным и устойчиво флекссионным характером ударения, помечены знаком //, глаголы с не вполне надежно реконструируемой ПСл а. п. (*бояти*, *врътъти*, *сморъдъти*) помечены надстрочным знаком вопроса и размещены по группам в соответствии с характером ударения в презенсе, при этом для глагола *бояти* речь идет о расхождении показаний системы Ап/Ев с реконструкцией [ОСА 1993]; о глаголах *врътъти* и *сморъдъти* см. выше. Бледным шрифтом даны глаголы, для которых отсутствуют либо данные по полуотметности, либо косвенные данные по реконструкции ПСл а. п. *b* или *c* (см. Табл. II.2.1).

IV. Гипотеза акцентной эволюции в группе *ě/i-глаголов
ПСл а.п. *b* и *c*

Как было показано (Табл. III.2), разбиение *ě/i-глаголов по наличию или отсутствию полуотметности в формах основной субпарадигмы презенса, реконструируемое для группы восточно- и южнославянских идиомов, включая изучаемую южноштокавскую систему, оказывается довольно неожиданным образом скоррелировано с их разбиением по ПСл акцентным парадигмам, насколько это последнее разбиение удастся установить по косвенным данным. Поскольку количество обсуждаемых глагольных семейств довольно ограничено, а их акцентное поведение в диалектах и памятниках часто неустойчиво, попытки обосновать ту или иную акцентную эволюцию *ě/i-глаголов от праславянского к наблюдаемому состоянию вряд ли можно было бы признать состоятельными хотя бы потому, что вид акцентных кривых для ПСл а.п. *b* и *c* в этом классе глаголов не поддается надежной реконструкции по данным наблюдаемых славянских диалектов²⁰. Однако высказать предположение о возможном характере по крайней мере завершающих этапов такой эволюции в конкретном идиоме представляется все же допустимым. Далее предпринята соответствующая попытка для изученной мной акцентной системы Ап/Ев.

Вернемся к Табл. III.2, переформулировав ее как правила перехода от ПСл акцентных и морфонологических характеристик к характеру ударения в Прае, наблюдаемому в наших памятниках. Буквой К будем обозначать устойчивое корневое ударение в глагольном семействе в эталоне Ап/Ев, буквой Ф — устойчивое флексийное, буквами П-О — полуотметное. Табл. IV.1 показывает состояние в изучаемой южноштокавской системе Ап/Ев.

Табл. IV.1. Этимологическая интерпретация разбиения *ě/i-глаголов по ударению Прае в южноштокавском (Ап/Ев)

ПСл а.п. ПСл корень	* <i>b</i> ₂	* <i>c</i>	* <i>a</i>
Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	П-О	Ф	
Долгий (прочие)	Ф	П-О	К

²⁰ Приводившиеся выше (Табл. II.1.1, II.1.2) реконструкции — чисто теоретические, они исходят из ожидаемого на основе системных соображений положения в ПСл.

Для построения предполагаемой эволюции мы должны, во-первых, постулировать состояние, предшествующее наблюдаемому в нашей системе (назовем его «праштокавское»), а во-вторых, задать правила перехода от праштокавского состояния к представленному в эталоне Ап/Ев так, чтобы эти правила допускали историко-акцентологическую интерпретацию.

Схематически предлагаемое решение представлено в Табл. IV.2.

Табл. IV.2. Перестройка ударения Prae *ě/i-глаголов ПСл а. п. * b_2 и * c в южноштокавском (Ап/Ев)

Праштокавский			Ап/Ев		
ПСл а. п. ПСл корень	* b_2	* c		ПСл а. п. ПСл корень	* b_2 * c
Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	П-О	Ф	→	Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	П-О Ф
Долгий (прочие)	Ф	Ф		Долгий (прочие)	Ф П-О

Для праштокавского состояния предполагается полуотметность Prae для краткосложных глаголов ПСл а. п. b_2 и устойчивое флексийное ударение для всех прочих (за исключением, разумеется, наследников ПСл а. п. a). Далее мы предполагаем следующее.

Интонационные свойства корня в глаголах ПСл а. п. b_2 и c были в праштокавском различны, причем в краткосложных глаголах это соответствовало различию презентного ударения как полуотметного или устойчиво флексийного.

Дальнейшее развитие долгосложных глаголов с разными интонационными свойствами корней было различным. А именно, корневые гласные долгосложных глаголов ПСл а. п. c сокращались, а корневые гласные долгосложных глаголов ПСл а. п. b_2 сохраняли долготу (как это характерно и для ряда других славянских диалектов, включая классический литературный штокавский, в котором полуотметность в этом классе глаголов отсутствует²¹, см. выше Раздел II.2, а также [ОСА 1993: 36–43]).

При этом, однако, интонационная характеристика таких сокращенных корней совпадала не с интонационной характеристикой

²¹ По [Даничић 1925]. В некоторых современных диалектах, включая литературные, полуотметность фиксируется, причем иногда распространена на все *ě/i-глаголы, см. [Karović 2018: 228–229].

исконно кратких корней в глаголах ПСл а. п. *c*, а с характеристикой корневой гласной краткосложных глаголов а. п. *b*₂. Соответственно, презенсы этих глаголов получали характерное полуотметное ударение.

Конечно, о фонетической природе предполагаемых различий можно только гадать²², однако предположить сам факт интонационного противопоставления представляется допустимым.

Подтверждение предложенной гипотезы можно видеть и в характере развития ударения основной субпарадигмы презенса в классе *i-глаголов в системе Ап/Ев. Подробное описание этого класса опубликовано в [Пекунова 2023б], здесь же достаточно отметить, что наблюдаемое в системе Ап/Ев состояние с почти полностью вытесненной полуотметностью Прае краткосложных глаголов ПСл а. п. *b*₂ и распространением устойчивого корневого ударения на все долгосложные глаголы можно объяснить, исходя из того же процесса сокращения долгосложных лексем ПСл а. п. *c* и интонационного уподобления их полуотметным краткосложным глаголам ПСл а. п. *b*₂ с последующим распространением корневого ударения на все полуотметные глаголы, вероятно, под влиянием лексем ПСл а. п. *b*₁²³. Соответствующая схема приведена в Табл. IV.3.

Табл. IV.3. Перестройка ударения Прае *i-глаголов ПСл а. п. **b*₂ и **c* в южноштокавском (Ап/Ев)

Праштокавский					Праштокавский+				Ап/Ев		
ПСл а. п.	$*b_1$	$*b_2$	$*c$		$*b_1$	$*b_2$	$*c$		$*b_1$	$*b_2$	$*c$
ПСл корень											
Краткий (*ъ, *ь, *о, *е)	К	П-О / К	Ф	→	К	П-О / К	Ф	→	К	К / (П-О)	Ф
Долгий (прочие)	К	К	Ф		К	К	П-О / К		К	К	К

²² В частности, можно думать как о разных тональных контурах или степенях долготы слононосителей, так и о тех или иных собственно сегментных характеристиках — например, различении степеней подъема (ср. генезис противопоставления двух фонем «типа о» в древнерусском, см. [Зализняк 2010: 173–180, 571–572]) или степеней напряженности и т. п.

²³ Для корней ПСл а. п. *b*₁ нет необходимости предполагать особую интонационную характеристику корня, отличающуюся от интонационных характеристик глаголов ПСл а. п. *b*₂, так как их различное акцентное поведение в презенсе, характерное для всех славянских языков, обусловлено акцентно-морфологическим отличием сегментно одинаковых презентных окончаний, оформлявших специфическую словообразовательную группу итеративов (глаголы ПСл а. п. *b*₁).

Таким образом, характерная для *е/і-глаголов «зеркальная» картина распространения полуотметности в глаголах исконных а.п. **b*₂ и а.п. *с, просматривается и в *і-глаголах на предшествующем этапе предполагаемого акцентного развития.

Библиография

Источники

Даничић 1925

Даничић Б., *Српски акценти*, Београд-Земун, 1925.

Опись ОР. Ф. 178.4

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 178/І, Музейное собр., русская и славянская часть, опись, том 4, № 6501–8461, Москва, 1969, машинопись.

Стоянов, Кодов 1964

Стоянов М., Кодов Хр., *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека*, 3, София, 1964.

Jedvaj 1956

Jedvaj J., Bednjanski govor, *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1, 1956, 279–330.

Литература

Дыбо 1981

Дыбо В. А., *Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм*, Москва, 1981.

——— 2000

Дыбо В. А., *Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис*, І, Москва, 2000.

Зализняк 1985

Зализняк А. А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985.

——— 2010

Зализняк А. А., *Труды по акцентологии*, І, Москва, 2010.

——— 2019

Зализняк А. А., К истории одного нефонетического изменения, *Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева*, Журавлев А. Ф., отв. ред., Москва, 2019, 164–204.

Мошин 1973

Мошин В. А., Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей, *Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*, 1, Москва, 1973, 43–75.

Николаев 2014

Николаев С. Л., История штокавской акцентуации і-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. «Апостол» (НБКМ № 889), *IWoBa VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији* (= Славистички зборник. Нова серија, І), Нови Сад, 2014, 269–283.

ОСА 1990

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л., *Основы славянской акцентологии*, Москва, 1990.

——— 1993

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л., *Основы славянской акцентологии. Словарь*, Москва, 1993.

Пекунова 2009

Пекунова И. С., О некоторых акцентуационных особенностях существительных а. п. с в старосербских памятниках, *Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology*, Olander T, Larsson J. H., eds. (= *Studies in Slavic and General Linguistics*, 35), Amsterdam, New York, 2009, 93–100.

——— 2011

Пекунова И. С., Некоторые особенности глагольной акцентуации в староштокавских памятниках XV в., *Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology*, Pronk T., Derksen R., eds. (= *Studies in Slavic and General Linguistics*, 37), Amsterdam, New York, 2011, 295–308.

——— 2022

Пекунова И. С., Отроду не видано, сроду не слыхано, а на роду написано. Особенности развития существительных подвижного акцентного типа в славянских идиомах, *Slověne*, 2022, 11/2, 209–243.

——— 2023a

Пекунова И. С., Образец эталонного описания акцентуации средневековых текстов (и-глаголы в двух староштокавских памятниках XV в.), *Русин*, 2023, 72, 138–160.

——— 2023b

Пекунова И. С., Акцентуация i-глаголов в двух староштокавских памятниках XV в., *Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. К 90-летию В. А. Дыбо*, Николаев С. Л., отв. ред., Москва, 2023, 283–373.

Поливанова 2013

Поливанова А. К., *Старославянский язык. Грамматика. Словари*, Москва, 2013.

СЯ 1988

Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л., Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском, *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации*, Москва, 1988, 31–66.

——— 1993

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л., Праславянская акцентология и лингвогеография, *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации*, Москва, 1993, 65–88.

Цонев 1903

Цонев Б., *Към историята на български език*, София, 1903.

——— 1919

Цоневъ Б., *История на български езикъ*, 1, София, 1919.

Каровић 2018

Каровић М., Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire), *RASPRAVE. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 44/1, 2018, 159–285.

References

Bulatova R. V., Dybo V. A., Nikolaev S. L., Problemy aktsentologicheskikh dialektizmov v praslavi-anskom, *Slavianskoe iazykoznanie. 10 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Sofiia, sentiabr' 1988 g. Doklady sovetskoi delegatsii*, Moscow, 1988, 31–66.

Dybo V. A., *Slavianskaia aktsentologija. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentnykh paradigm*, Moscow, 1981.

Dybo V. A., *Morfonologizovannye paradigmaticheskie aktsentnye sistemy. Tipologija i genezis*, 1, Moscow, 2000.

Dybo V. A., Zamiatina G. I., Nikolaev S. L., Praslavianskaia aktsentologija i lingvogeografiia, *Slavianskoe iazykoznanie. 11 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Bratislava, sentiabr' 1993 g. Doklady rossijskoi delegatsii*, Moscow, 1993, 65–88.

Dybo V. A., Zamiatina G. I., Nikolaev S. L., *Osnovy slavianskoi aktsentologii*, Moscow, 1990.

Dybo V. A., Zamiatina G. I., Nikolaev S. L., *Osnovy slavianskoi aktsentologii. Slovar'*, Moscow, 1993.

Jedvaj J., Bednjanski govor, *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1, 1956, 279–330.

Kapović M., Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire), *RASPRAVE. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*, 44/1, 2018, 159–285.

Moshin V. A., Paleograficheskoe-orfograficheskoe normy iuzhnoslavianskikh rukopisei, *Metodicheskoe posobie po opisaniiu slaviano-russkikh rukopisei dlia Svodnogo kataloga rukopisei, khраниashchikhsia v SSSR*, 1, Moscow, 1973, 43–75.

Nikolaev S. L., Istoriia shtokavskoi aktsentuatsii i-glagolov v svete dannykh staroserbskoi rukopisi 15 v. "Apostol" (NBKM № 889), *IWoBA 8. Referati 8 medzunarnodnog skupa o baltoslovenskoj akcentologiji* (= Slavistichki zbornik. Nova serija, 1), Novi Sad, 2014, 269–283.

Pekunova I. S., O nekotorykh aktsentuatsionnykh osobennostiakh sushchestvitel'nykh a. p. c v staroserbskikh pamiatnikakh, *Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology*, Olander T., Larsson J. H., eds. (= Studies in Slavic and General Linguistics, 35), Amsterdam, New York, 2009, 93–100.

Pekunova I. S., Nekotorye osobennosti glagol'noi aktsentuatsii v staroshtokavskikh pamiatnikakh XV v., *Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology*, Pronk T., Derksen R., eds. (= Studies in Slavic and General Linguistics, 37), Amsterdam, New York, 2011, 295–308.

Pekunova I. S., Ótrodu ne vidano, sródu ne slykhano, a na rodú napisano. Features of the Development of Mobile Accent Type Nouns in Slavic Idioms, *Slověne*, 2022, 11/2, 209–243.

Pekunova I. S., A model description of accentuation in medieval texts (i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century), *Rusin*, 2023, 72, 138–160.

Pekunova I. S., Accentuation of i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century, *Baltoslavica Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations*, Vladimir A. Dybo in memoriam, Nikolaev S. L., otv. red., Moscow, 2023, 283–373.

Polivanova A. K., *Staroslavianskii iazyk. Grammatika. Slovari*, Moscow, 2013.

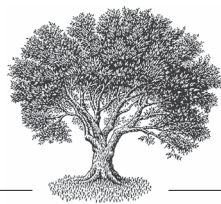
Zalizniak A. A., *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*, Moscow, 1985.

Zalizniak A. A., *Trudy po aktsentologii*, 1, Moscow, 2010.

Zalizniak A. A., K istorii odnogo nefoneticheskogo izmeneniia, *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiiu S. L. Nikolaeva, Zhuravlev A. F., otv. red.*, Moscow, 2019, 164–204.

Ирина Семеновна Пекунова, младший научный сотрудник
сектора лингвистической компаративистики
отдела научных исследований
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., д. 6
irapek@gmail.com

Received November 22, 2023

*Имамь, имѣю, имаю,
иму: конструкции с
глаголами с корнем
им-//ем- в восточно-
славянской деловой
письменности XV в.**

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия;
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

*Imam', iměju, imaju, imu:
Constructions with
Verbs with the Root
im-//em- in the 15th
Century East Slavic
Official Documents*

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Резюме

Работа посвящена исследованию дистрибуции и конкуренции инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *имѣти*, *имати* и *яти*, имеющих референцию к будущему, в восточнославянской деловой письменности XV в. Глаголы *имѣти* и *имати* в сочетании с инфинитивом могли

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

Автор выражает сердечную благодарность Сергею Владимировичу Полехову (ШАГИ ИОН РАНХиГС) за консультации по вопросам деловой письменности Великого княжества Литовского, Дмитрию Владимировичу Сичинаве (Потсдамский университет) за ценные замечания на этапе подготовки статьи, а также двум анонимным рецензентам журнала «Словѣне».

Цитирование: Пенькова Я. А. *Имамь, имѣю, имаю, иму: конструкции с глаголами с корнем им-//ем- в восточнославянской деловой письменности XV в.* // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 198–228.

Citation: Penkova Ya. A. (2025) *Imam', iměju, imaju, imu: Constructions with Verbs with the Root im-//em- in the 15th Century East Slavic Official Documents*. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 198–228.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.07

иметь по две парадигмы: *имамь* и *имѣю*, *имаю* и *маю* соответственно. Глагол *яти* также имел формы, паронимически сходные с названными (*иму*, *имеши* и т. д.). Это могло рождать взаимодействие между конструкциями. Материалом исследования послужили старовеликорусские, старобелорусские и староукраинские деловые тексты XV в. Исследование показало, что в старовеликорусской письменности XV в. объединения парадигм *имѣти* и *яти* не происходило. Здесь выделялись два четких полюса: конструкция *имѣти* + инфинитив со значением будущего времени с усиленной ассерцией в книжной письменности и перифраза *яти* + инфинитив с фазовым или общефактическим значением в не книжной письменности. В старобелорусской деловой письменности XV в. вспомогательный глагол *имати/имѣти* имел вариантный набор форм *имаю/имѣю/маю*, формы типа *иму*, *имеши* соотносились с инфинитивом глагола *яти*. Взаимодействия между *имѣти* и *яти* не происходило, поскольку формы типа *маю* резко преобладали над вариантами *имаю* и *имѣю*, и тем самым формальных оснований для смешения было недостаточно. В староукраинской деловой письменности характер употребления рассматриваемых конструкций различался в зависимости от региона. В молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* было наиболее отчетливо. В диалектах данной территории начала стираться граница между модальной конструкцией с *имати/имѣти* и начинательной с *яти*, что способствовало расширению семантики конструкции *иму* + инфинитив за пределы фазовости и ее проникновению в контексты чистого будущего времени.

Ключевые слова

аналитические формы с референцией к будущему, будущее время, история восточнославянской деловой письменности, модальность, старобелорусский, старовеликорусский, староукраинский, фазовость

Abstract

The paper discusses the distribution and competition of infinitive constructions with the auxiliary verbs *iměti*, *imati* and *jati*, which have a reference to the future, in the 15th century East Slavic official writing. The verbs *iměti* and *imati* in combination with the infinitive could have two paradigms: *imam* and *iměju*, *imaju* and *maju*, respectively. The verb *jati* also had forms paronymically similar to the latter (*imu*, *imeši*, etc.). This could give rise to interaction between constructions with these auxiliaries. The data for the research was collected from the Middle Russian, Middle Belarusian and Middle Ukrainian official documents since the 15th century. It is argued that in the 15th century Middle Russian writing, there was no unification of the paradigms of *iměti* and *jati*. Two clear poles could be distinguished: construction *iměti* + infinitive with the meaning of the future with strong assertion in Church Slavonic writing, and periphrasis *jati* + infinitive with a phase or general factual meaning in vernacular writing. In the 15th century Old Belarusian official documents, the auxiliary verb *imati/iměti* had a set of paradigms *imaju/iměju/maju*, the paradigm *imu*, *imeši* belonging to the verb *jati*. There was no interaction between *iměti* and *jati*, since the *maju*-paradigm strongly prevailed, so that there were no sufficient grounds for confusion. In Old Ukrainian official documents, the use of the constructions in question varied depending on the region. In the

Moldavian documents, the rapprochement between *iměti* and *jati* was most clearly evident. In the dialects of this territory, the boundary between modal constructions with *imati/iměti* and the phase one with *jati* began to blur, which contributed to the expansion of the construction *imu* + infinitive into the modal domain and its penetration into the contexts of the pure future tense.

Keywords

analytical forms with future time reference, future tense, history of East Slavic official writing, inchoativity, modality, Middle Russian, Middle Belarusian, Middle Ukrainian

Предварительные замечания и история изучения

Настоящая работа посвящена исследованию дистрибуции и конкуренции бесприставочных глаголов с корнем *им-//ем-* в конструкциях с инфинитивом в восточнославянской письменности XV в. В истории восточнославянских языков известно несколько таких глаголов, которые могли образовывать конструкции с инфинитивом: *имѣти*, *имати* и *яти* (*иняти*, *няти*)².

У глаголов *имѣти* и *имати* существовало по два набора презентных форм. Глагол *имѣти* исконно изменялся по атематическому типу и имел формы *имамь*, *имаши* и т. д. (1). Однако уже в раннедревнерусский период в письменности фиксируются тематические формы типа *имѣю*, *имѣеши* (2). Глагол *яти* был глаголом первого класса и изменялся по типу *иму*, *имеши*. Глагол *имати* имел исконные формы *емлю*, *емлеши* (3). Однако достаточно рано у него развиваются новые аналогические формы *имаю*, *имаети* (4–6). С семантической точки зрения, изначально *имати* представлял собой итератив глагола *яти*, в таком значении в письменности могли употребляться обе парадигмы этого глагола (3, 6). При этом новая могла достаточно рано утрачивать итеративную семантику (4, 5), что позволило ей вступить в конкуренцию с формами *имамь*, *имѣю* и *иму*, ср.:

- (1) аще хоцещи испытати гораздо то **имаши** оу собе мужи [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Лаврентьевскому списку]³;
- (2) цѣтъ до мнь зѣла **имееш** [БГ №752 (1100–1120 гг.)];
- (3) ѿздаху по онои сторонѣ днѣпра. люди **емлюще**. а другыа сѣкуще [Киевская летопись (1119–1199 гг.)];

² В старобелорусском и староукраинском языках глагол *яти* может иметь формы с начальными *и* и *н* [ССУМ, I: 446].

³ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка даются в той орфографии и с той датировкой, которые представлены в корпусе. Тексты, цитируемые по НКРЯ и историческим словарям, в список источников не вносятся.

- (4) того здѣ не положите, но въ градѣ, иже естъ въ ракоидѣ създалъ. идеже бо аще боудеть тѣло се, оустанка не **имаеть** гра(д) [Александрия (XI–XIII вв.)];
- (5) р(ѣ)е же ѡнѣ ко мнѣ. дѣѡвнаго ѡца твоего еже къ боу мѣтва. на се мѣсто приведе та. показати ти ѡже преже желаніе **имаеши**. [Житие Василия Нового (конец XI в.)];
- (6) и видивше половци побѣгоша. а наши по ни(хъ) погнаша. ѡвы сѣкуща. ѡвы **имающе** [Киевская летопись (1119–1199 гг.)].

В восточнославянской письменности все три глагола в разные периоды могли образовывать конструкции с инфинитивом. Глагол *имѣти* мог сочетаться с инфинитивом как в парадигме *имамъ*, *имаши*, так и в формах по типу *имѣю*, *имѣеши*:

- (7) ты же оунѣ сѣи ѡкоже мню и не **имаши** **трьпѣти** на мѣстѣ семь скърби [Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е гг.)];
- (8) дали ксмы прив[и]лиѣ. аже ис каждого кмета **имѣтъ дати**. по дву грошу. широкою. оу годѣ [Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу на села в Жидачовской волости {Львов} (1375 г.)]⁴.

Конструкции с формами *имамъ* известны уже с эпохи древнейших памятников и являются очень архаичными, конструкции с формами типа *имѣю* в древнерусской письменности ограничены только юго-западными памятниками второй половины XIV в. и — маргинально — новгородско-псковскими (о последних см. [Пенькова 2025]).

Конструкция *имамъ* + инфинитив достаточно хорошо исследована и подробно описана. Назовем лишь некоторые наиболее важные имена исследователей, обращавшихся к данной проблематике: на старославянском материале эту аналитическую форму изучали, к примеру, Х. Бирнбаум [Birnbäum 1958], А. А. Козлов [Козлов 2014], на древнерусском материале — Э. К. Мустафина [Мустафина 1984], М. Н. Шевелева [Шевелева 2019], И. С. Юрьева [Юрьева 2011], на среднерусском материале — Х. Кржижкова [Křížková 1960], Я. А. Пенькова [Пенькова 2021, 2024], на материале нескольких славянских языков — Б. Хансен [Hansen 2001], Х. Андерсен [Andersen 2006] и др.

В работе М. Н. Шевелевой показано, что глагол *имѣти* для обозначения внешнего посессора не употреблялся в живом древнерусском языке, а функционировал преимущественно в контекстах с абстрактными именами существительными, обозначая различного рода состояния [Шевелева 2019]. Этим же объясняется и тот факт, что конструкция *имѣти* + инфинитив была заимствованием из церковнославянского языка и рано перешла в сферу пассивного знания [Шевелева 2017: 203].

⁴ Грамота опубликована С. В. Полеховым и В. Б. Крысько [Полехов, Крысько 2021].

Ее основным значением в старославянской и древнерусской письменности было значение будущего времени с усиленной ассерцией (значение неотвратимости, неизбежности в будущем) [Козлов 2014; Юрьева 2011; Шевелева 2017], однако в древнерусской письменности фиксируются также употребления этой конструкции для передачи значений деонтической необходимости, деонтической и онтологической возможности [Юрьева 2009; Пенькова 2023]⁵.

Конструкции с глаголом *яти* (*иму* + инфинитив) фиксируются в восточнославянских памятниках с XIII в. [Юрьева 2011], однако на основании данных Княжеских уставов М. Н. Шевелева предполагает, что их существование не исключено уже в языке XII в. [Шевелева 2019: 44].

Эти конструкции на древнерусском материале подробно изучены в работах М. Н. Шевелевой, И. С. Юревой и других исследователей. В исследовании М. Н. Шевелевой показано, что глагол *яти* грамматикализовался как вспомогательный⁶ в результате развития значения начинательности из значения 'взять, схватить' [Шевелева 2019: 46]. Сопоставлению конструкций с *jimati* и *jimu* в древнерусском и древнесербском языках посвящена работа В. П. Гудкова [Гудков 1963], в которой показано, что и в древнерусской, и в древнесербской письменности конструкции с первым вспомогательным глаголом имели модальное значение, тогда как со вторым — значение будущего времени преимущественно в зависимой предикации.

В русской письменности, согласно И. С. Юревой [Юрьева 2011], в конструкциях с инфинитивом между парадигмами *имамь* и *иму* могла происходить аттракция. По-видимому, определенную роль в развитии этой аттракции играл тот факт, что форма 3 л. мн. ч. *имуть* у *имѣти* омонимична аналогичной форме глагола *яти*. В среднерусский период конструкции с *имамь* могли восприниматься как книжные соответствия распространенных в живом языке конструкций с *иму*, так что в поздних летописях формы типа *имамь* иногда проникают в контексты, характерные для форм типа *иму* [Юрьева 2011].

⁵ О формальных и семантических изменениях в употреблении конструкции *имѣти* + инфинитив в позднесреднерусской письменности см. [Пенькова 2021; Пенькова 2024].

⁶ В работе мы будем называть вспомогательным любой глагол в финитной форме в составе аналитической формы независимо от того, завершилась ли грамматикализация этой конструкции, поскольку основным критерием, разграничивающим полнозначный и вспомогательный глагол, служит то, что при превращении полнозначного глагола во вспомогательный две глагольные группы объединяются в одну, ср.: «When a lexical verb becomes an auxiliary within a construction in which another lexical verb served as the complement to the finite verb, the complement verb becomes the main verb of the clause. The change is from a structure with two verb phrases to a single verb phrase containing an auxiliary and a lexical verb» [Bybee 2011: 75].

Однако с еще более раннего периода известно и обратное направление смещения. Уже в древнерусских книжных памятниках XIII в. формы типа *иму* могут проникать в контексты, характерные для *имаю* [Пенькова 2023; 2025]:

- (9) аще нѣ оудержишися послѣди **скербѣти имеши** [вм.: *имаши*] мнозѣми вбразы [Ефр.Сир. IV: 42] [Ср. в среднеболгарском списке XIV в.: *скръбѣти имаши*].

Формы глагола *имати* по исконному типу (*емлю, емлещи*) в конструкциях с инфинитивом не были представлены. Более того, согласно Словарю староукраинского языка XIV–XV вв. [ССУМ, 1: 433–436.], они вообще не употребляются в украинской письменности этого периода, будучи вытесненными новыми формами типа *имаю, имаеши*⁷. В старобелорусской [ГСБМ, 14: 94] и старовеликорусской письменности исконные формы сосуществуют с новыми, причем в старовеликорусских источниках более частотны именно презентные формы типа *емлю, емлещи*: в картотеке ДРС примеров с формами *емлю, емлещи* в семь с половиной раз больше, чем примеров с формами *имаю, имаеши*.

Конструкции с аналогическими формами глагола *имати* (*имаю + инфинитив*) редки в древнерусской письменности, примеры встретились в Повести временных лет по Ипатьевскому списку (10–12), Киево-Печерском патерике (13), в литовской грамоте конца XIV — начала XV в. (14) — памятниках западно- и южнорусских, а также в Софийском сборнике второй половины XV в. (РНБ, Соф. № 1285) новгородского происхождения (15):

- (10) исполнишася зависти и книжници. искаху оубити и. и емъше и ведоша и къ игѣмону пилату. пилатъ же испытавъ ѿко безъ вины предаша. и хотѣ пустити и. они же рѣша ему. аще того пустиши. **не имаеши быти** другъ кесареви [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку] [ср. (Ин 19:12) Остр. ев. (1056–1057 гг.), л. 184: аще сего поустиши, **нѣси** другъ кесареви; ср. в Лаврентьевском списке: **имаши быти**];
- (11) аще хочещи болезни сеѧ избыти. то въскорѣ кр(с)тисѧ. аще ли ни то **не имаеши избыти** сего. [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку];
- (12) погуби ѡтроча се. аще ли не погубиши **имаеть погубити** всѧ егупе(т). [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку] [ср. в Лаврентьевском списке: **имать погубити**];

⁷ Полнозначный глагол *имати* как глагол контакта в староукраинской письменности рано замещается глаголом *брати*, так что сохраняется только *имати* как дублет *имѣти* (см. об этом [Пенькова 2024б]).

- (13) нарекъ имъ днѣ преставленья. свокго. іако в соу(б)тоу по взитиі сѣнца. дѣа моа **ѡлоучитеа имаѣтъ** в телесе сего. и паки же призвавъ стефана. єдино҃го оучаш(е). єже в паствѣ сѣго того стада. [Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик (первая треть XIII в.)];
- (14) а што о(т) викгаиловы· землѣ половина голого болота, то есмо повернули викѣгаилови, бискупъ **имаѣтъ ловити** на своеі половинѣ, а викгаилови са оу таа ловишча не оуступати [Судная грамота великого князя литовского Витовта по делу между Вигаилом и епископом виленским об охотничьих угодьях на Голом болоте {Троки} (1398, 1409 или (менее вероятно) 1420 г.)];
- (15) а ввещь не пасоуще · в нихъже слово **имаѣте ѡдати** въ днѣ соудныи [Слово псевдо-Иоанна Златоуста о лживых учителях (XIII–XIV вв.)] [ср. то же чтение в Сборнике конца XIV в. (РНБ, Соф. № 1262, л. 110в), согласно СДРЯ, IV: 145].

Инфинитивные конструкции с формами *имаю*, *имаеши* на древнерусском материале в названных выше исследованиях не описываются. И. С. Юрьева [2011: 80], однако, упоминает о них, ссылаясь на «Материалы» И. И. Срезневского, и указывает, что такие конструкции известны только западнорусским источникам. Исследовательница предполагает, что «формы глагола *имати* ‘брать’ (не по исконной модели *имати–ѣмлю*, а по новой модели *имати–имаю*), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом *имѣти* (наряду с *имати*) — точно так же, как и формы *имоу*, *имѣшь*. Об этом могут говорить данные И. И. Срезневского, который толкует инфинитивные сочетания с глаголом *имаю* как формы будущего времени, например: «Тогда тыи имають предъ ними голдовати... Пор. гр. Молд. б. 1395 г.»⁸ [Срезневский, I: 1092]». Наш материал показывает, что единичные примеры с такими конструкциями известны не только западнорусской, но и древнерусской (см. примеры выше) и среднерусской письменности (см. об этом ниже).

Анализируя материалы русских народных говоров, И. С. Юрьева показывает, что в диалектах с одним и тем же значением употребляются формы, восходящие ко всем трем глаголам (*имѣти*, *имати* и *яти*), и делает на этом основании вывод о том, что «в некоторый период у глагола *имѣти* “существовали”, то есть соотносились с инфинитивной основой *имѣти*, три парадигмы: парадигма *имамь*, *имаши*, парадигма *имаю*, *имѣши* и парадигма *имоу*, *имѣши*» [Юрьева 2011: 80]. При этом до конца остается неясным, о каком периоде в истории русского языка

⁸ Полный текст грамоты, цитируемой И. И. Срезневским, представлен в НКРЯ (Ручательство молдавских бояр за воеводу Стефана перед королем Владиславом II Ягелло; <https://ruscorpora.ru/s/elmP5>). По-видимому, конструкция *имаю* + инфинитив в данной грамоте употребляется не в значении чистого будущего времени, а с оттенком долженствования («должны присягнуть»).

идет речь. Исследовательница не уточняет, когда именно происходит такое совмещение парадигм и в каких именно диалектах. Кроме того, открытым остается вопрос о том, происходит ли такое совмещение во всех употреблениях (и в качестве полнозначного глагола, и в роли вспомогательного) или только в каком-то одном.

В исторических грамматиках староукраинского и старобелорусского языков [Бевзенко 1960; Жовтобрюх et al. 1980; Булыка et al. 1988; Янкоўскі 1983: 200–201] конструкции с вспомогательными глаголами *имамь, имаю, имтью, иму* не разграничиваются и рассматриваются как единое целое. Вероятно, за таким подходом в описании как раз и стоит представление о единой конструкции в рутенской письменности и о сосуществовании одновременно трех презентных парадигм, соотносимых с инфинитивом *имѣти*.

Язык полоцких грамот и грамот Великого княжества Литовского описывает в своих монографиях Х. Станг. Исследователь указывает, что в языке полоцких грамот будущее время несовершенного вида образуется с помощью конструкции *буду* + инфинитив [Stang 1939: 83], а в языке грамот Великого княжества Литовского времени правления Казимира IV — с помощью конструкций с *буду, иму* и *имаю* [Stang 1935: 49]. Различия между тремя конструкциями Х. Станг не обсуждает.

Формам будущего времени в русской и украинской деловой письменности XV в. посвящена также диссертация И. Г. Соколовой [Соколова 1972]. Исследовательница приходит к выводам о том, что в русской письменности для конструкции *иму* + инфинитив было характерно начинательное значение, которое в деловых памятниках XV в. «заметно ослабляется» [Ibid.], поскольку «в юридических документах все внимание сосредоточено не на особенностях процесса протекания действия, в частности, не на выделении отдельных фаз данного процесса, а на установлении самого факта существования действия» [Ibid.]. В украинской письменности по мнению исследовательницы, «степень формализации» конструкции *иму* + инфинитив еще ниже, чем в русской, поскольку конструкция употребляется с инфинитивами обоих видов и «обладает теми же семантическими оттенками ирреальной модальности, какие свойственны сочетанию инфинитива и формы “/и/маю”» [Ibid.]. Фактически в работе утверждается функциональная эквивалентность конструкций с *иму* и *имаю* в украинской деловой письменности. С выводами И. Г. Соколовой по поводу меньшей степени формализации форм с *иму* в староукраинской письменности едва ли можно согласиться ввиду того, что именно в украинском языке эти формы грамматикализировались в будущее время (ср. *писатиму* ‘буду писать’).

Различным перифрастическим формам со значением будущего времени в староукраинском языке XIV–XV вв. также посвящена статья М. Юрковского [Юрковский 1991]. В данной работе приводится информация о частотности конструкций, однако при подсчетах парадигмы глаголов *имати*, *имѣти* и *яти* не разграничиваются, кроме того, вовсе не рассматривается семантика перифраз.

Аналитическим формам с референцией к будущему в простой мове⁹ посвящена также статья Е. А. Смирновой [Смирнова 2021]. В указанной работе описывается семантика конструкций *(у)маю* + инфинитив в простомовных Евангелиях XVI в. Конструкции с формами *имѣю* и *иму* в исследовании не обсуждаются, из чего можно заключить, что эти вспомогательные глаголы в таких источниках не представлены. В работе показано, что конструкции *(у)маю* + инфинитив употреблялись преимущественно в значении будущего времени с усиленной асерцией, т. е. так же, как конструкции *имамь* + инфинитив в древне- и старовеликорусской книжной письменности, ср.:

(16) выданъ маеть быти Сынъ чоловечии в руці людемъ. (Мф 17:22) Евангелие Тяпинского [Ibid.];

(17) Преданъ имать быти Снъ члѣчскыи въ роуцѣ члѣкмъ (Мф 17:22) Геннадиевская Библия 1499 г. (ГИМ, Син. № 915, л. 669об.).

Обратимся к материалам исторических словарей и диалектным данным. В Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 6: 225] конструкция *имамь* + инфинитив не описывается, а словарная статья *имати* не содержит новых форм типа *имаю*, *имаеши*, хотя об их существовании говорит грамматическая информация в заголовке. Редкие примеры употребления конструкции *имаю* + инфинитив, обнаруживаемые в древне- и старовеликорусской письменности, в словаре не отмечены.

В «Материалах...» И. И. Срезневского в словарной статье *имѣти* приводятся конструкции со вспомогательным глаголом *имамь* и *имѣю*. Примеры с последним обнаруживаются в западнорусской Жалованной грамоте Подольского князя Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю 1375 г. Глаголы *имати* и *яти*, подобно глаголу *имѣти*, в одном из своих употреблений (в формах типа *имаю*) описываются И. И. Срезневским как вспомогательные глаголы для образования будущего времени [Срезневский, I: 1092; III: 1670–1671].

⁹ Под простой мовой мы, вслед за М. Мозером, понимаем литературный язык Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. («надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на основе общего “русского” (= украинско-белорусского) делового языка» [Мозер 2002: 221]). Ср. также концепцию Н. И. Толстого, который считал простую (русскую) мову «литературным койнэ», языком, «никогда не являющимся фиксацией того или иного белорусского или украинского диалекта» [Толстой 1988: 61–62].

В СДРЯ разные парадигмы глаголов *имати* и *имѣти* разведены по разным словарным статьям: *имати*¹ (*емлю*) и *имати*² (*имаю*), *имѣти*¹ (*имамь*) и *имѣти*² (*имѣю*) [СДРЯ, 4: 144–145, 150–152]. *Имати*¹ употребляется, согласно приводимым в словарной статье данным о частотности в картотеке СДРЯ, в десять раз чаще, чем *имати*². У последнего выделяется употребление в составе сложного будущего времени, ограниченное текстами западно- и юго-западнорусской диалектных зон второй половины XIV в.¹⁰:

Вспомогательный гл. для образования будущего вр.: зать и приатѣль нашъ. пожило на(м) ·д̣· тисачѣ рублиі фряжского серебра іхо же ждати имаеть. намо w(т) тыхо ма(с)пусто. за ·г̣· лѣта. Гр 1388 (1, ю.-р.); кто жъ коли зломи(т) нашу грамотоу су(д) пре(д) б(г)мѣ имаю с нимъ¹¹. Гр 1390 (2, ю.-р.); а они имають держати. так(о) долго докола... имо тыхо ·д̣· тисачи рублиі исполна не w(т)дамы. Там же; бискупъ имаеть ловити. на своей половинѣ. а викгаилови са оу таѣ ловишча. Гр 1398 (3, з.-р.); не имаеть. w(т) нихъ то втоити. Гр 1399 (1, ю.-р.); А wѣѣць моихъ не пасуще w нихъ слово имакте w(т)дати въ днь суда СбСоф к. XIV, 110в.; а панъ клюсь имаеть того існого села шидлова. оуживати. Гр 1400 (1, ю.-р.) [Ibid.: 145].

По данным СДРЯ, *имѣти*¹ примерно в пять раз частотнее, чем *имѣти*² (более пяти тысяч примеров у первого и более тысячи примеров у второго). У обоих глаголов выделена способность выступать в качестве вспомогательного для образования будущего времени, при этом *имѣти*² в таком употреблении также встречается преимущественно в юго-западных грамотах XIV в. Один пример, однако, представлен в новгородском списке Закона судного людем XIV в. [Ibid.: 152]¹².

В русских говорах конструкции с рассматриваемыми глаголами представлены довольно широко: это северные костромские и вологодские, среднерусские владимирские, нижегородские, ярославские, тверские и калужские говоры, в которых сохраняются формы, восходящие к глаголу *яти* [СРНГ, 12: 190]. Формы, восходящие к глаголу *имѣти* (*имею, имеешь*), в таком употреблении в русских диалектах практически не встречаются. Пример из амурских говоров (*ты с кем имеешь ловить*

¹⁰ Помимо южно- и западнорусских грамот, в словарной статье цитируется также Сборник РНБ, Соф. № 1262, происхождение которого связано с псковскими землями [Гранстрем 1953: 60].

¹¹ В данном примере конструкция с инфинитивом не представлена, *имати* употребляется как полноточный глагол в сочетании *имати судѣ*.

¹² В данном примере текст искажен, ср. Археографический список XV в., л. 296 (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 240): **не смѣмъ** сего узаконити. Такое же чтение в Карамзинском списке Софийской первой летописи (л. 175об.); **не смѣмъ** иног закона взаконити. Ср. также замечание М. Н. Тихомирова о писце Пушкинского сборника, цитируемого в словаре: «Писец Пушкинского сборника переписывал уже с дефектного экземпляра, в котором к тому же многое не понимал» [Тихомиров 1961: 8].

[СРНГ, 12: 193]) скорее представляет собой конструкцию со значением намерения, известную, хотя и явно устаревающую в современном русском литературном языке. Примеров с глаголом *мати, маю, маешь* 'иметь', которые свидетельствовали бы о существовании конструкции с модальным или другим значением, выражающим референцию к будущему, в СРНГ не приводится. Однако в данном словаре есть также статья *меть, мею, меешь, маю, маешь* 'иметь', при этом примеры в составе конструкции с инфинитивом отсутствуют [СРНГ, 18: 143].

В старобелорусской письменности, согласно данным [ГСБМ, 14: 94–95], *имати* в сочетании с инфинитивом употребляется в составе сложного будущего времени с различными модальными оттенками деонтической модальности и усиленной ассерции («абавязаны, павінен, вымушаны што-н. рабіць»). О глаголе *имѣти* сказано, что он также употребляется в качестве вспомогательного глагола в составе сложного будущего, модальные оттенки конструкции не называются, хотя примеры, приводимые в словарной статье, свидетельствуют об обратном, ср.:

(18) Тыи книги **имѣють быти** за трети ключи замкнуты (АЗР I, 40, 1420–1423 гг.) [Ibid.].

Кроме того, к сложному будущему в этой словарной статье также отнесены конструкции, в которых *имѣти* употребляется в форме прошедшего времени, а также конструкции с исконными формами глагола *яти (иняти)*. При этом у глагола *яти (иняти)* в соответствующей словарной статье таких употреблений не выделяется.

Важный материал для анализа функционирования инфинитивных конструкций с глаголами *имѣти, имати* и *яти (иняти)* содержит Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. (ССУМ). Конструкции с глаголом *имѣти*, согласно данным ССУМ, употребляются в староукраинской письменности в значении долженствования, деонтической возможности, намерения и контрфактического условия [ССУМ, 1: 438–440]. Важной особенностью в первых двух типах употребления является то, что вспомогательный глагол может выступать как в форме настоящего, так и прошедшего времени. Для третьего типа употребления приводятся только формы со вспомогательным глаголом в прошедшем времени, для четвертого — в форме сослагательного наклонения [Ibid.].

Инфинитивные конструкции с глаголом *имати* в староукраинской письменности, согласно данным словаря, употребляются в значении долженствования, деонтической возможности и для образования форм сложного будущего времени (для всех трех типов употребления приводятся только примеры со вспомогательным глаголом в настоящем времени) [Ibid.: 433–435].

У глагола *яти* (*иняти*) выделяется употребление в качестве вспомогательного глагола для образования форм сложного будущего времени, а также примеры употребления в прошедшем времени в роли вспомогательного глагола с начинательным значением, присоединяющего инфинитив (такие же конструкции фиксируются и словарем старобелорусского языка¹³):

- (19) Любо стратить а любо добоудеть васко то жь емоу **яль** кондрать **отповѣдати** его рѣчь (Галич, 1401 г., Р 65) [ССУМ, 1: 447];
- (20) А коли вышел тот рок тогды **няли** его **нагабать** о границах (XV в. СЯ 42) [Ibid.].

В современных украинских говорах широко представлены аналитические конструкции и синтетические формы будущего времени, восходящие к конструкциям *иму* + инфинитив: в большинстве юго-западных говоров сосуществуют обе формы, в покутских, гуцульских и буковинских говорах — только аналитические формы (например, *мемо ходити*), в юго-восточных — синтетические (например, *братиму*, *бити-му*) [Бевзенко 1960: 326–327]. Синтетические формы будущего времени, восходящие к конструкциям *иму* + инфинитив (например, *робиць-му*), известны также южнобелорусским говорам [Ibid.].

Материал и методы исследования

Материалом исследования конкуренции и дистрибуции конструкций с формами *имамь*, *имѣю*, *(и)маю* и *иму* послужила восточнославянская деловая письменность XV в. Выбор данного периода не случаен. С одной стороны, именно к этому времени восточнославянские диалекты накапливают уже достаточно большое количество различий. С другой стороны, в XV в. как в рутенской, так и в старовеликорусской письменности достаточно широко употребляются конструкции с вспомогательным глаголом *иму*, тогда как уже с XVI в. частотность *иму* с инфинитивом в русской письменности резко падает [Пенькова 2019; Пенькова 2023], что делает сопоставление этих конструкций в разных восточнославянских традициях малопродуктивным.

Наш интерес к указанным конструкциям также связан с тем, что формы типа *(и)маю* с инфинитивом очень широко употреблялись в рутенской письменности, а в современном украинском языке существуют формы будущего времени, восходящие к конструкциям с *иму*. Напротив, в старовеликорусской письменности конструкции с формами *иму* не получают такого развития, более того, они практически полностью

¹³ Контекст (19) цитируется и в ССУМ, и в ГСБМ.

выходят из употребления к XVII в., сохраняясь только в некоторых говорах. В настоящей работе мы покажем, какие различия существовали в характере употреблений конструкций с *имамь*, *имѣю*, *имаю* и *иму* между восточнославянскими идиомами в XV в., а также попытаемся приблизиться к ответу на вопрос, чем объясняются расхождения между восточнославянскими языками, унаследовавшими эти конструкции из древнерусского языка и церковнославянской письменности.

Материал исследования был собран из нескольких источников. Мы использовали данные старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, который содержит значительный объем старовеликорусских источников XV в. В качестве дополнительного источника использовалась картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (картотека ДРС). Материал из старобелорусской деловой письменности был собран по изданию полоцких грамот [Хорошкевич et al. 2015], в котором опубликовано 320 грамот интересующего нас временного периода (XV в.). Материал из староукраинской письменности отбирался по изданиям [Русанівські 1965] и [Розов 1928], содержащим тексты 126 грамот XV в.¹⁴ В качестве дополнительного источника использовались данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. [ССУМ] и Словаря старобелорусского языка [ГСБМ]. Поскольку в качестве материала по староукраинской и старобелорусской письменности привлекаются только данные деловой письменности, мы ограничили выборку из старовеликорусских текстов аналогичными материалами XV в. Данные книжных памятников привлекаются в ограниченном объеме и в количественных подсчетах не учитываются.

Как было видно в приведенном выше обзоре, в словарях старобелорусского и староукраинского языков часть источников является общей. Та же проблема существует и в связи с изданием староукраинских грамот, в котором в ряде случаев помещаются грамоты, связанные со старобелорусскими землями. Некоторое количество грамот было и вообще составлено на территории Польского королевства (Краков, Ланцица, Галиция). Еще одной особенностью рутенских деловых документов является то, что часть этих текстов происходит из великокняжеской или королевской канцелярии, в этом случае место создания документа не позволяет делать выводы об отражении соответствующих диалектных особенностей. По этой причине мы рассматриваем великокняжеские и королевские грамоты отдельно. Поскольку административным

¹⁴ В [Молдован 2000] опубликованы пять новонайденных галицких грамот XIV–XV вв., среди которых только одна относится к XV в. В тексте этой грамоты исследуемые нами конструкции не встречаются. Несколько украинских грамот также опубликовано в [Купчинський 1997], однако среди текстов XV в. не встретились интересующие нас формы.

центром Великого княжества Литовского в XV в. была Вильна, великокняжеские грамоты мы будем рассматривать как связанные, прежде всего, со старобелорусскими землями.

Таким образом, мы собрали рабочий корпус из 452 контекстов, из которых 163 примера — в старобелорусских грамотах, 112 — в староукраинских и 177 — в старовеликорусских. Этот корпус ограничен только контекстами, в которых вспомогательный глагол употребляется в форме настоящего времени. Конструкции со вспомогательными глаголами *имати*, *имѣти* и *яти* в прошедшем времени, плюсквамперфекте и сослагательном наклонении, известные рутенской деловой письменности и отсутствующие в старовеликорусской письменности XV в., должны стать предметом отдельного исследования, поскольку, во-первых, с формальной точки зрения, в прошедшем времени практически отсутствует конкуренция форм вспомогательного глагола (в модальных контекстах употребляется практически исключительно форма *(и)мѣл-*, форма *ял-* встречается очень редко и только в начинательном значении), во-вторых, при транспозиции конструкции в прошедшее время, плюсквамперфект и сослагательное наклонение существенно меняется семантика конструкции.

Отобранные для исследования контексты были размечены нами по нескольким параметрам: тип презентной парадигмы вспомогательного глагола (*имамь/имѣю/имаю/маю/иму*), вид основного глагола, употребляемого в форме инфинитива (совершенный и несовершенный), дата источника, название источника, место составления документа, семантика конструкции в контексте.

Перейдем к анализу материала грамот. В нашей выборке конструкции с различными формами вспомогательных глаголов распределены следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение вспомогательных глаголов в восточнославянской некнижной письменности XV в.

	Имамь	Имѣю	Имаю	Маю	Иму
Старовеликорусские	0	0	0	0	177
Старобелорусские	1	17	34	103	8
Староукраинские	1	0	41	16	54

Как видно из таблицы, в XV в. в старовеликорусской, староукраинской и старобелорусской деловой письменности рассматриваемые конструкции имели разную частотность. Конструкции с парадигмой *имѣю* фиксируются только в старобелорусских грамотах, причем исключи-

тельно в великокняжеских, конструкции с *иму* частотны в старовеликорусской и староукраинской письменности, тогда как в старобелорусской они встречаются редко и не представлены в грамотах великих князей литовских. Конструкции с глаголом *имаю/маю* широко употребительны и в староукраинской, и в старобелорусской письменности, однако вариант с начальным *и-* чаще встречается в украинских грамотах, тогда как в белорусских преобладает вариант без начального *и-*.

Покажем более подробно, как конструкции с рассматриваемыми вспомогательными глаголами распределяются в рутенских грамотах в зависимости от места создания документа (для старовеликорусских грамот такая статистика малоинформативна, поскольку большинство текстов в нашем корпусе — грамоты Москвы и в целом Северо-Восточной Руси; к тому же в старовеликорусской деловой письменности представлена только конструкция с *иму*).

Таблица 2. Распределение вспомогательных глаголов в рутенской деловой письменности

	Имамь	Имѣю	Имаю	Маю	Иму
Полоцк			5	8	8
великокняжеская/королевская канцелярия	1	17	29	95	0
Всего	1	17	34	103	8
Волынъ				4	
Острог			1	1	
Киев			6	2	4
Галиция			21	7	
Молдавия	1		13	2	50
Всего	1	0	41	16	54

Как видно из таблицы, можно выделить несколько регионов, различающихся тем, какие вспомогательные глаголы здесь более употребительны. Так, выделяется север рутенской территории, включающий грамоты великокняжеской канцелярии, а также Волынъ, где преобладают конструкции с формами типа *маю*, отражающими отпадение начального *и*. В этих же текстах, за исключением волинских, *имаю* конкурирует с *имѣю*. Однако вариант *имѣю* встречается только в текстах первой трети XV в., а вариант *маю* — основной в текстах второй половины XV в.

Сдругой стороны, в грамотах юга преобладают конструкции с *имаю*, а в молдавских грамотах — с *иму*. На основании данных таблицы можно

заметить одну любопытную закономерность: вариативность форм выше там, где тексты отражают преобладание случаев без отпадения начального *и* (формы типа *имаю*). Так, в молдавских грамотах вариант *имаю* более частотен, чем *маю*, и для этих текстов наиболее характерен вариант с *иму*. Как кажется, такая закономерность связана с тем, что отпадение начального *и*- препятствует паронимической аттракции между формами глаголов *имаю* и *иму*, которая основана именно на общности корня *им*-. Там, где преобладают формы с отпадением начального *и*-, утрачиваются основания для взаимодействия парадигм глаголов *имати*, *имѣти* и *яти*.

Конструкции со вспомогательным глаголом *имѣю* встречаются только в грамотах великих князей литовских и короля польского Владислава II (Ягелло). При этом они не употребляются в более поздних грамотах королей польских Казимира IV и Александра, где использованы только конструкции с *маю*. Примеры с *имѣю* встречаются преимущественно в грамотах, составленных на территории Польского королевства (в Галиции или Ланчице). Очень частотна конструкция *имѣю* + инфинитив в тексте Статута польского короля Владислава II (Ягелло). Интересно, что три примера с *имѣю* представлены в грамоте польских епископов из Ланчицы, ср.:

(21) А межѣ волоскою землею какъ издавна оу лѣсъ ходили, такъ и нинѣ **ходи-ти имѣють** на вѣки вѣчныи [Розов № 68, 1433 г.].

Рассмотрим семантические особенности употребления конструкций с вспомогательными глаголами *имамь*, *имѣю*, *имаю*, *маю* и *иму* в восточнославянской деловой письменности XV в. Мы будем различать следующие семантические типы: деонтическая модальность (возможность или необходимость), будущее время с фазовым/общефактическим значением и будущее время с нефазовым/континуативным значением (т. е. без дополнительных семантических компонентов). Под континуативным значением мы понимаем такое, в котором конструкция обозначает продолжение в будущем уже начавшейся ситуации. Термин *общефактический* в целом принято использовать по отношению к семантике форм прошедшего времени, однако мы вслед за Н. М. Стойновой [Стойнова 2019] считаем возможным применять этот термин и для описания семантики форм с референцией к будущему для контекстов, в которых конструкции обозначают нелокализованное событие в будущем, которое произойдет хотя бы один раз.

Мы не разграничиваем деонтическую возможность и необходимость, поскольку в наших материалах прослеживается следующая закономерность: если конструкция имеет значение деонтической необходимости, то у нее также представлено и значение деонтической

возможности, обратное тоже верно. Мы не разделяем фазовое и общефактическое значения, так как в ряде случаев их не удастся контекстуально разграничить, общефактическое значение зачастую представлено в паре с фазовым и, по-видимому, для рассматриваемых конструкций является не самостоятельным, а только импликацией.

Конструкция *имамь* + инфинитив

В старовеликорусской деловой письменности не обнаружено ни одного примера употребления конструкции со вспомогательным глаголом *имамь*, поскольку она всегда оставалась здесь маркированно книжной. При этом в старобелорусских и староукраинских грамотах зафиксировано по одному примеру проникновения такого рода форм в деловую письменность¹⁵:

- (22) По его животѣ не **имамь** **искати** [‘нам не следует искать (=нельзя искать)’] иныхъ гѣдръ мимо нашего гѣдра великого корола влодислава полского (Троки) [Розов № 35, 1401 г.];
- (23) А **имат** **са поставити** [‘должна быть назначена’] цина соукни оу Соучавѣ, іако во Львовѣ (Молдавия) [Русанівський № 55, 1460 г.].

В этих примерах конструкция *имамь* + инфинитив употреблена в контекстах деонтической модальности: возможности в (22) и необходимости в (23). Как будет показано ниже, такое употребление было характерно для конструкции *имаю* + инфинитив. Возможно, в первом — довольно раннем примере — перед нами результат интерференции с книжной письменностью, во втором не исключен результат колебаний в форме вспомогательного глагола (контаминация форм *имет* и *имает*, см. ниже), что вполне ожидаемо в молдавских грамотах. Не исключено также выпадение /е/ в обоих случаях, и тогда перед нами вспомогательный глагол *имаю*, а не *имамь*.

В старовеликорусской книжной письменности конструкция *имамь* + инфинитив преимущественно употреблялась в значении будущего времени с усиленной ассерцией (24), однако изредка встречалась и в контекстах деонтической модальности (25), подобных приведенным выше. Еще реже можно обнаружить эту конструкцию в фазовом значении в качестве замены конструкции *иму* + инфинитив [ср. пример (26), найденный И. С. Юрьевой]:

- (24) Нынѣ же пусти мя, рабе Божий, и отселе **не имамь** **приити** [‘я ни за что не приду’] сѣмо! [Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе (1429–1440)];

¹⁵ Конструкции с *имамь* известны и более ранним грамотам XIV в.

- (25) Мнѣ же выпросившу: «Камо хочешь изыти, еда нужи ради коея?», — ему же рекшу: «**Имам ити** [‘я должен идти’] къ вечерни». [Рассказ о смерти Пафнутия Боровского (1477–1478)];
- (26) Аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ **имать малитис**<я> [‘станет уменьшаться количество монахов’] и потребы манастирьскихъ начнут оскудѣвати (!), то вѣдуще будите, яко не угодил есмь Богу (МС: 5 об.–6, под 1074 г.) [Юрьева 2011: 83].

Конструкция *имѣю* + инфинитив

Примеров с вспомогательным *имѣю* в подкорпусе старовеликорусских деловых текстов XV в. не обнаружено. Такие конструкции получают распространение в старовеликорусской письменности гораздо позднее — не ранее рубежа XVI–XVII вв. (см. об этом [Пенькова 2021]).

В рутенских грамотах XV в. встретилось 18 примеров с формами типа *имѣю*, (главным образом, в галицких и грамотах из Ланцицы). Это грамоты польского короля Владислава II (Ягелло) (например, грамота молдавскому воеводе Александру Доброму 1411 г. и договорная грамота с молдавским воеводой Стефаном 1433 г.) грамоты князя Свидригайла (например, грамота черниговского князя Свидригайла Максиму Драгосиновичу 1424 г.), договорная грамота польских епископов с молдавским воеводой Стефаном 1433 г. В них конструкция *имѣю* + инфинитив представлена в нескольких типах контекстов. Наиболее часто она употребляется в значении деонтической модальности (27–28):

- (27) И тогды **имѣемъ дати** [‘мы должны дать’] ему за тьи двѣ селищи шестьдесятъ копѣ [Розов № 61, 1429 г.];
- (28) Какъ издавна оу лѣсѣ ходили, такъ и нинѣ **ходити имѣють** [‘имеют право ходить’] на вѣки вѣчныи [Розов № 68, 1433 г.].

Однако также обнаруживаются редкие примеры этой конструкции в континуативном значении (29). Такие контексты типичны для конструкции *буду* + инфинитив (ср. пример 30):

- (29) Што ж есть нам вѣрнѣ *послужил* и **служит имѣет** [‘который нам верно послужил и далее будет служить’], даем и дали есмо ему село на имя Косово [Розов № 54, 1424 г.];
- (30) <то ксм>и вчини́ли. возо́зрѣвши. на нашего вѣрного слугу. на данила на балькова зат<а. шт>о же ксть намъ *послужилъ*. и **служити будетъ** вѣрно [‘который нам послужил и далее будет служить верно’]. [Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу на села в Жидачовской волости {Львов} (1375 г.)].

Конструкция *имаю* + инфинитив

Конструкции со вспомогательным глаголом *имаю* отмечены только в староукраинской и старобелорусской деловой письменности. Старовеликорусские деловые тексты их не знают, однако единичные примеры с *имаю* + инфинитив обнаруживаются в книжных текстах XV — первой половины XVI в.: один пример в Сказании о Мамаевом побоище и два примера в Вологодско-Пермской летописи (выше также приведены более ранние примеры):

- (31) И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час **имаем** въздарие **отдати** [‘в час, в который непременно воздадим ответный дар’] противником. [Сказание о Мамаевом побоище (первая четверть XV в.)];
- (32) И посла к нему царица, рекуще: «аще хощеша избыти болѣзни сея, то въскоре крестися; аще ли ни, то **не имаеши избыти** [‘то тебе не избавиться от этой болезни’] болѣзни сея». [Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.) (1490–1550 гг.)]¹⁶.

Примеров употребления конструкции *имаю* + инфинитив в книжных текстах XVI–XVII вв. больше, однако все эти случаи ограничены только определенным кругом памятников, среди которых Вологодско-Пермская летопись, Повесть о приходе Стефана Батория на Псков, Холмогорская летопись и Александрия по списку XVII в., содержащая 27 случаев употребления этой конструкции, ср.:

- (33) Видѣхъ бо в нощь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: «Се грядет к вамъ, о немже азъ древле прорекох, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие нам **платити имаеть** [‘сей Александр непременно оплатит нам возмездием’]». [Александрия].

Во всех примерах из старовеликорусских книжных памятников конструкция *имаю* + инфинитив употребляется в значении будущего времени с усиленной ассерцией, т. е. так, как более распространенная в старовеликорусской книжной письменности конструкция *имамь* + инфинитив. Согласно исследованию Е. А. Смирновой, в простомовных Евангелиях основным средством выражения значения будущего времени с усиленной ассерцией служит именно конструкция *(и)маю* + инфинитив (см. выше пример 16). По-видимому, форму *имаю* в данном случае можно рассматривать как маргинальный вариант глагола *имѣти*, проникающий в старовеликорусскую книжную письменность под влиянием простой мовы.

¹⁶ То же чтение представлено в Повести временных лет по Ипатьевскому списку: аще хощеша болѣзни сея избыти. то въскорѣ кр(с)тиса. аще ли ни то **не имаеши избыти сего**. [Повесть временных лет (1110-е гг.) по Ипатьевскому списку].

В староукраинской деловой письменности конструкция *имаю* + инфинитив встречается только в контекстах деонтической модальности:

- (34) А намъ с тои коръчмы **имаеть** **давати** [‘должен давать’] сто грошиковъ [Розов № 39, 1407 г.];
- (35) Не **имаеть** тои коръчмы от нег<о> **отняти** [‘не имеет права отнять’] ни одинъ староста [Розов № 42, 1411 г.].

В полоцких грамотах конструкция *имаю* + инфинитив в подавляющем большинстве случаев встречается в контекстах деонтической модальности (36). Только в одном примере нам удалось обнаружить эту конструкцию в значении будущего времени без каких-либо модальных оттенков (37), ср.:

- (36) Так вѣчныи записы великих ос(по)д(а)реи не могоут(ь) быти порушоны, але **имаеть** справедливость **быти** [‘но справедливость должна быть с обеих сторон согласно бессрочным документам’] с обою стороною подлогъ вѣчных записов. [Хорошкевич et al. № 158 1463 г.];
- (37) И wsp(о)д(а)рь наш корол(ь) его м(и)л(о)сть w том вашей м(и)л(о)сти wтписал, хотя то имѣти, абы таки шла печат(ь) полоцкаа без вашео печати. И ваша м(и)л(о)сть на wsp(о)д(а)рьский листь к нам ничего не wтписали. Ино толко по вашей м(и)л(о)сти жадаемъ, абы ваша м(и)л(о)сть дали нам wтписъ на wsp(о)д(а)рьский листь, што быхом вѣдали, которыи речи wт вашей м(и)л(о)сти **имають быти** к нам [‘какое послание Вашей милости будет к нам’]. [Хорошкевич et al. № 163, 1464–1465 гг.].

Конструкция *маю* + инфинитив

Конструкция *маю* + инфинитив семантически не отличается от *имаю* + инфинитив. Различия между двумя вариантами вспомогательных глаголов прослеживаются только в их территориальном распределении. В староукраинских грамотах, как и в современном украинском языке, она встречается преимущественно в контекстах деонтической модальности:

- (38) Тогды **мает** [ис]тець **ждати** [‘должен ждать’] того чоловѣ[ка] другыѣ три дни [Розов № 73, 1435 г.].

Согласно примерам из [ССУМ: 435]¹⁷, конструкция *маю* + инфинитив в староукраинской деловой письменности также могла употребляться в значении будущего времени с усиленной ассерцией (39), характерном для данной конструкции в простомовных памятниках, и в общефактическом значении (40) (в нашем корпусе таких примеров нет):

¹⁷ В ССУМ эти примеры толкуются как сложное будущее время.

- (39) И я, познав по соби, иже с тое раны **маю пойти** перед Бог [‘от той раны мне суждено пойти <предстать> перед Богом’], запишю Пресвятой Божей Матери Земенского села по своей души Марков Ставь (АрхЮЗР 8/IV, 27);
- (40) А хто **маеть** но [так!] новых мытехъ мыто **брати** [‘кто станет взимать пошлину’], в тыхъ имѣн<ь>я пооднимаемъ (АЛМ 9, вт. пол. XV в.).

В старобелорусских деловых текстах *маю* + инфинитив встречается только в контекстах деонтической модальности:

- (41) Коли сѧ пригодить дело городовое, ино ты, наместникъ нашъ, а любо иныи, которые потомъ боудеть ѡт нас город Полтескъ держати, **маеть приказывати** и **роздавати** дело [‘имеет право приказывать и раздавать’] волостемъ задвиньскимъ и полоцкимъ пригономъ и инымъ волостемъ, которые боудоуть издавна город Полтескъ роубливали. [Хорошкевич et al. № 209, 1475 г.].

Конструкция *иму* + инфинитив

В старовеликорусской деловой письменности конструкция *иму* + инфинитив представлена только в футуральных контекстах с фазовым или общефактическим значениями:

- (42) А которой судья **не имет казнити** [‘а какой судья не станет казнить / не казнит’], тому быти от меня самому кажнѣну. [Жалованная грамота льготная и несудимая великого Князя московского Василия Дмитриевича митрополиту Фотию на села Андреевское и Мартемьяновское во Владимирском уезде (1425 г.)];
- (43) А ктѡ **имет** твою ѡтчину **ѡбидѣти** [‘а кто станет наносить ущерб / нанесет ущерб’], и мнѣ тебѧ боронити. [Докончание великого князя московского Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем. Грамота великого князя Василия Васильевича князю Юрию Дмитриевичу (1428.03.11)];
- (44) И хто **имет** поп у Покрова **служити** [‘кто из попов станет / будет служить в Покровском монастыре’], и он ту пустошь делает. [Данная старца Нифонта Скобельцина Покровскому Хотькову монастырю на пустошь Давыдовскую в Радонеже (1440–1460 гг.)].

Такое же употребление конструкции *иму* + инфинитив характерно для языка полоцких грамот, в которых, как указано выше, она в целом встречается достаточно редко, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном выходе ее из употребления:

- (45) А приказалъ еси дом С(ва)т(о)го Николы дѣтемъ своимъ, бояромъ полѣтцкымъ и моужемъ полочаномъ всимъ, печаловатися домоу С(ва)т(о)го Николы, хто **иметь убидет(и)** [‘кто станет наносить ущерб / нанесет ущерб’]. А хто **иметь вѣстоупатся** [‘кто станет посягать / посягнетя’], соудитъ насъ с(ва)тая Тро(и)ца на Страшномъ соудѣ. [Хорошкевич et al. № 135, 1452 г. — около 1458 г.];
- (46) А што **имут(ь)** вашей м(и)л(о)сти словомъ **молѣвити** [‘что станут Вашей милости говорить / будут говорить’], ино то наше слово, всег(о) мѣста Полоцкоу. [Хорошкевич et al. № 162, 1464–1465 гг.].

Конструкция *иму* + инфинитив вообще не встречается в исследованных нами грамотах великокняжеской или королевской канцелярии.

Характер употребления конструкции *иму* + инфинитив в староукраинской деловой письменности в значительной степени отличается от особенностей функционирования этой конструкции в старовеликорусской и старобелорусской. Здесь, с одной стороны, грамоты Киева почти не отличаются от старобелорусских, поскольку в первых конструкция *иму* + инфинитив употребляется редко и только с общефактическим значением. В ССУМ, однако, зафиксирован пример, в котором эта конструкция употреблена в континуативном контексте (48), на что указывает наречие *доколь*. С другой стороны, в молдавских грамотах перифраза *иму* + инфинитив очень частотна, помимо контекстов с фазовым/общефактическим значениями (47), она широко встречается в контекстах деонтической модальности (49–51):

- (47) А кто **имет погнати** [‘кто погонит’] скотъ до татаръ, на головное мыто оу Сочавѣ от скота четьри гроши. [Русанівський № 32, 1408 г.];
- (48) *Докоуѣ* ме **имете слышати** [‘пока будете знать’] аже есмь жив. (Торговище, 1481, 358) [ССУМ, 1: 447];
- (49) А мыто **имут дати** [‘должны заплатить’] от камене оу баковѣ один грошъ. [Русанівський № 32, 1408 г.];
- (50) А... кунци колко будут намъ надобни, а мы **имемъ** соби **купити** [‘имеем право себе купить’]. [Ibid.];
- (51) Оу котором тръгоу **имет коупити** [‘на котором рынке будет покупать’], там **имет давати** [‘там должен давать’] от скота. [Русанівський № 55, 1460 г.].

Необходимо также отметить, что вспомогательный глагол *иму* в молдавских грамотах как в модальном, так и в общефактическом значении может сочетаться с глаголами совершенного вида (47, 49, 52), хотя изначально имел ограничение на сочетаемость только с глаголами несовершенного вида:

- (52) А кто **иметь повезти** [‘кто повезет’] соукна до брашева, а оу головном мытѣ оу свчавѣ отъ гывны по три гроши. [Русанівський № 55, 1460 г.].

По-видимому, такую возможность вспомогательный глагол *иму* приобретает от вспомогательного глагола *имаю*, у которого нет ограничений на сочетаемость с видом, поскольку перифразы с *иму* проникают в контексты деонтической модальности, типичные для *имаю*-конструкций.

В молдавских грамотах также встречаются примеры с модальным глаголом *мочи*, в которых конструкция *иму* + инфинитив употребляется без дополнительных семантических оттенков в значении потенциального будущего времени:

- (53) Дати имь на що *мочи* *имем* их упросити [‘на что сможем их уговорить’].
[Русанівський № 53, 1456 г.].

Как видно из предшествующего описания, разные восточнославянские идиомы имеют свои особенности функционирования рассматриваемых конструкций, часто попарно сближаясь по какому-либо параметру. Так, старобелорусская и староукраинская деловые письменности весьма близки в характере употребления конструкции *имаю* + инфинитив, которая в старовеликорусской деловой письменности отсутствует. При этом конструкции *имью* + инфинитив встречаются только в ограниченном числе грамот короля польского Владислава II (Ягелло), князя Свидригайла и в некоторых других, происходящих с территории Польского королевства, и не фиксируются в местных полоцких и староукраинских грамотах. В отношении употребления конструкции *иму* + инфинитив все три идиома различаются между собой в том или ином отношении. Только в староукраинской письменности и только в молдавских грамотах эта конструкция встречается с глаголами совершенного вида и в модальном значении. Старобелорусские и старовеликорусские деловые тексты знают конструкцию с *иму* только в фазовом и общефактическом значениях, но при этом существенно различаются между собой в ее частотности: если в старовеликорусских грамотах конструкция распространена очень широко, то в старобелорусских, напротив, она встречается редко.

Как кажется, этим различиям можно предложить возможное объяснение, если мы обратим внимание на характер функционирования в данных памятниках еще одной конструкции с референцией к будущему — *буду* + инфинитив. Наиболее широко последняя представлена именно в старобелорусских грамотах XV в. (58 примеров), с чем, по-видимому, и связано снижение частотности *иму* + инфинитив (всего 8 примеров), ср. возможность употребления обеих конструкций в одном и том же типе контекста:

- (54) А што *имут(ь)* вашей м(и)л(о)сти словом *мольвити* [‘что станут Вашей милости говорить / будут говорить’], ино то наше слово, всег(о) мѣста Полоцкого. [Хорошкевич et al. № 162, 1464–1465 гг.];

- (55) Што **будет(ь)** ѡт нас вам **молвити** [‘что будут Вашей милости говорить’], штобы ваша м(и)л(о)сть ему вѣрили, то есть наши рѣчы. [Хорошкевич et al. № 223, 1477–1484 гг.].

В старовеликорусской письменности XV в. конструкция *буду* + инфинитив практически не употребляется, поэтому *иму* + инфинитив сохраняет широкое распространение. Единственное исключение — два примера в грамоте, которая связана с деловой традицией Великого княжества Литовского, — Докончании князя Федора Львовича с великим князем литовским Казимиром:

- (56) Нешто мыслить Богъ над великимъ княземъ Казимиромъ, ино мне и моимъ детемъ слоужыти Литовъской земли, которыи **боудеть держати** Литовъское княженъе, или его наместнику, хто **боудеть** после него **держати** великое княженъе Литовъское. [Докончание князя новосильского и одоевского Федора Львовича с великим князем литовским Казимиром. Грамота князя Федора Львовича великом князю Казимиру (1442.02)]

В староукраинской письменности конструкции с *буду* встречаются редко: всего 6 примеров против 54 случаев с *иму* (несмотря на то что конструкции с *буду* на этой территории фиксируются уже в последней четверти XIV в., в том числе в цитированной выше Жалованной грамоте князя Владислава Опольского 1375 г. [Полехов, Крысько 2021: 35]), т. е. ситуация противоположна той, которая представлена в старобелорусских грамотах (включая великокняжеские). Как известно, конструкции с *иму* так и не будут полностью вытеснены формами с *буду* в украинском языке.

Обобщим сопоставление конструкций с *иму* и с *буду* в таблице:

Таблица 3. Соотношение частотности конструкций со вспомогательными глаголами *иму* и *буду* в восточнославянской деловой письменности XV в.

	<i>иму</i> + инфинитив	<i>буду</i> + инфинитив
Старовеликорусские	177	2
Старобелорусские	8	58
Староукраинские	54	6

Обобщим рассмотренные выше семантические особенности конструкций со вспомогательными глаголами *имаю*, *имаю/маю*, *имѣю* и *иму* в виде таблицы¹⁸:

¹⁸ Единственный пример с конструкцией *маю* + инфинитив в значении будущего времени с усиленной ассерцией, приводимый в ССУМ, в таблице не учитывается.

Таблица 4. Семантика конструкций со вспомогательными глаголами *имамь, имаю, имѣю, иму* в восточнославянской деловой письменности XV в.

	имамь		имѣю		(и)маю		иму		
Значение	Укр	Бел	Укр	Бел	Укр	Бел	Укр	Бел	Рус
Деонтическая модальность	1	1		16	57	136	17		
Общефактическое / фазовое							33	8	177
Континуатив / нефазовое будущее				1		1	4		

Некоторые выводы

Представленный выше анализ употребления вспомогательных глаголов *имамь, имѣю, имаю* и *иму* в конструкциях с инфинитивом в восточнославянской деловой письменности XV в. позволяет сделать следующие выводы. В старовеликорусской письменности XV в. объединения парадигм *имѣти* и *яти* не происходит, выделяются два четких полюса: *имѣти* + инфинитив со значением будущего времени с усиленной асерцией в книжной письменности и *яти* + инфинитив с фазовым или общефактическим значением в некнижной письменности. В первом случае употребляются только исконные формы типа *имамь, имаши*. Формы типа *имаю* + инфинитив представляют собой маргинальный вариант конструкции *имѣти* + инфинитив, проникающий в старовеликорусскую книжную письменность под влиянием простой мовы. Формы типа *иму, имеши* соотносятся только с инфинитивом *яти*.

В старобелорусской деловой письменности XV в. вспомогательный глагол *имати/имѣти* имеет набор вариантных парадигм *имаю/маю/имѣю*, формы типа *иму, имеши* соотносятся с инфинитивом *яти*. Взаимодействия между *имѣти* и *яти* не происходит, поскольку формы типа *маю* резко преобладают над *имаю* и *имѣю*, и оснований для смешения мало.

В староукраинской деловой письменности характер употребления рассматриваемых конструкций различается в зависимости от региона. В волинских грамотах преобладает вариант с глаголом *маю*, тогда как в центральных и юго-западных галицких — с *имаю*. Конструкции с *имаю* + инфинитив и *маю* + инфинитив употребляются только в контекстах деонтической модальности, конструкции с *иму* — в фазовом/общефактическом значении. В молдавских грамотах конструкции с *иму* употребляются шире: встречаются также в контекстах деонтической модальности и в значении потенциального будущего времени. Кроме

того, здесь вспомогательный глагол *иму* может присоединять инфинитив совершенного вида. Таким образом, в староукраинской письменности модальный вспомогательный глагол *имати/имѣти* имеет презентные формы *имаю/маю* с преобладанием первых. Формы *иму* в грамотах Киева не обнаруживают тенденции к смещению с формами *имаю* и соотносятся с инфинитивом (*ин*)*яти*. В молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* наиболее отчетливо: конструкции с *иму* приобретают семантические особенности конструкций с *имаю*. Противоположная тенденция не отмечена.

Словарь современного украинского языка также свидетельствует о взаимодействии парадигм *имати* и (*ин*)*яти* (ср. словарную статью «імати, маю, еш, сов. в. імити, іму меш» [Гринченко, II 1908: 198]), тогда как в словаре современного белорусского языка такие формы не представлены.

По-видимому, одной из причин, по которым в украинском языке конструкция *иму* + инфинитив смогла грамматикализироваться как будущее время, могло послужить то, что именно в диалектах данной территории начала стираться граница между модальным глаголом *имати/имѣти* и начинательным глаголом (*ин*)*яти*, чего не наблюдается ни в старовеликорусской, ни в старобелорусской письменности. Судя по всему, именно это помогло конструкции *иму* + инфинитив расширить свою семантику за пределы фазовости и проникнуть в контексты чистого будущего времени (см. выше о преобладании этой конструкции в своем исконном употреблении в зависимых предикациях). Так, в языках мира мы почти не найдем примеров, когда глагол контакта со значением ‘взять, схватить’ становится лексическим источником показателя будущего времени. В монографии [Bybee et al. 1994] таких примеров не зафиксировано вовсе, а в [Heine, Kuteva 2004] приведены редкие примеры из китайского, цыганского и венгерского языков. При этом грамматикализация этих форм в цыганском и венгерском объясняется как раз контактным влиянием славянских языков: русского языка для цыганского [Кожанов 2016] и паннонских южнославянских диалектов как субстрата для венгерского [Золтан 2018]. К тому же мы знаем, что ни в русском, ни в сербском языке грамматикализация в будущее время так и не достигла завершения, и единственным славянским языком, где конструкции с *иму* грамматикализировались в показатель будущего времени, является украинский, в котором этот процесс был обеспечен семантическим сближением с *имѣти*. Аналогично — именно через семантическую стадию ‘иметь’ — латинский глагол *habeo*, изначально означавший ‘взять, схватить’, сделал себе карьеру в качестве показателя будущего времени в романских языках.

Бібліографія

Словари и источники

Гринченко

Гринченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, Киев, II (З–Н), 1908.

ГСБМ

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 14 (Игде — катуючий), Жураўскі А. І., гл. ред., Мінск, 1996.

Ефр.Сир.

Bojkovsky G., *Paraenesis: Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, I–IV, R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher, eds., Freiburg im Breisgau, 1984–1988 (*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations*, XX).

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

Розов 1928

Розов В., *Українські грамоти, I. XIV в. и перша половина XV в.*, Київ, 1928.

Русанівський 1965

Русанівський В. М., *Українські грамоти XV ст.*, Київ, 1965.

СДРЯ

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), IV (изживати–молени), Аванесов Р. И., гл. ред., Москва, 1991.

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 6 (Зипунъ–Иянуарий), Бархударов С. Г., гл. ред., Москва, 1979.

Срезневский, I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I–III*, С.-Петербург, 1893–1912.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, 1–52–, Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2023–.

ССУМ

Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т., Гумецька Л. Л., Керницький М., ред., Київ, 1977–1978.

Хорошкевич et al. 2015

Хорошкевич А. Л., Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., ред., *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв.*, 2, Москва, 2015.

Література

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору)*, Ужгород, 1960.

Булыка et al. 1988

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І., Свяжынскі У. М., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

Гранстрём 1953

Гранстрём Е. Э., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские*, Ленинград, 1953.

Гудков 1963

Гудков В. П., Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках, *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, 38: Славянское языкознание, Королук В. Д. et al., ред., Москва, 1963.

Жовтобрюх et al. 1980

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І., *Історична граматика української мови*, Київ, 1980.

Золтан 2018

Золтан А., Венгерское сложное будущее в славянском контексте, *Восьмые Римские Кирилло-Методиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.)*, Запольская Н., Обижаева М., ред., Москва, 2018, 65–70.

Кожанов 2016

Кожанов К. А., Аналитическое будущее время в языке русских цыган как калька с восточнославянских языков, *Slověne*, 2016, 1, 249–262.

Козлов 2014

Козлов А. А., К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти* / *имѣти* с инфинитивом, *Русский язык в научном освещении*, 2014, 1/27, 122–149.

Купчинський 1997

Купчинський О., Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV — першої половини XV ст., *Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові*, 233, 1997, 333–359.

Мозер 2002

Мозер М., Что такое «простая мова»?., *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2002, 47/3–4, 221–260.

Молдован 2000

Молдован А. М., Пять новонайденных украинских грамот конца XIV — начала XV в., *Лингвистическое источниковедения и история русского языка*, Москва, 2000.

Мустафина 1984

Мустафина Э. К., *Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»*, диссертация ... кандидата филологических наук, Душанбе, 1984.

Пенькова 2019

Пенькова Я. А., *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности, *Slavistična revija*, 2019, 4/67, 569–586.

——— 2021

Пенькова Я. А., Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности, *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, Ладыженский И. М., Пузина М. А., ред., Москва, 2021, 212–227.

——— 2023

Пенькова Я. А., Инфинитивные конструкции с глаголами *имѣти* и *хотѣти* в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в., *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»*, Москва, 2023, 147–148.

——— 2024a

Пенькова Я. А., Анализ дистрибуции инфинитивных конструкций с глаголами *хотѣти* и *имѣти* в истории русской письменности, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2024, 97/3, 170–185.

——— 2024b

Пенькова Я. А., Глаголы *имати* и *бърати*: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка, *Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание*. 2024, 23/6, 63–79.

Полехов, Крысько 2021

Полехов С. В., Крысько В. Б., Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г., *Die Welt der Slaven*, 2021, 66/1, 19–45.

Смирнова 2021

Смирнова Е. А., Сложное будущее время в «простомовных» памятниках XVI в., *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 2021, 43/5, 66–70.

Соколова 1972

Соколова И. Г., *Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века*, автореферат ... кандидата филологических наук, Ташкент, 1972.

Стойнова 2019

Стойнова Н. М., Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке, *Русский язык в научном освещении*, 2019, 37/1, 58–82.

Тихомиров 1961

Тихомиров М. Н., Пространные списки Закона Судного людем, *Закон Судный людем пространной и сводной редакции*, Тихомиров М. Н., ред., Москва, 1961.

Толстой 1988

Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

Шевелева 2017

Шевелева М. Н., К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2017, 2/34, 194–218.

——— 2019

Шевелева М. Н., О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах, *Вопросы языкознания*, 2019, 6, 32–50.

Юрковский 1991

Юрковский М., Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Хабургаев Г. А., Бартошевич А., ред., Москва, 101–113.

Юрьева 2009

Юрьева И. С., *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.*, диссертация ... кандидата филологических наук, Москва, 2009.

——— 2011

Юрьева И. С., Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2011, 2/22, 68–88.

Янкоўскі 1983

Янкоўскі Ф., *Гістарычная граматыка беларускай мовы*, Мінск, 1983.

Andersen 2006

Andersen H., Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence, *Change in verbal systems. Issues in explanation*, K. Eksell, T. Vinther, eds., Bern, 2006, 9–45.

Birnbaum 1958

Birnbaum H., *Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen*, Stockholm, 1958.

Bybee 2011

Bybee J. L., Usage-based Theory and Grammaticalization, *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, B. Heine, H. Narrog, eds., Oxford, 2011.

Bybee et al. 1994

Bybee, J. L., Pagliuca W., Perkins R., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

Hansen 2001

Hansen B., *Das slavische Modalauxiliar Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen* (= Slavo-linguistica, 2), München, 2001.

Heine, Kuteva 2004

Heine, B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2004.

Křížková 1960

Křížková H., *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, 1960.

Stang 1935

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

——— 1939

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

References

Andersen H., Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence, *Change in verbal systems. Issues in explanation*, K. Eksell, T. Vinther, eds., Bern, 2006, 9–45.

Bevzenko S. P., *Istorychna morfologii ukrains'koï movy (Narysy iz slovozmyny ta slovotvoru)*, Uzhhorod, 1960.

Birnbaum H., *Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen*, Stockholm, 1958.

Bulyka A. M., Zhuraŭski A. I., Kramko I. I., Svi-azhynski U. M., *Mova belaruskai pis'mennasts'i 14–18 stst.*, Minsk, 1988.

Bybee J. L., Usage-based Theory and Grammaticalization, *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, B. Heine, H. Narrog, eds., Oxford, 2011.

Bybee, J. L., Pagliuca W., Perkins R., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

Granstrem E. E., *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamennykh rukopisei: Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhiijskie, serbskie*, Leningrad, 1953.

Gudkov V. P., Parallel iz istorii form budushchego vremeni v serbokhorvatskom i ruskom iazykakh, *Kratkie soobshcheniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, 38: Slavianskoe iazykoznanie, Koroliuk V. D. et al., ed., Moscow, 1963.

Hansen B., *Das slavische Modalauxiliar Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen* (= Slavo-linguistica, 2), München, 2001.

Heine, B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2004.

Kozhanov K. A., Analytic Future Tense in Russian Romani as a Calque from Eastern Slavic, *Slověne*, 2016, 1, 249–262.

Kozlov A. A., On the semantics of Old Church Slavonic *xotěti* / *iměti* + infinitive constructions, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 1/27, 122–149.

Křížková H., *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, 1960.

Kupchynsky O., Zabuti ta nevidomi staroukraińs'ki hramoty 14 — pershoi polovini 15 st., *Zapysky Naukovoho tovarystva im. Shevchenka u Lvovi*, 233, 1997, 333–359.

Moser M., What is “próstaja mova”? , *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2002, 47/3–4, 221–260.

Moldovan A. M., Piat' novonaidennykh ukrain-skikh gramot kontsa 14 — nachala 15 v., *Lingvističeskoe istočnikovedeniia i istoriia russkogo iazyka*, Moscow, 2000.

Penkova Ya. A., Imu, uch'nu, stanu, budu: korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti, *Slavistična revija*, 2019, 4/67, 569–586.

Penkova Ya. A., Infinitivnye konstruksii s glagolom IMĚTI v pozdnesrednerusskoi pis'mennosti, *Sub specie aeternitatis. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krysa'ko*, Ladyzhenskii I. M., Puzina M. A., eds., Moscow, 2021, 212–227.

Penkova Ya. A., Infinitivnye konstruksii s glagolami *iměti* i *khotěti* v tserkovnoslavianskikh pamiatnikakh Drevnei Rusi 13 v., *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov 12 Mezhdunarodnoi konferentsii. Prilozhenie k zhurnalu “Drevniia Rus”. Voprosy medievistiki*, Moscow, 2023, 147–148.

Penkova Ya. A., Analysis of Distribution of Infinitive Constructions with the Verbs *khotěti* and *iměti* in the History of Russian Writing, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2024, 97/3, 170–185.

Penkova Ya. A., The Verbs *Imati* (to Have) and *Brati* (to Take): Distribution and Competition in the History of Russian, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23/6, 63–79.

Polekhov S. V., Krysko V. B., Prince Władysław Opolczyk's grant document for Danilo Dažbogovič (1375), *Die Welt der Slaven*, 2021, 66/1, 19–45.

Sheveleva M. N., On the Grammatical Semantics of the Periphrastic Constructions Like *imatъ byti* vs. *khočеть byti* in Early East Slavic Texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2017, 2/34, 194–218.

Sheveleva M. N., On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and complex future with *imamъ* / *imu* in early East Slavic texts, *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6, 32–50.

Smirnova A. E., Compound Future Tense in “Prosta Mova” Texts, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2021, 43/5, 66–70.

Stang Chr. S., *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*, Oslo, 1935.

Stang Chr. S., *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939.

Stoynova N. M., Imperfective Future and the Infinitive Construction of the Verb *stat'* ('become') in

Modern Russian: Competing Marker, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2019, 37/1, 58–82.

Tikhomirov M. N., *Prostrannye spiski Zakona Sudnogo liudem, Zakon Sudnyi liudem prostranno i svodnoi redaktsii*, Tikhomirov M. N., ed., Moscow, 1961.

Tolstoy N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Yankouski F., *Histarychnaia hramatyka belaruskai movy*, Minsk, 1983.

Yurkovsky M., *Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke 14–15 vv., Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Khaburgaev G. A., Bartoshevich A., eds., Moscow, 101–113.

Yuryeva I. S., The infinitive constructions with the verbs *имамъ* and *имой* in Old Russian texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2011, 2/22, 68–88.

Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samilenko S. P., Slynko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koï movy*, Kyiv, 1980.

Zoltan A., *Vengerskoe slozhnoe budushchee v slavianskom kontekste, Vos'mye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia. Materialy konferentsii. (Rim – Florentsiia, 5–10 fevralia 2018 g.)*, Zapolskaya N., Obizhaeva M., eds., Moscow, 2018, 65–70.

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

старший научный сотрудник

Института филологии и межкультурной коммуникации

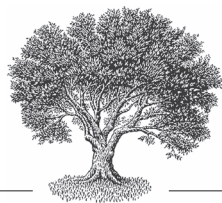
Казанского (Приволжского) федерального университета

420021, Казань, ул. Татарстан, д. 2

Россия / Russia

amoena@inbox.ru

Received June 15, 2024

Южнорусская интонация: восток — запад

Southern Russian Intonation: East vs. West

**Сергей Владимирович
Князев**

Sergey V. Knyazev

**Светлана Владимировна
Дьяченко**

Svetlana V. Dyachenko

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва, Россия

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье приводятся результаты сопоставительного описания интонационных систем восточного (Рассказовский район Тамбовской области) и западного (Починковский район Смоленской области) южнорусских диалектов в сопоставлении с литературным русским языком и другими говорами. На основании анализа просодических особенностей утверждений с широким и узким фокусом, «да/нет»-вопросов, вопросов с вопросительным словом, разных типов незавершенности, императивных и вокативных конструкций формулируется вывод о том, что в интонационной системе смоленского говора шире, чем во фразовой просодии тамбовского, распространены монотональные акценты — за счет наличия наряду с уровневым L^* , типичным для всех русских диалектов, еще и высокотонального H^* , свойственного преимущественно западным южнорусским диалектам. Набор тональных ак-

Цитирование: Князев С. В., Дьяченко С. В. Южнорусская интонация: восток — запад // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 229–276.

Citation: Knyazev S. V., Dyachenko S. V. (2025) Southern Russian Intonation: East vs. West. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 229–276.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.09

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

центов восточного южнорусского говора наряду с одним уровневым тоном (L*) включает в себя три контурных — восходящий с поздним таймингом, нисходящий с поздним таймингом и восходяще-нисходящий. От литературной интонационной системы оба говора отличаются наличием фонологически релевантного высокого начального пограничного тона и отсутствием трункации нисходящего тона (низкого конечного пограничного тона) в мелодическом контуре общего вопроса. При этом просодическая система смоленского говора обнаруживает существенное сходство, но не полное тождество, с описанной ранее фразовой просодией центрального южнорусского говора с. Роговатого Старооскольского района Белгородской области, а интонация тамбовского диалекта — с интонацией восточных среднерусских (владимирских) идиомов.

Ключевые слова

восточные и западные южнорусские говоры, фонетика, фразовая интонация, тональный акцент, пограничный тон

Abstract

This paper deals with the phrase intonation of two Southern Russian dialects—Eastern (Rasskazovsky district, Tambov region) and Western (Pochinkovsky district, Smolensk region). The study conducted reveals that the prosodic system of the former one is relatively similar to that one of the Modern Standard Russian and the Eastern Middle-Russian Vladimir dialects, sharing with them most bitonal pitch accents (H*+L, L*+H, L+H*) and association of tonal structures with the basic communicative categories—statements, yes-no questions, wh-question, non-finality, commands and requests. The main peculiar properties of the Tambov dialect as compared to Standard Russian is the phonological distinction between high and low initial boundary tones %L and %H. The Smolensk dialect, by contrast, utilizes two monotonal pitch accents—H* and L*—as opposed to absence of such accents in Standard Russian and presence of the only L* in Tambov dialect. There are as well two initial boundary tones—%H and %L in this dialect. Thus, the intonational system of Smolensk idiom is much more focused on the level tunes than the Tambov one, while both dialects studied share two basic peculiarities which differ them from the Standard idiom: the lack of final boundary tone's truncation in polar question and the presence of two initial boundary tones.

Keywords

Southern Russian dialects, phonetics, phrase prosody, pitch accents, boundary tones

Введение

0.1. Исследования фразовой просодии **среднерусских** диалектов [Князев, Дьяченко 2023а; b; c; d] показали наличие существенных различий в организации интонационной системы западных и восточных говоров.

Так, общий вопрос и немаркированная незавершенность в этих диалектах оформляется восходящим тональным акцентом с разным тай-

мингом: в восточных среднерусских (владимирских) говорах он более поздний (тональный максимум достигается в конце или за пределами ударного гласного, L^*+H), а в западных — более ранний (тональный максимум достигается в середине, $(L+)H^*$, или самом начале ударного гласного, H^*). Тональный акцент с ровным высоким тоном на ударном гласном словоформы-акцентоносителя зафиксирован в этой функции и в одном из южнорусских идиомов [Князев 2024]. При этом восходящий тональный акцент в восточных среднерусских говорах реализуется с отрицательным заносом, при котором перед повышением частоты основного тона (ЧОТ) на ударном гласном осуществляется ее понижение на предударном. Во владимирских говорах широко распространен также нисходящий конечный пограничный тон ($HL\%$), не встречающийся в западном среднерусском ареале.

Таким образом, основные интонационные различия среднерусских диалектов в наибольшей степени связаны с проекцией запад — восток, в то время как, например, тип безударного вокализма не коррелирует напрямую с характером организации интонационной системы: соседние окающие и акающие восточные среднерусские говоры в этом отношении очень близки [Князев, Дьяченко 2023d].

При этом центральному южнорусскому говору свойственны некоторые особенности как западных диалектных систем (H^* в общем вопросе), так и восточных (высокий пограничный тон в сочетании с уровнем акцентом L^* при оформлении нейтрального утверждения).

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу западного и восточного говоров южнорусского наречия — дд. Княжое, Горяны, Акулинки, Мокрядино Починковского района Смоленской области (запись С. В. Дьяченко, И. И. Исаева и А. С. Лукашук 2011 г.) и села Верхнеспасское Рассказовского района Тамбовской области (запись С. В. Дьяченко и И. И. Исаева 2010 г.) соответственно.

0.2. Оба говора характеризуются сложными типами безударного вокализма. Согласно данным ДАРЯ, в говорах Починковского района наблюдается диссимилятивное аканье и яканье жиздринского типа, а в говоре села Верхнеспасского — недиссимилятивное аканье и ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковского типа [ДАРЯ 1986: карты 1, 3, 8]. Анализ современных записей позволяет несколько уточнить эти сведения.

0.2.1. Результаты инструментального анализа починковских смоленских говоров (308 примеров) показывают, что в **позиции после твердых согласных** наблюдается диссимилятивная зависимость длительности и качества предударных гласных от ударных: наиболее выражена

диссимиляция перед ударным [а], однако имеет место также различие между предударными гласными как в длительности, так и в качестве перед другими ударными гласными (см. Табл. 1).

Таблица 1. Предударный гласный после твердых согласных: средние значения длительности (в мс) и F₁ (в Гц); ударный гласный: средние значения длительности (в мс); относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

Предударный гласный	Длительность предударного гласного	F ₁ предударного гласного	Ударный гласный	Длительность ударного гласного	Длительность предударного гласного в % от длительности ударного
а	127	762	и ы у	105	128
а ^ь	122	753	ô ê	134	95
ъ ^а	106	725	о 'о е	131	85
ъ	74	583	а	163	47

Результаты анализа предударного вокализма **после мягких согласных** (464 примера) приведены в Табл. 2. Согласно этим результатам, **диссимилятивное яканье жиздринского типа**, зафиксированное в Атласе (ДАРЯ), при котором фиксируется противопоставление звуков [а] ~ [и] ([ь]) в слоге перед ударным, последовательно реализуется только перед твердыми согласными, причем никаких исключений не зафиксировано. Что касается позиции между мягкими согласными, то здесь, помимо предударных [а] ~ [и]([ь]), обнаруживается третий вариант — [е]. Распределение этих гласных таково: предударный [и] наблюдается во всех примерах перед ударным [а], а звуки [а] и [е] — перед прочими ударными, причем максимальное число е-образных предударных зафиксировано перед ударным [е]. Следовательно, в говоре основной принцип вокализма **диссимилятивный**, однако можно считать, что он сочетается с принципом **умеренности**, поскольку перед мягкими согласными наблюдается более передний предударный, чем перед твердыми.

Ритмическая структура говора характеризуется заметной двухступенчатостью редукции: первый предударный слог противопоставлен остальным безударным, в частности, второму предударному, по длительности и интенсивности. Такая структура соответствует XII и XIII типам фонетического слова по С. С. Высотскому. В словах с гласным типа [а] в первом предударном слоге длительность гласных распределяется следующим образом: 58 мс (2-й предударный слог) — 113 мс (первый предударный слог) — 123 мс (ударный слог), а слова с гласным типа [ъ] — следующее: 43 мс — 70 мс — 120 мс [Высотский 1973: 36–39].

Таблица 2. Гласные первого предударного слога после мягких согласных в говоре Починковского района Смоленской области (цифрами обозначается количество примеров с определенным предударным гласным в процентах от общего числа примеров на позицию)

Первый предударный гласный перед твердым	Под ударением		
а ¹⁰⁰		ы	у
а ¹⁰⁰			ѐ
а ¹⁰⁰			о
и ⁸⁸ ъ ¹²		а	

Под ударением			Первый предударный гласный перед мягким
'и		'у	а ⁸⁴ е ¹⁶
'ѐ			а ⁵⁷ е ⁴³
'е			а ⁵⁴ е ⁴⁶
	'о		а ⁷⁵ е ²⁵
	'а		и ¹⁰⁰

0.2.2. Результаты инструментального анализа говора с. Верхнеспаского (360 примеров) показывают, что **в позиции после твердых согласных** некоторая зависимость предударных гласных от ударных по длительности имеет место (см. Табл. 3): чем дольше ударный гласный, тем короче предударный (см. [Князев, Шаульский 2007]).

Таблица 3. Предударный гласный после твердых согласных: средние значения длительности (в мс) и F₁ (в Гц); ударный гласный: средние значения длительности (в мс); относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

Предударный гласный	Длительность предударного гласного	Ударный гласный	Длительность ударного гласного	Длительность предударного гласного в % от длительности ударного
а	99	и ы у	134	79
а	96	ѐ ê	141	73
а, ъ	94	о 'о е	141	70
а, ъ	93	а	148	67

Аудитивный анализ показывает, что перед ударными гласными [а], а также [е] и [о], не восходящими к *ъ и *ѡ, наряду с [а] возможен предударный [ъ], в других позициях — только [а]. Можно думать, что система аканья верхнеспаского говора в прошлом предполагала диссимильтивную зависимость предударных гласных от ударных, а сейчас мы наблюдаем остаточные явления, свидетельствующие об этой зависимости.

Результаты анализа предударного вокализма **после мягких согласных** (460 примеров) представлены в Табл. 4. Согласно этим результатам, в говоре представлена несколько более сложная система яканья, чем новосёлковский ассимилятивно-диссимилятивный тип, который постулируется для него ДАРЯ. Новосёлковское яканье в классическом виде предполагает следующее противопоставление предударных гласных: [и] — перед ударными гласными [’е] (в словах типа *деревня*) и [’о] (в словах типа *берёза*) и [а] — во всех остальных случаях.

По нашим результатам, в говоре Верхнеспасского, несмотря на то, что новосёлковский тип более или менее прослеживается, поскольку перед ударными гласными [’е] и [’о] не фиксируется произношение предударного [а], а в других случаях так или иначе фиксируется, во всех позициях первого предударного слога возможен е-образный предударный гласный. При этом число примеров с этим предударным перед твердыми согласными в целом меньше, чем перед мягкими, из чего следует, что в этой системе проявляется некоторая тенденция к умеренности (более передний предударный гласный перед мягкими согласными, чем перед твердыми). С этой тенденцией связано и то, что перед мягкими согласными нередко выступает предударный гласный [и] и в тех позициях, где, в соответствии с новосёлковским типом, его быть не должно: перед ударными гласными верхнего подъема и перед [е], восходящим к **ь*, причем число таких примеров не единично. Таким образом, предударный вокализм говора Верхнеспасского совмещает **ассимилятивно-диссимилятивный принцип с умеренным**.

Таблица 4. Гласные первого предударного слога после мягких согласных в говоре с. Верхнеспасского Рассказовского района Тамбовской области (цифрами обозначается количество примеров с определенным предударным гласным в процентах от общего числа примеров на позицию)

Первый предударный гласный перед твердым	Под ударением		
а ⁶⁴ е ³⁶		ы	у
а ⁶⁰ е ⁴⁰			ѐ
а ³³ е ⁶⁷			о
а ⁴⁸ е ⁵²		а	

Под ударением			Первый предударный гласный перед мягким
’и		’у	а ²⁶ е ⁵⁷ и ¹⁷
’ѐ			а ²² е ⁶¹ и ¹⁷
’е			е ¹¹ и ⁸⁹
	’о		е ¹⁵ и ⁸⁵
	’а		а ¹¹ е ⁵⁰ и ³⁹

Ритмическая структура слова в говоре характеризуется противопоставлением первого предударного слога остальным безударным слогам

по длительности и интенсивности, однако эта двухступенчатость в целом выражена слабее, чем, например, в южнорусских говорах с диссимилиативными типами вокализма и владимирских окающих говорах. Соотношение длительностей гласных: 62 мс — 84 мс — 120 мс, см. [Высотский 1973: 37–39].

Говор Верхнеспасского имеет ряд общих черт с окающими владимирскими говорами — так, в нем, как и во владимирских окающих говорах, возможна редукция до нуля во втором предударном и заударных слогах, а также вариант *нету* (а не *нет*) при отрицательном ответе на вопросы (— *Это соседка приходила?* — *Нету!*).

0.3. Результаты, полученные в ходе исследования интонации двух рассматриваемых говоров, мы излагаем ниже в таком порядке: общий вопрос, утвердительные высказывания с широким и узким фокусом, специальный вопрос, незавершенность, побудительные высказывания, обращения. О принципах описания русской диалектной интонации в рамках автосегментно-метрической фонологической модели см., например: [Князев 2022a; b; 2023; 2024; Князев, Дьяченко 2023d].

1. Общий вопрос

1.1. Литературный язык

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) общий вопрос и незавершенность оформляются при помощи ИК-3 [Брызгунова 1967: 37]: это восходящий тональный акцент с поздним таймингом (тональный максимум приходится на самый конец ударного слога словоформы-акцентоносителя) [Igarashi 2006: 190, 193] и низкий конечный пограничный тон, который при отсутствии сегментного материала после акцента в СРЛЯ подвергается трункации: понижения ЧОТ после ее повышения не происходит [Ode 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225].

Различия в просодическом оформлении общего вопроса в среднерусских говорах могут проявляться в следующем:

- различное время достижения максимума ЧОТ (тайминг);
- тип изменения тона на отрезке после тонального акцента;
- возможность трункации конечного пограничного тона;
- присутствие тонального плато после точки тонального максимума

[Князев, Дьяченко 2023a; b; c; d].

1.2. Тамбовский говор

Тональный акцент, который используется в Верхнеспасском для оформления общего вопроса, характеризуется **поздним таймингом**: высшая точка ЧОТ приходится на конечную часть ударного гласного выделен-

ного слова (см. рис. 1.1) или начальный согласный заударного слога (особенно часто — при наличии в его инициали сонорного согласного, см. рис. 1.2). Отрицательного заноса в этом случае обычно не наблюдается.

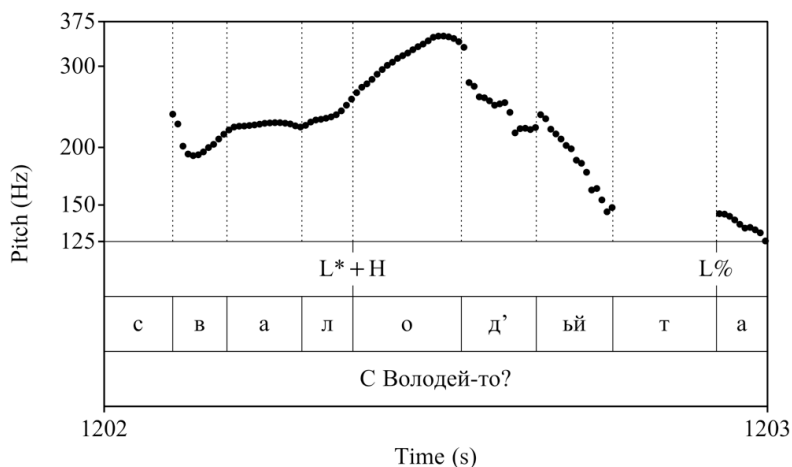

Рис. 1.1. Интонограмма фразы *С Володей-то?* ДГЛ1919-тмб (общий вопрос)

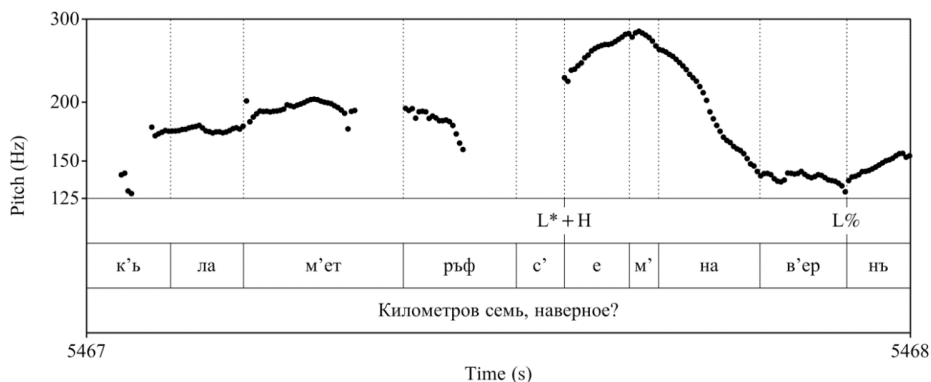

Рис. 1.2. Интонограмма фразы *Километров семь, наверное?* ДГЛ1919-тмб (общий вопрос)

Обобщенные результаты см. на рис. 1.3 (5 информантов, всего 69 примеров).

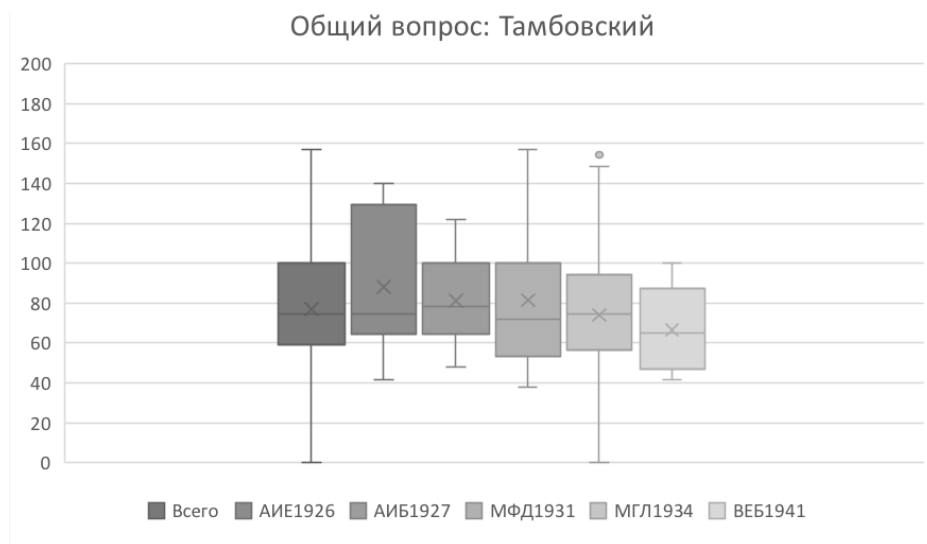

Рис. 1.3. Длительность части ударного гласного до наивысшего значения ЧОТ (в % от продолжительности гласного), общий вопрос, Верхнеспасское

На основании данных рис. 1.3 можно заключить, что максимум ЧОТ в тамбовском общем вопросе расположен позднее всего по сравнению со всеми до сих пор исследованными русскими диалектами (см. Табл. 5). Тем не менее место тонального максимума находится ближе к началу ударного гласного слова-акцентоносителя, нежели в СРЛЯ, что, вероятнее всего, связано с отсутствием усечения конечного пограничного тона (см. рис. 1.4).

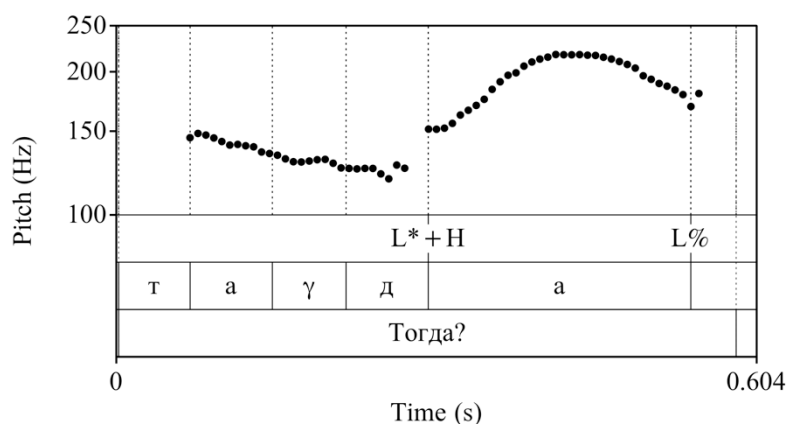

Рис. 1.4. Интонограмма фразы *Тогда?* ВЕБ1941-тмб (общий вопрос)

Другой яркой особенностью восходящего тонального акцента в составе мелодического контура общего вопроса в Верхнеспасском является поздний тайминг **начала** восходящего движения тона — в отличие от литературного языка, где повышение ЧОТ начинается в начале инициали ударного слога (на согласном, предшествующем ударному гласному). В тамбовском говоре в большинстве случаев ударный гласный начинается с низкого тонального плато (рис. 1.7–1.9), тем самым, это тот же тональный акцент **L*+H**, что и во владимирских говорах.

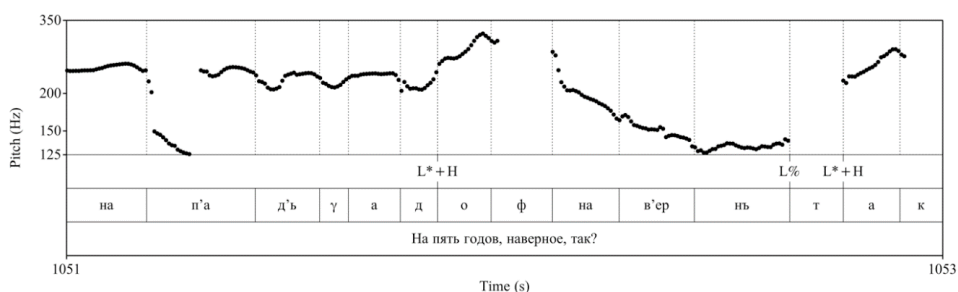

Рис. 1.5. Интонограмма фразы *На пять годов, наверное, так?* ДГЛ1919-тмб (общий вопрос)

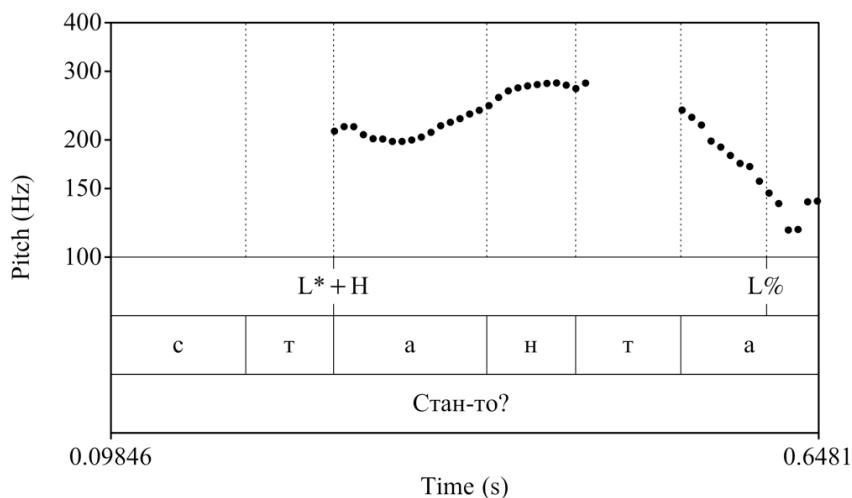

Рис. 1.6. Интонограмма фразы *Стан-то?* АИБ1927-тмб (общий вопрос)

Таблица 5. Общий вопрос в СРЛЯ, новгородских, селигеро-торжковских, псковских, тверских, владимирско-поволжских, тамбовских и смоленских говорах

	СРЛЯ	Новг.	Сел.-Т.	Пск.	Твер.	В.-П.	Тамб.	Смол.
Средняя длительность ударного гласного, мс	131	114	123	135	126	130	117	117
Отрезок ударного гласного до точки тонального максимума	98 %	47 %	42 %	43 %	42 %	66 %	77 %	21 %
Поздний тайминг восходящего акцента	+	–	–	–	–	+	+	–
Сверхпоздний тайминг восходящего акцента при отсутствии предударных слогов	–	–		–	–	+	+	–
Ранний тайминг восходящего акцента	–	–	+/-	+/-	+/-	–	–	+
Ровный высокий тон на заударных слогах	–	–	–	–	–	–	–	
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	–	–	–	–	–	–	–
Отрицательный занос	–	–	–	–	–	+	–	
Тип мелодического контура	LН* L- L%	L+Н* L- L%	(L+)Н* L- L%	(L+)Н* (L-) L%	(L+)Н* (L-) L%	hL*+Н L- L%	L*+Н L- L%	Н* L%

1.3. Смоленский говор

Наши данные позволяют утверждать, что восходящий акцент «да/нет»-вопросов в смоленских говорах характеризуется **сверххранним таймингом**: в половине всех исследованных случаев (66 из 134; 49,3 %) максимум ЧОТ фиксируется на начальной части ударного гласного слова-акцентиносителя (см. рис. 1.7–1.11). В среднем отрезок с восходящим тоном приходится лишь на 1/3 часть ударного гласного (21 %) — по сравнению с 98 % в СРЛЯ, 77 % в тамбовском говоре, 66 % во владимирских, 42–47 % в центральных и западных среднерусских (см. выше Табл. 5). В отдельных случаях тональный максимум имеет место на (сонорном) согласном инициали, а на ударном гласном наблюдается понижение ЧОТ (см. рис. 1.16, 1.17).

В соответствии с этим мы интерпретируем такой акцент как монотональный **Н***, в том числе для того, чтобы дифференцировать его от L+Н* западных и центральных среднерусских говоров и L*+Н восточных средне- и южнорусских. Тот же акцент Н* в общем вопросе зафиксирован ранее в центральном южнорусском говоре с. Роговатого [Князев 2024].

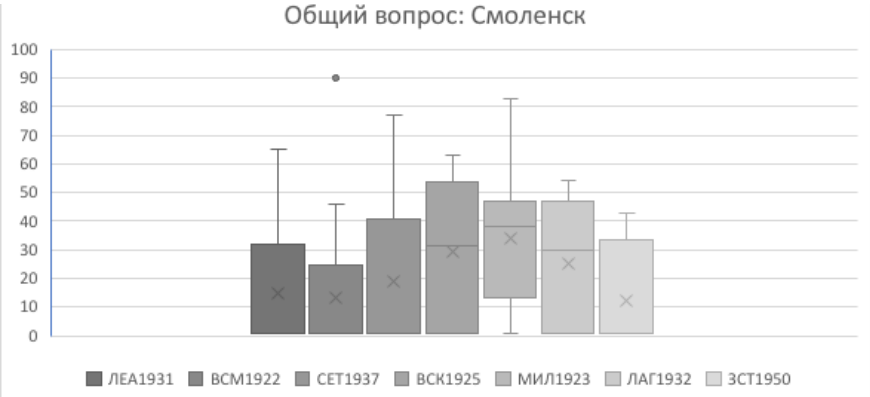

Рис. 1.7. Длительность части ударного гласного до наивысшего значения ЧОТ (в % от продолжительности гласного), общий вопрос, Починковский район Смоленской области (134 примера)

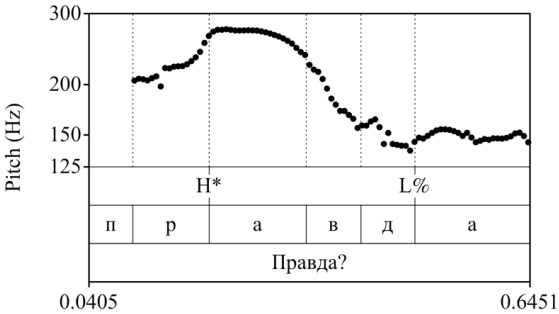

Рис. 1.8. Интонограмма фразы *Правда?* ВСМ1922-смл (общий вопрос)

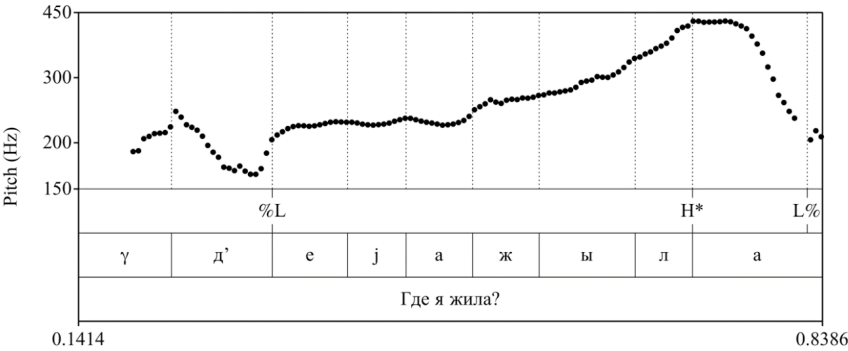

Рис.1.9. Интонограмма фразы *Где я жила?* МИЛ1923-смл (переспрос)

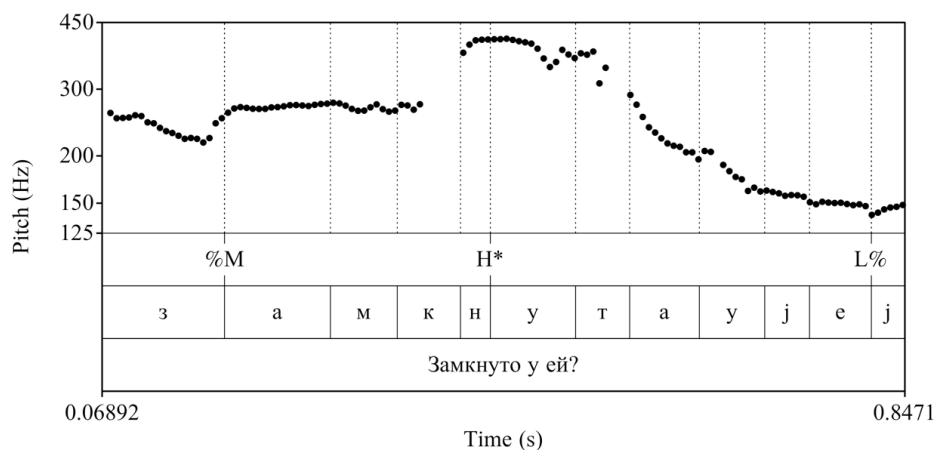

Рис. 1.10. Интонограмма фразы *Замкнуто у ей?* ЛЕА1931-смл (общий вопрос)

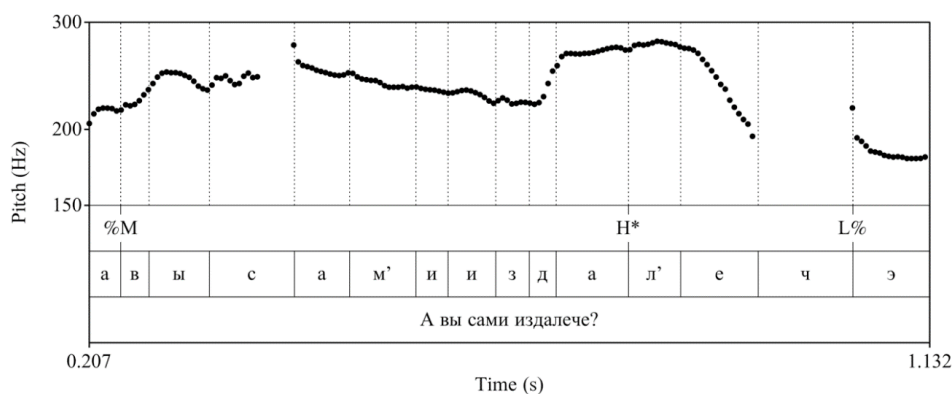

Рис. 1.11. Кривая ЧОТ общего вопроса *А вы сами издалече?* ЛЕА1931-смл (общий вопрос)

Таким образом, можно утверждать, что на материале говоров южно-русского наречия явно прослеживается та же тенденция, что и на среднерусском материале: западным (и центральным) русским диалектам в общем вопросе свойственен существенно более ранний тайминг тонального акцента, нежели восточным.

Другой тип общего вопроса в смоленском говоре — конструкции с вопросительной частицей *ти*. Они чаще всего оформляются нисходящим тональным акцентом, которому предшествует высокий пограничный тон — %Н Н*+L L% (см. рис. 1.12–1.14), однако в произношении

самого старшего из носителей в этом случае отмечен стандартный для говора контур общего вопроса %L H* L% (см. рис. 1.21), так что есть основания полагать, что нисходящий тональный акцент является инновацией, возникшей, возможно, под влиянием литературного языка.

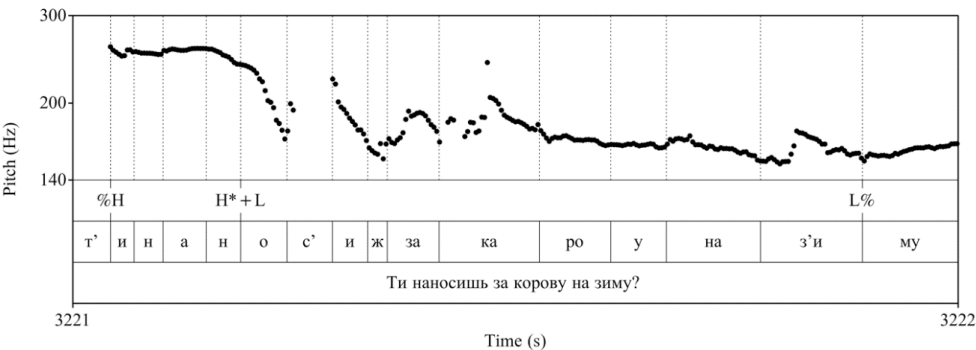

Рис. 1.12. Интонограмма фразы *Ти наносишь за корову на зиму?* ЛЕА1931-смл (общий вопрос)

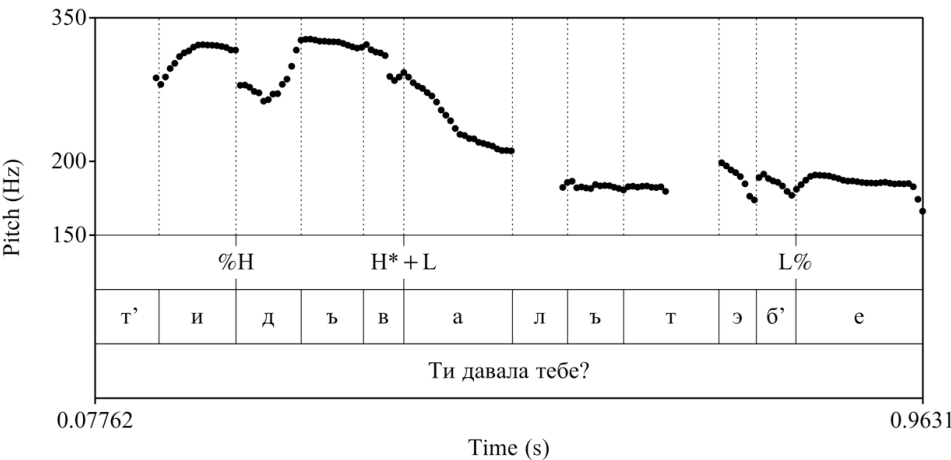

Рис. 1.13. Интонограмма фразы *Ти давала тебе?* ЛЕА1931-смл (общий вопрос)

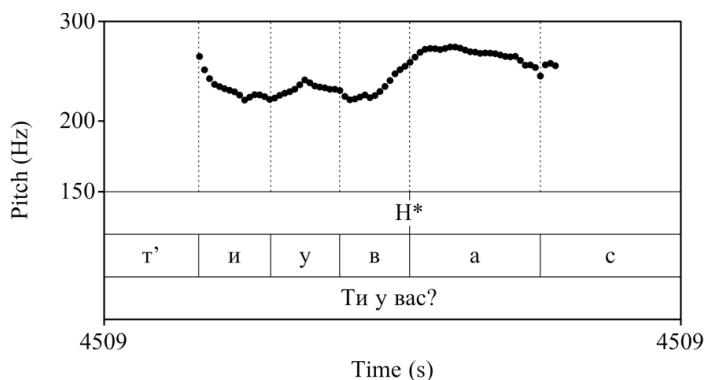

Рис. 1.14. Интонограмма фразы *Ти у вас?* МИП1923-смл (общий вопрос)

2. Утверждение

2.1. Литературный язык

Утверждение с широким информационным фокусом (ИК-1) и с узким фокусом (ИК-2) оформляется в литературном языке нисходящими тональными акцентами [Брызгунова 1980: 109–111], с разным таймингом — ранним в первом случае и более поздним в последнем [Odé 1989; Igarashi 2005]. В современной интонологии это различие может анализироваться как противопоставление акцентов $H+L^*$ и H^*+L [Igarashi 2005], L^* и $H+L^*$ [Makarova 2003; 2007], $H+L^*$ и H^* [Igarashi 2006; Rathcke 2017]. Мы склонны в этом отношении придерживаться первой точки зрения.

2.2. Тамбовский говор

В утвердительной функции в тамбовском говоре используются три основных мелодических контура с низким конечным пограничным тоном.

Первый из них, отмеченный также во владимирских [Князев, Дьяченко 2023d] и оскольском [Князев 2024] говорах, ассоциирован с нейтральным утверждением. Этот контур характеризуется **высоким начальным пограничным тоном**: он начинается с ЧОТ выше базовой, после чего следует падение тона, а затем он сохраняется на низком уровне до самого конца синтагмы. При этом тон, ассоциированный с ударным гласным акцентоносителя, зависит от положения ударного слога относительно начала синтагмы: чем больше между ними слогов, тем больше вероятность того, что тон этот будет ровным низким (если же этих слогов нет или он только один, велика вероятность того, что движение будет нисходящим). На этом основании мы интерпретируем

такой акцент как **L***, а весь тональный контур — как **%H L* L%** (в отличие от H+L* L% ИК-1 СРЛЯ) [Князев 2024]. Соответствующие примеры приведены ниже на рис. 2.1–2.3.

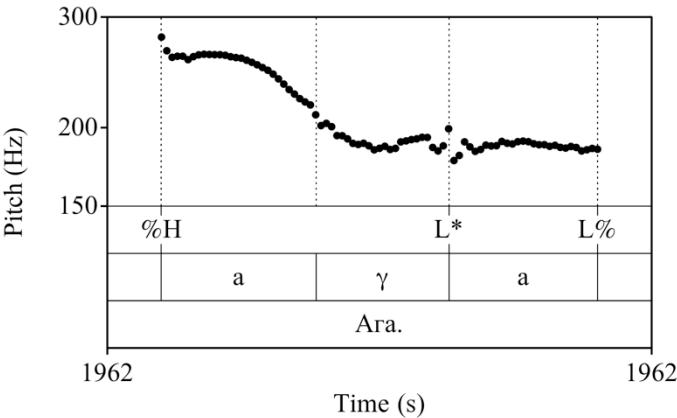

Рис. 2.1. Интонограмма высказывания *Aga* ДГЛ1919-тмб (утверждение с широким информационным фокусом)

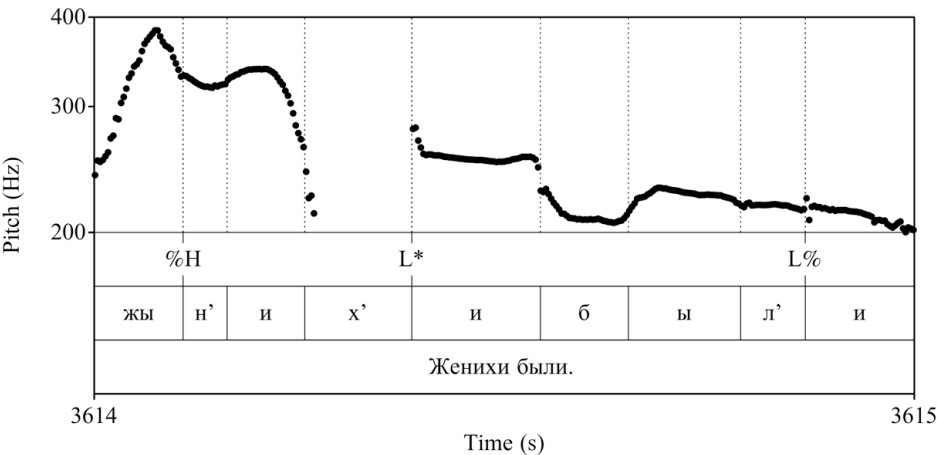

Рис. 2.2. Интонограмма высказывания *Женихи были* МГЛ1934-тмб (утверждение с широким информационным фокусом)

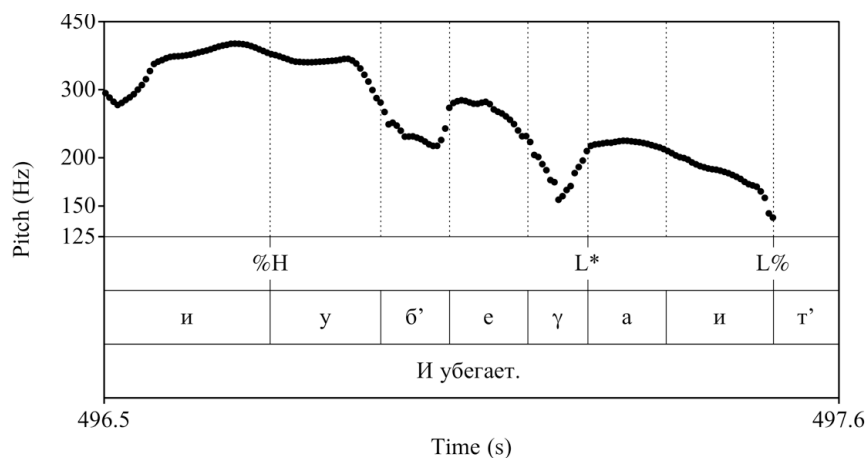

Рис. 2.3. Интонограмма высказывания *И убегает* МГЛ1934-тмб
(утверждение с широким информационным фокусом)

Другой тип сходен с ИК-2 СРЛЯ и используется в утверждениях с контрастным и корректирующим информационным фокусом: перед ударным гласным происходит повышение тона, после чего следует его понижение на ударном слоге с возможным продолжением за его пределами, после чего сохраняется низкое значение ЧОТ ($H^* + L$) (рис. 2.4, 2.5). Этот тональный акцент выступает, по-видимому, только в функции ядерного (последнего или единственного во фразе).

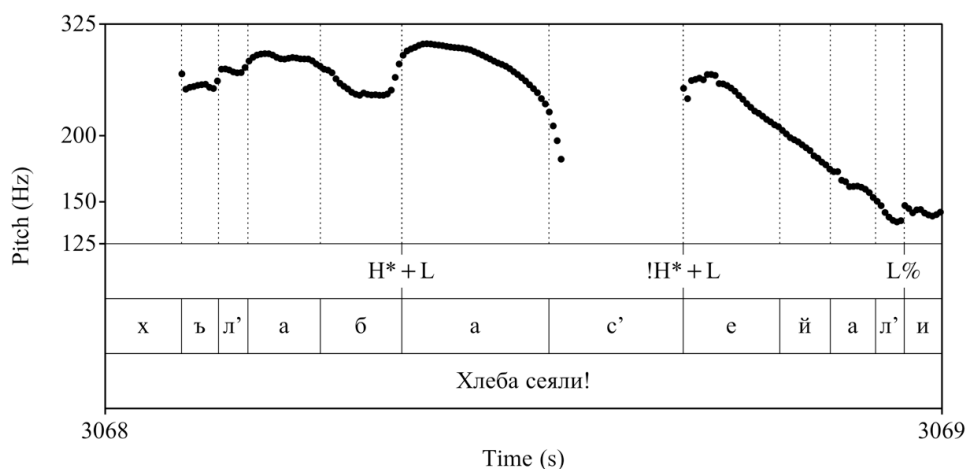

Рис. 2.4. Интонограмма высказывания *Хлеба сеяли!* МГЛ1934-тмб
(утверждение с узким контрастным фокусом)

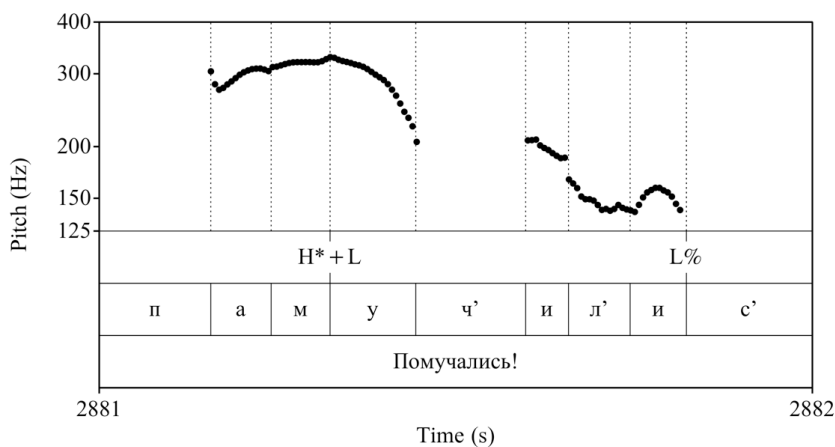

Рис. 2.5. Интонограмма высказывания *Помучались!* ДГЛ1919-тмб (утверждение с узким контрастным фокусом)

Третий тип тонального акцента, характеризующийся восходяще-нисходящим движением тона на ударном гласном акцентоносителя, ассоциирован с утверждениями с узким митаривным фокусом и представляет собой промежуточный вариант между собственно восходящим L*+N и собственно нисходящим H*+L; мы интерпретируем его как **L+N*** вследствие преобладания по длительности отрезка восходящего тона над отрезком нисходящего — см. рис. 2.6. На слух, однако, этот акцент носителем СРЛЯ воспринимается как нисходящий. Он может выступать как в функции ядерного, так и предъядерного акцента.

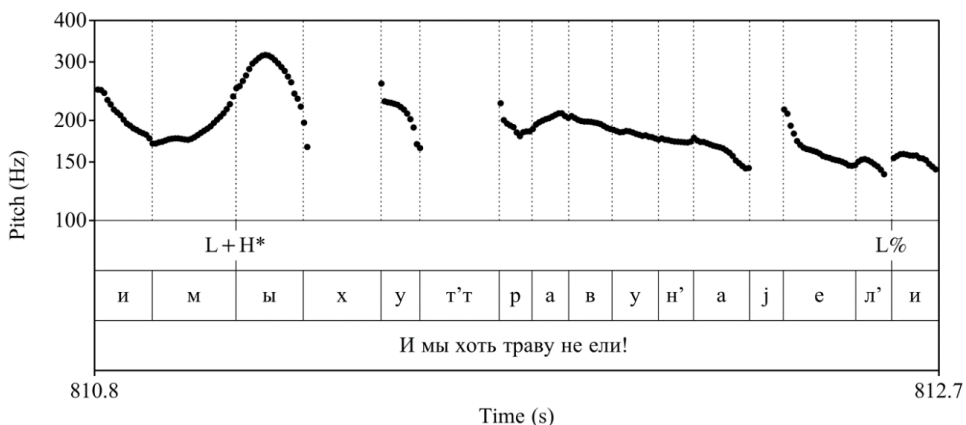

Рис. 2.6. Интонограмма высказывания *И мы хоть траву не ели!* ДГЛ1919-тмб (утверждение с узким митаривным фокусом)

2.3. Смоленский говор

Основной способ оформления нейтрального утверждения в смоленском говоре — тот же мелодический контур **%H L* L%**, что и в Роговаторе, Верхнеспасском и владимирских говорах. Если тональный акцент в нем приходится на первый или второй гласный фразы, он фонетически напоминает нисходящий. Если же ударный гласный занимает более далекую от начала позицию во фразе, на него обычно приходится ровный низкий тон (см. рис. 2.7–2.10).

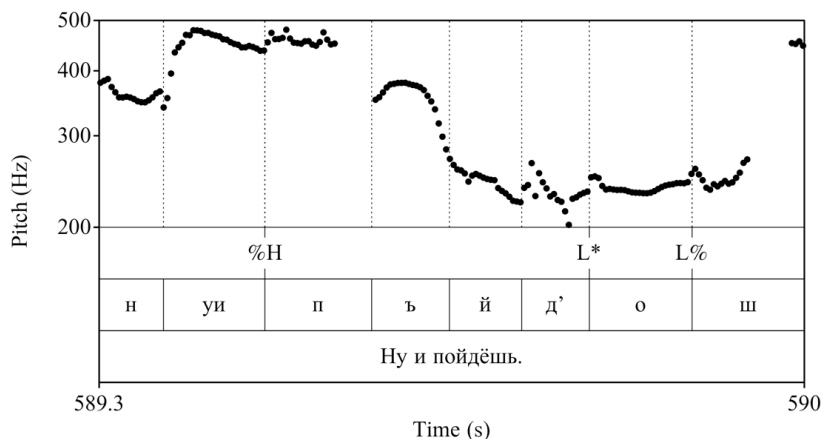

Рис. 2.7. Интонограмма высказывания *Ну и пойдёшь* МИЛ1923-смл (утверждение с широким информационным фокусом)

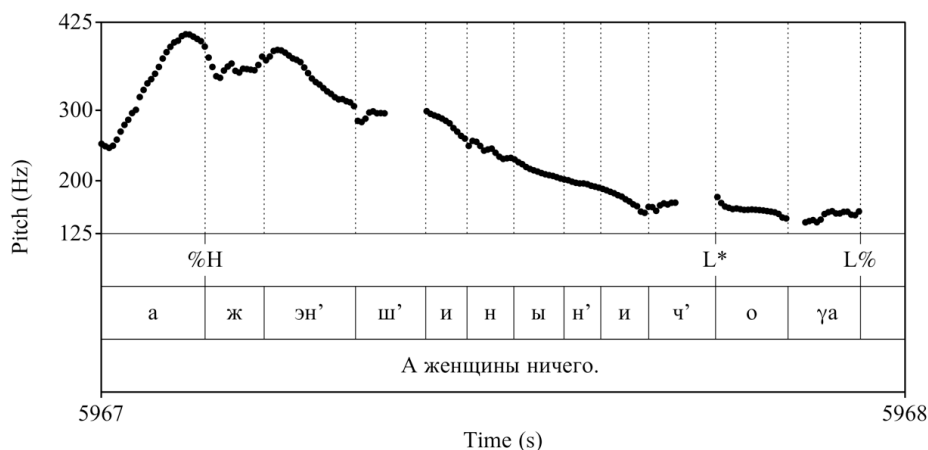

Рис. 2.8. Интонограмма высказывания *А женщины ничёго* ЛЕА1931-смл (утверждение с широким информационным фокусом)

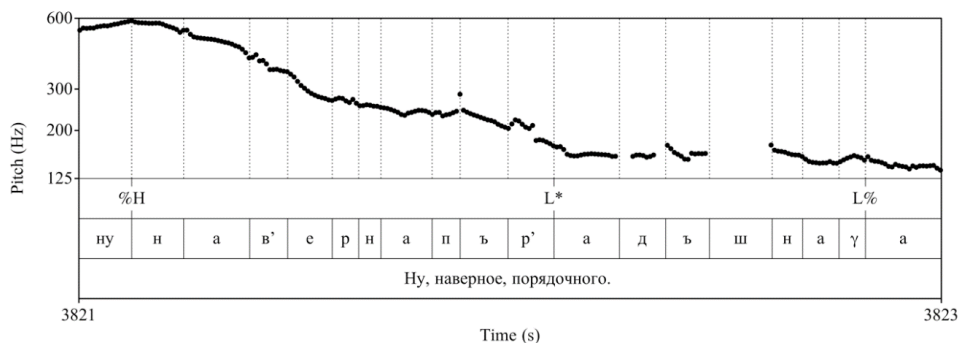

Рисунок 2.9. Интонограмма высказывания *Ну, наверное, порядочного* ЛЕА1931-смл (утверждение с широким информационным фокусом)

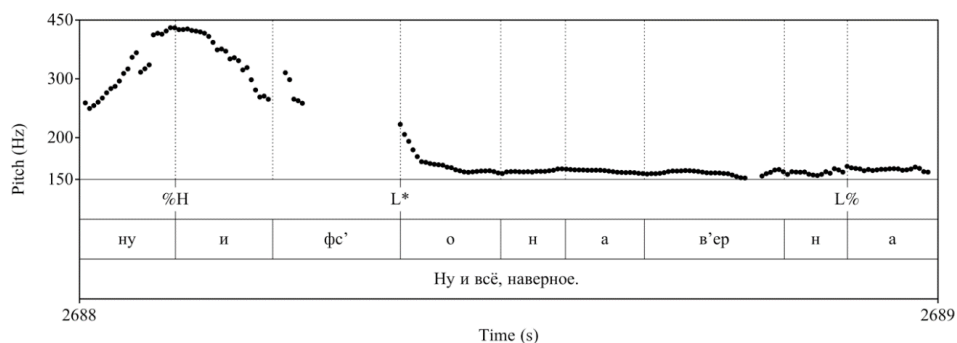

Рис. 2.10. Интонограмма высказывания *Ну и всё, наверное* ЛЕА1931-смл (утверждение с широким информационным фокусом)

Второй контур представлен в утвердительных предложениях с контрастным и корректирующим фокусом и характеризуется наличием тонального акцента Н* (ровный высокий тон), следующего за базовым начальным пограничным тоном (фонетически %М, фонологически %L¹), конечный пограничный тон — низкий (рис. 2.11–2.14).

¹ Этот дефолтный начальный пограничный тон на иллюстрациях не отмечается.

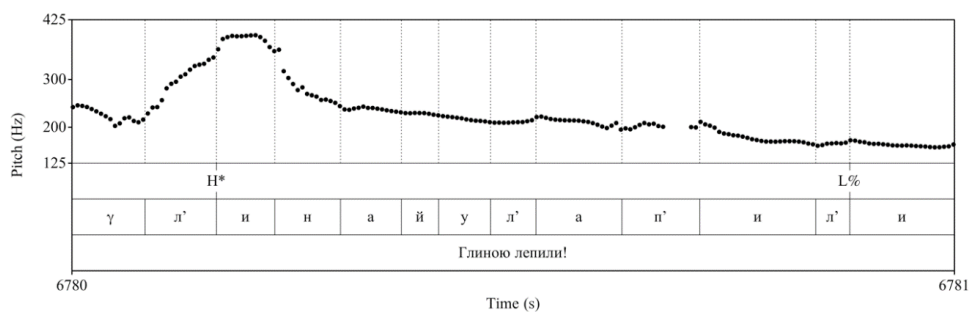

Рис. 2.11. Интонограмма высказывания *Глиною лепили!* ЛЕА1931-смл
(утверждение с узким контрастным фокусом)

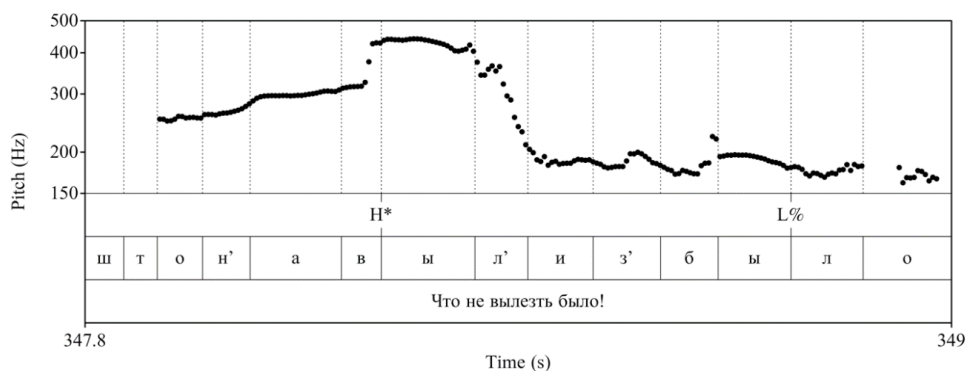

Рис. 2.12. Интонограмма высказывания *Что не вылезть было!* МИЛ1923-смл
(утверждение с узким контрастным фокусом)

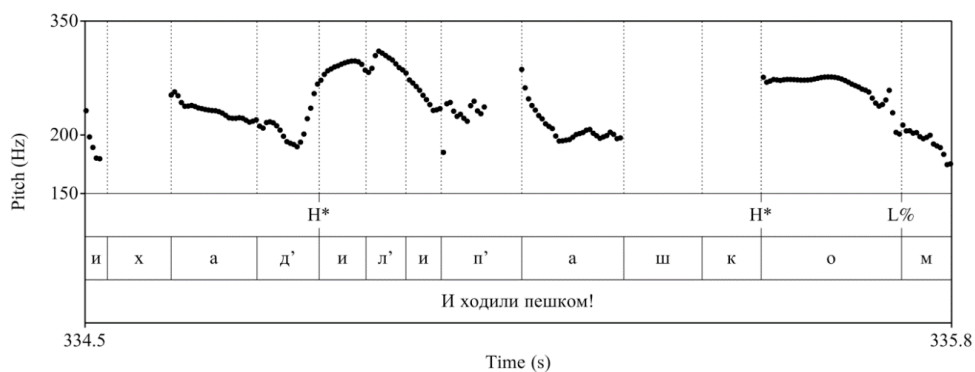

Рис. 2.13. Интонограмма высказывания *И ходили пешком!* МИЛ1923-смл
(утверждение с узким контрастным фокусом)

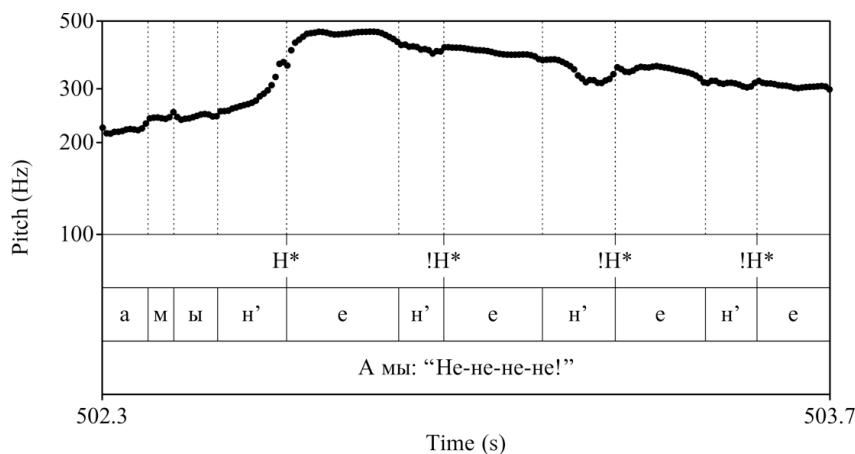

Рис. 2.14. Интонограмма высказывания *He-ne-ne-ne!* МИЛ1923-смл (утверждение с узким корректирующим фокусом)

Третий контур, который используется в той же функции (утверждение с узким корректирующим фокусом), близок ИК-5 литературного языка: повышение ЧОТ на первом слоге с последующим резким падением на ударном (H^*+L), конечный пограничный тон — низкий (рис. 2.15). Этот тональный акцент встречается редко и, по-видимому, является заимствованием из литературного языка.

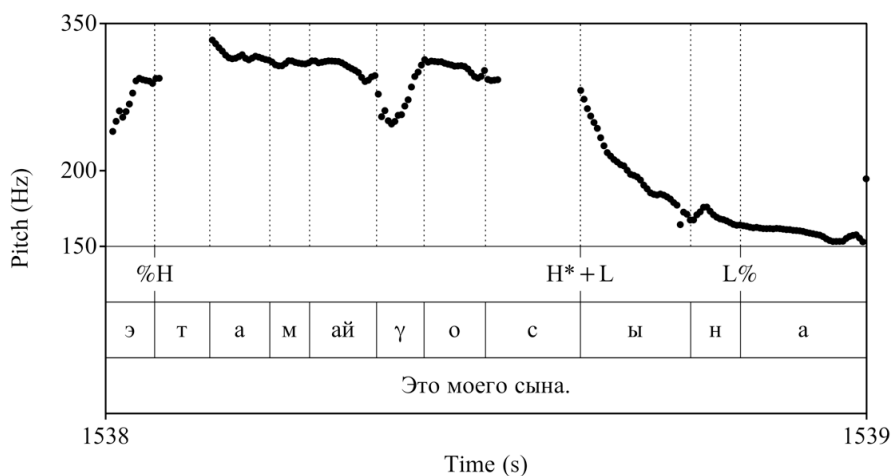

Рис. 2.15. Интонограмма высказывания *Это моего сына!* ЛЕА1931-смл (утверждение с узким корректирующим фокусом)

3. Специальный вопрос

3.1. Тамбовский говор

Чаще всего частный вопрос в говоре Верхнеспасского оформляется тональным контуром **(%L) H*+L L%**, аналогичным ИК-2 СРЛЯ: занос с базового тона на предупредном гласном акцентированного слова, после чего происходит понижение ЧОТ на всем ударном гласном (рис. 3.1, 3.2).

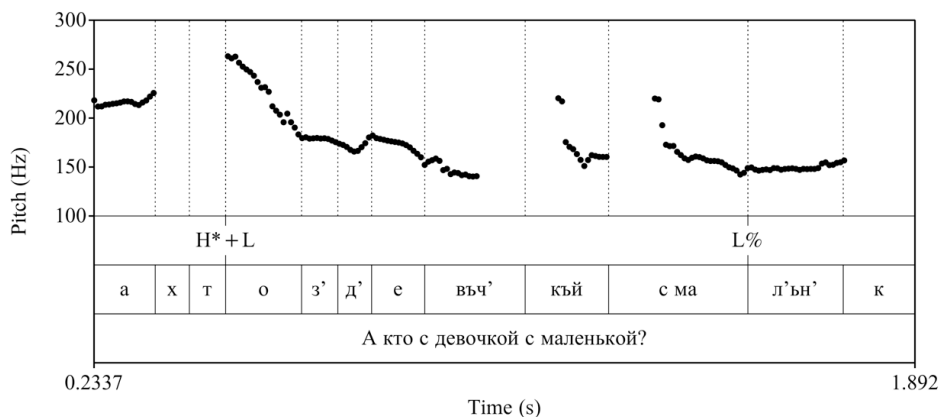

Рис. 3.1. Кривая ЧОТ частного вопроса *А кто с девочкой с маленькой?* МГЛ1934-тмб

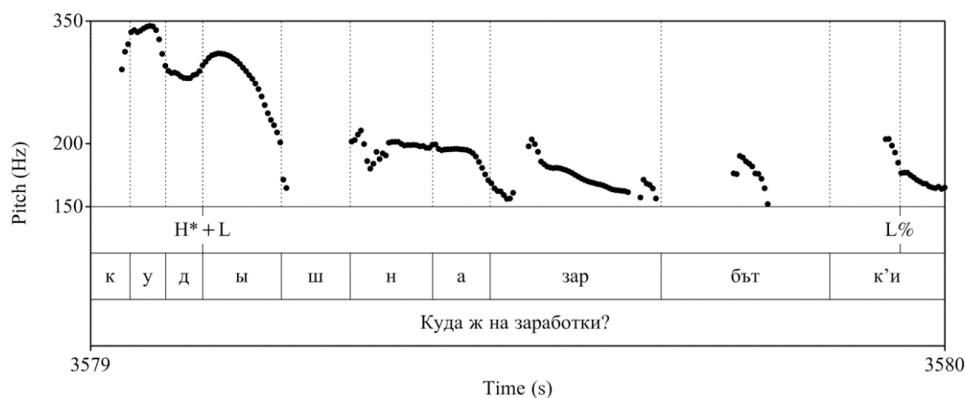

Рис. 3.2. Кривая ЧОТ частного вопроса *Куда ж на заработки?* МГЛ1934-тмб

В случае наличия достаточного числа предударных слогов падение может начинаться на первом предударном (рис. 3.3, 3.4); наоборот, в случае их отсутствия в начале ударного слога наблюдается небольшое повышение ЧОТ или краткий отрезок ровного тона (рис. 3.5).

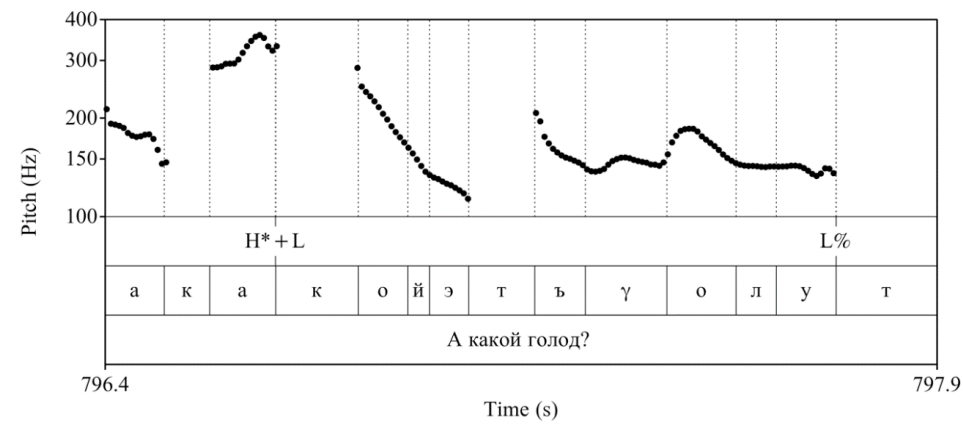

Рис. 3.3. Кривая ЧОТ частного вопроса *А какой это голод?* МГЛ1934-тмб

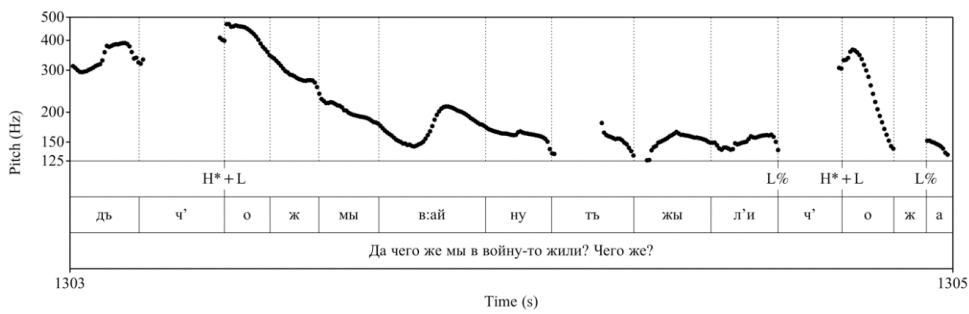

Рис. 3.4. Кривая ЧОТ частного вопроса *Да чего же мы в войну-то жили? Чего же?* ДГЛ1919-тмб

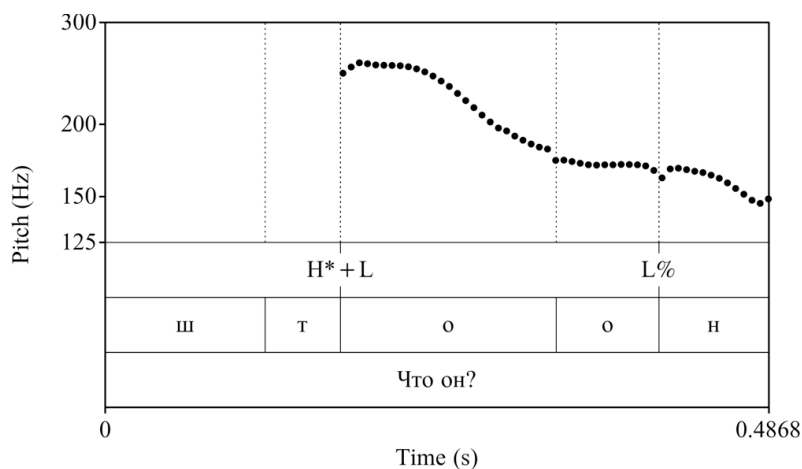

Рис. 3.5. Кривая ЧОТ частного вопроса *Что он?* АИБ1927-тмб

В ряде случаев тональный акцент H^*+L реализуется не только на вопросительном слове, но и на том слове, с которым данный вопрос ассоциирован (чаще всего — с глаголом); второй акцент в этом случае характеризуется более низкой начальной ЧОТ, чем первый ($!H^*+L$), см. рис. 3.6, 3.7.

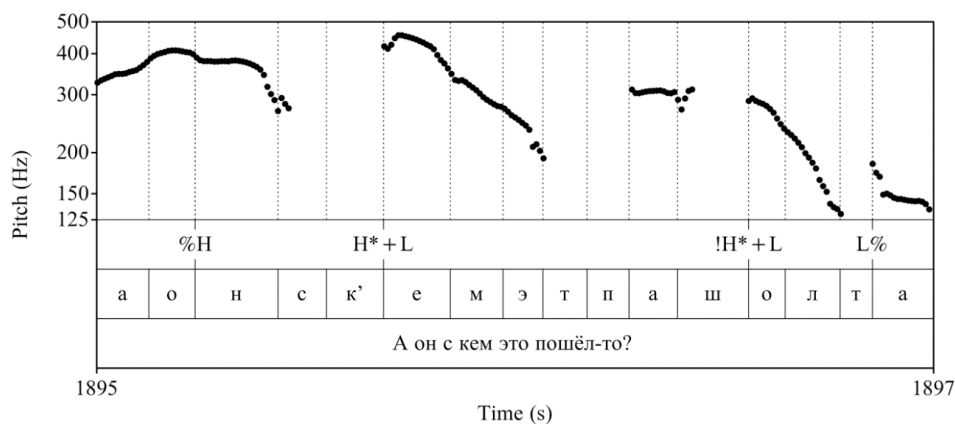

Рис. 3.6. Кривая ЧОТ частного вопроса *А он с кем это пошёл-то?* ДГЛ1919-тмб

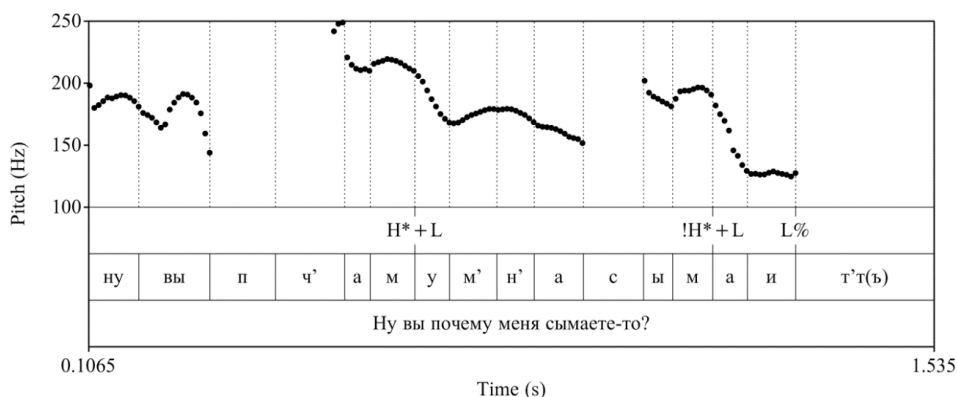

Рис. 3.7. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну вы почему меня снимае-то?* АИБ1927-тмб

Обычная для частных вопросов СРЛЯ конструкция типа ИК-5 с подъемом тона на вопросительном слове и падением на конечном слове синтагмы в тамбовском говоре не отмечена.

3.2. Смоленский говор

Вопрос с вопросительным словом в смоленском говоре в большинстве случаев оформляется тем же мелодическим контуром %H L* L%, что и утвердительные предложения. Если тональный акцент в нем приходится на первый гласный фразы (вопросительные слова *как, где, кто, что*), он фонетически идентичен акценту H*: в начале гласного наблюдается ровный высокий тон (этот отрезок в среднем составляет 42% его общей длительности), затем происходит падение до низкого (см. рис. 3.8–3.11). Если же ударный гласный занимает не первую позицию во фразе (*когда, кому, куда, зачем, почему* и приведенные выше односложные слова с предшествующей частицей *а, ну, это* и др.), на него приходится нисходящий, нисходяще-ровный или ровный низкий тон (причем падение начинается на предударных слогах, в среднем за 69% от общей длительности ударного), которому предшествует высокий начальный пограничный тон, что сближает этот акцент с H*+L, H+L* или L* (см. рис. 3.12–3.16).

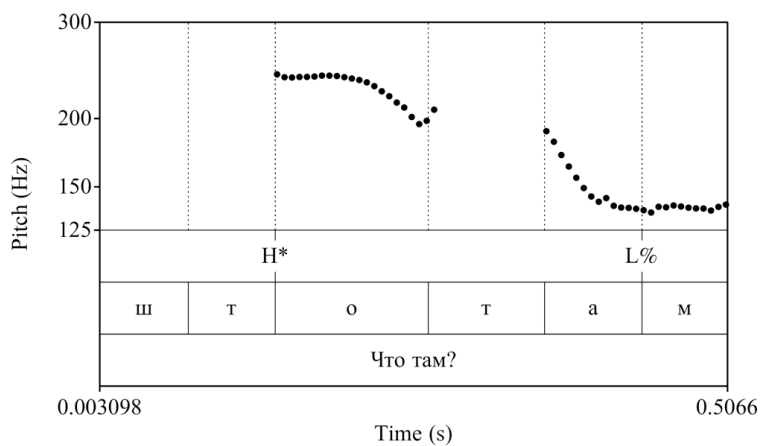

Рис. 3.8. Интонограмма фразы *Что там?* СЕТ1937-смл (вопрос с вопросительным словом)

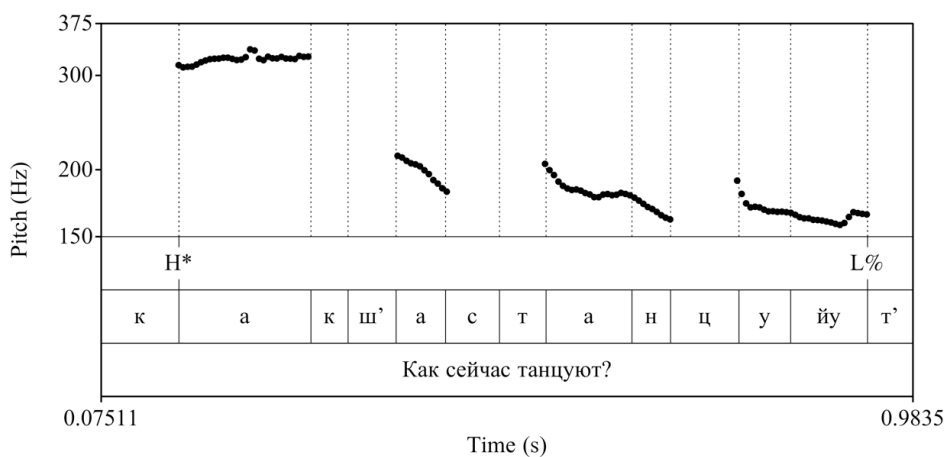

Рис. 3.9. Интонограмма фразы *Как сейчас танцуют?* ЛЕА1931-смл (вопрос с вопросительным словом)

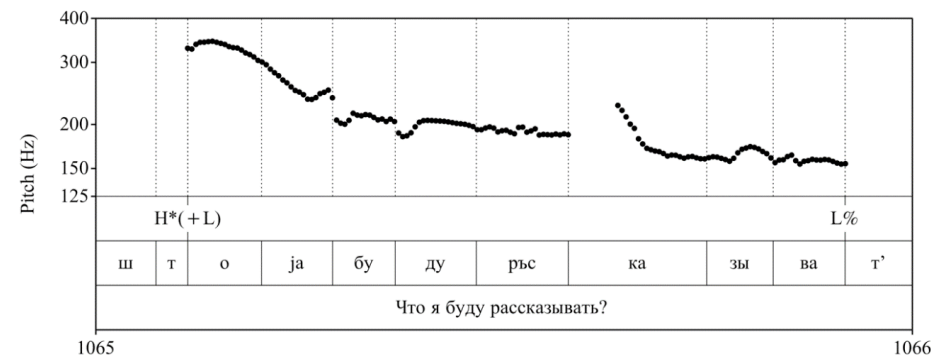

Рис. 3.10. Интонограмма фразы *Что я буду рассказывать?* ЛЕА1931-смл (вопрос с вопросительным словом)

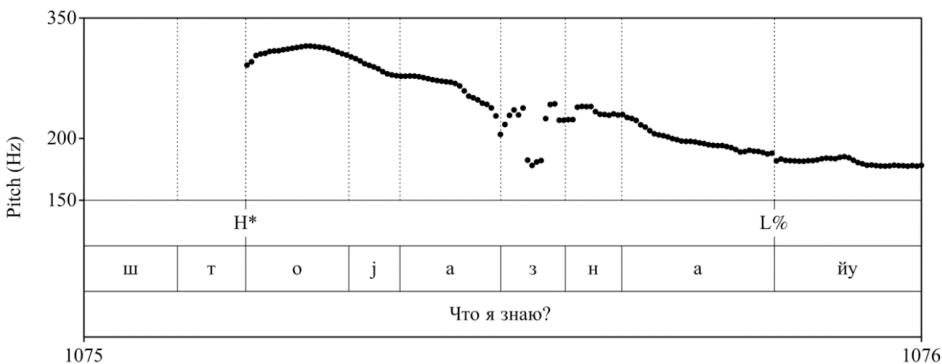

Рис. 3.11. Интонограмма фразы *Что я знаю?* ЛЕА1931-смл (вопрос с вопросительным словом)

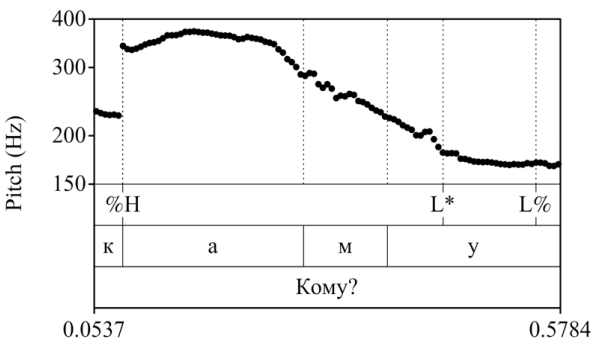

Рис. 3.12. Интонограмма фразы *Кому?* ЛЕА1931-смл (вопрос с вопросительным словом)

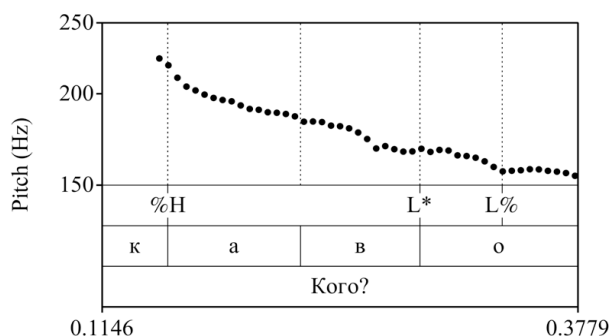

Рис. 3.13. Интонограмма фразы *Кого?* ЛЕА1931-смл (вопрос с вопросительным словом)

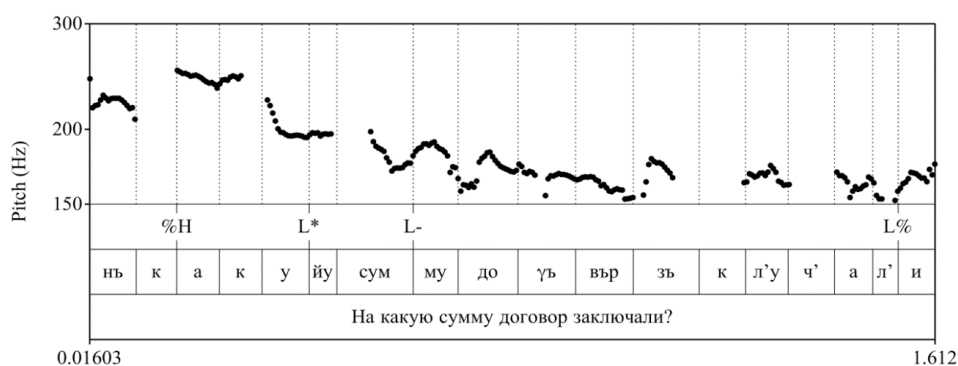

Рис. 3.14. Интонограмма фразы *На какую сумму договор заключали?* ЗСТ1950-смл (вопрос с вопросительным словом)

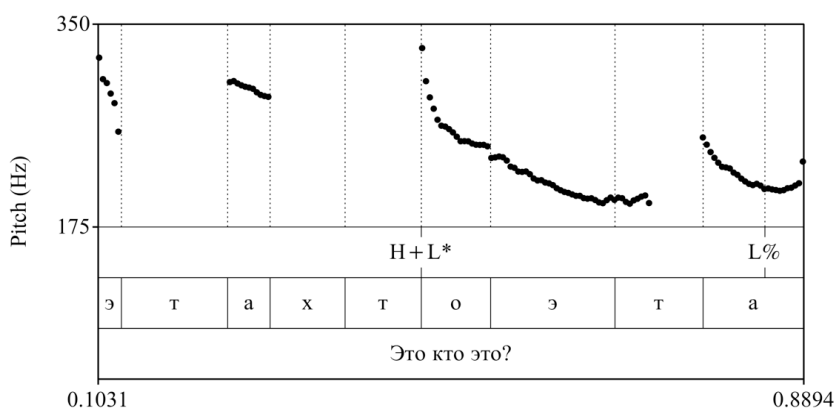

Рис. 3.15. Интонограмма фразы *Это кто это?* МИЛ1923-смл (вопрос с вопросительным словом)

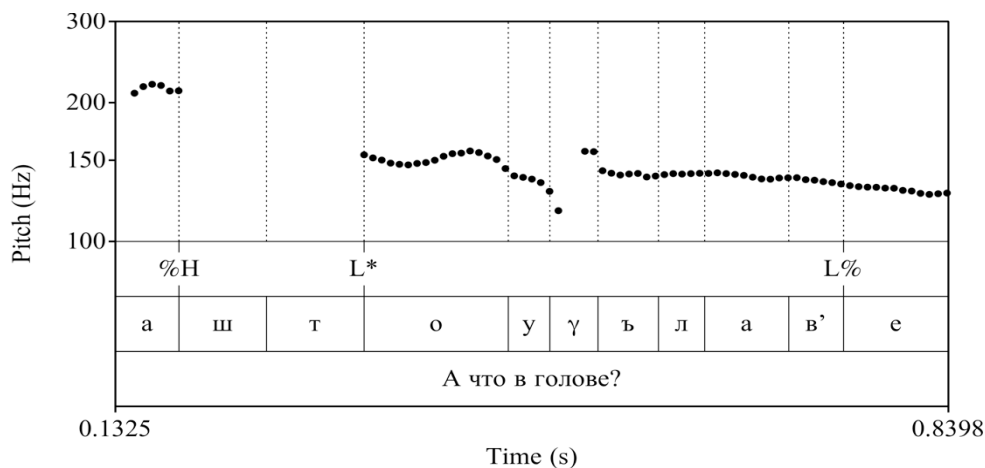

Рис. 3.16. Интонограмма фразы *А что в голове?* ВСК1925-смл
(вопрос с вопросительным словом)

Итак, при всей внешней схожести поверхностной фонетической реализации мелодического контура специального вопроса в восточном и западном южнорусских говорах (нисходящее движение тона с высокого уровня) мы считаем, что на глубинном фонологическом уровне они представляют собой разные структуры: сходная с литературной модель (**%L) H*+L L%** в первом, в отличие от **%H (H+)L* L%** во втором.

4. Незавершенность

4.1. Тамбовский говор

Для оформления незавершенной части высказывания в говоре Верхнеспасского используются две основные модели. Первая из них, маркирующая собственно незавершенность, идентична контуру общего вопроса — **L*+H (L-) L%** — и представляет собой восходящий акцент с поздним таймингом (повышение тона начинается не в самом начале ударного гласного, а после плато с базовым тоном в первой его части, точка максимума находится в конечной части ударного гласного или за его пределами), затем тон понижается и остается низким до окончания фразы. Соответствующие примеры приведены на рис. 4.1–4.3.

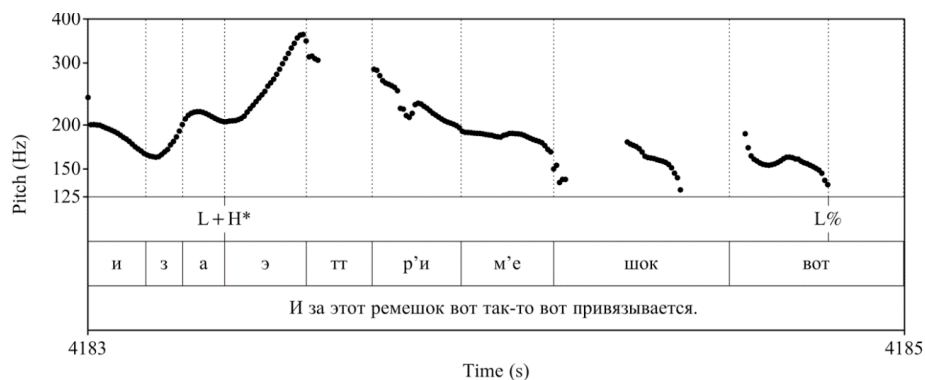

Рис. 4.1. Кривая ЧОТ синтагмы *И за этот ремешок (вот так-то вот привязывается)* ДГЛ1919-тмб (немаркированная незавершенность)

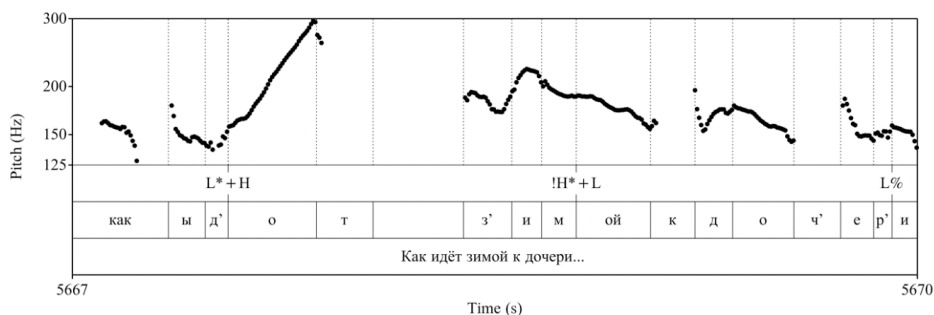

Рис. 4.2. Кривая ЧОТ синтагмы *Как идёт зимой к дочери...* ДГЛ1919-тмб (немаркированная незавершенность)

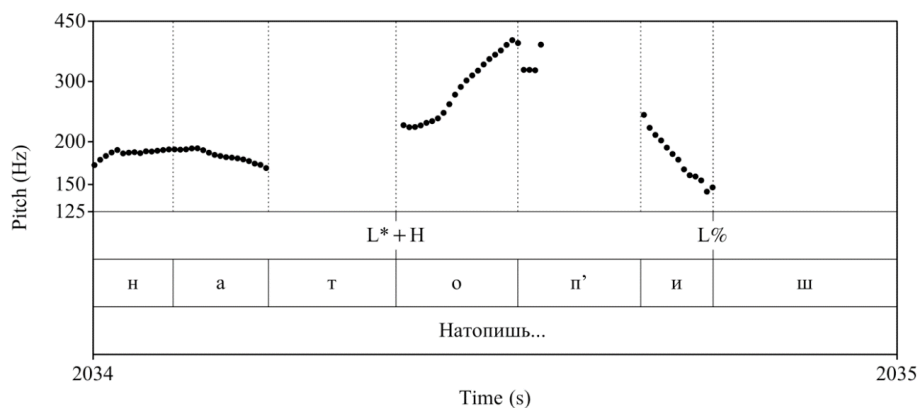

Рис. 4.3. Кривая ЧОТ синтагмы *Натопишь...* ДГЛ1919-тмб (немаркированная незавершенность)

Другой тип контура, используемый преимущественно при перечислении, более всего сходен с ИК-6 литературного языка: после восходящего тонального акцента тон на постакцентной части синтагмы сохраняется ровным (Н-) до последнего слога, на котором происходит небольшое понижение, которое мы трактуем как высокий пограничный тон с даун-степом (!Н%)². Таким образом, весь тональный контур имеет вид **L*+Н Н- !Н%**, иллюстрирующие его примеры представлены на рис. 4.4–4.6.

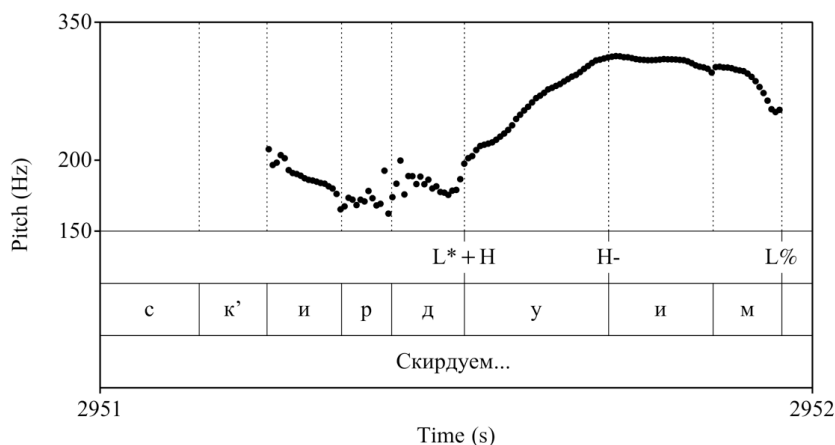

Рис. 4.4. Кривая ЧОТ синтагмы *Скирдуем...* МГЛ1934-тмб (перечисление)

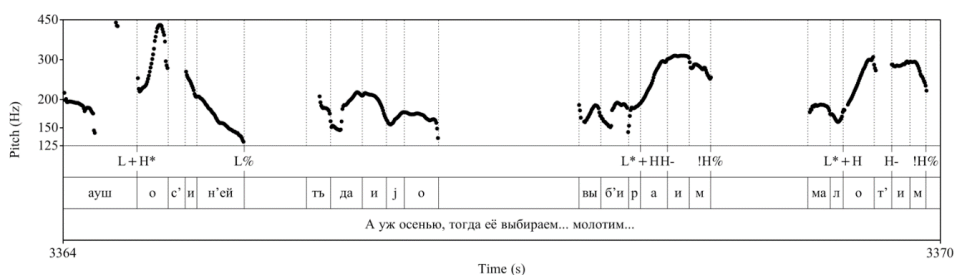

Рис. 4.5. Кривая ЧОТ фразы *А уж осенью, тогда её выбираем... молотим...* МГЛ1934-тмб (перечисление)

² Другая возможная интерпретация — нисходящий конечный пограничный тон НL%; аргументом в ее пользу является наличие такого конечного пограничного тона в просодической системе владимирских говоров, весьма сходной с тамбовской. С другой стороны, в Верхнепасском тон в конце синтагмы физически никогда не достигает значения L, хотя никаких собственно фонетических причин для подобного ограничения не наблюдается.

Рис.4.6. Кривая ЧОТ фразы *Пряли... на базаре продавали, ткали...* ДГЛ1919-тмб (перечисление)

4.2. Смоленский говор

В русском языке, как литературном, так и диалектном, стандартным способом оформления незавершенности высказывания является тот же мелодический контур, что и в общем вопросе. Не является исключением в этом смысле и смоленский говор: в нем немаркированная незавершенность в подавляющем большинстве случаев оформляется контуром %L H* L% (см. рис. 4.7–4.10).

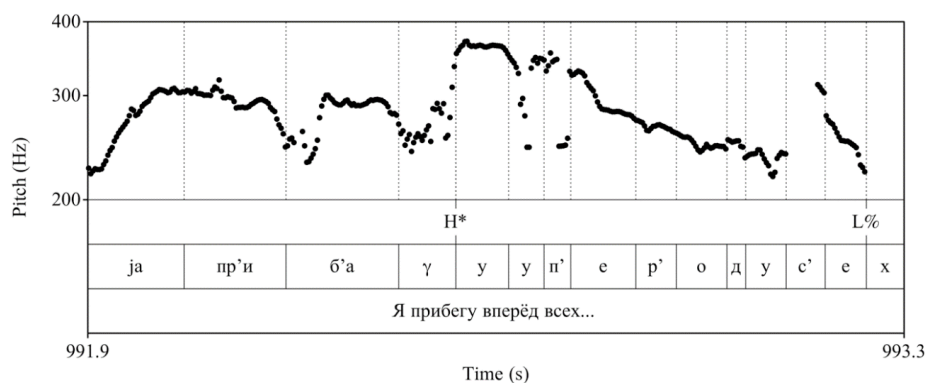

Рис. 4.7. Кривая ЧОТ фразы *Я прибегу вперед всех...* ЛЕА1931-смл (немаркированная незавершенность)

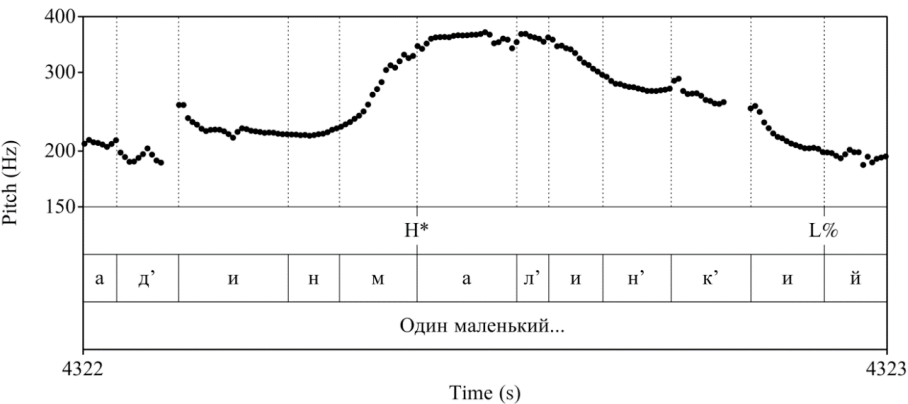

Рис. 4.8. Кривая ЧОТ фразы *Один маленький...* МИЛ1923-смл (немаркированная незавершенность)

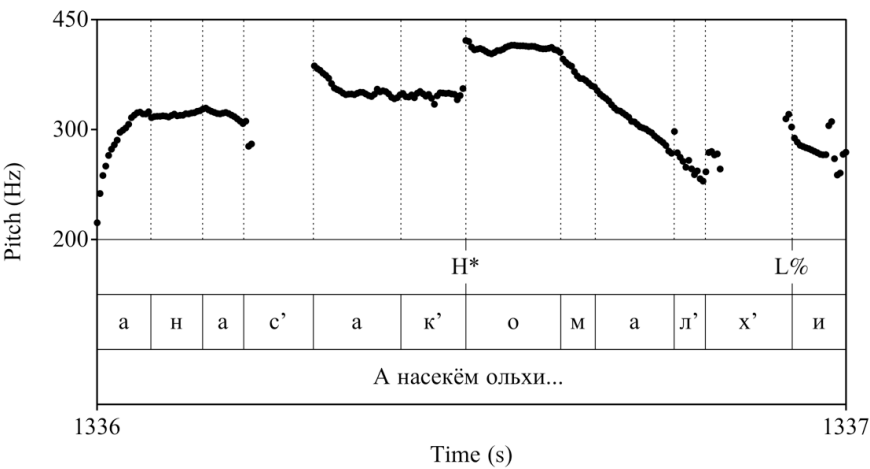

Рис. 4.9. Кривая ЧОТ фразы *А насеком ольхи...* ЛЕА1931-смл (немаркированная незавершенность)

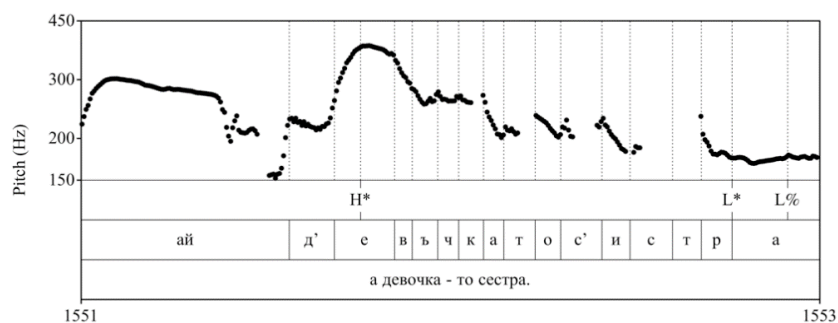
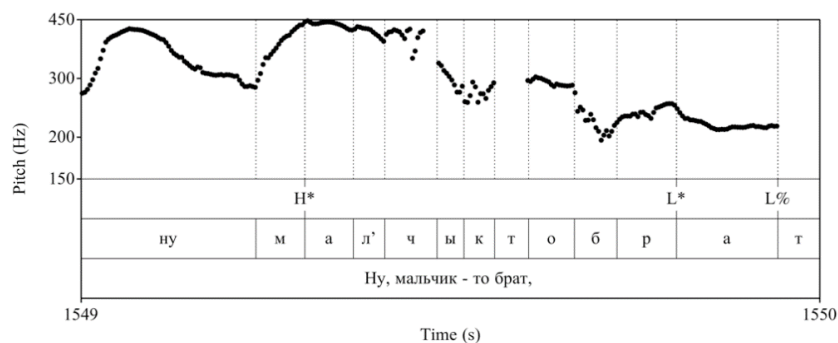

Рис. 4.10. Кривая ЧОТ фразы *Ну, мальчик – то брат, а девочка – то сестра* ЛЕА1931-смл (немаркированная незавершенность)

В других, более редких случаях зафиксирован сходный с литературной ИК-4 контур: акцентная тональная цель низкая (L^*), затем тон повышается и на постакцентной части синтагмы сохраняется ровным (H^-) до последнего слога ($H\%$): $(\%L) L^* H^- H\%$ (см. рис. 4.11, 4.12). Чаще всего этот контур используется при перечислении.

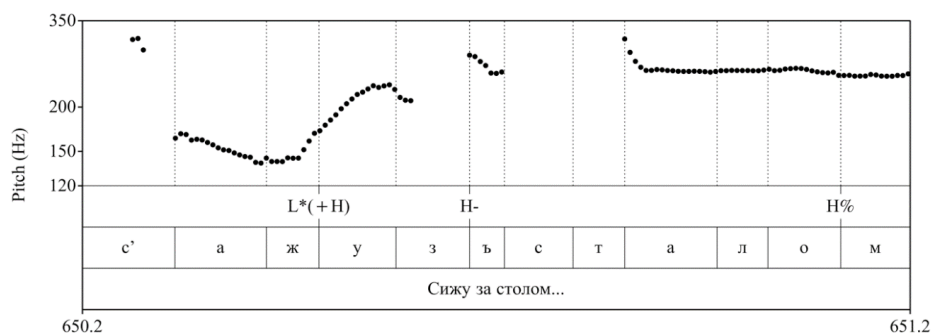

Рис. 4.11. Кривая ЧОТ синтагмы *Сиж у за столом...* НМК1937-смл (перечисление)

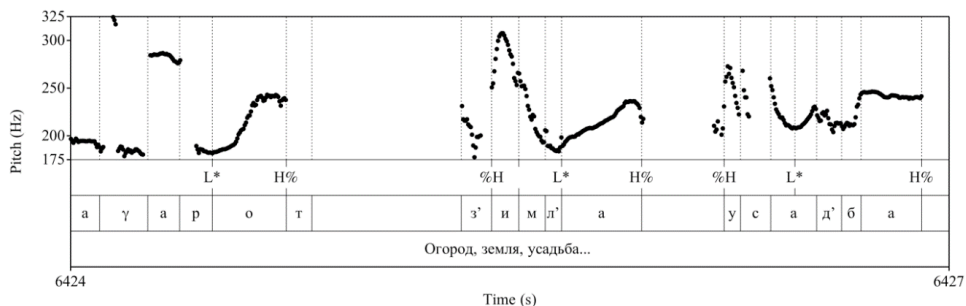

Рис. 4.12. Кривая ЧОТ фразы *Огород, земля, усадьба...* ЛЕА1931-смл (перечисление)

5. Императив

5.1. Тамбовский говор

Императивные высказывания в говоре Верхнеспаского оформляются обычно тональным акцентом H^*+L (с последующим низким пограничным тоном $L\%$): на ударном гласном слова-акцентоносителя происходит падение тона, следующее за его повышением на предударных слогах (рис. 5.1). При наличии достаточного числа предакцентных слогов падение это может начинаться на первом предударном слоге (рис. 5.2) или даже ранее, так что на ударный слог приходится уже участок ровного низкого тона (рис. 5.3).

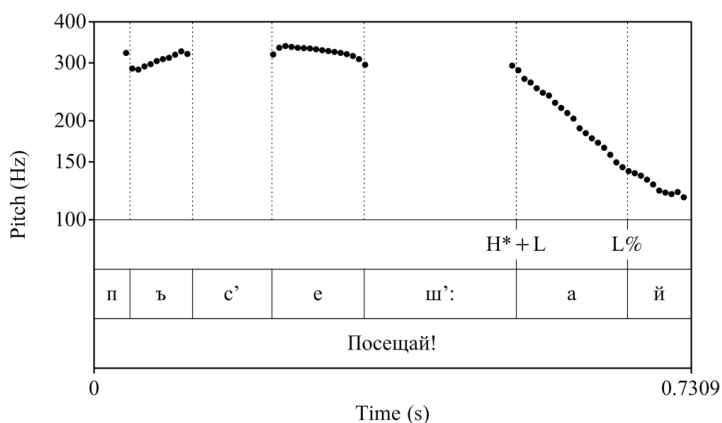

Рис. 5.1. Кривая ЧОТ фразы *Посещай!* АИБ1927-тмб (императив)

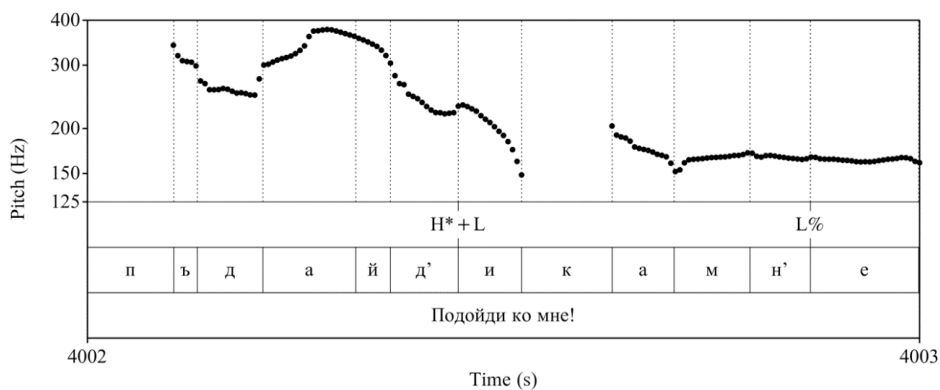

Рис. 5.2. Кривая ЧОТ фразы *Подойди ко мне!* ДГЛ1919-тмб (императив)

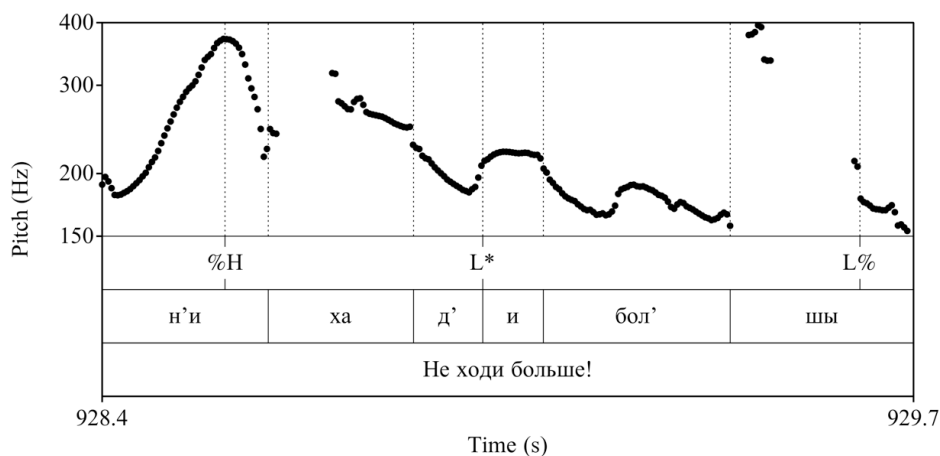

Рис. 5.3. Кривая ЧОТ фразы *Не ходи больше!* ДГЛ1919-тмб (императив)

5.2. Смоленский говор

В смоленском говоре императив маркируется стандартным для этого идиома выделительным акцентом H^* (рис. 5.4) или более редким нисходящим акцентом H^*+L (рис. 5.5).

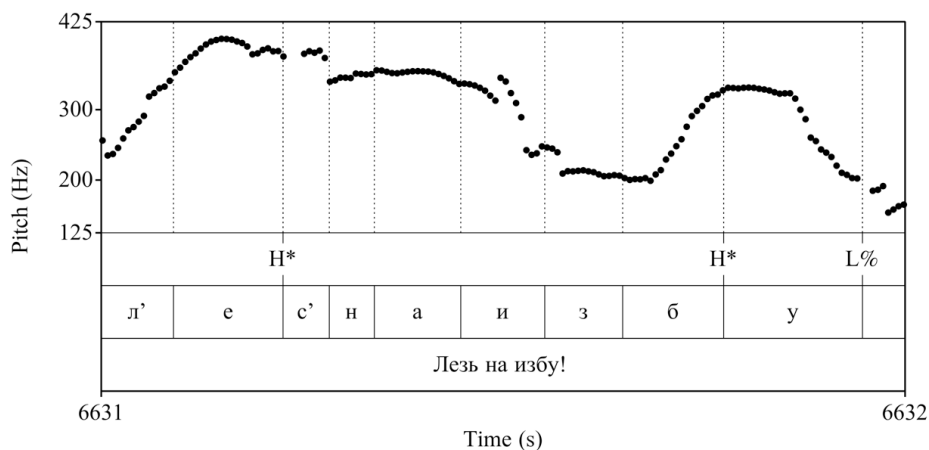

Рис. 5.4. Кривая ЧОТ императива *Лезь на избу!* ЛЕА1931-смл (императив)

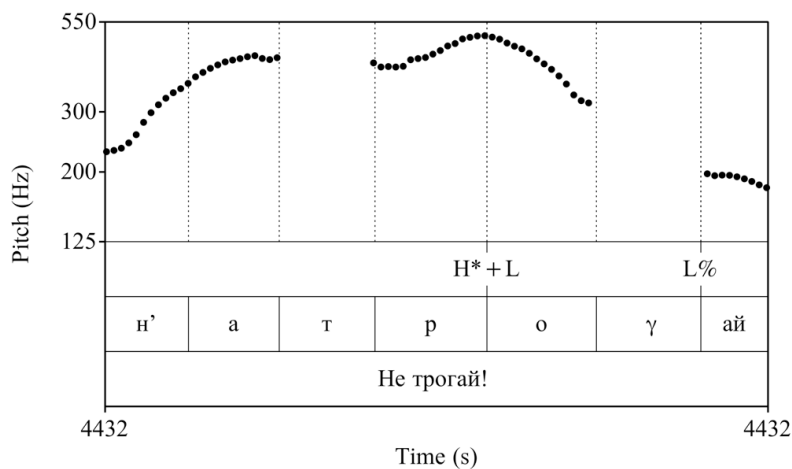

Рис. 5.5. Кривая ЧОТ императива *Не трогай!* ЛЕА1931-смл (императив)

6. Вокатив

6.1. Тамбовский говор

Оформление обращений в говоре Верхнеспаского весьма разнообразно. Наряду с типичной для СРЛЯ фигурой «подъем + падение» [Кодзасов 2009: 161–174] (рис. 6.1) возможны также следующие конфигурации: L+H* L% (рис. 6.2), %H L* L% (рис. 6.3), наиболее частотная H*+L L% (рис. 6.4–6.6) и L*+H H% (рис. 6.7).

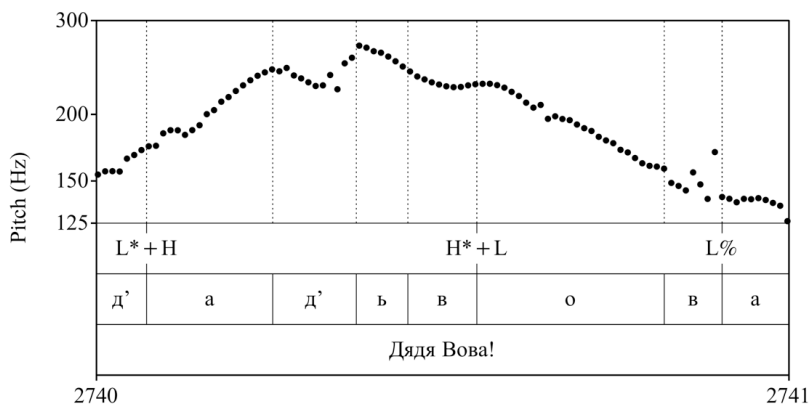

Рис. 6.1. Кривая ЧОТ фразы *Дядя Вова!* МГЛ1934-тмб (обращение)

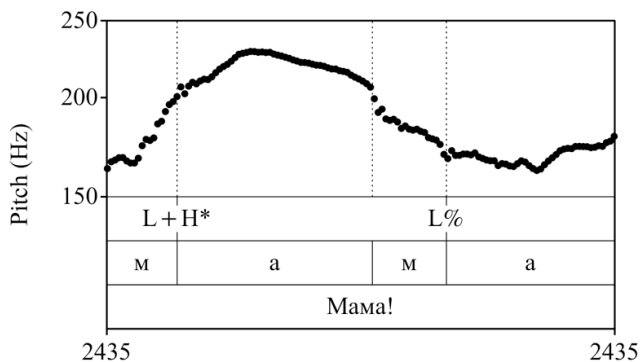

Рис. 6.2. Кривая ЧОТ фразы *Мама!* МГЛ1934-тмб (обращение)

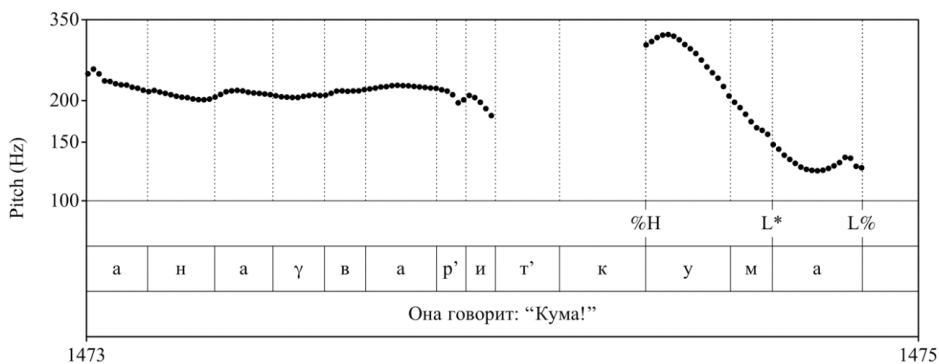

Рис. 6.3. Кривая ЧОТ фразы *Кума!* МГЛ1934-тмб (обращение)

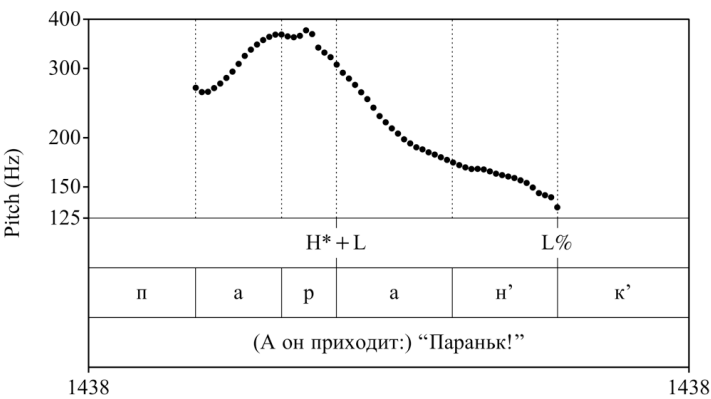

Рис. 6.4. Кривая ЧОТ фразы *Параньк!* ДГЛ1919-тмб (обращение)

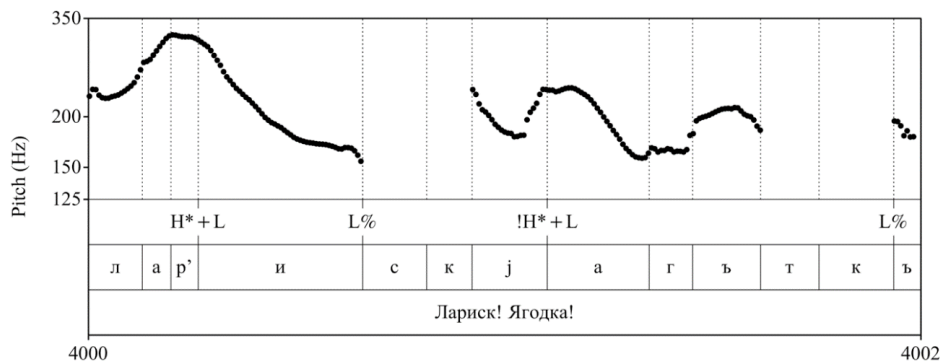

Рис. 6.5. Кривая ЧОТ фразы *Лариск! Ягодка!* ДГЛ1919-тмб (обращение)

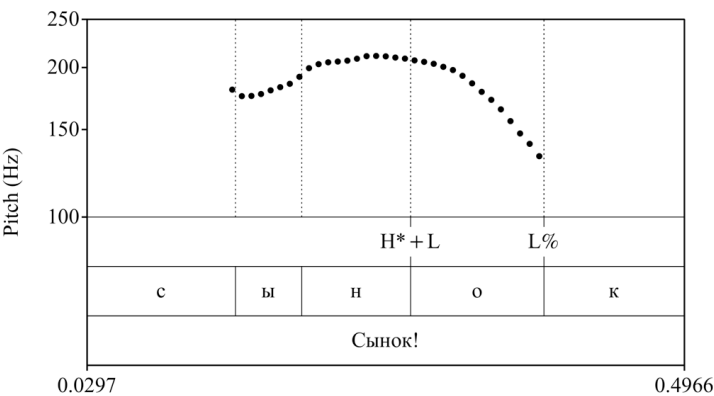

Рис. 6.6. Кривая ЧОТ фразы *Сынок!* АИБ1927-тмб (обращение)

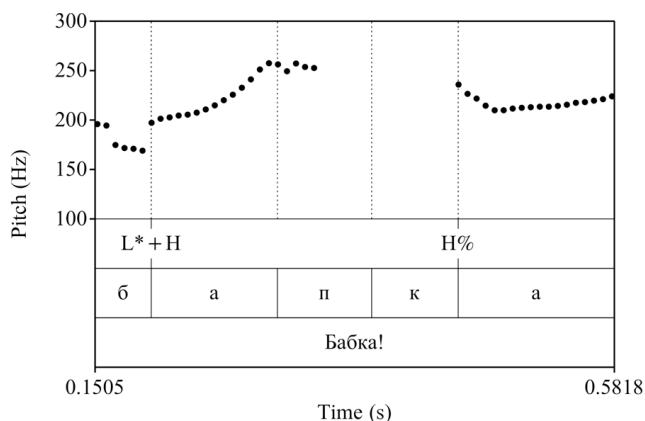

Рис. 6.7. Кривая ЧОТ фразы *Бабка!* АИБ1927-тмб (обращение)

6.2. Смоленский говор

В отличие от тамбовского говора, в смоленском не зафиксировано значительного разнообразия в просодии вокативов: обычно они оформляются тональными акцентами Н* (см. рис. 6.6–6.8), реже — Н*+L (рис. 6.9, 6.10) с низким конечным пограничным тоном.

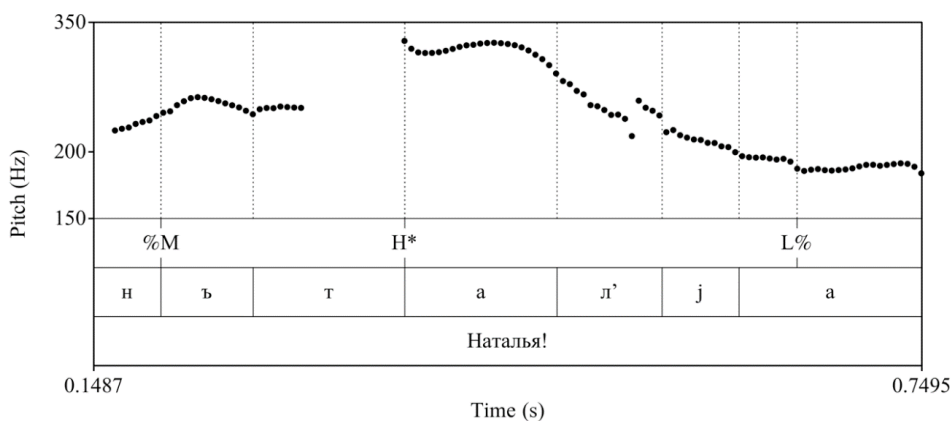

Рис. 6.6. Кривая ЧОТ вокатива *Наталья!* ЛЕА1931-смл (обращение)

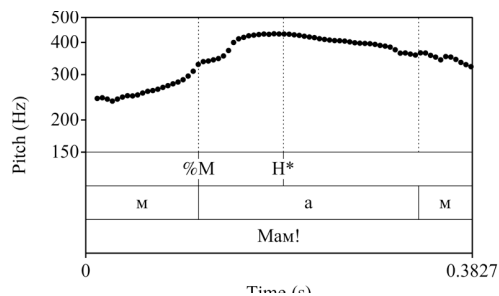

Рис. 6.7. Кривая ЧОТ вокатива *Мам!* ЗСТ1950-смл (обращение)

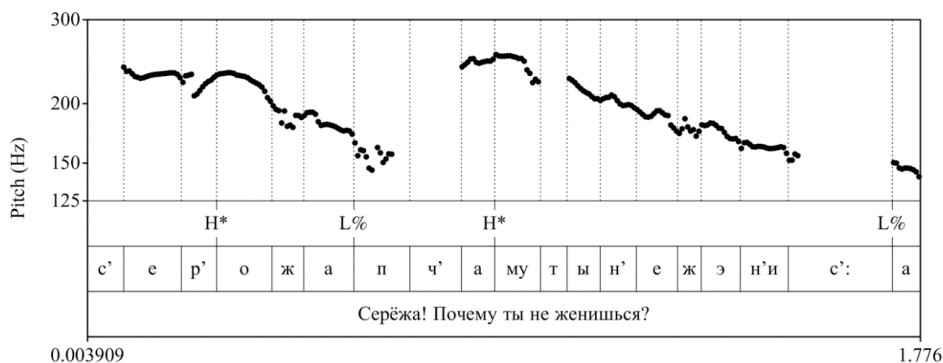

Рис. 6.8. Кривая ЧОТ вокатива *Серёжа!* ВСМ1922-смл (обращение)

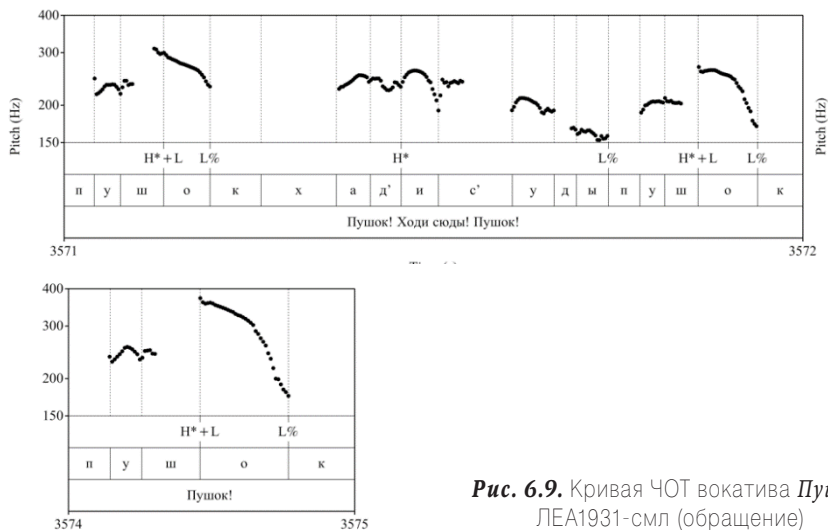

Рис. 6.9. Кривая ЧОТ вокатива *Пушок!* ЛЕА1931-смл (обращение)

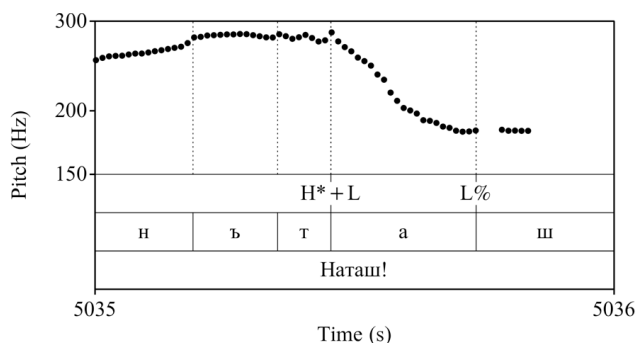

Рис. 6.10. Кривая ЧОТ вокатива *Нагаш!* ЛЕА1931-смл (обращение)

7. Выводы

Итак, на основании приведенных выше материалов мы можем перечислить основные способы оформления базовых коммуникативных типов в исследованных нами говорах.

7.1. Тамбовский говор

- Высокий начальный пограничный тон используется в утвердительных высказываниях — преимущественно с широким информационным фокусом;
- низкий начальный пограничный тон характерен для общего вопроса, незавершенных высказываний, специальных вопросов;
- монотональный акцент **L*** оформляет (нейтральное) утверждение с широким информационным фокусом;
- битональный нисходящий акцент с поздним таймингом **H*+L** имеет место в утверждениях с узким контрастным/корректирующим фокусом, в вопросах с вопросительным словом, императиве;
- битональный восходяще-нисходящий акцент **L+H*** используется для оформления утверждений с узким мимативным фокусом;
- битональный восходящий акцент с поздним таймингом **L*+H** представлен в общих вопросах, незавершенных синтагмах, вежливых просьбах;
- низкий конечный пограничный тон маркирует завершенность;
- высокий конечный пограничный тон встречается при перечислении.

Таким образом, в Верхнеспасском преобладают контурные тональные акценты (восходящий, нисходящий и восходяще-нисходящий).

Базовые мелодические контуры восточного южнорусского говора перечислены ниже:

- **%H L* L%** характеризует утвердительные высказывания с широким информационным фокусом;
- **%H L+H* L%** свойствен высказываниям с узким мимативным фокусом;
- **%L L*+H L%** используется при оформлении полярных вопросов, немаркированной незавершенности, вежливой просьбы;
- **%L H*+L L%** представлен в частных вопросах, императивах, утвердительных высказываниях с узким контрастным и корректирующим фокусом;
- **%L L*+H H%**, **%H L* H%** встречаются в перечислительных незавершенных синтагмах.

Этот набор весьма сходен с соответствующим набором, характерным для восточных среднерусских (владимирских) говоров [Князев, Дьяченко 2023d], отличия сводятся к отсутствию отрицательного заноса перед восходящим акцентом и отсутствию специфического нисходящего конечного пограничного тона (HL%).

7.2. Смоленский говор

Интонационная система починковского говора по сравнению с тамбовским характеризуется большим количеством монотональных акцентов — в первую очередь за счет акцента H* — и меньшей частотностью битональных:

- высокий начальный пограничный тон используется в утвердительных высказываниях с широким информационным фокусом;
- низкий начальный пограничный тон характерен для общего вопроса, незавершенных высказываний, специальных вопросов;
- монотональный акцент **L*** оформляет нейтральное утверждение с широким информационным фокусом, реже — вопрос с вопросительным словом;
- битональный нисходящий акцент с поздним таймингом **H*+L** имеет место в утверждениях с узким контрастным/корректирующим фокусом, в вопросах с вопросительным словом, императиве и общих вопросах с частицей *ти*;
- восходящий акцент со сверххранним таймингом **H*** представлен в общих вопросах, незавершенных синтагмах, а также наряду с нисходящим в специальных вопросах и императивных конструкциях;
- низкий конечный пограничный тон маркирует завершенность;
- высокий конечный пограничный тон встречается при перечислении.

Базовые типы просодического оформления высказывания в западном южнорусском говоре перечислены ниже:

- **%Н L* L%** характеризует утверждение с широким фокусом и специальный вопрос;
- **%L Н* L%** маркирует общий вопрос, незавершенность и, наряду с Н*+L, вопрос с вопросительным словом, требование, утверждение с узким фокусом;
- **%L Н*+L L%** используется в утвердительных высказываниях с узким информационным фокусом, частных вопросах, а также в общих вопросах с частицей *ти* и императивах;
- **%Н L* Н%**: имеет место в незавершенных сочинительных рядах.

8. Заключение

Итак, подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что проанализированные нами западные (южнорусские) и восточные (средне- и южнорусские) говоры отличаются как количеством тональных акцентов (меньшим в первых и большим во вторых), так и их типом: преимущественно уровневые в первых и в основном скользящие во вторых и СРЛЯ (в этом отношении смоленский говор примыкает к центральному южнорусскому идиому с. Роговатого [Князев 2024]). Общим для них отличием от СРЛЯ является противопоставление высокого и низкого начальных пограничных тонов и отсутствие труккации нисходящего тона в мелодическом контуре общего вопроса.

Данные об основных просодических единицах в смоленском и тамбовском говорах приведены ниже в Табл. 6.

Таблица 6. Просодические единицы СРЛЯ, тамбовского, смоленского, владимирского и оскольского говоров

	Начальные пограничные тоны	Тональные акценты	Конечные пограничные тоны
СРЛЯ	—	Н+L*, Н*+L, L+Н* ³	L%, Н%
Тамбовский	%L, %Н	L*+Н, L+Н*, Н*+L, L*	L%, (!)Н%
Владимирский	%L, %Н	hL*+Н ⁴ , L+Н*, Н*+L, L*	L%, Н%, HL%
Оскольский	%L, %Н	L*, Н*, (Н+L*)	L%, Н%
Смоленский	%L, %Н	L*, Н*, Н*+L	L%, Н%

³ Наиболее распространенный вариант интерпретации тональных акцентов СРЛЯ, подробнее см. [Князев 2024].

⁴ Строчной буквой *h* маркируется отрицательный занос.

Библиография

Брызгунова 1967

Брызгунова Е. А., Интонация и смысл предложения, *Русский язык за рубежом*, 1, 1967, 35–40.

——— 1980

Брызгунова Е. А., Интонация, *Русская грамматика*, 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, Н. Ю. Шведова, ред., Москва, 1980, 103–118.

Высотский 1973

Высотский С. С., О звуковой структуре русских говоров, С. В. Бромлей, ред., *Исследования по русской диалектологии*, Москва, 1973, 17–41.

ДАРЯ 1986

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР, под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей, 1: Фонетика, Москва, 1986.

Князев 2022a

Князев С. В., О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением, *Русский язык в научном освещении*, 43/1, 2022, 113–153.

——— 2022б

Князев С. В., О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением, *Вопросы языкознания*, 1, 2022, 7–39.

——— 2023

Князев С. В., Севернорусская интонация: просодическое членение, *Вопросы языкознания*, 2, 2023, 56–88.

——— 2024

Князев С. В., Южнорусская интонация: Роговатое, *Вопросы языкознания*, 1, 2024, 85–127.

Князев, Дьяченко 2023a

Князев С. В., Дьяченко С. В., Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре, 1: Селигеро-Торжковские говоры, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*, 1, 2023, 50–70.

——— 2023б

Князев С. В., Дьяченко С. В., Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре, 2: Псковские говоры, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*, 2, 2023, 44–60.

——— 2023с

Князев С. В., Дьяченко С. В., Интонация западного среднерусского акающего говора, *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*, 4, 2023, 149–174.

——— 2023д

Князев С. В., Дьяченко С. В., Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров, *Slověne*, 12/1, 2023, 155–224.

Князев, Шаульский 2007

Князев С. В., Шаульский Е. В., Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений), *Русский язык в научном освещении*, 1(13), 2007, 209–224.

Кодзасов 2009

Кодзасов С. В., *Исследования в области русской просодии*, Москва, 2009.

Янко 2004

Янко Т. Е., Русская интонация в задачах и примерах, *Русский язык в научном освещении*, 2 (8), 2004, 86–123.

Igarashi 2005

Igarashi Y., How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment, *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. (June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands), Leiden, 2005, 32–33.

——— 2006

Igarashi Y., Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations, Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi, eds., *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*, Amsterdam, 2006, 175–196.

Makarova 2003

Makarova V., Intonation features in categorization of Russian sentence type, P. Kosta, J. Blaszczak, eds., *Investigations into Formal Slavic Linguistics*, 4, 2003, 83–95.

——— 2007

Makarova V., The effect of pitch peak alignment on sentence type identification in Russian, *Language and Speech*, 50, 2007, 385–422.

Odé 1989

Odé C., *Russian intonation: A perceptual description*, Amsterdam, 1989.

——— 2005

Odé C., Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables, *Speech Communication*, 47/1–2, 2005, 71–79.

Rathcke 2017

Rathcke T., How truncating are “truncating languages”? Evidence from Russian and German, *Phonetica*, 73, 2017, 194–228.

References

Bryzgunova E. A., Intonatsiia i smysl predlozheniia, *Russkii iazyk za rubezhom*, 1, 1967, 35–40.

Bryzgunova E. A., Intonatsiia, *Russkaia grammatika*, 1: *Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiya*, N. Yu. Shvedova, ed., Moscow, 1980, 103–118.

Igarashi Y., How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment, *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. (June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands), Leiden, 2005, 32–33.

Igarashi Y., Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations, Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi, eds., *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*, Amsterdam, 2006, 175–196.

Knyazev S. V., Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour, *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 2022, 7–39.

Knyazev S. V., The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour, *Russian Language and Linguistic Theory*, 43/1, 2022, 113–153.

Knyazev S. V., Northern Russian intonation: prosodic breaks, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2023, 56–88.

Knyazev S. V., Phrase prosody of a southern Russian dialect: Rogovatoe, *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 2024, 85–127.

Knyazev S. V., Dyachenko S. V., Melodic contour of Yes-No question in Western Middle-Russian dialect with akan’je. 1: Seliger-Torzhok dialect, *Lomonosov Philology Journal*, 1, 2023, 50–70.

Knyazev S. V., Dyachenko S. V., Melodic Contour of Yes-No question in Western Middle-Russian dialect with akan’je. 2: Pskov dialect, *Lomonosov Philology Journal*, 2, 2023, 44–60.

Knyazev S. V., Dyachenko S. V., Phrase prosody of a Western Middle-Russian dialect with okan’je, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 4, 2023, 149–174.

Knyazev S. V., Dyachenko S. V., Phrase Prosody of Two Eastern Middle-Russian Dialects, *Slověne*, 12/1, 2023, 155–224.

Knyazev S. V., Shaul’skii E. V., Genezis dissimilativnogo akan’ia (v sviazi s problemoi fonologizatsii foneticheskikh iavlenii), *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (13), 2007,

Kodzasov S. V., *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii*, Moscow, 2009.

Makarova V., Intonation features in categorization of Russian sentence type, P. Kosta, J. Blaszczak,

eds., *Investigations into Formal Slavic Linguistics*, 4, 2003, 83–95.

Makarova V., The effect of pitch peak alignment on sentence type identification in Russian, *Language and Speech*, 50, 2007, 385–422.

Odé C., *Russian intonation: A perceptual description*, Amsterdam, 1989.

Odé C., Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables, *Speech Communication*, 47/1–2, 2005, 71–79.

Rathcke T., How truncating are “truncating languages”? Evidence from Russian and German, *Phonetica*, 73, 2017, 194–228.

Vysotskii S. S., O zvukovoi strukture russkikh govorov, S.V. Bromlei, ed., *Issledovaniia po russkoi dialektologii*, Moscow, 1973, 17–41.

Yanko T. E., Russkaia intonatsiia v zadachakh i primerakh, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (8), 2004, 86–123.

Сергей Владимирович Князев, доктор филологических наук,

главный научный сотрудник

Отдела диалектологии и лингвистической географии

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

svknia@gmail.com

Светлана Владимировна Дьяченко, кандидат филологических наук,

научный сотрудник

Отдела диалектологии и лингвистической географии

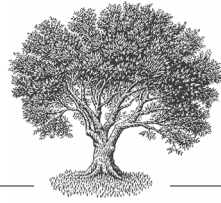
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

svet-lan-a@list.ru

Received August 24, 2023

Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода

Петр Лозовиук

Западнечешский университет,
Пльзень, Чехия

Ethnographic Studies of Slavic Problems in the Czech Lands of the War Period

Petr Lozoviuk

University of West Bohemia,
Plzeň, Czech Republic

Резюме

В результате Мюнхенского соглашения и последующего распада остаточной Чехословакии в 1938–1939 гг. в чешских землях возникла совершенно новая политическая и государственно-правовая ситуация, которая оказала влияние и на местную этнографическую деятельность. До недавнего времени в чешской академической среде преобладало мнение о том, что закрытие чешских университетов с 1939 г. означало прекращение практически всей этнографической деятельности на территории чешских земель. Однако это утверждение справедливо лишь в ограниченной степени и, если включить деятельность чешско-немецких коллег в отечественную этнографическую традицию, то картина радикально меняется. Целью данной статьи является изложение тематических и методологических аспектов этнографических исследований, проводившихся в военное время в так называемом Протекторате Богемии и Моравии, на основе анализа отношения этнографии к тогдашним «славянским исследованиям». Особое внимание

Цитирование: Лозовиук П. Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 277–299.

Citation: Lozoviuk P. (2025) Ethnographic Studies of Slavic Problems in the Czech Lands of the War Period. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 277–299.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.08

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

уделяется двум выдающимся личностям судето-немецкой этнографии того времени — Бруно Шире и Йозефу Ханике.

Ключевые слова

Чешские земли, этнография, славяноведение

Abstract

As a result of the Munich Agreement and the subsequent dissolution of the residual Czechoslovakia, a completely new political and state-legal situation emerged in the Czech lands in 1938–1939, which also had an impact on local ethnographic activities. Until recently, the prevailing view in Czech academia was that the closure of the Czech universities from 1939 meant that virtually all ethnographic activities in the Czech lands had ceased. However, this assertion is true only to a limited extent and, if the activities of Czech-German colleagues are included in the domestic ethnographic tradition, the picture changes radically. The aim of this article is to present thematic and methodological aspects of wartime ethnographic research in the so-called Protectorate of Bohemia and Moravia, based on an analysis of the relation of ethnography to the then “Slavic studies”. The article devotes particular attention to two prominent figures in the field of Sudeten-German ethnography at the time, namely Bruno Schier and Josef Hanika.

Keywords

Czech lands, ethnography, Slavic studies

В результате Мюнхенского соглашения и последующего распада остаточной Чехословакии в 1938–1939 гг. в чешских землях возникла совершенно новая политическая и государственно-правовая ситуация, которая оказала влияние и на местную этнографическую деятельность. До недавнего времени в чешской академической среде преобладало мнение о том, что закрытие чешских университетов¹ с 1939 г. означало прекращение практически всей этнографической деятельности на территории чешских земель². Однако это утверждение справедливо лишь в ограниченной степени и, если включить деятельность чешско-немецких коллег в отечественную этнографическую традицию Чехии, то картина радикально меняется³. Целью данной статьи является изложение тематических и методологических аспектов тогдашнего понимания этнографии, проводившейся в рамках так называемых «славянских исследований» в Протекторате Богемии и Моравии.

¹ Чешские высшие учебные заведения были закрыты после студенческих демонстраций против нацистского режима осенью 1939 г.

² Чешская дискуссия о форме этнографической деятельности во время Второй мировой войны была инициирована текстами Бланки Соукуповой, ср., например: [Soukupová 2014; 2016; 2018].

³ К истории чешско-немецкой этнографии этого периода, ср. например: [Šisler 1984; 1991; Lozoviuk 2008; Drápala 2020].

Этнографические учреждения в Протекторате Богемии и Моравии

В новых политических условиях большинство немецких этнографических институтов, находившихся в Протекторате, претерпели ряд изменений. Некоторые из них были постепенно закрыты, другие подверглись трансформации, а в отдельных случаях были созданы даже полностью новые учреждения. В этом контексте следует обратить особое внимание на трансформацию Карлова университета, создание Фонда Рейнхарда-Гейдриха и основание Судетско-немецкого института по изучению государства и народа, расположенного в городе Либерец. Все вышеупомянутые учреждения были взаимосвязаны как в институциональном плане, так и в плане их тематической направленности, методологической и идеологической базы, а также кадрового обеспечения. Однако развитие и социальный рост престижа этнографической науки в этот период компенсировались ее сильной идеологизацией и политической инструментализацией.

В относительно краткие сроки после образования протектората Богемии и Моравии в марте 1939 г. пражский Немецкий университет был преобразован в так называемый университет Рейха. Формально это было осуществлено после утверждения декрета от 2 августа 1939 г. «Превращение» пражского Немецкого университета в университет Рейха означало, помимо прочего, переформатирование многих видов научной деятельности, как исследовательской, так и преподавательской. Примечательно, что эти новые академические кафедры должны были уделять особое внимание этнографически ориентированным исследованиям, даже если они обычно были междисциплинарными. Особое внимание уделялось так называемому чешскому вопросу, который рассматривался в более широком контексте как проблема «регерманизации» чешских земель. Прага, как место расположения старейшего «немецкого университета и интеллектуального зенита немецкого восточного фронта», должна была стать центром научной работы для региона юго-восточной Европы и проживающего там населения [Roth 1997: 300]. Эти политически мотивированные изменения в функционировании университета также инициировали структурные изменения, которые проявились в преобразовании ряда существующих институтов и кафедр в новые учреждения и даже в создании совершенно новых институтов. Научные центры реформированного Карлова университета должны были развиваться в тесной взаимосвязи с вновь созданными научно-исследовательскими институтами, которые создавались вне академической среды.

Здесь в первую очередь следует упомянуть «центральное научное учреждение национал-социалистического режима в Протекторате

Богемии и Моравии» [Němec 2011: 85]: Фонд Рейнхарда-Гейдриха — Фонд Рейха для научных исследований в Праге (*Reinhard-Heydrich Stiftung — Reichsstiftung für wissenschaftliche Forschung in Prag*), каково было его полное официальное название. Фонд был основан в июле 1942 г., но его учреждения (первоначально восемь, с 1944 г. — девять) начали работать только в мае следующего года. Судетско-немецкий институт по изучению государства и народа (*Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung*) был еще одним важным неакадемическим ведомством, в котором культивировались этнографические исследования. Формально это учреждение стало продолжением Судето-немецкого института краеведческого исследования (*Anstalt für sudetendeutsche Heimatforschung*), который был основан еще в межвоенный период в 1924 г. (подробнее см.: [Лозовюк 2020: 1170]).

В качестве штаб-квартиры этой организации был выбран северочешский Либерец, служивший важным городским центром чешских немцев, который должен был стать альтернативой (чешской) Праге. Центральное положение чешской столицы для академического и научного сообщества судетских немцев неоднократно подвергалось сомнению со стороны немецко-националистических кругов уже в период существования межвоенной Чехословакии [Míšková 2002: 21]. Деятельность Судето-немецкого института краеведческого исследования, как и многих других учреждений в Судетах, была прекращена в 1938 г.⁴, после чего год спустя была создана организация-преемник в совершенно новых политических условиях и с измененной направленностью исследований.

Согласно собственному уставу, реорганизованный институт был задуман как учреждение, которое сосредоточится на исследованиях «земли и народа» Судетской области и, таким образом, будет «поощрять и развивать в плановом порядке научную работу в Рейхсгау⁵ Судетенланд» [SOAL, kar. 17]. Однако вскоре направленность деятельности института была распространена на всю территорию чешских земель, а в число сотрудничающих учреждений, помимо административного аппарата Судетской области и Протектората, вошли, в частности, Пражский университет и, после его создания, Фонд Рейнхарда-Гейдриха. Также

⁴ После взятия под контроль судето-немецких учреждений нацистами, в рамках «глейхшальтизации» было прекращено издательство судето-немецкого этнографического журнала (*Sudetendeutschen Zeitschrift für Volkskunde*), вместо которого в 1939 г. начал выходить довольно идеологически ориентированный журнал «Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren». Публикация либерецкого журнала «Karpathenland» также была окончена.

⁵ Рейхсгау — административная единица Третьего рейха, созданная на вновь присоединенных к Германской империи территориях.

осуществлялось развитие сотрудничества с некоторыми учреждениями Рейха и с академическими институтами за рубежом, такими как Карпато-немецкий институт краеведческого исследования в Кежмароке (*Institut für Heimatforschung der Slowakeideutschen*). В штаб-квартире в Либереце, кроме собственной специализированной библиотеки, был создан архив судетских немцев и архив изображений, в котором хранились визуальные документы, особенно относящиеся к народным одежде и искусству [Ibid.]. Филиал для геологических исследований был расположен во Фридек-Мистеке, а специальное этнографическое рабочее место было основано в Хебе, где в 1940 г. был открыт новый этнографический музей. В самом Либереце в 1942 г. было создано политически ориентированное обособленное рабочее место [Míšková 2002: 116].

«Культурный атлас Судетских земель»
в контексте «славянских исследований»

Внутренняя структура Института включала в себя десять экспертных комиссий, в которые в первой половине 1940-х гг. входили 176 действительных и 138 чрезвычайных членов [Weger 2008: 687]. Каждая комиссия могла состоять максимум из двадцати пяти действительных членов, в то время как число членов-докладчиков было неограниченным. Среди этнографически ориентированных комиссий можно отметить следующие: «Комиссия по исследованию простора и почвы» (*Kommission für Raum- und Bodenforschung*), «Комиссия по расовым и генеалогическим исследованиям» (*Kommission für Rassen- und Sippenforschung*) и «Комиссия по исследованиям в области расселения и языка» (*Kommission für Siedlungs- und Sprachforschung*). Две другие комиссии, «Комиссия по славянским исследованиям» (*Kommission für Slawenkunde*) и «Этнографическая комиссия» (*Kommission für Volkskunde*), занимали совершенно особое положение в плане тематизации этнографических вопросов.

Среди постоянных членов последней упомянутой комиссии был ряд ведущих судето-немецких этнографов, таких как Бруно Шир, Йозеф Ханика, Густав Юнгбауэр, Альфред Карасек, Вальтер Кун или Эмиль Леманн. На первом этапе своего существования деятельность Комиссии была сосредоточена на следующих областях исследований: изучение народной архитектуры, включая «исследования домов» (*Hausforschung*), изучение традиционной одежды, народных песен, народных представлений, народных обычаев и традиций, народного искусства и народного права. По всем этим отраслям народной культуры необходимо было собрать этнографические источники и провести дальнейшие углубленные исследования [SOAL, kar. 17]. Кроме того, Этнографическая комиссия должна была провести подготовительную

работу для широко задуманного проекта, который получил рабочее название «Культурный атлас Судетских земель». Планировалось, что атлас станет «внушительным памятником немецких культурных достижений в Богемии, Моравии и Силезии», а также послужит «очень важной отправной точкой для работы политического руководства» [Ibid.]. Предполагаемое этнографическое исследование должно было в конечном итоге привести к публикации научного сочинения, в котором на 60 картах будет задокументирован вклад немецкой культуры в формирование «Судетской земли» [Josefovičová 2014: 21], как в этот период немецкая сторона уже часто называла чешские земли.

Атласный проект, упоминаемый с самого начала существования института как «наиважнейший» среди всех других исследовательских проектов, должен был стать его главной «визитной карточкой». О значении, придаваемом ему, свидетельствует, в частности, тот факт, что его реализация должна была осуществляться в сотрудничестве с другими комиссиями Института и рядом других внешних учреждений⁶. Ведущей фигурой в запланированной работе над атласом, несомненно, был Бруно Шир, который также был назначен главой Этнографической комиссии. Уроженец небольшого северочешского города Врхлаби, прославившийся особенно своими культурно-морфологическими исследованиями, Шир принадлежал в то время к самым интернационально известным судето-немецким этнографам.

Свое университетское образование он начал в области лингвистики, германистики и истории в Мюнхене и продолжил его в Немецком университете в Праге. Здесь он также изучал английский язык, славистику и вспомогательные исторические науки. 22 июня 1926 г. в Праге ему была присвоена степень доктора философии. В следующем году он занял должность ассистента в вышеупомянутом «Судето-немецком институте краеведческого исследования»⁷. Оттуда в 1927 г. Бруно Шир перешел в качестве ассистента в «Семинар немецкой филологии» при Немецком университете в Праге, где проработал до 1934 г. В 1929 г. Шир смог осуществить учебную поездку в Лейпцигский университет. Там он ознакомился с культурной морфологией и географией, что повлияло на его последующие работы, в частности, на исследование сельской жизни и способов ведения сельского хозяйства. Во время учебы в Немецком университете в Праге он посвятил себя не только диалектологическим и лингвистическим проблемам многоязычной Богемии, но и культурно-географическим исследованиям материальной культуры в Центральной Европе.

⁶ Это были институты пражского университета и Фонд Рейха под названием «Nord- und Ostdeutsche Forschungsgemeinschaft».

⁷ Биографические данные Бруно Ширы взяты из AUKP — фонд Schier Bruno 1922–1937.

По мнению Шира, довоенная Чехословакия с ее значительной протяженностью с востока на запад была прекрасным объектом для культурно-географического изучения европейского «противоречия между Востоком и Западом». Сначала он попытался разобрать этот феномен на примере домостроения и предметов домашнего быта в Судетской области. Из изменений культурных форм он постарался определить «этнические течения» и, наконец, «германо-славянские культурные пересечения». Кульминацией исследований Шира стала диссертационная работа «Бытовые ландшафты и культурные движения в восточной части Центральной Европы» [Schier 1932], с которой он в Праге к концу 1931 г. защитил хабилитацию по предметам древнегерманский язык, немецкая этнография и археология. Культурно-морфологический подход, которому Шир остался верен в последующие годы, проявился уже в этой диссертации. Шир считал, что этнографическое изучение дома, его форм и принадлежностей дает ему право утверждать, что в отношении домостроения «западногерманская культура» «завоевала» почти весь западнославянский и самую северную часть южнославянского региона. По мнению Шира, центральноевропейско-германское «пересечение» можно наблюдать особенно ярко во всей восточной части Центральной Европы.

Исходя из этого, задачу этнографических исследований он видел в изучении «культурного развития всего восточногерманско-западнославянского пограничного региона», а их методологическая основа, по мнению Шира, должна быть основана на «сочетании культурной географии и культурной истории» [Schier 1932: 8]. Поэтому он хотел рассматривать этнографию как «культурологию», как современную науку, способную предложить «разработку центральноевропейско-германских и восточноевропейско-славянских базовых форм» [Schier 1932: 9]. В «Бытовых ландшафтах» уже содержались многие из более поздних взглядов Шира на германо-славянские культурные пересечения, которые ему предстояло развить — кроме других работ — также и в своих исследованиях в Словакии.

Поскольку диссертация Шира была очень хорошо принята на международном уровне, 1 мая 1934 г. он был назначен на новую кафедру «Немецкой этнографии и классических наук» в Лейпцигском университете, а в 1939 г. стал там ординарным профессором. Одновременно на политической карте Центральной Европы в течение этого года произошли значительные изменения. После отделения Словакии от чешских земель и последующего провозглашения независимости фашистского «Словацкого государства» большинство чешских профессоров и преподавателей были вынуждены покинуть Братиславский университет.

Эта практика была применена и к этнографическому семинару, который был основан здесь двадцать лет назад основоположником чешской академической этнографии Карелом Хотekom. Это создало сложную ситуацию для словацкой университетской этнографии. Из-за нехватки квалифицированных академиков дальнейшее существование этой дисциплины в качестве университетского предмета оказалось под серьезной угрозой.

Выход из этой ситуации был найден благодаря тому, что, университеты Лейпцига и Братиславы стали «университетами-побратимами» в начале 1940-х гг. на основании немецко-словацкого соглашения. На основе этого сотрудничества было возможно сделать взаимовыгодное приглашение Ши́ра в Братиславу, ведь и он сам лично был очень заинтересован в деятельности в Словакии. Сначала Шир был приглашенным профессором немецкой филологии и этнографии в течение четырех семестров. Указом президента Словацкой Республики от 27 января 1943 г. Шир был назначен ординарным профессором этнографии ретроактивно с 1 октября 1942 г. [AFFUKB, Shier]. В течение всей войны Шир был единственным академиком, которому было разрешено читать лекции и экзаменовать студентов по этнографии.

Свою вступительную лекцию в Братиславе он прочел 15 января 1941 г. перед знаменитой аудиторией, в которую входили ведущие представители словацкого академического сообщества, а также высшие политики недавно созданного фашистского словацкого государства [Ibid.]. В рамках этнографического семинара в военные годы (он работал там до начала 1945 г.) Шир прочитал ряд классически ориентированных этнографических курсов. Здесь же он сформулировал первую рабочую концепцию для создания словацкого этнографического атласа, который был опубликован много лет спустя, в 1990 г.⁸ Помимо работы в университете, Шир вместе со своими студентами совершил множество этнографических экспедиций по всей Словакии.

Один из центральных вопросов словацких исследований Бруно Ши́ра был сосредоточен на специфике словацкой народной культуры и ее значении для центральноевропейского контекста. В этом смысле его интересовала культурно-морфологическая структура страны с целью определения происхождения, направления и назначения отдельных «культурных потоков». Шир считал Словакию страной в центре, как в пространственном, так и культурном смысле, с «чрезвычайно ценным с научной точки зрения переходным характером» [Schier 1943: 229]. Кроме того, западную Словакию он рассматривал как «зону взаимопроникновения Запада и Востока», в которой «все этнографические явления

⁸ Более подробно о работе Б. Ши́ра в Словакии см.: [Lozoviuk 2004].

Запада были подвержены влиянию Востока, а все этнографические характеристики Востока — процессу вестернизации» [Schier 1943: 256].

Националистические взгляды Ши́ра особенно ярко проявлялись в связи с его попытками доказать, что новые культурные явления в этой стране — не венгерские и не словацкие, а немецкие в их первоизданном виде [Schier 1943: 249]. В основном он был заинтересован в «выявлении немецких культурных форм в словацком народе» и таким образом продемонстрировать «немецкое проникновение» в страну. Ши́р причислял Словакию к тем странам, в которых немецкое культурное влияние «доминировало на переднем плане» [Ibid.]. Он был даже убежден, что некоторые старые немецкие культурные элементы лучше сохранились в словацкой среде, чем на родине [Schier 1943: 257]. По этой причине «многие словацкие культурные явления [...] приобретают ценность исторических памятников, которые рассказывают нам о старых этапах развития немецкой культуры или о германо-славянском противостоянии» [Ibid.]. Историческое измерение его подхода было направлено на выявление «культурных слоев» в разных временных эпохах. В словацкой народной культуре Ши́р различал доиндогерманские⁹, индогерманские и старославянско-восточноевропейские культурные элементы, к которым добавлялись средневековые и современные культурные инновации Запада. Распространение окцидентальных «культурных форм» в Словакии он связывал, в первую очередь, с немецким влиянием.

Кроме того, следует добавить, что интерпретация словацкой традиционной культуры привела Ши́ра к безоговорочному убеждению, что словаки — это не ветвь чехословацкой нации, а самостоятельный народ с равными правами среди других народов Восточно-Центральной Европы, с высокоразвитой народной культурой, собственной историей и письменностью. Приводя аргументы в пользу германской основы словацкой культуры и одновременно релятивизируя ее славянский характер, он пришел, казалось бы, к логичному заключению о том, что словацкая нация является частью центрально-европейского культурного пространства и уже несколько столетий интегрирована в западный культурный мир [Schier 1962: 62]. Подобный взгляд на словацкую «национальную личность» не был само собой разумеющимся в годы первой Чехословацкой республики (1918–1938) и в целом не принимался. Чехословацкое национальное единство в то время воспринималось как аксиома многими чешскими и большинством словацких культурных деятелей вплоть до 1939 г.

В годы войны во время своей деятельности в Судетско-немецком институте на чешских землях Ши́р занимал практически те же теоре-

⁹ Доиндоевропейские в современной терминологии.

тические и методологические позиции, что и во время работы в Словакии¹⁰. Здесь он также пытался примирить этнографическое исследование с политическим порядком того времени. Его общепризнанный научный авторитет позволил ему стать ведущим голосом в формулировании новых задач этнографических исследований, щедро поддерживаемых политическим руководством того времени. Свои идеи о новом направлении развития этнографии в «новых политических условиях» чешских земель, возникших после марта 1939 г., Шир изложил в лекции, прочитанной им 14 октября 1940 г. по случаю открытия Этнографической комиссии вышеупомянутого Либерецкого института. Шир представил здесь свою концепцию «Культурного атласа Судетских земель», который рассматривал как вклад в «культурную и политическую работу времени борьбы» (*Kampfzeit*) [SOAL, kar. 17]¹¹ и считал ее «предварительной кульминацией и подведением итогов» этнографической работы в «Судетенланде» [Schier 1941: 371]. По мнению Шири, этнография должна была стремиться к выявлению «особенностей» (судето-) немецкого народа и специфики его культуры. Он утверждал, что их можно «наилучшим образом вывести из органических субрайонов народной жизни», которые должны быть структурированы и изучены как «сумма материальных и духовных жизненных проявлений» [Schier 1941: 369].

Однако к этому постулату, уже известному из предыдущей этнографической практики, было добавлено требование, чтобы этнографические исследования судетских немцев также включали «внутренние регионы Богемии и Моравии, пронизанные немецкими культурными формами». «Без такого подхода», заключил Шир, «научное рассмотрение многих вопросов абсолютно невозможно». В этом позднее опубликованном обращении Шир прямо сформулировал постулат о том, что этнография судетских немцев должна стремиться «продемонстрировать тесную связь чешского населения (*Tschechentum*) с немецкой культурой» [Schier 1941: 371]. Именно на представление чешских земель как немецкой «культурной почвы» (*Kulturboden*) и был нацелен «крайне необходимый» проект атласа. Его «иллюстративные карты» должны были «ясно показать, что не только вся Богемия и Моравия представляют собой немецкую культурную почву, но и что представители чешской нации должны — с точки зрения народной культуры — рассматриваться как часть соседних немецких племен» [Schier 1941: 371].

Хотя проект атласа был назван «самой срочной задачей», к октябрю 1942 г. не была начата даже подготовительная работа [SOAL, kar. 17].

¹⁰ О деятельности Шири в Словакии подробнее см. [Lozoviuk 2004].

¹¹ Имеется в виду период Первой Чехословацкой Республики, см.: [SOAL, kar. 17].

И уже позднее сбор материала на местах затруднялся рядом объективных проблем, пока в конце 1944 г. не прекратился совсем. Помимо общих трудностей разного рода, вызванных войной, свою роль сыграло и общее финансовое положение Института, которое отнюдь не было идеальным¹². Теоретическая помощь в осуществлении намеченной германизации чешского населения ожидалась также от представителей Комиссии по славянским исследованиям, в состав которой входили ведущие судето-немецкие слависты, в основном профессионально связанные со Славянской семинарией при Пражском университете. Среди этих университетских преподавателей можно отменить, например, славистов Ойгена Риппеля, Эдмунда Шнеевайса, Фердинанда Ливера, а также этносоциолога Ойгена Лемберга. Однако руководство этой комиссией было возложено на главу гауамтслейтера, так называемого гаугренцландамта Франца Кюнцеля, заместителем которого был славист и историк литературы Конрад Биттнер [SOAL, kar. 17].

В сотрудничестве с другими отделами Либерецкого института члены этой комиссии планировали проводить разносторонние исследования, направленные на сравнительное изучение славянских народов с акцентом на чешские земли. Особое внимание предполагалось уделять языковым, «расовым», историческим, фольклорным и «ментальным» аспектам чешского населения, чтобы структурировать его на более мелкие «племенные» единицы с целью «разделения чешской нации на племенные компоненты» [Ibid.]. Кроме того, в духе идеологии того времени, немецко-славянские отношения должны были быть представлены с особым учетом «западно-восточного культурного градиента» (*westöstliche Kulturgefälle*). Особое внимание должно было быть уделено исследованию двух избранных чешских «племен» — западночешских ходов и моравских ганаков¹³.

Помимо «славянских исследований» (*slawenkundliche Forschung*), запланированных и частично проведенных членами и сотрудниками Славянской комиссии, «германо-славянским отношениям», как уже упоминалось выше, отводилось место и в рамках Этнографической комиссии. При решении этих и многих других исследовательских задач обе комиссии тесно сотрудничали с Фондом Рейнхарда-Гейдриха, с которым они во многих случаях были лично связаны. В частности, это были исследования, которые способствовали легитимизации нацистского режима, конечной целью которого на чешских землях была, по

¹² О финансовых условиях либерецкого института более подробно см. [Lozoviuk 2008: 255].

¹³ Там же. Более подробно о деятельности Комиссии см.: [Josefovičová 2014: 18–19], об отражении чешских «племен» немецкой этнографией военного периода см.: [Lozoviuk 2008; Drápala 2020].

словам государственного секретаря рейхспротектора Карла Германа Франка, «полная германизация пространства и народа» [Bugge 2002: 422]. Национал-социалистическое «окончательное решение» «чешской проблемы» (*Tschechenproblem*) должно было основываться на «инвентаризации расово-этнических отношений» (*Bestandaufnahme der rassisch-völkischen Beziehungen*)¹⁴, которая бы определила, сколько чешских людей способно к германизации¹⁵.

Чешско-немецкое сосуществование
в перспективе тогдашней немецкоязычной этнографии

Помимо «расового родства» чехов и чешских немцев, которое, конечно же, было в центре внимания «социальной антропологии», судето-немецкие этнографы также занимались вопросом о том, в какой степени представители чешской нации проявляют «культурно-цивилизационное» сходство со своими немецкими соседями. Отправной точкой для этой линии рассуждений стали некоторые старые аксиомы чешско-немецкой этнографии (*Volksforschung*), которые должны были получить дальнейшее развитие и теоретическое обоснование во время войны. К ним относились, например, мнение о том, что «немецкость» (*Deutschtum*) глубоко «укоренилась» в чехах [Krebs, Lehmann 1992: 156]. Нахождение «объективного» доказательства немецкой культурной оригинальности имело бы особое значение для дальнейшей политической аргументации, так как позволило бы приравнять запланированную германизацию чехов к так называемой регерманизации и тем самым, по крайней мере частично, легитимизировать ее. Этнографически ориентированное исследование должно было способствовать достижению задуманного «окончательного решения» германской политики в Протекторате путем тематизации нескольких взаимосвязанных проблемных областей.

В центре этих исследований находились «этнические процессы» (*Umvolkungsvorgänge*), в которых демаркация «исчезнувшей немецкости» (*untergegangenes Deutschtum*) стала бы отправной точкой для запланированной регерманизации лиц, которые будут обозначены как лица немецкого происхождения (*deutschstämmig*). Другим направлением этнических исследований было изучение так называемых чешских племенных территорий (*Stammlandschaften*), которое должно было предоставить доказательства того, что «существуют естественные племенные

¹⁴ Ср. речь Гейдриха перед руководителями оккупационных властей Протектората, собравшимися в Праге в Чернинском дворце, см.: [Kárný, Milotová 1991: 98–113].

¹⁵ Расовым исследованиям в чешских землях в период войны посвящены работы Рене Новотного [Novotný 2013; 2021].

и пространственные различия в чешском национальном организме» [Lemberg 1938: 200] и, в то же время, что эти чешские «племена» якобы имеют сходство с соседними немецкими «племенами» [Krebs, Lehmann 1992: 204]. В то же время такой подход позволил обозначить чешские (племенные) районы как «форпосты» соседних немецких «племен». Очевидно, что разделение чешскоязычной территории (*Tschechenland*) в соответствии с культурными и пространственными аспектами в конечном итоге было призвано облегчить германизацию¹⁶.

Важное место занимало также изучение «расового» родства чехов и немцев с позиции так называемого «исследования смешения крови» (*Blutvermischungsforschung*). В его контексте речь шла не только об антропометрических изучениях, но и о том, насколько прямая связь прослеживается между наличием «положительных черт характера» и «количеством немецкой крови» в изучаемом славянском населении. Размышления о чешской «народной культуре» были одной из, казалось бы, традиционных этнографических тем, но с добавлением того, что их уже не скрываемое намерение состояло в демонстрации направления «культурных течений» (*Kulturströmungen*) с запада на восток. В подтексте этой тематизации можно было распознать тенденцию к восприятию чехов как исключительных реципиентов западных (т. е. немецких) культурных ценностей, что позволило обозначить все культурные достижения чешскоязычного населения как заимствования у своих немецких соседей или как локально приукрашенные элементы немецкой культуры.

Такое отношение к чешским культурным реалиям позволило немецкой этнографии того времени интерпретировать чехов как этническую группу, которая не обладает автономной культурой и поэтому проживает на немецкой «культурной почве». Однако к этому утверждению следует добавить, что культура славянских жителей чешских земель интерпретировалась некоторыми судето-немецкими этнографами как вариант (или варианты) немецкой культуры уже в межвоенный период. Ярким примером такого подхода, несомненно, являются тексты Эмиля Леманна¹⁷, который, однако, не принимал участие в академической среде. С точки зрения влияния на направление немецкой этнографии межвоенной Чехословакии, более значимой оказалась деятельность третьего ординарного профессора этнографии Немецкого университета в Праге Йозефа Ханики¹⁸.

¹⁶ По вопросу усиления «регионалистских тенденций» среди чешской нации немецкой политикой см.: [Wiedemann 2000: 21].

¹⁷ О жизни и творчестве этого этнографа см.: [Lozoviuk 2008].

¹⁸ О спорах Ханики с чешскими этнографами подробнее см.: [Лозовиук 2015b].

В 1929 году Ханика, уроженец западной Чехии и один из самых важных представителей немецкой этнографии межвоенной Чехословакии¹⁹, опубликовал в только что основанном «Судето-немецком этнографическом журнале» (*Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*) относительно обширную статью, в которой охватил тематику национального костюма западной Чехии. Главной темой его публикации стала полемика с чешскими этнографами касательно интерпретации этнической принадлежности в то время еще сохранившейся в быту традиционной одежды. Особое внимание было посвящено анализу суждений Ладислава Лабека, основателя и многолетнего руководителя Этнографического музея в чешском городе Пльзень и его сестры Марии Лабковой, наравне с братом посвятившей свою деятельность этнографии западночешского региона. Ханика критиковал обоих чешских авторов за их интерпретацию западночешских народных костюмов местных немцев, чье сходство они трактовали либо как пример культурного заимствования, перенятого у славянских соседей, либо как историческое свидетельство германизации изначально славянских жителей региона.

Значительная часть этой якобы научной дискуссии вращалась вокруг споров о явном формальном сходстве между народной одеждой немецкоязычных жителей западночешского региона Хотешов и традиционной одеждой чехов из области Ходско. Ханика прежде всего стремился опровергнуть гипотезу чешских ученых, согласно которой хотешовский национальный костюм был перенят от чешских ходов, подобно тому как и отрицал другое мнение чешских этнографов относительно тезиса, что жителей Хотешова следует считать германизированными славянами.

Чешские же ученые, напротив, стремились продемонстрировать, что предполагаемая славянская одежда жителей Хотешова доказывает лишь поверхностную германизацию западных чехов, так как ими был предположительно усвоен только язык, а не «народная культура», и в дальнейшем сохранившая славянский характер. По мнению чешских этнографов, хотешовский национальный костюм являлся однозначным доказательством, свидетельствующим о том, что весь Пльзеньский край, вместе с областями немецкоязычного населения, демонстрирует славянское происхождение и славянский характер культуры. Некоторые чешские этнографы были даже убеждены в том, что первоначальная форма славянской народной одежды в немецких регионах западной Чехии сохранилась лучше, чем в чешских областях [Lábková 1929: 4].

Ханика в своей работе задавался вопросом, почему же и некоторые этнографы из Германии приписывают национальным костюмам

¹⁹ О значимости Ханики для немецкой этнологии см.: [Lozoviuk 2008; Лозовиук 2020].

западночешских немцев славянский характер. Теоретическое содействие в поиске ответа на этот вопрос ему оказала популярная на то время теория «опустившихся культурных ценностей» (*gesunkenes Kulturgut*), созданная немецким этнографом Гансом Науманом [Naumann 1922], которая, по его мнению, оказалась особенно уместной для интерпретации практики ношения одежды в чешских землях [Hanika 1929: 15]. Предполагаемые славянские элементы в чешско-немецких национальных костюмах он считал остатками «примитивного» способа ношения одежды и лишал их какого-либо этнического своеобразия [Hanika 1929: 11]. Поэтому, по мнению Ханики, формальное сходство между национальными костюмами немецкоязычного и чешскоязычного населения западной Чехии не должно объясняться принадлежностью местных немцев к чешской культуре, а должно рассматриваться как доказательство того, что оба варианта национального наряда базировались на единой, общей западноевропейской манере одеваться, сформированной под влиянием городской среды [Hanika 1929: 52]. Исходя из этого, Ханика критиковал не только своих чешских коллег, но и этнографов из Германии, имеющих склонность объяснять спорные культурные элементы судетонемецких областей, т. е. не имеющих параллелей в народной культуре немецкого запада, славянским происхождением.

Помимо критики чешских экспертов Ханика приступил к разработке собственных тезисов, собранных под общим знаменателем культурно-исторического анализа западночешских народных костюмов с точки зрения общеевропейской перспективы. В результате своих исследований он пришел к выводу, что национальные костюмы чешских немцев невозможно охарактеризовать как «славянские», так как представляется возможным доказать их взаимосвязанность с западноевропейскими и среднеевропейскими модными стилями [Hanika 1929: 118]. Вместо этого вполне допустимо обозначить их как «немецкие», а точнее «судето-немецкие», потому что их носители идентифицируют себя как судетские немцы. Окончательные решения об этнической классификации определенного национального костюма (так же как и о других культурных артефактах) следует выносить с учетом подобных внешних факторов, так как «те или иные составляющие элементы костюма возможно найти и в другом месте, что свидетельствует лишь об их культурно-географическом распространении, но никак не об этническом характере (*völkische Eigenart*). Согласно этой трактовке один и тот же элемент национального костюма может быть принят либо за немецкий, либо за славянский в зависимости от того, на каком языке говорят носящие его люди» [Hanika 1929: 119].

В вышеупомянутой работе Ханика еще так явно не проявлял свою националистскую позицию относительно интерпретации западночеш-

ской народной культуры, но уже сформулировал некоторые пронемецкие аргументы, например, подчеркивая тот факт, что многие чешские диалектные выражения, используемые для обозначения разных элементов народного костюма, являются заимствованиями из немецкого языка. На основе этого утверждения он заключал, «что это не эгерлендеры²⁰ переняли славянские народные костюмы, а наоборот — это чешские костюмы [...] происходили из неславянских [...] немецко-германских образцов» [Hanika 1929: 63]. Подобным образом он отрицал присущую тому времени позицию чешских коллег, согласно которой в жилах жителей некоторых немецких областей западной Чехии «течет славянская доля крови» [Lábek 1931: 165].

Его изначальная, скорее сдержанная позиция в отношении национальной принадлежности чешских (богемских) культурных форм, постепенно сменилась мнением, что чешская этническая область (*tschechischer Volksboden*) однозначно принадлежит к немецкой культурной области (*deutscher Kulturboden*) [Hanika 1942: 1]. Эту точку зрения он развил в своих более поздних работах, которые посвятил чешским реалиям, прежде всего этнографической группе ходов. Но крайне националистическая позиция у Ханики проявилась лишь в первой половине 40-х гг., когда под влиянием распространяемых в то время расовых теорий он уже совершенно открыто заявлял, что в чешских деревнях Ходска живет «до семидесяти, а местами и больше, процентов населения немецкого происхождения» (*deutschstämmige Bevölkerung*) [Hanika 1941: 237, 240]. Такую высокую долю «биологических» немцев в чешской популяции он объяснял частыми межэтническими браками и миграцией из расположенной неподалеку Баварии [Hanika 1941: 239]. Хотя он и признавал языковую ассимиляцию большинства немецких мигрантов по причине проживания в ходской среде, однако был твердо убежден, что, несмотря на это, сохранилась «нетронутая (германская) расовая субстанция», продолжавшая оказывать влияние на формирование местной народной культуры.

Такие рассуждения заключали в себе и «научно» обосновали идею о том, что большинство лиц данной области, относившие себя к чешской национальности, свою «настоящую» (т. е. берущую начало на расовой основе) этническую принадлежность как будто не знают. И по этой причине представляется возможным утверждать об их «возвращении» в лоно коренной нации, т. е. о регулируемой регерманизации. Упомянутые выше этнографические исследования, проведенные

²⁰ В немецком оригинале *Egerländer*; речь идет об обозначении региональной и этнографической группы немецкоговорящего населения самой западной части Чехии (*Egerland*).

в Протекторате в военный период, были направлены уже не только на моральное оправдание и политическую легитимизацию так называемой регерманизации в местных условиях, но и на германизацию чехов в общенациональном масштабе.

Однако подчеркивание германских корней славянской народной культуры чешских земель содержало в себе важный аспект, который не совсем вписывался в ортодоксальную нацистскую концепцию нового порядка в Центральной Европе. Неявно, но и недвусмысленно сформулировал его в своей — с другой стороны — крайне идеологической работе военного времени Ханика: «Маленькая чешская нация не может жить в изоляции, она зависит от своих больших немецких соседей. Но также она может гордиться своими собственными ценностями, которые могут быть полезны даже ее большому соседу» [Hanika 1944: 327]. Помимо далеко идущих уступок национал-социалистической идеологии, исследование «этнического характера» (*völkische Wesensart*) чехов привело судето-немецкую этнографию к выводу, что оба народа, проживающие на чешских землях, имеют общее культурное наследие. По этой причине можно сказать, что чехи являются культурно родственной немцам этнической группой, которая «принадлежит» к Центральной Европе. Даже с «биологической» точки зрения, согласно этим взглядам, нельзя утверждать о значительной разнице между немцами и чехами. Хотя между представителями этих двух наций можно выявить определенные очевидные различия, но они, как утверждал другой судето-немецкий этнолог и антрополог Карл Валентин Мюллер²¹, схожи по своему характеру с различиями, прослеживаемыми между разными немецкими группами — например, между немцами из южной и северной Германии [Müller 1939: 395]²².

Причина вышеупомянутого положения рассматривалась в этнических процессах последних двух столетий. Благодаря этим процессам в «этническом теле» (*Volkskörper*) чехов, как утверждалось, была высокая доля «немецкости», так что около половины всех чехов, по терминологии того времени, по «крови» относились к немецкому происхождению. [Müller 1939: 345]. Результатом такого смешивания двух народов стала языковая чехизация немцев и культурная германизация чехов. Это «этническое смешение» (*Volksmischung*) в конечном счете отразилось и в усвоении чехами немецких особенностей и культурных навыков. Результат упомянутых процессов ассимиляции, согласно Карлу Валентину Мюллеру, также можно было увидеть в физической природе

²¹ К деятельности Карла Валентина Мюллера см.: [Лозовиук 2015а: 180–181].

²² По вопросу антропометрических исследований в военный период см. также [Novotný 2013; 2021].

чешских славян: «расовые», а также «духовные» различия между чехами и судетскими немцами не имели никакого значения, и эти два народа можно было считать очень родственными [Müller 1939: 402].

Такая оценка чешско-немецкого сосуществования, однако, не соответствовала взглядам тех ученых, которые были убеждены в присутствии «сильного расового различия» между немцами и чехами. Poleмика судето-немецких ученых с этими убеждениями, прозвучавшими в основном в Рейхе, помогла создать более трезвый взгляд на культурные и «расовые» отношения между чехами и немцами [Müller 1939: 394]. Впоследствии чехи стали рассматриваться как исключение среди славянских народов, поскольку было признано, что «приток немецкой крови» (*Blutzuströme*) способствовал тому, что чехи, уже по существу культурно идентичные немцам, стали с ними и «расово родственной группой» в результате длительных миграционных процессов [Beyer 1942: 4].

Однако политическая подоплека подобных заключений также очевидна. Этнографические исследования Шира, Мюллера, Ханики и других судето-немецких этнографов того времени не ограничивались, казалось бы, невинной диагностикой «природных расовых особенностей» чехов и программно были направлены на определение их «способности к германизации» (*Eindeutschungsfähigkeit*). Главная задача, которую оккупационная политика Третьего рейха ожидала от этнографии, заключалась в установлении количества носителей «немецкой крови», которая «благодаря ошибкам немецкой истории» может быть определена в «иностранной национальности» (т. е. в нашем случае — в чехах)» [Denkschrift 1957: 198]. Фактически многие (если не все) проекты немецкоязычных этнографических исследований, осуществленные в Протекторате, были, таким образом, направлены на идеологически обусловленный результат, состоявший в поддержке национально-политических претензий нацистского режима — германизации богемско-моравского пространства [Beyer 1942: 4].

С другой стороны (что в каком-то смысле даже кажется парадоксальным), некоторые достигнутые, в большинстве своем и незаконченные, результаты деятельности судето-немецких этнографов, были направлены на формулирование политически неконформистских позиций. Действительно, заданные во время войны многочисленные тезисы о «расовом» и культурном родстве двух народов, населявших чешские земли, не всегда соответствовали представлениям национал-социалистических планировщиков из Рейха о форме «новой Европы». Согласно предвзятым намерениям сторонников «окончательного» решения «чешского вопроса», для Протектората предусматривалась полная и

окончательная германизация, при этом присутствие коренного славянского населения на этой территории было весьма ограниченным²³.

Судето-немецкие этнографы поддерживали тогдашний режим, по крайней мере большинство из них было готово участвовать в идеологически ангажированных проектах²⁴. Ожидалось, что результаты их исследований будет возможно прямо или косвенно использовать при попытке этнической «реорганизации» Центральной и Восточной Европы. С другой стороны, следует признать, что и в предыдущие периоды этнографы не были застрахованы от соблазна привести свои экспертизы в соответствие с существующими идеологическими доктринами и предоставить их представителям политической власти. Это утверждение в разной степени и при разных обстоятельствах относится как к довоенной судето-немецкой, так и к чешской этнографии.

Исторический парадокс заключается в том, что вопрос об антропологическом и культурном родстве двух этнических групп, населяющих чешские земли, был поднят со всей серьезностью только в военный период, т. е. во время усиления политического и идеологического давления на научную деятельность. Судето-немецкие этнографы заинтересовались своими чешскими соседями только под этим внешним давлением в то время, когда уже невозможно было прийти к ценностно-нейтральному осмыслению изучаемых вопросов.

Сокращенные названия архивов

AFFUKB — Archiv Etnologického ústavu SAV Bratislava (Slovenská republika), fond Osobní spis Prof. Bruno Schier.

AUKP — Archiv University Karlovy Praha (Česká republika), fond Filozofická fakulta Německé university v Praze. Schier Bruno 1922–1937.

SOAL — Státní okresní archiv Liberec (Česká republika), fond Písemná pozůstalost dr. Ericha Gieracha. Dodatky: Úřady, organizace a spolky 1924–1943.

Библиография

Источники

AFFUKB, Schier

AFFUKB, Osobní spis Prof. Bruno Schier

Denkschrift 1957

Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten (Mai 1940), Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, 2, 194–198.

²³ Ср. речь Гейдриха от 2 октября 1942 г. перед руководителями оккупационных властей протектората в Чернинском дворце в Праге [Kárný, Milotová 1991: 98–113].

²⁴ Как одно из исключений, например, второй ординарный преподаватель немецкой этнографии в пражском Немецком университете Густав Юнгбауэр, который умер уже в октябре 1942 г.

SOAL, kar. 17

SOAL, fond Písemná pozůstalost dr. Ericha Gieracha. Dodatky: Úřady, organizace a spolky 1924–1943, kar. č. 17.

Литература

Лозовиук 2015a

Лозовиук П., Нечешские богемцы как теоретики этничности и национализма. *Этнографическое обозрение*, 2015, 2, 177–198.

——— 2015b

Лозовиук П., “Самые западные славяне” и споры об этнической интерпретации их культуры, *Российские и славянские исследования*, 10, Минск, 2015, 338–350.

——— 2020

Лозовиук П., Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 2020, 4, 1162–1185.

Beyer 1942

Beyer H. J., Rassische Kräfte in der Umvolkung, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1942, 6, 1–16.

Bugge 2002

Bugge P., „Land und Volk“ — oder: Wo liegt Böhmen?, *Geschichte und Gesellschaft*, 2002, 3, 404–434.

Drápala 2020

Drápala D., Badatelské přesahy německojazyčného národopisu českých zemí třicátých a čtyřicátých let 20. století, *Národopisný věstník*, 2020, 1, 5–29.

Hanika 1929

Hanika J., Die Erforschung der westböhmisches Volkstrachten, *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*, 1929, 2, 1–5, 51–65, 110–119.

——— 1941

Hanika J., Vom deutschen Anteil am Chodenbauerntum. Eine Forschungsaufgabe, *Oberdorffer K., Schier B., Wostry W., eds., Wissenschaft im Volkstumskampf. Festschrift für Erich Gierach zu seinem 60. Geburtstag*, Reichenberg, 1941, 233–250.

——— 1942

Hanika J., *Der Aufbau der volkskundlichen Kultur im böhmisch-mährischen Raum* [по изд.: Lozoviuk 2008], 377–384.

——— 1944

Hanika J., Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart, *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*, 1944, 3/6, 313–331.

Josefovičová 2014

Josefovičová M., *Německé vědecké instituce v Liberci 1923–1945. Od vlastivědy k nacistickému „bádání o zemi a lidu“*, Praha, 2014.

Kárný, Milotová 1991

Kárný M., Milotová J., eds., *Protektorátní politika Reinharda Heydricha*, Praha, 1991.

Krebs, Lehmann 1992

Krebs H., Lehmann E., *Sudetendeutsche Landeskunde*, Kiel, 1992.

Lábek 1931

Lábek L., O sběratelské praxi národopisné, *Český lid*, 1931, 5, 6–7, 161–166, 196–209.

Lábková 1929

Lábková M., *Lidové kroje v západních Čechách*, Plzeň, 1929.

Lemberg 1938

Lemberg E., Tschechische Stammlandschaften in Böhmen, *Mitteldeutsche Blätter für Volkskunde*, 1938, 13, 199–205.

Lozoviuk 2004

Lozoviuk P., Bruno Schier in der Slowakei. Ein vergessenes Kapitel der Wissenschaftsgeschichte, *Volkskunde in Sachsen*, 2004, 16, 129–154.

——— 2008

Lozoviuk P., *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*, Leipzig, 2008.

Míšková 2002

Míšková A., *Německá [Karlova] univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945*, Praha, 2002.

Müller 1939

Müller K. V., Die Bedeutung des deutschen Blutes im Tschechentum I., II., *Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik*, 1939, 9, 325–358, 385–404.

Naumann 1922

Naumann H., *Grundzüge der deutschen Volkskunde*, Leipzig, 1922.

Němec 2011

Němec J., Pražská věda mezi Alfredem Rosenbergem a Reinhardem Heydrichem. K prehistorii Říšské nadace Reinharda Heydricha pro vědecká bádání v Praze, *Studia Historica Brunensia*, 2011, 2, 85–105.

Novotný 2013

Novotný R., Obraz Čechů v německé rasové nauce a nacistické rasové ideologii, *Theatrum historiae*, 2013, 13, 167–219.

——— 2021

Novotný R., *Řešení české otázky: Nacistická rasová politika v Protektorátu Čechy a Morava*, Praha, 2021.

Roth 1997

Roth K. H., Heydrichs Professor. Historiographie des „Volkstums“ und der Massenvernichtungen: Der Fall Hans Joachim Beyer, *Schöttler P., ed., Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945*, Frankfurt am Mein, 1997, 262–342.

Schier 1932

Schier B., *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*, Reichenberg, 1932.

——— 1941

Schier B., Von Stand und Aufgaben der sudetendeutschen Volkskunde, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1941, 5, 368–371.

——— 1943

Schier B., Aufbau der slowakischen Volkskultur. Eine volkskundliche Skizze, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1943, 7, 227–260.

——— 1962

Schier B., Karl Rhamm (1842–1911). Wegbereiter der volkskundlichen Kulturraumforschung, *Rheinisch-westfälische Zeitschrift für Volkskunde*, 1962, 9, 1–18.

——— 1982

Schier B., Lebenslauf, *West-östliche Kulturverflechtungen in Mitteleuropa. Festgruß zum 80. Geburtstag von Bruno Schier*, Münster, 1982, 9–10.

Soukupová 2014

Soukupová B., Antisemitismus krojovaných kolaborantů v kontextech protektorátní mytologie a propagandy. K aktivitě Národopisné Moravy, *Pálka P., ed., Židé a Morava*, 2014, XX, 132–144.

——— 2014

Soukupová B., K problematice využívání a funkcí obrazu venkova, lidu, lidové kultury a národopisu během II. světové války, *Národopisný věstník*, 2016, 1, 75–97.

——— 2014

Soukupová B., Protektorátní národopisné slavnosti, Národopisná Morava, Antonín Václavík a (ne)schopnost kritické reflexe klíčového úseku dějin našeho oboru (Dodatek k předčasně ukončené diskuzi v Národopisném věstníku), in: B. Soukupová, R. Godula-Weclawowicz, G. E. Karpińska, *Národy – Města – Lidé – Slavnosti*, Praha, 2018, 43–81.

Šisler 1991

Šisler S., Vznik a formování nacistického „slovanského bádání“ v Praze v letech 1940–1943, *Český lid*, 1991, 4, 261–271.

Weger 2008

Weger T., Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung Reichenberg, in: I. Haar, M. Fahlbusch, eds., *Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen*, München, 2008, 683–688.

Wiedemann 2000

Wiedemann A., *Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag [1942–1945]*, Dresden, 2000.

References

Beyer H. J., Rassische Kräfte in der Umvolkung, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1942, 6, 1–16.

Bugge P., „Land und Volk“ — oder: Wo liegt Böhmen?, *Geschichte und Gesellschaft*, 2002, 3, 404–434.

Drápala D., Badatelské přesahy německojazyčného národopisu českých zemí třicátých a čtyřicátých let 20. století, *Národopisný věstník*, 2020, 1, 5–29.

Hanika J., Die Erforschung der westböhmisches Volkstrachten, *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*, 1929, 2, 1–5, 51–65, 110–119.

Hanika J., Vom deutschen Anteil am Chodenbauerntum. Eine Forschungsaufgabe, *Oberdorffer K., Schier B., Wostry W., eds., Wissenschaft im Volkstumskampf. Festschrift für Erich Gierach zu seinem 60. Geburtstag*, Reichenberg, 1941, 233–250.

Hanika J., Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart, *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*, 1944, 3/6, 313–331.

Josefovičová M., *Německé vědecké instituce v Liberci 1923–1945. Od vlastivědy k nacistickému „bádání o zemi a lidu“*, Praha, 2014.

Kárný M., Mílotová J., eds., *Protektorátní politika Reinharda Heydricha*, Praha, 1991.

Krebs H., Lehmann E., *Sudetendeutsche Landeskunde*, Kiel, 1992.

Lábek L., O sběratelské praxi národopisné, *Český lid*, 1931, 5, 6–7, 161–166, 196–209.

Lábková M., *Lidové kroje v západních Čechách*, Plzeň, 1929.

Lemberg E., Tschechische Stammlandschaften in Böhmen, *Mitteldeutsche Blätter für Volkskunde*, 1938, 13, 199–205.

Lozoviuk P., Bruno Schier in der Slowakei. Ein vergessenes Kapitel der Wissenschaftsgeschichte, *Volkskunde in Sachsen*, 2004, 16, 129–154.

Lozoviuk P., *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*, Leipzig, 2008.

Lozoviuk P., Non-Czech Bohemians as Theoreticians of Ethnicity and Nationalism, *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, 2, 169–190.

Lozoviuk P., „The very Western Slavs»” and the discussion on the interpretation of their ethnic culture, *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia*, 10, Minsk, 2015.

Lozoviuk P., Between Science and Ideology. History of German speaking Ethnography of Czech Lands, *Vestník Sankt-Petersburgskogo Universiteta, Istoriya*, 2020, 4, 1162–1185.

Míšková A., *Německá [Karlova] univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945*, Praha, 2002.

Müller K. V., Die Bedeutung des deutschen Blutes im Tschechentum I., II., *Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik*, 1939, 9, 325–358, 385–404.

Němec J., Pražská věda mezi Alfredem Rosenbergem a Reinhardem Heydrichem. K prehistorii Říšské nadace Reinharda Heydricha pro vědecká bádání v Praze, *Studia Historica Brunensia*, 2011, 2, 85–105.

Novotný R., Obraz Čechů v německé rasové nauce a nacistické rasové ideologii, *Theatrum historiae*, 2013, 13, 167–219.

Novotný R., *Řešení české otázky: Nacistická rasová politika v Protektorátu Čechy a Morava*, Praha, 2021.

Roth K. H., Heydrichs Professor. Historiographie des „Volkstums“ und der Massenvernichtungen: Der Fall Hans Joachim Beyer, Schöttler P., ed., *Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945*, Frankfurt am Main, 1997, 262–342.

Schier B., *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*, Reichenberg, 1932.

Schier B., Von Stand und Aufgaben der sudetendeutschen Volkskunde, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1941, 5, 368–371.

Schier B., Aufbau der slowakischen Volkskultur. Eine volkskundliche Skizze, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1943, 7, 227–260.

Schier B., Karl Rhamm (1842–1911). Wegbereiter der volkskundlichen Kulturraumforschung, *Rheinisch-westfälische Zeitschrift für Volkskunde*, 1962, 9, 1–18.

Schier B., Lebenslauf, *West-östliche Kulturverflechtungen in Mitteleuropa. Festgruß zum 80. Geburtstag von Bruno Schier*, Münster, 1982, 9–10.

Soukupová B., Antisemitismus krojovaných kolaborantů v kontextech protektorátní mytologie a propagandy. K aktivitě Národopisné Moravy, *Pálka P., ed., Židé a Morava*, 2014, XX, 132–144.

Soukupová B., K problematice využívání a funkcí obrazu venkova, lidu, lidové kultury a národopisu během II. světové války, *Národopisný věstník*, 2016, 1, 75–97.

Soukupová B., Protektorátní národopisné slavnosti, *Národopisná Morava*, Antonín Václavík a (ne)schopnost kritické reflexe klíčového úseku dějin našeho oboru (Dodatek k předčasně ukončené diskuzi v *Národopisném věstníku*), in: B. Soukupová, R. Godula-Weclawowicz, G. E. Karpińska, *Národy – Města – Lidé – Slavnosti*, Praha, 2018, 43–81.

Šisler S., Vznik a formování nacistického „slovanského bádání“ v Praze v letech 1940–1943, *Český lid*, 1991, 4, 261–271.

Weger T., Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung Reichenberg, in: I. Haar, M. Fahlbusch, eds., *Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen*, München, 2008, 683–688.

Wiedemann A., *Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag [1942–1945]*, Dresden, 2000.

Petr Lozoviuk, PhD, Doc. hab.,

Katedra antropologie

Fakulta filozofická

Západočeská univerzita v Plzni

301 00 Plzeň Sedláčková 38

Česká republika / Czech Republic

lozoviuk@ff.zcu.cz

Received March 4, 2024

Юсуф-Ходжа
и его братья:
О родстве Афанасия
Никитина*

Yusuf-Hajji
and His Brothers:
On the Kinship
of Afanasy Nikitin

Александр Львович Лифшиц

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Aleksandr L. Lifshits

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются те эпизоды из записок Афанасия Никитина, которые позволяют усомниться в его купеческом статусе. На основании анализа грамматики, лексики и прагматики сообщений Афанасия делаются выводы, что по Волге и далее он путешествовал как глава небольшого сообщества людей и что он отличался от своих спутников по рангу. Подтверждаются предположения А. Г. Боброва, что Афанасий исполнял некое поручение, данное ему на Руси. Высказывается гипотеза, что он мог быть боярином из известного тверского рода, называются его возможные родственники.

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Язык, литература и культура в историческом и социальном измерении», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

In the preparation of the publication the results of the project “Language, literature and culture in the historical and social dimension”, carried out within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics in 2024, were used.

Цитирование: Лифшиц А. Л. Юсуф-Ходжа и его братья: О родстве Афанасия Никитина // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 300–312.

Citation: Lifshits A. L. (2025) Yusuf-Hajji and His Brothers: On the Kinship of Afanasy Nikitin. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 300–312.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.10

Ключевые слова

Афанасий Никитин, генеалогия, анализ текста, тверское боярство

Abstract

The article considers those episodes from the notes of Afanasy Nikitin that allow us to doubt his merchant status. Based on the analysis of grammar, vocabulary and pragmatics of Afanasy's messages, it is concluded that he traveled along the Volga and further as the head of a small community of people and that he differed from his companions in rank. A. G. Bobrov's assumptions that Afanasy fulfilled some assignment given to him in Russia are confirmed. It is suggested that he could have been a boyar from a famous Tver family, and his possible relatives are named.

Keywords

Afanasy Nikitin, genealogy, text analysis, nobles of Tver

Текст «Хождения за три моря» загадочен. Будто наспех составленный из различных фрагментов, которые расположены порой в необъяснимой последовательности, он оставляет простор для толкования: для чего «Хождение...» было написано? Когда, в какой момент? Кто его автор, с легкостью переходящий от итинерария к пересказу местных басен и от этнографического очерка — к исповеди? Текст ни на один вопрос не дает прямого ответа, но, как кажется, содержит много скрытой информации об авторе, которую стоит пытаться обнаружить.

Разумеется, огромное количество наблюдений сделано моими предшественниками¹, однако не лишним, кажется, будет повторить кое-что из того, что мы знаем о авторе этих удивительных записок.

Считается, что Афанасий — уроженец Твери. «Тверитином» его называют «комментатор» XV в., вводя записки в состав летописи (Л., л. 441об.–442)², так его называет и создатель Сухановской редакции текста, который сообщает также, что за море Афанасий ходил «от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыкы Тверскаго Генадия» [Хождение 1986: 32]. Афанасий начинает рассказ о своем путешествии с отплытия из Твери, но важнее, что, пытаясь рассказать о

¹ Особенно хочется выделить воодушевляющую работу А. Г. Боброва [Бобров 2022], которая во многом послужила стимулом к написанию данной статьи.

² Здесь и далее даю ссылки непосредственно на листы Львовской летописи (Л.) или Троицкого списка (Тр.), что позволяет воспользоваться любым изданием этих текстов, например: [Львовская летопись; Хождение 1986], или иным изданием сочинения Афанасия Никитина, где есть обозначение листов источника. В тех случаях, когда разница между редакциями текста отсутствует, ссылаюсь только на текст летописи. Троицкий список представлен также на сайте: <https://kodeks.uni-bamberg.de/Russia/Texts/AfanasiyNikitin-TroickijSpisok1.htm>.

размерах языческого капища в Индии, он сравнивает его, как сообщает Троицкий список, с Тверью — очевидно, как с местом, которое он хорошо знает (*Тр.*, л. 377 об.).

Афанасий совершает долгий, более 850 км, переход по Верхней Волге, надеясь в Нижнем Новгороде присоединиться к послу великого князя Ивана III Василию Папину, который везет кречетов ширваншаху Фарруху-Ясару. По пути Афанасий упоминает остановки в Калязине, Угличе, Костроме и Плесе, не отмечая ни Ярославля, ни других городов.

Не застав в Нижнем Новгороде уплывшего двумя неделями ранее Василия Папина, Афанасий дожидается посла ширваншаха Хасан-бека и идет вниз по Волге с ним. Астраханские татары и кайтаки грабят судно, на котором плывет Афанасий, и другое, на котором находится его поклажа. Афанасий через Василия Папина и Хасан-бека обращается за помощью к ширваншаху, после чего идет в Дербент и Баку, откуда плывет в Персию, чтобы сойти на южном берегу Каспийского моря в неназваном месте.

В Персии Афанасий проводит больше года, поскольку празднует Пасху в некоем Чапакуре — т. е. больше года должно было пройти с момента отплытия из Твери, а следующую — в Ормузе³, откуда уже плывет в Индию. Где-то в Персии по пути он покупает жеребца, заплатив сто рублей, что в пересчете на вес серебра составляет 8 кг [Бобров 2022: 133].

В Индии Афанасий проводит время в основном на территории Бахманийского султаната, представляясь персом из Хорасана (*Тр.*, л. 377). Два месяца он живет в городе Джуннар, где местный правитель пытается склонить его к перемене веры и чуть не отбирает коня, грозя взять Афанасия в заложники и потребовать за него выкуп в тысячу золотых. После Афанасий путешествует по Индии, но главными местами его пребывания, насколько можно судить, оказываются две столицы султаната: новая, Бидар, и старая, Гулбарга. По прошествии нескольких лет Афанасий отправляется в долгий обратный путь, для которого у него есть средства. В Трапезунде он платит последним золотым за перевоз до Кафы и одалживает золотой на жизнь, намереваясь в Кафе вернуть долг.

Как сформулировал А. Г. Бобров, «в “Хожении” обращают на себя внимание несколько деталей, противоречащих традиционной точке зрения на Афанасия Никитина как на разорившегося небогатого торговца, идущего “куда глаза глядят”» [Бобров 2022: 133]. Далее исследователь подробно излагает, в чем он видит эти противоречия.

³ Пасха в 1467 г., когда началось путешествие Афанасия [Городилин 2022], праздновалась 29 марта, в 1468 — 17 апреля, в 1469 — 2 апреля.

Получив благословение тверского епископа Геннадия Кожина, Афанасий приходит в Троицкий Калязинский монастырь, где настоятелем был старший брат тверского владыки преподобный Макарий Калязинский. В Угличе же с 1466 г. игуменствовал племянник Макария и Геннадия преподобный Паисий Угличский. Это дает А. Г. Боброву основание полагать, что, отправляясь в путешествие, Афанасий заручился поддержкой влиятельных людей, к которым добавляется и тверской воевода Борис Захарьевич Бороздин.

В Дербенте Афанасий выступает ходатаем за соотечественников, пострадавших от астраханских татар и кайтаков⁴. В данном случае исследователь выбирает версию Троицкого списка, где сказано в единственном числе: «И билъ есмь челом Василью Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмь с нимъ пришли» (*Тр.*, л. 370об.). Действительно, в летописной редакции фрагмент выглядит менее надежно: «А били есмь челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмь с ними пришли» (*Л.*, л. 443об.). Все же Афанасий со спутниками пришли с одним Хасан-беком, а не с Василием Папиным и Хасан-беком. И понятно, что пришедшие из Руси люди надеются на заступничество великокняжеского посла, прибывшему к правителю страны, а к Хасан-беку обращаются как к свидетелю их бедствия.

Сумма в сто рублей серебром, заплаченная за коня, — явно не то, что может оказаться в кармане у ограбленного купца, идущего за счастьем куда глаза глядят.

И, наконец, А. Г. Бобров весьма резонно замечает, что у Афанасия и в Индии должны были быть серьезные связи, если некий хорасанец заступает за него перед правителем Джуннара, в результате чего коня возвращают Афанасию, а вопрос о переходе в Ислам на время оказывается снят.

Соображения эти, с одной стороны, мне представляются заслуживающими внимания, а с другой — требующими развития и дополнений. Начну с последнего упомянутого А. Г. Бобровым эпизода.

Афанасий пишет, что история началась, когда Асад-хан «уведал, что яз не бесерменянин — русинъ» (*Л.*, л. 445). Сложно, однако, заподозрить, что правитель города Джуннар Асад-хан⁵, которого носят в паланкине и у которого много слонов и прекрасных коней (*Л.*, л. 444 об.), снизошел бы до разговора с каким-то чужеземным купцом и стал выяснять не

⁴ Противоположное мнение см.: [Кистерев 2003: 16].

⁵ Действительно ли Асад-хан был в Джуннаре правителем, доподлинно неизвестно. Персидский историк называет другое имя, когда пишет о назначениях, сделанных Махмудом Гаваном [Ferishta 1829: 502]. Высказывалось соображение, что Асад-хан был в Джуннаре «комендантом» [Минаев 1881: 57], но в данном случае это несущественно.

только, каково его вероисповедание, но и его этническую принадлежность. Что могло бы стать поводом для этого? Как мы знаем (правда, не знаем, с какого момента, но тут, кажется, можно предположить, что такая «легенда» была придумана во время длительного пребывания Афанасия в Персии), Афанасий называет себя «хозя Ифусь Хоросани»⁶ (Тр., л. 377), и индуисты не догадываются о том, что он не мусульманин и не хорасанец, пока Афанасий не говорит им об этом. Как же должен был догадаться Асад-хан?

К тому же тысяча золотых — гигантская сумма выкупа — имеет смысл только если ты уверен, что есть кто-то, для кого заложник настолько ценен, или в виде шутки, про которую не вдруг поймешь, шутка ли это на самом деле. И в обоих случаях не очень похоже, что речь может идти о купце.

Правитель Джуннара Асад-хан был ставленником великого визира Махмуда Гавана (1411–1481) и человеком, настолько ему близким, что когда в 1481 г. Махмуд Гаван, носивший титул мелик-ат-туджар буквально потерял голову в результате политической интриги, то казнен был и Асад-хан [Ferishta 1829: 509; Хождение 1986: 148]. И если кто-то и мог повлиять на решение Асад-хана отнять у чужеземца коня, то только назначивший его на должность Махмуд Гаван, конечно, не обязательно сам. Хватило бы намека на то, что Махмуду Гавану может не понравиться самоуправство правителя Джуннара. Ходатаем выступил некий хорасанец Махмет, который действительно должен был, во-первых, иметь веские основания вступаться за Афанасия, а во-вторых, достаточно полномочий, чтобы «отпросить» (Л., л. 445об.) русского путешественника.

И Махмуд Гаван, и Асад-хан были персами и носили прозвище Гиляни — они были уроженцами Гиляна, персидской провинции, расположенной на берегу Каспия западнее Мазендарана. У Афанасия до того, как он направился к Ормузскому проливу, несомненно, было время побывать и в Гиляне, ведь на севере Персии он провел никак не менее восьми месяцев: полгода в Чапакуре, который отождествляется с известными городами лишь предположительно [Kempgen 2010: 24], и по месяцу — в Сари и Амоле. Данное Афанасием описание климата Гиляна свидетельствует, пожалуй, о личных впечатлениях писавшего: «В Гиляи душно велми да парище лихо» (Л., л. 453об.).

Во всяком случае, Афанасий, переплыв второе море, не останавливается, например, в Гуджарате и из значительного количества существовавших на тот момент индийских государств выбирает расположенный

⁶ Публикаторы предлагают в этом имени видеть искаженное Юсуф [Хождение 1986: 48, 157], но, возможно, фонетическая последовательность со вторым звуком [ф], как в имени Афанасий, важна.

на Деканском плоскогорье в центре полуострова Индостан Бахманийский султанат. Оказавшись же на территории султаната, Афанасий сразу с берега направляется в Джуннар, которым управляет (или распоряжается там войском) гиянец Асад-хан. Естественно объяснять это заранее продуманным планом и наличием контактов, которые обусловили приход путешественника именно в этот город.

Вероятно, к Джуннару относится раздраженный пассаж Афанасия, разочарованного отсутствием нужного товара, который ему, очевидно, обещали (Л., л. 445об.)⁷.

Похоже при этом, что в Индию Афанасий прибыл не один. Описывая начало индийского этапа своих странствий, Афанасий использует множественное число: «...а от Чювиля есмя пришли въ 7-ю неделю по Велице дни, а шли в таве есмя...» (Л., л. 444); «а ис Чювиля сухом пошли есмя...», «а зимовали есмя в Чюнере, жили есмя два месяца...» (Л., л. 444об.); «а ис Чюнеря есмя вышли...» (Л., л. 446). Очевидно, у Афанасия после Джуннара не должно было быть причин дальше передвигаться по Индии, подчиняясь движению каравана, с которым он шел от Чаула. То есть когда Афанасий пишет «есмя пришли», «есмя жили» и проч., он имеет в виду не случайно объединившихся людей, а сложившуюся группу с общими интересами, действующую заедино. А учитывая разительные отличия в описании празднования Христова Воскресения в Чакапуре и в Ормузе с описаниями празднования Пасхи в следующие годы, я предположил бы, что первые две Пасхи, о которых Афанасий упоминает, как о чем-то не выходящем за рамки обычного, скорее всего, проходили среди его соотечественников или хотя бы единомышленников⁸. Во всяком случае, Афанасий, кажется, не был в одиночестве ни на пути к Ормузу, ни в Джуннаре. В этом случае отсутствие эксплицитного упоминания в записках Афанасия спутников может говорить о принципиальной разнице в статусе путешественника и сопровождавших его лиц.

Только из святилища Шивы Афанасий возвращается сам по себе: «От Первати же приехал есми в Бедерь...» (Л., л. 449), хотя едва ли можно сомневаться, что он не был одиноким пешеходом на этом пути. В какой-то момент Афанасий, похоже, действительно остался в одиночестве. Трудно сказать, как это случилось, но нет, однако, сомнений, что Индия предоставляла для этого множество возможностей.

⁷ В задачи этой статьи не входит рассмотрение, как кажется, весьма правдоподобной гипотезы А. Г. Боброва о том, что в связи с установлением автокефалии на Руси целью путешествия Афанасия был поиск прямых поставок пряностей для мирования [Бобров 2017; Бобров 2022].

⁸ Я не исключил бы и того, что там был священник, без которого праздник не мог бы осуществиться во всей полноте. Замечу также, что отпраздновать Пасху в Чакапуре и Ормузе Афанасию не помешало отсутствие украденных на Каспии книг.

Следует обратить внимание на один из «флэшбеков» в повествовании Афанасия, представляющий весьма важным. Это следующая за сообщением о возвращении из Парвата lamentация Афанасия об утраченных книгах. Афанасий пишет: «...а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и ихъ взяли» (Л., л. 449об.). Иными словами, если слова про зиму в Джуннаре еще можно с натяжкой интерпретировать как относящиеся, например, к произвольному сообществу купцов, то книги из Руси везли остающиеся нам неизвестными «мы» — Афанасий со спутниками. При этом Афанасий ставит себя в центр этой группы. То есть речь, несомненно, не идет о случайных попутчиках.

Получается, что и обращение Афанасия к Василию Папину за помощью для его спутников в Дербенте мотивировано тем, что это *его* спутники, и, таким образом, нет необходимости считать, что какие-то купцы признают Афанасия «старшим» [Водовозов 1955: 10; Семенов 1980: 54].

Двигаясь вдоль пути Афанасия в обратном направлении, отметим еще несколько событий.

Афанасий сообщает, что на разграбленном меньшем судне, кроме его имущества, находились коровы и корм (Л., л. 443). Поскольку коров, очевидно, везли как источник пищи, то лексема «корм», похоже, употреблена здесь не в узком значении «провиант», а в значении «назначенное содержание», «довольствие» [Срезневский, 1: 1408–1409; СРЯ XI–XVII, 7: 316; СДРЯ XI–XIV, 4: 371], что может обозначать и съестные припасы, но предполагает, что есть кто-то, кто снабдил ими Афанасия и его спутников, для достижения какой-то цели.

Еще чуть ранее, почувствовав угрозу, Афанасий под Астраханью переходит со *своего* судна на судно Хасан-бека: «И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими» (Л., л. 442об.—443)⁹. Судя по тому, что на судне у посла ширваншаха оказалось «десять русаков» (Л., л. 443), они-то и были *товарищами* Афанасия — «участниками», как объясняет это слово И. И. Срезневский, приводя именно этот пример из «Хожения» [Срезневский, 3: 969]. Если считать, что Афанасий — купец, то благоволение Хасан-бека к нему и его товарищам поистине удивительно.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, как Афанасий описывает свое пребывание в Нижнем Новгороде: «А Василей Папин проехал мимо город две недели, и яз ждал в Новегороде в Нижнем две недели посла татарского ширваншина Асанбега, а ехал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто» (Л., л. 442об.).

⁹ Ср.: «Примечательно, что Никитин ни до Нижнего Новгорода, ни после описывая свои приключения, ни разу не упоминает тех, кто, казалось бы, должен был неотступно следовать за ним по всем дорогам, то есть слуг, приказчиков...» [Кистерев 2003: 14].

Упоминание посольства Василия Папина¹⁰ может быть оправдано как ретроспективно — Афанасий бьет ему челом в Дербенте, — так и значительностью миссии. Очевидно, 90 кречетов требовали немалого числа сопровождающих груз сокольников, а присоединение к большому посольству обеспечивало бы путешественникам и большую безопасность. При этом следующая часть сообщения — об ожидании Хасан-бека — заставляет полагать, что Афанасий изначально планировал присоединиться к его посольству, если этого не получится с посольством Василия Папина. Тогда чуть менее странно выглядит переход Афанасия со спутниками на корабль ширванского посла.

Понятно, что и Василий Папин, и Хасан-бек шли из Москвы по Москве-реке и Оке, дождавшись, когда пройдет лед¹¹, который на Верхней Волге должен был держаться непредсказуемо дольше. Заранее рассчитать свое прибытие в Нижний Новгород, Афанасий не мог, тем более что путь из Твери был длиннее, а по дороге ему нужно было пересекать границы уделов и областей, и, судя по его сообщениям в записках, Афанасий мог опасаться, что его не везде будут пропускать «добровольно» (Л., л. 442об.)¹².

Но едва ли Афанасий должен был знать о предполагаемой миссии Василия Папина или о возвращении в Шемаху посольства Хасан-бека, если бы не был тесно связан с Москвой. Этим, как кажется, подкрепляется предположение А. Г. Боброва [Бобров 2022: 130], поддержанное, в частности, А. М. Введенским [Введенский 2023: 80], о том, что Афанасий сначала из Москвы отправляется в Тверь и 29 марта 1467 г.¹³ встречает Пасху в Клину.

В любом случае Афанасий отправляется из Твери с началом судоходства по Волге, и, вероятно, можно предположить хронологию его начального пути. Так, Афанасий сообщает: «...приидох в монастырь Кольязин ко святей Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису

¹⁰ Имя великокняжеского посла и известно лишь по упоминанию в записках Афанасия и в сверхкратком предисловии книжника XV в. к ним в Львовской летописи (Л., л. 442). При этом Папин, очевидно, — патроним от имени Папа, которое нередко встречается в русских месящесловах под 16 марта, когда на Руси праздновалась память св. Папы Ларандского [Лосева 2001: 292]. Фамильное прозвище посла остается неизвестным.

¹¹ Кажется, с тем, что Афанасий отправляется в путь весной, никто не спорит, а, напротив, все пишут об этом, как об очевидном факте; см., например: [Городилин 2022: 169].

¹² Так, Углич был в то время столицей удельного князя Андрея Васильевича Большого, а Плес сохранял еще функции пограничного с Нижегородским княжеством укрепления.

¹³ С. В. Городилин весьма убедительно доказывает, что начало путешествия Афанасия следует датировать именно этим годом [Городилин 2022].

и Глебу и у игумена ся благословив у Макария и у святыа братии» (Л., л. 442–442об.). Действительно во множестве документов обитель называется «дом Живоначальные Троицы и святых страстотерпцев Бориса и Глеба» [Кистерев, Тимошина 2007: 30–36, 38, 44, 47, 49–50, 51], поскольку Троицкая церковь, построенная в монастыре святым Макарием, имела придел во имя святых Бориса и Глеба. Выбор такого посвящения произошел, вероятно, не без участия — прямого или косвенного — тверского великого князя Бориса Александровича, бывшего одним из первых ктиторов обители¹⁴.

Пустившись в путь после того, как Волга очистилась ото льда¹⁵, Афанасий, пройдя по воде чуть более 200 км, вполне мог оказаться в Калязинском Троицком монастыре на престольный праздник: память Перенесения мощей Бориса и Глеба отмечается 2 мая. Примечательно, что в этот же день Церковь празднует память святого Афанасия Александрийского [Лосева 2001: 329–330] — небесного покровителя Афанасия Никитина. Для благочестивого христианина это сугубый повод получить благословение.

Однако, как заметил А. Г. Бобров, Троицкий монастырь в Калязине особо отмечается в записках Афанасия еще и потому, что настоятель монастыря, преподобный Макарий Калязинский, — старший брат тверского епископа Геннадия, провожавшего Афанасия из Твери. Оба происходят из кашинских бояр Кожиных, как и их племянник св. Паисий Угличский, чья мать приходилась им родной сестрой, который за год до начала странствий Афанасия основал в Угличе свой монастырь [Бобров 2022: 131–132]. Замечу только, что акцент, сделанный Афанасием на остановке в Калязине, предполагает, кажется, что адресату записок должен был быть понятен имплицитный смысл этого сообщения.

Из Твери Афанасий уходит не только «от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыкы Генадия Тверскаго», но и от Бориса Захарьича (Л., л. 442), в котором без сомнения опознается воевода Борис Захарьевич Бороздин — представитель еще одного кашинского боярского рода, игравшего заметную роль в Тверском, а потом и Московском великом княжестве. Упоминание же Афанасием Бориса Захарьевича Бороздина без родового имени или иных пояснений означает, что эта фигура, с точки зрения автора записок, в пояснениях не нуждается.

¹⁴ Копия вкладной грамоты великого князя Бориса Александровича Троицкому Калязину монастырю на монастырь Николы-на-Жабне: РГАДА. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 7.

¹⁵ По данным наблюдений XX в., Волга очищалась от льда не ранее 1 и не позднее 30 апреля [Цыганов 2018: 52], что для XV столетия соответствовало бы периоду с 23 марта по 19 апреля по Иулианскому календарю.

Бояре Бороздины, несомненно, были весьма влиятельным семейством в Тверском княжестве и не потерялись затем в Москве [Зимин 1988: 261–264]. Отец Бориса Бороздина Захария Иванович известен как персонаж Чуда преподобного Сергия Радонежского «О некоем вельможе тверском, о Захарии», отраженном в Житии и иконографии святого [Кочетков 1981]¹⁶. О том, как Захария Иванович уговаривал Макария Калязинского принять священство, рассказывает Волоколамский патерик, записанный Досифеем Топорковым со слов Иосифа Волоцкого: «Также и сродници его, — Захария, Бороздинъ прозваниемъ, и инии вси его сродници, — едва увѣщаша его прияти священство, яко достойна суща» [Волоколамский патерик: 93]. Впрочем, в каком именно родстве состояли бояре Кожины с боярами Бороздинами, кажется, неизвестно.

Традиционно считается, что Братом Захарии Бороздина был преподобный Савва Вишерский, канонизированный в 1549 г. [Голубинский 1903: 96]¹⁷. Родной брат Бориса Захарьевича Семен в 1461 г. сопровождает в Москву на епископскую хиротонию Геннадия Кожина [Тверская летопись: 496].

Сам Борис Захарьевич, начав свою деятельность при великом князе Тверском Борисе Александровиче, отметился во время «московской замятни», приведя тверское войско на помощь Василию Темному. Впоследствии Борис Захарьевич и вовсе переходит к Ивану III на службу. Его дети Иван, Василий и Петр и другие Бороздины также переходят на службу в Москву, что хорошо отражено в источниках [Разрядная книга: 21 passium]. При этом и через поколение один из Бороздиных — Петр Иванович Житов-Бороздин — все еще пишется тверским боярином [Разрядная книга: 112].

Итак, весной 1467 г. воевода тверского князя Борис Захарьевич со своим сродником епископом Геннадием Тверским провожали Афанасия Никитина, отправлявшегося вниз по Волге в сторону обители их брата и сродника преподобного Макария Калязинского, а затем — их сродника и племянника преподобного Паисия Угличского.

Я бы сказал, что в целом это больше похоже на расставание с родственником, отправляющимся в рискованное путешествие, чем на прощанье купца, какая бы миссия ни была ему поручена.

Если же допустить, что Афанасий Никитин происходит из близкого к Бороздинам или Кожинам боярского рода, то многие перечисленные выше странности повествования получают объяснение. Оправданным оказывается его знание о посольстве Василия Папина и о возвращении

¹⁶ Считается, что заказчиком образа мог выступать дмитровский князь Юрий Иванович, сын Ивана III, и отбор сюжетов для житийных клейм косвенно свидетельствует об устойчивой позиции Бороздиных и при московском дворе.

¹⁷ См., впрочем: [Казаков 2022].

посольства Хасан-бека в Ширван, его пребывание на судне посла и ходатайство за ограбленных на море путешественников, несомненное наличие спутников, сопровождавших Афанасия, баснословный выкуп, который готов назначить за его голову Асад-хан в Джуннаре, и заступничество хорасанца Махмета.

Для купца — не для боярина — удивительно отсутствие упоминаний о ценах на индийские товары (если не считать драгоценные камни и блудниц) и о торговых операциях вообще. Удивительно, если не предполагать, что Афанасий был связан с Москвой, почему купцы и решают привезти записки дьяку Василию Мамыреву. Наконец, вдвойне удивительны для купца развитая саморефлексия и прекрасное владение церковнославянским языком, позволяющие создать абсолютно свободный, разнообразный и лишенный какого бы то ни было косноязычия нарратив.

Если Афанасий — купец, то не имевший себе подобных.

Но, возможно, составитель «Сухановского» извода записок не ошибался, написав, что «некто именем Афонасей Никитин сынъ тверитинъ *ходил с послы* [выделено мной. — А. Л.] от великаго князя Московскаго Ивана, и от великаго князя Михайла Борисовича Тверскаго, и от владыкы Тверскаго Генадия за море» [Хождение 1986: 32]. Роль посла вполне подходит тверскому боярину на московской службе.

В 1476 г. из Твери на московскую службу переходят два брата Иван Жито и Григорий Бороздины [Симеоновская летопись: 252] — двоюродные братья Бориса Захарьевича, сыновья его дяди Никиты Ивановича Бороздина.

Возможно, родные братья Афанасия Никитина.

Сокращенные названия древлехранилищ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия)

Библиография

Источники

Волоколамский патерик

Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик, Волоколамский патерик, Москва, 1999.

Голубинский 1903

Голубинский Е. Е., *История канонизации святых в Русской Церкви*, Москва, 1903.

Кистерев, Тимошина, 2007

Кистерев С. Н., Тимошина Л. А., сост., *Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в.*, Москва, С.-Петербург, 2007.

Львовская летопись

Полное собрание русских летописей, 20, половина 1: Львовская летопись, С.-Петербург, 1910.

Минаев 1881

Минаев И. П., *Старая Индия: Заметки на Хожение за три моря Афанасия Никитина*, С.-Петербург, 1881.

Разрядная книга

Разрядная книга 1475–1605 гг., 1, 1, Савич Н. Г., сост., Москва, 1977.

Симеоновская летопись

Полное собрание русских летописей, 18: Симеоновская летопись, С.-Петербург, 1913.

Тверская летопись

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией, 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, С.-Петербург, 1863.

Хожение 1986

Хожение за три моря Афанасия Никитина, Лурье Я. С., Семенов Л. С., подг., Ленинград, 1986.

Ferishta 1829

Ferishta M. K., *History of the rise of the Mahomedan power in India, till the year A.D. 1612*, Briggs J., transl., 2, London, 1829.

Словари

СДРЯ XI–XIV, 1–...

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–..., Москва, 1991–...

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

СРЯ XI–XVII, 1–...

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–..., Москва, 1975–...

Литература

Бобров 2017

Бобров А. Г., Что искал в Индии Афанасий Никитин, *Rossica Antiqua*, 2, 2017, 124–143.

Бобров 2022

Бобров А. Г., Спорные вопросы изучения «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, *Летняя школа по русской литературе*, 18/2, 2022, 127–156.

Введенский 2023

Введенский А. М., Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд, *Slov ne*, 12/2, 2023, 72–82.

Водовозов 1955

Водовозов Н. В., *Записки Афанасия Никитина об Индии XV века*, Москва, 1955.

Городилин 2022

Городилин С. В., Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин, *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*, 14, Тверь, 2022, 155–174.

Зимин 1988

Зимин А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.*, Москва, 1988.

Казаков 2022

Казаков А. А., Савва Вишерский или Савва Бороздин? (О казусах средневековых биографий), *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей*, Москва, 2022, 10–17.

Кистерев 2003

Кистерев С. Н., Афанасий Никитин и его «Хождение» на Руси, *Хождение за три моря Афанасия Никитина*, Тверь, 2003, 9–40.

Кочетков 1981

Кочетков И. А., Житийная икона Сергия Радонежского из собрания Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, *Древнерусское искусство XV–XVII веков. Сборник статей*, Москва, 1981, 97–107.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Семенов 1980

Семенов Л. С., *Путешествие Афанасия Никитина*, Москва, 1980.

Цыганов 2018

Цыганов А. А., *Очерки по физической географии Твери: Монография*, Тверь, 2018.

Kempgen 2010

Kempgen S., 'Čebokar' und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins, *Wiener Slawistischer Almanach*, 65, 2010, 23–51.

References

Bobrov A. G., What was Afanasy Nikitin looking for in India?, *Rossica Antiqua*, 2, 2017, 124–143.

Bobrov A. G., Debatable Issues of Study "The Voyage Beyond Three Seas" by Afanasy Nikitin, *Letniiaia shkola po russkoi literature*, 18/2, 2022, 127–156.

Gorodilin S. V., Tsarevich Kasym, kniaz' Aleksandr Fedorovich i Afanasij Nikitin, *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*, 14, Tver, 2022, 155–174.

Kazakov A. A., Savva Visherskii ili Savva Borozdin? (O kazusakh srednevekovykh biografii), *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 21 veka: problemy, diskussii, novye vzgliady. Sbornik statei*, Moscow, 2022, 10–17.

Kempgen S., 'Čebokar' und die persische Reise-route Afanasij Nikitins, *Wiener Slawistischer Almanach*, 65, 2010, 23–51.

Kisterev S. N., Afanasij Nikitin i ego "Khozhenie" na Rusi, *Khozhenie za tri moria Afanasii Nikitina*, Tver, 2003, 9–40.

Kochetkov I. A., Zhitiinaia ikona Sergiia Radonezhskogo iz sobraniia Muzeia drevnerusskogo iskusstva imeni Andreia Rubleva, *Drevnerusskoe iskusstvo 15–17 vekov*, Moscow, 1981, 97–107.

Loseva O. V., *Russkie mesiatsestory 11–14 vekov*, Moscow, 2001.

Semenov L. S., *Puteshestvie Afanasii Nikitina*, Moscow, 1980.

Tsyganov A. A. *Ocherki po fizicheskoi geografii Tveri: Monografiia*, Tver, 2018.

Vodovozov N. V., *Zapiski Afanasii Nikitina ob Indii 15 veka*, Moscow, 1955.

Vvedenskiy A. M., Dating of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas: A Fresh Approach, *Slověne*, 12/2, 2023, 72–82.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine 15 – pervoi treti 16 v.*, Moscow, 1988.

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук,
доцент Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории лингвосемиотических исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
allifshits@gmail.com

Received March 11, 2024

Как выглядел
оригинальный
комплекс сочинений
Ивана Пересветова?
К истории одной
редактуры

What was the
Composition of the
Original Corpus of Ivan
Peresvetov's Works?
Tracing the History of
One Modified Version

Герман Гарегинович Бароян

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

German G. Baroian

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье исследуется вопрос о том, какой вариант «Повести об основании и взятии Царьграда» читался в оригинале так называемого «Сборника» Ивана Пересветова. Оспаривая гипотезу А. А. Зимина, согласно которой Пересветов составил «особую» редакцию «Повести», автор доказывает, что изначально в «Сборнике» содержалась ее «обыкновенная» младшая редакция, которая лишь в XVII в. подверглась переработке. Этот вывод, сделанный на основе текстологического сравнения нескольких списков «Сборника», дополнительно аргументируется результатами анализа грамматических характеристик текста «особой» редакции «Повести». Автор приходит к заключению, что текст «особой» редакции отразил характерную для XVII в. тенденцию к «упрощению» языка. Результаты исследования также косвенно указывают на то, что «Неполная» редакция «Сборника» Пересветова

Цитирование: Бароян Г. Г. Как выглядел оригинальный комплекс сочинений Ивана Пересветова? К истории одной редакции // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 313–341.

Citation: Baroian G. G. (2025) What was the Composition of the Original Corpus of Ivan Peresvetov's Works? Tracing the History of One Modified Version. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 313–341.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.11

лучше передает исходный текст, тогда как «Полная» редакция, которой отдавал предпочтение Зимин, представляет собой его позднюю адаптацию. Это переосмысление позволяет по-новому взглянуть на рецепцию и культурную роль сочинений Пересветова в XVII в.

Ключевые слова

Иван Пересветов, «Повесть об основании и взятии Царьграда», книжность XVI–XVII вв., текстология, гибридные тексты

Abstract

The author examines which version of *The Tale on the Taking of Tsargrad* was included in the original *Sbornik* (i.e. Miscellany) by Ivan Peresvetov. Challenging A. A. Zimin's hypothesis that Peresvetov created a "special" late redaction of the *Tale*, the author demonstrates that the original *Sbornik* contained its "ordinary" late redaction, which was later reworked only in the 17th century. This conclusion, drawn from a textual comparison of several copies of the *Sbornik*, is further supported by an analysis of the grammatical features of the "special" redaction of the *Tale*. The author argues that the text of the "special" redaction reflects the 17th-century trend toward linguistic "simplification". The findings also suggest that the "Incomplete" redaction of Peresvetov's *Sbornik* better preserves the original text, whereas the "Complete" redaction, which Zimin favored, represents a later adaptation. This reinterpretation offers new insights into the reception and cultural significance of Peresvetov's works in the 17th century.

Keywords

Ivan Peresvetov, The Tale on the Taking of Tsargrad, literary culture of the 16th–17th centuries, textual criticism, hybrid texts

Иван Пересветов — оригинальный и загадочный мыслитель середины XVI в., о жизни которого известно крайне мало. Поскольку большинство биографических сведений о Пересветове (переезд в Москву из Литвы, военная служба у польского, чешского и венгерского королей, а также молдавского господаря, приезд ко двору Ивана Грозного и попытка представить ему свои сочинения) содержится в его же собственных сочинениях, исследователи со времен Н. М. Карамзина и вплоть до наших дней высказывают сомнения в историчности этой фигуры и правдоподобности его сообщений¹. Дополнительные вопросы вызывает тот факт, что до нас не дошло ни одного списка сочинений

¹ Д. Н. Альшиц [1990: 247–251; 2009: 267–271] приписывал сочинения Пересветова Алексею Адашеву, Петру Губастому и самому Ивану Грозному, однако его аргументы едва ли выдерживают критику. Опровержение некоторых доводов Альшица можно найти в [Каравашкин 2000: 85–94]. К. Ю. Ерусалимский [2011; 2018: 176–184] отождествил фигуру Ивана Пересветова с Иваном Федоровым.

Пересветова XVI в. — практически все они принадлежат следующему столетию, а некоторые датируются первой половиной XVIII в. Первые надежно задокументированные случаи обращения к сочинениям Пересветова в книжной традиции — это включение их в состав Хронографа редакции 1617 г. и Троицкой редакции Никоновской летописи 1630-х гг.

В середине XX в. А. А. Зимин, опиравшийся в свою очередь на дореволюционные работы В. Ф. Ржиги, подготовил подробное текстологическое исследование пересветовских сочинений и издал их [Сочинения 1956; Ржига 1908]. Согласно реконструкции Ржиги–Зимина, Иван Пересветов — это действительно существовавший автор ряда сочинений о сильной царской власти, которые были объединены в «Сборник» и поданы Ивану Грозному около 1549 г. Для составления своего «Сборника» Пересветов обратился к популярной в тот момент «Повести об основании и взятии Царьграда» младшей редакции, известной по Никоновской и Воскресенской летописям, а также по заключительным статьям Хронографа 1512 г.² Согласно Зимину, Пересветов существенно отредактировал «Повесть» и написал для нее продолжение, в котором рассказывалась вымышленная история о жизни на завоеванных турками землях после 1453 г. Захвативший Константинополь Магмет-салтан, обогатившись христианской мудростью благодаря знакомству с греческими книгами, начал наводить порядок: боролся со злоупотреблениями всесильных вельмож, организовал справедливый суд и поддерживал «воиников», готовых сражаться за своего правителя. После этого Пересветов, недвусмысленно намекая царю на необходимость присмотреться к турецкому опыту, излагал собственные взгляды на то, как должна быть устроена власть в Московском царстве. Полнее всего эти идеи отразились в «Большой челобитной», также вошедшей в состав пересветовского «Сборника».

Дальнейшая судьба пересветовских сочинений представлялась Зимину следующим образом. После гипотетической встречи их автора с Иваном IV они осели в царском архиве и потому никак не отразились

² Младшая редакция «Повести об основании и взятии Царьграда» известна в литературе также как «хронографическая», поскольку главный исследователь этого памятника М. Н. Сперанский [1956: 197, 200, 211] считал, что она появилась во время составления Хронографа первой редакции (вернее, так называемой «редакции 1533 г.» — Сперанский опирался на шахматовскую реконструкцию текста Хронографа, на сегодняшний день устаревшую). При этом наше исследование текстов «Повести», которые читаются в Никоновской и Воскресенской летописях, а также конволюте БАН, Арх. Д. 193, показало, что указанные источники отражают более близкий к архетипному тексту вариант младшей редакции. В связи с этим мы считаем более корректным вернуться к предложенному М. О. Скрипилем [1954] делению на старшую и младшую редакции «Повести».

в литературной традиции XVI в. Ситуация, согласно версии исследователя, изменилась в следующем столетии, когда в ходе событий Смутного времени «хранила царские» были разграблены. Сочинения Пересветова оказались в той части архива, которая отошла Посольскому приказу [Цеменкова 2015: 30–33]. При этом оригинал «Сборника», скорее всего, был уничтожен пожаром в архиве Посольского приказа в 1626 г., однако к этому моменту сочинения Пересветова уже стали проникать в книжную традицию и потому сохранились в более поздних списках [Зимин 1958: 250–251, 268–272]. Эти списки Зимин разделил на две большие редакции — Полную и Неполную. Первая запечатлела довольно устойчивый состав сочинений Пересветова, а также пять фраз, которые отсутствовали во всех списках Неполной редакции. К тому же именно в списках Полной редакции «Сборника» читалась «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда», которую Зимин связывал с именем Пересветова и которая была создана на основе «обыкновенной» младшей, но отличалась от нее отсутствием двух молитв, отдельными расширениями текста и использованием менее книжных глагольных форм (в дальнейшем для разграничения «особой» редакции «Повести об основании и взятии Царьграда» с той, что читается в летописях и заключительных статьях Хронографа 1512 г., мы будем называть последнюю «обыкновенной» младшей редакцией «Повести»). Зимин считал, что Полная редакция «Сборника» Пересветова, представленная девятью списками и в шести из них содержащая «особую» редакцию «Повести об основании и взятии Царьграда», лучше отражает оригинал пересветовского комплекса.

В рамках Неполной редакции «Сборника» Пересветова исследователь выделил два извода — Барсовско-Никоновский и Сокращенный (первый представлен в том числе Троицкой редакцией Никоновской летописи 1630-х гг.). Объединяло их отсутствие тех самых пяти фраз, наличествующих в списках Полной редакции «Сборника», — это позволяло возвести их к одному протографу. При этом каждый из изводов отразил разный набор сочинений Пересветова и потому представлялся Зимину как бы «неполноценным». Хронографический извод сочинений Пересветова (который читается в составе Хронографа 1617 г.) Зимин рассматривал как отдельный вид, который восходит то ли к ранним спискам Неполной редакции «Сборника», то ли непосредственно к его оригиналу.

После Зимина к вопросу о реконструкции оригинала пересветовского «Сборника» в литературе фактически не возвращались, между тем некоторые утверждения советского медиевиста остаются гипотетическими, а иные вызывают сомнения в свете новых историографических

данных³. Занимаясь изучением рецепции пересветовских сочинений в XVII в., мы также оказались перед необходимостью прояснить вопрос, на что же, собственно, опирались первые переписчики и редакторы пересветовского «Сборника» и как он изначально выглядел. Разделяя мнение Зимина об авторстве оригинальных сочинений пересветовского комплекса, мы, однако, обнаружили некоторые данные, свидетельствующие против предположения о том, что в его исходном виде читалась «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда». Анализируя эту редакцию, Зимин пришел к выводу, что ее составитель намеренно «секуляризовал» имевшийся у него вариант «обыкновенной» младшей редакции «Повести», и на этом основании связал ее появление с Пересветовым, который, по мысли советского исследователя, «был чужд официальной церковности» и проводил сознательную редактуру исходного текста [Зимин 1958: 257]. Это последнее утверждение кажется нам идеологически нагруженным и редукционистским: изъятие из текста двух молитв могло диктоваться самыми разными соображениями, а использование более «простого» языка по сравнению с церковнославянским уж точно не означает сознательного отхода от «церковности». Более того, как мы попытаемся продемонстрировать в настоящей работе, характер редакции «Повести» едва ли позволяет связывать внесенные в текст изменения с автором середины XVI в.

Наконец, нам кажется продуктивным на новом этапе изучения литературного наследия Пересветова отказаться от деления его творчества на отдельные «сочинения», как это сделал Зимин, поскольку в самих рукописях этих разграничений чаще всего нет: пересветовский комплекс обычно переписывался как цельный текст. Пересчитывая эти «сочинения», Зимин приходил к выводу о большей «полноценности» Полной редакции пересветовского «Сборника» по сравнению с Неполной и отчасти поэтому был вынужден связывать первую с именем

³ Так, например, Зимин считал, что и составитель Хронографа 1617 г., и составитель Троицкой редакции Никоновской летописи были близки Посольскому приказу и знакомы с сочинениями Пересветова непосредственно по ведомственному архиву, однако эта точка зрения вызывает сомнения. Серьезных доказательств в пользу того, что составитель Хронографа 1617 г. принадлежал посольской среде, на сегодняшний день не существует. В литературе высказывались аргументы в пользу того, что по крайней мере автор русских статей Хронографа 1617 г. мог принадлежать столичному духовенству [Солодкин 1997: 87–95]. С Троицкой редакцией Никоновской летописи дело обстоит еще определеннее. Б. М. Клосс [1980: 266–269] обосновал, что она была составлена в Троицком монастыре. Зимин названия «Троицкая» не использовал и считал, что эта редакция возникла вместе с Новым летописцем в 1630 г. Отсюда и его уверенность в том, что сочинения Пересветова попали в состав летописи непосредственно из Посольского приказа: вслед за Л. В. Черепниным Зимин полагал, что составитель Нового летописца опирался на документы Посольского архива. О проблематичности построений Черепнина см. [Вовина-Лебедева 2004: 196–210].

Пересветова. Напомним, что именно в списках Полной редакции читается «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда».

В настоящей работе мы намерены предложить альтернативный взгляд на вопрос о том, как исходно выглядела начальная часть «Сборника» Пересветова, а соответственно, и на соотношение Полной и Неполной его редакций, что в свою очередь позволит по-новому взглянуть на судьбу и культурную роль этого текста в XVII в.

Каким источником пользовались составители Хронографа 1617 г. и Троицкой редакции Никоновской летописи?

Мы уже обратили внимание, что наиболее ранние примеры взаимодействия редакторов XVII в. с пересветовским сочинениями — это включение их в состав Хронографа 1617 г. и Троицкой редакции Никоновской летописи⁴. При этом довольно туманным остается вопрос, как выглядел пересветовский «Сборник», которым пользовались составители этих сочинений. В первую очередь речь идет о том, какой вариант «Повести об основании и взятии Царьграда» читался в их источнике и в целом в архетипном тексте Неполной редакции «Сборника», к которому восходят пересветовские сочинения в составе Хронографа 1617 г. и списках Троицкой редакции Никоновской летописи. (Другой признак, позволяющий различить Полную и Неполную редакции «Сборника» — это

⁴ Два наиболее древних списка Полной редакции «Сборника» — Муз. 4469 и БАН, 33.7.11 — датируются по филиграмм 1630–1640-ми гг. Филиграммы на бумаге первого сборника: л. 2–7, 506–647 — герб с литерами неопознанного рисунка, найти соответствия в альбомах не удалось; л. 19–98, 146–191, 199, 221–222, 227–232 — герб, типа Heawood (1617 г.); л. 252–269, 354–358, 455–459 — герб, идентифицировать из-за плохой видимости не представляется возможным; л. 121–144, 194, 208–219, 224, 283–338, 375–409, 425–446, 470–504 — рог изобилия, подобна Дианова, Костюхина № 1128 (1626 г.); л. 605–635, 649–650 — столбы, подобна Дианова, Костюхина № 1184 (1645 г.). БАН, 33.7.11 представляет собой сборник-конволют, состоящий из восьми рукописей. Шестая рукопись, в которой читаются сочинения Пересветова, филиграней не имеет, но все окружающие ее рукописи, как и оглавление, в котором указана ссылка на пересветовский комплекс, относятся к названным датам. Филиграммы первой рукописи: л. 4–17 — кувшин, подобна Дианова № 156 (1619 и 1621 гг.); л. 22–25 — крепостные ворота, близка Дианова, Костюхина № 31 (1658 г.). Филиграммы второй рукописи: л. 31–48 — ваза, типа Дианова, Костюхина № 761 (1621 г.); л. 55–56 — кувшин, близка Дианова № 449 (1630 г.); л. 62–65 — кувшин, близка Дианова № 420 (1630 г.). Филиграммы третьей рукописи: л. 76–91 — виноградная лоза, типа Дианова, Костюхина № 102 (1639 г.). Филиграммы четвертой рукописи: л. 113–158 — кувшин, близка Дианова № 274 (1635–1636 и 1639–1640 гг.); л. 161–178 — рожок, типа Дианова, Костюхина № 1163 (1642 г.); л. 168–173 — ваза, подобна Дианова № 513 (1636–1637 гг.). Филиграммы пятой рукописи: л. 179–185, 200–201 — ваза, близка Дианова № 528 (1630 и 1631 гг.); л. 186–193 — ваза неизвестного рисунка, аналога найти в альбомах не удалось; л. 194–195, 202–216 — кувшин, близка Дианова № 449 (1630 г.). Та же бумага есть во второй рукописи. Не все листы в указанных диапазонах имеют филиграммы. См: [Heawood 1950; Дианова, Костюхина 1988; Дианова 1989].

пять упомянутых фраз в оригинальных пересветовских сочинениях. Про них мы отдельно скажем ниже⁵.)

Списки Сокращенного извода (в терминах Зимина) Неполной редакции дают довольно противоречивые данные: в протографе Погодинского вида вместо «Повести» помещается ее краткая переделка, в списке Оболенского — эта же переделка, а также «Повесть» некоей «промежуточной» редакции между «особой» и «обыкновенной» младшей (с точки зрения Зимина, она возникла в результате правки списка «особой» редакции «Повести» по Никоновской летописи; эта гипотеза кажется нам правдоподобной).

Однако более всего нас заинтересовала ситуация с Хронографом 1617 г. и Барсовско-Никоновским изводом. Составитель Хронографа 1617 г. сильно сократил и отредактировал имевшийся у него текст, прибегая в основном к вольному пересказу своего источника, что было для него довольно привычной стратегией работы [Творогов 1971]. Тем не менее, подробно сличив тексты Хронографа, «особой» и «обыкновенной» младшей редакции «Повести о взятии Царьграда» (история об основании Царьграда не вошла в состав Хронографа), мы пришли к выводу, что составитель Хронографа 1617 г. опирался именно на «обыкновенную» младшую редакцию «Повести». Об этом надежно свидетельствуют чтения, собранные в Таблице 1.

Таблица 1

Хронограф 1617 года по Егоровскому списку ⁶	«Обыкновенная» младшая редакция по Никоновской летописи, ПСРЛ, XII	«Особая» редакция по Музейному и Олонецкому спискам Полной редакции «Сборника» Пересветова (по изданию Зимина)
Что сотворим, видим бо гауров сих охрабравшихся против нас и тако борющеся с ними, не можем их одолети.	Видим убо , яко гаурове охрабришася на нас и тако бранящеся с ними, не можем их одолети, понеже о едином месте токмо братися	Видите ли убо , яко гаурев охрабришася на нас, и тако бранитися с ними, не можем и одолети их, понеже о едином токмо месте бранимся, о

⁵ В Троицкой редакции Никоновской летописи, как мы уже отмечали, представлен вариант оригинальных сочинений Пересветова Неполной редакции. В случае с Хронографом 1617 г. определить источник довольно трудно, поскольку его составитель существенно переработал имевшийся у него текст. Анализируя отдельные чтения, Зимин предположил, что он опирался то ли на один из ранних списков Неполной редакции, то ли вовсе на текст, близкий к архетипному. Как мы покажем далее, для нас здесь нет противоречия, поскольку с нашей точки зрения списки Неполной редакции лучше отражают оригинал «Сборника».

⁶ РГБ, ф. 98, № 220. Здесь и далее мы будем ссылаться на список Хронографа 1617 г. из Егоровского собрания РГБ. По Творогову [1970: 177], это один из списков группы А, лучше всего отражающей архетипный текст.

Хронограф 1617 года по Егоровскому списку ⁶	«Обыкновенная» младшая редакция по Никоновской летописи, ПСРЛ, XII	«Особая» редакция по Музейному и Олонецкому спискам Полной редакции «Сборника» Пересветова (по изданию Зимина)
Сотворим придвигнувше туры и лестицы многи, и разделивши по всем местом приступим к разрушенным местом (л. 440)	о разрушимом многими людьми невместно, а малыми людьми, и они премогают нас. Но да сотворим паки ягму, якоже и первие, придвигнувше туры и лестицы к стенам града на многия места и разделившимися гражаном по всем местом на сопротивление, абие приступим крепко к разрушиму месту (с. 90)	разрушенном, многими людьми нас невместно, а они малыми людьми нас премогают и тако одолевают нас. Но да сотворим паки ягму якоже и первие, прикатим туры и лестицы ко стенам града на многия места и разделятся гражане по всем стенам на сопротивление, и абие тогда приступим крепко к разрушиму месту (с. 136–137)
Магмет же, виде тму велию над градом, и возспроси книжники и волхвы свои . Они же речекоша: «Сие знамение граду погибель являет» (л. 441об.)	Магмет же окаанный, яко виде тму велию над градом, созва книжников своих и молн и вопросы их «что есть сия тма над градом?» И речекоша ему: «знамение велико есть и граду пагуба» (с. 94)	Безбожный же Магмет, яко виде тму над градом, знамение великое есть и граду пагуба (с. 142)
Множество бо турок пременяхуся на брань , гражаном же единым, и от многаго труда изнемогаху и падаху (л. 442)	Турком убо множеством многим суще, пременяхуся на брань , гражаном же всегда единым, от многаго труда изнемогаху и падаху (с. 95)	Турки же убиша их множеством многих, пременяющеся на брань , а гражане всегда едины, изнемогаху и падаху (с. 143)
Царь же поиде во врата, побываше многих, и не можаше проидти от многаго трупия . И паки стретоша его множество турков, сечахуся с ним до ноши. И тако пострада благочестивый царь Константин [...] убив своею рукою безбожных турков , яко же оставльшии сказаша, болшии ⁷ штисот (л. 442об.–442)	[Царь] поиде во врата, но не можаше проити от многаго трупия . И паки стретоша его множество турк и сечахуся с ним до ноши. И тако пострада благочестивый царь Константин [...] убив своею рукою , якоже оставшей сказаша, безбожных турк болма шестисот (с. 96)	[Царь] и поиде во врата и не можашу конь его проити от многа трупия . И паки стретоша его много множеством турков безчисленно и царь же сечахуся с ними до ноши. И тако пострада христолюбивый царь Константин Иванович [...] убив его ⁸ , якоже оставшие сказаша безбожному Магмету-салтану про убиенных турков от царя Константина болшии шестисот тысяч (с. 144–145)

⁷ Чтения отдельных слов, которые сближают текст Хронографа 1617 г. и «особую» редакцию «Повести» и выделены в таблице подчеркиванием, объясняются, на наш взгляд тем, что «особая» редакция восходит к оригиналу сочинений Пересветова, в котором при этом читался текст «обыкновенной» младшей редакции «Повести» с этими отдельными чтениями.

⁸ «Ею» в Музейном списке.

Хронограф 1617 года по Егоровскому списку ⁶	«Обыкновенная» младшая редакция по Никоновской летописи, ПСРЛ, XII	«Особая» редакция по Музейному и Олонецкому спискам Полной редакции «Сборника» Пересветова (по изданию Зимина)
И тако турки отидоша во станы свои (л. 439)	Турки убо отъидоша в свои станы (с. 84)	Турки убо отъидоша в своя страны (с. 128)
Бысть же у турок восточный воевода Бергар велик телом и мужествен (л. 442)	Бегиларбей же восточный велик бе телом и мужествен (с. 95)	Бегиларбей же безбожного Магмета богатырь восточный велик ростом и телом мужествен... (с. 143)
И тако крепко сечахуся с турки и до полунощи и едва <u>збиша</u> с забрал. И престала сечь, а от града не отступиша (л. 441–441об.)	И тако сечахуся с турки крепко и до полунощи и <u>согнаша</u> их с забрал и с градов их на землю. И преста сеча, а от града не отступиша (с. 93)	И тако сечахуся с турки крепко до полунощи, <u>согна</u> их с забрал градных и на землю <u>збиша</u> . И преста сеча, <u>окаянный</u> же Магмет от града не велел отступати (с. 140)
Уже и солнцу зашедшу, сеча же не престала, огни бо безчисленны безбожнии сотвориша, и сам Магмет по всем местам скача, понуждая своих, мняше бо уже пожрети град (л. 441)	И уже солнцу зашедшу, сеча же не преста, но огни безчисленны безбожний <u>сотворяше</u> , и сам скакаше по всем местом, крича и вопиая, <u>понуждаа</u> своих, чаяше уже пожрети град (с. 93)	И уже солнце зашло, сечаше же ся <u>непрестанно</u> , но огни безчисленны безбожнии <u>сотвориша</u> : а сам скакаше по всем станом, кричаху и вопияху, <u>понуждаху</u> людей <u>своих</u> , чающе уже пожрети град (с. 140)
Паши же и воеводы послаша к Магмету салтану глаголюще: «Аще не сам внидеши во град, не одолеешь града» (л. 443)	Ужасахуся паши, сензяк-бей же посла к салтану, глаголя «аще не сам внидеши во град, не одолен будет град» (с. 96)	И ужасошася от них паши. И сончак-бей ⁹ же посла к салтану, глаголя: «Аще не сам внидеши во град» (с. 145)

На «обыкновенную» младшую редакцию «Повести» опирался и составитель протографа Барсовского-Никоновского извода, про состав которого здесь нужно сказать несколько слов. Барсовско-Никоновский извод, согласно Зимину, распадается на два вида — Барсовский и Никоновский. Первый представлен двумя списками, текстуально очень близкими друг к другу вплоть до отдельных описок, — это сборник конца XVII в. *Барс. 1718* и список рубежа XVII–XVIII вв. *Тум. 1956*. Никоновский вид, который близок к Барсовскому по чтениям в сочинениях Пересветова, представлен, собственно, четырьмя списками Никоновской летописи Троицкой редакции¹⁰ и несколькими нелето-

⁹ «Сензян-бее» в Олонецком списке.

¹⁰ Списки этой редакции XVIII в., как установил Клосс [1980: 271–272], являются копиями названных списков XVII в.

писными списками, который восходят к ней. Однако два вида различаются составом: в списках Барсовского вида читается «Сказание о Константине», которое не вошло в летопись (и которое есть в списках Полной редакции). Это означает, что Барсовский вид нельзя возвести напрямую к Никоновской летописи и что у них был общий протограф. Так вот, судя по дошедшим до нас спискам Барсовского вида, в этом протографе читалась «Повесть о взятии Царьграда» «обыкновенной» младшей редакции.

Таким образом, принимая реконструкцию Зимина, мы должны были бы предполагать, что в какой-то момент бытования пересветовского комплекса «особая» редакция «Повести о взятии Царьграда», которая читается в составе Полной редакции и которую советский медиевист связывал с именем Пересветова, была заменена другой версией этого текста, как бы более «канонической» — из какого-то другого источника. Собственно, комментируя вопрос о «Повести» в составе Троицкой редакции Никоновской летописи, Зимин так и предположил: действительно, ее составителю вполне логично было опереться на тот текст, который и так уже читался в Никоновской летописи редакции XVI в. Теоретически теми же соображениями мог руководствоваться составитель Хронографа редакции 1617 г. (и как бы независимо прийти к тому же результату): как известно, одним из его основных источников был Хронограф редакции 1512 г., в заключительных статьях которого во многих списках читается «Повесть об основании и взятии Царьграда» «обыкновенной» младшей редакции. Однако эта реконструкция не учитывает того факта, что у Барсовского вида и Никоновской летописи был некий протограф, в котором также читалась «обыкновенная» младшая редакция «Повести», — и хронологически его появление предшествует составлению Троицкой редакции Никоновской летописи.

Барсовский список «Повести» и его совпадения
с Полной редакцией

Эти наблюдения заставили нас внимательнее вчитаться в текст Барсовского списка «Повести». Подробно изучив его, мы обнаружили множественные чтения, которые совпадают с «особой» редакцией «Повести» из Полной редакции «Сборника» Пересветова. В Таблице 2 мы собрали эти чтения. Поскольку, как правило, они представляют собой единичные слова, мы позволили себе привести довольно обширный список примеров: взятое в отдельности, каждое из них может показаться случайным и малонадежным совпадением, но в случайное совпадение более трех десятков чтений поверить гораздо труднее.

Таблица 2

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонецкому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
1	Константин [...] повеле размерити улицы и площади на римский обы- чай и так нача делати церкви бо- жия (л. 17об.)	Константин [...] по- веле размеривати улицы и площади на римския обы- чай и так нача де- лати церкви божия (с. 124–125)	Константин [...] повеле размерити улицы и площади на римский обы- чай и тако нача- ти делати церкви божия (с. 79; 126)	Константин [...] повеле размерити улицы и площади на римские обы- чай¹¹ и тако нача делати церкви божия (с. 79)
2	Царь [...] тако со- твори: посла из Ри- ма и от иных стран собрав достослав- ных велмож и ме- гистан и сановни- ком, со множеством людей ту их приве- де (л. 17об.–18)	Царь [...] тако со- творив из Рима и от иных стран со- брати достохвалных [мужей ¹²] великих и мегистанов, санов- ников и множество людей, и ту их при- веде (с. 125)	Царь [...] тако со- творив ¹³ : послав из Рима и от иных стран собрав до- стославных вел- можь и мегистан и сановников, со множеством лю- дей их, ту приве- де (с. 79; 126)	Царь [...] тако сотворив: послав из Рима и от иных стран со- брав достослав- ных велможь и мегистан и санов- ников, со множе- ством людей их, ту приведе (с. 79)
3	Днем же минув- шим, и паки царь с патриархом и со святители [...] со- твориша литею, молбы и молени- ем дающе хвалу и благодарение всемогущей и жи- вотворящей Трои- цы (л. 19об.–20)	Днем же минувшим, и паки царь с патри- ярхом и святители [...] сотвориша ли- тию, молбы и моле- ние, дающе хвалу богу и благодарение всемогущей и жи- вотворящей Трои- це¹⁴ (с. 125)	Днем же минув- шем, паки царь с патриархом и со святители [...] со- твориша литею, молбы и молением дающе хвалу и благодарение все- могущей и живо- начальной Трои- цы (с. 80; 127)	Днем же минув- шем, паки царь с патриархом и святители¹⁵ [...] со- твориша ли- тию, молбы и молением дающе хвалу и благода- рение всемогу- щей и живона- чальной Троицы (с. 80)
4	Имиже бога и пречи- стую его бого- матерь разгнева- ем (л. 22об.–23)	Мы же бога и пречи- стую его богоматерь разгневаем (с. 126)	Имиже бога и пречи- стую его матерь разгневаем (с. 80; 128)	Имиже бога и пречи- стую его матерь разгнева- ем (с. 128)

¹¹ В списках Н. А. и Т.¹² В квадратных скобках дано чтение Олонецкого списка, отсутствующее в Музейном.¹³ «Сотвори» в Воскресенской летописи.¹⁴ Ср. чтение в Вяземском списке Хронографа 1512 г.: «...дающе хвалу и благодарение всемогущей и животворящей и безначальной Троицы» [ПСРЛ, XXII, 1: 444].¹⁵ Списки Н. А. и Т.

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонецкому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
5	И паки расто- чи гордыа мысли сердца их и низ- ложи силныа с престол (л. 23)	Паче разточи гор- дыа мысли сердца их , низложи силныа со престол (с. 126)	И паки расточи гордыа мысли сер- дец их и низложи силныа с престол (с. 81; 128)	И паки расточи гордыа мысли сердца их и низ- ложи силныа с престол (с. 81)
6	И абие безбожный Магмет [...] при- шед внезапно град обступи с многи- ми людми (л. 23– 24об.)	И абие безбожный Магмет [...] пришед внезапу и град объ- ступи со многи[ми] ¹⁶ людми (с. 127)	И абие без- божный Магмет ¹⁷ [...] пришед вне- запу град обступи с многими силами (с. 83; 128)	И абие без- божный Магмет [...] пришед вне- запу град обсту- пи с многими си- лами (с. 83)
7	Той бог наш по- мощник и защити- тель есть (л. 29)	Той бог наш помощ- ник и защититель есть (с. 127)	Той бо наш по- мощник и защи- титель есть (с. 84; 129)	Той бо наш по- мощник и защи- титель есть (с. 84)
8	И бысть сеча зла и преужасна от пушечного бою и от пищального стуку (л. 31)	И бысть сеча зла и преужасна от пу- шечнаго бою и пищального стуку (с. 128)	И бысть сеча зла и преужасна от пушечнаго ¹⁸ и ¹⁹ пищального стуку (с. 84; 129)	И бысть сеча зла и преужасна от пушечнаю бо и пищального стуку (с. 84)
9	И от множества огня и стреляния пу[шек] ²⁰ и пи- щалей и от боих стран дымное курение , сгустив- ся и покры град (л. 31–31об.)	От множества ог- ненаго стреляния пушек и пищалей от обеих стран дым- ное курение , согу- стився, покры град (с. 128)	И ²¹ от множества огня и стреляния пушек и пищалей обоих стран дым- ное курение , сгу- стився ²² , покры град (с. 84; 129)	И от множества огня и стреляния пушек и пища- лей обоих стран дымное курение , сгустився, покры град (с. 84)
10	Турки же убо отидоша во своя страны (л. 31об.)	Турки убо отъидо- ша в своя страны (с. 128)	Турки убо отъидо- ша в свои ста- ны (с. 84; 130)	Турки убо отъидо- ша в свои ста- ны (с. 84)

¹⁶ В квадратных скобках дано чтение Олонецкого списка, отсутствующее в Музейном.

¹⁷ «Махмет» в Воскресенской летописи.

¹⁸ «Пушечнаго бо» в Воскресенской летописи.

¹⁹ «И от» в Воскресенской летописи.

²⁰ Неразборчиво.

²¹ «И» нет в Воскресенской летописи.

²² «Згустився» в Воскресенской летописи.

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонецкому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
11	И видеша полны рвы трупия мерт- вых, а иные в по- тоцех и на брезе (л. 32)	И видяше полны рвы трупия, а иные в по- тоцех и на брезех (с. 128)	И видеша пол- ны рвы трупия, а иные в потоце ²³ и на брезех ²⁴ (с. 84; 130)	И видеша полны рвы трупия, а иные в потоцех на брезех (с. 84)
12	Един токмо зе- новянин князь именем Застунея прииде ко царю Костянтину на помощь (л. 34об.)	Сие един толко зено- виянин князь имя- нем Зустунея поиде ко благоверному царю Константину на помощь (с. 129)	Един токмо зе- новианин князь именем Зустунея прииде ко ²⁵ царю на помощь (с. 85; 130)	Един токмо зено- вианин князь име- нем Застунея при- иде ко царю на помощь (с. 85)
13	И яко удариша по тому месту [...] и збиша со стены верху аки саженей с пят (л. 36об.)	Яко удариша по тому месту [...] и збиша с стены верх, аки саженей с пять (с. 130)	И яко удариша по тому месту [...] и збиша с ²⁶ стены сверху аки саже- ней пять (с. 85; 131)	И яко удариша по тому месту [...] и збиша сте- ны ²⁷ сверху аки саженей пять (с. 85)
14	Царь же непре- станно обязжаше по всему граду плачася и рыдая моля[с.. ²⁸] стра- тиг и всем людям (л. 38)	Царь же Констан- тин непрестанно объеждаше по все- му граду плача и рыдая, моляся стра- тигом своим и всем людям (с. 130)	Царь же непре- станно объезжа- ше ²⁹ по всему гра- ду плача и рыдаа моля стратиг ³⁰ и всех людей ³¹ (с. 86; 131)	Царь же непре- станно объезжа- ше по всему гра- ду плача и рыдаа моля стратиг и всех людей (с. 86)
15	И наполниша рвы трупия мертвых человек доверху (л. 39об.)	Наполнишася рвы трупия мертвых человек доверху (с. 131)	И наполнишася рвы трупия че- ловеча доверху ³² (с. 86; 131)	И наполнишася рвы трупия че- ловеча доверху (с. 86)

²³ «Потоцех» в Воскресенской летописи.

²⁴ «Брезе» в Воскресенской летописи.

²⁵ «Ко» нет в Воскресенской летописи.

²⁶ «С» нет в Воскресенской летописи.

²⁷ Списки Н. А. и Т.

²⁸ Неразборчиво.

²⁹ «Объеждаше» в Воскресенской летописи.

³⁰ «Стратига» в Воскресенской летописи.

³¹ «Людий» в Воскресенской летописи.

³² «Довръху» в Воскресенской летописи.

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонецкому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
16	Наутриа же царь повеле священником и диаконом собрати и погresti трупия мертвых , а кои бяху живы тех повеле раздати врачом (л. 40об.)	Царь же наутрие повеле священником и диаконом собрати трупия мертвых и погresti честно их, а кои еще живи бяху, тех повеле раздавати врачом (с. 131)	Наутриа же царь повеле священником и диаконом собрати и погresti трупиа , а иже еще бяху живы ³³ , тех повеле раздати ³⁴ врачом (с. 86; 131)	Наутриа же царь повеле священником и диаконом собрати и погresti трупиа , а иже еще бяху живы, тех повеле раздати врачом (с. 86)
17	Царь же с патриархом и весь священнический чин бяху молящися по всем церквам (л. 47)	Царь же Константин с патриархом и весь священнический чин бяху по всем церквам молящися (с. 133)	Царь же с патриархом и весь священный собор бяху по всем церквам молящися (с. 88; 133)	Царь же с патриархом и весь священный собор бяху по всем церквам молящися (с. 88)
18	Наутрии же паки видевше турки стену не заделану, вскоре наскочишася и бяхуся з греки (л. 53)	Наутриа же паки видеша же турки стену не заделану вскоре наскочиша и бяхуся со греки (с. 135)	Наутриа же, яко видеша турки стену не заделану, вскоре наскочиша и бяхуся с греки (с. 89; 134)	Наутриа же, яко видеша турки стену не заделану, вскоре наскочиша и бяхуся с греки (с. 89)
19	И вскоре нападоша на них множество их (л. 53)	И вскоре нападоша на них множество (с. 135)	И вскоре нападоша множество их (с. 89; 134)	И вскоре нападоша множество их (с. 89)
20	Се уже по вся дни непрестанно секущися с турки (л. 54)	Сие же по вся дни непрестанно секущися с турки (с. 135)	Се уже по вся дни непреренно секущися с турки (с. 89; 134)	Се уже по вся дни непреренно секущися с турки (с. 89)
21	Такو советующе мнозе на то уклоняхуся надеяху бо ся на царя зане ведаху цареву храбрость и силу его (л. 54об.)	Тако бо усоветова и мнози ту уклоняхуся бояря и страстиги надеяся на царя, занеже ведаю храбрость цареву и силу его (с. 135)	Тако убо советующе мнози на то ³⁵ укланяхуся ³⁶ , надеяху бо ся на царя, зане ведаху храбрость и силу его (с. 89; 134–135)	Тако убо советующе мнози на то укланяхуся, надеяху бо ся на царя, зане ведаху храбрость и силу его (с. 89)

³³ «Живи бяху» в Воскресенской летописи.³⁴ «Роздати» в Воскресенской летописи.³⁵ «Ту» в Воскресенской летописи.³⁶ «Уклоняхуся» в Воскресенской летописи.

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонекскому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
22	Наутрии же епарх Николай повеле гражданом избиен- ных турков выме- тати из града и за рвы метати на показание без- божным турком (л. 58)	Наутрия же епарх Никола повеле гра- жданом избиенных турков выметати из града вон за рвы на показание без- божным туркам (с. 136)	Наутрии ³⁷ же епарх Николай повеле гражда- ном ³⁸ избиенных турков вымета- ти из града и за рвы на показан- ие безбожному (с. 90; 135)	Наутрии же епарх Николай повеле граждани- ном избиенных турков выметати из гра- да и за рвы на показание без- божному (с. 90)
23	Стражие и течаху видети бывшего чааху турки за- жгоша град и вос- кричаше велиим гласом (л. 59об.)	Стражие градския течаху видети быв- шее чюдо, чааху бо турки зажгоша град и возкричаша вели- им гласом (с. 137)	Стражие течаху видети бывшее чааху бо турки зажгоша град и воскликаша велиим гласом (с. 90; 136)	Стражие течаху видети бывшее чааху бо турки зажгоша град и воскликаша велиим гласом (с. 90)
24	И собрався пла- мень во едино ме- сто пременился и бысть яко свет не- изреченный (л. 60)	И собрався пламень во едино место пре- менился и бысть яко свет неизреченный (с. 137)	И собрався пла- мень во едино пре- менился и бысть яко свет неизреченный (с. 90; 136)	И собрався пла- мень во едино пре- менился и бысть яко свет неизреченный (с. 90)
25	«Но дерзайте убо, чада дерзайте», гла- голаше, «на господа бога спаса на- шего упование воз- ложихом» (л. 63)	«Но дерзайте убо, чада, дерзайте», гла- голюще, «на господа бога и спаса нашего возложихом руце» (с. 138)	«Но дерзайте убо, чада дерзайте», гла- голаше ³⁹ , «и на господа бога спа- сения нашего воз- ложим» (с. 91; 136)	«Но дерзайте убо, чада дерзайте», гла- голаше, «и на господа бога спа- сения нашего воз- ложим» (с. 91)
26	Яко да окружают весь град и во еди- но место и время и во един час уда- рити бранию на град по земли и по морю (л. 67об.)	Яко да окружают весь град и во едино ме- сто, время и в один час ударити бранию на град по земли же и по морю (с. 138)	Яко да окружают весь град и во едино время и во един час ударити бранию на град по земли же и по морю (с. 92; 137)	Яко да окружа- ет ⁴⁰ весь град и во едино время и во един час ударити бранию на град по земли же и по морю (с. 92)

³⁷ «Наутриа» в Воскресенской летописи.

³⁸ «Гражданом» в Воскресенской летописи.

³⁹ «Глаголюще» в Воскресенской летописи.

⁴⁰ Списки А. Б. и Т.

№	Барсовский список (Барс. 1718)	Полная редакция сочинений Пересве- това по Музейному и Олонецкому спискам, издание Зимина	Никоновская и Воскресенская летописи (ПСРЛ, XII, VIII)	Троицкая редак- ция Никоновской летописи (ПСРЛ, XII)
27	Сице вопиюще и молящися непре- станно (л. 70)	Сице вопияху и мо- ляхуся непрестанно (с. 139)	Сице вопиюще и молящися не пре- стааху ⁴¹ (с. 92; 138)	Сице вопиюще и молящися не пре- стааху (с. 92)
28	Побиша их гража- не бесчисленно за- калаху бо их яко свиней, дондеже приидоша на них полое место, а иже инии безжаше на страны по улицам (л. 75об.–76)	Побиша гражане турков бесчисленно закалаху бо их аки свиней, а дондеже приидоша полого места, а инья ту бежаша страны по улицам (с. 142)	Побиша их гра- жане ⁴² безчисле- но, закалаху бо их яко ⁴³ свиней, дондеже проидо- ша пологое место, а иже бежаша на страны по улицам (с. 94; 140)	Побиша их гра- жане безчисленно, закалаху бо яко свиней, дондеже приидоша пологое место, а иже бе- жаша на страны по улицам (с. 94)
29	И се ныне паки тварь проповеду- ет погибель граду сему (л. 77об.)	Паки се ныне тварь проповедуется по- гибель граду сему (с. 142)	И се паки ныне тварь проповеду- ет погибель града сего (с. 94; 140)	И се паки ныне тварь проповеду- ет погибель гра- да сего (с. 94)
30	Тебе глаголю, Анастасие, и всеи державе твоей и всему народу. По нынешний день впредь к тому не убойтеса гнева моего (л. 87об.–88)	Глаголю тебе, Ана- стасий, и всей дру- жине твоей [и ⁴⁴] сии всему народу. По нынешний день и впрдъ к тому не бойтеса гнева моего (с. 146)	Тебе глаголю, Анастасие, и всей дружине твоей и всему народу. По днешний день впредь к тому не убойтеса гнева моего (с. 97; 143)	Тебе глаголю, Анастасие, и всей дружине твоей и всему народу. По днешний день впредь к тому не убойтеса гнева моего (с. 97)
31	Безбожный же Магмет седе на престоле царском (л. 89об.–90)	Безбожный же Маг- мет сяде на престоле царском (с. 147)	Безаконный Маг- мет седе на пре- столе царском (с. 97; 143)	Безаконный Маг- мет седе на пре- столе царском (с. 97)
32	Аще ли же не бу- дет божия помощи и тако сотворим едином часом вси погибнем и погу- бим град (л. 55)	Аще ли же не будет божия помощи, тако едином часом сотво- рим вси погибнем и град погубим (с. 135)	Аще ли же не бу- дет божиеи помощи и тако сотворим едином часом ⁴⁵ погибнем и град погубим (с. 89; с. 135)	Аще ли же не бу- дет божиеи помо- щи и тако сотво- рим едином часом вси погибнем и град погубим (с. 89)

⁴¹ «Не престаху» в Воскресенской летописи.⁴² «Граждане» в Воскресенской летописи.⁴³ «Аки» в Воскресенской летописи.⁴⁴ В квадратных скобках дано чтение Олонецкого списка, отсутствующее в Музейном.⁴⁵ «Часом **вси погибнем**» в Воскресенской летописи.

Обратим внимание, что в примерах № 1, 5, 8, 11 и 32 Троицкая редакция Никоновской летописи совпадает с Барсовским списком и Полной редакцией «Сборника» Пересветова. Мы также обнаружили несколько случаев уникальных пересечений Троицкой редакции и Барсовского списка, не совпадающих ни с «особой» редакцией «Повести», ни с летописными. Как же мы можем реконструировать историю протографа Барсовско-Никоновского извода и в целом пересветовского комплекса в свете обнаруженных данных?

Младшая редакция «Повести» в оригинале «Сборника» Пересветова Приняв точку зрения Зимина, согласно которой «особая» редакция «Повести», читающаяся в списках Полной редакции «Сборника», находилась в оригинальном комплексе Пересветова, мы будем вынуждены сделать ряд довольно искусственных допущений. Поскольку Барсовский список дает более трех десятков текстуальных совпадений с «особой» редакцией «Повести», придется предположить, что составитель его протографа, взяв за основу «особую» редакцию, исправил практически весь ее текст по некоему списку более «каноничной» «обыкновенной» младшей редакции, случайно пропустив отдельные чтения. Напомним, что «особая» редакция довольно серьезно отличается от «обыкновенной» младшей — в ней изъяты два крупных фрагмента текста, добавлено множество расширений, использованы иные глагольные формы. Если у составителя протографа Барсовско-Никоновского извода был текст «обыкновенной» младшей редакции, который он предпочитал «особой», он мог просто взять его, не прибегая к изощренной выправке всего текста по образцу. В качестве другого объяснения можно было бы предположить, что составитель протографа Барсовско-Никоновского извода пользовался двумя источниками (или что «особая» редакция как-то «повлияла» на рассматриваемый текст на одном из этапов его бытования), однако характер приведенных разночтений указывает на произвольность совпадений. Выбор отдельных, довольно незначительных слов и словосочетаний из «особой» редакции для включения их в текст «обыкновенной» младшей кажется маловероятным.

Гораздо убедительнее выглядит гипотеза о том, что у протографа Барсовско-Никоновского извода и у Полной редакции «Сборника» был общий протограф (собственно оригинал «Сборника» или близкие к нему списки) и в нем читалась именно младшая редакция «Повести», а уже затем на его основе была создана ее «особая» редакция. Иными словами, мы можем предположить, что в оригинале «Сборника» Пересветова читалась «обыкновенная» младшая редакция «Повести», к которой были добавлены его собственные сочинения.

Можно ли допустить, что «особая» редакция была составлена уже в XVII в. и не имеет отношения к оригинальным сочинениям Пересветова? В целом каких-то убедительных аргументов в пользу того, что «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда» принадлежит перу Пересветова, не существует. Зимин, напомним, апеллировал к изъятию из текста двух молитв, говоря, что «Пересветов был чужд официальной церковности», что, разумеется, не выглядит серьезным обоснованием.

Однако поскольку «особая» редакция «Повести» читается в большинстве списков Полной редакции, закономерно встает вопрос о том, не является ли Полная редакция вторичной по отношению к Неполной? Зимин отдавал приоритет первой на двух основаниях: во-первых, она сохранила полный состав сочинений Пересветова, а во-вторых, пять пропусков текста в «Сказании о Магмете» и «Сказании о книгах» Неполной редакции едва ли могут быть приписками составителя Полной. Аргументация второго тезиса не выглядит слишком убедительной⁴⁶. Что касается состава «Сборника», то, рассматривая все списки Неполной редакции и предполагая, что все они восходят к одному протографу (на основании тех самых пяти одинаковых «пропусков»), мы обнаруживаем в них (по частям) все те же «сочинения», что и в Полной редакции, кроме так называемого второго предсказания философов. Однако надежно связать этот крошечный текст с именем Пересветова довольно трудно: он вполне может рассматриваться как шестое добавление составителя Полной редакции к исходному тексту. Более того, как мы уже

⁴⁶ Говоря об этих пяти разночтениях, Зимин [1958: 245–247] в двух случаях апеллирует к тому, что они «в духе Пересветова». Наиболее убедительно выглядит четвертый по счету пример, в котором Полная редакция «Сборника» действительно дает лучшее чтение по сравнению с большинством списков Неполной: «И латыняня рече против им на споре “То есть правда. Инолучилося нам быти в том царстве на отведавание веры христианския: ино они истинныя веры христианския, и велика божия милость в той земли. Как про них молвити, про святыя чудотворцы? Ино таково есть божие милосердие, есть ли к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними аггели беседовали”. Греки же рекоша: “А есть ли бы к той правде турецкой да вера христианская, ино с ними аггели же беседовали”». Выделенный полужирным текст отсутствует во всех списках Неполной редакции, что действительно превращает фразу в бессмысленное повторение. Однако Зимин не обратил внимания на то, что в одном из списков Неполной редакции — РГАДА, ф. 201, № 96 (список Оболенского) — читается другой вариант этого фрагмента, не менее предпочтительный: «И латынянин же речет им против на споре “То есть правда, ина [л]училося быти в том царстве на отведавания веры христианской. И велико божие милосердие в той земли. Как про них молвити пре святыя чудотворцы? А они по божию милосердию истинные великие чудотворцы, и велика от них благодать божия и исцеление бывает с верою приходящим и есть велико божие милосердие. Естли бы к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангелы беседовали» [Сочинения 1956: 161, 232]. Таким образом, у нас нет веских оснований говорить, что какой-то из вариантов однозначно лучше отражает текст оригинала.

отмечали, разделение пересветовского комплекса на отдельные «сочинения» — это продукт исследовательской реконструкции Зимина и его предшественников. В рукописях «сочинения» Пересветова в большинстве случаев существуют в виде сплошного текста. Так, например, обстоит дело с наиболее ранними списками Полной редакции — Музейным и Олонецким.

Однако против нашего предположения о том, что в исходном «Сборнике» Пересветова читалась «обыкновенная» младшая редакция «Повести», можно привести и некоторые текстологические аргументы. В «особой» редакции «Повести об основании и взятии Царьграда» при сравнении с Никоновской летописью (всех редакций) обнаруживаются несколько заметных пропусков, два из которых находят параллели в Воскресенской летописи. Эти чтения приведены в Таблице 3.

Таблица 3

Никоновская летопись (ПСРЛ, XII)	Полная редакция сочинений Пересветова по Музейному и Олонецкому спискам (издание Зимина)	Воскресенская летопись (ПСРЛ, VIII)
В лето 6961 властвующу турки безбожному Магмету Амуратову сыну и бывый тогда в миру и в докончании с православным царем Константином Ивановичем царствующим во Цариграде, и абие безбожный Магмет брань воздвиже противу Константинограда (с. 83)	В лето 6[9 ⁴⁷]61 властвующи турки безбожному Магметю и в докончании с православным царем Константином Ивановичем царствующим во Цариграде, и абие безбожный Магмет брань воздвиже противу Константинограда (с. 127)	В лето 6961 властвующу турки безбожному Махмету и в докончании с православным царем Константином Ивановичем царствующим во Цариграде, и абие безбожный Махмет брань воздвиже противу Константинограда (с. 128)
Магмет же окаанный яко виде тму велию над градом созва книжников своих и молн и вопросы их «что есть сиа тма над градом?» И рекоша ему «знамение велико есть и граду пагуба» (с. 94)	Безбожный же Магмет яко виде тму над градом, знамение великое есть и граду пагуба (с. 142)	Махмет же окаанный яко виде тму велию над градом и рекоша ему «знамение велико есть и граду пагуба» (с. 140)

Эти два пропуска, которые аналогичны пропускам в авторитетном памятнике 1520–1530-х гг., явно говорят о том, что Пересветов пользовался списком, восходящим к протографу Воскресенской летописи⁴⁸.

⁴⁷ В квадратных скобках дано чтение Олонецкого списка, отсутствующее в Музейном.

⁴⁸ Предположить, что Пересветов опирался на один из списков Воскресенской летописи, не позволяет множество других более мелких чтений. Они сближают и «особую» редакцию «Повести», и те варианты «обыкновенной» младшей

При этом оба приведенных чтения обнаруживаются в Барсовском списке и Троицкой редакции Никоновской летописи. Поэтому для защиты гипотезы о том, что изначально в «Сборнике» Пересветова читался некий вариант «обыкновенной» младшей редакции «Повести», мы также вынуждены прибегнуть к предположению о вторичной правке. В таком случае реконструкция может быть следующей: два отмеченных чтения отсутствовали в оригинале пересветовского «Сборника» (и так попали в его списки Полной редакции), но были восстановлены в одном из протографов Барсовского списка по другому источнику⁴⁹. В случае с Троицкой редакцией Никоновской летописи этот источник очевиден: это текст списка Оболенского, на основе которого была создана Троицкая редакция [Клосс 1980: 266–267]⁵⁰. Восстановление двух заметных пропусков по другому источнику в одном из протографов Барсовского списка выглядит, на наш взгляд, более правдоподобно, нежели восстановление целой редакции вплоть до выправления многочисленных глагольных форм по образцу, который при этом почему-то не был взят за основу.

Таким образом, с нашей точки зрения, в оригинале пересветовского «Сборника» читался текст «обыкновенной» младшей редакции

редакции «Повести», которые мы читаем в Барсовском списке и Троицкой редакции Никоновской летописи, с Никоновской летописью (редакции XVI в.). С большой вероятностью, Пересветов пользовался списком, восходящим к протографу Воскресенской летописи.

⁴⁹ У нас действительно есть основания думать, что текст Барсовского списка в одном из его протографов подвергся вторичной правке: так, в нем можно обнаружить чтение «Сечахуса имаяся за руки на всех стенах» (л. 31об.), которое отсутствует в большинстве авторитетных списков «обыкновенной» младшей редакции «Повести» и в «особой» редакции (в них нет слов «за руки»), но читается в Вяземском списке Хронографа 1512 г. (Вяз., F.97) и некоторых других восходящих к нему списках.

⁵⁰ При составлении Троицкой редакции Никоновской летописи за основу для «Повести» был взят список, восходящий к протографу Барсовско-Никоновского извода сочинений Пересветова. Об этом говорят чтения, которые сближают текст этой редакции с Барсовским списком или с Барсовским списком и Полной редакцией «Сборника» Пересветова (несколько таких примеров мы приводили выше, в целом их более десятка). По всей видимости, взятый для составления Троицкой редакции список был сверен и поправлен по списку Оболенского Никоновской летописи. Может показаться, что здесь мы предполагаем, будто при составлении Троицкой редакции Никоновской летописи была применена редакторская стратегия, которую мы сочли неправдоподобной, говоря о появлении протографа Барсовско-Никоновского извода. Однако тогда мы усомнились в том, что редактор, имея в своих руках авторитетный образец, выправил по нему текст другой редакции, отличавшийся от образца массивными пропусками и дополнениями. В данном случае, если мы принимаем нашу гипотезу, речь идет о довольно близких текстах, которые на первый взгляд даже сложно различить: здесь нужно было править лишь отдельные слова. Доступные нам на сегодняшний день списки не позволяют как-то иначе объяснить «странные» отступления в тексте «Повести» Троицкой редакции Никоновской летописи от списка Оболенского, которые совпадают с Барсовским списком или Барсовским списком и Полной редакцией «Сборника» Пересветова.

«Повести об основании и взятии Царьграда», а уже в XVII в. он подвергся редакторской правке и вошел во многие списки «Сборника», составившие так называемую Полную редакцию.

Язык «особой» редакции «Повести»

Наконец, в качестве дополнительного аргумента в пользу последнего тезиса можно привести результаты анализа грамматических характеристик текста «особой» редакции «Повести». В ней мы сталкиваемся с заметной тенденцией «упрощения» языка, характерной в большей степени для XVII, нежели XVI столетия.

Действительно, при сопоставлении двух редакций «Повести» в глаза в первую очередь бросается довольно активная правка глагольных форм прошедшего времени и причастий. Из более чем шестисот случаев употребления в «обыкновенной» младшей редакции «Повести» форм простых претеритов и действительных причастий прошедшего времени, выполняющих функцию «второстепенных сказуемых», правке подвергаются более ста двадцати, что составляет чуть менее 20 %.

На протяжении всего текста «особой» редакции мы встречаем невынужденные, как кажется, «ошибки», появляющиеся в результате вносимых в текст правок, например, при перестройке фраз. Описывая бои, развернувшиеся внутри Константинополя, автор «обыкновенной» младшей редакции «Повести» сообщает: «Царь же сечаше их [турок. — Г. Б.] [...] и бежаху от него изъ града...». В «особой» версии эта фраза приобретает новый вид: «Царь же сечаше их [...] бежаше от него из града...» [ПСРЛ, XII: 90; Сочинения 1956: 136]. По всей видимости, речь идет о механическом переносе только что встреченной специфической книжной формы имперфекта на следующую структурную единицу предложения. Довольно часто попытки упростить текст также обращаются произвольными «ошибками». В рассказе об очередной атаке «турков» на Константинополь оригинальный текст звучит следующим образом: «Восточный же флабурап Мустафа вскоре прииде на греки со мноюю силою и прогна их в град». В попытке упростить предложение составитель «особой» редакции меняет подлежащее, забывая согласовать числа: «Вскоре же прииде турки со мноюю силою на греки и прогна их во град» [ПСРЛ, XII: 89; Сочинения 1956: 135].

Рассогласованность чисел происходит, по всей видимости, не просто из-за «невнимательности» переписчика, но также и в силу того, что временные конструкции, характерные для книжного регистра, в первую очередь имперфект, вызывают у него определенные трудности в употреблении. Если в тексте «обыкновенной» младшей редакции «Повести» мы видим вполне четкое (хотя и не всегда грамматически

мотивированное) разграничение форм имперфекта, аориста и причастий, то в «особой» редакции они начинают смешиваться (а изредка также и заменяться на л-формы). Наиболее характерной приметой текста «особой» редакции становится симптоматичное для гибридного регистра смешение формантов -ша и -ше, которые перестают разграничивать формы причастий, аориста 3-го лица множественного числа и имперфекта 3-го лица единственного числа и начинают использоваться как взаимозаменяемые [Живов 2017а: 236; Дурново 1969: 34–35].

В тех случаях, когда составитель «особой» редакции пытается сохранить высокий регистр, он использует доступные ему формы аориста, заменяющие более сложные конструкции: так, сложносочиненное предложение из «обыкновенной» младшей редакции «Повести»: «Греки же [...] побиваху во рвех турков [...] и собравше их во многие громады, сжыгаху их вкупе с оставшими туры» приобретает в «особой» следующий вид: «Греки же [...] побиваху во рвех турков [...] **собраша** их во многия громады и **жгоша** их вкупе с оставшими туры» [ПСРЛ, XII: 87; Сочинения 1956: 133]. Мы обнаружили восемь случаев замены имперфектных форм на аористные и шестнадцать — замены причастий аористом.

Другой стратегией правки исходного текста является замена простых претеритов л-формами без связок⁵¹. Если в исходном тексте мы практически не встречаем л-форм, то в «особой» редакции находим пятнадцать случаев их употребления — вместо форм аориста (12) и причастий (3). Это обеспечивает интерференцию регистров, в рамках которой л-формы сочетаются, например, с аористами, не способными при этом удержать свой первоначальный вид. Так, не самое сложное по своей структуре предложение, подвергаясь незначительной правке, видоизменяется следующим образом: «Сия же **уведав**, велможи и Зустуня собрався вкупе с патриархом **начаша** увещевати царя...» в «обыкновенной» младшей редакции меняется на «Сия же **уведали**, велможи великого царя Константина и Зустуня князь Венецевской собрався вкупе с патриархом и нача увещевати царя...» — в «особой» [ПСРЛ, XII: 87; Сочинения 1956: 131]. Более понятная для автора «особой» редакции л-форма заменяет одно из причастий, а сказуемое без видимых на то оснований меняет свое число.

Второй группой изменений, бросающихся в глаза при сопоставлении двух редакций «Повести», являются изменения в синтаксисе. Речь идет об отказе от употребления конструкции дательного самостоятельного и использовании прямой речи вместо конструкции «да + индикатив».

⁵¹ Именно в XVII в. л-формы начинают функционировать как равноправные с простыми претеритами и вытесняют последние из летописного повествования. Простые претериты употребляются в специальных контекстах, обусловленных композиционно или тематически [Живов 2017а: 651–657; Петрухин 1996].

В тексте «Повести о взятии Царьграда» «обыкновенной» младшей редакции мы встречаемся с большим количеством случаев употребления дательного самостоятельного (более двадцати пяти), причем как в «исконном» виде, когда субъекты основной и придаточной предикаций не совпадают («И уже солнцу зашедшу, сеча же не преста, но огни безчисленны безбожный сотворяше» [ПСРЛ, XII: 93]), так и в специфическом восточнославянском варианте, в котором субъект основного предложения совпадает с субъектом используемого оборота («Царю же приспевшу [...] и видев брань [...] ста и сам ту и вси велможы» [ПСРЛ, XII: 92]). У составителя «особой» редакции «Повести» дательные самостоятельные обоих этих видов вызывают существенные затруднения: мы насчитали всего четыре случая сохранения исходной конструкции против более чем двадцати примеров ее ревизии. Практически во всех случаях ее употребления в исходном тексте составитель «особой» редакции заменяет эту конструкцию на более доступные ему формы аориста и причастий: «Стратигом же многим с Зустунеом на помощь приспевшим и бяхуся с турки крепко» против «Стратиги же многия с Зустунеом приспеша на помощь ко греком и бяхуся с турки крепко» [ПСРЛ, XII: 92; Сочинения 1956: 139].

Еще одну группу изменений, маркирующих потерю исходным текстом черт книжности, составляет замена в «особой» редакции конструкций типа «да + индикатив» с оптативным или целевым значением на прямую речь с императивом. Эта конструкция воспринималась как маркер книжности и в любом случае принадлежала высокому регистру [Успенский 2002: 259–260]. Составитель «особой» редакции «Повести», оставляя в нескольких случаях конструкцию «да + индикатив» без изменений, в случаях, когда все же решает ее модифицировать, прибегает к одной и той же стратегии, а именно — к употреблению вместо нее прямой речи с императивом. Не раз на страницах «Повести» жители Царьграда и высшие сановники во главе с патриархом обращаются к императору Константину с просьбой покинуть осажденный город: «Воставшу же ему патриарх паки начат крепко увещевати царя да изыдет из града» в «обыкновенной» младшей редакции приобретает в «особой» следующий вид: «Воставше же царь патриарх же паки нача крепко царя увещевати: «да изыди из града» [ПСРЛ, XII: 91; Сочинения 1956: 137].

Все описанные изменения в языке исходного текста «Повести об основании и взятии Царьграда» едва ли могут быть объяснены сознательным стремлением к ее секуляризации, тем более что мы обнаруживаем примеры условно «противоположной» редакторской работы⁵². Скорее

⁵² Например, «безобидную» формулу «...и не послушаше их царь но отвещеваше им “Воля Господня да будет”» в «обыкновенной» младшей редакции составитель «особой» распространяет следующим образом: «Благоверный же царь Константин

речь должна идти о попытке сделать текст более динамичным и доступным, предпринятой автором с хорошей выучкой в области приказного языка и недостаточной — в области церковнославянского. Возможность такой редакторской стратегии и практики в XVI столетии нельзя исключить полностью, но в таком случае нам пришлось бы говорить о новаторстве, заметно опережающем свое время, тогда как для XVII в. подобная правка вполне соответствует языковым и литературным «трендам» эпохи. Согласно В. М. Живову, именно в XVII в. оформляется тенденция к «упрощению» языка в книжной культуре. Она выражалась в отказе от специфически книжных конструкций и грамматических средств церковнославянского языка и диктовалась необходимостью совершенствования проповеднической практики, ориентированной на широкую аудиторию, а также расширением узуса «приказного» (делового) языка [Живов 2017b: 888–932]. Напомним при этом, что оригинальные сочинения Пересветова тоже написаны простым языком, однако в них используются в основном глаголы настоящего времени и л-формы, которые, как мы видели, не являются наиболее востребованными грамматическими инструментами для составителя «особой» редакции «Повести». Вполне возможно, что попытки последнего отредактировать текст «Повести» объясняются стремлением несколько «выровнять» ее с другими частями пересветовского «Сборника» в языковом отношении.

Иными словами, изменения, внесенные в текст «Повести» «обыкновенной» младшей редакции, хотя и могли теоретически быть сделаны Пересветовым в середине XVI в. при составлении его «Сборника», гораздо лучше объясняются в рамках предложенной нами гипотезы: «особая» редакция «Повести», которая читается в списках Полной редакции «Сборника» Пересветова, возникла, вероятно, уже в XVII в., когда пересветовский комплекс начали активно переписывать.

* * *

Повторим основные выводы, к которым мы пришли в результате проделанной работы.

1. В XVI в. Иван Пересветов не редактировал доступный ему список «Повести об основании и взятии Царьграда», как предполагал Зимин, а только включил его текст в свой «Сборник», дополнив им самим сочиненным продолжением. Мы обнаружили, что этот список восходил к протографу Воскресенской летописи. Создание самостоятельных текстов «рядом» с авторитетными было вполне распространенной практикой древнерусского книжника.

Иванович моляся спасу и пречистой глаголя патриарху “Воля господня да будет! Камо ся нам дети от крепкия его руки?”» [ПСРЛ, XII: 94; Сочинения 1956: 142].

2. Соответственно, в оригинале пересветовского «Сборника» читалась «обыкновенная» младшая, а не «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда».

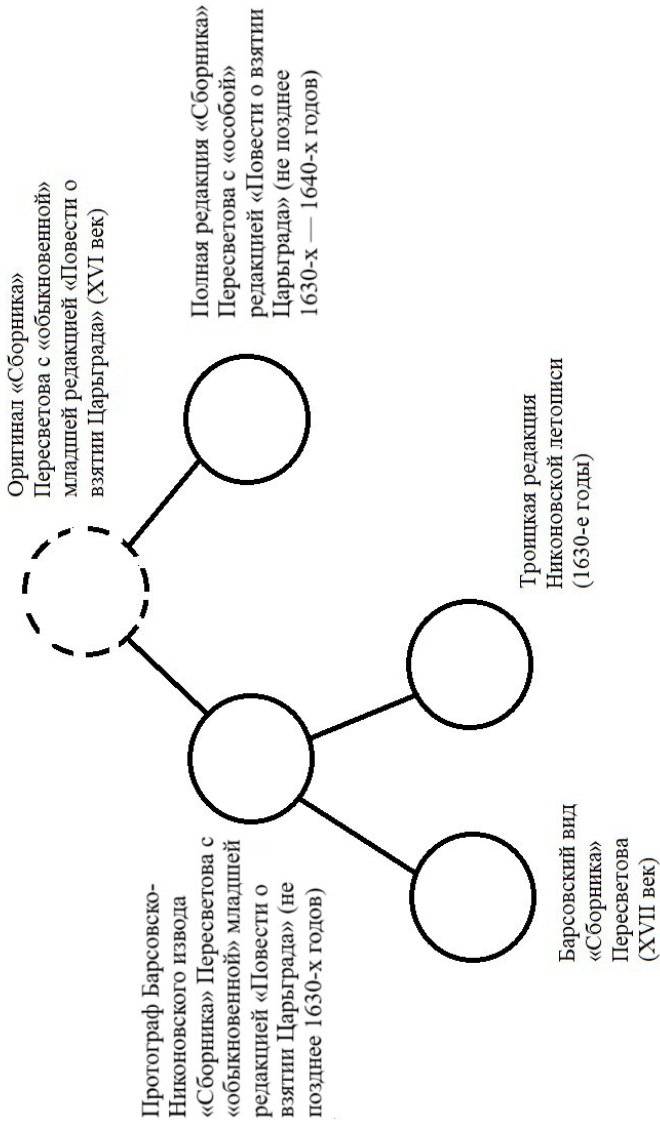
3. В свою очередь это обстоятельство с большой долей вероятности означает, что Неполная редакция «Сборника» Пересветова и в других частях лучше отражает его оригинал. Эта точка зрения противоречит мнению Зимина, который отдавал предпочтение Полной редакции, и заставляет по-новому взглянуть на историю пересветовских текстов.

4. В своем оригинальном виде «Сборник» Пересветова просуществовал вплоть до начала XVII в., когда к нему начали активно обращаться составители исторических сочинений и тематических сборников. В свете приведенной реконструкции вполне понятным становится то обстоятельство, что в двух наиболее ранних сочинениях, составители которых использовали «Сборник» Пересветова, — Хронографе 1617 г. и Троицкой редакции Никоновской летописи 1630-х гг. — нашла отражение именно «обыкновенная» младшая редакция «Повести».

5. В какой-то момент (не позднее 1640-х гг., судя по наиболее ранним спискам) возникла «особая» редакция «Повести об основании и взятии Царьграда», рядом с которой читался большой пересветовский комплекс, известный по трудам Зимина как Полная редакция «Сборника».

6. Составитель «особой» редакции «Повести» явно не «секуляризовал» ее, а стремился сделать текст доступнее и динамичнее. Не исключено, что заодно он пытался отчасти приблизить текст «Повести» к оригинальным сочинениям Пересветова, которые написаны «простым» языком, однако ни в отношении грамматических средств, ни в области стилистики результат его редактуры этим сочинениям не тождественен.

Отдельно отметим, что появление Полной редакции «Сборника» Пересветова с обработанной «Повестью об основании и взятии Царьграда» вполне отвечает тому интересу, который проявляли книжники XVII в. к пересветовским текстам, и, в некотором смысле, может служить индикатором этого интереса. Начиная с 1630-х гг. сочинения Пересветова активно переписываются, редактируются, создаются их «переделки». Они становятся частью исторических сочинений, включаются в сборники нравоучительного содержания, объединяются с антимусульманскими текстами и т. д. Неудивительно, что вариант пересветовского комплекса с «особой» редакцией «Повести» (Полная редакция «Сборника»), не будучи самым ранним, все же получил определенное распространение в традиции (известны пять списков Полной редакции с «особой» редакцией «Повести» и еще один список, в котором на ее основе была составлена новая переделка), ибо он вполне отвечал запросам своего времени.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург, Россия).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва, Россия).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург, Россия).

Библиография

Источники

*Рукописи***БАН 33.7.11**

БАН, 33.7.11, Сборник-конволют смешанного содержания, 2-я четв. XVII в.

Арх. Д. 193

БАН, Архангельское собр., Сборник-конволют, XVI в.

Барс. 1718

ГИМ, ф. 17 (собр. Е. В. Барсова), № 1718, Сборник исторический, кон. XVII в.

Егор. 220

РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 220, Хронограф редакции 1617 г., 2-я четв. XVII в.

Муз. 4469

РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 4469, Сборник смешанного содержания, 2-я четв. XVII в.

Вяз., F.97

РНБ, ф. 166 (собр. П. П. Вяземского), F.97, Хронограф, XVI в.

Тит. 1956

РНБ, ф. 775 (собр. А. А. Титова), № 1956, Палея, рубеж XVII–XVIII вв.

*Издания***ПСРЛ, VIII**

Полное собрание русских летописей, VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку, С.-Петербург, 1859.

ПСРЛ, XII

Полное собрание русских летописей, XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, С.-Петербург, 1901.

ПСРЛ, XXII, 1

Полное собрание русских летописей, XXII, 1: Русский Хронограф. Хронограф редакции 1512 года, С.-Петербург, 1911.

Сочинения 1956

Сочинения И. Пересветова, Зимин А. А., подг. текста, Лихачев Д. С., ред., Москва, Ленинград, 1956.

*Альбомы водяных знаков***Дианова 1989**

Дианова Т. В., сост., *Филигрань «кувшин» XVII в.*, Дианова Т. В., сост., Москва, 1989.

Дианова, Костюхина 1988

Дианова Т. В., Костюхина Л. М., сост., *Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ*, Дианова Т. В., Костюхина Л. М., сост., Москва, 1988.

Heawood 1950

Heawood E., *Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries*, Hilversum, 1950.

Литература

Альшиц 1990

Альшиц Д. Н., Первый опыт перестройки государственного аппарата в России, *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Сборник статей к 60-летию со дня рождения Н. Н. Покровского*, Новосибирск, 1990, 247–251.

— 2009

Альшиц Д. Н., *От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси*, С.-Петербург, 2009.

Вовина-Лебедева 2004

Вовина-Лебедева В. Г., *Новый летописец. История текста*, С.-Петербург, 2004.

Дурново 1969

Дурново Н. Н., *Введение в историю русского языка*, 2-е изд., Москва, 1969.

Ерусалимский 2011

Ерусалимский К. Ю., Греческая «Вера», турецкая «Правда», русское «Царство»...: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ, *Вестник РГГУ (Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология)*, 2011, 7/69, 87–104.

— 2018

Ерусалимский К. Ю., *На службе короля и Речи Посполитой*, Москва, С.-Петербург, 2018.

Живов 2017a

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

— 2017b

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2017.

Зимин 1958

Зимин А. А., И. С. Пересветов и его современники. *Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века*, Москва, 1958.

Клосс 1980

Клосс Б. М., *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*, Москва, 1980.

Петрухин 1996

Петрухин П. В., Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века, *Вопросы языкознания*, 1996, 4, 62–84.

Ржига 1908

Ржига В. Ф., И. С. Пересветов. *Публицист XVI века. С приложением сборника его сочинений*, Москва, 1908.

Скрипиль 1954

Скрипиль М. О., «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 10, Москва, Ленинград, 1954, 166–184.

Солодкин 1997

Солодкин Я. Г., *История позднего русского летописания*, Москва, 1997.

Сперанский 1956

Сперанский М. Н., Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 12, Москва, Ленинград, 1956, 188–225.

Творогов 1970

Творогов О. В., О Хронографе редакции 1617 г., *Труды Отдела древнерусской литературы*, 25, Москва, Ленинград, 1970, 162–177.

— 1971

Творогов О. В., Редактор XVII века, *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова*, Ленинград, 1971, 44–52.

Успенский 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., Москва, 2002.

Цеменкова 2015

Цеменкова С. И., *История архивов России с древнейших времен до начала XX века*, Екатеринбург, 2015.

References

Alshits D. N., Pervyi opyt perestroiki gosudarstvennogo apparata v Rossii, *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma. Sbornik statei k 60-letiiu so dnia rozhdeniia N. N. Pokrovskogo*, Novosibirsk, 1990, 247–251.

Alshits D. N., *Ot legend k faktam. Razyskaniia i issledovaniia novykh istochnikov po istorii dopetrovskoi Rusi*, St. Petersburg, 2009.

Durnovo N. N., *Vvedenie v istoriiu russkogo iazyka*, 2nd ed., Moscow, 1969.

Erusalimskiy K. Yu., Grecheskaia "Vera", turetskaia "Pravda", russkoe "Tsarstvo"...: eshche raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform, *Vestnik RGGU (Seriia Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia)*, 2011, 7/69, 87–104.

Erusalimskiy K. Yu., *Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi*, Moscow, St. Petersburg, 2018.

Kloss B. M., *Nikonovskii svod i russkie letopisi 16–17 vekov*, Moscow, 1980.

Petrukhin P. V., Narrativnaia strategii i upotreblenie glagol'nykh vremen v russkoi letopisi 17 veka, *Voprosy jazykoznanija*, 1996, 4, 62–84.

Skripil M. O., "Istoriia" o vziatii Tsar'grada turkami Nestora Iskandera, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 10, Moscow, Leningrad, 1954, 166–184.

Solodkin Ya. G., *Istoriia pozdnego russkogo letopisaniia*, Moscow, 1997.

Speransky M. N., Povesti i skazaniia o vziatii Tsar'grada turkami (1453) v russkoi pis'mennosti XVI–XVII vekov, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 12, Moscow, Leningrad, 1956, 188–225.

Tsamenkova S. I., *Istoriia arkhivov Rossii s drevneishikh vremen do nachala 20 veka*, Yekaterinburg, 2015.

Tvorogov O. V., O Khronografe redaktsii 1617 g., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 25, Moscow, Leningrad, 1970, 162–177.

Tvorogov O. V., Redaktor 17 veka, *Poetika i stilistika russkoi literatury. Pamiati akademika V. V. Vinogradova*, Leningrad, 1971, 44–52.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (11–17 vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.

Vovina-Lebedeva V. G., *Novyi letopisets. Istoriia teksta*, St. Petersburg, 2004.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Zimin A. A., I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. *Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny 16 veka*, Moscow, 1958.

Герман Гарегинович Бароян, аспирант

Школы исторических наук

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

baro-german@yandex.ru

Россия / Russia

Received October 8, 2024

«Забытый» рассказ
Н. Берберовой:
к творческой
истории цикла
«Биянкурские
праздники»*

The “Forgotten”
Novel by
N. Berberova:
On the Creative
History of the Cycle
Billancourt Holidays

Александра Александровна
Чабан

Alexandra A. Chaban

Дарья Алексеевна Стрижкова

Darya A. Strizhkova

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена рассказу Н. Берберовой «Твердотрубов» (1930). В первой газетной публикации текст имел подзаголовок «Из цикла “Биянкурские праздники”», однако при составлении сборников в 1970-е — 1990-е гг. Берберова не включила его в книгу и больше никогда не печатала (в отличие от других рассказов). Проведенная в статье реконструкция истории создания

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012-П, <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН. Вступительная статья (основная часть) А. А. Чабан. Подготовка текста, вступительная статья, комментарии и дополнения Д. А. Стрижковой.

Цитирование: Чабан А. А., Стрижкова Д. А. «Забытый» рассказ Н. Берберовой: к творческой истории цикла «Биянкурские праздники» // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 342–369.

Citation: Chaban A. A., Strizhkova D. A. (2025) The “Forgotten” Novel by N. Berberova: On the Creative History of the Cycle *Billancourt Holidays*. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 342–369.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.12

цикла демонстрирует более сложный, чем было представлено писательницей в предисловии, процесс работы Берберовой над эволюцией собственного стиля, затрагивающий не только рефлексию автора над творческими приемами, пристальное изучение художественной манеры предшественников и современников, но и необходимость учета градуса общественного мнения относительно тех или иных авторов в литературном поле. «Твердотрубов» существенно выбивается из общей логики эволюции писательницы, которую она указала в предисловии к циклу, поскольку написан под влиянием стиля Ф. Достоевского. Публика благосклонно отреагировала на влияние стилевых тенденций 1920-х гг. (М. Зощенко и И. Бабея), но не приняла подобный поворот творчества писательницы, в результате чего Берберовой пришлось кардинально менять свою литературную стратегию, ориентируясь скорее не на свой вкус, а на запросы читательской аудитории. Текст рассказа републикуется в Приложении.

Ключевые слова

Нина Берберова, Федор Достоевский, литература русской эмиграции, рецепция, стиль

Abstract

The article examines the novel by N. Berberova *Tverdotrubov* (1930). In the first publication, the text had a subtitle—*To the cycle of "Billancourt Holidays"*, but in the 1970–1990s Berberova deliberately did not include this text into the book and never published it again (unlike other novels). The reconstruction of the creative history of the cycle carried out in the article shows that Berberova's work on her own style was more complex process, than she declared in the preface. Her work included not only serious reflections on creative technique, a close study of the predecessors' and contemporaries' artistic manner, but also the need to take into account public opinions on certain authors in the literary field. *Tverdotrubov* significantly stands out from the general logic of the writer's evolution indicated by Berberova since it was written under the influence of F. Dostoevsky's style. Unlike the previous stylistic guidelines of the 1920s (M. Zoshchenko and I. Babel), the public did not accept such a turn. As a result, Berberova had to change her literary strategy radically, focusing not so much on her own taste, but on the demands of the reading audience. The text of the story is republished below.

Keywords

Nina Berberova, Fyodor Dostoevsky, literature of Russian emigration, reception, style

«Биянкурские праздники» — первый цикл рассказов Н. Берберовой, создававшийся ею в конце 1920-х — начале 1930-х гг.¹, в один из наибо-

¹ В предисловии к рассказам Берберова называет более широкие временные рамки: «Эти рассказы были написаны между 1928 и 1940 годами для эмигрантской либерально-демократической русской газеты "Последние новости", издававшейся в Париже под редакцией П. Н. Милокова» [Берберова 2011: 7].

лее драматичных периодов жизни русской эмиграции². Как будет позже вспоминать сама писательница, «о “русских массах” эмиграции почти ничего написано не было» [Берберова 2011: 10], поэтому после публикации именно этих текстов Берберова стала известна широкому кругу читателей и литераторов³.

Рассказы будущего цикла выходили в известной русскоязычной парижской газете «Последние новости»⁴. Первый, «Аргентина», был опубликован 28 июля 1929 г., последний, «Биянкурская скрипка», — 1 января 1934 г. В целом рассказы появлялись в газете около раза в месяц с 1929 по 1930 г., затем интервал публикаций увеличился⁵.

К своим дебютным рассказам Берберова вернулась довольно поздно, уже став знаменитой во Франции и Америке⁶. История издания цикла в России отчасти проясняется в переписке Берберовой с Е. Эткингом, наиболее интенсивно протекавшей в конце 1970-х гг. 9 марта 1978 г. писательница впервые сообщает о планах издать «Биянкурские праздники»:

[...] Я хочу издать книгу рассказов, 1928–1940. Присылаю Вам предисловие к ней, чтобы Вы знали, о чем она, а также оглавление. В ней 300 машинных страниц — 250–260 книжных. Копирайт полностью мой и условия будут самые выгодные, какие только бывают. Может быть, такая книга на первых парах будет даже лучше (в деловом смысле) для изд-ва, чем “документы и материалы”⁷? Экземпляров двести возьмут для Сов. союза общие наши друзья (а уж сто наверное). Я там в большом спросе. Если у издателей

² См. об этом: [Гусефф 2014; Менегальдо 2001: 145–178].

³ Литературная критика, которой Берберова активно занимается в этот период, также способствовала упрочению репутации писательницы, однако в меньшей степени, поскольку большинство отзывов создавались под псевдонимом или совместно с В. Ходасевичем (см. об этом подробнее: [Закрыжевская 2018]).

⁴ См. мнение Г. Струве: «“Последние новости”, напротив, оказались самой долговечной из эмигрантских газет и скоро заняли в эмигрантской печати бесспорно первенствующее место» [Струве 1996: 30]. О деятельности «Последних новостей» в эмигрантской среде см. также: [Коростелев 2002].

⁵ Перечислим тексты по хронологии их выхода: «Аргентина» — 28 июля 1929, «Фотожених» — 18 августа 1929, «Здесь плачут» — 8 сентября 1929, «О загогулинах» (сейчас печатается как «О закорючках») — 3 ноября 1929, «Случай с музыкой» — 22 декабря 1929, «Версты-шпалы» — 23 февраля 1930, «Биянкурская рукопись» — 23 марта 1930, «Цыганский романс» — 27 апреля 1930, «Чужая девочка» — 1 июня 1930 года, «Кольцо любви» — 13 июля 1930, «Биянкурский призрак» — 1 марта 1931, «Колька и Люсенька» — 12 февраля 1933, «Биянкурская скрипка» — 1 января 1934.

⁶ Известность ей в то время принесли публикация «Курсива» и сотрудничество с издательством «Actes Sud», создателем которого был близкий друг и обладатель всех авторских прав на издание текстов писательницы Юбер Ниссен. См. об этом: [Винокурова 2023: 166, 194].

⁷ В письме от 26 февраля 1976 г. Е. Эткинд сообщал Берберовой об идее открыть за рубежом издательства «Русское литературное наследство» и просил материалы

есть способ распространения, кот. в моих глазах так же важен, как само название книги, то оно на мне потерять не может. Дайте знать, какое впечатление произвело мое предисловие и не хотите ли Вы, чтобы я прислала копию рукописи? Издаваться мне, вобщем [так! — Д. С., А. Ч.], негде [...] [Переписка: 29].

27 марта 1978 г. Е. Эткинд с энтузиазмом отзывается на предисловие Берберовой:

Милая Нина Николаевна,
спасибо за письмо и за предисловие к Вашей книге рассказов. Вы обладаете редким талантом увлекательности: о чем бы Вы не [так! — Д. С., А. Ч.] писали, Вас нельзя не читать. Все, что вы рассказываете о «бийянкурских русских» [так! — Д. С., А. Ч.], более, чем интересно. Не знаю, сможем ли мы что-нибудь издать (еще мы <в> стадии становления), но прочесть очень-очень-очень хочу. Ваши лингвистические автокомментарии тоже очень увлекают. Так что — пришлите. Жду⁸ [Переписка: 33].

Уже 8 апреля 1978 г. Берберова присылает ему половину рассказов:

Дорогой Ефим Григорьевич,
Сегодня посылаю Вам «Биянкурские праздники» — половину книгу [так! — Д. С., А. Ч.] моих старых рассказов. Если у Вас будет такое чувство, что с книгой можно что-то сделать в недалеком будущем — держите рукопись у себя, и я дошлю Вам остальное (всего 300 стр.). Если Вам покажется, что дальнейшая ее судьба от Вас зависеть не будет, то вышлите мне ее простой почтой (пойдет месяц), так, чтобы она к сентябрю вернулась ко мне [Переписка: 34].

27 апреля Эткинд подтверждает, что получил тексты и снова (с опасениями насчет перспектив издания⁹) просит прислать оставшуюся часть цикла:

Милая Нина Николаевна,
Пишу набегу [так! — Д. С., А. Ч.] — перед поездом — только чтобы Вас поблагодарить за Вашу интересную рукопись и терпеливо потребовать продолжения. Пока не знаю, выйдет ли что-нибудь из нашей затеи «Лит. наследства за рубежом» — материал есть, но материальных возможностей, увы, кот наплакал.

Об этом подробно — когда я вернусь домой (лечу в Мюнхен на несколько дней). И все же я сохраняю оптимизм и веру в чудеса. Преданный вам В. Э. [Переписка: 35].

для него: «Речь идет об архивах, переписках, мемуарах, неопубликованных романах или дневниках и проч.» [Переписка: 29].

⁸ Это письмо частично опубликовано ранее: [Винокурова 2018].

⁹ Опасения оказались небеспопеченными: проект издания «Русского литературного наследства» осуществлен не был.

Несмотря на очевидную заинтересованность в издании рассказов с обеих сторон, публикаторские замыслы были отодвинуты на десять лет и осуществились уже без участия Эткинда: впервые «Биянкурские праздники» частично¹⁰, но с упомянутым в письмах авторским предисловием, вышли в 11-м номере журнала «Октябрь» за 1989 г., где годом ранее вышли фрагменты «Курсива»¹¹. Полностью сборник «Биянкурских праздников» с тем же предисловием появился только в 1997 г.¹² в издательстве им. Сабашниковых¹³. Несмотря на то что эта книга вышла уже после смерти писательницы, основной план, как это следует из приведенной переписки с Эткингом, был составлен Берберовой еще в конце в 1970-х гг. Берберова определила другую композицию для своих текстов, не совпадающую с хронологией выхода рассказов, а содержание некоторых из них также было отредактировано¹⁴.

Примечателен и принцип отбора текстов: в цикл Берберова включает только те рассказы, которые в первой публикации имели заглавия или подзаголовки, связанные с Биянкуром: так, «Аргентина», «Фотожених», «Здесь плачут», «Чужая девочка» имели подзаголовок «Из цикла "Биянкурские праздники"», рассказ «Колька и Люсенька» вышел с подписью «Биянкурский рассказ», а «Биянкурский призрак» и «Биянкурская скрипка» изначально содержали нужный локус. При этом такие рассказы начала 1930-х гг., как «Звезда-загадка»¹⁵ и «Честные люди»¹⁶, не имеющие подзаголовка, но обладающие той же топикой (описанием окрестностей Биянкура и завода Рено) и тематикой (угнетенность, тяжелый быт эмигрантов), не были включены в сборник.

¹⁰ Здесь были опубликованы «Аргентина», «Фотожених», «Цыганский романс», а также рассказ «Вместо некролога», который сейчас включается в поздний сборник «Рассказы не о любви».

¹¹ Октябрь. 1988. № 10–12.

¹² Также в 1992 г. во Франции в издательстве «Actes Sud» вышел цикл «Chroniques de Billancourt», переводчицей которого стала Александра Плетнева-Бутен. Берберова, однако, принимала активное участие в подготовке книги. В дневнике директора издательства Ю. Ниссена от 13 июня 1991 г. есть запись о звонке М. Баркера, студента Берберовой (а впоследствии и наследника ее имущества, наряду с Ниссеном), который сообщает, что Берберова «saccage» [рвет и мечет; перевод наш. — Д. С., А. Ч.], внося правки во французский текст [Nysen 1997: 160]. Последовательность рассказов в сборнике та же, что и в русскоязычном издании: «Твердотрубов» не напечатан.

¹³ См. предисловие Берберовой: «Кроме уже известных российскому читателю "Рассказов в изгнании" [вышли в 1994 г. в то же издательстве. — Д. С., А. Ч.] впервые публикующийся цикл рассказов «Биянкурские праздники» [Берберова 1997: 5].

¹⁴ Так, например, по сравнению с газетным вариантом, «Биянкурский призрак» в сборнике 1997 г. имеет другой финал. В первой публикации Басистов уезжал, оставив своего ребенка в детском доме.

¹⁵ Последние новости. 1931. 5 апреля.

¹⁶ Последние новости. 1931. 29 ноября.

В этом вполне упорядоченном отборе имеется одно отступление от правила. 10 августа 1930 г. на страницах «Последних новостей» был напечатан рассказ «Твердотрубов» с традиционным подзаголовком «Из цикла “Биянкурские праздники”». Без сомнений можно утверждать, что «Твердотрубов» — это продолжение более раннего рассказа «Чужая девочка», вышедшего на два месяца раньше, 1 июня 1930 г. В «Чужой девочке» пожилой женщине Анастасии Георгиевне Сеянцевой приходит письмо от генерала Твердотрубова, который просит забрать Екатерину, дочь погибшей сестры главной героини. Два персонажа — генерал Твердотрубов и Катя — становятся также и главными героями рассказа «Твердотрубов».

Текст воспроизводит устойчивые константы художественного мира «Биянкурских праздников»: присутствуют персонажи из других рассказов (например, косвенно упоминается Семен Николаевич Козлобабин) и характерные локусы (отель «Каприз», парикмахерская Бориса Гавриловича, каморка, в которой живет Катя). Наконец, в рассказе последовательно проводится противопоставление Биянкура, маргинального, плотно заселенного нищего пригорода, и Парижа, поэтому Твердотрубов, прибывший в Биянкур, именуется «нездешним», «парижанином». Вместе с тем именно в Биянкуре, в отличие от Парижа, сохраняются доброта и милосердие: четырнадцатилетняя Катя решает воспитать родившегося у Твердотрубова сына, которого ни он, ни его хозяйка не могут оставить у себя¹⁷.

Примечательно, что в мемуарах «Курсив мой», вспоминая о «Биянкурских праздниках», Берберова упоминает сюжет «Твердотрубова»: «Был рассказ о двенадцатилетней девочке¹⁸, подобравшей чужого ребенка» [Берберова 2021: 297]. Однако впоследствии писательница не включает этот текст в сборник¹⁹. Безусловно, при подготовке материалов для печати текст могли не найти, но, как представляется, на фоне остальных републикованных рассказов цикла возможна и более сложная мотивация этого авторского решения. Будучи чрезвычайно внимательной к своим работам и наследию других

¹⁷ См. сюжетные параллели с другими рассказами цикла: Иван Павлович решает взять замуж беременную женщину и признать ее ребенка («Аргентина»); супруги Конотешенко дают приют выгнанной из дома Надежде Басистой с сыном («Биянкурский призрак») и т. д.

¹⁸ Небольшая ошибка памяти писательницы: в тексте Кате четырнадцать лет.

¹⁹ Содержание и композицию цикла можно проследить по отдельно подготовленным писательницей словарям для каждого рассказа. Это «Аргентина», «Фотожених», «Случай с музыкой», «Здесь плачут», «О закорючках», «Цыганский романс», «Чужая девочка», «Версты-шпалы», «Биянкурская рукопись», «Кольцо любви», «Биянкурский призрак», «Колька и Люсенька», «Биянкурская скрипка» [Berberova].

авторов²⁰, Берберова могла исключить «Твердотрубова» как ненужное продолжение более композиционно целостного рассказа «Чужая девочка». Несмотря на то что в цикле периодически встречаются одни и те же персонажи и мотивы, продолжений прежних историй в сборнике нет. Стилистая сторона рассказа, как представляется, также выводит этот текст за рамки художественной логики писательницы, излишне обнажая ее литературные приоритеты.

Стилистика «Биянкурских праздников» была довольно неоднородной по причине как крайне сжатых сроков публикации, так и неопытности начинающей писательницы. В «Курсиве» Берберова признавалась, что рассказы были «неровные, некоторые написаны наспех» [Берберова 2021: 297]. Тем не менее последовательное чтение рассказов с учетом хронологии их создания показывает поступательную эволюцию стиля писательницы и, вероятно, общую прагматику публикации «Биянкурских праздников». Так, только приступая к созданию текстов, Берберова использовала наиболее яркие приемы самых популярных на тот момент прозаиков. К концу 1920-х гг. художественные вкусы метрополии и эмиграции еще во многом совпадали, и главными литературными авторитетами для широкого круга читателей на тот момент оказывались М. Зощенко²¹ и И. Бабель [Чудакова 2007; Жолковский, Ямпольский 1994] с их узнаваемой сказовой манерой.

Курируя в газетах «Последние новости» и «Возрождение» (вместе с Ходасевичем)²² обзоры книжных новинок, Берберова внимательно изучала писательскую манеру обоих литераторов. Так, 11 июня 1925 г. в «Последних новостях» Берберова отзывалась о рассказе Бабеля «История моей голубятни»: «С жестоким натурализмом, но и с мастерством настоящего художника Бабель дает ряд характерных лиц, оттеняя их лирическими отступлениями» [Берберова 1925]. В «Возрождении» от 13 марта 1930 г. «Литературная летопись» была посвящена Зощенко и его книге «Письма к писателю». Здесь Берберова указывает, что Зощенко был «одним из самых любимых авторов» «массового читателя» [Гулливвер 1930]. Однако авторская ирония, по ее мнению, «зачастую не доходит» [Ibid.] до простого читателя. Примечательно,

²⁰ Писательница сохранила архив В. Ходасевича, интересовалась архивом Г. Кузнецовой, Л. Лунца. Свое литературное наследие Берберова тщательно отбирала, а ненужное — уничтожала (например, письма к Минне Журно). См. об этом: [Винокурова 2021; Демидова 2022].

²¹ О стилистических параллелях между рассказами Зощенко и Берберовой см., например: [Hoffman 2011]. О популярности Зощенко в эмиграции см.: [Томашевский et al. 1993].

²² Атрибуции некоторых статей, написанных под общим псевдонимом Гулливвер, посвящена диссертация: [Закрыжевская 2021b].

что позже в предисловии к сборнику «Биянкурские праздники» Берберова также будет сомневаться, улавливают ли читатели иронию в ее собственных текстах: «Я не знаю, понимали ли мои читатели иронию моих рассказов, сознавали ли, что “праздники” — не бог весть какие в этой их жизни, что между мной самой и моими “героями” лежит пропасть образа жизни, происхождения, образования, выбранной профессии, не говоря уже о политических взглядах» [Берберова 2011: 9]. В номере «Возрождения» от 22 января 1931 г. Берберова снова обращается к творчеству Зощенко, отмечая в его произведениях ту же лапидарность и человечность, которая характерна и для ее текстов того времени: «Эта незатейливая и грустная история рассказана несколько сухо, синемаатографично, но на фоне прочей сов. беллетристики кажется человечной» [Гулливвер 1931].

В «Курсиве» Берберова не только не отрицает подражательность своих ранних текстов, но и, как кажется, намеренно подчеркивает ее: «[...] есть в них следы Гоголя, Зощенки, “Скверного анекдота”, и Антоши Чехонте, и следы меня самой — ищущей “бытового слова” сюжета с лирико-комической стороной жестокого романа, и со слезой, напоминающей не человеческую, но сырную слезу» [Берберова 2021: 397]. В предисловии к сборнику, по характеристике Эткинда, похожего на «лингвистический автокомментарий» [Переписка: 33], она развивает эту мысль: «Самые ранние из “Биянкурских праздников” не могут не напомнить читателю Зощенко (и в меньшей степени Бабеля и Гоголя), [...] мои герои — провинциалы, полуинтеллигенты поколения, выросшего в десятых и двадцатых годах, *говорили языком героев Зощенко*²³» [Берберова 2011: 10]. Несложно заметить, что в воспоминаниях среди литераторов-предшественников Берберова указывает на меньшее влияние Бабеля, связь с советской властью которого к этому времени становится известной эмигрантам и осуждаемой ими. Между тем именно его влияние начинает преобладать в текстах Берберовой: это и сама сказовая основа повествования (близкая больше не зощенковскому люмпену-пролетарию, а бабелевскому интеллигенту), и мелодраматичность, а подчас и трагичность звучания (в противопоставление зощенковской иронии и сатире), а также принцип циклизации текстов.

Сама попытка создания микромира со своей историей, атмосферой, законами и героями корреспондирует с бабелевской традицией. Основное действие всех рассказов Берберовой происходит в Биянкуре, соседствующем с Булонью²⁴. Здесь находился завод Рено, на котором рабо-

²³ Курсив Берберовой.

²⁴ Берберова в «Курсиве» сравнивает Булонь и Биянкур: «В Булони был стадион, в Булони были скачки. В Биянкуре был автомобильный завод Рено, кладбище,

тали эмигрировавшие после революции и Гражданской войны русские, главные действующие лица цикла. Безусловно, жизнеутверждающее звучание бабелевских «Одесских рассказов» существенно отличается от минорной интонации текстов Берберовой (и, возможно, в чем-то приближается к «Конармии»), однако здесь примечателен сам принцип описания микросообщества внутри агломерации большого города (одесские евреи — у Бабеля, русские эмигранты — у Берберовой). Некоторый автобиографизм²⁵ и эмпатия к своим персонажам также сближают Берберову с Бабелем.

Однако и на начальном этапе сказовая манера «Биянкурских праздников» далеко не была монолитна. В ранние тексты Берберова вводит символистский стилевой пласт, используя его, как и сказ, на уровне языка, и не подразумевая тут эстетическую программу: символистские образы представлены лишь в штампах, хорошо опознаваемых современниками, что могло вызвать еще больший отклик у ностальгирующего массового читателя. Так, недостижимый для героев рассказа «Здесь плачут» образ девушки-видения в голубой шляпке, как и мотив двоемирия, заданный уже в заглавии, построен на реминисценциях из блоковской²⁶ «Незнакомки»²⁷. Подобная литературная стратегия вполне оправдалась уже на самом раннем этапе — Берберова быстро обрела желаемую популярность: «Рассказы эти имели большой успех. “Последние новости” в это время выходили тиражом в тридцать — тридцать пять тысяч экземпляров ежедневно, их читали буквально все, и не

река и грязные, бедные, запущенные кварталы. В Булонь люди переходили из Парижа по широкой зеленой аллее, в Биянкур — по пыльной некрасивой торговой улице». [Берберова 2021: 373].

²⁵ Писательница вместе с мужем, В. Ф. Ходасевичем, эмигрировала из России в 1922 г., в Париже супруги обосновались в 1925 г. Как и у большинства эмигрантов, материальное положение литераторов было весьма сложное, поэтому тема, за которую взялась Берберова, была ей весьма знакома. И. Бабель провел детство и юность в Одессе, а далее, как герой-рассказчик из его «Конармии», служил в Красной армии во время Гражданской войны [Погорельская, Левин 2020].

²⁶ Свой пиетет перед Блоком и символистами Берберова неоднократно подчеркивала в течение всей жизни. Так, она гордилась тем фактом, что была единственной, кто возложил четыре белые лилии на панихиде по Блоку [Берберова 2021: 149–150]. В 1947 г. Берберова выпустила книгу «Александр Блок и его время: Биография», предназначенную для французской публики [Berberova 1947]. В 1960-е гг. она читала в Принстоне курс по русскому символизму (см. об этом: [Винокурова 2017]). К числу важных фактов, касающихся рецепции Блока у Берберовой, следует также отнести выступление писательницы с лекцией о русском символизме на Франко-русской студии 16 декабря 1930 г., сделанное на французском языке [Абенсур 2015: 174–179]. См. также: [Закрывская 2021а: 134–141].

²⁷ «Незнакомку», по выражению Чуковского, «наше поколение сделало своим символом веры» [Чуковский 2012: 142]. Гиппиус в воспоминаниях о Блоке констатирует: «Незнакомка всем известна» [Гиппиус 1991: 235].

только в Париже. Все меня знали» [Берберова 2021: 397]. Вместе с тем популярны рассказы были по преимуществу среди эмигрантов, причем довольно демократической их части. В «Курсиве» Берберова вспоминает, как именно простые люди оказывали ей знаки почтения и признательности:

Мадам Пышман норовила положить мне в мешок банку консервов, русский сапожник однажды набил мне подметки даром, перевозчики, когда мы переезжали в Лонгшен (русские), отказались взять на чай. На русских вечерах меня узнавали, и однажды, в вагоне метро, ночью, все головы повернулись ко мне: с какого-то русского праздника человек тридцать русских ехало домой (в Биянкур, конечно) и я услышала шепотом произнесенную мою фамилию [Ibid.].

Уже к 1930 г. стилистическая основа рассказов Берберовой претерпевает изменения [Хатымова 2012], отходя от сказа и расширяя социальную проблематику и культурную географию. Со временем Берберова старается ориентироваться не только на узкую среду эмигрантов (и, соответственно, русскую литературную традицию), но и на аудиторию европейского масштаба. Так, герои-неудачники Берберовой все чаще начинают напоминать или потерявшихся в безысходности героев Джеймса Джойса («Дублинцы»), или бедных парижан Эмиля Золя («Дамское счастье») и братьев Гонкур («Жермини Ласерте»), а по драматичности сюжета тексты все больше приближаются к новеллам Ги де Мопассана. Заимствование стилевых тенденций у других литераторов Берберова продолжит и в позднем творчестве. Как убедительно показала И. Е. Винокурова, при написании «Курсива» Берберова опиралась на поэтику Симоны де Бовуар, а некоторые эпизоды из ее жизни использовала и для своей автобиографии [Винокурова 2012].

В свете новых творческих поисков рассказ «Твердотрубов», в котором Берберова наконец-то отходит от прежней сказовой манеры²⁸, становится шагом назад в логике эволюции стиля. В рассказе наряду с узнаваемым следом французских писателей-натуралистов, доминируют темы и стиль Ф. Достоевского, что оказывается возвращением к русской литературе, причем не современной, а прошлого века. «Достоевский в эти годы подавил меня сверх всякой меры» [Берберова 2021: 297], — критически замечает Берберова о том периоде. Любопытно, что в «Курсиве», говоря о своих литературных учителях периода «Биянкурских праздников», Берберова все же называет Достоевского,

²⁸ Единственным, но довольно весомым следом прежней манеры писательницы оказывается само имя главного героя (Твердотрубов; схожим образом Берберова создает и фамилию Козлобабин), построенное по принципу номинации зоценковских персонажей (ср. «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»).

метонимически замещая, однако, его имя заглавием рассказа (напомним: «[...] есть в них следы Гоголя, Зощенки, "Скверного анекдота", и Антоши Чехонте, и следы меня самой [...]» [Берберова 2021: 397]). При этом выстроенный писательницей литературный ряд содержит сатирические произведения, хотя в мелодраматических «Биянкурских праздниках» сатира присутствует в гораздо меньшей степени. Несмотря на то что в цикле можно встретить параллели с сюжетом «Скверного анекдота»²⁹, в «Твердотрубов» влияние Достоевского более серьезное и многоуровневое. Сюжет и персонажи рассказа Берберовой близки не столько сатирическим текстам Достоевского, сколько тематике его центральных произведений, от «Бедных людей» до «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»: спившийся генерал, унижаясь, просит помощи у брошенной им падчерицы-подростка. Возраст Кати — 14 лет — также сближает ее с героинями Достоевского³⁰. Судьба не по годам взрослой девочки, как выясняется только к середине рассказа, оказывается счастливее участи Сони Мармеладовой, однако она также с детства вынуждена много работать, чтобы существовать, и знает уже цену лишениям. Испытывая противоречивые чувства, от неприязни и гнева до жалости и сострадания, Катя тем не менее помогает Твердотрубову, демонстрируя высокие душевные качества.

Обилие в рассказе примет художественного мира Достоевского окрашивает пространство Биянкура в узнаваемый петербургский колорит с характерным пейзажем и общим настроением душевного кризиса и потерянности [Топоров 2003: 28–60], что проявляется уже в начале текста, перекликающимся с зачином «Преступления и наказания»:

В обыкновенный день — в среду — по пустынным, притихшим улицам шел человек из города, осматривая дома и вывески, что-то ища, что-то припоминая, сворачивал туда и сюда, бесстрашно переходил площади. Один раз,

²⁹ Например, в «Здесь плачут» персонажи, как и в «Скверном анекдоте», предаются совершенно пустому спору, а в «Фотоженихе» главный герой попадает в нелепую ситуацию. О некоторых реминисценциях из текстов Достоевского в других рассказах «Биянкурских праздников» см. в статье: [Пантелей 2008].

³⁰ См. в «Бедных людях»: «Матушка страдала изнурительною болезнью, прокормить мы себя не могли, жить было нечем, впереди была гибель. Мне тогда только минуло четырнадцать лет. Вот тут-то нас и посетила Анна Федоровна» [Достоевский, 1: 46]. В «Преступлении и наказании»: «И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание»; «Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшую и удивившую это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшее последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер» [Достоевский, 5: 18, 481]. Подробнее об этом «пограничном» возрасте у Достоевского см.: [Першкина 2023].

в конце дымного бульвара, увидел он, как садится темное, приплюснутое горизонтом солнце, как плавают в его свете дома и деревья, как текут ослепительные оконные стекла. Потом он его уже не видел, он попал в серый, сиреневый сумерек переулков, где надо было думать о том, как бы не потеряться, как спросить кого-нибудь, куда идти³¹.

Заимствования очевидны не только на уровне типологии персонажей, неожиданных сюжетных поворотов и общей картины быта «маленьких людей», но и на уровне лексики³²: в катинной характеристике Твердотрубова встречаются «достоевские» слова «подлец» и «пакости», с другой стороны, обращение Твердотрубова к Кате «красавочка» напоминает обращение «маточка» Макара Девушкина к Варваре Доброселовой; деньги неоднократно называются бумажками (или «лиловенькими»³³). В этом ряду наиболее ярким примером оказывается совершенно не свойственное речи генерала просторечие «дítě». Произнесенное в подобной форме, слово «переламинает» напряженный диалог героев, обнажая растерянность и отчаяние Твердотрубова. В «Братьях Карамазовых» беззащитное «дítě» (именно в этой же не характерной для стиля художественной прозы XIX в. форме) — центральный образ сна Мити (см. заглавие третьей части, девятой книги, восьмой главы: «Показания свидетелей, дитё») — также во многом становится ключом к раскрытию психологии героя³⁴. Наконец, эмоциональный диапазон диалога

³¹ Ср. также с началом «Преступления и наказания»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» [Достоевский, 5: 5]. В других текстах из «...праздников» Биянкур описывается в совершенной иной стилистике. Например, в «Фотоженихе»: «То был тот самый час, когда над бакалейным магазином фонарь зажигается, когда вкусно пахнет биточками из открытых дверей рестораничков, когда, наконец, и неутомимый Борис Гаврилович запирает свои двери, запирает ставни, но работу не прекращает: с заднего хода он принимает известных ему клиентов. А с улицы легонько попахивает скрытой парфюмерией, виден в шелку розовый свет, да если приложить к ставням ухо, слышно цык-цык-цык, как цыкают легкие, длинные ножницы» [Берберова 2011: 23].

³² Выражаем большую благодарность А. Першкиной за ряд высказанных наблюдений.

³³ Ср. у Достоевского, например, в «Двойнике»: «Вероятно, пачка зелененьких, сереньких, синеньких, красненьких и разных пестреньких бумажек тоже весьма приветливо и одобрительно глянула на господина Голядкина» [Достоевский, 1: 148].

³⁴ «Митя встал и перешел с своего стула в угол, к занавеске, прилег на большой накрытый ковром хозяйский сундук и мигом заснул. Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени. Вот он будто бы где-то едет в степи, там, где служил давно, еще прежде, и везет его в слякоть на телеге, на паре, мужик. [...] И вот недалеко селение, виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна. А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, всё худые, испытанные, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребенок, и груди-то, должно быть, у ней такие иссохшие,

(от гнева к замешательству, а затем — состраданию), подчеркнутый активной мимикой и жестикуляцией героев, композиционно суммирует узнаваемые приемы Достоевского:

Катя собрала бумажки и всей пачкой ударила себя по подбородку.

— Да не пойду я пропадать с тобой, стряпать на тебя, штопать, на твои пакости смотреть! Я не дочка тебе, я совершенно самостоятельная, меня нельзя трогать.

Твердотрубов опустил голову и кусал пальцы.

— На одну только ноченьку, — сказал он вдруг тихо. — Необходимо очень, там дите.

Катя отодвинулась, протянула Твердотрубову две бумажки по десяти (но он их не видел) и сказала:

— Пойди, проспись, пьяный человек, стыдись, генерал Твердотрубов, последнего разбору тип!

Он покачал головой, уронив руки.

— Там дите, — повторил он, — родилось нынче днем, сильно плачет. И деваться ему некуда.

Катя вскочила, схватила Твердотрубова за руку, разбросав деньги.

— Какое дите? Откуда? Твое дите? Или чье?

— Мое. <...>

— Что ж я-то могу? — пробормотала она — У меня дите никогда не было. Я ничего не могу.

Твердотрубов покачался на стуле, от глаз ко рту прошла у него дрожь. Он схватился руками за ножки стула, на котором сидел, с трудом разогнул спину и поднял на Катю глаза.

— Да что же это? Да что же мы тут сидим? — вскричала она, заметаившись, собирая деньги. — Идем, идем скорей, чего-нибудь, как-нибудь. Да вставай, азартный человек, подлец настоящий. Ну, скорей, вниз иди, я догоню.

и ни капли в них молока. И плачет, плачет дитя и ручки протягивает, голенькие, с кулачками, от холоду совсем какие-то сизые. — Что они плачут? Чего они плачут? — спрашивает, лихо пролетая мимо них, Митя. — Дитё, — отвечает ему ямщик, — дитё плачет. — И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужички: «дитё», а не «дитя». И ему нравится, что мужик сказал «дитё»: жалости будто больше. — Да отчего оно плачет? — домогается, как глупый, Митя. — Почему ручки голенькие, почему его не закутают? — А иззябло дитё, промерзла одежонка, вот и не греет. — Да почему это так? Почему? — всё не отстает глупый Митя. — А бедные, погорелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят. — Нет, нет, — всё будто еще не понимает Митя, — ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё? И чувствует он про себя, что хоть он и безумно спрашивает и без толку, но непременно хочется ему именно так спросить и что именно так и надо спросить. И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержьем карамазовским» [Достоевский, 9: 564–565].

В русском Париже и Берлине на рубеже 1920-х — 1930-х гг рецепция Достоевского была далеко не равномерна. В первые годы эмиграции автор «Преступления и наказания» и «Бесов» находился в ряду наиболее влиятельных литераторов [Димитриев 2021: 12–14] как писатель и мыслитель, один из первых почувствовавший революционные веяния в стране и их фатальную опасность. В кругу парижской литературной молодежи (Б. Поплавский, В. Яновский, В. Варшавский и др.) Достоевский был чрезвычайно популярен и в последующие годы. Для религиозных философов зарубежья (Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Гессен, Н. Лосский и др.) и литературоведов (П. Бицилли, К. Мочульский, А. Бем, Д. Чижевский и др.) Достоевский также оставался центральным автором, поднимающим экзистенциальные вопросы поиска Бога и бытия в мире [Сыроватко 2007]. Так, на Франко-русской студии, где французские интеллектуалы и русские эмигранты спорили о самых важных вопросах современной культуры, отдельный вечер 18 декабря 1929 г. был посвящен Достоевскому и его творческому наследию [Livak 2005].

В среде литераторов старшего поколения ситуация оказывалась неоднородной. Для одних Достоевский продолжал оставаться воплощением высокого писательского мастерства. Так, в 1931 г. В. Ходасевич опубликовал анализ поэтики текстов капитана Лебядкина [Ходасевич 1931], а Д. Мережковский в 1935 г. приветствовал выход «Романа с кокаином» М. Агеева, назвав автора долгожданным Достоевским нового времени [Димитриев 2018]. Однако для других писателей (И. Бунин, М. Алданов, В. Набоков) Достоевский и его темы к началу 1930-х гг. теряют прежний авторитет, о чем писал, например, Г. Адамович в статье с ярким заглавием «Сумерки Достоевского» (1936)³⁵ [Dolinin 2000: 17]. Позиция Адамовича, с другой стороны, также была не лишена противоречий. Констатируя угасание интереса к Достоевскому у некоторых старших литераторов, Адамович вместе с тем отмечал актуальность писателя и глубокое созвучие времени «вырванных с корнем» людей и исторических катастроф. В частности, в статье «Памяти Достоевского» (1931) Адамович обращался к сентиментальной линии творчества

³⁵ «Лет пятнадцать тому назад слава Достоевского и в особенности «престиж» его достигли зенита не только в России — во всем мире. [...] В Париже до сих пор вспоминают цикл лекций Андре Жида о Достоевском, прослушанный будто бы так, с таким вниманием, в таком напряжении, какого никто другой вызвать бы не мог (лектор лектором, но главное было — в теме). [...] Трудно определить, когда именно произошел перелом. Еще труднее назвать факты, о переломе этом свидетельствующие. Но произошел он несомненно, — это чувствуется, это разлито в воздухе, в этом нельзя ошибиться. Если бы дело касалось только прихотей литературной моды, на “чувствуется” ссылаться было бы опрометчиво» [Адамович 2018]. Подробнее о дискуссии о Достоевском в русском эмигрантском кругу и среди французских интеллектуалов см.: [Livak 2005, Сыроватко 2007].

писателя и отмечал «человечность» как одно из главных чувств, которые пробуждают его тексты: «Над книгой Достоевского человек вырастает. Он острее и действеннее чувствует свое братство с остальными людьми. Он учится жертвовать собой» [Адамович 2002: 457].

Статья «Памяти Достоевского» вышла в газете «Последние новости» 8 февраля, через полгода после публикации «Твердотрубова». Представляется далеко не случайным, что сотрудники «Последних новостей», Адамович и Берберова, излагали довольно близкие взгляды на главные художественные заслуги Достоевского, выражая тем самым мнение, общее для круга своих читателей. Идея рассказа Берберовой заключалась именно в милосердии и самопожертвовании главной героини, осмелившейся взять на воспитание чужого младенца.

Однако эту сторону влияния Достоевского на произведения Берберовой критики обошли вниманием, сосредоточившись на стиле ее текстов и оценив этот ход, в отличие от книги М. Агеева, не в лучшую сторону. Так, в рецензии на первый роман писательницы «Последние и первые», создававшийся в то же время, что и «Твердотрубов», В. Набоков указал на авторское балансирование между собственной манерой (которую оценил высоко) и манерой Достоевского (названной критиком «нестерпимой»): «В романе, просто бытовом, иные из приемов Берберовой были бы просто нестерпимы; но мучительная напряженность диалогов (местами весьма напоминающих карамазовские крики) и некоторая странность совпадений и встреч искупаются общим строем этой своеобразной, ладной и блестящей книги» [Набоков 1931].

В начале 1930-х гг. авторитет Набокова для Берберовой был весьма высок: писательница с восторгом отзывается на «Защиту Лужина»³⁶, а также и на последующие тексты Сирина-Набокова³⁷. Именно по ее инициативе между ней, Ходасевичем и Набоковым завязывается переписка, перешедшая в близкое личное знакомство [Шруба, Бабилов 2017]. Берберова небезосновательно считала Набокова наиболее талантливым современным литератором³⁸, поэтому его мнение, подкрепленное близкой позицией других критиков, было решающим. В последующих текстах Берберовой влияние Достоевского было сведено к минимуму, что отметил, например, В. Вейдле в отзыве на ее второй роман

³⁶ Воодушевляющий отзыв на роман напишет и В. Ходасевич (Возрождение. 1930. 11 октября).

³⁷ О взаимоотношениях литераторов см. также: [Винокурова 2013].

³⁸ В «Курсиве» Берберова оценивает роль Набокова в эмигрантской литературе и ставит его выше всех современников из «младшего» поколения: «[...] огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Всё мое поколение было оправдано» [Берберова 2021: 363–364].

«Повелительница» (1932): «Первый роман то и дело автора приводил в опасную близость к миру Достоевского; второй уже без всякой опасности приближает нас к хорошо расчищенным садам французского романа» [Вейдле 1933]. В «Курсиве» писательница отдельно описывает это несколько вынужденное решение: «[...] я вышла из него [Достоевского. — А. Ч., Д. С.] только для того, чтобы пуститься в более легкую литературу — как бы назло ему. Второй роман, а отчасти и третий были реакцией на это подавление [...]» [Берберова 2021: 297]. Таким образом, период увлечения Берберовой стилем Достоевского, пришедшийся на самое начало 1930-х гг., оказался, по общему мнению, лишним шагом в творческом пути писательницы. Чтобы не напоминать о ненужном отклонении от своей писательской траектории, Берберова, по всей видимости, предпочла постфактум намеренно забыть о рассказе «Твердотрубов» в сборнике «Биянкурские праздники», выровняв тем самым вектор эволюции стиля: от сказа к собственной манере.

Эта корректировка прослеживается и в предисловии к сборнику, где писательница, в отличие от «Курсива», никак не упоминает Достоевского среди своих предшественников, выделяя только сказ: «Критика, а также литературные друзья не раз говорили мне, что я постепенно отойду от этого (частично заимствованного) сказа, и чем скорее, тем лучше. И они оказались правы. Уже году в 1931-м я параллельно с “Биянкурскими праздниками” начала писать рассказы собственным голосом, отказавшись от рассказчика, а в 1934-м окончательно освободилась от него. Но на этом и кончились “Биянкурские праздники”: они без сказа существовать не могли» [Берберова 2011: 12]. Как показывает «Твердотрубов», это суждение верно лишь наполовину: на пути к собственному голосу у писательницы был еще один учитель, которого она, повинаясь общественному мнению, постаралась забыть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по первоисточнику с современной орфографией и пунктуацией.

Твердотрубов (из цикла «Биянкурские праздники»)

В обыкновенный день — в среду — по пустынным, притихшим улицам шел человек из города, осматривая дома и вывески, что-то ища, что-то припоминая, сворачивал туда и сюда, бесстрашно переходил площади. Один раз, в конце дымного

бульвара, увидел он, как садится темное, приплюснутое горизонтом солнце, как плавают в его свете дома и деревья, как текут ослепительные оконные стекла. Потом он его уже не видел, он попал в серый, сиреневый сумерек переулков, где надо было думать о том, как бы не потеряться, как спросить кого-нибудь, куда идти. Красные тучи проходили по небу, погода была ветреная. И повстречавшийся мороженщик почти бежал за своей тележкой, высоко задрав нос.

Человек был нездешний, это был парижанин, — может быть, умеющий жить в свое удовольствие. Большой нос килем и маленький, беззащитный рот придавали его типу печальное и жалкое выражение. Человек шел быстро, застегнув пиджак на все две пуговицы, талия его была обтянута, воротничок скрутился. Он был без шляпы, но зато в берете, темно-синем, потертом, на совершенно бритой голове. Усы его, седые с зеленью, тянулись к подбородку, лицо было самонадеянно, но в тревоге. В тесном, полутемном баре на углу, куда, несмотря на вечерний час, привезли корзины с минеральной водой, опрокинул он в себя рюмку чего-то горячего и опять пошел дальше. По легкомыслию своему он давно не был в этих краях, по легкомыслию своему пришлось ему сегодня бежать сюда. Он спросил у закрывавшего ставни лавочника дорогу. Оказалось: дом был здесь, за углом, напротив: нет, не здесь, рядом, где вывеска.

Он вытер ноги о коврик, поклонившись униженно, и спросил у какой-то женщины, то ли это, что ему надо. Да, это было то самое. Тогда он спросил про Катю. Катя жила на самом верху. Он бросился по лестнице, позабыв приличия. На четвертом этаже подождал немного, подышал, снял с рукава пушинку; медленно, но сердце не переставало стучать, стал он подниматься еще выше. Помещение оказалось получердачное, в корридоре плакался кран в низкую, в поларбуза, раковину. Он стукнул в одну из дверей и стянул с себя берет — пот потек у него по скулам и темнело в глазах. Хотя и без того ничего не было видно.

Дверь открылась не сразу, сперва отперли задвижку, потом взяли за ручку. Два глаза посмотрели в темноту.

— Открой, красавочка, это я, — прошептал Твердотрубов и протянул руку.

— Это ты? — сказала Катя тихо.

— Это я! — повторил Твердотрубов.

— Это ты? — опять сказала Катя и впустила его.

Она собиралась ложиться спать — вместе с солнышком. Уже сырое покрывало с кровати было откинута. Твердотрубов удивился: однако, она выросла! Для четырнадцати лет она была почти что слишком высокой. Веснушек было больше прежнего и в лице появилось новое — дума. Видно было, что пришлось ей за этот год кое над чем подумать.

В комнате не было ничего, никаких предметов, кроме хозяйской мебели, да полотенца на гвозде, да мыла на комоде, — мыться ходила Катя в корридор. Посреди комнаты стоял плетенный стул с ямкой посередине, а над ним, в покатый потолок, ввинченная, горела лампочка.

— Я же просила тебя не ходить, — сказала Катя, — Ты слова своего сдержать не можешь.

— Скоро год, как я у тебя не был.

— Лучшее бы к маме на могилу ходил. Все-таки она тебе вроде жены была.

Твердотрубов присел на стул.

— Мне просто неловко, что ты пришел, — говорила Катя, садясь на постель, — Что о тебе люди подумают? Ведь догадываются, что просить пришел, а что я тебе дам? Больше пятидесяти не дам, нету, пятьдесят всего только и отложено.

Она расстегнула платье, пошарила рукой за лифчиком, что-то отвязала и вынула. Это были десять бумажек по пяти.

— Я не за деньгами пришел, мне твоих денег не надо. Я за тобой пришел.

Катя так и осталась с расстегнутым платьем, на коленях держа веером старенькие, рваненькие лиловенькие бумажки.

— Одевайся скорее. Дело есть. Без тебя не уйду.

Катя покраснела, прикрыла бумажки рукой и губы ее вдруг набухли.

— Я не пойду, я на месте, шью. Деньги зарабатываю. Я карьеру делаю, все говорят.

— Ах, да не спорь! Только изводишь всех. Тоска от твоих споров.

Катя собрала бумажки и всей пачкой ударила себя по подбородку.

— Да не пойду я пропадать с тобой, стряпать на тебя, штопать, на твои пакости смотреть! Я не дочка тебе, я совершенно самостоятельная, меня нельзя трогать.

Твердотрубов опустил голову и кусал пальцы.

— На одну только ноченьку, — сказал он вдруг тихо. — Необходимо очень, там дите.

Катя отодвинулась, протянула Твердотрубову две бумажки по десяти (но он их не видел) и сказала:

— Пойди, пропись, пьяный человек, стыдись, генерал Твердотрубов, последнего разбору тип!

Он покачал головой, уронив руки.

— Там дите, — повторил он, — родилось нынче днем, сильно плачет. И деваться ему некуда.

Катя вскочила, схватила Твердотрубова за руку, разбросав деньги.

— Какое дите? Откуда? Твое дите? Или чье?

— Мое.

Она выпустила руку и неподвижно смотрела на него, на его бритую голову.

— Ты погоди, красавочка, пугаться, я тебя не пугать пришел, а просить пришел.

— О чем? — сурово отозвалась Катя.

— Пойдем со мной, красавочка, страшно очень. В первый раз у меня дите, и делать с ним ничего не умею, и боюсь, не умерло бы, и не выкинули бы меня на улицу из отеля.

Катя отвернулась.

— Что ж я-то могу? — пробормотала она — У меня дите никогда не было. Я ничего не могу.

Твердотрубов покачался на стуле, от глаз ко рту прошла у него дрожь. Он схватился руками за ножки стула, на котором сидел, с трудом разогнул спину и поднял на Катю глаза.

— Да что же это? Да что же мы тут сидим? — вскричала она, заметавшись, собирая деньги. — Идем, идем скорей, чего-нибудь, как-нибудь. Да вставай, азартный человек, подлец настоящий. Ну, скорей, вниз иди, я догоню.

Она без шляпы, в рыжем, ставшем невозможно коротким пальто, потушив в комнате свет, побежала за ним, догнала его у третьего этажа, подталкивала в спину. И по улице они почти побежали, не говоря ни слова: Катя впереди, Твердотрубов за ней, так и не надев берета.

Этот путь был куда ближе того, которым шел Твердотрубов, все расспрашивая, все распытывая у прохожих. Они бежали теперь наперекосок, к остановке трамвая. Солнце село, было не по-летнему холодно, пыльно, скучно. За высокой стеной, в квадратных окнах, гудели машины и временами отравно, сладко пахло машинным маслом. И красные тучи уходили за дом, потемнев, потухая, уничтожаясь на лету. Черно-красные дымные клоки городских туч в городском смирном небе.

Год, как не приходил Твердотрубов, год, как Катя не была в городе. Жилось ей хорошо, по-царски: работала целый день и по воскресеньям часто тоже, — работы было много, у мадам Клавы появилась даже вывеска, появилась даже машинка, за которой Катя теперь и сидела. Когда-нибудь и у нее будет машинка пико, своя собственная, это — дважды-два. Раз есть руки-ноги.

Они сидела в трамвае, сжимая в руках старый, потный кошелек и хмуро смотрела на сидящего напротив Твердотрубова. Трамвай шел, колеса стучали, автомобили обгоняли его, фонари зажигались редкой, зеленой тенью, улицы до краев наливались летними, поздними сумерками.

— Ты все там же живешь? — спросила Катя, постепенно узнавая какие-то пестрые углы, обложенную кафелем колбасную, пустынный тротуар, наглухо закрытый почтовой канторой.

— Все там же... нет, рядом, в отеле. Тот дом снесли.

Она посмотрела на его башмаки, на мохры узких, в дудочку, брюк.

— А зарабатываешь? Или как?

Он глазами заскользил по плакатам, наклепленным по потолку трамвая, но самому скоро тошно стало.

— Зарабатывал, ходил и клеил, знаешь, с ведерком, с кистью такой, иногда театральное, иногда — политическое, больше — коммерческое. Выходить нам.

Он крепко взял ее за руку, помог сойти, довел до тротуара. И тут они не сговаривались опять побежали. По совершенно пустой улице, где было сыро от строящихся домов, где пахло канализацией, могильной землей и свежей штукатуркой.

Дом был угловой. Внизу был бар, где, видимо, хорошо знали Твердотрубова. По крайней мере, два человека, стоявшие у стойки и пившие из высоких стаканов, вышли поглазеть на него и один сказал, без особой, впрочем, приязни.

— С дусманчиком, с дусманчиком бегите, ваше превосходительство.

Катя со стыдом вошла и стала подниматься по лестнице.

Рядом идти было тесно. Твердотрубов шел сзади и все время пояснял: еще выше, еще, теперь налево, вот та дверь. Уже у двери он вдруг смутился, мучительно отвел глаза, затеребил усы, оттягивая их все больше к подбородку, и сказал:

— А ее зовут, видишь ли, Елена Максимовна.

Но Катя уже вошла.

Она вошла и остановилась. Она успела представить себе ребенка совершенно отчетливо, она знала, что такое ребенок, новорожденный: однажды, месяца два назад, в отеле Каприз был настоящий праздник. Много было тогда и крику,

и слез, и смеху, и люди ходили какие-то гордые. Она спокойно и отчетливо успела подумать о ребенке, но она совершенно забыла про мать. Женщина лежала на постели, по виду большая, с полным белым лицом, рыжеватыми, длинными волосами, с крупными бусами на шеи. Глаза ее были закрыты, хотя не плотно: руки, тоже большие и полные, с маленькими черными ногтями, были раскиданы по постели. Твердотрубов не двигался, забыв закрыть дверь. В комнате стоял тяжелый запах давно непроветренного жилья.

— Кто это? — спросила Катя.

Твердотрубов задергался всем телом.

— Это, видишь ли, красавочка, Елена Максимовна, фамилии не могу назвать, бесчестно называть фамилию. Женщина очень, очень приличная, не какая-нибудь, не думай. Но живет одна и позориться не может — в ресторане подает. Ей-богу, — до последнего дня подавала, такая фигура потрясающая, ничего заметно не было. Вчера говорит мне: «Я, Алеша, боюсь, в кабаке рожу. Я к тебе перееду на эти дни, отпуск возьму. Мы с ней давно интимные приятели. Я подумал — шутит, разве можно в отеле родить? Переехала, красавочка, родила».

— Одна? Сама?

— Нет, акушерку взяли, что ты, что ты? Разве мы дикие?

Женщина вдруг раскрыла глаза, обвела ими комнату, увидела Катю, долго смотрела на нее, соображая, что за девочка, откуда? Потом сообразила, припомнила недавний уход Твердотрубова, вздохнула и сказала прерывисто, надтреснуто:

— Может быть, все-таки попытаться домой пойти? А? Помогите мне встать.

Катя кинулась к кровати.

— Да что вы? Из сумасшедшего дома вчера? Связать вас! Ах какие вы глупости сказали!

Женщина удивленно опять перевела на нее глаза.

Катя подошла совсем близко, подала руку. Она не знала, что сейчас сделает. И вдруг она положила руку женщине на лоб. Лоб был прохладный, волосы мягкие. Она провела, неожиданно для самой себя, по лицу женщины, по щекам, и еще раз, и еще раз. Женщина закрыла глаза, дышала медленно и внезапно, вместе с выдохом сошел с ее губ тихий, короткий стон.

— Не надо, красавочка, не надо, — метнулся к Кате Твердотрубов, — Не трогай ее — она плакать любит.

— Оставь, — сказала Катя.

Она увидела на столе бутылку с красным вином, налила немного в стакан, разбавила под краном водой, просунув правую руку под теплый, мягкий затылок женщины, левой дала ей выпить несколько глотков.

И тогда она увидела, что на широкой кровати, у стены, лежит не только юбка и потертая рыжая лиса рыжей женщины, но и что-то похожее на маленький узел, перевязанное, перепеленутое и неподвижное.

Она перегнулась через ноги женщины и взяла ребенка на руки. Он был плотно укутан в нарванную полосами простыню, под голову подложен был чистый носовой платок. Глаза его были полуоткрыты, и видны были мутные под веками полоски молочных, лунных глаз. Он был красен, но Катя ждала, что он должен быть еще краснее и не испугалась. Три потных, светлых волоска шли у него от темени ко лбу.

Твердотрубов нагнулся к ребенку, и Катя почувствовала, что дыхание у него винное, нехорошее.

- Который час? — спросила она.
- Начало одиннадцатого, кажется.
- Кормили его?
- Кормили кипяченой водой.

Женщина пошевелила рукой.

— Это акушерка научила. Они часто так кормят, когда молока нет. Неделю кипяченой водой с сахаром, а потом уже молоко коровьим и мукой. Мукой, Алеша?

- Мукой, — повторил Твердотрубов, — такой специальной.
- Надо будет знать, какой именно, — сказала Катя.

В это время ребенок медленно растянул рот, потемнел и заплакал. Он кричал не очень громко, больше тужился, истекал слюной, напрягал все тельце, кривился. Катя осторожно приложила его к груди, взяла с ночного столика длинную гуттаперчевую соску, положила ребенку в рот. Он подавился сперва, задохнувшись, выпихнул ее. Потом дал ей войти, затих и снова закрыл глаза.

Женщина смотрела теперь на ребенка, на Катины руки, цепко обхватившие его, на ее тонкие, исколотые иглой пальцы, с загнутыми кверху концами. Женщина смотрела и думала о своем, раздиравшем на части душу. Она сама потянулась к стакану, выпила, приподнявшись на локти.

— Сколько же мне здесь ночей ночевать? — спросила она потухающим голосом.

— И куда дите девать? Оставить его здесь никак невозможно. Да нет, одна мне дорога!

- Какая? — спросила Катя спокойно.
- А вот Твердотрубов объяснит.

Твердотрубов стал ходить от двери к кровати и обратно.

— Понимаешь, красавочка, — говорил он, — она малодушная очень, Елена Максимовна, я ее давно знаю, скоро год, ей-Богу, и мы с ней близкие приятели. Малодушная ужасно, и на меня действует. И сам я, ведь видишь, не знаю, как теперь быть.

- Живите вместе, — сказала Катя, — как, например, живут муж и жена.
- Женщина усмехнулась, закинула руку за голову.

— Ну, нет, — сказала она, — чего уж там жить, коли любви нету.

Катя долго смотрела на нее.

- Да ведь была любовь, коли дите есть?
- Была да сплыла.

Ребенок не двигался у Катиной груди.

- Что-то больно скоро, — сказала Катя.
- Не вам судить.

- Я и не сужу. С мамой Твердотрубов шесть лет прожил. Она терпела.
- За грехи, видно, терпела. А у меня грехов нет.

Катя тихонько покачала ребенка.

— Мне бы только подняться. Акушерка сказала — восемь дней, ну нет, мы раньше поднимемся! Не может же он, — она глазами показала на Твердотру-

бова, — восемь дней меня прятать! Поднимусь, пойду.... Да уж, конечно, не домой! — вдруг крикнула она слезно. — Изо всех щелей выйдут на меня смотреть, знаю я их, только чужой бедой и живы! А переехать — не выпустят, за комнату не плочено. Не хочу, не пойду! Одна мне дорога.

— Это уже ваше дело, — сказала вдруг Катя, — а что же будет с дитем?

Женщина всхлипнула и замолчала. Твердотрубов отошел от угла, где высоко под потолком висел картонный образ. Он, видимо, страдал, сильно страдал, тянуло его к откупоренной бутылке.

— Может быть, денег достать? — сказал он. Женщина мотнула головой, — Переехать, комнату взять и тебе с ним вместе устроиться, все-таки это самое спокойное. И никто не осудит среди чужих людей. И будешь ты его потихоньку воспитывать.

— Да куда ж я его дену? — застонала женщина, обливаясь слезами. — Ведь это же надо понимать, если есть голова. Можно подумать, что я какая-то птица. Ведь я до поздней ночи в ресторане, ведь, дома то никого не будет, ведь он надорвется крича, — никто не подойдет. — Она грустно пометалась на постели. — Денег достать? А ты достань! Достань их!

Она с тоской закрыла лицо локтем, всхлипнула, другой рукой натянула одеяло к самому лицу. Катя все укачивала ребенка. Ей казалось, что скоро наступит утро, и думалось, что могут войти какие-то люди и выгнать их всех из этой комнаты на парижскую улицу за шум, плач и беспорядок. Ей вспомнилось, что в это самое время она обычно видит свой любимый сон: кто-то берет ее за руку — не то это парикмахер Борис Гаврилович, не то старый козлобабинский приказчик (они похожи). Кто-то ведет ее по лесу, по полю, по морю, на кладбище и молится вместе с ней и дает ей денег: купи себе дом, купи себе сад, купи себе поле, лес, море... Ей представилось, что она здесь, сейчас, под эти всхлипы, задремлет, как маленькая. Но она крепко держала ребенка. И внезапно она пристально взглянула ему в сморщенное лицо.

— Дитя ваше какое-то тихое, — сказала она с удивлением и радостью. — Я его себе возьму.

Она взглянула на женщину, потом на Твердотрубова.

— Буду его кипяченой водой поить, скажу, что мой. То есть скажу, что дали мне его на время добрые люди. И все. У нас там знают, как быть. Вырастет, будет, как все, работать.

Женщина отвела руку от лица. Взглянула на Катю широко открытыми глазами. Лицо ее было мокро и губы бледны.

— Да куда же вы денете его? Ведь вы работаете.

Катя ответила не сразу, она еще некоторое время смотрела в лицо ребенку у самой своей груди, потом посмотрела на стакан, на остатки вина. Она думала, ей нельзя было мешать, и женщина это понимала.

— Работа не помешает, работаю я там, где и живу, только внизу. Буду его с собой брать, или буду наверху оставлять: как крикнет — слышно будет, побегу. Меня очень все любят, и его полюбят, я уж устрою. А будет возможность — возьмете его.

Твердотрубов опять пошел по комнате стучать тяжелыми своими башмаками, покусывать пальцы.

— Ее все любят, — подхватил он, — такая уж она у нас красавочка! Я ее после смерти матери просто выставил вон, к тетке. А она — вот какая. И работает, и дите возьмет. Эх, Катя!

Он стал в ногах постели, часто моргая воспаленными глазами.

— Только вы ходить ко мне не вздумайте, — сказала Катя. — Ко мне никто не ходит. Я по воскресеньям, по утрам, буду его сюда приносить. А в Биянуре вы не показывайтесь.

Женщина опять приподнялась на локти, прикусив губу.

— Хотите, я вам эти бусы подарю? — спросила она, волнуясь.

— Хочу, у меня никаких бус нет.

Катя надела их, и они тяжело легли ей на торчащие ключицы. Встав, она одной рукой запахнуло платишко, другой прижимая к себе ребенка.

— Возьмите еще вот простыню, нарвете, — сказала женщина. Твердотрубов увязал узел, положил туда два носовых платка, положил почему-то старый, с отломанными зубьями гребешок и кусок черного, глянцевого мыла — Бог весть с какого воротника и зачем.

Катя просунула в узел руку, дала женщине проститься с ребенком. Женщина опять плакала, она и вправду любила плакать. Твердотрубов не шевельнулся, пока Катя не дошла до двери, там он кинулся в коридор, чтобы свет зажечь и отпереть дверь вниз.

— Ты осторожно, осторожно с ним, — бормотал он на лестнице. — Ведь он совсем маленький.

— Не учи меня! Куда уж меньше! — отвечала Катя, — Генерал, обманщик. Гадость, гадость, а не душа у тебя.

Она вышла на улицу, пошла к остановке трамвая, но было слишком поздно, трамвай не шли. Ей пришлось идти пешком, а пешком идти — около часу из тех краев в наши края. Она шла по освещенным, пустым улицам, через реку, где так красивы ночные огни — розовые, красные, белые. Идти было не страшно — есть на свете более страшные вещи, чем хождение ночью по городу. Устав на полдороге, Катя присела на скамейку бульвара, одна: было сыровато, тихо. Иногда проезжали автомобили — и только. Дома стояли мертвые, темные. Тут на скамейке ребенок опять покривился немного, пропищал, покарежился в Катиных руках. Она поцеловала его в голову, задумчиво покачала вверх и вниз и опять пошла.

Так она шла с непокрытой головой, и коса ее болталась, не длинная, а все-таки — коса. И дошла, наконец, Катя до дому. И когда она поднялась к себе, то легли они в постель рядышком — Катя и дите.

В комнате было темно; в окне сквозь старую кисейную занавеску что-то светилось. Стены были пусты, комната была пуста, по середине белел стул, на котором давеча сидел Твердотрубов. И они уснули рядом — Катя и дите. И Катя обнимала дите и сонно укачивала его. И ей снился беспокойный сон: не было рядом с ней на кладбище никого, была она одна, и не по садам и морям шла она, а по столичным, ночным улицам, и выбирала себе из них, какая лучше и подешевле, чтобы эту улицу себе купить на последние лиловенькие деньги.

Н. Берберова

Библиография

Источники

Рукописи и переписка

Переписка

Переписка Н. Берберовой с Е. Эткингом, архивный материал.

Berberova

Białkurskie Prazdniki i Drugie Rassказы, copy of typescript and manuscript draft, архивный материал.

Издания

Адамович 2002

Адамович Г. В., Памяти Достоевского, Idem, *Собрание сочинений. Литературные заметки*, 1 («Последние новости». 1928–1931), С.-Петербург, 2002, 449–457.

— 2018

Адамович Г. В., «Сумерки Достоевского», *Последние новости*, 1936, 17 сентября, 5655, 3.

Берберова 1925

И. [Берберова], Хроника советской литературы, *Последние новости*, 1573, 1925, 11 июня, 3.

— 1997

Берберова Н. Н., *Биянкурские праздники; Рассказы в изгнании*, Москва, 1997.

— 2011

Берберова Н. Н., *Биянкурские праздники*, Москва, 2011.

— 2021

Берберова Н. Н., *Курсив мой*, Москва, 2021.

Вейдле 1933

Вейдле В. Н., Берберова: Повелительница, *Современные записки*, 51, 1933, 461.

Гиппиус 1921

Гиппиус З. Н., «Мой лунный друг». О Блоке, Eadem, *Стихотворения. Живые лица*, Москва, 1991, 214–250.

Гулливер 1930

Гулливер [Берберова], Литературная хроника, *Возрождение*, 1745, 1930, 13 марта, 4.

— 1931

Гулливер [Берберова], Литературная хроника, *Возрождение*, 2060, 1931, 22 января, 3.

Достоевский, 1–15

Достоевский Ф. М., *Собрание сочинений*, 1–15, Ленинград, 1988–1996.

Набоков 1931

Набоков В. Н., Берберова. Последние и первые, *Руль*, 1931, 22 июня (5 июля), 2.

Струве 1996

Струве Г. П., Русская литература в изгнании, Idem, *Русская литература в изгнании*, Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю., *Краткий биографический словарь русского зарубежья*, Париж, Москва, 1996, 21–264.

Ходасевич 1931

Ходасевич В. Ф. Поэзия Игната Лебядкина, *Возрождение*, 1931, 10 февраля, 4–5.

Чуковский 2012

Чуковский К. И., Александр Блок как человек и поэт, Idem, *Собрание сочинений*, 8: Литературная критика. 1918–1921, Москва, 2012, 75–184.

Berberova 1947

Berberova N., *Alexandre Blok et son temps*, Paris, 1947.

Литература

Абенсур 2015

Абенсур Ж., Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение, *Новейшая история России*, 1, 2015, 174–179.

Винокурова 2012

Винокурова И. Е., «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?...». Нина Берберова и Симона де Бовуар, *Вопросы литературы*, 2, 2012, 295–335.

——— 2013

Винокурова И. Е., Набоков и Берберова, *Вопросы литературы*, 3, 2013, 151–175.

——— 2017

Винокурова И. Е., «Не могу себе представить, чтобы книга не вышла по-русски...». «Курсив мой»: к истории публикации и рецепции, *Знамя*, 12, 2017, 124–148.

——— 2018

Винокурова И. Е., Нина Берберова и третья волна эмиграции, *Звезда*, 10, 2018, 146–191.

——— 2021

Винокурова И. Е., Нина Берберова: Труды и дни по дневникам и письмам, *Звезда*, 8, 2021, 157–195

——— 2023

Винокурова И. Е., *Нина Берберова: известная и неизвестная*, С.-Петербург, 2023.

Гусефф 2014

Гусефф К., *Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)*, Кустова Э, пер., Байсвенгер М., науч. ред., Москва, 2014.

Демидова 2022.

Демидова О. Р., О тайнах эпистолярного текста и парадоксах женской дружбы, *Нина Берберова — Галина Кузнецова. Переписка 1920-х — 1940-х годов*, Белобровцева И. З., Демидова О. Р, подгот. текста и коммент., Москва, 2022, 12–40.

——— 2018

Димитриев В. М., Подросток Вадим Масленников: О полемике с Ф. М. Достоевским в «Романе с кокаином» М. Агеева, *Летняя школа по русской литературе*, 2–3, 2018, 295–310.

——— 2021

Димитриев В. М., вст. зам. и пер., «Не правда ли, самый прекрасный триумф духа?»: речь Андре Сюреса на столетие Ф.М. Достоевского, *Русская литература*, 3, 2021, 12–25.

Жолковский, Ямпольский 1994

Жолковский А. К., Ямпольский М. Б., *Бабель/Vabel*, Москва, 1994.

Закрыжевская 2018

Закрыжевская Е. А., Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском, *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*, 6, 2018, 172–190.

——— 2021a

Закрыжевская Е. А., Память и текст: Н. Н. Берберова о А. А. Блоке, *Русская литература*, 3, 2021, 134–141.

——— 2021б

Закрыжевская Е. А., *Нина Берберова — хроникер русской литературы* (диссертация ... кандидата филологических наук), Москва, 2021.

Коростелев 2002

Коростелев А. О., Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости», *Адамович Г. В. Собрание сочинений*, 1: Литературные заметки («Последние новости» 1928–1931), С.-Петербург, 2002.

Менегальдо 2001

Менегальдо Е., *Русские в Париже. 1919–1939*, Москва, 2001.

Пантелей 2008

Пантелей И., Воздух Достоевского в пространстве Нины Берберовой, *Достоевский и русское зарубежье XX века*, С.-Петербург, 2008, 142–146.

Першкина 2023

Першкина А. Н., Мотив растреления в произведениях Достоевского в контексте законодательства XIX века, *Неизвестный Достоевский*, 3, 2024, 44–54.

Погорельская, Левин 2020

Погорельская Е. И., Левин С. Х., *Исаак Бабель. Жизнеописание*, С.-Петербург, 2020.

Рубинс 2007

Рубинс М., Газданов и Достоевский или сюжеты русской классики в романе «Ночные дороги», *Достоевский и русское зарубежье XX века*, С.-Петербург, 2008, 79–98.

Сыроватко 2007

Сыроватко Л. В., Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940), *Достоевский и XX век*, 2, Москва, 2007, 68–178.

Томашевский et al. 1993

Томашевский Ю., Федякин С., Коростелев О., публ., Неизвестный советский гражданин, которого звали Зоценко. По страницам эмигрантских изданий 1920–1930-х годов, *Дружба народов*, 8, 1993, 200–216.

Топоров 2003

Топоров В. Н., *Петербургский текст русской литературы*, С.-Петербург, 2003, 28–60.

Хатямова 2012

Хатямова М. А., Организация повествования в рассказах Н. Н. Берберовой (от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви»), *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 3/19, 2012, 100–110.

Чудакова 2007

Чудакова М. О., «Разведенный пожиже», *Eadem, Новые работы. 2003–2006*, Москва, 2007, 4–39.

Шруба, Бабилов 2017

Шруба М., Бабилов А., Письма В. В. Набокова к В. Ф. Ходасевичу и Н. Н. Берберовой (1930–1939). Письмо Н. Берберовой к В. Набокову, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 5, 2017, 217–248.

Dolinin 2000

Dolinin A., Parody in Nabokov's *Despair*, *Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel*, München, 2000, 15–41.

Hoffman 2011

Hoffman D., *Without Nostalgia: Nina Berberova's Short Fiction of the 1930s*, Chapel Hill, 2011, 14–16.

Livak 2005

Livak L., *Le Studio franco-russe, 1929–1931*, *Toronto Slavic Quarterly*, 1, 2005.

Nyssen 1997

Nyssen H., *L'éditeur et son double: Carnets 3. 1989–1996*, Arles, 1997.

References

- Abensour G., Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation, *Modern history of Russia*, 1, 2015, 174–179.
- Chudakova M. O., "Razvedennyi pozhizhe", Eadem, *Novye raboty. 2003–2006*, Moscow, 2007, 4–39.
- Demidova O. R., O tainakh epistolarnogo teksta i paradokсах zhenskoi družby, *Nina Berberova – Galina Kuznetsova. Perepiska 1920-kh – 1940-kh godov*, Belobrovitseva I. Z., Demidova O. R., comment., Moscow, 2022, 12–40.
- Dimitriev V. M., Podrostok Vadim Maslennikov: O polemike s F. M. Dostoevskim v "Romane s kokainom" M. Ageeva, *Letniia shkola po russkoi literature*, 2–3, 2018, 295–310.
- Dimitriev V. M., introd., transl., "Isn't This the Most Amazing Triumph of Spirit?" Dostoevsky Anniversary Speech by André Suarès. Appendix. André Suarès. Dostoevsky Anniversary, *Russkaia Literatura*, 3, 2021, 12–25.
- Dolinin A., Parody in Nabokov's Despair, *Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel*, München, 2000, 15–41.
- Gousseff C., *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride, 1920–1939*, Moscow, 2014.
- Hoffman D., *Without Nostalgia: Nina Berberova's Short Fiction of the 1930s*, Chapel Hill, 2011, 14–16.
- Khatyamova M. A., Narration organization in N.N. Berberova's stories (from "The Feasts of Billancourt" to "Where They Do Not Talk About Love, and Other Stories"), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 3/19, 2012, 100–110.
- Korostelev A. O., Georgii Adamovich v gazete Miliukova "Poslednie novosti", *Adamovich G. V., Sobranie sochinenii*, 1: Literaturnye zametki ("Poslednie novosti" 1928–1931), St. Petersburg, 2002.
- Livak L., Le Studio franco-russe, 1929–1931, *Toronto Slavic Quarterly*, 1, 2005.
- Menegaldo E., *Russkie v Parizhe. 1919–1939*, Moscow, 2001.
- Nyssen H., *L'éditeur et son double: Carnets 3. 1989–1996*, Arles, 1997.
- Pantelei I., Vozdukh Dostoevskogo v prostranstve Niny Berberovoi, *Dostoevskii i russkoe zarubezh'e 20 veka*, St. Petersburg, 2008, 142–146.
- Pershkina A. N., The Molestation Motif in F.M. Dostoevsky's Prose in the Context of the 19th-Century Legislation of the Russian Empire, *The Unknown Dostoevsky*, 3, 2024, 44–54.
- Pogorelskaya E. I., Levin S. Kh., *Isaak Babel. Zhizneopisanie*, St. Petersburg, 2020.
- Rubins M., Gazdanov i Dostoevskii ili sluzhety russkoi klassiki v romane "Nochnye dorogi", *Dostoevskii i russkoe zarubezh'e 20 veka*, St. Petersburg, 2008, 79–98.
- Syrovatko L. V., Dostoevskii glazami "molodogo pokoleniia" russkoi emigratsii (1920–1940), *Dostoevskii i 20 vek*, 2, Moscow, 2007, 68–178.
- Tomashevsky Yu., Fedyakin S., Korostelev O., publ., Neizvestnyi sovetskii grazhdanin, kotorogo zvali Zoshchenko. Po stranim emigrantskikh izdaniia 1920–1930-kh godov, *Družba narodov*, 8, 1993, 200–216.
- Toporov V. N., *Peterburgskii tekst russkoi literatury*, St. Petersburg, 2003, 28–60.
- Shrubu M., Babikov A., Pis'ma V. V. Nabokova k V. F. Khodasevichu i N. N. Berberovoi (1930–1939). Pis'mo N. Berberovoi k V. Nabokovu, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 5, 2017, 217–248.
- Vinokurova I. E., "Kogo vybrat primerom? U kogo mne uchit sia?..", Nina Berberova i Simona de Bovuar, *Voprosy literatury*, 2, 2012, 295–335.
- Vinokurova I. E., Nabokov i Berberova, *Voprosy literatury*, 3, 2013, 151–175.
- Vinokurova I. E., "Ne mogu sebe predstavit', chtoby kniga ne vyshla po-russki...". "Kursiv moi": k istorii publikatsii i retseptsii, *Znamia*, 12, 2017, 124–148.
- Vinokurova I. E., Nina Berberova i tret'ia volna emigratsii, *Zvezda*, 10, 2018, 146–191.
- Vinokurova I. E., Nina Berberova: Trudy i dni po dnevnikam i pis'mam, *Zvezda*, 8, 2021, 157–195.
- Vinokurova I. E., *Nina Berberova: izvestnaia i neizvestnaia*, St. Petersburg, 2023.
- Zakryzhevskaya E. A., Ivelich and Gulliver in the Emigrant Newspaper Vozrozhdenie about Soviet Critic Vyacheslav Polonskiy, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6, 2018, 172–190.
- Zakryzhevskaya E. A., Memory and Text: N. N. Berberova on A. A. Blok, *Russkaia Literatura*, 3, 2021, 134–141.
- Zholkovsky A. K., Yampolsky M. B., *Babel'/Babel*, Moscow, 1994.

Александра Александровна Чабан, кандидат филологических наук, PhD,
старший преподаватель Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
achaban@list.ru

Дарья Алексеевна Стрижкова, стажер-исследователь
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
стипендиатка Фонда наследия русского зарубежья
Россия / Russia
strizhkova.2003@mail.ru

Received December 16, 2023

**Из истории русских
литературных
институций**

[Рец.: Институты литературы в
Российской империи:
коллективная монография. Сост.,
отв. ред. А. В. Вдовин,
К. Ю. Зубков. Москва, 2023
(Монографии ВШЭ:
Гуманитарные науки)]

**From the History
of Russian Literary
Institutions**

[Rev. of: Institutes of Literature in
the Russian Empire: joint
monograph. Comp., ed. by
A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov.
Moscow, 2023 (HSE Monographs:
Humanities)]

**Андрей Юрьевич Соловьев
Вера Владимировна Филочева**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

**Andrei Yu. Solovëv
Vera V. Filicheva**

Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензия представляет собой обзор коллективной монографии, посвященной литературным институтам и институциям Российской империи. Собранные в рабочую группу исследователи — специалисты по разным аспектам общей темы, что позволило им создать труд, пронизанный единым подходом, и одновременно углубиться в частную проблематику. В поле зрения авторов книги находятся такие институты как цензура, народное образование, театр, кружки, салоны и литературные организации и сообщества. Обращаясь к анализу конструктов (воображаемый читатель, публика, народ, общество), авторы

Цитирование: Соловьев А. Ю., Филочева В. В. Из истории русских литературных институций // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 370–385.

Citation: Solovëv A. Yu., Filicheva V. V. (2025) From the History of Russian Literary Institutions. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 370–385.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.13

монографии показывают, что они существуют не сами по себе, а в рамках рассматриваемых институций, и каждый раз, когда идет разговор о конкретном тексте, это необходимо учитывать. Безусловными достоинствами издания можно назвать проработанность материала и композицию: выделение узловых проблем, распределение глав по частям. Исследование органично вписывается в научное творчество его авторов, в историю изучения литературных институций, указывает перспективы дальнейшей работы. Они могут быть связаны и с дальнейшей огранкой инструментария, терминологии, и с количественным наращиванием материала, который ляжет в основу институциональной истории русской литературы. В ряде глав коллективной монографии, которым уделено особое внимание, выделяются как особенности, связывающие их с методом и целями всего исследования, так и отдельные открытия, достижения и спорные моменты, придающие этим главам самостоятельное значение.

Ключевые слова

институты литературы, цензура, чтения для народа, программа обучения, история театра, литературный канон, литературные объединения, автономизация, литература и политика

Abstract

The present review observes a joint monograph that examines literary institutions and institutes of the Russian Empire. The researchers gathered in the working group are specialists in different areas of the general topic, which allowed them to develop a unified approach and to delve into particular issues at the same time. The authors overview such institutions as censorship, public education, theater, coteries, salons, and literary organizations and communities are in the field of view. By analyzing the constructs (the imaginary reader, the public, the people, the society), the authors show that such phenomena exist not by themselves, but within the framework of the institutions in question, and every time we talk about a particular text, this must be taken into account. The undoubted advantages of the publication are the elaboration of the material and the composition: the allocation of nodal problems, the distribution of chapters into parts. The study organically fits into academic interests of its authors, into the history of the study of literary institutions, and indicates the prospects for further research. This may be related to further refinement of tools and terminology, and to the quantitative accretion of material that will form the basis of the history of Russian literary institutions. A number of chapters which drew our special attention, highlight both the features that link them to the methods and goals of the whole study and individual discoveries, achievements, and controversial moments that testify to their independent significance.

Keywords

literary institutions, censorship, public readings, curriculum, history of theater, literary canon, literary associations, autonomisation, literature and politics

Рецензируемая монография «посвящена проблемному описанию ключевых литературных институтов и институций Российской империи XVIII–XIX вв. в их тесном взаимодействии с государственными учреждениями и другими социальными институтами того времени» (с. 17). Составители указывают, что исследования таких институций как цензура, народное образование, театр, кружки и

литературные объединения ведутся с конца XIX в., но изучаются они изолированно, а не комплексно и обычно с идеологической, биографической или фактографической точек зрения.

Немало фактографии и в представленных в книге статьях. Авторы, однако, противопоставляют свою работу тем исследованиям, в которых литература предстает как каталог произведений, а не динамический объект (с. 9). Отсюда, вероятно, оговорка о, казалось бы, естественном для историко-литературного труда решении «максимально полно цитировать малодоступные или малоизвестные источники, особенно архивные», поскольку читателю, ищущему проблемного подхода, «текст может показаться [...] перегруженным пространными цитатами» (примеч. 2 на с. 16).

Большинство членов коллектива много работали над темами, вошедшими в круг рассматриваемых в монографии. Их перечень можно было бы расширить: например, за рамками издания остался институт литературных премий, о которых писали А. И. Рейтблат и К. Ю. Зубков [Рейтблат 2009; Зубков 2021].

Исследование привлекает смелостью заявленного перехода к институциональному анализу без отрыва от филологической почвы. Своими предшественниками авторы видят поздних формалистов и прежде всего Б. М. Эйхенбаума (апелляция к его опыту начинается книгу), чья попытка описать социальный разрез литературы оказалась, как известно, неудачной: история литературного быта так и не была создана.

Разброс представленных тем и эпох лишь на первый взгляд препятствует цельности монографии. Исследование, результатом которого она стала, проводилось в рамках грантового проекта, но следы «отчетности» минимальны. Напротив, совместная работа и сформулированный подход «узловых проблем»¹ помогли исследователям взглянуть на свои многолетние разыскания под общим углом зрения и выдвинуть на первый план новые аспекты.

В **первом разделе** представлены три работы, охватывающие период XVIII — начала XIX в. Институты литературы того времени изучены лучше всего (обзор исследований только по Александровскому царствованию составил специальную статью А. С. Бодровой [Бодрова 2021]), поэтому особенно ценно умение взглянуть по-новому, совершенно оригинально именно на этот материал. А. А. Костин обращается не к развитию и функционированию сложившихся форм, а к первоначальному — появлению литературы как института в современном, модерном виде: «Нас будет интересовать [...] вопрос, как сформированные их [поэтов первой половины XVIII в. — А. С., В. Ф.] сочинениями текстуальные сообщества порождали стихотворные тексты в социальных контекстах, отличных от претекстов» (с. 43), иными словами, как и почему поэзия вышла за пределы

¹ Составители отмечают: «Наш подход [...] подразумевает не создание масштабного нарратива, охватывающего социальную историю литературы на протяжении нескольких веков, а анализ отдельных узловых проблем, связанных с эволюцией института литературы» (с. 25). Состав «узлов» мог быть и иным. Вариант перераспределения обсуждается в работе: [Загидуллина 2024] (автор рецензии занимается в том числе исследованием медиа в современном обществе и монографию рассматривает с точки зрения эволюции социальных институтов). Еще одну рецензию на это издание см.: [Козлов 2024].

узкого круга ее «производителей». Выделяется наиболее общее свойство литературы как института — способность к самовоспроизведению, без жесткой зависимости от конкретных обстоятельств появления. Расхожее представление о рождении новой русской литературы в пеленах реформы стихосложения (выражаясь словами В. Ф. Ходасевича, «первый звук Хотинской оды нам первым криком жизни стал») вызывает подмену понятий «литература» и «модерная поэзия». Первая глава «Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар» призвана в том числе указать на отсутствие знака равенства между ними. Правда, в общей картине несколько теряется значение западноевропейского опыта, который постоянно подпитывал как практику, так и представления писателей XVIII в. о границах и нормах литературы. Так, исследователь указывает на противоречие: В. К. Тредиаковский обращается к читателям, называя их — во множественном числе — «титованными, искуснейшими, упражняющимися» в стихотворстве, а в реальности под совокупность этих условий подходил один А. Д. Кантемир (с. 44). Любое предположение, зачем Тредиаковский допускал такое странное обращение, должно учитывать зависимость от модели, которую предлагали французские поэтические трактаты и которую Тредиаковский, очевидно, воспроизводил.

Парадоксальным и ярким высказыванием «Удивительно не то, что в первые десятилетия XVIII в. русских стихотворцев было немного, а то, что они вообще были» (с. 47) А. А. Костин подводит итог: в закрытом поле поэзии первой половины XVIII в. потребителями были сами же агенты этого поля². Анализ изменений проговариваемого Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским отношения к читателю (особенно любопытно сравнение ранних и поздних высказываний Тредиаковского о состязании в переложении 143-го псалма в 1744 г.) приводит к утверждению, что к концу 1740-х — началу 1750-х гг. «закрытость поля поэзии» сменилась «размытием его границ» (с. 55).

Выскажем — схематично — наш взгляд на проблему. Если сдвинуть хронологическую границу до середины XVII в., картина может получиться иной. Социальный облик русской поэзии переживал долгий переход от частного стихотворства приказной школы к поэзии, осененной придворным, служебным и, наконец, государственным долгом. На место личного пристрастия, «забавы» упражнявшихся в словесности переводчиков приходит в качестве мотивировки функция пользы, потом уже постепенно переносившаяся с общественного на частное. Новая автономизация начинает проявляться лишь с конца XVIII в. в течение всей первой половины XIX столетия. И параллельно этому процессу фигура придворного поэта через промежуточный тип государственного поэта порождает взаимодействующего с обществом гражданского поэта. Особая роль в этой конструкции будет у Кантемира, который застал ориентированную на Двор традицию и в своем творчестве сформировал особую категорию, связанную с автономизацией, — отделенную от автора фигуру читателя (внутри текста — через систему обращений и примечаний). Но сразу же после Кантемира что-то пошло не так. Идеальный читатель Тредиаковского равен Тредиаковскому, как и Ломоносова — Ломоносову.

² Ср. хорошо известное высказывание Г. Н. Теплова 1755 (!) г.: «По сие время все русские стихотворцы персонально нам ведомы» [Пекарский 1873: 189].

В таком ракурсе разговора о социальном поле литературы XVII–XVIII вв. ее утилитарный/неутилитарный характер важнее форм разграничения печатного и рукописного, светского и церковного. Между тем, по Костину, процесс автономизации шел параллельно с вытеснением церковной печати из роли медиа, устанавливающего моду и транслирующего актуальную стихотворную культуру (статистика появления новых стихотворных текстов в кириллических изданиях XVIII в., на которой основаны эти выводы, представлена в виде убедительных графиков), во второй трети столетия «эта функция остается лишь за изданиями гражданского шрифта» (с. 57)³.

Фундированность написанных Костиным глав не менее впечатляет, чем давно проявившееся свойство его работ, отмеченных неожиданным поворотом мысли, приложением необычных инструментов к уже, казалось бы, хорошо знакомому материалу. Написанная им же вторая глава «Вымыслы поэтические и преступные: литература среди других институций письма» в полной мере соответствует этой характеристике и предлагает новый взгляд на широко распространенную в литературе XVIII в. критику подъячих через со- и противопоставление их языка и «славы» с поэтическими.

Еще одной формой автономизации (а с другой стороны — институциализации), относящейся к закату данной эпохи, являются литературные объединения, кружки и салоны начала XIX в., о которых идет речь в статье А. С. Бодровой «Институциональный статус литературных обществ второй половины 1810-х годов». Сосредоточившись на Российской академии и ВОЛРС, исследовательница изучает «многочисленные точки напряжения и области конкуренции между общественными институтами второй половины 1810-х гг. и государственными институциями», демонстрирующие «сложное взаимоналожение личных, кружковых, бюрократических отношений» (с. 103).

Целью **второго раздела** (об эволюции публичной сферы в 1840–1850-х гг.) названо исследование «разработки новых форм социальной коммуникации», которое «приводит к качественным сдвигам в публичной сфере, распространению новых интеллектуальных, политических и литературных практик» (с. 29). Составители сравнивают это с подходом Роже Шартье, согласно которому «распространение книгопечатания и современной литературы готовило почву для политических и интеллектуальных потрясений эпохи Великой французской революции» (с. 29). В самом разделе идет речь о других явлениях и работы Шартье упоминаются лишь однажды (с. 153). Параллель с ними требует другого материала, чем представленный, например, изучение того, как кружки и журналы стали базой общественного движения 1840-х, а затем конца 1850-х — 1860-х гг. Повод к сравнению, однако, этот раздел дает: связь между литературой и политикой анализируется не в самих текстах, используемых метафорах, истории их создания и т. п. (как это было образцово выполнено у А. Л. Зорина⁴), а в институциях, через которые они распространяются.

³ Понятие «печатная гражданским шрифтом поэзия» рефреном проходит через всю главу.

⁴ Симптоматично, что достижения Зорина и близких к его направлению ученых (В. Ю. Проскуриной, М. Л. Майофис и др.) находятся на периферии исследования: здесь они если и упоминаются, то лишь как источник конкретных сведений.

При этом главы М. Б. Велижева («Публичная сфера и политическая мысль: институты полемики в ранней истории западничества и славянофильства») и Е. И. Вожик («Фельетоны журнала “Современник” и формирование публичной сферы в 1850-е годы») представляют разные исследовательские подходы. В первом случае перед нами скорее институциональная история; в результате анализа выясняется, что форма организации полемики влияла на ее содержание едва ли не больше, чем идеи, с которыми подходили к ее началу участники. Вторая работа ориентирована на исследование функции жанра (т. е. «тыняновского», а не «эйхенбаумовского» видения литературы), здесь — журнального фельетона, который, как особая художественно-публицистическая форма, пережил разные периоды, характеризующиеся и игровым, и политическим содержанием (что заставляет вспомнить о более поздних явлениях, например, о «фельетоне за все лето» Ф. М. Достоевского — «Зимних заметках о летних впечатлениях», форма и смысл которых ведет в перспективе к «Дневнику писателя»).

Глава, написанная М. Б. Велижевым, не так охотно открывает читателю свою филологическую природу. Его исследование построено на архивных материалах (переписка участников собраний, рукописи работ), но их введение в научный оборот не самоцель. В фокусе внимания общественная история — полемика А. С. Хомякова и И. С. Киреевского с Т. Н. Грановским. Велижев полагает, что описание только самих идей, высказанных в ходе ее, «не раскрывает всей механики дискуссий» (с. 139). Битва умов была не только интеллектуальным упражнением, в ее подтексте было соперничество за воздействие на молодежь. «Суть противостояния заключалась» в «благородном соревновании между носителями разных взглядов» (с. 141), в ходе которого каждая из сторон выбрала определенный институт, позволявший ей получить поддержку — салон или университетскую кафедру. Упор на «механику дискуссий» (с. 139) помогает выявить, например, что мода на гегельянство определяла структуру спора: обе стороны прекрасно ориентировались в вопросе и, кроме того, считывали стратегию друг друга (славянофилы полемизировали с немецким рационализмом, породившим философию Гегеля, а Грановский возражал им, используя принципы гегелевской логики). Дальнейший анализ подтверждает это. Грановский и Бакунин, несмотря на известное сходство взглядов, расходятся сильнее, чем Грановский и Киреевские, и М. Б. Велижев связывает это с разными стратегиями социального поведения и полемики. Но когда выстраивается цепочка таких сопоставлений (Бакунин и Белинский, Белинский и Станкевич), появляется сомнение: моделями ли было обусловлено их поведение — или в каждом случае проявлялись особенности личности конкретного человека. Это остается не проясненным⁵.

Сделаем небольшое предположение. Может быть, не нужно искать конкретный источник в следующем случае. Грановский пишет к Станкевичу осенью 1839 г.: «Киреевский говорит эти вещи [о том, что Запад сгнил и т. д. — В. Ф., А. С.] в прозе, Хомяков — в стихах» (с. 134). Исследователь определяет, к каким

⁵ Возможно, отчасти ответ на этот вопрос содержится в других работах Велижева, на которые он ссылается в своей главе, в том числе в авторской монографии 2022 г. Подобных ссылок много почти в каждой главе, что говорит, на наш взгляд, об ограниченности данного исследования в научной биографии его авторов.

стихотворениям Хомякова это замечание могло относиться, и задается вопросом, за неимением сведений о статьях Киреевского, написанных до указанного времени, что же подразумевается под его «прозой». Однако в приведенной цитате Грановский не информирует о чтении какого-либо произведения, а рассуждает о «философии этих людей» (славянофилов). Естественнее всего подумать, что он описывает разговоры, в которых Киреевский высказывал идеи, отразившиеся позже в статьях; проза здесь — вполне возможно, просто «не стихи» или даже «не литература».

Третий раздел книги начинается главой о цензуре, несомненно, важнейшей из литературных институций XIX в., в нем пересматриваются некоторые закрепившиеся в научной традиции положения (основная функция цензуры — политический надзор за публикациями; служба противостоит творчеству, цензоры — писателям и т. д.). Сразу скажем, что доводы к пересмотру выглядят убедительными. В то же время из трех глав этого раздела две, А. С. Федотова и К. Ю. Зубкова, посвящены театру и отчасти развивают темы их монографий в этой области [Федотов 2016; Зубков 2023].

Отталкиваясь от идеи П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона о том, что «литература регулярно приходит в конфликт с окружающим обществом, вызывая у него стремление ограничить свободу самовыражения писателя» (с. 177), К. Ю. Зубков распространяет это положение на театральную цензуру. По его мнению, будучи частью государственной машины, она одновременно являлась производной от состояния общественного развития. В своих вердиктах цензоры исходили не только из принципов политического контроля, но и из представлений о публике и ее поведении, а также о моральных нормах общества, менявшихся со временем (и, в свою очередь, оказывали влияние на их формирование). Важнейший контекст исследования — описание устройства цензуры в других европейских странах, где ее положение было схожим. Как отмечает Зубков, русские цензоры были «близки к их английским и французским коллегам, также обеспокоенным угрозой “приличному” обществу со стороны низов» (с. 210). Вынося решения, они учитывали, наравне с текстами пьес (и содержащимися в них объективными промахами мимо устава), предполагавшуюся реакцию на них «простого зрителя», который был, конечно, конструктором. Обвинение пьесы в «аморальности» оказывалось результатом прежде всего литературной неумелости автора, в силу которой постановка могла произвести сомнительное в политическом и религиозном отношении впечатление (с. 193). При этом «тесная связь “нравственного достоинства” и общественного положения героя приводила к неразграничению “моральной” и политической цензуры» (с. 194). То есть цензоры, со своими индивидуальными «настройками», оказывались проводниками как влияния общества на театр, так и контроля над ним со стороны власти, поставившей их на эту должность.

Исследователь подчеркивает изменчивость норм, «конкретных представлений цензоров о том, что именно “прилично” и “неприлично”, какие общественные группы имеют право это определять и как надлежит за этими приличиями следить» (с. 195), а также акцентирует внимание на том, как сами цензоры видели свою задачу во время того или иного царствования: «Цензоры николаевского времени, таким образом, занимали покровительственную позицию, стремясь воспитывать всех зрителей, как образованных, так и простонародье» (с. 202); в эпоху

Александра II они предполагали в зрителях уже «реакцию на авторскую позицию и результат самостоятельных интеллектуальных и эмоциональных усилий» (с. 205); но мало проясняет механику изменений. Согласимся с высказанными при обсуждении этой темы предложениями. Даже если мы не можем установить, зрители из каких сословий и в каких пропорциях ходили в театр, очевидно, что общество в театре менее однородно, чем читательское, и смешение норм можно предположительно связать с тем, как менялся состав театральной публики.

К. Ю. Зубков переносит акцент с историко-политических обстоятельств на само взаимодействие между цензурой, обществом и театральными деятелями. В этом плане ценны отдельные наблюдения, например, о том, что члены Совета министра внутренних дел по делам печати «принимали решения коллегиально и должны были развернуто обосновывать свою позицию» (с. 206), в чем нужно усматривать признак ориентации на общественную функцию цензуры, а не на репрессивную. Для цензоров как участников взаимодействия главным объектом охранения было не достоинство религии или монархии, а «единство общества в целом», как бы они ни понимали средства его достижения: по-николаевски покровительственно или по-александровски перформативно.

Влияние личности цензора на процесс К. Ю. Зубков разбирает в целом, а один из самых известных примеров получает освещение в следующей главе. С. Н. Гуськов рассматривает соотношение между служебной и творческой деятельностью Гончарова и описывает разные варианты их взаимодействия.

В главе «Пореформенный театр в поисках автономии: падение театральной монополии и сопутствующие процессы» А. С. Федотов уделяет первостепенное внимание одному из процессов, может быть, не очень удачно названных сопутствующими: переходу драматургии из состояния прикладной деятельности для театра в положение самостоятельного литературного института. Экономический же аспект — формирование рыночных отношений в русском театре — как раз играет дополнительную роль по отношению к нему. Выстроенный во многом вокруг фигуры А. Н. Островского сюжет позволил рассмотреть, как идеология, доминировавшая в празднованиях 100- и 200-летия русского театра (с разницей в 15 лет), связана с тем, в какой сфере — власти или сообщества драматургов соответственно — возникла инициатива отметить эти даты проведением конкурса пьес.

Четвертый раздел «Писательские сообщества и проблемы автономизации литературы во второй половине XIX в.» объединяет две работы. Первая из них — М. С. Макеева — посвящена Литературному фонду, выработке принципов его деятельности и проблемам, с которыми он столкнулся. Основная заключалась в выборе, кому из просителей выделить помощь, поскольку «количество заявок с самого начала превысило возможности Фонда» (с. 286). Сомнения и аргументы отразились во многих протоколах фондового комитета, выдержки из которых публикуются в главе⁶. Первоначальные критерии для выделения пособия — «заслуги перед просвещением», эстетические принципы — должны были довольствовать над человеческой «остротой нужды и страданий» просителя (с. 278). На

⁶ М. С. Макеев указывает, что обзор «частично основан на материалах и выводах выпускной бакалаврской работы А. О. Минервиной» (филологический факультет МГУ, 2014) (с. 282).

практике литфондовцы столкнулись с необходимостью определения профессионального литератора, размытостью границ между литературой и наукой, между разными сферами литературного труда (издатели, редакторы и переводчики), и вопросом, что отделяет «любителя» от «настоящего» писателя. В конечном счете установление критериев упирается в то, кого в принципе можно признать писателем, и характеризует не только саму организацию и ее основателей, но и широкое сообщество. До основания Литфонда, парадоксально, не возникало такого вопроса, но и до начала XX в. групповая самоидентификация оставалась актуальной. Проблемы, с которыми сталкивалась первая в России автономная писательская организация, потом вставали перед другими⁷.

В ходе работы Фонда все же «на первый план вышли проблемы нужды и страданий» (с. 289), но квалификация кандидатов по-прежнему играла существенную роль. Приведенные М. С. Макеевым примеры успешных и безуспешных обращений за помощью (Л. И. Пальмин, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, П. П. Каменский) показывают, что пособия и ссуды выдавались с опорой на «признание и репутацию» в литературном сообществе, а «оценка качества произведений подменялась оценкой характера просителя и степени его преданности литературе» (с. 292).

Очерк Макеева порождает размышления о том, как сложилась судьба литературной организации, как бы предрешенная содержанием самой литературы: «дружининская эстетическая утопия» не была воплощена, деятельность Фонда отразила «русскую литературу с ее гуманистическими тенденциями, с царящим в ней беспорядком в сфере эстетических оценок и иерархий...» (с. 293). Все же организация не была полностью автономной: ее контролировало Министерство народного просвещения, кассу Фонда поддерживали пожертвования из того же Министерства и из личных средств Александра II. Но в этой главе основным объектом, как нам кажется, выступает не функционирование институции, а явление, которое вообще вызвало ее к жизни: существование профессионального писателя и понятие о нем.

Работа А. И. Рейтблата «Русская литературная богема (1860–1880-е годы)» продолжает тему, поднятую в предыдущей главе, — статус литератора, только рассказывает не о выявлении профессиональных критериев организацией, имеющей структуру и устав, а об устройстве сообщества, складывающегося стихийно. «Богема» — это его ретроспективное самоназвание, причем от богемы, которая связана с художественно-артистическим миром и понятие о которой пришло из французской традиции, она отличается как составом (наемные работники пера, получавшие мелкие задания от журналов), так и идейно: представители этой богемы были далеки от «идеи искусства как автономной сферы» (с. 302).

⁷ См., например, «Инструкцию о приеме членов профессионального Союза деятелей художественной литературы» 1917 г. [Муромский 2002: 133–135]: критериями служили публикации, печатные листы и другие единицы объема, в зависимости от того, к какой специализации относился кандидат в Союз (так, драматург должен был написать не менее четырех актов). Более поздней параллелью могут служить критерии вхождения в словари писателей XVIII и XIX в., — проблема, очевидно, знакомая многим из участников коллективной монографии — корреспондентам этих словарей.

Периодические издания, число которых в 1860-е гг. увеличилось, нужно было заполнять оригинальными материалами, что повлекло за собой появление множества литераторов, специализирующихся на мелких заметках, оплата их труда была низкой, в итоге сложился «тип перебивающегося с “хлеба на квас” писателя» (с. 299). Самосознание данной группы складывалось, помимо профессиональной общности, из принципиальной свободы (в силу бедности подразумевавшей маргинальное поведение) и «чувства исполнения общественного долга». Богема имела и свои формы самоорганизации, и типичное место сбора — трактиры, где не только пили, но в первую очередь обменивались информацией и продавали свои услуги или получали задание (с. 307–309).

«Этаж» этого явления в общей картине литературы — низовой, чему способствовали объективные критерии: экономическое и социальное положение, уровень образования. Пока верхние слои институционализировались (и не признавали богему: обращения ее представителей в Литературный фонд, свидетельства которых приводит Рейтблат, оставались, как правило, без положительного рассмотрения), богема исчезла, потому что «росло число низовых изданий и повышался уровень их “солидности”, увеличивались гонорары в них» (с. 310).

А. И. Рейтблат смог создать коллективный портрет мимолетного явления, используя немногочисленные источники, в которых оно только и могло быть зафиксировано: воспоминания и беллетристические тексты, описывающие образ жизни и социальный статус этих литераторов (попутно даны атрибуты, расшифровки псевдонимов и прототипов⁸).

Несмотря на то что структура книги в целом подчиняется хронологии, исследование концентрируется прежде всего на периоде двух правлений: Николая I и Александра II (и, в меньшей степени, Александра III). **Пятый и заключительный раздел** — «Литература и просветительские проекты в Российской империи», как и другие, не подменяет собой диахроническую позитивистскую «эволюцию», но рассматривает отдельную узловую тему. Все необходимые аспекты истории связи русской литературы с образованием, если бы писали ее, было бы не вместить в одну книгу, откуда ни начинать, со Славяно-греко-латинской академии и Сухопутного шляхетного корпуса или с И. И. Бецкого и Н. И. Новикова. Объединенные же в разделе кейсы принадлежат к середине — второй половине XIX в., и завершает книгу работа Я. Я. Агафоновой, материал которой охватывает период до 1917 г.

А. В. Вдовин («От “Полной русской хрестоматии” к первой программе по литературе: становление стандартов литературного образования в России и педагогические проекты А. Д. Галахова 1840–1850-х годов»), продолжая свои исследования в области формирования литературного канона в школе, обратился теперь не к содержащим набор ключевых текстов хрестоматиям, но уже к программам обучения, которыми обоснован отбор этих текстов, вслед за, как написано, «французской, немецкой и англосаксонской [?!] социологией литературы» (с. 316). В центре его главы — появление в России особого института, стабильной

⁸ В данном случае мы имеем дело не с продолжением предыдущих работ, а с намеченной перспективой, идеей нового словаря, см.: [Рейтблат 2024а; Рейтблат 2024б].

программы изучения словесности. Вдовин опирается на понимание института как системы, включающей правила, организацию, нормы и периодически повторяемые действия людей, — определение, введенное экономистом А. Грейфом. Хотя остальные авторы книги не пошли по пути эксплицирования теории, но их взгляд на институты в целом, кажется, близок принятому в этой главе, а иногда практически идентичен, как, например, у К. Ю. Зубкова (с. 179).

Исследователь исходит из того, что включение в программу произведений какого-либо писателя — важный показатель как его канонизации, так и укрепления престижа и даже сакрализации современной литературы (с. 328). Это возможно потому, что (и добавим — когда) школьное изучение современной национальной словесности является частью института литературы. Значимость изучения преподавания литературы вряд ли можно преувеличить, но следует отметить, что оно обосновано не только теорией Грейфа, но и комплексом предшествующих работ самого автора, отсылки к которым он делает.

По гипотезе Вдовина, специфику проектов Галахова (хрестоматия и программа) определило то, что идея их необходимости родилась в ведомственной конкуренции «институтов женского и военного образования» с Министерством народного просвещения (с. 33); там же шла их разработка и стандартизация. Примечательно, что немаловажную роль в формировании программы сыграли необходимость распространения идеологии «православия, самодержавия и народности» (с. 330), а также процесс централизации управления учебными заведениями.

Суть изменений заключалась в «модернизации» материала, которая влекла за собой трансформацию практики обучения: на место «элитарного усвоения лучших образцов античной литературы» приходила известная вовлеченность в современный литературный процесс. Укажем, что внешне похожим образом поступал еще в начале XIX в. в своих учебных пособиях Н. И. Греч, объединявший литературу переводную и оригинальную, старую и современную. Новизной хрестоматии и программы Галахова — «основанных на интерпретации национальной литературы», было призывание «объединить представителей сословий империи в качестве граждан-патриотов» (с. 348), что стало возможным во взаимодействии с институцией и не могло осуществиться вне этого усилия энтузиастов-одиночек.

История, описанная в главе Ю. И. Красносельской «“Общество это составляю я один”: генезис и рецепция педагогического проекта Л. Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития», подтверждает это правило. Рассказывая о безуспешной борьбе Толстого за передачу приоритета в области народного просвещения от литературных журналов сообществу единомышленников, исследовательница в качестве причины неудачи отмечает то обстоятельство, что «рефлексия по поводу этой практической деятельности осуществлялась и в рамках литературных институтов (прежде всего журнальной критики), представители которых имели иную точку зрения на организацию таких сообществ, расстановку сил внутри них, их идеологию» (с. 353). На наш взгляд, эта глава ближе других подходит к осмыслению моды как социального феномена — еще одного литературного института, который выборочно освещается в других разделах.

В главе «Чтения для народа как государственный просветительский проект в поздний период Российской империи» Я. Я. Агафонова рассматривает еще одну, помимо цензуры и образовательных программ, форму взаимодействия государства и литературы. Анализ просветительской и издательской деятельности Комиссии по устройству народных чтений (с 1872 г.) опирается на использование термина «делегируемое чтение». Здесь так же, как в случае чтения ребенку, за выбор отвечал не сам читатель и в роли «родителя» выступало правительство. Поддержка от «высших кругов образованного общества» обеспечивала функционирование чтений как «инструмента идеологической пропаганды» (с. 410).

Одну часть работы составляет общее осмысление явления. Как и в случае с «простым зрителем» театрального цензора, народный читатель описывается как выстроенный концепт, «продукт социального воображения» (с. 400), «в изобретении которого Комиссия сыграла важную роль» (с. 435), «специфический адресат, сконструированный официальной повесткой» (с. 400), «элемент воображаемой национальной идентичности» (с. 401) и т. д. Другую — анализ устройства чтений и изданий, для которых определяется модель — «популяризация лучших образцов мировой литературы» (с. 406). Ядро канона составили Шекспир, Пушкин и Кольцов. Примечательна и регламентация самих чтений: исполнение «чтецами, получившими разрешение у губернатора», «строго по тексту», «надзор директорами училищ» (с. 415).

Наблюдения над изданиями разной тематики: религиозной, географической, исторической литературой, произведениями русских и западных авторов, — может быть, не очень показательны из-за сравнительно малого числа наименований в некоторые периоды (например, в 1872–1881 гг. вышли пять изданий по религии, одно путешествие, шесть по истории, три относящихся к художественной литературе), но общую тенденцию отражают. История изданий приведена в таблицах по периодам руководства, так как глава Комиссии имел решающее влияние на репертуар (периодизация, скажем, условная, поскольку отчасти совпадает с царствованиями). Издания по исторической и военной темам служили тому, чтобы показать, что Россия — «часть глобального мира и должна развиваться по примеру просвещенных европейских империй», и одновременно «внушить национальную гордость и мобилизовать народ на защиту Российской империи» (с. 421).

Составленная исследовательницей база данных изданий Комиссии доступна в формате Excel по приведенной ссылке на нее в Интернете. Жаль, что к самой статье список книг не прилагается, хотя он и утяжелил бы книгу.

Пожалуй, в последней главе государство выходит на сцену заметнее всего, но почти из любой главы ясно: оно постоянно присутствует в качестве фактора, воздействующего на объект исследования. В названии конференции, проведенной в 2020 г. в Пушкинском Доме участниками проекта, и эта, и хронологическая составляющие выражены, пожалуй, более отчетливо: «Институты литературы и государственная власть в России XIX века»⁹. Изменение названия, думаем, связано не только с итоговым составом участников монографии и выбранных ими

⁹ В представленных на ней докладах были затронуты и темы, не вошедшие в итоговое исследование. Хронику конференции см.: [Бодрова, Гуськов, Зубков 2021].

сюжетов. Выделить в таком многогранном явлении какой-то один элемент, тем более довольно абстрактный, как государство, нельзя: это усилило бы внимание к давлению, постоянно, как мы привыкли думать, им оказываемому. В реальности, как показывает исследование, все сложнее.

Мы не случайно делали оговорки о том, что следы того или иного сюжета, родственные явления можно найти в предшествующей или последующей эпохе: XVIII и XX столетиям в книге уделено отрывочное внимание. Такие «находки», число которых легко умножит любой читатель, не означают, что предложенные авторами коллективной монографии построения сомнительны. Просто это не история и не изложение готовой концепции; не энциклопедия, а рабочий инструмент. Нити протягиваются в разные стороны, а потому книга пригодится еще многим, кто пока, ограничившись просмотром оглавления и не увидев работ по своим интересам, отложил ее в сторону.

И все же не покидает ощущение, что исторического измерения не хватает, вероятно, из-за спрятанной за пределами текста экспозиции. Авторы, как правило, адресуются к читателям, держащим в фокусе конкретную проблему. Предварительное знакомство с азами материала каждой из глав не обязательно, но поможет вникнуть в нюансы исследования и получить многоплановую картину. Вряд ли найдет читатель, способный охватить всё; и обратное: никто еще не готов представить полного описания институций даже одного только XIX в. И пусть это пока не обобщение, а начало пути к нему, отличие книги от близких по теме работ предшественников в том, что совокупность исследований складывается в интересный и подробный рассказ не об одной проблеме, а о том, как было устроено «поле» русской литературы на примере целого ряда институций. Залогом цельности выступает позиция, объединяющая авторов, а каждую главу легко представить самостоятельным очерком. Останавливаясь на них с разной степенью подробности, мы хотели бы передать возникшее у нас ощущение доступности изложения, как материала, так и рассмотренных с его привлечением проблем, которые оказываются понятны филологам, занимающимся другими эпохами, и без исторических предисловий.

Переиздание монографии, безусловно, необходимо для пополнения библиотек российских вузов (и списков чтения для студентов-филологов), независимо от того, решат ли составители дополнять текст новыми разделами и главами. Но при этом желательно устранить мелкие погрешности в аппарате книги. Библиографические описания в списке литературы не предварены уникальным шифром, используемым в самом тексте книги, в результате иногда трудно понять, на какую из вышедших в одном году работ одного автора дается ссылка. Отсутствие сносок здесь редкое явление, но в одном случае оно бросается в глаза, поскольку обернулось весьма значимой для темы монографии опечаткой: «Почти столетие назад в статье “Литературный факт” Б. М. Эйхенбаум утверждал, что в силу современных обстоятельств наиболее актуальным предметом исследований становится “не литература сама по себе, а ее социальное бытование”» (с. 7). Утверждение Эйхенбаума, конечно, содержится в его статье «Литературный быт». Впрочем, искажение в первой строке введения не задает тон всей книге: «факты» в ней не заслоняют ни «быт», ни другие важные для изучения социального поля литературы понятия.

В заключение два слова о «литературоведческом быте», который лишь в малой степени отражают скупые строки «сведений об авторах». Среди них есть и признанные лидеры в своих направлениях науки, и совсем еще молодые ученые. Но костяк группы исследователей, объединившихся в монографии, — представители поколения, начавшего входить в науку в середине 2000-х — 2010-х гг. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в эти годы институции филологии перестали быть «домами» отдельных школ, объединившись в пространство открытого диалога и дискуссий, свободных как от идеологических ограничений, так и от привычки с ними бороться. Особенно это важно для изучения литературы XIX в., взгляд на которую в это время пересобирали заново¹⁰. Используя возможность, которой были лишены предшественники, — растить свой потенциал (и профессиональный, и личностный) в свободных условиях, это поколение, не манифестируя громко свои намерения, не имея генерального плана, руководствуясь интересами и собственным исследовательским чутьем, работало над частными историко-литературными проблемами в условиях «кризиса филологии». Большие надежды, лелеемые самыми мобильными и деятельными его представителями, наткнулись на заслон, для преодоления которого, увы, мало и выработанных качеств, и усилий существующих институций. Обсуждаемая книга поможет будущим историкам науки представить коллективный портрет этого поколения и подвести (надеемся, промежуточный) итог его деятельности.

Библиография

Бодрова 2021

Бодрова А. С., Литературные общества в России первой половины XIX в.: проблемы междисциплинарного описания, *Русская литература*, 1, 2021, 5–18.

Бодрова, Гуськов, Зубков 2021

Бодрова А., Гуськов С., Зубков К., Международная научная конференция «Институты литературы и государственная власть в России XIX века», *Новое литературное обозрение*, 5/171, 2021, 414–422.

Загидуллина 2024

Загидуллина М., История литературы как социального института, *Новое литературное обозрение*, 5/189, 2024, 304–315.

Зубков 2014

Зубков К., Наука о литературе и литературная классика: опыт критического обзора юбилейной гончаровской литературы, *Slavica Revalensia*, 1, 2014, 155–175.

——— 2021

Зубков К. Ю., *Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II*, Москва, 2021.

——— 2023

Зубков К. Ю., *Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века*, Москва, 2023.

Козлов 2024

Козлов А. Е., «Литература есть мир промышленный», *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 23/6, 2024, 143–147.

¹⁰ См. пример рефлексии об этом: [Зубков 2014].

Муромский 2002

Муромский В. П., publ., Союз деятелей художественной литературы (1918 — 1919 гг.), *Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы: В 2 кн., 1. С.-Петербург, 2002, 125–196.*

Пекарский 1873

Пекарский П. П., *История Императорской Академии наук в Петербурге, 2. С.-Петербург, 1873.*

Рейтблат 2009

Рейтблат А. И., Литературные премии в дореволюционной России, Idem, *От Бовы к Бальмонту*. Москва, 2009, 330–348.

——— 2024a

Рейтблат А. И., «Прототип» как научная категория, *Новое литературное обозрение*, 1/185, 2024, 175–189.

——— 2024b

Рейтблат А. И., Русские писатели как прототипы литературных персонажей. (Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX — начала XX века), *Литературный факт*, 2/32, 2024, 379–428.

Федотов 2016

Федотов А. С., *Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов*, Тарту, 2016.

References

Bodrova A. S., Literary Societies in Russia in the First Half of the 19th Century: Approaches to an Interdisciplinary Description, *Russkaia Literatura*, 1, 2021, 5–18.

Bodrova A., Guskov S., Zubkov K., Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Instituty literatury i gosudarstvennaia vlast' v Rossii 19 veka", *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5/171, 2021, 414–422.

Fedotov A. S., *Russian Theatrical Magazine in the Cultural Context of the 1840s*, Tartu, 2016.

Kozlov A. E. "Literature is an Industrial World", *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 23/6, 2024, 143–147.

Muromsky V. P., publ., Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918 — 1919 gg.), *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda–Leningrada 1910–1930-kh godov. Issledovaniia i materialy*, 1. St. Petersburg, 2002, 125–196.

Reitblat A. I., Literaturnye premii v dorevoliutsionnoi Rossii, Idem, *Ot Bovy k Bal'montu*. Moscow, 2009, 330–348.

Reitblat A. I., Literary Character Prototype as a Scientific Category, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1/185, 2024, 175–189.

Reitblat A. I., Russian Writers as Prototypes of Literary Characters. (Materials for a Dictionary of Prototypes in Russian Literature of the 19th — Early 20th Centuries), *Literary Fact*, 2/32, 2024, 379–428.

Zagidullina M., Istoriia literatury kak sotsial'nogo instituta, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5/189, 2024, 304–315.

Zubkov K., Literary criticism and the literary canon: A survey of the literature devoted to Ivan Goncharov's bicentennial (2012), *Slavica Revalensia*, 1, 2014, 155–175.

Zubkov K. Yu., *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra 2*, Moscow, 2021.

Zubkov K. Yu., *Prosveshchat' i karat'. Funktsii tsensury v Rossiiskoi imperii serediny XIX veka*, Moscow, 2023.

Андрей Юрьевич Соловьев, кандидат филологических наук, научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4

Россия / Russia

an.solovjov@gmail.com

Вера Владимировна Филичева, кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4
Россия / Russia
Intfmd@rambler.ru

Received December 24, 2024

Периодическое издание

SLOVĚNE - СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 14. № 1

Институт славяноведения РАН,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
2025

Подписано в печать 21 • VIII • 2025 г. Формат 70×100/16.
Объем 24,1 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.